

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

1

2024

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2024

Том 30

№ 1

Январь – Март

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2024

Volume 30

№ 1

January – March

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.1. ПРАВО; 5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ОСИПЕНКО ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA OSIPENKO
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH
Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA
Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kuban State University (Krasnodar)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (г. Волгоград)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd)

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

СУПРУН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник отдела классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
русского языка, Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина (г. Тамбов)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права, Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VASILY IVANOVICH SUPRUN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
Chief Researcher of the Department of Western Classic
Literature and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

SHCHERBAK ANTONINA SEMYONOVNA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language,
Derzhavin Tambov State University (Tambov)

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law, University of Economy
for the Bulgarian Nation and World, Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

7 От редколлегии

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 **Новиков М.В.**
Советская дипломатическая поддержка
Китайской Республики в 1937–1939 гг.
- 17 **Никифоров Ю.С.**
Областная партконференция и обком КПСС
как институты региональной власти поздней советской
эпохи (на материале Верхневолжских областей)
- 25 **Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В.**
«Колесо обозрения»: женская социальная память о жизни
гидростроителей в сибирских Черёмушках 1970-х гг.
- 31 **Ковалева С.В., Волкова Е.Ю.**
Трудовой фронт Костромской земли
(на материалах газеты «За сталинский урожай» 1942 г.)
- 37 **Ильин Ю.А., Комолов Д.Е.**
Всесоюзный текстильный синдикат: проект оптимизации
хлопчатобумажного производства путём реформирова-
ния структуры управления трестами (1928–1929 гг.)
- 45 **Спичак А.В.**
Трудности бракоразводного процесса крестьян в начале
XX в. (на примере Тобольской епархии)
- 53 **Карандашев Г.В.**
Проституция в повседневной жизни г. Рыбинска
во второй половине XIX – начале XX вв.
- 61 **Батунаев Э.В.**
Партийно-политические элиты в трансформации
монгольского общества в 20–30-е гг. XX в.
- 67 **Сединкин А.Н.**
Эволюция отношения герцога Веллингтона
к проблеме эмансипации католиков

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 75 **Овчаренко О.А.**
Образ Бога в творчестве Фернанду Пессоа
- 81 **Склизкова А.П.**
Проблема самопонимания в творчестве Г. Гауптмана
на примере поздней драмы «Ифигения в Тавлиде»
- 89 **Новокрещенных И.А.**
Рецепция творчества Обри Бердсли
в романе Уиндема Льюиса «The Apes of God»
- 100 **Семенов В.Б.**
Первый английский сонет и его пародийная сущность
- 107 **Щукина М.С.**
Репрезентация евангельского кода
в романе Г.Л. Олди «Войти в образ»
сквозь призму шекспировской театральной метафоры
- 112 **Жиркова М.А., Капустина О.В.**
Государственная поддержка
сестры и невестки А.Н. Островского в советское время
- 122 **Юдникова А.А.**
Мотивы «смирения» и «духовного странствия»
в очерковом цикле Б.К. Зайцева «Афон»
- 130 **Кузнецова А.Н.**
Мотив сна в поэтическом сборнике В.Ф. Ходасевича
«Европейская ночь»
- 137 **Жиляков С.В.**
Мнемонический потенциал авторской эпиграммы
(на примере поэзии И. Губермана)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 144 **Галустьян Л.С., Сергеева Е.В.**
Особенности функционирования экспрессивной
сниженной лексики в современных
художественных текстах
- 149 **Богданова Е.А.**
Способы реализации персуазивности
в журнальном дискурсе

CONTENTS

7 From the editorial board

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 **M.V. Novikov**
Soviet diplomatic support
to the Republic of China in 1937–1939
- 17 **Yu.S. Nikiforov**
Communist Party's regional conference and regional
committee as institutions of regional power of the late Soviet
era (based on the material of the Upper Volga regions)
- 25 **N.L. Pushkareva, A.V. Zhidchenko**
“Ferris wheel”: female social memory of the everyday life
of hydraulic workers in Siberian Cheryomushki in the 1970s
- 31 **S.V. Kovaleva, E.Yu. Volkova**
Labour front of Kostroma land (based on the materials
of the newspaper “For the Stalinist Harvest” in 1942)
- 37 **Yu.A. Ilyin, D.E. Komolov**
The all-union textile syndicate:
a project to optimise cotton production
by reforming the trust management structure (1928–1929)
- 45 **A.V. Spichak**
Difficulties of the divorce process of peasants in the early
20th century (in terms of Tobolsk diocese)
- 53 **G.V. Karandashev**
Prostitution in the daily life of Rybinsk
in the 2nd half of the 19th – the early 20th cent
- 61 **E.V. Batunaev**
Communist Party's and politics' elites in the transformation
of Mongolian society in the 1920s to 30s
- 67 **A.N. Sedinkin**
Evolution of the attitude of Arthur Wellesley, 1st Duke of
Wellington, to the problem of Catholic emancipation

SCIENCE OF LITERATURE

- 75 **O.A. Ovcharenko**
Image of God in Fernando Pessoa Literary Works
- 81 **A.P. Sklizkova**
G.J.R. Hauptman's late drama “Iphigenie in Aulis”
in aspect of modernist discourse
- 89 **I.A. Novokreshchennykh**
Reception of Aubrey Beardsley's work
in the novel “The Apes of God” by Wyndham Lewis
- 100 **V.B. Semyonov**
The First English Sonnet and its Parodic Essence
- 107 **M.S. Shchukina**
Representation of the Gospel code
in the novel “Getting into Character” by H.L. Oldie through
the prism of Shakespeare's theatrical metaphor
- 112 **M.A. Zhirkova, O.V. Kapustina**
State support for Alexander Ostrovsky's sister
and sister-in-law under Soviet rule
- 122 **A.A. Yudnikova**
Motives of “humility” and “spiritual journey”
in the essay series by B.K. Zaitseva “Athos”
- 130 **A.N. Kuznetsova**
Dream motif in Vladislav Khodasevich's
poetry collection “European Night”
- 137 **S.V. Zhilyakov**
The mnemonic potential of the author's epigram
(using the example of Igor Guberman's poetry)

SCIENCE OF LANGUAGE

- 144 **L.S. Galustyan, E.V. Sergeyeva**
Features of functioning
of expressive reduced vocabulary
in contemporary fiction texts
- 149 **E.A. Bogdanova**
Means of persuasion
in journal discourse

157 Савватеева И.А.

Сопоставительный анализ понятия «поведение» и смежных с ним понятий в итальянском и английском языках

163 Шохра Мохаммед

Семантическое поле «Власть» в романе Владимира Максимова «Ковчег для незваных»

170 Селеменова О.А., Попова О.П.

Лексическая экспликация геокультурного бренда *Елец* в туристическом интернет-дискурсе

177 Копоть Л.В.

Гендерно маркированная лексика в интернет-дискурсе

185 Родина Н.А.

Динамика прозвищ российских военнослужащих

193 Уланова Е.Э.

Исследование невербальной коммуникации языковой личности синхронного переводчика

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**201 Груздев В.В.**

Государственное управление Делийского султаната в XIII–XV вв. (историко-правовой обзор)

206 Романовская В.Б., Безносова Я.В.

Ответственное отношение к животным в Российской империи второй половины XIX века (историко-правовой аспект)

213 Вольфсон В.Л.

Взаимодействие правовых систем как языковых общностей (часть первая)

222 Архипкин И.В., Корнакова С.В.

Феномен насилия в контексте соотношения морали и права

228 Крылова Д.В.

Повышение эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия в отношении должностных преступлений коррупционной направленности

236 Широкова П.В.

Основные этапы формирования уголовно-правовой статистики как направления деятельности прокуратуры

243 Орлова А.Н.

Государство и гражданское общество: сотрудничество и взаимосвязь

251 Павлова О.Г., Моисеева О.В.

Проблемы компенсации морального вреда в семейном праве Российской Федерации

КНИЖНАЯ ПОЛКА**258 Ганцовская Н.С.**

Т.В. Бахвалова «Русская диалектология» (Орёл, 2024) – книга для тех, кого интересует родной язык

260 Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г.

Марийский роман в историко-литературном и национально-культурном контексте XX–XXI веков

263 Груздев В.В.

Генезис учений о праве и государстве в научных работах исследователей нижегородской юридической школы

266 ТРЕБОВАНИЯ**К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ****157 I.A. Savvateeva**

Comparative analysis of the concept of “behavior” and related concepts in Italian and English languages

163 Shohra Mohammed

Semantic field “Power” in’s novel “The Arc for the Uninvited” by Vladimir Maksimov

170 O.A. Selemeneva, O.P. Popova

Lexical explication of the geocultural brand *Yelets* in the tourist Internet discourse

177 L.V. Kopot

Gender-marked vocabulary in Internet discourse

185 N.A. Rodina

Dynamics of nicknames of Russian servicemen

193 E.E. Ulanova

Study of nonverbal communication of conference interpreters’ linguistic personality

JURAL SCIENCE**201 V.V. Gruzdev**

Public administration of the Sultanate of Delhi in the 13th – 15th centuries (historical and legal review)

206 Ya.V. Beznosova, V.B. Romanovskaya

Fighting animal cruelty in the Russian Empire in the 2nd half of the 19th century (historical and legal aspect)

213 V.L. Volfson

The interaction of legal systems as linguistic communities (p. 1)

222 I.V. Arkhipkin, S.V. Kornakova

The phenomenon of violence in the context of the relationship between morality and law

228 D.V. Krylova

Improving the effectiveness of prosecutor’s supervision over the activities of preliminary investigation bodies in relation to corruption-related official crimes

236 P.V. Shirokova

The main stages of the formation of criminal statistics as an area of activity of the prosecutor’s office

243 A.N. Orlova

State and civil society: cooperation and interconnection

251 O.G. Pavlova, O.V. Moiseeva

Problems of compensation for moral damage in family law of the Russian Federation

BOOKSHELF**258 N.S. Gantsovskaya**

T.B. Bakhvalova «Russian dialectology» (Oryol, 2024) – A book for those interested in native russian language

260 F.Ya. Khabibullina, I.G. Ivanova

The Mari novel in the historical-literary and national-cultural context of the 20th – 21st centuries

263 V.V. Gruzdev

Juridical and statehood doctrines genesis in the scientific works of the researchers of Nizhny Novgorod school of law

266 REQUIREMENTS**TO REGISTRATION OF ARTICLES**

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дорогие читатели, авторы и друзья журнала «Вестник Костромского государственного университета»!

В этом году мы отмечаем тридцатилетие журнала!

Научный журнал – особенное издание, основной аудиторией которого являются ученые, исследователи, те, кому интересны проблемы науки и образования.

«Вестник Костромского государственного университета» был задуман и основан в 1994 г., как раз тогда, когда Костромской государственной педагогический институт им. Н.А. Некрасова получил статус университета и стал Костромским государственным педагогическим университетом им. Н.А. Некрасова. Журнал создавался как основная научная площадка университета, на страницах издания с первого же выпуска появились публикации известных ученых не только из Костромы, но также из научных и образовательных организаций других регионов России.

Журнал основывался в то время, когда ректором университета был Николай Михайлович Рассадин, остававшийся главным редактором на протяжении 20 лет. Огромный вклад в издание журнала был внесен Анатолием Григорьевичем Кирпичником – заместителем главного редактора журнала на протяжении 25 лет. Оказавшись у истоков основания журнала, именно А.Г. Кирпичник смог наладить и выверить слаженную деятельность редакции. Работая проректором по науке, а позднее и первым проректором университета, А.Г. Кирпичник всегда находил время для журнала, большое внимание уделял издаваемым научным материалам, неизменно председательствовал на заседаниях редакционной коллегии.

Как и Костромской государственной университет, «Вестник» до 2016 г. носил имя Николая Алексеевича Некрасова – русского классика, писателя и поэта, чья жизнь и творчество были тесно связаны с Костромой и Костромским краем. В 2016 г. в связи с объединением вузов Костромы название журнала несколько изменилось, он стал «Вестником Костромского государственного университета», повторяя название alma mater.

В момент основания журнал задумывался как научный и мультидисциплинарный – долгое время авторами его являлись ученые самых разных отраслей наук и специальностей. Пересматривая в последние несколько дней выпуски издания за прошедшие 29 лет, мы отметили значительное количество новаторских, актуальных статей как в области точных, так и в области гуманитарных наук.

Эффективность публикационной деятельности определяется не только перечислением имен известных ученых, которые являются авторами журнала, но и показателями. «Вестник КГУ» во все годы своего существования ориентировался на требования Министерства науки и высшего образования, при учреждении списка изданий, рекомендованных ВАК для публикации научных результатов на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, сразу же был включен в него. Журнал на протяжении всей истории существования оставался востребованным изданием в среде исследователей, доказательством чего служат высокие оценки экспертов, на основании которых формируются различные рейтинги научных изданий.

Постепенно «мода» на мультидисциплинарные научные журналы, широко освещающие результаты деятельности научных и образовательных организаций, прошла. Востребованными стали узкоспециальные издания, интересные специалистам определенных направлений в своей целостности. «Вестник Костромского государственного университета» всегда ориентировался на максимальную доступность и простоту поиска, в том числе в сети Интернет: большая часть выпусков журнала размещена в нескольких онлайн-библиотеках. На сайте издания и читатели, и авторы могут всегда найти всю необходимую информацию.

С 2016 г. журнал «Вестник Костромского государственного университета» перестал быть многоотраслевым, в настоящее время он уверенно развивается как научное издание, посвященное проблемам в области гуманитарных наук.

«Вестник Костромского государственного университета» за эти годы приобрел известность не только у ученых из университетов Москвы, Петербурга и других крупных городов России, но и исследователей из научных академических институтов. За последние несколько лет в журнале стали появляться тематические обзоры и специализированные рубрики.

В 2024 г., отмечая свое тридцатилетие, журнал, имеющий значительный научный задел, уверенно вступает в новую фазу развития, которая, будем надеяться, расширит научные горизонты издания.

*Редакционная коллегия журнала «Вестник
Костромского государственного университета»*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 8–16. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 8–16. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(510)“1937/1939”

EDN YSELLR

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-8-16>

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1937–1939 ГГ.

Новиков Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, m.novikov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0002-2498-8688>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об оказании Советским Союзом дипломатической поддержки Китайской Республике на начальном этапе Японо-китайской войны (1937–1939 гг.). Отмечается, что в связи с началом войны правительство Китая не получило реальной поддержки ни со стороны Лиги Наций, ни со стороны империалистических государств, не желавших ссориться с Японией. Подчеркивается, что руководство СССР неоднократно безуспешно пыталось договориться с империалистическими державами о коллективных действиях против Японии, включая прежде всего санкционную политику. Советская дипломатия была готова и в одиночку поддерживать различные внешнеполитические демарши руководства Китайской Республики. Приводятся данные о многочисленных выступлениях представителей СССР в Лиге Наций в поддержку Китая. Рассматривается активная позиция советской дипломатии в ходе проведения так называемой Брюссельской конференции, на рассмотрение которой Совет Лиги Наций делегировал проблему японской агрессии против Китая. Подчеркивается, что в ходе работы Брюссельской конференции делегации западных стран продемонстрировали, что они не хотят обострения отношений с Японией, они предложили лишь поиск мирных путей разрешения конфликта, отказались от принятия коллективных санкций против Японии и оказания жертве агрессии – Китаю – реальной международной помощи. Подчеркивается, что советские дипломаты продолжили поддержку различных инициатив правительства Китайской Республики в Лиге Наций вплоть до исключения СССР из этой организации 14 декабря 1939 г.

Ключевые слова: СССР, Китайская Республика, Японо-китайская война, Лига Наций, Брюссельская конференция, советская дипломатия, дипломатическая поддержка.

Для цитирования: Новиков М.В. Советская дипломатическая поддержка Китайской Республики в 1937–1939 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 8–16. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-8-16>

Research Article

SOVIET DIPLOMATIC SUPPORT TO THE REPUBLIC OF CHINA IN 1937–1939

Mikhail V. Novikov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honoured worker of science of the Russian Federation, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, m.novikov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0002-2498-8688>

Abstract. The article considers the issue of the Soviet Union's diplomatic support to the Republic of China at the initial stage of the Sino-Japanese War (1937–1939). It is noted that due to the outbreak of war, the Chinese government received real support neither from the League of Nations nor from the imperialist states since no one wanted to quarrel with Japan. It is emphasised that the leadership of the USSR had repeatedly unsuccessfully tried to negotiate with the imperialist powers on collective action against Japan, including, above all, the sanctions policy. Soviet diplomacy was ready to single-handedly support various foreign policy demarches of the leadership of the Republic of China. The data on numerous speeches by representatives of the USSR in the League of Nations in support of China are given. The active position of Soviet diplomacy during the so-called Brussels Conference is considered; their the Council of the League of Nations delegated the problem of Japanese aggression against China. It is emphasised that during the work of the Brussels conference, the delegations of Western countries demonstrated being uneager to aggravate relations with Japan; they only offered to search for peaceful ways to resolve the conflict, refused to accept collective sanctions against Japan or provide real international assistance

to the victim of aggression – China. It is emphasised that Soviet diplomats continuously supported various initiatives of the government of the Chinese Republic in the League of Nations, only to be excluded from this organisation on December 14, 1939, after the USSR started war against Finland.

Keywords: USSR, Republic of China, Sino-Japanese War, League of Nations, Brussels Conference, Soviet diplomacy, diplomatic support.

For citation: Novikov M.V. Soviet diplomatic support to the Republic of China in 1937–1939. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 8–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-8-16>

Начиная с 1933 года советская дипломатия предпринимала безуспешные попытки создания системы коллективной безопасности не только в Европе, но и в Тихоокеанском регионе с участием СССР, Китая, США, Англии и Франции, активно привлекая к реализации этой идеи руководство США.

В рамках противодействия японской агрессии в регионе 12 марта 1936 г. Советский Союз и Монгольская Народная Республика подписали протокол о взаимной помощи, который предусматривал в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон оказание друг другу всяческой, в том числе военной, помощи [Протокол: 136, 137]. Этот документ стал правовой основой оказания Советским Союзом военной помощи МНР и привел к разгрому японской армии в 1939 г. в сражении у монгольской реки Халкин-Гол.

После начала полномасштабной войны Японии против Китая 7 июля 1937 г. правительство Чан Кайши предприняло энергичные дипломатические усилия с целью добиться вмешательства великих держав в вооруженный японо-китайский конфликт. Несмотря на то, что японская агрессия в Китае серьезно ущемляла экономические интересы империалистических держав в этом регионе, они не выразили желания занять решительную позицию по отношению к Японии и оказать Китаю военную помощь [История Китая: 370].

Убедившись, что западные державы не намерены вмешиваться в японо-китайский конфликт, правительство Чан Кайши было вынуждено активизировать переговорный процесс с советской стороной с целью подписания соответствующего соглашения. Результатом переговоров стало подписание 21 августа 1937 г. договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой (КР) [Договор: 466–468].

В договоре декларировалось желание сторон содействовать сохранению всеобщего мира и осуждалось обращение к войне как к способу разрешения международных споров. СССР и КР брали на себя обязательства воздерживаться от нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с другими государствами; не оказывать помощи стране или странам, напавшим на одну из договаривающихся сторон; воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли повредить стороне, подвергшейся на-

падению. Договор был заключен на 5 лет с автоматической пролонгацией на последующие 2 года. Если ни одна из договаривающихся сторон не инициирует прекращение действия договора, по истечении двух лет договор пролонгировался на последующие два года и т. д.

Подписание договора имело важное значение для Китайской Республики. Были разрушены планы Японии по международной изоляции Китая, активная советская поддержка Китая стимулировала постепенный переход других великих держав от пассивной политики к более активной, к поддержке Китая в его борьбе с японской агрессией. В соответствии с данным договором СССР оказал КР реальную экономическую и военную помощь, которая сыграла важную роль на начальном, самом тяжелом этапе войны с Японией.

Советско-китайские договоренности оказали также существенное влияние на завершение переговорного процесса между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая (КПК) о прекращении гражданской войны и об объединении усилий для совместной борьбы с японским агрессором. В то же время правительство Чан Кайши постоянно подчеркивало, что подписание договоров с СССР и КПК во все не означает «союза» с коммунистами и Советской Россией, что это вынужденный шаг, продиктованный сложной обстановкой в связи с началом войны.

И в китайской, и в западной историографии предпринимались и предпринимаются попытки критики данного договора, в частности, СССР упрекают в том, что был подписан всего лишь договор о ненападении, а не о взаимной помощи, как ранее предлагало советское правительство. СССР якобы обманул Китай, при этом упускаются из вида важные обстоятельства. Советский Союз предлагал КР договор о взаимной помощи до начала Японо-китайской войны. В этом случае договор мог способствовать предотвращению войны, после начала Японо-китайской войны подписание договора о взаимной помощи означало бы для СССР ввязаться в войну с Японией, к которой Советский Союз не был готов [Бородин: 90, 91].

Рассматриваемая в статье проблема неоднократно становилась предметом исследования, как правило, в общих работах отечественных авторов по истории Китая и внешнеполитической деятельности СССР [Бородин; История дипломатии; История Ки-

тая; Сиполс]. Данная статья на основе документальных источников актуализирует проблему исходя из новых геополитических реалий.

Советская дипломатическая поддержка Китайской Республики осуществлялась в самых разных формах. Так, в ответ на обращение китайского посольства в Наркоминдел СССР 25 октября 1937 г. с просьбой оказать содействие в прекращении бомбардировок японской авиацией китайских городов, на следующий день полпред Советского Союза в Токио М.М. Славущий по поручению советского правительства заявил министру иностранных дел Японии решительный протест против бомбардировки столицы Китайской Республики города Нанкина. Он подчеркнул, что Москва против переезда советского посольства из Нанкина в другое место, ему дано указание оставаться в столице Китая. Исходя из этого, полпред предупредил правительство Японии о возможных последствиях и полной ответственности за совершаемые в Китае незаконные действия [Внешняя: 311, 312].

Большое значение для китайской дипломатии имела позиция СССР в Лиге Наций при обсуждении вопросов, связанных с Японо-китайской войной. Чан Кайши возлагал большие надежды на эту международную организацию, рассчитывая с ее помощью локализовать японскую агрессию. 20 августа 1937 г. посол КР в Москве Цзян Тинфу в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкиным проинформировал собеседника о намерении правительства КР обратиться в Лигу Наций с просьбой рассмотреть вопрос о японской агрессии против Китая и о применении к Японии ст. 17 Устава, предусматривавшей введение механизма санкций против агрессора. Посол также обратился с просьбой поддержать этот демарш правительства КР при обсуждении его в Лиге Наций [Запись 1976а: 465, 466].

25 августа 1937 г. Потемкин принял посла Китая для передачи ему ответа правительства СССР на просьбу о возможности поддержки демарша КР в Лиге Наций. «Узнав от меня, – записал Потемкин, – что советская делегация поддержит Китай при рассмотрении китайско-японского конфликта, посол выразил мне признательность» [Запись 1976б: 478, 479].

13 сентября 1937 г. правительство КР официально обратилось в Совет Лиги Наций с просьбой о принятии мер к Японии в соответствии с Уставом этой организации, одновременно отказавшись по совету делегаций Англии и Франции от обсуждения вопроса в Совете Лиги Наций с передачей его на рассмотрение Консультативного комитета (комитет 23-х), созданного Лигой Наций в 1931 г. в связи с японской агрессией на северо-востоке Китая [Сиполс: 112].

Принципиальная позиция правительства СССР в отношении японо-китайского конфликта была пред-

ставлена М.М. Литвиновым в выступлении на Ассамблее Лиги Наций 21 сентября 1937 г. В своей речи он раскритиковал бездеятельность этой международной организации в отношении японской агрессии в Китае. Литвинов подчеркнул, что пассивность Лиги Наций в отношении захвата Японией в 1931 г. северо-востока Китая подтолкнула фашистскую Италию к захвату Абиссинии, недостаточная активность в поддержку Абиссинии подтолкнула фашистскую агрессию в Испании, а непринятие мер в помощь Испанской Республике подтолкнуло новую войну в Китае [Речь 1976: 509–518].

В своем выступлении советский полпред заявил: «Мы видим, как агрессия, не будучи приостановлена, перебрасывается с одного материка на другой, принимая каждый раз все большие и большие размеры. С другой стороны, я твердо убежден, что решительная политика Лиги в одном случае агрессии избавила бы нас от всех остальных случаев. Тогда и только тогда все государства убедились бы, что агрессия не рентабельна, что агрессию не следует предпринимать» [Речь 1976: 518].

В проект резолюции, переданной в комитет 23-х китайским представителем, было включено требование осуждения Японии за нарушение международного права, ее обязательств по договорам и за введение морской блокады Китая. Китайская сторона предлагала объявить действия Японии актом агрессии и наложить эмбарго на экспорт в Японию оружия и стратегических материалов, приостановить выделение кредитов и предоставить Китаю военную и финансовую помощь. Комитет 23-х ожидало проект резолюции не поддержал и передал его в подкомитет, вокруг проекта развернулась оживленная дискуссия, целью которой было не допустить принятия действенных мер против Японии. В конце концов комитет 23-х признал действия Японии в Китае как противоречащие международным договоренностям, но не классифицировал их как агрессию [История Китая: 374, 375].

Литвинов, на тот момент представлявший интересы СССР в Лиге Наций, выступил с резкой критикой проекта резолюции, подготовленного в комитете 23-х, так как там не было даже слова «агрессия» по отношению к действиям Японии. Аналогичная ситуация сложилась в комитете 23-х при обсуждении проекта резолюции, осуждавшей бомбардировки открытых китайских городов, так как в нем отсутствовало упоминание о Японии как виновнице этих бомбардировок. Литвинов подчеркнул, что «японское правительство» официально уведомило ряд стран о своем намерении уничтожить Нанкин и что оно старается провести это путем воздушных бомбардировок», и задал резонный вопрос: «О чем же тут спорить?» Занятая советским представителем пози-

ция была очень убедительной, в результате комитет 23-х принял резолюцию с осуждением бомбардировок японской авиацией китайских городов, которая была одобрена пленумом Лиги Наций 28 сентября 1937 г. [Правда 29 сент.]

5 октября 1937 г. комитет 23-х предложил Лиге Наций передать рассмотрение вопроса о японо-китайском конфликте конференции государств (США, Англия, Франция, Япония, Италия, Бельгия, Голландия, Португалия, Китай), подписавших Вашингтонский договор 1929 г., провозгласивший формально принцип уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности Китая. Приняв решение по этому вопросу, Лига Наций, как и в случае с гражданской войной в Испании, по сути, уклонилась от прямого участия в деэскалации японо-китайского конфликта, ограничившись заявлением о моральной поддержке Китая и рекомендацией странам в соответствии со ст. 16 оказывать конкретную помощь Китаю индивидуально, устанавливая экономические и финансовые санкции в отношении Японии.

Комментируя это решение Лиги Наций, Литвинов заявил: «Советская делегация хотела бы, чтобы Лига Наций сама приняла меры к оказанию Китаю не только моральной поддержки, и чтобы вопрос не передавался в другие организации. Но ей пришлось считаться с мнениями других членов Комитета Лиги Наций и согласиться на то, чтобы оказать помощь Китаю через посредство группы наиболее заинтересованных держав» [Правда 7 окт.].

На встрече с послом Китайской Республики в Москве Ян Цзе Литвинов подчеркнул, что санкции «могут иметь смысл тогда, когда применяются всеми членами Лиги Наций, отдельно же никакого эффекта произвести не могут. В принятии резолюции мы видим смысл моральный – признание морально того, что совершена агрессия и что морально все обязаны помогать Китаю» [Запись 1977: 587].

Кроме 9 участников Вашингтонского договора на конференцию по Китаю, которую было решено созвать в Брюсселе, были приглашены еще ряд государств, включая СССР. Накануне начала Брюссельской конференции китайская делегация пыталась заручиться поддержкой США, Англии, Франции, но безуспешно. В условиях стагнации мировой экономики руководство этих стран было крайне заинтересовано в экспорте в Японию нефти, металлов, станков, хлопка и других товаров. Кроме того, существенную роль сыграла и дипломатия Японии, развившая бурную деятельность, чтобы не допустить создания антияпонского фронта мировых держав. Нейтральная позиция Англии, Франции, США в японо-китайском конфликте позволила Японии отказаться от участия в Брюссельской конференции, аналогичным образом поступила и Германия, кроме того,

Гитлер принял решение прекратить поставки оружия и военного снаряжения в Китай [История Китая: 375].

Брюссельская конференция начала работу 3 ноября 1937 г. Ее целью было рассмотреть ситуацию на Дальнем Востоке и изучить возможность использования мирных средств для ускорения конца конфликта, происходившего на Дальнем Востоке. Еще накануне ее открытия представители Англии, Франции, США провели совещание по согласованию своих позиций и ясно дали понять, что они не собираются вводить экономические санкции против Японии, а также другие какие-либо серьезные меры. В этих условиях просьба китайского представителя о прекращении поставок западными странами военного снаряжения и предоставления кредитов Японии, а также об оказании материальной помощи Китаю была фактически отклонена. В поддержку Китая выступила только делегация Советского Союза.

Выступая при открытии конференции, Литвинов еще раз озвучил принципиальную позицию СССР, заключающуюся в создании системы коллективной безопасности государств для активного противодействия агрессивным устремлениям Германии и Италии в Европе и Японии в Азии. Он выразил пожелание, чтобы Брюссельская конференция добилась восстановления мира на Дальнем Востоке и стала серьезным буфером на пути агрессивных устремлений и в других регионах мира. Представитель США на Брюссельской конференции Н. Дэвис назвал выступление Литвинова «ценным и полезным» [Телеграмма 1976а: 594].

Активность Литвинова была также отмечена в письме Дэвиса руководству страны: «Литвинов настойчиво призывает меня к тесному сотрудничеству и пониманию между Англией, Соединенными Штатами и Россией, с тем чтобы поставить Японию перед лицом такой комбинации государств, которая заставила бы ее прекратить военные действия и установить мир, одни же призывы к разуму не будут иметь никакого эффекта» [Бородин: 99].

Выступивший вслед за Литвиновым глава китайской делегации Гу Вэйцзюнь подчеркнул, что заявленные Японией причины вооруженного вторжения в Китай – проведение в Китае антияпонской прокоммунистической пропаганды и осуществление подготовки к войне с Японией – никто не может воспринять всерьез. Еще раз обозначив миролюбивый характер китайской внешней политики, он подчеркнул, что Китай не считает возможным прекращение японо-китайского конфликта путем двусторонних переговоров, что восстановление мира в регионе возможно только на основе статьи 1 Вашингтонского договора девяти держав, в которой предусматривается уважение суверенитета и территориальной целостности Китая. В речи Гу Вэйцзюня вновь прозвучал призыв к державам оказать Китаю всесто-

ронную помощь для организации отпора японской агрессии [История Китая: 376].

Позиции ведущих западных держав, связанных с Японией выгодными экономическими контрактами, при всем их различии [Телеграмма 1976б: 594, 595; Телеграмма 1976в: 606, 607; Письмо: 621–623; Телеграмма 1976г: 617–619] сводились к тому, чтобы не обострять с ней отношений и попытаться усадить Китай и Японию за стол мирных переговоров. С этой целью Японии было направлено приглашение принять участие в работе Брюссельской конференции. Японское руководство, однако, захватив Шанхай, отказалось от участия, рассчитывая силой заставить китайское правительство принять выгодные для Японии и неприемлемые для Китая мирные условия, предусматривавшие в ноябре 1937 г. автономию Внутренней Монголии, создание демилитаризованных зон в Северном Китае вдоль границы с Манчжоу-Го, расширение демилитаризованной зоны в районе Шанхая, прекращение антияпонской политики и пропаганды, а также участие в совместной борьбе против коммунизма [История Китая: 377].

После отказа Японии Брюссельская конференция возобновила свою работу. Глава китайской делегации вновь выступил с осуждением участников конференции за соглашательскую позицию по отношению к Японии. Он заявил, что мирным путем конфликт с Японией разрешить невозможно. Нужны решительные действия морального, финансового и экономического характера. Китайская делегация представила участникам конференции доклад о высокой степени экономической зависимости Японии от Англии, США, Франции и Голландии. В докладе было подчеркнуто, что экономические санкции в отношении Японии приведут к дезорганизации военной промышленности Японии и ослаблению ее военной мощи. В докладе также содержались конкретные предложения по оказанию Китаю помощи оружием, военным снаряжением и кредитами [История Китая: 377].

Делегации западных стран не откликнулись на призывы представителей Китая о помощи. Они не могли допустить обострения своих отношений с Японией, поэтому они предложили лишь дополнительное изучение обстоятельств японо-китайского конфликта и поиск мирных путей его разрешения. В отношении Японии не были приняты какие-либо санкционные действия, а Китай не мог рассчитывать на получение реальной международной помощи.

Советская делегация предпринимала попытки оказать влияние на позицию западных держав и склонить их к принятию решения об оказании Китаю коллективной помощи в войне с Японией. Член советской делегации Потемкин в своем выступлении 13 ноября 1937 г. заявил: «Верный принципам своей политики мира, Советский Союз всегда готов ока-

зать поддержку любой инициативе, продиктованной желанием сохранить мир и воспрепятствовать применению силы в качестве способа разрешения международных споров... Советская делегация твердо убеждена, что происходящий конфликт может быть урегулирован на основах справедливости, соблюдения действующих договоров, уважения к принципу национального суверенитета. Однако цель эта может быть достигнута в том случае, если к ней будут направлены солидарные и действенные усилия держав, заинтересованных в сохранении мира на Дальнем Востоке. Всякая конкретная инициатива в этом плане будет поддержана Советским Союзом» [Бородин: 100].

17 ноября 1937 г. Потемкин посетил главу американской делегации Дэвиса и поставил его в известность о том, что СССР готов поддержать любые мероприятия США и Англии против Японии, однако Дэвис отклонил это советское предложение.

По мнению советского историка Б.А. Бородина, позиция невмешательства западных держав была обусловлена не только их экономическими интересами в Японии, но и заветным желанием «канализировать» японскую агрессию в сторону СССР. Именно с этой целью на Брюссельской конференции представители западных держав пытались убедить советскую делегацию, чтобы СССР первым официально выступил в защиту Китая (к этому времени Советский Союз уже оказывал тайную военную помощь Китаю). Понимая, что открытое выступление на стороне Китая в условиях фактической международной изоляции может спровоцировать японо-советский конфликт, делегация СССР, говоря словами Бородина, дала «решительный отпор попыткам вовлечь его в опасную авантюру» [Бородин: 100, 101].

Аналогичная точка зрения представлена и в «Истории дипломатии»: «Не принимая советского предложения о коллективных мерах борьбы против агрессора, американская и английская делегации «доказывали», что в предотвращении агрессии заинтересован в первую очередь СССР, так как около его границ развертывается война. Дипломаты США и Англии убеждали советских представителей, что, если Советский Союз выступит, война будет прекращена. Япония, мол, немедленно посчитается с таким могущественным государством, как СССР. Советская делегация разоблачила попытки сговора западных держав за счет Китая и СССР и сорвала маневры империалистической дипломатии, рассчитанные на провоцирование советско-японской войны» [История дипломатии: 672].

Желая успокоить мировое общественное мнение и нейтрализовать очевидные аргументы и призывы китайской делегации, поддержанной советскими представителями, западные державы предложили Брюссельской конференции проект декларации, в ко-

торой констатировалось нарушение Японией Вашингтонского договора девяти держав, наличие японо-китайского военного конфликта и необходимость его урегулирования. Японии и Китаю предложили «прекратить враждебные действия и прибегнуть к мирным методам» [Телеграмма 1976в: 606, 607]. После принятия декларации Брюссельская конференция прекратила свою работу и больше никогда не собиралась. Ее деятельность, подобно печально известному комитету по невмешательству в гражданскую войну в Испании, не дала никаких практических результатов.

По мнению Литвинова, «конференция закончила свое существование даже более позорно, чем можно было ожидать. Об этом особенно постарались англичане, которые, не без оснований, рассчитывают на свое посредничество между Японией и Китаем» [Письмо: 623].

Попытки советских делегатов убедить западных коллег в необходимости организации коллективного отпора японской агрессии в Азии, так же как аналогичные действия в Европе, наталкивались на нежелание партнеров по переговорам действовать в ущерб их экономическим и политическим интересам.

После неудачной попытки передать решение проблемы японо-китайского конфликта Брюссельской конференции Лига Наций была вынуждена вновь и вновь возвращаться к ее рассмотрению после очередного демарша китайской делегации. В 1938–1939 гг., вплоть до исключения СССР из Лиги Наций 14 декабря 1939 г., советская делегация продолжала настаивать на создании санкционного механизма в отношении Японии. Так, 27 января 1938 г. Литвинов вновь призвал Лигу Наций к созданию системы коллективной безопасности против агрессоров, включая Японию [Речь 1977: 54–57].

В сентябре 1938 г. очередное предложение китайского представителя на сессии Ассамблеи Лиги Наций о применении к Японии экономических санкций было отвергнуто под давлением Англии и Франции, и был принят доклад, не предусматривавший никаких мер помощи Китайской Республике. «Этот доклад, – заявил Литвинов 30 сентября 1938 г., – не соответствует тому, чего Китай имел право ожидать от Лиги Наций. Такими докладами агрессоров не удержать и агрессоров не приостановить... Мое правительство было бы готово пойти дальше этого доклада и принять участие в коллективных мерах, которые позволили бы Лиге Наций выполнить все свои обязательства перед Китаем» [Правда 2 окт.].

В течение 1937 года руководство КР в лице Чан Кайши, министра иностранных дел Кун Сянси, председателя Законодательного Юаня Сунь Фо, посла Китая в Москве Ян Цзе предпринимала энергичные усилия, чтобы подтолкнуть Советский Союз к войне с Японией, надеясь тем самым облегчить

катастрофическое положение своей страны. В этом контексте правительство КР предлагало заключить секретный (или не секретный), договор с СССР, якобы не предусматривавший вооруженного выступления СССР на стороне Китая, а имевший целью «еще на шаг дальше укрепить дружбу между Китаем и СССР по следующим направлениям: 1. Сотрудничество обеих армий вообще и в частности в вопросе обучения для совместной борьбы с Японией. 2. Дипломатическое сотрудничество, причем Китай будет вести ту же внешнюю политику, что и СССР. 3. Политические обязательства Китая: навсегда сохранять просоветский курс. 4. Расширение экономических отношений. 5. Постройка Северо-Западной железной дороги, связывающей Центральный Китай с Турксибом» [Телеграмма 1977а: 462].

По мнению китайской стороны, заключение такого договора должно было иметь следующие позитивные последствия: вся страна будет охвачена воодушевлением и верой в победу; рассеются взаимные советско-китайские сомнения и опасения, укрепится взаимное доверие; подтвердится твердый антифашистский, просоветский внешнеполитический курс Китая, появится ясность в советско-китайских отношениях, что заставит Англию, Францию и США помогать Китаю; подтвердится четкий антифашистский курс Китая, направленный против Германии, Италии, Японии; развеются надежды Японии разбить Китай и СССР поодиночке, что приведет к ее быстрому поражению [Телеграмма 1977в: 476].

Понимая истинные намерения руководства КР, связанные с возможным подписанием нового советско-китайского договора, советское руководство полагало, что этот шаг, «помимо общего осложнения международного положения, создаст затруднения и для китайского правительства как во внутреннем, так и во внешнем положении», усилится оппозиция, боящаяся «большевизации» Китая, как прояпонская, так и пробританская, усилится процесс отхода Великобритании в сторону заключения соглашения с Японией [Телеграмма 1977б: 468].

Чтобы развеять иллюзии руководства КР относительно вступления СССР в войну с Японией, советские дипломатические представители в 1938 г. неоднократно доводили до китайских политиков принципиальную позицию СССР относительно возможного советско-японского вооруженного конфликта: «СССР выступит войной против Японии лишь при трех следующих условиях: а) если Япония нападет на СССР; б) если Англия и США присоединятся к войне против Японии; в) если Лига Наций обяжет тихоокеанские державы выступить против Японии» [Телеграмма 1977: 482].

Выступая в Лиге Наций 20 января 1939 г., советский представитель Я.З. Суриц предпринял оче-

редную попытку сдвинуть с мертвой точки вопрос об оказании Китаю эффективной международной поддержки, призывая к коллективным действиям. В мае 1939 г. представитель СССР в Лиге Наций И.М. Майский, выступая в поддержку китайского делегата, настаивавшего на оказании Китаю финансовой и материальной помощи и организации экономической блокады Японии, заявил, что Китай является жертвой грубой и неприкрытой агрессии, героически борется за свою независимость, поэтому Лига Наций должна удовлетворить требования китайской делегации. При принятии резолюции по данному вопросу в поддержку Китая выступили лишь СССР и Новая Зеландия, представители остальных стран, послушные воле великих держав, голосовали против оказания Китаю действенной помощи [Бородин: 107–110].

Это была последняя серьезная попытка советской делегации в рамках Лиги наций убедить западные державы в необходимости оказания Китаю коллективной международной военно-экономической помощи и организации санкционного давления на Японию. Советский Союз вступал в период бурного политического взаимодействия с другими странами. В мае 1939 г. в Москве начались англо-франко-советские переговоры с целью создания «Новой Антанты», которые закончились провалом и подписанием договора о ненападении с Германией 23 августа 1939 г. Советско-японский военный конфликт у монгольской реки Халкин-Гол летом 1939 г., начало Второй мировой войны в Европе, присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии, усиление стратегических позиций СССР в районе Балтийского моря, война с Финляндией и исключение СССР из Лиги Наций – все эти события вышли на первый план в работе советской дипломатии, заслонив на время Японо-китайскую войну.

Библиографический список

Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937–1941. Москва: Мысль, 1965. 200 с.

Внешняя политика СССР: сборник документов. Т. 4: 1935 – июнь 1941 г. Москва: б. и., 1946. 647 с.

Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой. 21 августа 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20: Январь – декабрь 1937 г. Москва: Политиздат, 1976. С. 466–468.

Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом в Китае в СССР Цзян Тин-фу. 20 августа 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20: Январь – декабрь 1937 г. Москва: Политиздат, 1976а. С. 465–466.

Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом в Китае в СССР

Цзян Тин-фу. 25 августа 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20: Январь – декабрь 1937 г. Москва: Политиздат, 1976б. С. 478–479.

Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Китая в СССР Ян Цзе. 15 октября 1938 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 21: 1 января – 31 декабря 1938 г. Москва: Политиздат, 1977. С. 587.

История дипломатии. Т. 3 / под ред. А.А. Громыко и др. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Политиздат, 1965. 831 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. 7: Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева. Москва: Наука, 2013. 863 с.

Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А.А. Трояновскому. 26 ноября 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20: Январь – декабрь 1937 г. Москва: Политиздат, 1976. С. 621–623.

Правда: газета. 1937. 29 сент.

Правда: газета. 1937. 7 окт.

Правда: газета. 1938. 2 окт.

Протокол о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических республик и Монгольской народной республикой. 12 марта 1936 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 19: 1 января – 31 декабря 1936 г. Москва: Политиздат, 1974. С. 136, 137.

Речь Председателя советской делегации М.М. Литвинова на пленарном заседании Ассамблеи Лиги наций. 21 сентября 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20: Январь – декабрь 1937 г. Москва: Политиздат, 1976. С. 509–518.

Речь Председателя советской делегации М.М. Литвинова на заседании Совета Лиги наций. 27 января 1938 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 21. 1 января – 31 декабря 1938 г. Москва: Политиздат, 1977. С. 54–57.

Ситолс В.Е. Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939 гг. Москва: Наука, 1987. 336 с.

Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Брюсселя. 5 ноября 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20: Январь – декабрь 1937 г. Москва: Политиздат, 1976а. С. 594.

Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Брюсселя. 6 ноября 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20: Январь – декабрь 1937 г. Москва: Политиздат, 1976б. С. 594, 595.

Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Брюсселя. 13 ноября 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20: Январь – декабрь 1937 г. Москва: Политиздат, 1976в. С. 606, 607.

Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Брюсселя. 23 ноября 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20: Январь – декабрь 1937 г. Москва: Политиздат, 1976. С. 617–619.

Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР. 29 августа 1938 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 21: 1 января – 31 декабря 1938 г. Москва: Политиздат, 1977а. С. 462.

Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР. 1 сентября 1938 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 21: 1 января – 31 декабря 1938 г. Москва: Политиздат, 1977б. С. 468.

Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР. 2 сентября 1938 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 21: 1 января – 31 декабря 1938 г. Москва: Политиздат, 1977в. С. 476.

Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае И.Т. Луганцу-Орельскому. 8 сентября 1938 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 21: 1 января – 31 декабря 1938 г. Москва: Политиздат, 1977. С. 482.

Reference

Borodin B.A. *Pomoshch' SSSR kitaiskomu narodu v antiiaaponskoi voine 1937–1941* [Assistance of the USSR to the Chinese people in the anti-Japanese war of 1937–1941]. Moscow, Thought Publ., 1965, 200 p. (In Russ.)

Dogovor o nenapadenii mezhdu Soiuzom Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik i Kitaiskoi Respublikoi. 21 avgusta 1937 g. [Non-Aggression Treaty between the Union of Soviet Socialist Republics and the Republic of China. August 21, 1937]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 20: Ianvar' – dekabr' 1937 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 20: January – December 1937]. Moscow, Politizdat Publ., 1976, pp. 466–468. (In Russ.)

Istoriia diplomatii. T. 3 [History of diplomacy. Vol. 3], ed. by A.A. Gromyko & al., 2 ed. Moscow, Politizdat Publ., 1965, 831 p.

Istoriia Kitaia s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. [The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 vols.], ed. by S.L. Tikhvinskii. T. 7: *Kitaiskaia Respublika (1912–1949)* [Vol. 7: Republic of China], ed. N.L. Mamaeva. Moscow, Nauka Publ., 2013, 863 p. (In Russ.)

Pis'mo Narodnogo Komissara Inostrannykh Del SSSR Polnomochnomu Predstaviteliu SSSR v SShA A.A. Troianovskomu. 26 noiabria 1937 g. [Letter from the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR to the Plenipotentiary Representative of the USSR in

the USA A.A. Troyanovsky. November 26, 1937]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 20: Ianvar' – dekabr' 1937 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 20: January – December 1937]. Moscow, Politizdat Publ., 1976, pp. 621–623. (In Russ.)

Pravda [Truth: newspaper], 1937, September 29. (In Russ.)

Pravda [Truth: newspaper], 1937, October 7. (In Russ.)

Pravda [Truth: newspaper], 1938, October 2. (In Russ.)

Protokol o vzaimopomoshchi mezhdu Soiuzom Sovetskikh Sotsialisticheskikh respublik i Mongol'skoi narodnoi respublikoi. 12 marta 1936 g. [Protocol on Mutual Assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the Mongolian People's Republic. March 12, 1936]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 19: 1 ianvaria – 31 dekabria 1936 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 19: January 1 – December 31, 1936]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, pp. 136, 137. (In Russ.)

Rech' Predsedatelia sovetskoii delegatsii M.M. Litvinova na plenarnom zasedanii Assamblei Ligi natsii. 21 sentiabria 1937 g. [Speech by Chairman of the Soviet delegation M.M. Litvinov at the plenary session of the Assembly of the League of Nations. September 21, 1937]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 20: Ianvar' – dekabr' 1937 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 20: January – December 1937]. Moscow, Politizdat Publ., 1976, pp. 509–518. (In Russ.)

Rech' Predsedatelia sovetskoii delegatsii M.M. Litvinova na zasedanii Soveta Ligi natsii. 27 ianvaria 1938 g. [Speech by Chairman of the Soviet delegation M.M. Litvinov at a meeting of the Council of the League of Nations. January 27, 1938]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 21: 1 ianvaria – 31 dekabria 1938 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 21: January 1 – December 31, 1938]. Moscow, Politizdat Publ., 1977, pp. 54–57. (In Russ.)

Sipols V.E. Vneshniaia politika Sovetskogo Soiuz. 1936–1939 gg. [Foreign policy of the Soviet Union. 1936–1939]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 336 p. (In Russ.)

Telegramma Narodnogo Komissara Inostrannykh Del SSSR v NKID SSSR, iz Briusselia. 5 noiabria 1937 g. [Telegram from the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR to the NKID of the USSR, from Brussels. November 5, 1937]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 20: Ianvar' – dekabr' 1937 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 20: January – December 1937]. Moscow, Politizdat Publ., 1976, p. 594. (In Russ.)

Telegramma Narodnogo Komissara Inostrannykh Del SSSR v NKID SSSR, iz Briusselia. 6 noiabria 1937 g. [Telegram from the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR to the NKID of the USSR, from Brussels. November 6, 1937]. *Dokumenty vnesh-*

nei politiki SSSR. T. 20: Ianvar' – dekabr' 1937 g. [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 20: January – December 1937]. Moscow, Politizdat Publ., 1976, pp. 594, 595. (In Russ.)

Telegramma Zamestitelia Narodnogo Komissara Inostrannykh Del SSSR v NKID SSSR, iz Briusselia. 13 noiabria 1937 g. [Telegram from the Deputy People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR to the NKID of the USSR, from Brussels. November 13, 1937]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 20: Ianvar' – dekabr' 1937 g.* [Documents of the USSR Foreign Policy. Vol. 20: January – December 1937]. Moscow, Politizdat Publ., 1976, pp. 606, 607. (In Russ.)

Telegramma Zamestitelia Narodnogo Komissara Inostrannykh Del SSSR v NKID SSSR, iz Briusselia. 23 noiabria 1937 g. [Telegram from the Deputy People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR to the NKID of the USSR, from Brussels. November 23, 1937]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 20: Ianvar' – dekabr' 1937 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 20 January – December 1937]. Moscow, Politizdat Publ., 1976, pp. 617-619. (In Russ.)

Telegramma Polnomochnogo Predstavitelia SSSR v Kitae v Narodnyi Komissariat Inostrannykh Del SSSR. 29 avgusta 1938 g. [Telegram from the Plenipotentiary Representative of the USSR in China to the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR. August 29, 1938]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 21: 1 ianvaria – 31 dekabria 1938 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 21: January 1 – December 31, 1938]. Moscow, Politizdat Publ., 1977, p. 462. (In Russ.)

Telegramma Polnomochnogo Predstavitelia SSSR v Kitae v Narodnyi Komissariat Inostrannykh Del SSSR. 1 sentiabria 1938 g. [Telegram from the Plenipotentiary Representative of the USSR in China to the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR. September 1, 1938]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 21: 1 ianvaria – 31 dekabria 1938 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 21: January 1 – December 31, 1938]. Moscow, Politizdat Publ., 1977, p. 468. (In Russ.)

Telegramma Polnomochnogo Predstavitelia SSSR v Kitae v Narodnyi Komissariat Inostrannykh Del SSSR. 2 sentiabria 1938 g. [Telegram from the Plenipotentiary Representative of the USSR in China to the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR. September 2, 1938]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 21: 1 ianvaria – 31 dekabria 1938 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 21: January 1 – December 31, 1938]. Moscow, Politizdat Publ., 1977, p. 476. (In Russ.)

Telegramma Zamestitelia Narodnogo Komissara Inostrannykh Del SSSR Polnomochnomu Predstavitelii SSSR v Kitae I.T. Lugantsu-Orel'skomu. 8 sentiabria 1938 g. [Telegram from the Deputy People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR to the Plenipotentiary Representative of the USSR in China I.T. Lugants-Orel'sky. September 8, 1938]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 21: 1 ianvaria – 31 dekabria 1938 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 21: January 1 – December 31, 1938]. Moscow, Politizdat Publ., 1977, p. 482. (In Russ.)

Vneshniaia politika SSSR: sb. dokumentov. T. 4: 1935 – iun' 1941 g. [The foreign policy of the USSR: A collection of documents. Vol. 4: 1935 – June 1941]. Moscow, 1946, 647 p. (In Russ.)

Zapis' besedy Zamestitelia Narodnogo Komissara Inostrannykh Del SSSR s Poslom v Kitae v SSSR Tszian Tin-fu. 20 avgusta 1937 g. [Recording of a conversation between the Deputy People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR and the Ambassador to China in the USSR Jiang Ting-fu. August 20, 1937]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 20: Ianvar' – dekabr' 1937 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 20: January – December 1937]. Moscow, Politizdat Publ., 1976, pp. 465, 466. (In Russ.)

Zapis' besedy Zamestitelia Narodnogo Komissara Inostrannykh Del SSSR s Poslom v Kitae v SSSR Tszian Tin-fu. 25 avgusta 1937 g. [Recording of a conversation between the Deputy People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR and the Ambassador to China in the USSR Jiang Ting-fu. August 25, 1937]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 20: Ianvar' – dekabr' 1937 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 20: January – December 1937]. Moscow, Politizdat Publ., 1976, pp. 478, 479. (In Russ.)

Zapis' besedy Narodnogo Komissara Inostrannykh Del SSSR s Poslom Kitaia v SSSR Ian Tsze. 15 oktiabria 1938 g. [Recording of the conversation of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR with the Chinese Ambassador to the USSR Yang Jie. October 15, 1938]. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 21: 1 ianvaria – 31 dekabria 1938 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 21: January 1 – December 31, 1938]. Moscow, Politizdat Publ., 1977, p. 587. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.01.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 12.03.2024.

The article was submitted 31.01.2023; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 12.03.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 17–24. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 17–24. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.31)''1960/1980''

EDN SVPRQL

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-17-24>

ОБЛАСТНАЯ ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ И ОБКОМ КПСС КАК ИНСТИТУТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПОЗДНЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (на материале Верхневолжских областей)

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Аннотация. В статье анализируются социальные характеристики ключевых региональных структур партийной власти, особенности их состава. В центре исследования находятся партийные институты региональной власти в позднем СССР: областная партийная конференция, обком КПСС, бюро обкома КПСС. Значительное внимание в статье уделено историографии вопроса о региональной власти в СССР. Методологический каркас исследования составили институциональный подход, сочетание источниковедческого анализа и парадигмы устной истории, принципы историзма и системности. Теоретическая основа статьи базируется на сетевом подходе к институтам власти (идеи А.Б. Коновалова, В.П. Мохова, О.В. Хлевнюка, Й. Горлицкого). Центральным концептом исследования является понятие «региональная руководящая сеть». Вспомогательный характер носит «теория административного рынка» С.Г. Кордонского. Основу корпуса источников статьи составил неопубликованный материал региональных архивов (Владимира, Иванова, Костромы, Ярославля). Значимая часть источников – свидетельства устной истории: полуструктурированные интервью, проведенные лично автором. В статье делается вывод, что в региональных партийных институтах власти нарастали противоречивые тенденции. Отмечается, что имело место активное включение в региональные органы власти широких слоев населения, основанное на ценностях советской демократии. Однако фактическое принятие решений находилось в руках узкой группы партноменклатуры во главе с первым секретарем регионального партийного комитета. Подчеркивается, что реальным институциональным центром принятия управленческих решений на региональном уровне власти в СССР было Бюро обкома КПСС. Констатируется общий рост образовательного уровня делегатов партийной конференции и членов обкома КПСС.

Ключевые слова: СССР, Верхневолжские области, институциональный подход, обком КПСС, областная партийная конференция, первый секретарь, устная история, региональная власть, партийная номенклатура.

Для цитирования: Никифоров Ю.С. Областная партконференция и обком КПСС как институты региональной власти поздней советской эпохи (на материале Верхневолжских областей) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 17–24. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-17-24>

Research Article

COMMUNIST PARTY'S REGIONAL CONFERENCE AND REGIONAL COMMITTEE AS INSTITUTIONS OF REGIONAL POWER OF THE LATE SOVIET ERA (based on the material of the Upper Volga regions)

Yury S. Nikiforov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Abstract. The article analyses the social characteristics of key regional structures of the Communist Party power and the features of their composition. The study focuses on the Party institutions of regional power in the late USSR: the regional Party conference, the regional committee of the Party, the bureau of the regional committee of the Party. Considerable attention is paid in the article to the historiography of the issue of regional power in the USSR. The methodological framework of the study consisted of an institutional approach, a combination of source analysis and the oral history paradigm, the principles of historicism and systematicity. The theoretical basis of the article is based on the network approach to institutions of power (ideas of Aleksandr Konovalov, Viktor Mokhov, Oleg Khlevniuk, Yoram Gorlizki). The central concept of the study is the concept of “regional leadership network”. The “administrative market theory” is of an auxiliary nature. According to Simon Kordonskiy. The basis of the corpus of sources for the article was unpublished material from archives of Russia's regions (Vladimir, Ivanovo, Kostroma, Yaroslavl). A significant part of the sources consisted of oral history evidence – semi-

structured interviews conducted personally by the author. The article concludes that contradictory trends had been growing in regional Party institutions of power. It is noted that there was an active inclusion of broad sections of the population in regional authorities, based on the values of Soviet democracy. However, actual decision-making was in the hands of the Party nomenclature clique, headed by the first secretary of the regional Party committee. It is emphasised that the real institutional centre for making management decisions at the regional level of government in the USSR was the Bureau of the Regional Committee of the Communist Party. A general increase in the educational level of the Party conference delegates and members of the regional committee of the Party is noted.

Keywords: USSR, Upper Volga regions, institutional approach, Communist Party regional committee, regional Party conference, first secretary, oral history, regional authorities, Communist Party officials' nomenclature.

For citation: Nikiforov Yu.S. Communist Party's regional conference and regional committee as institutions of regional power of the late Soviet era (based on the material of the Upper Volga regions). *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 17–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-17-24>

Для обозначения совокупности структур региональной власти в СССР нередко используется устоявшееся в историографии понятие «региональная руководящая сеть» [Хлевнюк; Gorlizki, Khlevniuk], которое продуктивно и достаточно нейтрально с терминологической точки зрения. Под этим термином вслед за О.В. Хлевнюком понимаются «группы партийно-государственных чиновников (руководящих сетей), осуществлявших функции управления на областном (краевом) и в меньшей мере республиканском уровне» [Хлевнюк: 32]. Понятие «сеть» активно использует и пермский исследователь В.П. Мохов: «...структура взаимоотношений внутри системы номенклатур... напоминает многослойную, многомерную сеть, сходящуюся в руках политического Центра – Политбюро ЦК КПСС» [Мохов: 110].

Руководящая сеть на региональном уровне включала в себя: первого секретаря регионального парткома, второго секретаря, третьего секретаря (как правило, «по идеологии»), председателя облисполкома [Хромов: 184]. При этом с точки зрения властной иерархии, по оценке О.В. Хлевнюка, «первый секретарь был важным, можно сказать, ключевым элементом региональной системы власти. Его личные качества, взаимоотношения с Центром и региональным «активом» во многом определяли качество сетей и уровень их устойчивости» [Хлевнюк: 46]. В свою очередь, костромской историк А.М. Белов указывал, что «первый секретарь обкома обладал огромной властью в регионе, имел возможность руководить решением политических, экономических, социальных, культурных и других вопросов» [Белов: 209]. Челябинский исследователь Р.Ш. Хакимов совершенно справедливо отмечал, что «при формальном существовании органов законодательной и исполнительной власти... фактическая власть принадлежала партийным комитетам» [Хакимов: 4]. Действительно, партийная структура власти четко кристаллизуется по уровням: ЦК КПСС – на центральном, обком – на региональном, райком – на местном. По словам В.А. Шестакова, «складывается стройная система власти, стержнем которой является партийная вер-

тикаль: обкомы-райкомы-парткомы-КПСС с четко разделенными полномочиями...» [Шестаков: 122].

Рациональное зерно содержит и оригинальная «теория административного рынка» С.Г. Кордонского, согласно которой на уровне области (края) присутствовало 4 ветви власти: административная, политического руководства, представительская, контрольная [Кордонский: 41].

В настоящей статье с опорой на институциональный подход [Лубский; Луман; Норт] предпринята попытка осветить некоторые особенности таких значимых институтов региональной власти, как областная партийная конференция и обком партии. С точки зрения В.П. Мохова, в СССР существовали реальные и формальные элиты. К формальным элитам, по его мнению, относились «члены выборных органов (партийных, советских, общественных), чья роль состояла фактически в одобрении заранее разработанных решений, в высказывании реальной элите просьб, заявок, претензий» [Мохов: 47]. Этот тезис пермского исследователя применим и на региональном уровне власти. К 1970-м гг. советская политическая система [Сунгуров] становится достаточно устойчивой. Поэтому анализ комплекса делопроизводственных партийных документов 1970-х гг. в фондах региональных архивов представляется вполне корректным.

Для решения поставленной задачи был проанализирован кластер источников из региональных архивов: Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО), Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО), Государственный архив новейшей истории Костромской области (далее – ГАНИКО), Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее – ЦДНИЯО). Корпус источников включает в себя официальные постановления и протоколы¹, информации², направляемые региональными парткомами в Центр. Эти документы позволяют оценить состав таких региональных институтов власти, как областная отчетно-выборная партийная конференция и обком КПСС. Значимый источник для анализа структуры региональной власти – «Номенклатура должностей обкома КПСС». Один из таких документов, да-

тируемый 1976 г.³, позволил детально представить иерархию региональной номенклатуры к середине 1970-х гг. Вспомогательную роль играют свидетельства устной истории – лично проведенные неформализованные интервью с представителями региональной власти СССР 1960–80-х гг., которые были позднее опубликованы в качестве приложения в монографии [Никифоров 2021: 179–241].

Обратим внимание на функционал областной партийной конференции. Так, в структуре постановления XVII Владимирской партийной конференции от 22 декабря 1978 г.⁴ можно выделить существенные разделы, посвященные руководству промышленностью, транспортом и связью⁵. Постановляющая часть документа, касающаяся сельского хозяйства региона, тесно связана с отсылками к постановлению ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему развитию Нечерноземья»⁶. Чуть меньшее внимание уделяется работе партийных органов в области народного образования, здравоохранения и торгово-бытового обслуживания⁷. Существенный блок постановления занимают вопросы, связанные с необходимостью улучшения идеологической и организационно-партийной работы⁸. Резюмирующая часть постановления во многом ритуальна [Юрчак: 29–90] и обращена к Центру: «...партийная конференция заверяет ЦК в... выполнении решений 25 съезда КПСС»⁹.

Партийная конференция, по оценке С.Г. Кордонского, была «стратегически наиболее важным координирующим органом управления... определявшая состав партийного комитета и решавшая задачи, которые не могли быть поставлены в рамках текущей деятельности системы управления» [Кордонский: 44]. С мнением исследователя трудно не согласиться. Именно партконференция формально создавала реальную вертикаль органов власти в виде регионального партийного комитета (обкома КПСС) посредством демократической процедуры. В.В. Величко, который в советскую эпоху был помощником секретаря Ярославского обкома КПСС, в интервью указывал на формализованный характер мероприятия: «Все было заформализовано... После каждой конференции намечался план мероприятий по реализации прозвучавших предложений. Также обязательным был контроль за исполнением решений» [Никифоров: 187]. Архивные документы полностью подтверждают мнение интервьюируемого. Так, в протоколе XIV Владимирской областной партийной конференции были в строгой последовательности прописаны избрание руководящих органов, президиума, секретариата, мандатной комиссии, утверждение регламента¹⁰, формирование счетной комиссии из 15 человек, утверждение проекта постановления в итоговой части, нередко с грифом «секретно»¹¹. При этом главной особенностью советской демократии, по мнению

нескольких интервьюируемых, был принцип демократического централизма [Никифоров: 199, 235]. Он предусматривал строгое, дисциплинированное выполнение всеми членами партийного собрания централизованного решения, принятого ранее по какому-либо вопросу.

Архивный документ за 1971 г. «Письма и информации в ЦК КПСС по вопросам организационно-партийной и идеологической работы, государственного, хозяйственного и культурного строительства», отложившийся в ГАИО, в фонде Ивановского обкома КПСС, включает емкую «справку о партийной конференции», составленную по стандартной форме¹². Информация о проведении XXII Ивановской областной отчетно-выборной партийной конференции от 5 февраля 1971 г., на которой с отчетным докладом выступил первый секретарь Ивановского обкома КПСС А.Н. Смирнов¹³, дает представление о некоторых базисных сторонах этого мероприятия. Источник позволил оценить численность, социальные характеристики и функционал участников партийного форума. Из документа явно видны некоторые количественные параметры этой региональной структуры в 1971 г. В состав конференции было избрано 627 делегатов, из которых 603 были с правом решающего голоса, а 24 – с правом совещательного голоса. На ключевом региональном партийном мероприятии присутствовало подавляющее большинство избранных делегатов (602): 580 – с решающим голосом; 22 – с совещательным голосом. Конечно же, при таком раскладе о проблеме с кворумом говорить не приходилось. Однако все-таки стопроцентной явки не было. Отсутствии незначительного (в общей пропорции) числа делегатов с решающим голосом (23), вероятно, можно объяснить служебными командировками, состоянием здоровья и другими стандартными причинами.

Чуть более любопытны «ножницы» между числом лиц, которые записались для выступления в прениях и докладах (23), и количеством персон, которые реально выступили (11)¹⁴. На первый взгляд, это может вызвать некоторое удивление. Так, В.В. Величко, рассказывая об особенностях проведения региональной партконференции, в интервью отмечал, что «у каждого присутствующего была возможность выступить, задать вопрос, подать записку в президиум» [Никифоров 2021: 187]. Вероятное объяснение подобной разницы между потенциальными и реальными спикерами – банальный недостаток времени на партконференции.

Наибольший интерес в документе вызывают данные, представленные ниже в таблице. Они касаются демографических, профессиональных и образовательных характеристик членов Ивановского областного партийного комитета, избранного 8 февраля 1971 г.

Состав Ивановского областного партийного комитета (1971 г.)¹⁵

Категории	Члены партийного комитета	Кандидаты	Члены ревизионной комиссии
Всего	107	31	15
Не входили ранее в прежний состав	26	17	4
Женщины	20	15	4
По роду занятий:			
Рабочие	16	9	2
В т. ч. рабочие совхозов	3	3	–
Колхозников (без специалистов сельского хозяйства)	4	4	1
В том числе председателей колхозов	3	1	–
Руководителей предприятий промышленности, транспорта, связи и строительства	3	2	–
Директоров совхозов	3	1	–
Инженерно-технических работников	1	1	–
Агрономов, зоотехников и других специалистов сельского хозяйства	–	2	–
Партийных работников	42	4	3
Работников советских учреждений	14	4	4
Военных	2	1	–
Остальных	17	1	4
По образованию			
С высшим	78	13	10
С незаконченным высшим	4	2	2
Со средним	13	12	–
С неполным средним	11	4	3
С начальным	1	–	–

Строка таблицы с заголовком «не входили ранее в прежний состав» свидетельствовала об определенной ротации кадров (почти 25 %). Следует сказать, что § 25 Устава КПСС, принятого при Н.С. Хрущеве на XXII съезде КПСС, предусматривал обязательное обновление обкома «на одну треть на каждых очередных выборах»¹⁶. Однако документ и сама конференция относятся уже к более позднему периоду, когда данная норма перестала быть обязательной. Тем не менее немаловажно, что по крайней мере в отдельных случаях весьма формальная ротация партийных кадров на нижнем региональном уровне имела место. Собственно, эту тенденцию и отражает наглядно данная графа.

Отметим немалую долю женщин в составе обкома партии (чуть более 20 %). Относительно представительств женщин в органах региональной и местной власти имеются свидетельства устной истории, отражающие целенаправленную линию Москвы в этом русле. В интервью помощник первого секретаря Ярославского обкома КПСС В.В. Величко по этому поводу отмечал: «...была установка ЦК партии: среди секретарей райкомов, горкома, обкома КПСС должна была быть женщина» [Никифоров: 180]. Здесь умест-

но вспомнить и о том, что в 1970–80-е гг. депутатами Верховного совета СССР от Ивановской области были знаменитые ткачихи, героини Социалистического труда – В.Н. Голубева и З.П. Пухова¹⁷, последняя была председателем Ивановского облисполкома и главой Комитета советских женщин¹⁸.

Обратив внимание на графу «род занятий», нетрудно заметить, что более половины (56 человек) численности Ивановского обкома КПСС составила бюрократия – аппарат: партийный (42 человека) и советский (14 человек). Примечательно, что представители непосредственно производственного социума составляли меньшинство. Рабочих в обкоме КПСС было 16 человек, а колхозников лишь 4 человека, из которых 3 были председателями колхозов¹⁹, то есть они достаточно номинально представляли простой трудовой народ.

Данные архивных документов за 1978 г. из Костромской области (справка «О партийной прослойке среди рабочих и служащих по министерствам в областной партийной организации») свидетельствовали о том, что, несмотря на прилагаемые усилия, процент коммунистов в реальном производственном секторе, в среде рабочего класса, а также в сфере в здравоохра-

нения был невелик. Так, на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве и в сфере услуг процент членов КПСС колебался от 8–9 % (в здравоохранении, сельском строительстве) до 16–17 % (в автомобильной и авиационной промышленности); максимум был в электротехнической отрасли промышленности (21 %). Напротив, процент коммунистов возрастал в непроизводственном секторе: в организациях, подведомственных МВД, высшего и среднего специального образования (23–24 %). Наиболее значительной была доля коммунистов в юстиции и судебных органах (по 33 %), прокуратуре (41 %), Госплане и плановых органах местных советов (48 %), Комитете народного контроля и Госкомитете по ТВ и радиовещанию (68–69 %) ²⁰. Эти цифры, конечно же, явно резонировали с официальными установками о КПСС как партии рабочего класса. В интервью представителей региональной власти указывалось, что власть стремилась к искусственному повышению доли рабочих в партии: «Интересными были нормы приема в КПСС: как правило, 3 рабочих на 1 инженерно-технического работника или интеллигента, поскольку КПСС позиционировала себя как партия рабочего класса» [Никифоров: 179–180]. В литературе высказывается мнение, что такой подход возобладал при И.В. Капитонове как руководителе отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС: «При И.В. Капитонове стали вводиться квоты на прием в КПСС рабочих, крестьян, интеллигенции, формализовалась работа партийных организаций. Под влиянием отдела, которым он руководил, формировалась структура партии, происходило превращение партийных комитетов в жесткий механизм, задавался тон и настрой всей работе КПСС» [Зенькович]. Несмотря на подобные установки и практику выдвижения рабочих, самый верхний уровень региональной власти, который принимал реальные управленческие решения, был несколько в стороне от этой официальной линии. Показательно, что в Бюро Ивановского областного партийного комитета (14 человек), избранного на анализируемой партийной конференции, не вошел ни один представитель ни от рабочего класса, ни от колхозников ²¹. В состав Бюро обкома партии, по оценке С.Г. Кордонского, «входили секретари обкома, некоторые заведующие отделами, руководители представительской ветви, комитета народного контроля, руководители главков или особо крупных предприятий союзного и республиканского подчинений» [Кордонский: 44]. Данные устной истории уточняют «Список Кордонского». Так, статусный интервьюируемый – первый секретарь Ярославского обкома КПСС (1986–1990) И.А. Толстоухов – отмечал, что в 1970-х гг. – 1980-х гг. в Бюро обкома КПСС входили и другие значимые фигуры – глава областного управления КГБ [Никифоров: 227].

В отношении членства в бюро обкома, по мнению О.В. Хлевнюка, «нередко действовали правила «номенклатурного местничества». Среди чиновников, равных по положению, преимущественное право на членство в бюро имел тот, кто дольше служил в своей должности» [Хлевнюк: 38].

Строка «образование» в анализируемой таблице демонстрирует, что подавляющее большинство избранных членов Ивановского обкома КПСС имели высшее образование. Это наблюдение вполне соответствует как общей тенденции роста образованности советского общества ²² и числа высших учебных заведений, увеличения влияния университетской системы [Бокарев: 142], так и развитию частной линии. Последняя была связана с установкой власти на рост квалификации, компетентности руководящих кадров в регионах и наметилась еще в период позднего сталинизма [Коновалов: 27–28]. Характерный штрих, отражающий эту тенденцию в кадровой политике позднего сталинизма, являет собой постановление Политбюро «О первом секретаре Костромского обкома ВКП(б)» от 4 декабря 1946 г. В этом документе отмечалось: «В связи с отсутствием необходимой общеобразовательной подготовки... освободить т. Кондакова А.А. от работы первого секретаря Костромского обкома ВКП(б) и направить его на учебу в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б)» [ЦК ВКП(б): 134].

В 1950–80-е гг., по оценке В.А. Золотова, «была создана довольно стройная система партийных учебных заведений, включавшая в себя Высшую партийную школу при ЦК КПСС, республиканские, областные и краевые партийные школы, курсы переподготовки при ВПШ и при местных партийных школах, Академию общественных наук при ЦК КПСС» [Золотов: 27]. Интервью и мемуары представителей региональной власти свидетельствуют о значимости этих образовательных учреждений как лифтов социальной мобильности. Так, об учебе в Высшей партийной школе (далее – ВПШ) как важном этапе партийной карьеры подробно рассказывал Ф.И. Лощенков, первый секретарь Ярославского обкома КПСС [Лощенков: 31–33]. Опытный партийный работник 1970–80-х гг. В.В. Величко, отвечая в интервью на вопрос относительно каналов социальной мобильности, указывал на значимость Академии общественных наук (далее – АОН) при ЦК КПСС: «Учиться в ней было очень престижно, ее выпускников готовили для работы в ЦК» [Никифоров: 186]. Возвращаясь к исследуемому периоду, приведем мнение авторитетного историка А.Б. Коновалова о динамике уровня образования региональной партийной номенклатуры: «К середине 1970-х гг... значительно увеличилась прослойка лиц с высшим образованием. В группе секретарей райкомов и горкомов она стала составлять 100 %» [Коновалов: 53].

Продолжая тезис А.Б. Коновалова, отмечу также появление в институтах региональной власти и руководящих кадров с учеными степенями. Применительно к обкому КПСС лица, имеющие ученую степень и/или звание, конечно же, не были массовым явлением, но не были и редкостью. Достаточно вспомнить, что обладателями ученых степеней были такие статусные персоны, как Ю.Н. Баландин и Л.Я. Флорентьев – первые секретари Костромского обкома КПСС.

Л.Я. Флорентьев, министр сельского хозяйства РСФСР (1965–1983), партийный лидер Костромской области в 1956–1965 гг., имел ученую степень доктора экономических наук, а также длительный опыт работы в высшей школе (Горьковская высшая сельскохозяйственная коммунистическая школа) [Белов; Горячев]. Ю.Н. Баландин, который возглавлял Костромскую областную парторганизацию в 1971–1986 гг., был ученым, агрономом-экономистом²³, «успешно защитившим диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук» [Белов: 209].

Нетрудно заметить, что чаще всего люди с учеными степенями появлялись в обкоме КПСС транзитом из учреждений высшего образования или науки (или, по крайней мере, пребывая в этой сфере какое-то время). Помимо указанных Ю.Н. Баландина и Л.Я. Флорентьева, классический пример такого транзита кадров представляет собой Н.П. Воронин [Никифоров 2021: 189–196] – кандидат психологических наук, профессор, который во второй половине 1980-х гг. перешел в обком КПСС на должность секретаря по идеологии с поста ректора Ярославского педагогического института им. К.Д. Ушинского [Ермаков]. Однако были и другие форматы. Для некоторых представителей партийного и советского аппарата местом подготовки кандидатской диссертации стала аспирантура Академии общественных наук при ЦК КПСС. Подобную ситуацию описал в интервью представитель советского аппарата С.Н. Овчинников, защитивший диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук, детально обрисовав динамику личной инициативы: «Вспоминается, что на областной партийной конференции Ф.И. Лощенков озвучил... 2 члена областной парторганизации учатся в аспирантуре и работают над диссертациями. Мою инициативу об учебе в аспирантуре Академии общественных наук поддержал и Ф.И. Лощенков, и тогдашний ректор ЯГПИ...» [Никифоров 2021: 224]. Вероятно, подобные личные инициативы были выгодны и региональному партийному комитету из соображений престижности и статистической отчетности.

Подводя итоги, отметим, что в региональных партийных институтах власти причудливым образом переплетались две противоречивые тенденции.

С одной стороны, имело место активное участие в органах власти широких слоев населения, основан-

ное на ценностях советской демократии. Проявлением этой тенденции было включение представителей трудящихся, рабочих и крестьянства в структуры региональной власти, а также стремление увеличить долю женщин в общем количестве делегатов областной партийной конференции и обкома КПСС. С другой стороны, фактическое принятие решений находилось в руках непосредственно узкой группы партноменклатуры во главе с первым секретарем регионального парткомитета. Институционально эта тенденция выразилась в функционировании Бюро обкома КПСС, который, в сущности, был главным центром принятия управленческих решений на региональном уровне власти в СССР. Касаясь общих социальных характеристик членов региональных структур власти в 1970-е гг., можно констатировать существенный общий рост образовательного уровня в исследованных областях. В сравнении с ситуацией конца 1940-х – начала 1950-х гг. высшее образование в 1970-е гг. становится нормой для подавляющего большинства членов обкома КПСС.

Примечания

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. П-830. Оп. 88. Д. 3; ГАВО. Оп. 73. Д. 1.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп. 13. Д. 75; Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. П-765. Оп. 35. Д. 96.

³ Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 272. Оп. 270. Д. 625.

⁴ ГАВО. Ф. П-830. Оп. 88. Д. 3.

⁵ Там же. Л. 8–9.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 11.

⁸ Там же. Л. 12–13.

⁹ Там же. Л. 15.

¹⁰ ГАВО. Ф. П-830. Оп. 73. Д. 1. Л. 1–5.

¹¹ Там же. Л. 17, Л. 19.

¹² ГАИО. Ф. П-327. Оп. 13. Д. 75. Л. 25.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 25.

¹⁵ Составлено по: ГАИО. Ф. П-327. Оп. 13. Д. 75. Л. 25–26.

¹⁶ Устав КПСС // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. 1961–1965. Москва, 1986. С. 192.

¹⁷ О З.П. Пуховой см.: Никифоров Ю.С. З.П. Пухова: от ивановской ткачихи до главы Комитета советских женщин // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Междунар. науч. конф.; Кострома, 2023 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. Москва, 2023. Ч. 1. С. 311–313.

¹⁸ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7928; ГАИО. Ф. Р-267.

¹⁹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 13. Д. 75. Л. 25–26.

²⁰ ГАНИКО. Ф. П-765. Оп. 35. Д. 96. Л. 2.

²¹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 13. Д. 75. Л. 25–26.

²² См.: Народное образование и культура в СССР: Стат. сб. Москва, 1989. С. 234.

²³ См.: Баландин Ю.Н. Техническое нормирование и организация электротракторных работ: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 1955.

Список литературы

Белов А.М. Руководители Костромской губернии и области 1778–2009 гг. Кострома: КГУ, 2009. 296 с.

Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980. Москва: Наука, 2007. 381 с.

Горячев Ю.В. Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-библиографический справочник. Москва: Граница, 2015. 1006 с.

Ермаков А.М. Ректоры ЯГПУ (1908–2013): очерки. Ярославль: ЯГПУ, 2013. 127 с.

Зенькович Н.А. Самые закрытые люди: Энциклопедия биографий. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 765 с.

Золотов В.А. Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень (1953–1991). Москва, 2006. 48 с.

Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 635 с.

Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. Москва: ОГИ, 2006. 240 с.

Лощенков Ф.И. От Сталина до Горбачева. Ярославль: ЛИЯ, 2000. 79 с.

Лубский А.В. Институциональный подход // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. Москва: Аквилон, 2014. С. 133–135.

Луман Н. Власть. Москва: Практика, 2001. 256 с.

Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Пермское кн. изд-во, 2003. 238 с.

Никифоров Ю.С. Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.). Ярославль: ЯГПУ, 2021. 275 с.

Никифоров Ю.С. Региональный аспект исследования трансформации российского общества 1950–1990-х гг. и эволюции экономического устройства: репрезентативность и уникальность Верхневолжских регионов позднего СССР // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 2. С. 52–60.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Начала, 1997. 180 с.

Размолodin М.Л. Эпизоды из жизни и деятельности Ф.И. Лощенкова (интервью с бывшим первым секретарем Ярославского обкома КПСС). Ярославль: ЛИЯ, 1995. 176 с.

Сунгуров А.Ю. Функции политической системы: от застоя к постперестройке. Санкт-Петербург: Стратегия, 1998. 271 с.

Хакимов Р.Ш. Система привилегий и льгот региональной номенклатуры в советский период: на примере Челябинской области. Челябинск: ЧГУ, 2022. 195 с.

Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31–49.

Хромов Е.А. Региональные элиты в СССР в конце 1950 – середине 1960-х гг. к постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 182–188.

ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост.: В.В. Денисов, М.Ю. Прозуменщиков, О.В. Хлевнюк. Москва: РОССПЭН, 2004. 494 с.

Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. Москва: Наука, 2006. 295 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: НЛЮ, 2014. 664 с.

Gorlizki Y., Khlevniuk O. Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union. New Haven, London, Yale University Press, 2020, XII, 445 p.

References

Belov A.M. *Rukovoditeli Kostromskoj gubernii i oblasti 1778–2009* [The leaders of the Kostroma province and the region 1778-2009]. Kostroma, KGU Publ., 2009, 296 p. (In Russ.)

Bokarev Yu.P. *SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade. 1970–1980* [USSR and the formation of post-industrial society in the West. 1970-1980]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 381 p. (In Russ.)

CK VKP(b) i regional'nye partijnye komitety, 1945–1953 [Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and regional party committees, 1945-1953], compiler: V.V. Denisov, M.Y. Prozumenshchikov, O.V. Hlevnyuk. Moscow, Rosspen Publ., 2004, 494 p. (In Russ.)

Ermakov A.M. *Rektory YAGPU (1908–2013): ocherki* [Rectors of YSPU (1908–2013): essays]. Yaroslavl', YAGPU Publ., 2013, 127 p. (In Russ.)

Goryachev Yu.V. *Central'nyj komitet KPSS, VKP(b), RKP(b), RSDRP(b): istoriko-bibliograficheskij spravochnik* [Central Committee of the CPSU, CPSU(b), RCP(b), RSDLP(b): historical and bibliographic reference book]. Moscow, Granica Publ., 2015, 1006 p. (In Russ.)

Hakimov R.SH. *Sistema privilegij i l'got regional'noj nomenklatury v sovetskij period: na primere CHelyabinskoy oblasti* [The system of privileges and benefits of the regional nomenclatura in the Soviet period:

the example of the Chelyabinsk region]. Chelyabinsk, CHGU Publ., 2022, 195 p. (In Russ.)

Hlevnyuk O.V. *Regional'naya vlast' v SSSR v 1953 – konce 1950-h gg. Ustojchivost' i konflikty* [Regional power in the USSR in 1953 – late 1950s. Stability and conflicts]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 2007, No. 3, pp. 31-49. (In Russ.)

Hromov E.A. *Regional'nye elity v SSSR v konce 1950 – seredine 1960-h: k postanovke voprosa* [Regional elites in the USSR in the late 1950s - mid-1960s. to posing the question]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2009, No. 323, pp. 182-188. (In Russ.)

Konovalov A.B. *Partijnaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noj vlasti (1945–1991)* [Party nomenclature of Siberia in the system of regional power (1945–1991)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2006, 635 p. (In Russ.)

Kordonskij S.G. *Rynki vlasti: Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Markets of power: Administrative markets of the USSR and Russia]. Moscow, OGI Publ., 2006, 240 p. (In Russ.)

Loshchenkov F.I. *Ot Stalina do Gorbacheva* [From Stalin to Gorbachev]. Yaroslavl, LIYA Publ., 2000, 79 p. (In Russ.)

Lubskij A.V. *Institucional'nyj podhod* [Institutional approach]. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: terminologicheskij slovar'* [Theory and methodology of historical science: terminological dictionary]. Moscow, Akvilon Publ., 2014, pp. 133-135. (In Russ.)

Luman N. *Vlast'* [Power]. Moscow, Praxis Publ., 2001, 256 p. (In Russ.)

Mohov V.P. *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991)* [Regional political elite of Russia (1945–1991)]. Perm', Permskoe izdatel'stvo Publ., 2003, 238 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Verhnevolzhskie regiony RSFSR i soyuzno-respublikanskij centr (1950–1980-e gg.)* [Upper Volga regions of the RSFSR and the Union-Republican center (1950-1980)]. Yaroslavl, YGPU Publ., 2021, 275 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Regional'nyj aspekt issledovaniya transformacii rossijskogo obshchestva 1950–1990-h gg. i evolyucii ekonomicheskogo ustrojstva: reprezentativnost' i unikal'nost' Verhnevolzhskih regionov pozdnego SSSR* [Regional aspect of the study of the transfor-

mation of Russian society in the 1950s–1990s. and the evolution of the economic structure: representativeness and uniqueness of the Upper Volga regions of the late USSR]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2020, No. 2, pp. 52-60. (In Russ.)

Nort D. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow, Nachala Publ., 1997, 180 p. (In Russ.)

Razmolodin M.L. *Epizody iz zhizni i deyatel'nosti F.I. Loshchenkova (interv'y u s byvshim pervym sekretarem Yaroslavl'skogo obkoma KPSS)* [Episodes from the life and work of F.I. Loschenkov (interview with the former first secretary of the Yaroslavl regional committee of the CPSU)]. Yaroslavl, LIYA Publ., 1995, 176 p. (In Russ.)

Sungurov A.Y. *Funkcii politicheskoy sistemy: ot zastoya k postperestrojke* [Functions of the political system: from stagnation to post-perestroika]. St. Petersburg, Strategiya Publ., 1998, 271 p. (In Russ.)

Shestakov V.A. *Social'no-ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-h* [Socio-economic policy of the Soviet state in the 50s – mid-60s]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 295 p. (In Russ.)

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow, NLO Publ., 2014, 664 p. (In Russ.)

Zen'kovich N.A. *Samye zakrytye lyudi* [The most closed people]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002, 765 p. (In Russ.)

Zolotov V.A. *Politicheskaya elita SSSR: social'nyj sostav, obrazovatel'nyj i kul'turnyj uroven' (1953–1991)* [Political elite of the USSR: social composition, educational and cultural level (1953–1991)]. Moscow, 2006, 48 p. (In Russ.)

Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union*. New Haven, London, Yale University Press Publ., 2020, XII, 445 p.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 15.03.2024.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 11.03.2024; accepted for publication 15.03.2024.

«КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ»: ЖЕНСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ О ЖИЗНИ ГИДРОСТРОИТЕЛЕЙ В СИБИРСКИХ ЧЕРЁМУШКАХ 1970-Х ГГ.

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, pushkarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Жидченко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, Travel822@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

Аннотация. Статья посвящена анализу женской социальной памяти о жизни поселка гидростроителей и гидроэнергетиков Черемушки в Хакасской АССР в 1970-е гг. Своей основной научной задачей авторы считают специальное изучение женских воспоминаний о быте того времени – более релевантных и репрезентативных, нежели мужские, при изучении истории повседневности (женщины лучше знают и помнят бытовые подробности). Соотнесение памяти женщин о жизни в новом городе в 1970-е гг. с памятью женщин, живших и работавших в аналогичных городах, построенных при ГЭС полутора десятилетиями ранее (Волжская, Каховская, Куйбышевская), выявило ряд отличий в аксиосфере разных поколений женщин, а также остроту реакций жительниц сибирских Черемушек на социальные трансформации в стране периода перестройки. Их локальным символом стало разрушение построенного при советской власти колеса обозрения в местном парке, ставшего знаком утраченных надежд.

Ключевые слова: период застоя в СССР 1964–1981 гг., женская коллективная память, социальная память, городская повседневность, быт, советская экономика, городская культура.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия»

Для цитирования: Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. «Колесо обозрения»: женская социальная память о жизни гидростроителей в сибирских Черёмушках 1970-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 25–30. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-25-30>

Research Article

“FERRIS WHEEL”: FEMALE SOCIAL MEMORY OF THE EVERYDAY LIFE OF HYDRAULIC WORKERS IN SIBERIAN CHERYOMUSHKI IN THE 1970S

Natalya L. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Professor, chief researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of the RAS, Moscow, Russia, pushkarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Alexander V. Zhidchenko, Candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of the RAS, Moscow, Russia, Travel822@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

Abstract. The article is devoted to the analysis of female social memory about the life of the village of hydraulic builders and hydropower workers in Cheryomushki, Khakassia Autonomous Soviet Socialist Republic, in the 1970s. The authors consider their main scientific task to be a special study of women’s memories of the life of that time as more topical and representative, than the men’s ones, in the study of the history of everyday life. Correlating memory of life in a new township in the 1970s with the memory of women who lived and worked in similar cities built at hydroelectric power stations a decade and a half earlier (Volzhsky, Kakhovka, Kuybyshev), revealed a number of differences in the axiosphere of different generations of women, as well as the severity of the reaction of residents of Siberian Cheryomushki to social transformations in Russia at the late 1980s and the 90s. Their local symbol was the destruction of the Ferris wheel, which had been built under Soviet rule in a local park, – a sign of lost hopes.

Keywords: deterioration period in USSR in 1964–1981, female collective memory, social memory, urban routine, everyday life, Soviet economy, urban mass culture.

Acknowledgement: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project 24-18-00212 «Women's Family Memory in Russia of the 18th to 21st Centuries: Transmission Forms, Transformation Dynamics, Social Mission»

For citation: Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. "Ferris wheel": female social memory of the everyday life of hydraulic workers in Siberian Cheryomushki in the 1970s. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 25–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-25-30>

Женская социальная память о повседневной жизни локального социума, ограниченного пространством города или поселка, – тема малоизученная и начавшая привлекать внимание социальных историков лишь в ходе антропологического переворота в гуманитарных науках. Он сделал раздельное рассмотрение воспоминаний о прошедшем женщин и мужчин неким особым императивом [Пушкарева 2014]. Женская коллективная память – сложный социально-психологический конструкт, связанный и с реальными событиями, и с несколько преувеличенным переживаниями, окрашивающими индивидуальный опыт. Предлагаемое исследование – часть масштабного историко-компаративного проекта, посвященного женской повседневности новых городов СССР, построенных в середине – второй половине XX века (наукоградов и промышленных центров). Период хрущевской оттепели и последовавшие за ним «стабильные» 1970-е гг. малоизучены в советской женской истории, а это особый период, отмеченный переменами в бытовой жизни незаметных акторов крупных исторических процессов, среди которых более половины составляли как раз женщины. Ранее мы уже рассматривали, как советское руководство попыталось облегчить их быт [Пушкарева, Жидченко]. К радости создавших тогда семьи, вышли специальные постановления о многодетных, в том числе – о дополнительных днях отпуска для них, об охране женского труда, об увеличении декретных отпусков, о продленном дне для школьников, а главное, о жилищном строительстве, которое масштабно развернулось в 1950-60-е гг. Даже пилотажные опросы до начала нашей работы показали очевидные следы социального оптимизма, надежд на быстрый экономический и культурный прогресс страны [Зябликов]. Поэтому к опросам в избранных нами городах СССР, возникших в послевоенное время, мы подходили с желанием понять: как именно женщины вспоминают то время? Что может сказать исследователю анализ социальной коллективной женской памяти двух поколений, если нарративы будут собраны не в столичном городе, в котором социальная инфраструктура развивалась стремительно и успешно, а в провинциальном типовом городе центральной части РСФСР?

В предлагаемой работе мы обращаемся к истории повседневности небольшого поселка гидростроителей и гидроэнергетиков, который начал создавать-

ся на рубеже 1960-х – 1970-х гг. и возник в связи со строительством на юге Сибири Саяно-Шушенской ГЭС. Для оценки ситуации были собраны воспоминания тех из женщин, которые специально приехали на строительство электростанции полвека тому назад и по личным причинам остались жить в поселке, работая в дальнейшем на обслуживании гидроэлектростанции или в других организациях. Моногорода – населённые пункты, в которых социальная и экономическая сфера напрямую зависит от ситуации на производственном комплексе, – стали обыденным явлением в СССР в послевоенные годы. Таковы город Волжский (Волжская ГЭС), Жигулевск (Куйбышевская ГЭС), Новая Каховка (Каховская ГЭС) [Никифоров], так что сибирский вариант возникновения поселения на месте строительства гидроэлектростанции является лишь инвариантом общего феномена. Гидроэнергетика была отраслью советской промышленности в СССР, бурно развивавшейся вплоть до середины 1980-х гг. Новые гидроэлектростанции создавались вместе с городами и рабочими поселками, жизнь в поселках копировала особенности жизни именно городской [Лебина] – не сельской [Мухина]. Если пользоваться методическими подходами к рассмотрению деталей именно женской повседневности при реконструкциях особенностей быта [Пушкарева 2007; Белова], то именно женщин и стоит считать ключевыми информаторами: им советская историография, основанная на устных историях, отдельного внимания не уделяла [Грушин 2001]. Отдельные аспекты городской советской женской повседневности середины XX века затрагивались зарубежными исследователями [Lapidus; Boym; Ilie; Reid], но они никогда не собирали свидетельства женской памяти в небольших провинциальных, далеких от столиц городках, и их выводы сделаны с позиций постоянного (порой невольного) сравнения женского быта в своих странах с бытом женщин в далеком СССР. И сравнения эти сделаны с позиций снисходительности и жалости. Зарубежные авторы не проявляли стремления понять мотивированность социального оптимизма тех, кто ехал в СССР на стройки пятилеток и не делали попыток углубиться в суть эмоционально-психологического фона женских переживаний того времени.

Между тем особенностью советских городов и поселков, в которых градообразующей становилась гидроэнергетика, было создание тут образцовой со-

циальной инфраструктуры, которая могла обеспечить всем необходимым жителей ведомственных, по сути, населенных пунктов. Не удивительно, что выбранный нами сибирский городок получил название Черёмушек – по аналогии с московским микрорайоном, расположенным в Юго-Западном административном округе столицы, известным своими панельными домами-хрущёвками, построенными в 1950-е и 1960-е годы. Название Черёмушки быстро стало нарицательным, обозначая типовой жилой квартал 1960-х годов и тем самым символизируя всё новое и современное. Черёмушки возникли во множестве советских городов 1960–70-х гг., но свои поселения рядом со строящимися гидроэлектростанциями в бывшем СССР именовали по-разному: Новая Каховка (Каховская ГЭС в УССР), Волжский (Волжская ГЭС в Волгоградской обл.), Жигулевск (Куйбышевская ГЭС в Куйбышевской обл.). В отличие от названных выше городов, строившихся в 1950–60-е гг. (преимущественно с конца 1940-х и в начале 1950-х гг.), Черёмушки в районе Саяно-Шушенской ГЭС строились на излете оттепели, в конце 1960-х – 1970-е гг. Приступая к опросам, мы имели в виду, что интересуемся женской социальной памятью другого поколения девушек и женщин, родившихся не ранее начала 1950-х гг. Наша задача коренилась в желании выяснить, есть ли отличия в воспоминаниях о повседневной жизни в новом городском пространстве у представительниц разных поколений, ехавших по все тем же (что и в 1950-е гг.) комсомольским путевкам на создание и работу на предприятии одной и той же отрасли.

Даже пилотажный опрос жительниц сибирских Черёмушек обнаружил эйфорию в отношении проведенной в этом поселении юности и прожитых в дальнейшем в зрелом возрасте годах. С ГЭС и Черёмушками были связаны ключевые этапы женских жизней, в которых не столько профессиональное, сколько личное и семейное постоянно было на первом месте: брак, рождение детей, праздники, общение с друзьями («все были молодыми, знакомились, общались, дружили, мы и с мужем познакомились прямо там, на ГЭС»⁵). Глубинные полуструктурированные биографические интервью дают социальному антропологу материал по истории соподчинения личного и профессионального. Большинство женщин на вопрос, трудно ли было работать на новом сложном гидротехническом сооружении, отвечали, что работали с энтузиазмом и с радостью училось мужским профессиям («женская работа была сложная, мы же строители – и нас, молодых девушек, учили работать с молотами отбойными, пневмолот, вибромолот. Держишь такую махину, а сама думаешь, как бы из рук не выпустить»⁴).

Отдельный блок вопросов, отраженных в биографических интервью, касался ответственности

вспоминавших об обеспечении семей едой. Период экономической стагнации практически всеми воспринят как «время, когда все было» и в этом смысле не похож на период послевоенный и оттепельный, когда везде наблюдались какие-то нехватки [Жидченко, Пушкарева]: «У нас все было, все привозили, предприятие обеспечивало нас всеми продуктами, магазины хорошие были»⁶.

Поскольку поселок строился в сосновом бору, в окружении леса, согласно концепции, по которой создавались новые города и поселки в СССР в экологически чистых районах и с учетом максимального использования преимуществ природно-географического ландшафта, это не могло не оказать влияния на женскую социальную память. Никто не стремился уехать от родного предприятия подальше, к морю или тем более за границу – отдых на природе недалеко от дома превращался в 1970-е в основной вид досуга, особенно летом, респондентки отмечали радость сбора ягод и грибов, подчеркивали, что «рыбалка была отличная» (рядом р. Енисей), и типично мужской вид досуга (рыбалка) тут не имел гендерных различий⁵.

Жилищные условия наших респонденток в новом советском сибирском городке напрямую зависели от послевоенных перемен в градостроительной политике. С конца 1950-х годов впервые в советской истории стал существенно расти показатель средней жилой площади на человека – и массовое типовое строительство обеспечило собственными бесплатными благоустроенными квартирами множество приезжавших на стройки 9-й и 10-й пятилеток. Не был исключением и район Саяно-Шушенской ГЭС. Обстановка квартир в этих совсем не московских Черёмушках была куда менее скромной, чем в рабочих поселках и городках 1960-х гг. Если в период строительства Волжской или Куйбышевской ГЭС первой мебелью молодоженов было то, что смастерили они сами или что им подарили родители, то воспоминания женщин о благоустройстве квартир в 1970-е гг. в Сибири свидетельствует о другом: «Да, нам талоны выдавали на мебель, по ним все можно было купить! Молодая семья? Вот тебе талон: на кровать, на тумбочку, на шкаф, на сервант, потом телевизор; все у нас было!»² Этот рефрен «всё было» окрасил множество воспоминаний о повседневном советском быте начала брежневского периода, охватывающего почти 20 лет (1964–1981). Особо теплым воспоминанием и негласным символом женской социальной памяти о том времени в сибирских Черёмушках неожиданно стало установленное тогда в парке колесо обозрения («у нас был замечательный парк, там стояло большое колесо обозрения», «колесо обозрения... все его любили, а в 90-е бросили и парк, и колесо, потому оно покосилось и рухнуло»⁶).

Рухнувшее в 1990-е гг., в период острого социального кризиса, «колесо обозрения» предстало в женских воспоминаниях подтверждением рухнувшей мечты, которую можно было воображать, находясь на том колесе в юности. В ответ на вопрос о том, стали ли семьи старожилок покидать Черёмушки в годы кризиса 1990-х гг., женщины говорили: «Народ так и жил, мало кто уезжал, но когда рухнуло колесо обозрения – это на многих впечатление произвело; семьи уехали из Черёмушек, испугались за свое будущее»². Такого рода сравнение брежневских лет в истории сибирских Черёмушек с годами перестроечными – годами острого социального кризиса – заметно у многих респонденток. В их память остро врезались не столько события юности и благополучной молодости, сколько мощнейший удар по тогдашнему благополучию, нанесенный разрушением накопленных связей и перестройкой всей жизни в профильных моногородах и в особенности по рабочим поселкам при производствах или ГЭС, где отсутствовали иные предприятия. Общее воспоминание об окончании времени благополучия укладываются в словосочетание «выживали как могли»^{1,2,4}.

В отличие от воспоминаний горожанок из промышленных моногородов, жительницы городов, возникших у ГЭС (добавим к сибирским Черёмушкам еще и Жигулёвск, бывший в некоторой степени городом-спутником Тольятти, а также Волжский – городок-спутник крупного индустриального Волгограда), в воспоминаниях о прошлом брежневская эпоха отделена от последующего времени самым жестким образом. В первые постсоветские годы, по словам респонденток, речь шла об элементарном выживании («не было продуктов, не было денег, нечего было есть, мы голодали, вообще непонятно, как мы выжили... всем на нас было наплевать»¹).

История изучения женской социальной памяти о повседневном, реконструированная нами на основе устной женской истории (которая до поры до времени не считалась репрезентативным источником), показала, что когда люди слишком долго живут в обстановке стабильности, они перестают ее ценить. В столичных городах это обезценивание ощущалось сильнее – и у народа было напряженное состояние ожидания перемен (которое выразилось в известной песне В. Цоя «Перемен, мы ждем перемен»). Но в маленьких провинциальных рабочих городах, в том числе и особенно недавно возникших и имевших в силу нацеленности на создание и развитие гидроэнергетики отличное снабжение, отношение к имеющемуся было иным, позитивным, особенно эта позитивность ощущается ныне, по прошествии времени. При этом женская социальная память о жизни в новом поселке отличалась и от содержания памяти предшественниц рассказчиц – старожилок ГЭС периода послевоен-

ной индустриализации в СССР, которым приходилось преодолевать куда большие трудности. Общим схожим компонентом рассказов о прошлом полувековой давности является лишь «совностальгия» (ностальгия по советскому периоду их жизни) и критика 1990-х гг. как периода разрушения старого привычного образа жизни. Общей, конечно, остается и болезненная тоска по ушедшей юности и молодости, романтизация тех лет и того городского пространства, которое не могло не измениться под влиянием общественных трансформаций. В сравнении с мужскими рассказами, женские воспоминания более ориентированы на рассказ о себе, семье и явно адресованы тем, кто сумеет понять и кому такого рода рассказы дороги (а это близкие, родственники, сочувствующие друзья). Различным в подходах двух поколений к памяти об ушедшем предстает оценка сложностей быта, с которыми приходилось сталкиваться в повседневных практиках. Быт поколения девушек-строителей 1950-х гг. был сложнее и противоречивее [Пушкарева, Жидченко], чем быт их ровесниц спустя без малого 20 лет. Иной подход обнаружен и в раскрытии респондентками семейных биографий. Рассказы женщин, бывших молодыми в годы хрущевского десятилетия, в целом более открытые, наполненные общей гордостью за преодоленные трудности («жили в бараке, а родили и вырастили троих детей»³); у представительниц следующего поколения (рожденных в 1950-е и оказавшихся в новых городах не в связи с романтическим желанием построить «коммунистическое завтра», а в поисках более обеспеченной, чем в родных местах, жизни, память о молодости иная. Сама информация более закрытая, явленная в ходе биографических рассказов более сдержанно, более дистанцированно от идейно-политических лозунгов своего времени и центрированная на личном и семейном.

Примечания

¹ Анонимные воспоминания // Архив авторов (далее – АА). Записано 16.06.2023, поселок городского типа Черёмушки, Хакасия (далее ПГТЧ).

² Анонимные воспоминания // АА. Записано 17.06.2023, ПГТЧ.

³ Воспоминания Л. Е. Артамоновой, 1939 г. р. // АА. Записано 17.10.2008, ПГТЧ.

⁴ Воспоминания Н. Г., 195(?) г. р. // АА. Записано 18.06.2023, ПГТЧ.

⁵ Воспоминания Степановой Л.К., 1952 г. р., из сельской семьи // АА. Записано 18.06.2023, ПГТЧ.

⁶ Воспоминания Чагиной А.В., 1954 г. р., из семьи рабочих // АА. Записано 18.06.2023, ПГТЧ.

Список литературы

Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и ме-

тодологический аспекты / под ред. Н.Л. Пушкаревой // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Москва: НЛЮ, 2013. С. 25–67.

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Москва: Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.

Жидченко А.В., Пушкарева Н.Л. Гендер и кулинарная основа культуры // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 46–48.

Зябликов А.В. Формирование советской идентичности средствами отечественного кинематографа в 1920–50-х гг.: к постановке проблемы // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. С. 52–62.

Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города. 1920–30 гг. Санкт-Петербург: Д. Буланин, 1999. 350 с.

Мухина З.З. Повседневная жизнь женщины-крестьянки в пореформенной России / под ред. Н.Л. Пушкаревой // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Москва: НЛЮ, 2013. С. 155–176.

Никифоров Ю.С. Функционал и ментальность руководителей советского производства Верхневолжских областей (1960–80-е гг.) // Вестник КГУ, 2023. Т. 29, № 1. С. 27–33.

Пушкарева Н.Л. История повседневности: Предмет и методы // Социальная история: Ежегодник, 2007. Москва, 2008. С. 9–54.

Пушкарева Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. Москва: Ломоносовъ, 2011. 284 с.

Пушкарева Н.Л. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1 (70). С. 3–12.

Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. «Все давалось большим трудом и при любой погоде»: женская память о бытовой неустроенности // *Via in tempore*. 2022. Т. 49, № 2. С. 425–432.

Boym S. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Harvard University Press, 1994, 368 p.

Ilič M. *Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From ‘Protection’ to ‘Equality’*, 1998.

Reid S., Ilič M., Attwood L. *Women in the Khrushchev era*. Basingstoke, Hampshire; New York, Palgrave Macmillan, 2004, 254 p.

Lapidus G.W. *Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change*. University of California Press, 1978, 370 p.

References

Belova A.V. *Zhenskaya povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti: istoriograficheskij i metodologicheskij aspekty* [Women's everyday life as a

subject of the history of everyday life: historiographical and methodological aspects]. *Rossijskaya povsednevnost' v zerkale gendernyh odnoshenij* [Russian everyday life in the mirror of gender relations: collection of articles]. Moscow, New Literary Review Publ., 2013, pp. 25–67. (In Russ.)

Grushin B.A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale obshchestvennogo mneniya* [Four lives of Russia in the mirror of public opinion]. Moscow, Progress–Traditsiya Publ., 2001, 624 p. (In Russ.)

Lebina N.B. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda. 1920–30 gg.* [Everyday life of a Soviet city. 1920–30]. St. Petersburg, 1999, 350 p. (In Russ.)

Mukhina Z.Z. *Povsednevnyaya zhizn' zhenshchiny-krest'yanki v poreformennoj Rossii* [Everyday life of a peasant woman in post-reform Russia]. *Rossijskaya povsednevnost' v zerkale gendernyh odnoshenij* [Russian everyday life in the mirror of gender relations: collection of articles]. Moscow, New Literary Review Publ., 2013, pp. 155–176. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Functionality and mentality of managers of Soviet production in the Upper Volga regions (1960–80s)* [Funkcional i mental'nost' rukovoditelej sovetskogo proizvodstva Verhnevolzhskih oblastej (1960–80-e gg.)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, No. 1, pp. 27–33. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Istoriya povsednevnosti: Predmet i metody* [History of everyday life: Subject and methods]. *Social'naya istoriya: ezhegodnik, 2007* [Social history: yearbook, 2007], ed. by I.Yu. Novichenko, A.K. Sokolov, R.M. Anderson. Moscow, 2008, pp. 9–54. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v Drevnej Rusi i Moskovii: nevesta, zhena, lyubovnica* [The private life of a woman in Ancient Rus' and Muscovy: bride, wife, mistress]. Moscow, 2011, 284 p. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Ob empatii v antropologii i vazhnosti razdel'nogo opisaniya i izucheniya muzhskoy i zhenskoy povsednevnosti* [On empathy in anthropology and the importance of separate description and study of male and female everyday life]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2014, No. 1 (70), pp. 3–12. (In Russ.)

Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. «Vse davalos' bol'shim trudom i pri lyuboy pogode»: zhenskaya pamyat' o bytovoy neustroyennosti [“Everything was given with great difficulty and in any weather”: women's memory of everyday disorder]. *Via in tempore*, 2022, vol. 49, No. 2, pp. 425–432. (In Russ.)

Zhidchenko A.V., Pushkareva N.L. *Gender i kulinar'naya osnova kul'tury* (Gender and the culinary basis of culture). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2021, No. 1 (70), pp. 46–48. (In Russ.)

Zyablikov A.V. *Formirovanie sovetskoj identichnosti sredstvami otechestvennogo kinematografa v 1920–50-h gg.: k postanovke problem* [Formation of Soviet identity through the means of domestic cinema in the 1920s–50s: towards the formulation of the problem]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Kostroma State University], 2022, vol. 28, No. 3, pp. 52–62. (In Russ.)

Boym S. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Harvard University Press Publ., 1994, 368 p.

Ilič M. *Women Workers in the Soviet Interwar Economy: From ‘Protection’ to ‘Equality’*, 1998.

Reid S., Ilič M., Attwood L. *Women in the Khrushchev era*. Basingstoke, Hampshire; New York, Palgrave Macmillan Publ., 2004, 254 p.

Lapidus G.W. *Women in Soviet Society: Equality, Development and Social Change*. University of California Press Publ., 1978, 370 p.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 14.01.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 14.01.2024; accepted for publication 12.02.2024.

ТРУДОВОЙ ФРОНТ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ (на материалах газеты «За сталинский урожай» 1942 г.)

Ковалева Светлана Викторовна, доктор философских наук, доцент, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Костромской район, пос. Караваяево, Россия, sweta.lana1968@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6259-3794>

Волкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, v-0-8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3291-6147>

Аннотация. В статье представлена историческая характеристика жизни тыла на Костромской земле сквозь призму фактов и событий, которые отражены в подшивке газеты «За сталинский урожай». На основе представленного за 1942 год материала проанализирована трудовая деятельность женщин, подростков, детей, которые в тяжелейших условиях военного времени работали, учились и всеми силами приближали Победу над врагом. Содержание статьи отражает сельскохозяйственную деятельность, которая происходила в колхозах Костромского края и была связана с посевной кампанией, ремонтными работами по обслуживанию техники, прополкой, сохранением и умножением урожая, уборочной страдой, животноводством. Рассматривается активная трудовая позиция школьников, комсомольцев, которые, переживая сердцем общую военную судьбу взрослых, помогали заготавливать корма, собирать лекарственные травы, зарабатывать трудодни как главный показатель ударного труда. В статье приводятся основные правительственные документы, печатавшиеся на страницах газеты, активное обсуждение насущных проблем тыла трудовыми активистами и простыми гражданами. На основе изложенного материала делается вывод о том, что Победа над фашистскими захватчиками ковалась не только на фронте, но и в тылу. Тяжесть всех государственных забот по обеспечению продуктами питания не только участников военных событий, но и городских граждан легла на слабые плечи женщин и неокрепшие плечи подростков, которые, забывая о своей нужде, о голоде, об отдыхе, вместе с ними приближали Победу.

Ключевые слова: тыл, колхоз, сельсовет, посевная, уборочная, трудодень, МТС, школьники, комсомольцы.

Для цитирования: Ковалева С.В., Волкова Е.Ю. Трудовой фронт Костромской земли (на материалах газеты «За сталинский урожай» 1942 г.) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 31–36. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-31-36>

Research Article

LABOUR FRONT OF KOSTROMA LAND (based on the materials of the newspaper “For the Stalinist Harvest” in 1942)

Svetlana V. Kovaleva, Doctor of Philosophy, Associate Professor, the Department of Philosophy, History and Socio-Humanitarian Disciplines of Kostroma State Agricultural Academy, settlement of Karavayevo, Kostroma district, Kostroma Region, Russia, sweta.lana1968@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6259-3794>

Elena Yu. Volkova, Doctor of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, v-0-8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3291-6147>

Abstract. The article presents a historical description of the rear life in Kostroma land through the prism of facts and events reflected in the filing of the newspaper “For the Stalinist Harvest”. On the basis of the material presented in the newspaper file for 1942, the work activity of women, teenagers, and children who worked, studied, and advanced the Victory over the enemy in the most difficult conditions of wartime, was analysed. The content of the article reflects the agricultural activities that took place in the collective farms of Kostroma land and which were associated with the sowing campaign, with repair work on maintenance of equipment, with weeding, with the preservation and multiplication of the crop, with harvesting, with animal husbandry. The article considers the active labour position of schoolchildren and Komsomol members, who, supporting the common military fate of adult men, helped to cook food, collect medicinal herbs, and earn workdays, as the main indicator of Stakhanovite labour. The article presents the main government documents printed on the newspaper’s pages,

active discussion of pressing problems of the rear by labour activists and ordinary citizens. Based on the material presented, it is concluded that the Soviet victory over the Axis invaders was forged not only at the front, but also in the rear. The burden of all state concerns about providing food not only for participants in military events, but also for urban civilians, fell on the weak arms of women and the malnourished shoulders of teenagers, who, forgetting about their own need, malnutrition, and lack of rest, together with them would bring victory closer.

Keywords: rear, collective farm, rural Soviet, sowing, harvesting, workday, machine tractor stations, schoolchildren, Komsomol members.

For citation: Kovaleva S.V., Volkova E. Labour front of Kostroma land (based on the materials of the newspaper "For the Stalinist Harvest" in 1942). Vestnik Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 31–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-31-36>

По свидетельству историков, в постперестроечное время в печати стали появляться публикации, в которых авторы стремились рассказать о трудовом подвиге женщин в тылу во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В таких исследованиях проявлялась личностная заинтересованность ученых в освещении проблемы, обнаруживалась интенция к объективному пониманию исторических фактов, отсутствие идеологической оценки. Авторы таких работ: В.Т. Анисков [Анисков], В.Б. Базаржапов [Базаржапов], Е.Ю. Волкова [Волкова, 2020а], В.В. Кожин [Кожин], Н.Д. Козлов [Козлов].

Изучение проблемы трудового вклада женщин в Победу связано с факторами, которые затрудняют процесс исследования: архивные материалы представлены небольшим количеством документов, отражающих трудовую и общественную характеристику женщин тыла, социальные и бытовые особенности их жизни в военный период, их помощь фронту представлена формальными отчетами, без конкретных примеров. Как указывает Е.Ю. Волкова, «исследователю нужно кропотливо работать, просматривать десятки фондов, чтобы создать цельное представление». Общероссийские фонды содержат больше отвлеченной информации: «... в основном сухие отчеты, статистические справки, цифры и отдельные примеры. В итоге историки стремятся обобщить множество аспектов деятельности женщин в годы войны на региональном уровне» [Волкова 2008: 120].

В последнее время, когда все меньше остается в живых участников тыловой жизни в Великой Отечественной войне, стали появляться исследования, посвященные особенностям быта детей и подростков. Авторы, изучающие этот аспект истории: В.М. Корень [Корень], З.Г. Сактаганова, Ж.К. Абдукаримова [Сактаганова, Абдукаримова], А.Н. Соболева [Соболева], М.К. Чуркин, Е.Е. Умнов [Чуркин, Умнов]. Однако публикаций, которые повествуют об особенностях детского и подросткового труда в годы Великой Отечественной войны, практически нет. Таким образом, научная и историческая новизна представленного исследования заключается в аналитическом обзоре фактов, изложенных в газетных источниках и посвященных характеристике трудовой деятель-

ности школьников младшего и подросткового возраста во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В основе статьи лежат разные сведения: это факты, события, цифры, имена людей, которые взяты из районной газеты «За сталинский урожай». Под таким названием она начала выходить на Костромской земле с 1 января 1939 года. С первого и до последнего дня войны районная газета выходила три раза в неделю – по средам, пятницам и воскресеньям – на одном листке размером 30×42 см на самой простой бумаге тиражом 2 750 экземпляров, а к концу войны и того меньше – 2 100 экземпляров, то есть по одной газете на 20 жителей района. И, конечно, газету всегда очень ждали, ее зачитывали буквально до дыр.

Газета несла новости с фронта, рассказывала о жизни в стране, городе, районе. Газета просто помогала жить. Она тоже освещала события с двух фронтов. Как правило, первая страница была посвящена событиям с фронтов войны, с передовой, а вторая страница рассказывала о жизни в районе, о работе в колхозах, о передовиках, обо всем, чем жили люди. И, конечно же, эта газета для нас сегодня – очень важный документ того времени. Из 56 000 населения Костромского края были призваны и ушли на фронт 15 176 человек, то есть 25 % самого работоспособного населения в возрасте от 19 до 36 лет, и в основном это были специалисты, трактористы, механики, водители, бригадиры, агрономы. Безусловно, это создало дополнительные трудности в городе, в деревне.

В 1941 году Костромской край занимал 1,4 тысяч квадратных километров земли, на которой располагались 309 сел и деревень. Территориально земля была поделена на 27 сельских советов, а к концу войны их стало 30. На Костромской земле было 149 колхозов, 2 машинно-тракторные станции, 8 промышленных предприятий и кооперативных артелей, а в Сухоногове и Филиппове велась добыча торфа. Посевные площади составляли 20 тыс. гектаров земли [Историческая справка].

Экономика и жизнь района всегда, а тем более в войну, были тесно связаны с г. Костромой. Костромская земля помогала не только фронту, но и кормила жителей Костромы, а уж что оставалось – шло

семьям колхозников. Так все-таки как жил и работал Костромской край в годы войны? О высоком патриотизме жителей края убедительно свидетельствуют их добровольные пожертвования в фонд обороны. Только на строительство танковой колонны они собрали более 6 млн. рублей. Было отправлено на фронт более 13 тыс. посылок. За 4-й квартал 1941 года и 1-й квартал 1942 г. по району было собрано 37 тыс. вещей. Особенно активно собирались вещи в Апраксинском, Минском, Саметском, Шунгенском, Чернопенском сельских советах, в племенном совхозе «Караваево», в психиатрической больнице, на Сухоноговском торфопредприятии¹. Возглавляли эту работу не только председатели сельских советов. Инициатива чаще исходила от самих жителей.

В селениях Апраксинского сельского совета активно собирались вещи и хозяйственные предметы для населения областей, освобожденных от немецких захватчиков. Колхозница колхоза имени Сталина Т.Ф. Сорокина отдала брюки, отрез новины, 2 рубашки, а А.М. Тараканова сдала детское одеяло ватное, детское платье и детскую шапку. На приемный пункт колхоза «Путь к коммунизму» 10 февраля 1942 года сдано 108 вещей, каждый колхозник сдал не менее двух вещей. Колхоз «Пионер» Губачёвского сельского совета для отправки посылок землякам на фронт выделил 40 кг мяса, а работники дома отдыха имени 15-летия РККА выделили капусту и соленые огурцы.

Большая работа велась в колхозе «За 2-ю Пятилетку» Шунгенского сельского совета, здесь собирались теплые вещи для Красной армии. Например, работница Валентина Дмитриевна Полянина сдала 2 овчины на пошив полушубков и 50 рублей деньгами; А.К. Дунаева внесла 100 рублей, а Н.А. Галафеева сдала 2 телячьи шкуры и 100 рублей. Готовый мех для шубы сдала А.Е. Анисимова. Этим колхозом в феврале 1942 г. было отправлено на фронт 97 посылок, а в ответ пришли с фронта 6 писем с благодарностями от бойцов².

Колхоз «XII Октябрь» Саметского сельского совета к XXIV годовщине Красной армии решением колхозного собрания выделил на подарки бойцам-фронтовикам свиную тушу, а комсомолки вышили носовые платки, полотенца, сшили белье. Комсомольцы Сухоноговского торфопредприятия провели сбор вещей для освобожденного населения Калининградской области и собирали подарки для бойцов на фронт. На ведение военных действий требовалось гигантское количество денежных средств, которые в первую очередь брались у населения страны. С первого года войны в стране выпускались облигации государственного военного займа, вводился военный налог, проводились денежно-вещевые лотереи. Военный налог собирался сельскими советами. Досрочно этот налог сдавали многие жители Костром-

ского края. Среди них колхозники Апраксинского, Сушевского, Губачёвского, Саметского, Шунгенского сельских советов. Например, в Шунгенском сельсовете учительницы Жирнова и Балабалина за короткий срок собрали в колхозе 20 тыс. рублей военного налога³.

В Апраксинском сельском совете налоговый агент Е.В. Минина приняла от колхозников опять же за короткий срок 63 тыс. рублей. Также активно жители района покупали облигации государственных военных займов. Впереди по займам в районе были: Саметский, Афёровский, Губачёвский, Мисковский, Сушевский сельские советы. Саметский сельсовет внес сразу всю подписанную сумму в размере 308 тыс. рублей. Первая денежно-вещевая лотерея была проведена в стране 25 июля 1942 года на сумму 1 млрд 500 млн рублей. Билеты стоили по 20 рублей. Было разыграно 1 млн 500 тыс. выигрышей. Билеты продавались во всех колхозах Костромского края. Например, в Шунгенском сельском совете колхозникам было продано билетов на 143 тыс. рублей, некоторые колхозники брали билетов на суммы от 300 до 1 500 руб. Бригада № 3 колхоза «За 2-ю Пятилетку» (бригадир Крупина, в бригаде 34 человека) сразу взяли билетов на сумму 15 тыс. рублей. Билеты брали и старушки-колхозницы. Все доярки молочно-товарной фермы колхоза «Огородник» купили билетов на 300–700 рублей⁴.

В Буровском сельском совете состоялся митинг по поводу реализации второй денежно-вещевой лотереи в колхозе «Парижская коммуна», где даже выступила 70-летняя колхозница А. Ломоносова. У нее 5 сыновей были на фронте, и она купила билетов на 100 рублей, ее пример поддержали многие. В колхозе имени Полка связи Коряковского сельского совета за 2 часа билеты купили 69 человек на сумму 13 360 рублей. Сам председатель колхоза И. Максимов купил билетов на 1 000 руб., все лотерейные билеты в колхозе были проданы за один день.

Во время войны работа в колхозах измерялась трудоднями⁵. Через газету «За сталинский урожай» в статье «Выработать больше трудодней – выполнить долг перед Родиной» властью ставилась задача: в дни Великой Отечественной войны каждый колхоз и каждый колхозник должен бороться за повышение производительности труда и увеличение производства сельскохозяйственной продукции. Необходимо выполнить задание постановления СНК и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников минимума трудодней»⁵.

В большинстве колхозов Костромского края выработка трудодней превышала в два-три раза установленный минимум, который был достаточно высоким. Но все старались работать хорошо, отстающих было мало. От этих самых трудодней, их количества, зависело, чем будет питаться и на что будет жить

семья колхозника. Например, в колхозе имени Сталина Аферовского сельского совета после сдачи всех государственных поставок было выдано на 1 трудодень по 150 г пшеницы, 4 кг картофеля, по 500 г капусты и лука, по 100 г огурцов и ежедневно выдавалось по пол-литра молока на одного работника. Колхозники Коряковского сельсовета по итогам урожая 1942 г. на один трудодень получили по 500 г зерна. Колхоз «Вперед» Борщинского сельсовета после завершения уборки овощей и сдачи государству всех поставок оставшееся распределял среди колхозников. На трудодень досталось по 200 г огурцов и моркови, по 100 г капусты и 60 г лука, по 40 г помидоров⁶.

В годы войны в г. Костроме возобновились колхозные базары. На них продавалось все, что производилось в хозяйствах Костромского края. «Эти колхозные базары помогали всем: горожане берут продукты и овощи, а колхозники товары широкого потребления»⁷, – так писала газета «За сталинский урожай». Например, в марте 1942 г. по решению 12 сельских советов Костромского района колхозами было продано в городе 63 т картофеля, 14 т капусты, 2 т свеклы, много лука, моркови, молока, мяса. Больше других продавали сельхозпродукции хозяйства заречных зон из Шунгенского, Саметского, Яковлевского, Аферовского, Губачёвского, Коряковского сельских советов, где были выше урожаи и больше сделано запасов. Газета писала: «Колхозы Каримовского сельсовета ежедневно поставляют в продажу сотни килограммов клубники разных сортов, а колхоз “Пионер” Губачёвского сельсовета продал на рынке 14 июля 1942 г. 600 кг зеленого лука»⁸. Отмечалась в газете активная продажа сельхозпродукции хозяйствами Бакшеевского и Борщинского сельсоветов. А в ответ на такую заботу села город выделил для колхозов Костромского края товаров общественного потребления на 200 000 рублей.

На территории Костромской земли во время войны было 5 детских домов. Денисовский детский дом имени Клары Цеткин был открыт в 1932 году, и во время войны в нем жили 150 детей, у которых не было родителей или они были на фронте. Дети здесь не только жили, но также учились и работали. В 1942 году 1 сентября в школах: Минской, Чернопенской, Стрельниковской, Саметской – начали учебу 450 детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда. По мере своих сил детдомовские дети тоже помогали фронту: девочки старших классов шили платья на себя и младших детей, занимались в кружках кройки и шитья, а также шили белье для армии. В летние каникулы дети собирали лекарственные травы, кору деревьев, грибы, ягоды. Брусничный лист был собран в количестве 40 кг детьми только одного детского дома № 37. Дети из детских домов помогали в колхозах убирать урожай, заготавливали дрова⁹.

Надо помнить, что они успевали учиться в школе, делали всю работу по дому, нянчили своих младших братьев и сестер, а в каникулы наравне со взрослыми работали в колхозах на всех работах; зарабатывали те самые трудодни, на которые можно было получить продукты. Своим трудом дети помогали своим матерям прокормить семьи. Несмотря на трудное военное время, взрослые старались хотя бы иногда, но делать детям праздники: 31 декабря зажигались новогодние огни на елках в школах, детских домах, а колхозы выделяли для школьных новогодних утренников подарки. Дети готовили к этим новогодним праздникам выступления и очень радовались скромным военным подаркам. Больше новогодних праздников стало проводиться к концу войны. Например, в 1944 году новогодние елки были проведены почти по всех школах района.

В летние каникулы на тракторах, комбайнах, сенокосилках помощниками и сменщиками взрослых комбайнеров работали подростки. В списках стахановцев военных лет числятся по Заволжской МТС – А. Морева, А. Воронцов, А. Булюкина, Н. Шибеева и самый молодой тракторист – 14-летний А. Орлов. Он 3 сентября 1942 г. засеял за рабочую смену 16 га вместо 12 га и сэкономил 18 кг горючего. На страницах газеты «За сталинский урожай» часто называются фамилии трактористок – женщин и девушек: Косопановой, Баукиной, Смирновой, Воронцовой, Савиной, Осиповой, Домниной, Бутениной, Бакулиной, Гавриловой, Поповой, Егоровой, Колоколкиной, Зыновой, Булюшкиной, бригадиров Тихоновой, Бакулиной, механика Максимова.

В 1942 году, а этот год был самым тяжелым за всю войну, впервые начали работать на тракторах 48 человек, опять же среди них было много девушек. Зоя Демина, Аня Морева во время посевной вспахали по 130 га вместо 100 га по норме на 1 трактор. А. Булюшкина за посевную вспахала 92 га при норме 50 га и выполнила план на 184 %. Со школьной скамьи пошла в трактористки А. Кузьмина и вспахала за сезон 62 га, больше нормы на 12 га. И таких примеров самоотверженного труда множество¹⁰.

Заканчивая исследование, можно сделать краткие выводы:

- приближая Победу, женщины и подростки собирали вещи для фронта, вносили свои сбережения в фонд обороны;
- участие женщин и детей отмечено в проведении ярмарок;
- младшие и средние школьники убирали урожай, собирали колоски с полей, заготавливали овощи;
- подростки работали на лесозаготовках, запасали лекарственные растения, собирали грибы, ягоды;
- трудясь в колхозах, ребята получали трудодни, как взрослые, юноши и девушки учились работать

на тракторах, в МТС, полностью заменяя мужчин, ушедших на фронт.

В городе Костроме есть памятник, посвященный подвигу тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны. Памятник выполнен в форме слезы, в середине которой стоит со склоненной головой женщина и правой рукой опирается на плечо подростка. Все тяготы непосильного труда легли на слабые плечи женщин и неокрепшие плечи подростков, которые, забывая о своей нужде, о голоде, об отдыхе, вместе с воевавшими на фронте мужчинами приближали Победу.

Примечания

¹ В Апраксинском сельсовете // За сталинский урожай. 1942. 4 февр. № 20 (532).

² Любовь народа к героям фронта беспредельна // За сталинский урожай. 1942. 23 февр. № 25 (541).

³ Бить врага рублем // За сталинский урожай. 1942. 23 февр. № 25 (541).

⁴ Там же.

⁵ О повышении для колхозников минимума трудодней // За сталинский урожай. 1942. 4 марта. № 28 (544).

⁶ Колхозная торговля // За сталинский урожай. 1942 г. 20 марта. № 35 (551).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Итоги летней работы школьников // За сталинский урожай. 1942. 19 сент. № 113 (629).

¹⁰ Там же.

Список литературы

Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. Москва: Памятники ист. мысли, 2003. 500 с.

Базаржапов В.Б. Крестьянство Бурятии в годы Великой Отечественной войны. Улан-Удэ: ВСГТУ, 1996. 102 с.

Волкова Е.Ю. Новые методологические подходы в интерпретации роли женщин тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. 2008. № 2 (42). Вып. 6. С. 118–123.

Волкова Е.Ю. Роль женщин в тылу в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России: материалы междунар. науч. конф. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. С. 50–54.

Историческая справка Костромского района. URL: <https://lifekostroma.ru/municipalnye-obrazovaniya/kostromskoj-rajon/istoricheskaya-spravka-kostromskogo-rajona> (дата обращения: 20.01.2024).

Кожин В.В. Россия. Век XX-й (1939–1964). Москва: Эксмо, 1999. 1038 с.

Козлов Н.Д. С волей к победе. Пропаганда и общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. Санкт-Петербург: Ленингр. гос. обл. ун-т им. А.С. Пушкина, 2002. 312 с.

Кореньюк В.М. Провинциальное детство в 1941–1945 гг. (на материалах Молотовской области) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3: Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 2. С. 72–76.

Сактаганова З.Г., Абдукаримова Ж.К. Повседневность детей Карагандинской области в годы Великой Отечественной войны: оздоровительные кампании в период летних и зимних каникул // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2021. № 2 (135). С. 63–78.

Соболева А.Н. Женская и детская повседневность в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 11. С. 63–66.

Чуркин М.К., Умнов Е.Е. Воспоминания как эго-текст: детская тыловая повседневность сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 65. С. 69–74.

References

Aniskov V.T. *Krest'ianstvo protiv fashizma. 1941–1945. Istoriia i psikhologija podviga* [The peasantry against fascism, 1941–1945. The history and psychology of the feat]. Moscow, 2003, 500 p. (In Russ.)

Bazarzhapov V.B. *Krest'ianstvo Buriatii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The peasantry of Buryatia during the Great Patriotic War]. Ulan-Ude, 1996, 102 p. (In Russ.)

Churkin M.K., Umnov E.E. *Vospominaniia kak ego-tekst: detskaia tylovaia povsednevnost' sibirskoi provintsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Memories as an ego-text: children's rear daily life of the Siberian province during the Great Patriotic War]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2020, No. 65, pp. 69–74. (In Russ.)

Istoricheskaja spravka Kostromskogo rajona [Historical information of the Kostroma region]. URL: <https://lifekostroma.ru/municipalnye-obrazovaniya/kostromskoj-rajon/istoricheskaya-spravka-kostromskogo-rajona> (access date: 01.20.2024). (In Russ.)

Kozhinov V.V. *Rossia. Vek KhKh-i (1939–1964)* [Russia. The twentieth century (1939–1964)]. Moscow, 1999, 1038 p. (In Russ.)

Kozlov N.D. *S volei k pobede. Propaganda i obydennoe soznanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [With the will to win. Propaganda and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. St. Petersburg, 2002, 312 p. (In Russ.)

Koreniuk V.M. *Provintsial'noe detstvo v 1941-1945 gg. (na materialakh Molotovskoi oblasti)* [Provincial childhood in 1941-1945 (based on the materials of the Molotov region)]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. 3: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Ser. 3: Humanities and social Sciences], 2015, vol. 2, pp. 72-76. (In Russ.)

Saktaganova Z.G., Abdugarimova Zh.K. *Povsednevnost' detei Karagandinskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: ozdorovitel'nye kampanii v period letnikh i zimnikh kanikul* [Everyday life of children of the Karaganda region during the Great Patriotic War: wellness campaigns during the summer and winter holidays]. *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Ser.: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie* [Bulletin of the L.N. Gumilev Eurasian National University. Ser.: Historical Sciences. Philosophy. Religious studies], 2021, No. 2 (135), pp. 63-78. (In Russ.)

Soboleva A.N. *Zhenskaia i detskaia povsednevnost' v Buriat-Mongol'skoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Women's and children's daily life in the Buryat-Mongolian ASSR during the Great Patriotic War].

Manuskript [Manuscript], 2020, vol. 13, No. 11, pp. 63-66. (In Russ.)

Volkova E.Iu. *Novye metodologicheskie podkhody v interpretatsii roli zhenshchin tylovykh regionov Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [New methodological approaches in interpreting the role of women in the rear regions of Russia during the Great Patriotic War]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Istoriya. Politologiya. Ekonomika* [Scientific Bulletin of the Belarusian State University. History. Political science. Economy], 2008, vol. 6, No. 2 (42), pp. 118-123. (In Russ.)

Volkova E.Iu. *Rol' zhenshchin v tylu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The role of women in the rear during the Great Patriotic War]. *Velikaia Otechestvennaia voina i problemy natsional'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii* [The Great Patriotic War and the problems of national security in modern Russia: Moscow International Scientific Conference]. Orenburg, OGPU Publ., 2020, pp. 50-54. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.01.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 28.01.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 18.03.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 37–44. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 37–44. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 677

EDN SHGJTW

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-37-44>

**ВСЕСОЮЗНЫЙ ТЕКСТИЛЬНЫЙ СИНДИКАТ:
ПРОЕКТ ОПТИМИЗАЦИИ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПУТЁМ РЕФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ ТРЕСТАМИ (1928–1929 ГГ.)**

Ильин Юрий Александрович, доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, ilyin37@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9055-0266>

Комолов Денис Евгеньевич, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, komolov.denis2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7739-0303>

Аннотация. Данная статья посвящена процессу реформирования текстильной отрасли РСФСР в рамках одного из проектов Всесоюзного текстильного синдиката. Акцент сделан на изучении вопросов районирования хлопчатобумажной промышленности республики и поиска синдикатом наиболее устойчивой формы организации текстильных трестов на фоне ликвидации НЭПа в промышленности. Рассматриваются основные структурные объединения и органы управления текстильной промышленностью РСФСР и СССР в указанные годы: от союзных и республиканских текстильных трестов до ВСНХ СССР, а также прослеживается их роль в процессе первого этапа реформирования отрасли. Для раскрытия темы статьи были использованы как материалы научных изданий, так и архивные документы, значительная часть из которых вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Всесоюзный текстильный синдикат, ВСНХ, текстильная промышленность, НЭП, трест, предприятие.

Для цитирования: Ильин Ю.А., Комолов Д.Е. Всесоюзный текстильный синдикат: проект оптимизации хлопчатобумажного производства путем реформирования структуры управления трестами (1928–1929 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 37–44. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-37-44>

Research Article

**THE ALL-UNION TEXTILE SYNDICATE:
A PROJECT TO OPTIMISE COTTON PRODUCTION
BY REFORMING THE TRUST MANAGEMENT STRUCTURE (1928-1929)**

Yuri A. Ilyin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute for the Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ilyin37@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9055-0266>

Denis E. Komolov, Institute for the Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, komolov.denis2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7739-0303>

Abstract. This article is devoted to the process of reforming the textile industry of the RSFSR within the framework of one of the projects of the all-union textile syndicate. The emphasis is placed on the study of the issues of zoning of the cotton industry of the republic and the syndicate's search for the most stable form of organisation of textile trusts against the background of the elimination of the so-called "New Economic Policy" in industry. The main structural associations and management bodies of the textile industry of the RSFSR and the USSR in those years are considered: from the union and republican textile trusts to the Supreme Economic Council of the USSR, and their role in the process of the first stage of industry reform is traced. To reveal the topic of the article, both materials of scientific publications and archival documents were used, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: all-union textile syndicate, Supreme Council of National Economy, textile industry, New Economic Policy of Soviet Power, trust, enterprise.

For citation: Ilyin Yu.A., Komolov D.E. The all-union textile syndicate: a project to optimise cotton production by reforming the trust management structure (1928-1929). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 37–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-37-44>

Первые месяцы весны 1927 г. ознаменовали собой новый виток развития промышленности в СССР в целом и текстильной отрасли в частности. В связи с перестройкой народного хозяйства СССР в рамках курса на построение командно-административной экономики, уже во второй половине 1927 г. был запущен процесс ускоренного перевода промышленности на рельсы централизованного и долгосрочно-го планирования. Его результатом стало принятие на XV съезде ВКП(б) резолюции за № 28 от 19 декабря 1927 г. «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», в которой фактически провозглашался принятый партией курс на индустриализацию промышленности [Коммунистическая: 274–293].

В рамках данного курса с 1928 г. началась перестройка как центральных органов управления промышленностью, так и органов управления текстильной отраслью. Весной 1928 г. произошла ликвидация Главтекстиля ВСНХ СССР, аппарат и управленческие функции которого постепенно переходят к Всесоюзному текстильному синдикату (ВТС). Это нашло отражение в постановлении ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1928 г. «О реорганизации системы управления текстильной промышленностью», в рамках которого ВТС были переданы функции (изъятые из ведения Главтекстиля) по планированию и регулированию текстильной промышленности СССР и по управлению и руководству подведомственными ВСНХ СССР текстильными трестами, а также торгами и акционерными обществами, сбывающими продукцию текстильной промышленности и снабжающими её сырьём и оборудованием. То есть ВТС становится ведущей структурой управления текстильной промышленности СССР.

В данной работе упор будет сделан на рассмотрение процесса реформирования системы управления применительно к предприятиям хлопчатобумажной отрасли, являвшейся основной отраслью всей текстильной промышленности страны.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 20 июня 1928 г. по 22 мая 1929 г., когда во главе текстильной отрасли стоял Всесоюзный текстильный синдикат (ВТС).

Уже осенью 1928 г. руководство ВТС начинает проработку первых проектов реформы управления хлопчатобумажными трестами текстильной промышленности. Мотивом к этому стало постановление Президиума ЦИК СССР от 12 ноября 1928 года, касающееся распределения промышленных предприятий на союзные и местные. В указанном постановлении объединениями союзного значения были названы следующие государственные текстильные тресты: Владимирский, Московский, Пресненский, Ярославский, Ковровский, Серпуховской, Егорьево-Ра-

менский, Петротекстиль, Богородско-Щёлковский, Иваново-Вознесенский, Орехово-Зуевский и Тверской. Все предприятия, объединяемые этими трестами, были признаны предприятиями союзного значения. Остальные же предприятия постепенно вошли в состав различных республиканских и местных организаций¹.

Указанное постановление подвигло сотрудников планово-экономического отделения ВТС провести анализ текстильной промышленности СССР и уже 9 мая 1929 г. представить на обсуждение в правление ВТС доклад, посвящённый, в частности, районированию хлопчатобумажной отрасли. Помимо этого, к нему прилагался проект по коренной реорганизации трестовской формы управления хлопчатобумажными предприятиями РСФСР².

В докладе сотрудники планово-экономического отделения ВТС отметили, что различие между объединениями союзного и местного значения не было сформулировано законом потому, что между союзным и местным трестом «... в настоящее время [декабрь 1928 – апрель 1929 гг.] нет различия и в жизни»³. Существовавшее в начале 1929 г. распределение фабрик между трестами союзного и местного значения носило совершенно случайный характер, ибо не было ни одного признака, по которому это распределение могло быть сколько-нибудь последовательно проведено.

В соответствии с данными заявлениями сотрудники планово-экономического отделения ВТС попытались проанализировать возможные признаки разделения предприятий, в частности хлопчатобумажной отрасли, на союзные и местные. По их мнению, критериями такого разделения должно было быть соотношение количества и размеров предприятий в тресте, площади занимаемой ими территории, ассортимента продукции. Однако позднее сотрудники планово-экономического отделения пришли к выводу, что эти показатели не являются признаками, разделяющими местный трест от союзного.

Ими делался вывод о том, что в хлопчатобумажной отрасли не существовало чёткой системы разделения предприятий на союзную и местную промышленность, в связи с чем управление отраслью на основе существующих трестов было сопряжено с большими трудностями организационного характера.

Помимо системы разделения и подчинения предприятий и трестов союзным и местным органам власти, сотрудников планово-экономического отделения ВТС также интересовали вопросы, касающиеся экономического обоснования распределения предприятий хлопчатобумажной отрасли по существующим трестам. Одной из ключевых проблем данного распределения они справедливо считали наличие значитель-

ной группы трестов, не обеспеченных собственной пряжей, что приводило к крайне нерациональному направлению грузовых потоков. Из всех текстильных районов самым замкнутым, по мнению сотрудников плано-экономического отделения ВТС, являлся Иваново-Вознесенский, поскольку вся излишняя пряжа, получаемая той или иной фабрикой, распределялась здесь внутри самого района. Но и это распределение происходило также довольно хаотично⁴.

Столь сложная организация промышленности влекла за собой нерациональную организацию грузовых потоков. Обязательным условием нормальной работы ткацкой фабрики во все времена являлось её регулярное снабжение пряжей строго определённого качества. Между тем большое количество ткацких фабрик местной промышленности в изучаемый период в целом было лишено собственной пряжи. В результате местная промышленность была поставлена в крайне невыгодные условия работы. Необходимость иметь разнообразный ассортимент, частые перезаправки пряжи, простой оборудования, получение пряжи не в том виде, в каком она требуется, необходимость иметь большие запасы вспомогательных материалов, часто крайне невыгодные условия расчёта по поставке пряжи и постоянные недоразумения с поставщиками по части качества продукции – все эти проблемы чрезвычайно затрудняли работу местной промышленности.

Подобное положение дел, по мнению плановиков ВТС, чрезвычайно вредно отражалось на работе трестов местной промышленности. Так, установление объектов капитальных затрат и объектов строительства в указанный период проходило чрезвычайно медленно в силу наличия большего количества инстанций: трест – ГСНХ – ГИК – ВСНХ республик (с его различными управлениями) – Госпланы республик – ВТС – вместо обычного для трестов союзного значения пути: трест – ВТС. Исходя из этой схемы, плановики ВТС прямо обвиняли местные власти и ГСНХ в том, что они, используя авторитет местных ГИКов и правительств союзных республик, проводили политику беспланового развёртывания текстильной отрасли, совершенно не считаясь с интересами всей промышленности в целом⁵.

Однако за всей этой ситуацией с «хаотичностью управления текстильной промышленностью», о кото-

рой фактически говорили плановики ВТС, мы можем усмотреть банальное желание ВТС стать монополистом – полноценным «хозяином» отрасли. Ведь изначально создаваемый как орган, предназначенный исключительно для проведения снабженческо-торговой политики, он стал полноценным руководящим органом власти в текстильной промышленности. Иначе практически не поддаётся объяснению тот факт, что плановики ВТС позволяли себе критиковать решения как местной, так и республиканской исполнительной власти, касающиеся вопросов управления текстильной отрасли. А с учётом того, что союзные тресты с точки зрения оперативного руководства своей деятельностью подчинялись ВТС напрямую (за ВСНХ СССР тем временем оставался лишь общий контроль), возможно, что ВТС в вопросах руководства текстильной отраслью стал считать себя более компетентным, нежели союзный ВСНХ.

Так же категорически против были настроены плановики ВТС и в отношении существовавшей на момент начала 1929 г. уездной текстильной промышленности, которая, по их мнению, была нерационально организована в сравнении с текстильной промышленностью ГСНХ⁶.

Но доминирующим обстоятельством того, что ВТС принял решение о разработке проекта трансформации системы трестовского управления хлопчатобумажной отраслью стали требования экономического порядка. Плановики ВТС нацеливались на решение застарелой проблемы: уменьшение накладных расходов и, как следствие, снижение себестоимости готовой хлопчатобумажной продукции.

Для примера мы можем привести ситуацию, сложившуюся к концу 1926/27 операционного года в хлопчатобумажной отрасли Иваново-Вознесенской губернии.

Иваново-Вознесенская текстильная промышленность в этот период состояла из следующих хозяйственных организаций:

- 1) Иваново-Вознесенский государственный текстильный трест;
- 2) трест губернского значения: Иваново-Вознесенское объединение текстильной промышленности «Ивтекстиль»;
- 3) уездная текстильная промышленность (в лице Управместпромов).

Таблица 1

Текстильный потенциал Иваново-Вознесенской губернии на 1 октября 1927 года⁷

Наименование хозяйственной организации	Кол-во прядильных веретён	Кол-во ткацких станков	Кол-во печатных машин
Ивгострест (х/б группа)	1 169 682	35 036	96
Ивтекстиль	155 398	17 875	83
Уездная текстильная промышленность	–	4 682	9
Всего	1 325 080	57 593	188

Характеристика всего работающего и консервированного оборудования (подлежащего пуску) по этим хозяйственным объединениям сводилась к следующему (см. табл. 1).

Исходя из того факта, что на обслуживание 1 ткацкого станка в указанный период было необходимо 32 прядильных веретена, дефицит прядильного оборудования на хлопчатобумажных предприятиях Иваново-Вознесенской губернии составлял 673 096 веретён⁸. Мы видим, что предприятия, прежде всего треста Ивтекстиль, работали в условиях острой нехватки пряжи.

Существовавший дефицит в пряже по Иваново-Вознесенской губернии как в период до Первой мировой и Гражданской войн, так и в период 1921–1927 годов покрывался за счёт ввоза пряжи из Ярославской губернии (с хлопчатобумажных фабрик «Красный Перекоп» и «Красный Перевал») и с Нарвской мануфактуры⁹.

Таким же в целом тяжёлым в первой половине 1920-х годов было положение и местной уездной и кустарной промышленности Иваново-Вознесенской губернии, поскольку она работала на привозной и дорогой пряже. Также уездные и кустарные предприятия были лишены возможности сдавать вырабатываемое суровьё по синдицированным ценам Ивтекстилю, что позволило бы последнему увеличить работу своих отделочных фабрик¹⁰.

Положение Ивтекстиля формально как треста местного значения, а фактически синдицированного, сдающего всю свою продукцию ВТС по твёрдым ценам Союзной текстильной промышленности, в свете этого несоответствия между прядильным и ткацким оборудованием, было исключительно тяжёлым.

Правление треста Ивтекстиль в письме от 31 января 1927 г. в правление ВТС, в связи с производимым снижением отпускных цен на готовые товары Наркомторгом, обратило внимание, что за каждый пуд поступающей извне пряжи оно переплачивало около 6 рублей, что, соответственно, давало удорожание себестоимости вырабатываемой продукции примерно на 41 %. К тому же Наркомторг в 1926/27 операционном году установил скидку на готовые товары Ивтекстиля в 12,5 %, что создало для треста исключительную угрозу невыполнения годовой производственной программы по прибыли в 75 000 000 рублей.

Правление Ивтекстиля в письме также делало упор на то, что если смотреть на другие синдицированные хлопчатобумажные тресты, то среди них не было ни одного, который находился бы в столь тяжёлом положении, как Ивтекстиль. Между тем, как отмечали члены правления, правительство в лице ВСНХ РСФСР и Наркомторга в отношении качества вырабатываемой продукции и цен на неё предъявляли к Ивтекстилю все требования, распространяющиеся на синдицированную промышленность.

При данных условиях, как отмечалось в письме, когда Ивтекстиль практически на 60 % и даже более зависит от сторонней пряжи, «...осуществление правительственных директив становится невозможным»¹¹.

На примере Иваново-Вознесенской губернии, одного из основных регионов по производству готовых хлопчатобумажных тканей, мы видим, насколько тяжёлой была ситуация с нехваткой прядильного оборудования. В связи с этим в период 1927–1929 гг. обостряется ситуация, связанная со строительством новых прядильных предприятий, которые должны были если не решить проблему нехватки пряжи для ткацких фабрик, то хотя бы несколько смягчить разницу в потенциалах между прядильным и ткацким оборудованием. Тем более в рассматриваемый период центральные органы власти в стране начинают практический перевод всей промышленности на рельсы индустриализации, что означало бы существенное ограничение права предприятий и трестов на распоряжение своей собственной прибылью, которая в свете вышеуказанных факторов, в частности в Иваново-Вознесенской губернии, была сравнительно небольшой.

Поэтому проект плановиков ВТС был задуман с целью задействования такого ресурса развития, как оптимизация хлопчатобумажной отрасли путём реорганизации всей структуры управления текстильной промышленностью, и прежде всего её трестового звена. По их мнению, это способствовало бы инициированию процессов по дальнейшему снижению себестоимости за счёт снижения накладных расходов, связанных с транспортировкой полуфабрикатов между предприятиями разных трестов и, как следствие, высвобождение средств, накопление оборотных капиталов трестов, с тем чтобы за их счёт произвести строительство новых, прежде всего прядильных, фабрик.

По мнению сотрудников планово-экономического отделения ВТС, существующие на момент начала 1929 г. формы организации как текстильной промышленности в целом, так и хлопчатобумажной промышленности в частности совершенно не соответствовали тем требованиям, которые предъявлялись промышленности в текущий момент, нацеленный на необходимость рационализации производства и упрощения аппарата управления. Таким образом, перераспределение предприятий по трестам являлось совершенно необходимым.

В основу этого перераспределения, по проекту плановиков ВТС, должны были быть положены следующие принципы:

1. Перераспределение должно было быть произведено таким образом, чтобы в результате получились крупные объединения приблизительно одинаковой

мощности. Укрупнение трестов сократило бы накладные расходы и открыло широкие возможности для рационализации и узкой специализации отдельных фабрик. Перевод фабрик на хозрасчёт и концентрация всех торговых и снабженческих функций в ВТС облегчило бы управление предприятиями и позволило увеличить количество объединяемых трестами производственных единиц.

2. Каждый трест должен был представлять собой объединение с полным производственным циклом в плане прядения и ткачества, так как органическая увязка прядильного и ткацкого производства являлась обязательным условием правильной организации промышленности, в частности хлопчатобумажной, особенно в связи с тенденцией на автоматизацию ткацкого производства.

3. Трест должен был объединять группу фабрик, находящихся в конкретном районе, причём никаких других трестов, объединяющих фабрики той же отрасли промышленности, в этом районе не должно было быть.

4. Находящиеся на территории каждого треста фабрики должны были быть соединены наиболее короткими и удобными путями сообщения.

Исходя из вышеуказанных принципов, по проекту ВТС при построении будущих объединений (трестов новой формации) предполагалось сгруппировать фабрики вдоль существующих железнодорожных линий с таким расчётом, чтобы каждая ткацкая фабрика получала нужную ей пряжу от ближайшей прядильной фабрики, расположенной по той же дороге¹².

При такой группировке фабрик вдоль линий железных дорог появлялась возможность создания крупных хлопчатобумажных объединений (трестов). Одно из таких объединений, «Первое», должно было включить в себя все фабрики, расположенные вдоль линий железных дорог Москва – Нижний Новгород и Москва – Казань. К этому объединению следовало также присоединить три московские фабрики Вигоньтреста. Производственные мощности Первого объединения (треста) исчислялись 1 690 774 прядильными веретёнами и 41 580 ткацкими станками.

Такой критерий комбинирования фабрик вдоль железных дорог облегчал задачу определения границ для других крупных объединений. Так, во «Второе» объединение предлагалось включить группу фабрик, расположенных вдоль линий железных дорог Москва – Рязань, Москва – Курск и Москва – Киев – Воронеж. Всего, таким образом, в этом объединении должно было быть 1 251 120 прядильных веретён и 32 385 ткацких станков.

Остальные фабрики, расположенные вдоль Московско-Белорусско-Балтийской и Северной железных дорог, предлагалось включить в «Третье»

объединение, на долю которого должно было приходится 1 253 185 прядильных веретён и 30 703 ткацких станка¹³.

Что касается Ивановской промышленной области как ключевого района всего текстильного кластера страны, то по проекту ВТС было целесообразно разбить его на две части – Северное объединение, тяготеющее к Кинешме (важный распределительный пункт дореволюционного времени), к которому принадлежали Вичугский и Середской подрайоны, а также такие города, как Кострома и Ярославль, и Южное, в которое должна была войти, соответственно, южная половина бывшей Иваново-Вознесенской губернии. Для равновесия между количеством веретён и станков к северному объединению по проекту присоединялись все ткацкие фабрики г. Иваново-Вознесенска, так что он должен был стать основной базой и для северного, и для южного объединений, как Москва должна была служить основной базой для первых трёх объединений. Согласно проекту, северное и южное объединения Иваново-Вознесенского района получали следующий состав:

1. Северное объединение (Кинешемский, Вичугский, Середской, Костромской и Ярославский районы, а также 8 ткацких предприятий Иваново-Вознесенска) – 1 436 724 веретена и 39 378 станков.

2. Южное объединение (Иваново-Вознесенск со строящимся меланжевым комбинатом, Шуя и Шуйский уезд, Тейково и Тейковский уезд, Юрьев-Польский) – 1 133 054 веретена и 29 658 станков.

Наконец, также предполагалось создание последнего – Ленинградского объединения, в которое должны были войти все ленинградские хлопчатобумажные фабрики. Его производственные мощности определялись в 1 083 385 веретён и 19 439 станков¹⁴.

Фактически из анализа ВТС железнодорожных линий, прежде всего основного Московского железнодорожного узла, следовало, что организация новых трестов должна была идти по отношению к той или иной ветке железной дороги. С одной стороны, это значительно облегчало транспортировку как сырья и полуфабрикатов, так и готового товара, а с другой – создавало определённые трудности в области подчинения предприятий тем или иным местным властям. Мы можем предположить, что ВТС по данному проекту планировал на деле превратиться в главный орган управления текстильной отраслью. Из существовавших на момент весны 1929 г. трестов местного и союзного значения по данному проекту планировалось создание нескольких трестов союзного значения, подотчётных напрямую ВТС. Как следствие этого, данные тресты планировалось переориентировать на работу исключительно для общегосударственных нужд. То есть местные ГСНХ фактически лишались львиной доли прибыли тре-

стов, которая теперь должна была идти не в губернский, а напрямую в общегосударственный бюджет.

Помимо создания самого проекта и анализа его ключевых положений, сотрудники планово-экономического отделения ВТС также прорабатывали все возможные возражения против него, прежде всего со стороны местных властей. Так, по их мнению, ключевых возражений было всего два:

1) возможный проект построения хлопчатобумажных трестов на основе не территориального принципа, а на базе специализации, то есть построение трестов новой формации на основе специализированного и стандартизированного ассортимента выпускаемой продукции;

2) целесообразность создания таких крупных объединений.

Ответом на первое возражение, по мнению плановиков ВТС, было то, что на момент весны 1929 г. создание узкоспециализированных трестов встретило бы большие затруднения, так как одни и те же сорта тканей вырабатывались в большом числе районов. Также если рассматривать ассортимент, вырабатываемый фабриками, расположенными в одном и том же географическом пункте, то можно увидеть, что «... в противоположность Англии, где каждый текстильный город в указанный период имел свой определённый ассортимент выпускаемого товара, у нас рядом стоящие фабрики часто вырабатывают совсем непохожий ассортимент»¹⁵.

По второму возражению плановиками ВТС давался очень «простой», по их мнению ответ, что при осуществлении нового распределения все фабрики, расположенные вдоль конкретной железной дороги, управлялись бы одним конкретным трестом и, кроме того, к каждой ткацкой по проекту прикреплялась строго определённая прядильная фабрика.

Вопрос об отделочных фабриках в проекте плановиков ВТС был выделен в специальную главу в силу тех специфических особенностей, которые были характерны для этого производства. С технологической точки зрения между отдельными составными частями хлопчатобумажного производства – прядением, ткачеством и отделкой – существовала диспропорция. Так, для обслуживания прядильно-ткацкого комбината в 75 000 веретён и 2 500 ткацких станков при существовавшей на 1929 г. технике отделочного производства было необходимо иметь 1,5 варочных котла, 1,5 проходного аппарата и 4,5 печатных машин. Эта диспропорция находила своё отражение и в общей структуре хлопчатобумажной промышленности. Так, на 185 прядильных и ткацких фабрик с общим количеством рабочих в 339 500 человек на 1 января 1929 г. приходилось лишь 50 отделочных фабрик с общим количеством рабочих 47 400 человек, причём эти 50 фабрик на указанный отчётный период

были загружены лишь на 70–75 %. Существовавшие тогда отделочные фабрики представляли в большинстве случаев предприятия, носящие на себе отпечаток тех дореволюционных условий, в которых находилось отделочное производство.

Будучи вынужденными максимально приспособляться к требованиям рынка и защищать себя от возможных затруднений на нём, дореволюционные хозяева строили работу отделочных фабрик в расчёте на максимально разнообразный ассортимент. Так, из 50 указанных отделочных фабрик лишь три являлись специализированными фабриками; остальные же 47 предприятий представляли собой комбинированные ситцепечатные и красильно-отделочные фабрики, выпускающие самый разнообразный ассортимент продукции¹⁶.

Однако, не считая возможным откладывать на длительный срок решение вопроса о проведении районирования хлопчатобумажной промышленности, правление ВТС, заслушав доклад сотрудников своего планово-экономического отделения, предложило провести разделение отделочных фабрик в соответствии с намеченными объединениями. В основу этого распределения должен был быть положен тот же принцип территориального распределения хлопчатобумажных предприятий при одновременном учёте необходимости сохранения за отделочными фабриками в основном той базы по снабжению суровьём, которая имела у них на момент публикации доклада.

Таким образом, на основании проекта ВТС по районированию хлопчатобумажной промышленности предлагалось следующее распределение отделочных фабрик по трестам:

- 1) 1-й государственный хлопчатобумажный трест – 9 фабрик;
- 2) 2-й государственный хлопчатобумажный трест – 13 фабрик;
- 3) 3-й государственный хлопчатобумажный трест – 6 фабрик;
- 4) Ленинградский государственный хлопчатобумажный трест – 4 фабрики;
- 5) Северный государственный хлопчатобумажный трест – 9 фабрик;
- 6) Южный государственный хлопчатобумажный трест – 7 фабрик¹⁷.

Однако данному проекту плановиков ВТС не суждено было сбыться, поскольку уже 22 мая 1929 г. была официально запущена реформа по реорганизации ВТС. В этот день на основании постановления ВСНХ СССР был утверждён устав государственного акционерного общества «Текстильснабжение», который был призван заменить ВТС в области централизованного снабжения предприятий текстильной промышленности, прежде всего вспомогательными материалами. Данное общество полноценно присту-

пило к своей деятельности с началом нового операционного года – 1 октября 1929 г.

Вышеуказанная перестройка ВТС стала одним из первых шагов по реорганизации не только снабженческо-складского хозяйства в промышленности, но всей её структуры. Мы можем констатировать, что весной 1929 г. были непосредственно запущены процессы по комплексному реформированию всего промышленного хозяйства страны, ключевым вопросом которого, прежде всего, являлся вопрос перестройки системы её управления.

Здесь стоит отметить и тот факт, что сам по себе проект по реформированию структуры управления хлопчатобумажной отраслью страны, предложенный ВТС, служил целям модернизации нэповской модели организации промышленности. В связи с этим мы можем предположить, что процесс ликвидации ВТС был запущен ещё и потому, что сам проект плановиков синдиката предполагал развитие изучаемой отрасли в рамках НЭПа, что, естественно, категорически не устраивало Центр.

Помимо этого, на протяжении 1928 г. в центральных органах власти продолжали предприниматься попытки по реформированию административно-территориального деления РСФСР, которые в итоге вылились в организацию 14 января 1929 г. Ивановской Промышленной области. Плановики ВТС тем временем прорабатывали свой проект реформы текстильной отрасли промышленности. Однако они не располагали точной информацией о границах будущей ИПО. Мы можем предположить, что сотрудники ВТС в своём проекте попытались перехватить инициативу ВСНХ СССР не только по вопросу реформирования промышленного хозяйства республики, но и по проблеме административно-экономического районирования. То есть ВТС не только проработали вопрос об укрупнении трестов и перераспределении предприятий, но также предвосхитили будущие идеи ВСНХ СССР по реорганизации органов власти в текстильной отрасли. Но к такому проекту ВТС союзный ВСНХ ещё не был готов, и поэтому его руководство запускает процесс ликвидации синдиката, мотивируя это тем, что свою первичную задачу по восстановлению текстильной промышленности он выполнил.

Тем не менее ключевые идеи ВТС, касающиеся централизации власти в текстильной отрасли, испытывались на практике в течение всей первой пятилетки. Начиная с создания отраслевого объединения в январе 1930 г. (ВТО), организовывая в марте 1931 г. подотраслевые структуры (ВХБО, Союзшёлк, Льнопенькопром), ВСНХ СССР к июлю 1931 г. вплотную подошёл к идее плановиков ВТС, высказанной ещё весной 1929 г., о создании укрупнённых текстильных трестов, подчиняющихся, однако, как подотраслевым

объединениям – по вопросам оперативного руководства, так и самому ВСНХ – с точки зрения общего руководства. Тем самым в текстильной отрасли по-прежнему сохранялась двойственность в вопросах управления трестами и предприятиями. Коренным образом ситуация в текстильной отрасли изменилась лишь в январе 1932 г., когда был ликвидирован ВСНХ СССР и ему на смену пришли три народных комиссариата, в числе которых был также и Народный комиссариат лёгкой промышленности, который стал единым органом управления текстильными трестами и предприятиями.

Таким образом, Центр лишь в начале 1932 г. окончательно воплотил идеи ВТС по решению проблемы оптимизации производства, но уже на рельсах командно-административной экономики.

Примечания

- ¹ ГАВО. Ф. Р. – 530. Оп. 1. Д. 1286. Л. 19.
- ² Там же. Л. 20–44.
- ³ Там же. Л. 21.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Л. 28–29.
- ⁶ Там же. Л. 30.
- ⁷ ГАИО. Ф. Р. – 1012. Оп. 1. Д. 334. Л. 12.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же Л. 13–14.
- ¹² ГАВО. Ф. Р. – 530. Оп. 1. Д. 1286. Л. 31–32.
- ¹³ Там же. Л. 35.
- ¹⁴ Там же. Л. 36.
- ¹⁵ Там же. Л. 37.
- ¹⁶ Там же. Л. 42.
- ¹⁷ Там же. Л. 43–44.

Список литературы

История отечественной текстильной промышленности / М.В. Конотопов, А.А. Котова, С.И. Сметанин и др.; под ред. М.В. Конотопова. Москва: Легпромбытиздат, 1992. 413 с.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. Москва: Изд-во полит. лит., 1984. Т. 4. 575 с.

Лященко П.И. История народного хозяйства СССР: в 3 т. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1956. Т. 3. 643 с.

Околотин В.С. Ивановская промышленная область (1929–1936 гг.) // Уроки экономической истории. Иваново: ИГТА, 2009. 527 с.

Тимошина Т.М. Экономическая история России. Москва: Юстицинформ, 2015. 600 с.

Уразова С.А. Развитие текстильной промышленности в начальный период НЭПа, 1921–1922 гг. //

Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журнал. URL: <https://esj.pnzgu.ru/Urazova%2013/1-02.html> (дата обращения: 24.03.2023).

Шрётер В.Н. Советское хозяйственное право: (Право торгово-промышленное). Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928. С. 103–126.

References

Istoriia otechestvennoi tekstil'noi promyshlennosti [History of the domestic textile industry], M.V. Konotopov, A.A. Kotova, S.I. Smetanin and etc., ed. by M.V. Konotopova. Moscow, Legprombytizdat Publ., 1992, 413 p. (In Russ.)

Kommunisticheskaia partiia Sovetskogo Soiuza v rezoliutsiiakh i resheniiakh s"ezdov, konferentsii i Plenumov TsK (1898–1988) [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)], ed. by A.G. Egorova, K.M. Bogoliubova. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1984, vol. 4, 575 p. (In Russ.)

Liashchenko P.I. *Istoriia narodnogo khoziaistva SSSR: v 3 t.* [The history of the national economy of the USSR: in 3 vols.]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit. Publ., 1956, vol. 3, 643 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaia promyshlennaia oblast' (1929–1936 gg.). Uroki ekonomicheskoi istorii* [Ivanovo Industrial Region (1929–1936). Lessons of economic history]. Ivanovo, IGTA Publ., 2009, 527 p. (In Russ.)

Shreter V.N. *Sovetskoe khoziaistvennoe pravo (Pravo torгово-promyshlennoe)* [Soviet economic law. (Commercial and industrial law)]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1928, pp. 103–126. (In Russ.)

Timoshina T.M. *Ekonomicheskaiia istoriia Rossii* [Economic History of Russia]. Moscow, Iustitsinform Publ., 2015, 600 p. (In Russ.)

Urazova S.A. *Razvitie tekstil'noi promyshlennosti v nachal'nyi period NEPa, 1921–1922 gg.* [The development of the textile industry in the initial period of the NEP, 1921–1922]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Science. Society. The State: electronic scientific journal]. URL: <https://esj.pnzgu.ru/Urazova%2013/1-02.html> (access date: 24.03.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 18.03.2024.

ТРУДНОСТИ БРАКОРАЗВОДНОГО ПРОЦЕССА КРЕСТЬЯН В НАЧАЛЕ XX В. (на примере Тобольской епархии)

Спичак Александра Владимировна, кандидат исторических наук, Нижневартровский государственный университет, Нижневартовск, Россия, spichak-89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2223-8039>

Аннотация. На основе ранее не исследованных документов Тобольской духовной консистории, хранящихся в Государственном архиве г. Тобольска, выявлены трудности, встававшие на пути крестьян к получению разрешения на развод. Раскрыто влияние больших территорий Российской империи, в том числе Тобольской епархии, на увеличение срока делопроизводства и, как следствие, на усугубление проблем, связанных с расторжением брака. Представлена динамика подачи прошений о разводе за каждое десятилетие с 1863 по 1917 г., анализ которой показал, что в начале XX в. крестьяне обращались все чаще, однако, как и прежде, положительные решения получали единицы в год. Сделан вывод о том, что большинство проблем, связанных с бракоразводными процессами, оставалось неизменным с XIX века. Выяснено, что в начале XX в. грамотных людей становилось больше, они уже могли самостоятельно подписать документы, однако незнание законов приводило к увеличению и без того долгих сроков решения брачных вопросов. Сказываться могли и личные обстоятельства, а точное следование епархиального начальства букве закона препятствовало возможности войти в положение участников дела.

Ключевые слова: Тобольская епархия, Тобольская духовная консистория, крестьяне, расторжение брака, развод, трудности, делопроизводство.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2022), проект № МК-1840.2022.2

Для цитирования: Спичак А.В. Трудности бракоразводного процесса крестьян в начале XX в. (на примере Тобольской епархии) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 45–52 <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-45-52>

Research article

DIFFICULTIES OF THE DIVORCE PROCESS OF PEASANTS IN THE EARLY 20TH CENTURY (in terms of Tobolsk diocese)

Alexandra V. Spichak, Candidate of Historical Sciences, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi autonomous district, Russia, spichak-89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2223-8039>

Abstract. Based on previously unexplored documents of Tobolsk Ecclesiastical Consistory, stored in the State Archive in Tobolsk, the difficulties that stood in the way of peasants to obtain permission to divorce were identified. The influence of large territories of the Russian Empire, including Tobolsk diocese, on the increase in the duration of office work and, as a consequence, on the aggravation of problems associated with divorce, is revealed. The dynamics of filing petitions for divorce for each decade from 1863 to 1917 is presented, the analysis of which showed that in the early 20th century, peasants, eager to change a spouse, applied more and more often, however, as ages before, only a few received positive decisions per year. It is concluded that most of the problems associated with divorce proceedings had remained unchanged since the previous 19th century. It was found that in the early 20th century, more and more literate people, now able to sign documents on their own, appeared; however, ignorance of the laws led to an increase, in quite long time, frame for resolving marriage issues. Personal circumstances could also have an impact, and the diocesan authorities' strict adherence to the letter of the law prevented them from entering into the position of the participants in the case.

Keywords: Tobolsk diocese, Tobolsk spiritual consistory, peasants, marital breakup, divorce, difficulties, office work.

Acknowledgments. The research was carried out with the financial support of a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of science (Competition – МК-2022), project No. МК-1840.2022.2

For citation: Spichak A.V. Difficulties of the divorce process of peasants in the early 20th century (in terms of Tobolsk diocese). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 30, No. 1, pp. 45–52 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-45-52>

О сложности и трудоемкости процесса расторжения браков, минимальном количестве разводов и как следствие этого – процветании «расходов» у крестьян (раздельного жительства без официального оформления по единоличному решению или обоюдному согласию) во второй половине XIX – начале XX в. писали как дореволюционные мыслители [Смирнов; Якушкин; и др.], так и (на основе работ последних и анализа архивных документов) современные авторы [Нижник; Мухина; и др.]. Последние изучают по большей части региональные материалы, обходя вниманием Тобольскую губернию. Трудности, встававшие на пути крестьян к получению желанного разрешения на развод в Тобольской епархии, остаются малоизученными, как и спорный вопрос о том, насколько крепкими были крестьянские браки в исследуемый период.

В начале XX в. все еще остро стоял вопрос о возможности расторжения брака по сложно доказуемым причинам, в том числе прелюбодеянию, то есть измене супруга. Современники в своих трудах не раз высказывали требование упростить процедуру развода и увеличить число законодательно разрешенных для него поводов. В.В. Розанов отмечал ненормальность существующего положения, когда закон осуждал рождения внебрачных детей, не желая при этом «раздвинуть нормы брака, например, в смысле как облегчения развода уже не живущим друг с другом супругам» [Розанов: 8]. В.Я. Максимов критиковал сложившуюся систему брачного права: «В установленных формах производства суда духовного является в высшей степени затруднительными, и далее невозможным уличить в прелюбодеянии виновного супруга» [Максимов: 12]. Из-за понимания невозможности развода распространилась практика крестьянских расходов. Многие создавали неофициальные семьи, заводили детей с новыми спутниками жизни и желали документально оформить свое супружество, чтобы жить в законном браке.

В статье рассмотрен один из примеров возможного развития событий при мужском прелюбодеянии. Насколько частым было данное явление в семьях, установить достаточно трудно, ведь, как свидетельствуют архивные документы, женщины, следуя традициям послушания, до последнего терпели измены

мужа, даже отдельное его проживание, и лишь единицы подавали на развод.

Ранее на основе анализа архивных документов было выявлено несколько препятствий для получения положительного решения по бракоразводным делам во второй половине XIX – начале XX в.: это ошибки при предоставлении пакета документов и недостатки ведения делопроизводства в Тобольской губернии [Спичак]. Уже наличие одного такого препятствия иногда лишало возможности получить желаемое разрешение на развод. Однако в Государственном архиве г. Тобольска встречаются дела, объединяющие несколько таких затруднений. Проанализированное в данном исследовании дело ярко демонстрирует основные недостатки консисторского делопроизводства в Тобольской епархии и отсутствие юридической грамотности населения. Указанные проблемы практически не решались со временем, так как жесткие требования бракоразводного законодательства оставались неизменными. Рассмотрение всех обнаруженных в изученных делах препятствий на пути к разводу в рамках одного дела позволяет наиболее четко представить реальную картину возможности получения разрешения на расторжение брака женщине по причине прелюбодеяния ее мужа в начале XX века.

Оформление документов, входящих в представленное в данной статье дело, и последовательность этапов делопроизводства в зависимости от необходимости решения конкретного вопроса являются типичными для исследуемого периода, что помогает определить делопроизводственные традиции начала XX века.

Количество обнаруженных в Государственном архиве г. Тобольска дел о расторжении брака за каждое десятилетие с 1863 по 1917 г. отражено в таблице 1 (общее количество – 1299).

Анализ архивных документов показал, что с каждым десятилетием количество поданных прошений о разводе почти всегда увеличивалось, однако с начала XX в. произошел стремительный скачок. Причиной этого явления было изменение народного мышления, критика применения бракоразводного законодательства все чаще встречалась в литературе, люди становились более грамотными, хотели закон-

Таблица 1

Количество дел Тобольской духовной консистории, инициированных прошениями о разводе

Период времени	1863–1869	1870–1879	1880–1889	1890–1899	1900–1901	1910–1917
Количество дел	80	155	114	174	457	319

но состоять в отношениях с близкими, официально оформлять своих детей.

Изучение содержания приложений к ежегодным архиерейским отчетам Святейшему правительствующему синоду показывает реальную картину разводов, количество которых в год было минимальным.

В начале XX в. территория Тобольской епархии была уже значительно меньше, чем при ее открытии в 1620 г., однако расстояния оставались достаточно большими для перевозки документов почтой. К этому времени уже начали использовать телеграммы, но посредством их передавали только срочную информацию. Документы доставляли через почтово-телеграфные отделения. Время транспортировки на одно и то же расстояние могло варьироваться, ведь документы не всегда отправлялись в день их составления. Например, от Тобольской духовной консистории (далее – ТДК) до с. Каргалинского Тарского уезда документы доставлялись как 2 дня, так и неделю.

И без того долгий срок перевозки документов на дальние расстояния от ТДК и обратно увеличивался, если один из супругов переезжал за пределы ведомства Тобольской епархии. Так, требовалось до двух недель на получение распоряжения ТДК в г. Харбине, основанном в 1898 г. рабочими и переселенцами из России и входившим в состав Российской империи в начале XX в. Харбинская епархия открылась только в 1922 г., поэтому просительнице пришлось подавать прошение о разводе через местное полицейское управление.

Дела о расторжении браков должны были начинаться в тех епархиях, в которых супруги имели постоянное место жительства. Это правило, закрепленное «Уставом духовных консисторий» 1841 г., повторено в редакции того же документа за 1883 г. (ст. 224). Поэтому если истец проживал в другой епархии, то он мог подать прошение в духовную консисторию, к ведению которой принадлежал населенный пункт, а последняя уже отправить отношение в ТДК.

В начале XX в. некоторые прошения составлялись уже на печатной машинке. Способ записи зависел от учреждения, через которое оформлялся документ. Обнаруженное прошение от 31 июля 1907 г. крестьянки Татьяны Яковлевны Зыряновой, проживавшей в поселке Алексеевка под г. Харбином, напечатано.

Содержание и оформление документа в целом соответствует как форме общего искового прошения, так и рекомендательному образцу из практического сборника В.Я. Максимова.

Форма искового прошения прилагалась к статье 256 «Устава гражданского судопроизводства»¹. Вначале по центру листа указан адресат: «В ТОБОЛЬСКУЮ ДУХОВНУЮ КОНСИСТОРИЮ». Далее, как положено, с правой стороны показаны дан-

ные просителя (звание, фамилия, имя, отчество, место жительства).

Каждое учреждение трансформировало и дорабатывало форму искового прошения. В документах, поданных в ТДК, ни разу не было обнаружено следующих элементов из формы искового прошения: слов «Просит истец» и указания ответчика вместе с его адресом отдельно под показанием истца «по делу с ответчиком...», а также из формы «прошения жены о расторжении брака по прелюбодеянию ее мужа» фразы: «по делу с мужем моим (звание, имя, отчество, фамилия и место жительства) [Максимов: 418].

Стоит отметить, что точного воспроизведения этих форм не требовалось, «необходимо лишь, чтобы исковое прошение по своему существу – содержанию отвечало по возможности».

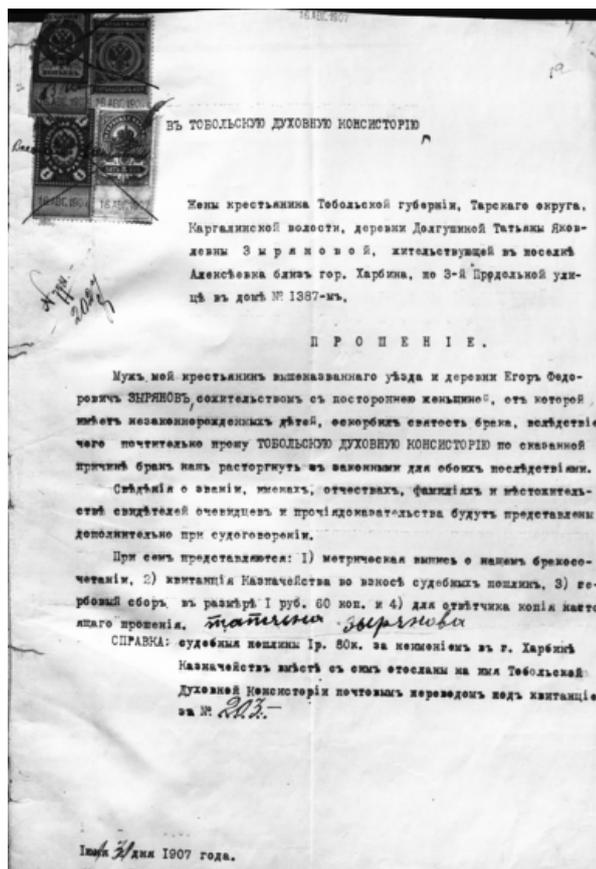
В образце В.Я. Максимова слева от данных истца значится «Гербовый сбор». Судебные пошлины, составляющие в начале XX в. 1 руб. 80 коп., можно было оплатить в самой консистории при личном обращении либо через местное казначейство. В случае отсутствия последнего деньги отправляли почтовым переводом, указав в справке под текстом прошения номер квитанции. На прошении наклеены в день его получения в ТДК 16 августа 1907 г. 4 гербовые марки достоинством 1 руб., 5 коп., 40 коп., 15 коп., итого 1 руб. 50 коп.

Об уплате гербового сбора и приложении квитанции сообщали в последнем абзаце просительного документа. Среди приложений в образце числились еще копия с прошения и доказательный документ. Татьяна приложила копию с пояснением «для ответчика» и типографскую метрическую выписку о бракосочетании. Последняя не являлась обязательным приложением, сведения о венчании ТДК могла проверить по консисторскому экземпляру метрической книги, достаточно было указать данные о месте и дате венчания, а также о священнике.

Просительница имела право представить доказательств на судеговорении, как и собиралась поступить Татьяна: «Сведения о звании, именах, отчествах, фамилиях и местожительстве свидетелей, очевидцев и прочие доказательства будут представлены дополнительно при судеговорении». Причина для развода была вполне доказуема, и у крестьянки имелись шансы на успешное решение дела, так как ее муж, Егор Феодоров, «сожительством с постороннею женщиной, от которой имеет незаконнорожденных детей, оскорбил святость брака» (рис. 1)².

Татьяна самостоятельно подписала документ, что говорит об уровне ее грамотности. В начале XX в. далеко не все женщины умели писать, зачастую за них расписывались другие лица.

Согласно метрическому свидетельству о бракосочетании, составленному типографским способом,

Рис. 1. Прошение о расторжении брака крестьянки Татьяны Яковлевны Зыряновой, проживающей в поселке Алексеевка близ гор. Харбина, с ее мужем Егором Федоровым из дер. Долгушиной Каргалинской волости Тарского округа Тобольской губернии от 31 июля 1907 г.

брак был совершен 22 января 1896 г. К тому времени жениху исполнилось 23 года, невесте – 19 лет. Примечательно, что документ был выдан 20 марта 1907 г., то есть за 4 месяца до подачи прошения. Возможно, крестьянке требовалось время на поиск нужной суммы для уплаты гербового сбора, ведь часть денег пришлось отдать за справку, о чем сказано в конце текста документа. Справка имела юридическую силу, была заверена печатью ТДК и подписями ее членов: священника, секретаря и лица, временно исполняющего должность столоначальника.

В начале XX в. протоколы ТДК составлялись уже на типографском бланке, причем отдельно для каждой законодательно установленной причины расторжения брака. Следует отметить, что документ составлен на бланке протокола для рассмотрения дела не о мужском, а о женском прелюбодеянии. Если принять во внимание тот факт, что были разработаны образцы прошений для обоих полов, то логично предположить, что и формы протоколов должны были иметься как для мужчин, так и для женщин. Однако форма прошения являлась общероссийской, а трафаретный бланк протокола изготовлен конкретно для ТДК. Не исключено, что епархиальное начальство ввиду крайне редких обращений женщин

именно по мужскому прелюбодеянию (о чем свидетельствует анализ архивных документов) не стало заводить отдельный бланк по экономическим соображениям.

Первоначальное рассмотрение дела производилось обычно в день получения прошения. В протоколе изучаемого дела указана причина развода, оставлено место для обозначения счета брака, даты венчания, фамилии, имени, отчества ее мужа, названия церкви и номера записи брака в метрической книге. По неизвестной нам причине зачеркнуты сведения об уплате гербового сбора, хотя другие документы подтверждают, что он был внесен. Словосочетание «метрическая выпись» исправлено на «метрическая справка». Первый документ выдавался церковным причтом, второй – духовной консисторией. В подобных делах редко встречаются такие справки, ибо процесс их получения был дольше и труднее.

Традиционно в протоколе содержится ссылка на закон, в данном случае это статья 240 «Устава духовных консисторий», разрешающая приступать к формальному производству дела, только если проведенное обоим супругам увещание «доверенными духовными лицами» не достигнет своей цели. Именно для этого В.Я. Максимов предлагал указывать

в прошении данные о духовном отце, что указано в образце документа, подготовленного В.Я. Максимовым. Однако в изученных прошениях такие сведения не были обнаружены. Обычно ТДК посылала указ об увещании по месту жительства мужа и жены, но они, согласно делам о прелюбодеянии, чаще всего проживали в разных населенных пунктах, и поэтому составлялось два указа. В деле Зыряновых, судя по данным метрического свидетельства о бракосочетании и консисторскому протоколу, неверный супруг остался в с. Каргалинском. По какой причине Татьяна уехала так далеко от дома, остается только догадываться. Вероятно, ее муж завел новую семью уже после ее отъезда, ведь в начале XX в., как утверждают исследователи да и современники, среди крестьян были распространены расходы, основной из причин которых называлось несовершенство бракоразводного законодательства, что делало практически невозможным расторжение брака по обоюдному желанию, а также и по другим мотивам, включая прелюбодеяние³.

В рассмотренном деле вскрывается одна из причин продолжительности решения брачных вопросов, заключающаяся в недостатке делопроизводства того времени: если в документе сведения приводились неполно или неточно, то для прояснения ситуации приходилось входить в дополнительную переписку. Кроме того, в деле продемонстрирован пример уровня знания законов церковным причтом. Священник Христо-Рождественской церкви с. Каргалинское Тарского уезда Николай Воршев, получив указ ТДК проинформировать пастырское увещание на основании ст. 240 «Устава духовных консисторий», в рапорте попросил дать объяснение, о чем она гласит. Пояснение было получено, но к сроку рассмотрения дела добавился месяц, так как в с. Каргалинское почта из Тобольска доставлялась около недели. В своей «подписке» (ответ на увещание назывался «отзыв»), однако встре-

чается и такое наименование) Георгий Феодоров Зырянов заявил, что «возвращение к законной, верной, супружеской жизни для нас обоих немислимо, потому что более восьми (8) лет мы жили вне совместной жизни и в течение этого времени супругой прижит сын, а мной двое детей, сын и дочь» (рис. 2)⁴. Примечательно, что Георгий сам подписал документ, значит, оба супруга были грамотными. Содержание подписки подтверждает догадку о том, что Татьяна просила развода не из-за измены мужа, а чтобы документально оформить расход с мужем и законно вступить в супружество с отцом своего сына. Наличие рожденных вне брака детей должно было упростить эту задачу, но дальность расстояния от Тобольска, недостатки бюрократической системы и законодательства, а также другие обстоятельства делали ее решение практически невозможным.

В случае если один из супругов проживал на территории, входящей в ведомство другой епархии, то ТДК посылала отношение духовной консистории с просьбой об увещании. Однако из-за отсутствия Харбинской епархии ТДК вела переписку с Харбинским городским полицейским управлением (по месту жительства истицы) и просила его проинформировать через причт «на основании приведенного закона» «увещание, чтобы она прекратила супружеское несогласие с мужем христианским примирением и оставалась с ним в брачном союзе и о результате увещаний отобразить... отзыв»; про распоряжение следовало объявить просительнице и взыскать с нее дополнительный гербовый сбор в размере 65 коп.

Более юридически грамотный, чем его тарский коллега, священник Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи г. Харбина, имевший даже бланки письма своей должности (что было в то время новинкой), с ответным рапортом приложил «письменный отзыв» Татьяны: «Я, несмотря на пастырское увещание приходского священника

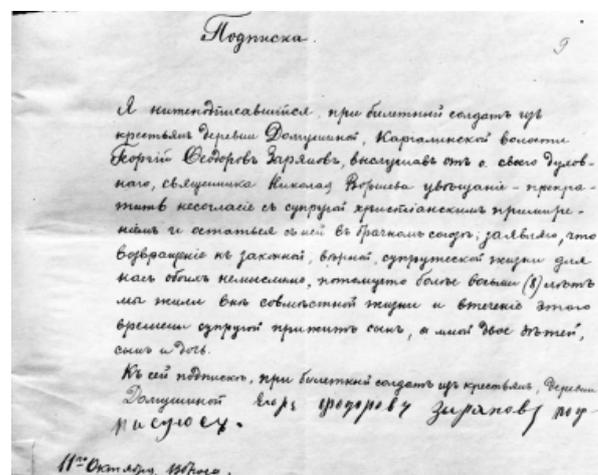

Рис. 2. Подписка об итоге увещания Георгия Феодорова Зырянова от 11 октября 1907 г.

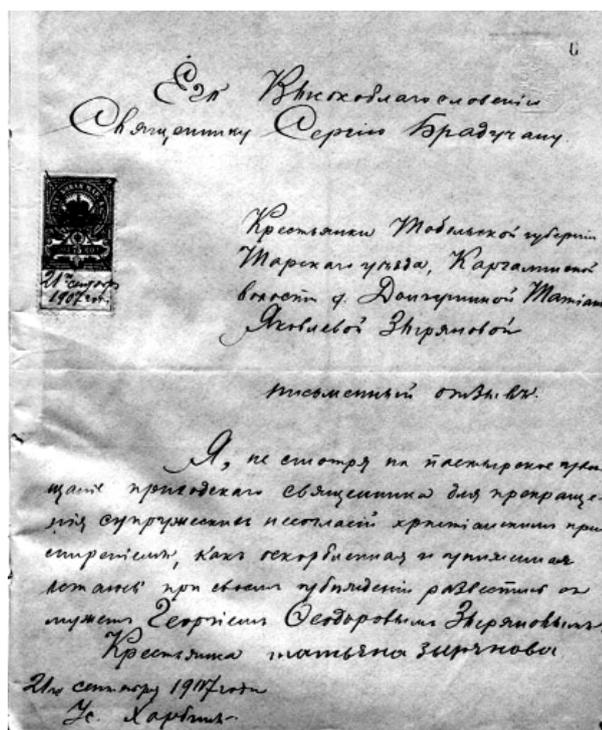

Рис. 3. «Письменный отзыв» об итоге увещевания Татьяны Яковлевой Зыряновой от 11 октября 1907 г.

для прекращения супружеских несогласий христианским примирением, как оскорбленная и униженная остаюсь при своем убеждении развестись с мужем Георгием Феодоровым Зыряновым» (рис. 3)⁵.

В случаях получения хотя бы одного отрицательного отзыва супруги вызывались на судоговорение. Назначение даты на 3 месяца вперед было обосновано, во-первых, временем для возможного примирения, так как обычно увещевания не ограничивались единственной беседой, а во-вторых, загруженностью работой консистории. Зыряновым требовалось явиться в ТДК 26 января 1908 г.

Вызов на судоговорение производился посредством отправки указа (или указов, как в рассмотренном деле) в местное полицейское управление. Каждому супругу под роспись выдавали 2 экземпляра повестки с назначенными датой и временем. Повестки в начале XX в. составлялись уже в типографской форме (рис. 4)⁶. Для реквизита «адресат» выделено несколько строчек, однако служащий ТДК мог как полностью указать фамилию, имя, отчество и место жительства, так и сокращенно – инициалы и фамилию. Форма повестки была одинакова как для супругов, так и для свидетелей. Для последних после слов «по делу о расторжении брака» вместо «вашего» писали фамилию разводящихся лиц. Кем являлся вызываемый на суде – истцом, ответчиком или свидетелем – показывали после слов «в качестве». На обратной стороне повестки располагалась информация для супругов о том, что они обязаны были явиться лично.

В нескольких случаях разрешалось прислать доверенное лицо: «1) по болезни, подтвержденной Врачебным отделением губернского управления, 2) за отсутствием по службе, 3) другим заслуживающим уважения обстоятельствам при одобрении епархиального начальства». В противном случае производство по делу прекращалось на основании ст. 241 «Устава духовных консисторий», ст. 145, ч. I «Устава гражданского судопроизводства» и ст. 138, ч. II, т. XVI «Законодательства судопроизводства гражданского» 1892 г.

В конце ноября и начале декабря супруги получили повестки. Но следом произошли непредвиденные события. 8 января 1908 г. Татьяна просит ТДК отложить судоговорение по причине ее болезни, приложив удостоверение санитарно-городового врача г. Харбина. 23 января ТДК получила документы и на следующий день составила новые повестки – на 29 марта. По неизвестной причине повестки были отправлены только 1 февраля, хотя обычно исходящая документация посылалась в день или через 1–2 дня после заседания. Впрочем, даже если бы повестку отправили в тот же день, она бы не успела остановить Георгия, уже отправившегося в это время в Тобольск. Письмо сельскому старосте Викуловской волости Тарского уезда, отмеченное как срочное, пришло только 17 февраля, и ответчик зря потратил средства на проезд до ТДК на несостоявшееся судопроизводство. В ТДК у него забрали его экземпляр повестки, на котором указано «Подлежит выдаче» и отсутству-

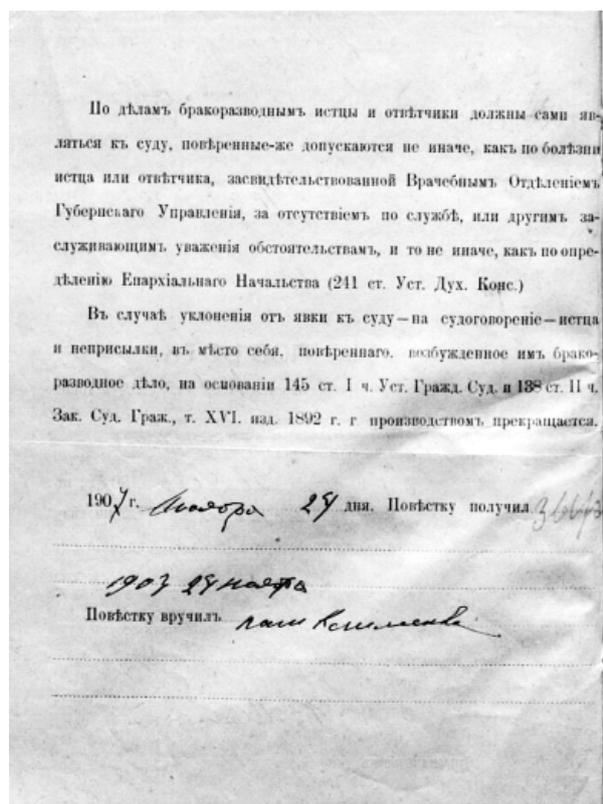
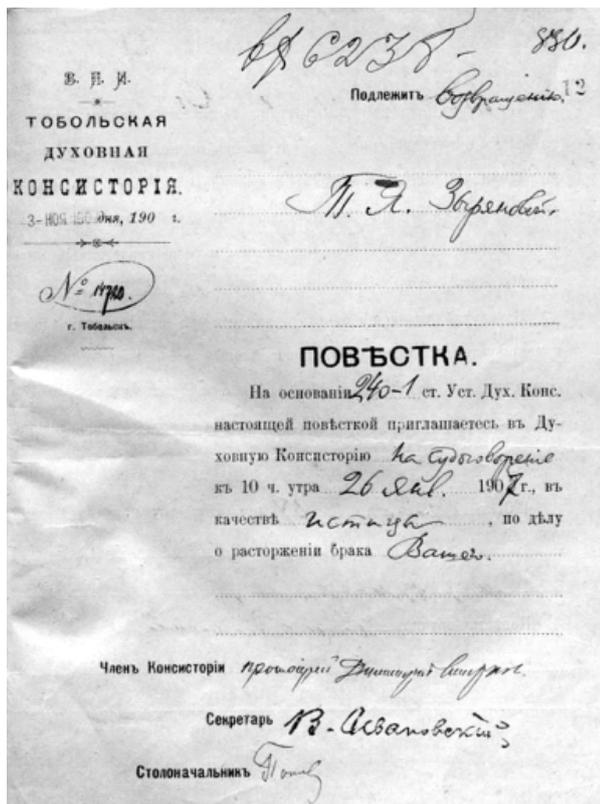

Рис. 4. Повестка о вызове на судоговорение в Тобольскую духовную консисторию Татьяны Яковлевны Зыряновой от 3 ноября 1907 г.

ют подписи, в отличие от тех, на которых значится «Подлежит возвращению».

Татьяна составила полученное 12 марта прошение о том, что у нее отсутствуют средства на проезд в г. Тобольск и что «отлучка моя должна продолжаться свыше месяца лишить меня занимаемого места». Она надеялась «взамен личной явки при-слать по означенному делу письменное объяснение с указанием в нем тех доводов, на коих я основываю иск о разводе». Вот и еще одно препятствие на пути к разводу – отсутствие денег на проезд с целью судоговорения и обратно. Кроме того, к каждому прошению требовалось приложить 75 коп. Тут возможны два варианта: Татьяна либо не знала, что может вместо себя отправить доверенное лицо, либо хотела обойтись «объяснением». В любом случае мы видим, как юридическая неграмотность в очередной раз помешала решению дела. ТДК послала с пометкой «срочно» письмо с объяснением, «что личная ее явка в консисторию на судоговорение как для истицы обязательна и что дальность расстояния и жизнь ее дают ей право избрать на ведение дела поверенного, который должен представить в консисторию нотариальную доверенность от нее, в которой было бы сказано, что он уполномочен именно на ведение бракоразводного ее дела».

Георгий в свою очередь тоже не имел средств на проезд, так как уже потратил их на поездку на не-

состоявшееся судоговорение, что он указал в своем отзыве при получении новой повестки.

Татьяне ставили жесткие сроки, в течение которых она должна была указать доверенное лицо, но времени ей оказалось недостаточно. В итоге дело закрыли 8 октября 1912 г.

Итак, к выясненным ранее причинам, мешавшим крестьянам получить разрешение на развод – 1) неуплата гербового сбора, 2) составление прошения на обычной, вместо гербовой, бумаге, 3) непредставление доказательств, 4) ошибки и 5) потеря документов – можно добавить следующие: 6) длительный срок доставки документов (что отличает Тобольскую губернию от остальных), 7) отсутствие юридической грамотности населения, 8) обстоятельства личного характера, например невозможность приехать на судоговорение из-за болезни или отсутствия средств, 9) невозможность найти доверенных лиц или их смерть.

Прелюбодеяние и в законах, и в практических сборниках указывалось среди возможных причин развода на первом месте. Именно данный мотив чаще остальных подталкивал людей к такому редкому и нетрадиционному шагу, как подача документов на развод. В реальности же развестись по этому поводу оказывалось практически невозможно. Насколько проблематичен, затратен и почти невыполним был бракоразводный процесс вследствие измены, под-

тверждают архивные документы. В делах ТДК отразилось желание десятков людей в год развестись, а в отчетах епархиальных архиереев реальное количество одобренных разводов сводилось к единицам за год. Главной проблемой было консервативное законодательство, ставящее просителям жесткие рамки и правила.

Бюрократизация и строгое следование законам ТДК зачастую лишало людей возможности развестись. Однако именно такая скрупулезность и внимание епархиальных архиереев к ведению консисторского делопроизводства дают возможность современным ученым проследить развитие делопроизводственных традиций и появление нововведений, выявить особенности бракоразводных процессов, изучить причины подачи прошений о разводе, а также трудности, с которыми сталкивались просители и их супруги. В исследовательской литературе не вполне решен вопрос о том, насколько были крепки крестьянские браки, и изучение архивных документов может дать более полный и убедительный ответ на этот вопрос.

Примечания

¹ Устав гражданского судопроизводства. 1864 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 191.

² ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ). Ф. И-156. Оп. 18. Д. 371. Л. 1а.

³ Там же. Л. 2–3 об.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 12–12 об.

Список литературы

Максимов В.Я. Законы о разводе православного и неправославного исповеданий и о раздельном жительстве супругов, с разъяснениями Правительствующего сената и циркулярными и сепаратными указами Святейшего синода: Руководство к ведению бракоразводных дел. Москва: Юрист, 1909. 428, LII с.

Мухина З.З. Разводы в русской крестьянской семье в пореформенной России: гендерный аспект // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2013. № 1. С. 49–63.

Нижник Н.С. «Женитьба есть, а раз женитьбы нет»: о проблеме расторжения брака в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2012. № 1 (53). С. 27–33.

Розанов В.В. Семейный вопрос в России. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1903. 312 с.

Смирнов А.Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. Москва: Унив. тип. (М. Катков), 1877 (обл. 1878). 259 с.

Спичак А.В. Крестьянские разводы в документах Тобольской духовной консистории XIX – начала XX веков // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 1. С. 452–

470. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-1-452-470>.

Якушкин Е.И. Обычное право русских инородцев: Материалы для библиогр. обычного права. Москва: Унив. тип., 1899. 366 с.

References

Jakushkin E.I. *Obychnoe pravo russkikh inorodcev: Materialy dlja bibliogr. obychnogo prava* [Common law of Russian foreigners: Materials for bibliogr. common law]. Moscow, Univ. Publ., 1899, 366 p. (In Russ.)

Maksimov V.Ja. *Zakony o razvode pravoslavnogo i nepravoslavnogo ispovedanij i o razdel'nom zhitel'stve suprugov, s razjasnenijami Pravitel'stvujushhego senata i cirkuljarnymi i separatnymi ukazami Svjatejshego sinoda: Rukovodstvo k vedeniju brakorazvodnyh del* [Laws on divorce of Orthodox and non-Orthodox confessions and on the separation of spouses, with explanations of the Governing Senate and circular and separate decrees of the Holy Synod: Guide to the conduct of divorce cases]. Moscow, Jurist Publ., 1909, 428, LII s. (In Russ.)

Muhina Z.Z. *Razvody v russkoj krest'janskoj sem'e v poreformennoj Rossii: gendernyj aspekt* [Divorce in a Russian peasant family in post-reform Russia: gender aspect]. *Vestnik RUDN. Ser.: Istorija Rossii* [Bulletin of RUDN University], 2013, No. 1, pp. 49-63. (In Russ.)

Nizhnik N.S. «Zhenit'ba est', a raz zhenit'by net»: o probleme rastorzenija braka v Rossijskoj imperii [“There is a marriage, but there is no marriage”: about the problem of divorce in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2012, No. 1 (53), pp. 27-33. (In Russ.)

Rozanov V.V. *Semejnyj vopros v Rossii* [Family issue in Russia]. St. Petersburg, Tip. M. Merkusheva Publ., 1903, vol. 1, 312 p. (In Russ.)

Smirnov A.G. *Oчерки семейных отношений по обычному праву русского народа* [Essays on family relations according to the customary law of the Russian people]. Moscow, Univ. tip. (M. Katkov) Publ., 1877 (1878), 259 p. (In Russ.)

Spichak A.V. *Krest'janskije razvody v dokumentah Tobol'skoj duhovnoj konsistorii XIX – nachala XX vekov* [Peasant divorces in the documents of the Tobolsk spiritual consistory of the 19th – early 20th centuries]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2022, vol. 11, No. 1, pp. 452-470. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-1-452-470>. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 13.12.2023; принята к публикации 14.02.2024.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 13.12.2023; accepted for publication 14.02.2024.

ПРОСТИТУЦИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ Г. РЫБИНСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Карандашев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, karandashev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы городской проституции в России во второй половине XIX – начале XX вв. на примере уездного г. Рыбинска Ярославской губернии. На основе анализа неопубликованных архивных источников и материалов местной периодической печати проституция впервые рассматривается как социокультурный феномен рыбинской городской повседневности. В работе представлены статистические показатели рыбинской проституции, рассмотрены места и условия проживания, а также социальное положение публичных женщин. Изучены обстоятельства попадания в профессию и возможность выхода из нее, проанализирована деятельность содержательниц проституток и социокультурная среда, сложившаяся вокруг проституции как явления городской жизни. В 40-е гг. XIX в. проституция в России была легализована и находилась под надзором полиции. В Рыбинске действовала врачебно-полицейская комиссия, которая с целью снижения количества венерических заболеваний контролировала постановку женщин легкого поведения на учет, организацию медицинских освидетельствований, выдачу разрешений на открытие борделей. В период навигации приток проституток в Рыбинск был значительным и превышал по данному показателю губернский г. Ярославль. Публичные женщины проживали в домах терпимости, квартирах или у содержательниц, которые сделали из этого важную статью своих доходов. Условия такой жизни были тяжелыми, но провинциалки выбирали их взамен полуголодного существования. Криминогенная обстановка, царившая в рыбинских борделях, способствовала совершению самых различных правонарушений. Большинство проституток происходило из низших социальных групп. Уличение в тайной проституции вело к изменению социального статуса и ограничению личной свободы женщин. Выход из числа проституток был возможен после одобрительно-го заключения со стороны полицейских властей.

Ключевые слова: Ярославская губерния, Рыбинск, проституция, врачебно-полицейская комиссия, дом терпимости, венерические заболевания, преступность.

Для цитирования: Карандашев Г.В. Проституция в повседневной жизни г. Рыбинска во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 53–60. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-53-60>

Research Article

PROSTITUTION IN THE DAILY LIFE OF RYBINSK IN THE 2ND HALF OF THE 19TH – THE EARLY 20TH CENT

Gleb V. Karandashev, Candidate of Historical Sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, karandashev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of urban prostitution in Russia in the 2nd half of the 19th – the early 20th cent. in the example of the district city of Rybinsk, located in Yaroslavl Province. Based on the analysis of unpublished archival sources and materials of the local periodical press, prostitution has for the first time been considered as a socio-cultural phenomenon of Rybinsk urban everyday life. The paper presents statistical indicators of Rybinsk prostitution, examines the places and conditions of residence, as well as the social status of public women. The circumstances of entering the profession and the possibility of giving it up are studied; the activities of female prostitutes' keepers and the socio-cultural environment that had developed around prostitution as a phenomenon of urban life are analysed. In the 1840s, prostitution in Russia was legalised and got under the supervision of the police. In Rybinsk, there was a medical and police commission, which, in order to reduce the number of sexually transmitted diseases, controlled the registration of women of easy virtue, organising medical examinations, the issuance of permits for the opening of brothels. During the navigation period, the influx of prostitutes to Rybinsk was significant and exceeded the provincial city of Yaroslavl by this indicator. Public women lived

in brothels, apartments or stayed with their keepers, who made an important item of their income from this. The conditions of such a life included hardship, but provincial women preferred that to a half-starved existence. The criminogenic situation prevailing in Rybinsk brothels contributed to the commission of a variety of offences. Most prostitutes came from lower social groups. Being caught in secret prostitution led to a change in the social status and restriction of women's personal freedom. The exit from the number of prostitutes was possible after the approval of the police authorities.

Keywords: Yaroslavl Province, Rybinsk, prostitution, medical and police commission, brothel, venereal diseases, crime.

For citation: Karandashev G.V. Prostitution in the daily life of Rybinsk in the 2nd half of the 19th – the early 20th cent. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 53–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-53-60>

С конца XIX в. в России стал изучаться широкий спектр проблем, связанных с таким социальным явлением, как проституция. Появились публикации регионального характера [Ге; Поспелов; Федоров]. В современной историографии тенденция изучения феномена продажной любви на локальном материале получила дальнейшее развитие [Лебина, Шкаровский; Кончаковская], хотя по-прежнему остается много вопросов в понимании социокультурных особенностей проституции на местном уровне, а также в изучении деятельности властей по её регламентации. Проституция как общественный феномен повседневной жизни г. Рыбинска в середине XIX – начале XX вв. до настоящего времени не становилась объектом отдельного исследования.

Рыбинск в летние месяцы являлся сосредоточием европейской и отчасти азиатской экономической жизни России¹, был вторым по величине городом Ярославской губернии и до революционных событий 1917 г. считался крупнейшим центром торговли зерном. Согласно всероссийской переписи в 1897 г. в нем проживало 25 290 чел.², а в период навигации население возрастало до 80–100 тыс.³ Подобная динамика усложняла социальные отношения, что находило свое отражение в различных сферах повседневной жизни, в том числе в таком явлении, как проституция, легальная часть которой с 1843 г. находилась под надзором властей. В Санкт-Петербурге и Москве появились врачебно-полицейские комитеты. Власти других губерний долгое время руководствовались столичными нормативными документами [Сидоркин, Орлов].

В 1882 г. в Рыбинске была учреждена смешанная врачебно-полицейская комиссия по предупреждению распространения венерических заболеваний среди населения и нижних воинских чинов из гражданских и военных чиновников под председательством рыбинского полицмейстера. В ее состав также вошли городской врач, военный врач и офицер 35-й пехотной дивизии. В 1886 г. благодаря инициативе военных властей работа этой комиссии была активизирована. Она осуществляла контрольно-административные функции в сфере регламентации городской проституции с целью снижения заболеваемости половыми болезнями⁴.

Первоначально проститутки осматривали в рыбинской городской больнице, но часть из них ста-

ралась избежать этой процедуры. 2 июня 1857 г. городской врач уведомлял полицию, что «публичные женщины, имеющие постоянное пребывание в здешнем городе, вовсе не являются к медицинскому освидетельствованию»⁵. Ситуация начала меняться в связи ростом венерических заболеваний среди солдат. В 1868 г. полицмейстер приказал «без малейшего отлагательства обязать публичных женщин, живущих по разным квартирам – самих лично, а находящихся в публичных заведениях – содержательниц оных, чтобы они являлись каждую неделю в городскую больницу для освидетельствования»⁶.

С 1888 г. врачебные осмотры проводились городским врачом с 15 апреля по 15 октября 2 раза в неделю по средам и субботам, а в зимнее время, после закрытия навигации, 1 раз по субботам. Проститутки, уличенные в неявке на осмотры, по приговору городских судей заключались под арест на срок от 3 до 7 дней. Власти сумели отрегулировать процесс медицинского освидетельствования проститутки и повысить дисциплину среди солдат. Показатели заболеваемости сифилисом снизились⁷.

В 1855 г. в Рыбинске значилась 41 проститутка. В списках городской полиции они были аккуратно распределены по сословному признаку: 5 мещанок, 3 мещанских девицы, 2 солдатки, 1 солдатская жена, 11 солдатских дочерей, 1 обер-офицерская дочь, 1 крестьянка, 7 крестьянских девиц, 2 крестьянских дочери, 1 государственная крестьянская девица, 1 государственная крестьянская дочь, 2 дворовых девки, 3 вольноотпущенных и 1 дворянка⁸. В середине XIX в. большинство рыбинских проститутки были жительницами города или близлежащей округи и принадлежали к низшим социальным стратам.

На 1 августа 1889 г. в Рыбинске официально находилось 6 домов терпимости, в которых состояло 38 проститутки: 16 из них были представительницами Ярославской губернии, 21 девушка – из другого региона и 1 являлась иностранкой. Кроме того, в городе на учете состояли 74 проститутки-одиночки: 33 местных, 40 из других губерний и 1 иностранка. Таким образом, на указанную дату было официально зарегистрировано 112 публичных женщин, что превосходило данный показатель по губернскому г. Ярославлю, где на учете на тот момент состояла 91 проститутка, а домов терпимости было также 6.

Во всей Ярославской губернии значилось 259 публичных женщин⁹.

В 1894 г. с 6 мая по 3 октября единственный дом терпимости в Рыбинске имела жена ярославского отставного унтер-офицера Петрова. В нем состояло 27 проституток. С завершением навигации она закрыла заведение и уехала в Ярославль. В 1894 г. в городе было зарегистрировано 211 проституток-одиночек. С 11 апреля 1895 г. до 28 октября 1897 г. на Игуменской ул. действовал бордель нарвской мещанки М. Григорьевой, в котором числились 23 женщины¹⁰.

К 1 января 1895 г. насчитывалось 132 одиночки, из них 28 прибыли по проходным свидетельствам, а 55 были зачислены по подозрению в тайной проституции. Всего за 1895 г. было зарегистрировано 215 одиночек. Из их числа постановлениями врачебно-полицейской комиссии исключили 40, по проходным свидетельствам выбыло 74 и умерло 5. К 17 декабря 1895 г. в городе проживало 96 женщин легкого поведения¹¹. К концу XIX в. заметно возросла доля приезжих проституток. С окончанием судоходства они покидали город.

В 1896 г. в городе функционировали два дома терпимости. Один из них по-прежнему содержала Григорьева, а со 2 июня борделем также руководила ярославская мещанка Ф. Соколова на Ново-Мещанской улице. 16 сентября из-за беспатентной торговли спиртными напитками и «разных беспорядков» заведение Соколовой закрыли¹².

В 90-е гг. XIX в. количество официальных борделей в Рыбинске заметно снизилось. При этом, например, в 1897 г., действовали 14 нелегальных притонов и домов свиданий, где проживали по 2–3 публичных женщины¹³. Большинство зарегистрированных и тайных проституток предпочитали находиться на квартирах. К началу XX в. ситуация несколько изменилась. В 1903 г. в городе действовало 9 домов терпимости и 3 дома свиданий, где состояли 112 женщин, а 118 проституток были зарегистрированы как одиночки¹⁴.

Значительная часть проституток не имела собственных квартир, а проживала «на хлебах» или пользовалась помещением временно «лишь для непотребства у так называемых квартирохозяев, сделавших из этого свой промысел». Почти все такие квартиры и постели в них содержались неопрятно, а большинство владельцев жилья эксплуатировали квартиранток и были «не благонадежны во всех отношениях»¹⁵.

В декабре 1895 г. пристав второй полицейской части докладывал, что во вверенном ему районе постоянно проживали 120–150 проституток, из которых в разрешенном администрацией публичном доме находились лишь 10. Остальные размещались «по разным квартирам лиц, проживающих развратом про-

ституток, сделав из этого промысел свой». Около 50 таких квартир были расположены на Ушаковской и Игуменской улицах¹⁶.

Проститутки, поступавшие на жительство к содержательницам притонов, либо платили определенную сумму «до 15 р. за стол и квартиру» и получали остальные деньги себе на руки, либо же переходили из квартиры в квартиру и оплачивали «за кровать и гостя определенную сумму». Подобные условия жизни гулящих женщин противоречили условиям «надлежащего надзора за народным здоровьем»¹⁷.

С декабря 1895 г. квартирохозяйкам было необходимо получать ежегодное разрешение с условиями содержания у себя проституток-одиночек с обязательным указанием их числа¹⁸. Так, в 1899 г. крестьянка череповецкого уезда А. Матвеева получила свидетельство о том, что постановлением рыбинской врачебно-полицейской комиссии от 3 февраля ей было разрешено в занимаемой квартире на Игуменской улице «держать квартирантками двух проституток, для которых должны быть особые кровати с чистым бельем в отдельных комнатах или по крайней мере кровати должны иметь занавес или ширмы <...> дозволяется в ней жить только квартиранткам проституткам и женской прислуге. Иметь детей и мужскую прислугу воспрещается». Матвеева также отвечала за тишину и спокойствие, должна была заботиться о безопасности посетителей, не допускать пьянство, наблюдать за здоровьем своих квартиранток и сообщать полиции в случае заболевания последних венерическими заболеваниями. Квартира могла быть заменена на новую только с дозволения полиции по предварительному осмотру с городским врачом¹⁹.

Уличенных в тайной проституции буквально заставляли присоединиться к соответствующей социальной группе. Пристав 1-й полицейской части в сопроводительной записке писал: «...задержанную за пьянство и проституцию, назвавшуюся крестьянкой Мышкинского уезда Воскресенской волости д. Родионова Екатериной Ивановой Носухиной, которая занимается тайной проституцией, прошу по освидетельствованию ее зачислить в разряд проституток»²⁰.

В Рыбинске девушкам, «обратившим распутство в промысел», выдавали медицинские книжки. Паспорта изымались и хранились при полицейском управлении второй части. Приставу поручалось следить за регулярной явкой проституток на медицинские осмотры, а в особых случаях доставлять их «мерами полиции»²¹.

Вернуть прежний социальный статус и паспорт было гораздо сложнее. В 1895 г. было отказано в 6 подобных просьбах. 24 августа крестьянская девица Л.И. Свечникова, проживавшая в Егорьевской

слободке в доме своей тетки Н.Р. Буйковой, обращалась с прошением к полицмейстеру, объясняла: «Я занималась проституцией до 18 июля настоящего года, а в настоящее время вот уже с лишним месяц как не занимаюсь этой проституцией, нахожусь на содержании <...> я же без паспорта проживать не могу, да тем более, что и сам закон строго воспрещает проживать где-либо без законного вида». В ходе дознания выяснилось, что, несмотря на то, что мологский мещанин Пучков «давал Свечниковой содержание, она продолжала заниматься развратом». Это удостоверяли проститутка Рыбакова и родственница Свечниковой Буйкова. Ввиду открывшихся обстоятельств прошение было оставлено «без последствий»²².

22 ноября 1895 г. крестьянская жена А.М. Тихомирова заявляла, что уже два года не занималась проституцией и жила «семейным положением, а все-таки как проститутка должна ходить на полицейско-медицинский смотр, как и прочие, которые оной занимаются». Оказалось, что тридцатилетняя Тихомирова являлась разведенной, без права вступить в брак. Она 2 года сожительствовала с крестьянином рыбинского уезда И.П. Прословым на Игуменской улице. В их квартире проживали проститутки, на тот момент Орленская и Мяковская. По словам домовладельца А. Федулова, «поведение Тихомировой неодобрительное, она, хотя и оставила будто бы заниматься развратом, но вместе с тем постоянно пьянствует с приезжающими в квартиру гостями. Тихомирова имеет квартиру, в которой содержатся проститутки, что служит ей с любовником средством к существованию». В прошении о выдаче вида на жительство было отказано²³.

Желавшим завязать с постыдным прошлым требовалась положительная характеристика из полиции, подтверждавшая, что с бывшим ремеслом действительно покончено. Также из числа проституток исключали в силу возраста и беременности. Решение могло носить субъективный характер и зависело от результатов дознания и личного мнения полицейских служащих.

Романово-Борисоглебская мещанская девица М.Н. Мыльникова в ходатайстве к полицмейстеру описала следующую историю: ее мать А.Т. Мыльникова попросила Романово-Борисоглебского мещанского старосту «выслать общий паспорт своего семейства, состоящего из двух дочерей – меня, Марии, и Любви, но почему-то староста выслал мне отдельный, и этот-то паспорт мой помощник пристава 2-ой части Юматов самоуправно не выдает, а насильно предлагает книжку как проститутке, чем я никогда не занималась и не занимаюсь, хотя действительно имею содержателя <...> г. Юматов заставляет меня являться на освидетельствование к доктору или приглашает к себе на квартиру, пла-

тя визит, – подобное приказание омрачает меня 22 л. девицу, могущую вступить в супружество, но когда будет сделана на паспорте надпись “проститутка”, то я погибну». 2 июня 1895 г. комиссия рассмотрела прошение Мыльниковой и постановила исключить ее из разряда проституток. В донесении пристава 2-й части от 31 мая значилось, что она оставила прежний образ жизни²⁴.

Большинство проституток были зарегистрированы на Мышкинской, Игуменской, Ушаковской, Спасской, Покровской, Ново-Мещанской, Крестовой и Угличской улицах. Самой знаменитой в этом смысле считалась Игуменская, или Игуменка, которая представляла из себя «тоже, что Грачевка в Москве, Пошехонка да Кучерской переулоч в Ярославле <...> Обыватели Игуменской улицы – ночные дети Рыбинска». На ней проживали «отбросы цивилизационного общества, те птицы, полет которых среди дня колет глаза Божьему солнцу. Днем на Игуменке тишина мертвая, на ночь же улица закипает жизнью веселой широкой масленицы. Из целого ряда домов и надворных флигелей да лачужек слышны безобразные звуки разбитых инструментов, заглушая пьяные песни, визги, бой посуды и как бы взывая к небу об отмщении за исковерканную жизнь пирующих... а темная бесфонарная ночь придает ей какой-то зловещий, ужасный вид. Двери пивных и трактиров ночью открыты настезь... Фонарей на Игуменке, кроме красных, которые „терпятся“, почти не полагается»²⁵.

История «разгульной Игуменки» закончилась в 1903 г. переименованием в Карякинскую улицу – по имени В.А. Карякина, построившего на ней за собственный счет городское трехклассное училище, и изгнанием домов терпимости в Хомутовскую слободу. Квартал, в котором ютились жертвы общественного темперамента, был перестроен и занят тихими жильцами. Зимой 1904 г. «на прежнем „веселом пруде“, скрывавшем в старинные годы не одно тяжкое преступление», был открыт каюк²⁶.

Одним из самых опасных мест Рыбинска прослыла примыкавшая к западной окраине города густонаселенная Хомутовская слобода. Располагавшаяся на арендуемых у помещика С.А. Хомутова землях, к началу XX в. она насчитывала около 300 жилых построек, где обитало более 3 тыс. жителей, главным образом железнодорожных служащих и рабочих²⁷.

С наступлением осенних вечеров в городе учащались мелкие кражи, а на окраинах «свирепствовал хулиган». Особенно «славилась» по этой части Хомутовская слобода, где по местному выражению был что ни «дом, то публичное заведение». Корреспонденты сетовали на то, что «нет правил, ограничивающих публичную проституцию вне городской черты, и поэтому дома терпимости в Хомутовской

слободе не отмечены, как в городе, красным фонарем, не снабжены оконными ставнями, обитательницы же их сидят не в комнатах, но на уличных тумбочках и завалинках»²⁸.

1 августа 1901 г. сотский В. Разин шел через Хомутовскую слободу по Владимирской улице, а сидевшие на улице в пьяном виде проститутки, проживавшие в доме Громова, В. Смирнова и А. Соколова, стали ругать его площадными словами, «а Соколова помимо прочего хотела бросить в него кирпичиной». 27 февраля волостной суд заслушал уголовное дело по обвинению полицией Смирновой и Соколовой, но обвиняемые на суд не явились. Потерпевший дело попросил прекратить²⁹.

По вечерам в слободу стекались «целые ватаги пьяных людей». Были случаи открытого нападения на прохожих и дома обывателей. Человека могли ограбить, избить, а порой совершались и более жестокие преступления, о которых сообщала местная пресса³⁰. Около 10 часов вечера 9 марта 1903 г. четверо хулиганов явились к дому Туманцева в Хомутовской слободе, где проживали проститутки. Хозяйка квартиры М. Кораблева под угрозой погрома передала через форточку деньги на водку. Позднее они ворвались в соседнюю квартиру содержательницы проституток Н. Гуляевой, где «принялись безобразить. Разбили стол, стулья и, выбив стекла у горки, побили всю находящуюся в ней посуду и на глазах опешившей от страха прислуги забрали белье, 12 бутылок пива и еще какие-то вещи, всего на сумму около 40 руб., и спокойно ушли». Затем шайка опять возвратилась к квартире Гуляевой, «побила все стекла в рамах, и по пути побила также все стекла в рамах в соседней квартире Трусовой и затем скрылась»³¹.

5 июля 1903 г. на рыбинского мещанина П.Я. Богачева «во дворе содержательницы проституток Лукиной в Хомутовской слободе накинулась компания хулиганов, которые избили Богачева до полусмерти и, вытащив из кармана брюк кошелек с находящимися в нем деньгами 85 руб., скрылись»³². 9 мая 1903 г. крестьянин весьегонского уезда П-ъ «заехал в места злачные Хомутовской слободы», где в компании проститутки А. Некрасовой «зело выпил и заснул». С утра П. не нашел кошелька, в котором было 570 р.³³

13 августа 1901 г. крестьянин Костромской губернии М.А. Виноградов заявил, что после времяпрепровождения с проституткой М.Н. Крючковой сначала в портерной на Стоялой ул., а затем на ее квартире в Хомутовской слободе у него пропало около 60 р. Крючкова также отобрала у него «насильственным образом глухие серебряные часы с цепочкой». Крючкова сообщила, что денег не похищала, а часы крестьянин отдал добровольно за пиво, которым она его угощала. Проститутка С.С. Беляева по прозвищу

Сара подтвердила, что часы Виноградов отдал сам, а деньги у него пропали по дороге. Часы потерпевшему вернули, а вот деньги найти не удалось³⁴.

2 марта 1902 г. у губернского секретаря К.П. Ливанова, служившего в Ярославле в корпусе лесничих, в Хомутовской слободе в квартире проститутки А. Соболевой были украдены 50 р. Ливанов кутил около двух суток: «расходовал много денег, проводил время около проституток Соболевой и Соловьевой, ездил с ними в город по гостиницам», приглашал гармониста³⁵. Пропажу денег чиновник обнаружил на рыбинском железнодорожном вокзале и о краже заявлять не желал, так как опасался гласности. В полицию обратился находившийся в квартире крестьянин Московской губернии Севастьянов. Виновные установлены не были³⁶. В 1903 г. в одном из публичных заведений Хомутовской слободы «кутивший сын рыбинской домовладелицы Николай В., еще очень молодой человек, выстрелом из ружья напал убил одну из проституток»³⁷.

В 1904 г. ходатайство жителей Хомутовской слободы «о закрытии домов терпимости, возбужденное пред г. ярославским губернатором еще летом минувшего года, удовлетворено. В последнее время несколько таких „домов“ переехало на жительство в город. Они спокойно располагаются в улицах Спасской, Ивановской и в соседних с ними»³⁸.

Криминогенная обстановка, царившая в борделях, способствовала не только совершению различных преступлений, но и могла привести к погромам. Подобный случай произошел 15 мая 1905 г. в борделе владимирской крестьянки А.К. Архиповой. Публичное заведение располагалось в арендованном одноэтажном деревянном доме на ул. Спасской. Около 8 ч. вечера между младшим унтер-офицером Осташковского полка М.К. Рогалевым и крестьянином Ф.Ф. Лелекиным, находившимися в состоянии алкогольного опьянения с одной стороны и сожителем хозяйки публичного дома крестьянином Н.Н. Суховым и крестьянином И.Е. Подморинным с другой произошла ссора по вопросу оплаты оказанных в заведении услуг, закончившаяся тем, что М. Рогалев с разбитой головой оказался на улице, «после чего распоясал свой ремень с пряжкой» и начал выбивать им стекла в доме³⁹.

На шум собрался народ, «образовавший агрессивную толпу численностью от 500 до 600 чел. Большинство, не оставаясь праздными зрителями, начали громить заведение Архиповой, разбивались окна, двери, мебель, посуда, носильное платье частью уничтожались и растапывалось, частью – расхищалось. Деятельное участие как в разгроме, так и расхищении принимали казаки, присланные в город Рыбинск для поддержания порядка и спокойствия», а также подростки обоего пола и даже дети. Большинство

«внезапных преступников от бдительного ока полиции ускользнуло», но тем не менее несколько крестьян и мещан были задержаны⁴⁰.

Архипова рассказала, что «один из громил ворвался к ней в комнату, куда она было спряталась от испуга, и, найдя ее, нанес ей жестокие побои, который после этого стал ломать и выбрасывать ее имущество». Им оказался крестьянин Бежецкого уезда М.М. Кункин. Затем она заметила в своем помещении «жившую у нее ранее в числе девиц» Ф. Столярову, которая «несмотря на просьбу не делать разгрома, на ее глазах отвязала зеркало трюмо и передала его через окно кому-то на улицу». Всего было расхищено и испорчено имущества на 3 500 р., в том числе украдена шкатулка с 325 р.⁴¹

Также свидетели видели, как крестьянка Е.А. Кудрявцева схватила несколько наволочек, выброшенных из окна, и с ними скрылась; проститутка Евдокия Бочина влезла в окно, выбросила вещи из окна, затем подобрала их и ушла; проститутка Ф. Столярова схватила три одеяла и убежала; М.П. Кукова «таскала на квартиру к себе вещи»; «содержательница проституток Марианна Рафаилова Грейлих (Спасская улица) видела, как проститутка Марья Иванова Тыквина таскала в публику вещи»; «крестьянка В.Ф. Шабанова подхватила выброшенные из окна три шерстяные платья и бросилась бежать, а А.М. Гурьянова таскала какие-то другие вещи»⁴². В период сложных социально-политических условий публичные конфликтные ситуации могли спровоцировать не только погромы, но и общественные беспорядки.

Содержательницы проституток угнетали своих «подопечных», но обитательницы борделей, несмотря ни на что, защищали «хозяек» даже с помощью насилия. В 1913–1915 гг. в ярославском окружном суде слушалось «Дело о ссоре и драке между посетителями дома терпимости, принадлежащего Зарубиной в гор. Рыбинске». В ночь на 9 сентября 1913 г. в бордель Зарубиной с целью распития пива явился М. Киселев вместе с женой Е. Киселевой. Киселев находился в состоянии опьянения. Возникла ссора, и Зарубина ударила его шваброй. В ответ Киселева бросила в Зарубину бутылкой. Одна из проживавших у Зарубиной проституток, 20-летняя казанская мещанка З. Корнилова, пивной бутылкой «ударил Киселеву по носу с такой силой, что бутылка разбилась». Произошло вдавление носовой кости и хряща, которые «повлекли за собою неизгладимое обезображивание лица Киселевой». По мнению врачей, если бы пострадавшая не болела сифилисом, то «образовавшееся у нее от удара вдавление было бы меньшей степени». Корнилову приговорили к двухмесячному аресту⁴³.

Надзор за проституцией в Рыбинске был прекращен обязательным постановлением Рыбинско-

го городского комитета общественных организаций от 2 мая 1917 г., согласно которому все существовавшие в Рыбинске дома терпимости подлежали закрытию, а регистрация проституток отменялась. Комитет предложил содержателям домов терпимости немедленно их закрыть, а проживавших в них проституток распустить, произведя с ними предварительный «справедливый расчет». За невыполнение постановления виновным грозило заключение в тюрьме до 6 месяцев, либо арест до 3 месяцев, либо денежное взыскание до 300 р.⁴⁴

Проституция в середине XIX – начале XX вв. являлась легальной профессией. Большинство рыбинских проституток происходило из малоимущих слоев населения. В разряд публичных женщин попадали, в частности, замужние женщины. Добровольное поступление в проститутки или регистрация после уличения в тайной проституции вели к изменению социального статуса и ограничению личной независимости женщин, в том числе возможности свободного передвижения и устройства на официальную работу. В Рыбинске взамен паспорта выдавалась специальная медицинская книжка публичной женщины. Законное перемещение в другие города было допустимо при наличии специального проходного свидетельства. Выход из числа проституток был возможен лишь после одобрительного заключения со стороны местных полицейских властей, которые не всегда объективно оценивали ситуацию.

В конце XIX в. в связи с ростом венерических заболеваний среди нижних воинских чинов в Рыбинске был активизирован надзор за проституцией. В городе действовала смешанная врачебно-полицейская комиссия по предупреждению распространения венерических заболеваний. Совместными усилиями полиции и врачей удалось снизить количество заразившихся. В зимнее время медицинские освидетельствования публичных женщин стали проводиться один раз в неделю вместо предусмотренных двух.

Проституция в Рыбинске как общественное явление имела свои особенности. В период навигации численность проституток значительно возрастала. Помимо городских улиц публичные женщины концентрировались в прилегающей к городу Хомутовской слободе. Условия проживания проституток-одиночек зачастую не отвечали минимальным санитарным требованиям. Они безжалостно эксплуатировались содержательницами притонов. Проституции сопутствовали пьянство, преступность. Криминогенная обстановка рыбинских борделей способствовала совершению самых различных правонарушений – от краж до убийств. Подобные заведения притягивали представителей как социальных низов, так и достаточно уважаемую публику, желавшую развлечься, особенно в чужом городе.

Примечания

¹ Старый Рыбинск: История города в описаниях современников XIX–XX вв. Рыбинск: Михайлов посад, 1993. С. 162.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Ярославская губерния. Санкт-Петербург: Тип. кн. В.И. Мещерского, 1904. С. 1.

³ Бесчинский А.Я. Путеводитель по Волге. 2-е изд. Москва: Т-во И.Н. Кушнерев и К°, 1903. С. 72.

⁴ Государственный архив Ярославской области. Рыбинский филиал (ГАЯО РБФ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 681. Л. 1–63.

⁵ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 405. Л. 1.

⁶ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 545. Л. 2.

⁷ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1052. Л. 36.

⁸ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 341. Л. 1–2.

⁹ Проституция = La prostitution: по обследованию 1-го августа 1889 года / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; под ред. А. Дубровского. Санкт-Петербург: Тип. Мин. внутр. дел, 1890. С. 16–36.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 906. Л. 85–86.

¹¹ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 958. Л. 60–61.

¹² ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1052. Л. 36.

¹³ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1128. Л. 45.

¹⁴ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1866. Л. 1–2.

¹⁵ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 958. Л. 60–61.

¹⁶ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 770. Л. 120.

¹⁷ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 770. Л. 120.

¹⁸ ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 958. Л. 60–61.

¹⁹ ГАЯО РБФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 78. Л. 73.

²⁰ ГАЯО РБФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 78. Л. 115.

²¹ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 681. Л. 169.

²² ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 770. Л. 87–88.

²³ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 770. Л. 102–104.

²⁴ ГАЯО РБФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 770. Л. 54–57.

²⁵ Северный край. 1900. № 283. 26 окт.

²⁶ Северный край. 1904. № 20. 22 янв.

²⁷ Старый Рыбинск. История города в описаниях современников XIX–XX вв. «Михайлов посад». 1993. С. 321–322.

²⁸ Северный край. 1903. № 230. 1 сент.

²⁹ ГАЯО РБФ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 264. Л. 1–16.

³⁰ Северный край. 1903. № 230. 1 сент.

³¹ Северный край. 1903. № 76.

³² Северный край. 1903. № 184. 15 июля.

³³ Северный край. 1903. № 137. 28 мая.

³⁴ ГАЯО РБФ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 881. Л. 3–6.

³⁵ ГАЯО РБФ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 923. Л. 1–4.

³⁶ ГАЯО РБФ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 923. Л. 38–39.

³⁷ Северный край. 1903. № 240. 12 сент.

³⁸ Северный край. 1904. № 20. 22 янв.

³⁹ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1095. Л. 10–11.

⁴⁰ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1095. Л. 10–11.

⁴¹ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1095. Л. 12–14.

⁴² ГАЯО. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1095. Л. 15.

⁴³ ГАЯО. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1471. Л. 7–10.

⁴⁴ ГАЯО РБФ. Ф. 409. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.

Список литературы

Ге А.Г. По поводу надзора за проституцией г. Казани. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. 12 с.

Кончаковская Н.Б. Проституция в городской повседневности Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 2 (49). С. 67–79.

Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). Москва: Прогресс-Академия, 1994. 221 с.

Поспелов А.И. Новая система надзора за проституцией в Москве. Санкт-Петербург: Тип. П.И. Шмидта, 1888. 6 с.

Сидоркин Ю.В., Орлов Д.В. Полицейский надзор за проституцией как неотъемлемая составляющая нравственного благочиния в условиях регламентации // Genesis: исторические исследования. 2020. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32648 (дата обращения: 10.10.2023).

Федоров А.И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге. Санкт-Петербург: Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. 64 с.

References

Fedorov A.I. *Ocherk vrachebno-politseiskogo nadzora za prostitutsiei v S.-Peterburge* [An essay on medical and police supervision of prostitution in St. Petersburg]. Saint Petersburg, St. Petersburg City Government Publ., 1897, 64 p. (In Russ.)

Ge A.G. *Po povodu nadzora za prostitutsiei g. Kazani* [Regarding the supervision of prostitution in Kazan]. Kazan, Printing house Imp. University Publ., 1892, 12 p. (In Russ.)

Konchakovskaia N.B. *Prostitutsiia v gorodskoi povsednevnosti Permskoi gubernii v kontse XIX - nachale XX veka* [Prostitution in the urban everyday life of the Perm province in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Vestnik of Perm University], 2020, No. 2 (49), pp. 67-79. (In Russ.)

Lebina N.B., Shkarovskii M.V. *Prostitutsiia v Peterburge (40-e gg. XIX v. - 40-e gg. XX v.)* [Prostitution in St. Petersburg (the 40s of the XIX century – the 40s of the XX century)]. Moscow, Progress-Academia Publ., 1994, 221 p. (In Russ.)

Pospelov A.I. *Novaia sistema nadzora za prostitutsiei v Moskve* [The new system of supervision of prostitution in Moscow]. Saint Petersburg, P.I. Shmidta Publ., 1888, 6 p. (In Russ.)

Sidorkin Iu.V., Orlov D.V. *Politseiskii nadzor za prostitutsiei kak неотъемлемая составляющая нравст-*

vennogo blagochiniia v usloviakh reglamentatsii [Police supervision of prostitution as an integral component of moral decency in the conditions of regulation]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia* [Genesis: Historical Research], 2020, No. 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32648 (access date: 10.10.2023). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В ТРАНСФОРМАЦИИ МОНГОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА В 20–30-Е ГГ. XX В.

Батунаев Эдуард Владимирович, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, Batunaeveduard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>

Аннотация. В данном исследовании показан многофакторный процесс формирования новой партийно-политической элиты в Монголии 20–30-х гг. XX в. в наиболее сложный период борьбы за суверенитет и становление Монгольского государства. В фокусе внимания автора – анализ внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов, влияющих на выработку основных принципов и механизмов становления монгольской партийно-политической элиты и ее участия в процессе трансформации традиционного монгольского общества на основе социалистической модели модернизации. Дана характеристика процесса формирования монгольской партийно-политической элиты от создания первых революционных кружков Монгольской народной партии (МНП, с 1925 г. МНРП) до коренных мероприятий социалистического переустройства общества. Особое внимание уделяется формированию «тактического альянса» на первоначальном этапе революционного процесса, внутривнутриполитической борьбе в рядах монгольской партийно-политической элиты, проведении коренных социальных преобразований и трансформации монгольского общества в период 20–30-х гг. XX в. На основе архивных материалов и с учетом достижений современной отечественной и зарубежной историографии рассматриваются проблемные и узловые вопросы, касающиеся процесса формирования политической элиты и трансформации социалистической модели в Монголии в 20–30-е гг. XX в. В статье сформулирован основной вывод, что в период 20–30-х гг. XX в. борьба между старыми и новыми общественными силами, формирование новой партийно-политической элиты развертывались на весьма своеобразном фоне, который характеризовался, с одной стороны, стремлением к национальному единству, возрождением монгольской государственности, с другой – поиском оптимальной модели общественного развития в текущих исторических условиях.

Ключевые слова: трансформация, элиты, Коминтерн, партийные структуры, революционный процесс.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект № 121031000241-1 «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

Для цитирования: Батунаев Э.В. Партийно-политические элиты в трансформации монгольского общества в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 61–66. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-61-66>

Research article

COMMUNIST PARTY'S AND POLITICS' ELITES IN THE TRANSFORMATION OF MONGOLIAN SOCIETY IN THE 1920S TO 30S

Eduard V. Batunaev, Candidate of Historical Sciences, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Ulan-Ude, Buryatia autonomy, Russia, Batunaeveduard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>

Abstract. This study shows the multifactorial process of formation of new communist and political elite in Mongolia in the 1920s and 30s during the hardest period of the struggle for sovereignty and the formation of true Mongolian state. The author focuses on the analysis of domestic political and foreign policy factors influencing the development of the basic principles and mechanisms of the formation of the Mongolian Communist Party's and politics' elite and its participation in the process of transformation of traditional Mongolian society based on the socialist modernisation model. The characteristics of the process of formation of the Mongolian communist and political elite from the very first revolutionary circles of Mongolia People's Party to the fundamental measures of the country's socialist reorganisation are given. Particular attention is paid to the formation of a “tactical alliance” at the initial stage of the revolutionary process, the internal political struggle in the ranks of the Mongolian communist and political elite in carrying out fundamental social changes and the transformation of Mongolian society in the period of the 1920s-40s. On the basis of archival material and taking into account the achievements

of modern Russian and foreign historiography, problematic and key issues of Russian historiography of the process of formation of the political elite and the transformation of the socialist model of the socialist model in Mongolia in the 1920s-30s are considered. The author concluded that the period of the 1920s and 30s, the struggle between old and new social forces, the formation of a new communist and political elite unfolded against a very unique background characterised, on the one hand, by the desire for national unity, the revival of Mongolian statehood, and on the other hand, by the choice of the optimal model of social development in those historical conditions.

Keywords: transformation, elites, Comintern, Communist Party structures, revolutionary process.

Acknowledgments. The research was carried out within the framework of the state assignment (project No. 121031000241-1 “Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states”).

For citation: Batunaev E.V. Communist Party's and politics' elites in the transformation of Mongolian society in the 1920s to 30s. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 61–66 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-61-66>

В XX веке произошли революционные события, которые имели значительное влияние на судьбы многих стран Востока, включая Монголию. Эти процессы продолжают привлекать большое внимание научного сообщества и общественности, независимо от изменений в исторической парадигме и методологии. Исследование партийно-политической элиты Монголии в 20-30-е годы XX века и ее влияние на формирование социокультурных, политических и внешних характеристик нового Монгольского государства имеет особую актуальность. Монголия в XX в. прошла сложный и драматический путь завоевания независимости и суверенитета, коренных социальных преобразований, трансформации монгольского общества, перехода к социалистической модели развития.

Все эти важнейшие революционные процессы проходили в чрезвычайно сложный период, обусловленный острой внутривнутриполитической борьбой, угрозами внешней экспансии, ломкой старых традиционных институтов, появлением и развитием новых политических, социальных, экономических отношений. Целью настоящей работы является комплексное исследование формирования партийно-политической элиты с учетом внутривнутриполитического и геополитического факторов, оказавших важнейшее влияние на трансформацию, социальные преобразования и выбор модели развития Монголии. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование партийно-политической элиты Монголии 20–30 гг. XX в., ее влияния на формирование социокультурных и политических характеристик, внешних и внутренних факторов становления нового Монгольского государства.

Обзор литературы. Современные российские ученые применяют комплексный подход в изучении данной темы и освобождены от идеологических оценок, используя широкий корпус новых источников в исследовании партийно-политической элиты Монголии, механизмов и эволюции ее развития. Признанный историк-монголовед С.К. Рощин в своей работе «Политическая история Монголии XX в.» не только детально раскрывает политическую борьбу, происходящую в Монголии, но также анализирует портре-

ты известных монгольских политических деятелей. Он подробно исследует контакты монгольских революционеров с советскими партийными организациями и Коминтерном, отмечая, что, помимо практической поддержки, последние также предоставляли помощь по вопросам тактики и стратегии в революционной борьбе. Особое внимание следует уделить работе «Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.» С.Г. Лузянина – известного эксперта в области внешнеполитической истории России, Китая и Монголии. В своем исследовании автор освещает проблемы, которые ранее не получали должного освещения, такие как роль Коминтерна, логика заключения соглашений между СССР и Монголией, СССР и Китаем, а также взаимосвязь революционных событий в Китае, России и Монголии. С.Г. Лузянин справедливо отмечает, что Монголия была не только объектом внешней политики своих соседей, но и осуществляла свою собственную этнорегиональную политику в отношении Бурятии и Тувы.

Западные исследователи в своих работах рассматривают проблемы формирования новой партийно-политической элиты, политических репрессий и другие аспекты истории Монголии. Особое внимание американский историк, антрополог К. Каплонски уделяет роли показательных процессов как индикаторов политического насилия, проводимых новыми правительственными структурами. Он исследует судебные процессы против высших духовных лидеров буддийской церкви в Монголии и считает их предвестниками политических репрессий. К. Каплонски приходит к выводу, что использование государственного насилия стало инструментом внутривнутриполитической борьбы между «правыми» и «левыми» группировками в Монгольской Народно-Революционной Партии [Kaplonski: 321–327]. Особую значимость представляет работа немецкого ученого У. Баркмана «Возрождение буддизма в Монголии». В ней автор вникает в глубинные процессы, определяющие взаимоотношения между монгольским буддизмом и национализмом, а также исследует их взаимос-

вязь с идеологией панмонголизма и ролью буддизма в национально-освободительном движении в Монголии [Barkman: 34–40].

Методология и методы исследования. В своей работе автор опирался на принципы объективности, историзма, научности, историко-генетический, историко-диахронный, историко-системный, историко-динамический, сравнительно-исторический, ретроспективный методы исследования. Применение таких методов дало возможность автору наиболее полно и объективно осветить эволюцию формирования новой партийной элиты в Монголии 20-30-х гг. XX в. и ее участия в процессе трансформации традиционного монгольского общества на основе социалистической модели модернизации.

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из результатов антикитайских настроений, усиливающихся в монгольском обществе, стало возникновение в 1919 г. двух тайных кружков из представителей высших и средних социальных слоев, выступающих за национальное освобождение. 25 июня 1920 г. состоялось совместное заседание обеих групп, в результате которого они объединились в одну организацию под названием «Монгольская народная партия» (МНП, а с 1925 г. МНРП) [История Монгольской: 601]. Первые революционеры (многие из них впоследствии составили политическую элиту Монголии) были смешанного социального происхождения, включая мелких чиновников, представителей духовенства, буржуазии, аратов. Монгольские революционеры обратились к Советской России с просьбой о помощи, поскольку они видели ее как единственную страну, способную помочь им сохранить независимость. В этой связи в Советскую Россию была отправлена делегация монгольских революционеров, вошедшая в историю как «знаменитая семерка» (Дандзан, Доксом, Лосол, Бодо, Шагдурджап, Чойбалсан и Сухэ-Батор при переводчике Э.Д. Ринчино), где их встретил заместитель уполномоченного по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке тов. Ф.И. Гапон¹.

По мнению А.С. Железнякова, во время встреч и обсуждений монгольской делегации с советскими представителями возникло твердое убеждение, что они могут принять участие в большевистском движении и содействовать созданию своеобразной Степной коммуны при поддержке Советской России [Железняков: 49]. Во-первых, интерес к большевизму был вызван, прежде всего, стремлением монголов к национальной консолидации и геополитическими соображениями. Во-вторых, Монголия рассматривалась руководством Советской России как своеобразный плацдарм, через который можно было распространять идеи мировой революции на Восток, прежде всего в Китай.

Первые шаги члены МНП делали под чутким руководством Секции народов Востока Сиббюро ЦК РКП(б) в Иркутске – организации, которая в начале 1921 г. перешла в ведение Дальневосточного секретариата ИККИ. Коминтерн считал, что тактика классовой борьбы между различными социальными слоями монгольского общества и создание советских органов были несвоевременными в данный период. В то же время прозвучала рекомендация к МНП искать поддержку у широких слоев населения, прежде всего опираясь на арад (народ) [Morozova 2009: 8].

После встречи монгольской делегации с Лениным Монголия начала активно следовать социалистическому пути развития. Коминтерн оказывал поддержку Монголии через отправку специалистов и инструкторов из числа бурят и калмыков, владеющих монгольским языком, знающих обычаи и культуру монголов. Кроме того, Монголии предоставлялись значительные финансовые, материальные и военно-технические ресурсы². Под руководством Б.З. Шумяцкого организовывалась работа по привлечению государственных и партийных кадров в Монголию, чтобы помочь в государственном строительстве и развитии ее народного хозяйства. Многие бурятские деятели, такие как Э.-Д. Ринчино, Э. Батухан, Ц. Жамцарано и Б. Ишидоржин, были отправлены в Монголию для помощи в ее развитии по линии ВКП(б) и Коминтерна³. Многие монгольские партийные и политические деятели прошли обучение по подготовке национальных кадров в учебных заведениях Коминтерна в Иркутске, Москве, Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Вместе с тем Коминтерн уделял большое внимание контролю над «сочувствующими партиями» и организациями. После революции 1921 г. в Монголии приступили к формированию новых органов власти и политических структур. Новые общественные силы, руководимые МНП, вступили в управление государством. Надо отметить, что Монгольской революции 1921 г. сопутствовал ряд факторов, способствовавших ее успеху. Во-первых, прямое участие и поддержка аратских масс, патриотически настроенных князей и лам, во-вторых, национальное единение стало важным фактором успеха, в-третьих, слабость Китая, его центрального правительства также не позволила ему активно вмешаться в дела Монголии [История Монголии: 64]. После июльской победы в Монголии возникли три центра национальной власти: партийный, правительственный и военный. Партийный центр был представлен Данзаном, правительственный центр – Бодо, а военный центр – Сухэ-Батором. Эти центры координировали свои действия для управления государством и создания новых политических структур. Правительство Монголии, помимо представителей МНП, также включало представителей духовенства и князей [Рошин 2011: 75].

Богдо-гэгэн VIII, глава ламаистской церкви, был провозглашен ограниченным монархом. Между Народно-революционным правительством и Богдо-гэгэном VIII был заключен так называемый «Клятвенный договор», который ограничивал полномочия верховного иерарха буддийской церкви и делегировал ему власть преимущественно в церковно-религиозной сфере. Основные цели и задачи нового государства Монголии заключались в построении нового общества и уничтожении остатков феодально-теократического строя⁴. Эти цели были закреплены в программных установках МНП, и основной приоритет отдавался развитию революционного процесса в соответствии с национальными интересами. Люди из низших слоев общества в Монголии смогли достичь значимых и высоких положений. Они стали руководителями аймаков, министрами и даже главами государства. Состав монгольского правительства включал людей из разных сословий: учителей, журналистов, лам, чиновников и др. Однако следует отметить, что коминтерновские работники считали Монгольскую народно-революционную партию (МНРП), по сути, буржуазной партией, поскольку большая часть населения Монголии состояла из скотоводов-собственников или мелкой буржуазии. Для МНРП было опасным резкое смещение властных элит на местах. Поэтому партия придерживалась курса на постепенное замещение их своими представителями.

Политический союз между Коминтерном, монгольскими революционерами и ламами продлился с 1921 по 1924 г., в течение которых революционное правительство не проводило никаких кампаний против лам. Влияние духовенства продолжало усиливаться до самой революции 1921 г. [Кузьмин: 74]

Богдо-гэгэн VIII оставался живым Буддой, которому поклонялись ламы и члены МНРП, охраняемым Красной армией. Тем временем в Монголии началась борьба между старыми и новыми общественными силами. Прежде всего, она была связана с выбором общественного пути развития, с противостоянием традиционным институтам монгольского общества и обусловлена сильным влиянием буддийской церкви, старой знати. На наш взгляд, «тактический альянс» новой власти в лице Народно-революционного правительства с буддийской церковью был направлен на завоевание власти монгольскими революционерами в борьбе с внутренней и внешней оппозицией и раскол старых элит. Между тем старая элита стала отказываться от прежних феодальных титулов и начала переходить на сторону МНП. Так, в 1921 г. Сумьяа-бэйсэ, Хатан-Батор-ван Максаржав (титул которого теперь стал «Ардын, Народный Хатан-Батор»), затем – туслагч-гун премьер-министр Б. Цэрэндорж [Рошин: 78].

В начале 1920-х годов в Монголии наблюдалась не только конфронтация между различными политическими структурами, но и внутренняя фракционная борьба во властных кругах, включая Центральный комитет МНП/МНРП и правительства. Кроме того, предвестником надвигающихся политических репрессий в Монголии стали репрессии против политических деятелей, в частности судебные процессы над премьер-министром Д. Бодо, секретарем ЦК МНРП С. Данзаном и др.

В 1924 году, после смерти Богдо-гэгэна VIII, была провозглашена Монгольская Народная Республика, принята первая конституция в истории страны. В этой конституции были заложены основные элементы новой социально-политической системы и политического процесса, которые существенно отличались от предыдущих эпох⁵.

Вследствие критики со стороны коминтерновских представителей и худонской оппозиции национальным демократам было трудно проводить свою политическую линию и сохранять единство своих рядов. В феврале 1927 года национальные демократы, представленные опытными деятелями, такими как Б. Цэрэндорж, Ц. Жамцарано, А. Амар и др., сформулировали свое «политическое кредо», основная идея которого заключалась в укреплении монгольского национального самосознания, упрочении государственности, обеспечении полного государственного суверенитета, уважительного отношения к религии и расширению международных связей. Эти принципы были сформулированы как основа для развития и укрепления нового государства, историческое значение которой заключалось в воссоздании монгольской государственности на ее исконной территории [Рошин: 219].

Логическим продолжением победы монгольской революции 1921 г. было проведение реформ буржуазно-демократического характера во всех сферах общественной жизни. Согласно мнению монгольского ученого Ч. Дашдаваа, буржуазно-демократические преобразования, проводимые в Монголии, полностью соответствовали национальным интересам страны и привели к социально-экономическому прогрессу. Эти преобразования способствовали подъему экономики и постепенному улучшению уровня материального благосостояния населения. Социально-психологический фактор стабилизации общества был определен соблюдением членами общества норм и ценностей, характерных для существующего строя [Дашдаваа: 59]. Таким образом, по мнению ученого, проводимые реформы и стабилизация общества создали условия для социально-экономического развития и улучшения жизни населения Монголии.

Как видим, в этот момент произошел раскол партийно-политических элит на сторонников буржу-

азно-демократического развития – национал-демократов (правые) и радикальных преобразований по социалистической модели (левые), получившей в исторической литературе название внутривнутриполитической борьбы «правых» и «левых уклонов» МНП.

После VII съезда МНРП 1928 г. новые монгольские лидеры приступили к последовательному осуществлению намеченных коренных социальных преобразований. Согласно Конституции МНР, еще в 1924 г. были отменены титулы и звания бывших владетельных и служилых князей и дворян (тайчи), а также владетельные права хутухт и хубилганов [История Монгольской: 346]. Более того, прежняя социальная структура монгольского общества, строившаяся на основе сословной иерархии, была ликвидирована. В рамках социальных преобразований в Монголии были приняты решения, направленные на уменьшение численности монастырей и изменение статуса духовенства. Эти меры включали, прежде всего, закрытие монастырей, вывод монахов из религиозного состояния и перевод их в мирское. Был также введен запрет на поиск новых хубилганов (духовных лидеров) и активизирована политика раскола ламства по имущественному принципу.

К началу XX в. в Монголии представители буддийского духовенства были, во-первых, самым влиятельным и богатым сословием, во-вторых, наиболее образованными людьми, в-третьих, духовными учителями и наставниками аратов [Morozova 2009: 49]. Известный американский ученый О. Латтимор выдвигает одну из обоснованных причин того факта, что ламы поддерживали МНП и Народное правительство на самых первых этапах революции: «... идентифицируя интересы своего класса с национализмом, они хотели защитить монголов от подчинения китайской культуре» [Lattimore: 7]. Монгольское чиновничество, состоявшее главным образом из невладетельных князей, было слабым, в прошлом подавленным цинской администрацией. Владетельные князья, в свою очередь, представляли собой малочисленную группу [Майский: 38–39]. Все эти процессы и реформы не могли не вызвать недовольства среди широких слоёв населения.

Проводилась конфискация имущества у феодалов, бывших чиновников и высших лам, создавались колхозы и госхозы по советскому образцу [Кузьмин: 363]. Кроме того, по мнению монгольского историка О. Батсайхана, Коминтерн проводил политику по расколу монгольского партийной элиты на «правых» и «левых», «худонцев» и «ургинцев», «старых» и «новых» [Батсайхан: 290].

Настороженность коминтерновских работников вызывала недостаточно жесткая линия в отношении и ламства, и бывших феодалов. Вместе с тем политика левого руководства, антирелигиозная, «джасская»

кампания, форсированная коллективизация привели к волне недовольства у широких слоев населения, что вылилось в масштабные антиправительственные волнения в Монголии. В то же время следует отметить, что монгольские руководители П. Гэндэн, А. Амар, в особенности правого крыла МНП, были против крайних мер в отношении ламства, выступали за умеренность [Батсайхан: 142–143].

По сведениям И.Ю. Морозовой, все социально-экономические изменения в Монголии происходили на фоне острой политической борьбы между МНП и Революционным союзом молодежи (РСМ), между национальными демократами и революционной молодежью, приверженцами монархии и сторонниками республики, противниками Коминтерна и его последователями. Стратегия преобразования монгольского общества состояла в постепенном снижении политического и экономического влияния привилегированных кланов, что включало их предполагаемое физическое устранение, расслоение лам и обучение уже на советских и коминтерновских программах [Morozova 2009: 52].

Заключение. Таким образом, в период 20–30-х гг. XX века Монголия переживала сложные, драматические события, связанные с коренными изменениями в политической, общественной, экономической жизни, ломкой старых государственных институтов власти.

Политика «единого фронта» МНП / Народного правительства с частью феодалов и лам была направлена на раскол старых политических элит и демонтаж теократических институтов власти, сопровождавшийся временным «тактическим альянсом» духовенства и новой власти. Важнейшими мероприятиями новой революционной власти стали трансформация традиционных институтов, проведение радикальных преобразований, переход к социалистической модели развития, обеспечение государственного суверенитета и борьбы за независимость. Коренным образом изменилась и социальная структура общества. Вместе с тем борьба между старыми и новыми общественными силами развертывалась на весьма своеобразном фоне, который характеризовался, с одной стороны, стремлением к национальному единству, возрождением монгольской государственности, с другой – борьбой партийных и политических элит в поиске оптимальной модели общественного развития монгольского общества в тех исторических условиях.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 111. Оп. 1. П. 101. Д. 1. Л. 53–55.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 4. Л. 6–11.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 67–68.

⁴ Клятвенный договор между Народно-революционным правительством Монголии и Богдо-гэгэном 1 ноября 1921 г. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000129/st026.shtml> (дата обращения: 26.09.2023).

⁵ Конституция Монгольской народной республики 26 ноября 1924 г. URL: <http://constitutions.ru/archives/8185> (дата обращения: 26.09.2023)

Список литературы

Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск: Отгиск, 2014. 384 с.

Даидаваа Ч. Некоторые вопросы о характере монгольской революции 1921 г. // Мир Центральной Азии – 3. Улан-Удэ; Иркутск: Отгиск, 2012. 798 с.

Железняков А.С. Рождение монгольского коммунизма // Вестник Московского университета. Сер. 13. 2001. № 1. С. 46–60.

История Монголии. XX век / отв. ред. Г.С. Яскина. Москва: ИВ РАН, 2007. 448 с.

История Монгольской Народной Республики / сост. Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб и др.; гл. ред.: А.П. Окладников (СССР), Ш. Бира (МНР) и др. Москва: Наука, 1983. 601 с.

Кузьмин С.Л. О ликвидации феодалов как социальной группы в Монголии после революции 1921 г. // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 3 (25). С. 72–85.

Майский И.М. Монголия накануне революции. Москва: Вост. лит., 1960. 310 с.

Роцин С.К. Монголынүндэснийбаатар Д. Сүхбаатар (намтрынхуудсууд): Национальный герой Монголии Д. Сүхэ-Батор (штрихи биографии). Улаанбаатар: Сэлэнгэ пресс компани, 2011. 280 х.

Barkmann U. Lamaismus in der Mongolei. Asien Africa Latinamerika, 1994, vol. 22, pp. 34–40.

Kaplonski C. Prelude to violence: show trials and state power in 1930 s Mongolia. American Ethnologist, 2008, vol. 32, No. 2, pp. 321–337.

Morozova I. Socialist Revolutions in Asia: The Social History of Mongolia in the Twentieth Century. London, Routledge, 2009, 172 p.

Morozova I. The Mongolian Revolution of 1921 and its International Effect. The Culture of the Russian Revolution and Its Global Impact: Semantics – Performances – Functions, “DigiOst” Series, 2020, pp. 243–268.

References

Batsaikhan O. *Mongoliya na puti k gosudarstvunatsii (1911–1946)* [Mongolia on the road to a nation-

state (1911–1946)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2014, 384 p. (In Russ.)

Dashdavaa Ch. *Nekotorye voprosy o kharaktere mongol'skoi revolyutsii 1921 g.* [Some questions about the nature of the Mongolian revolution of 1921]. *Mir Tsentral'noi Azii – 3.* [World of Central Asia – 3]. Ulan-Ude, Irkutsk, Ottisk Publ., 2012, 798 p. (In Russ.)

Istoriya Mongolii. XX vek [History of Mongolia. XX century], ed. by G.S. Yaskina. Moscow, IV RAN Publ., 2007, 448 p. (In Russ.)

Istoriya Mongol'skoi Narodnoi Respubliki [History of the Mongolian People's Republic], comp. Sh. Natsagdorzh, B. Tseden, B. Shirendyb & all.; ed. by A.P. Okladnikov (SSSR), Sh. Bira (MNR) & all. Moscow, Nauka Publ., 1983, 601 p. (In Russ.)

Kuz'min S.L. *O likvidatsii feodalov kak sotsial'noi grupy v Mongolii posle revolyutsii 1921 g.* [The elimination of feudal lords as a social group in Mongolia after the 1921 revolution]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], 2023, No. 3 (25), pp. 72–85. (In Russ.)

Maiskii I.M. *Mongoliya nakanune revolyutsii* [Mongolia on the eve of the revolution]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1960, 310 p. (In Russ.)

Roshchin S.K. *Mongolyn yndesnii baatar D. Sykhbaatar (namtryn khuudsuud): Natsional'nyi geroi Mongolii D. Sukhe-Bator (shtrikhi biografii)* [Mongolian national hero D. Sukhbaatar (Biography pages)]. Ulaanbaatar, Selenge press kompani Publ., 2011, 280 p. (In Russ.)

Zheleznyakov A.S. *Rozhdenie mongol'skogo kommunizma* [The Birth of Mongolian Communism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2001, vol. 13, No. 1, pp. 46–60. (In Russ.)

Barkmann U. Lamaismus in der Mongolei. Asien Africa Latinamerika, 1994, vol. 22, pp. 34–40.

Kaplonski C. Prelude to violence: show trials and state power in 1930 s Mongolia. *American Ethnologist*, 2008, vol. 32, No. 2, pp. 321–337.

Morozova I. *Socialist Revolutions in Asia: The Social History of Mongolia in the Twentieth Century.* London, Routledge Publ., 2009, 172 p.

Morozova I. The Mongolian Revolution of 1921 and its International Effect. *The Culture of the Russian Revolution and Its Global Impact: Semantics – Performances – Functions*, “DigiOst” Series, 2020, pp. 243–268.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 18.03.2024.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 18.03.2024.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ ГЕРЦОГА ВЕЛЛИНГТОНА К ПРОБЛЕМЕ ЭМАНСИПАЦИИ КАТОЛИКОВ

Сединкин Александр Николаевич, соискатель, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, 888gig8@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0119-1504>

Аннотация. Герцог Веллингтон был твердым тори. Однако последствия промышленного переворота заставили его идти на компромиссы. Изменения в экономике трансформировали привычный социальный порядок. Владельцы заводов и банкиры требовали допуска к политической власти. Вслед за ними требовали равноправия и другие. Веллингтону, занимавшему пост премьер-министра, пришлось столкнуться с ирландскими католиками, требовавшими отмены запрета заседать в парламенте и занимать некоторые государственные должности. И Веллингтон в 1829 году провел эмансипацию католиков – либеральную реформу, разрушавшую старую политическую систему. При этом герцог не изменил своим убеждениям. Он вырос в католической Ирландии и знал католиков. Веллингтон опасался не самой конфессии, а усиления влияния католического духовенства. Ранее герцог выдвигал различные варианты нейтрализации этой угрозы. Высшее духовенство и землевладельцев другого вероисповедания Веллингтон считал достойными получить доступ к управлению страной. Разрушая старую политическую систему, аристократ Веллингтон пользовался случаем, чтобы укрепить господство прежней элиты. Для ирландских избирателей повысили имущественный ценз. Герцог пошел на предоставление католикам политических прав, так как это не нарушало существующий социальный порядок.

Ключевые слова: эмансипация католиков, тори, герцог Веллингтон, антикатолицизм, 1829, либеральные реформы, политическая культура Великобритании, британский консерватизм.

Для цитирования: Сединкин А.Н. Эволюция отношения герцога Веллингтона к проблеме эмансипации католиков // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 67–74. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-67-74>

Research article

EVOLUTION OF THE ATTITUDE OF ARTHUR WELLESLEY, 1ST DUKE OF WELLINGTON, TO THE PROBLEM OF CATHOLIC EMANCIPATION

Alexander N. Sedinkin, applicant for a Degree Candidate of Historical Sciences, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, 888gig8@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0119-1504>

Abstract. Arthur Wellesley, 1st Duke of Wellington (hereinafter the duke), was a staunch Tory. However, the consequences of the industrial revolution forced him to compromise. Changes in the economy have transformed the usual social order. Factory owners and bankers demanded access to political power. After them, others demanded equality. The duke, who held the post of prime minister, had to face Irish Catholics, demanding lifting of the ban on sitting in the Parliament and holding certain public positions. Thus, the duke in 1829 carried out the emancipation of Catholics, a liberal reform that destroyed the old political system. At the same time, the duke did not change his beliefs. He grew up in Catholic Ireland and knew Catholics. The duke was afraid of the increasing influence of the Catholic clergy rather than the denomination proper. Previously, the duke had put forward various options to neutralise this threat. The duke considered the higher clergy and landowners of other faiths worthy of gaining access to the government of the country. By destroying the old political system, the aristocratic duke took the opportunity to strengthen the dominance of the former elite. The property qualification was increased for Irish voters. The duke agreed to grant the Catholic political rights, since this did not violate the existing social order.

Keywords: Catholic emancipation; Tory; Arthur Wellesley, 1st Duke of Wellington; anti-Catholicism; year 1829; liberal reforms; UK political culture; British conservatism.

For citation: Sedinkin A.N. Evolution of the attitude of Arthur Wellesley, 1st Duke of Wellington, to the problem of Catholic emancipation. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 67–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-67-74>

Герцог Веллингтон всегда был твердым тори, но именно он в 1829 г. провел эмансипацию католиков – одну из либеральных реформ. Его молодость, годы военной службы и значительная часть политической карьеры пришлись на годы коренных изменений в жизни Британии и мира в целом. В результате промышленного переворота 1760–1830-х годов страна обеспечивала две трети мирового прироста промышленного производства [Ким: 361]. Изменения в экономике вызвали усиление позиций предпринимателей и ослабление влияния землевладельцев. Они ломали и существующие стереотипы о правах сословий и социальных групп. Требования допуска к власти со стороны разбогатевших промышленников уже прямо касались интересов Веллингтона как потомственного аристократа. В 1832 году он пожертвовал постом премьер-министра, не желая пойти на расширение избирательных прав, подрывающее господство землевладельцев в британской политической жизни.

Требование эмансипации католиков не было прямым следствием промышленного переворота. Запрещение «папистам» заседать в парламенте и занимать ряд постов в государственном аппарате являлось оставшейся частью антикатолического законодательства, вызванного Реформацией и угрозой от Непобедимой армады. Большинство британцев по инерции видели в католиках врагов и имели основания остерегаться угнетаемого ими населения Ирландии. Однако промышленный переворот расшатывал ситуацию и в гораздо более лояльной, чем Ирландия, Англии. Выступления рабочих против внедрения машин происходили в конце 60–70-х годов XVIII века, задолго до всплеска движения луддитов в 1812 году [Dawson: 36–38]. В Англии ситуация смягчалась так называемой «спинхелмлэндской системой», вводимой актами мировых судей с 1795 года. В случае падения заработной платы ниже определенного данными постановлениями прожиточного минимума работник мог получить доплату из средств, из налогов с жителей своего прихода [Тремельян: 497]. В Ирландии можно было умереть с голода. Об этом не мог не знать будущий победитель при Ватерлоо.

В католическом вопросе Веллингтон отбросил давние предубеждения и использовал весь свой авторитет, добиваясь одобрения эмансипации католиков палатой лордов. Верхняя палата неоднократно отклоняла подобные законопроекты, принятые нижней. Авторитета герцога у тори было достаточно для победы билля в палате лордов [Machin: 205].

По поводу мотивов, побудивших герцога провести эмансипацию, высказывались различные мнения. Все историки согласны, что непосредственно Веллингтона к реформе подтолкнули результаты выборов в ирландском графстве Клэр. Уильям Виси-

Фитцджеральд был назначен главой Торговой палаты. В связи с этим он должен был вновь переизбраться. Виси-Фитцджеральд поддерживал эмансипацию и был популярен среди ирландских католиков. Католическая ассоциация, созданная с целью борьбы за политическое равноправие, объединившая большинство населения острова, приняла решение выставить кандидатуру своего руководителя адвоката Дэниэла О'Коннелла. В июне 1828 г. тот набрал большинство голосов, но не мог приступить к заседаниям парламента, не принеся присяги, неприемлемой для католика. Правительство попало в сложное положение. Закон запрещал «паписту» заседать в парламенте, но не баллотироваться. Любые меры против О'Коннелла грозили вызвать восстание в Ирландии.

Большая часть исследователей (в основном ранних), касавшихся эмансипации, в частности Дж.С. Бродерик, А.С. Турбервилль, Е.Л. Вудворд, Б. Хилтон и М. Лейз, считали причиной уступок Веллингтона католикам его желание избежать гражданской войны [Brodrick: 245–246; Turberville: 310; Woodward: 77; Hilton: CXXIV–CXXV; Leys: 150].

Дж. Брокер отмечал неуверенность Веллингтона в надежности армии [Brocke: 178], состоявшей в значительной степени из ирландских католиков.

Уже ранний биограф Веллингтона У.Х. Максвелл писал о симпатии герцога к католикам в более ранний период, при неприятии уступок. При этом именно перспектива гражданской войны заставила его пойти на эмансипацию [Maxwell: 401].

Б. Дженкинс отмечал, что Веллингтон считал возможным успокоить Ирландию, если социально-экономическое положение ирландцев улучшится, а англиканские клирики в Ирландии станут усерднее исполнять пасторские обязанности [Jenkins: 257].

По мнению Н. Пиллинга, идея дарования политических прав католикам была принята широкими кругами обеих партий, а Пиль и Веллингтон не имели политической воли противостоять ей [Pelling: 20]. С этим мнением трудно согласиться. Именно со стороны собственной партии герцогу пришлось встретить сильное сопротивление.

Более поздние историки обратили внимание на давно опубликованные документы, которым ранее, при рассмотрении эмансипации, не придавалось значения. В частности, это меморандум 1825 года, представленный Веллингтоном тогдашнему главе правительства лорду Ливерпулю. В нем герцог соглашался с эмансипацией и предлагал меры, которые должны были не дать католикам излишне усилиться.

Согласно К. Нойс, Веллингтона принудили к реформе не только выборы в Клэр [Noyce: 139]. Уже в 1825 году ему важно было не решить католическую проблему, а сохранить правительство Ливерпуля. Причину уступок исследовательница видела

в ориентации герцога не на абстрактные принципы, а на текущую политическую ситуацию [Noyse: 142].

Р. Муир считал, что Веллингтона «больше интересовало сохранение позиций Установленной церкви, чем вопрос принципа» [Muir: 322]. Дж. Соверн также писал о политическом реализме герцога, который никогда не объявлял себя бескомпромиссным противником эмансипации, в отличие от парламентской реформы 1832 г. [Sovern: 378–479].

Дж. Мэчин, считал, что «во время пребывания в кабинете министров Веллингтон не противостоял всем уступкам “папистов”» [Machin: 191]. Главной целью Веллингтона, по мнению исследователя, было сохранение торийского правительства [Machin: 192].

При этом Мэчин оставляет открытым вопрос о времени перемены взглядов Веллингтона, отмечая лишь большое впечатление, произведенное на герцога успехом резолюции Бердетта (предлагавшего рассмотреть необходимость сохранения антикатолического законодательства) 1828 г. По мнению историка, возможно, именно это заставило герцога думать об уступках католикам [Machin: 200].

Однако перечисленные выше современные исследователи не раскрывают мировоззренческих оснований, позволивших Веллингтону пожертвовать одной из важнейших составляющих «протестантской конституции».

В дореволюционной отечественной историографии эмансипация католиков специально не рассматривалась, но ряд историков касались данной темы.

Г.Е. Афанасьев писал о мудрости «государственного человека», побудившей Веллингтона пойти на уступки во избежание гражданской войны [Афанасьев: 173–174]. Е.В. Тарле придерживался того же мнения [Тарле: 418]. Л.Г. Мижув добавлял к опасениям герцога гражданской войны [Мижув: 77–78] влияние Пия [Мижув: 75]. Все историки, таким образом, ограничились лишь констатацией событий, оставив в стороне его убеждения.

По мнению М.М. Ковалевского, тори во главе с Веллингтоном пошли на эмансипацию, видя размах движения за политические права в Ирландии и с целью отвлечь общество от парламентской реформы [Ковалевский: 172–173]. Однако встает вопрос: почему для герцога и его единомышленников религиозные ограничения, являвшиеся значимой частью идеологии тори, оказались неважными.

В советской историографии вопрос о мотивации Веллингтона не рассматривался. Отмечалось лишь, что «движение приобрело столь острый и массовый характер и так отчетливо проявилась в нем ненависть к британскому колонизаторскому режиму, что правительство Великобритании было вынуждено отступить» [История Ирландии: 189].

В.В. Клочков писал, что Веллингтон предпочел тактические политические выгоды. Порядок в Ирландии был важнее идеологических принципов [Клочков: 44].

С точки зрения Т.С. Соловьевой, правительство Веллингтона могло пойти на силовой вариант, но «жертвовать принципами Реформации и Славной Революции для наведения порядка в Ирландии было слишком дорогой ценой для таких “либеральных” тори, как Веллингтон и Пиль» [Соловьева: 149]. Если Пия еще можно назвать «либеральным» тори, как называли в описываемое время консерваторов, в ряде случаев склонных к реформам, то для Веллингтона подобное определение все же явно не подходит. Например, во внешней политике он не поддерживал реформы.

Кроме того, Соловьева утверждает, что Веллингтон ставил целью путем эмансипации объединить в Ирландии всех людей, обладающих собственностью, и противопоставить их демагогам [Соловьева: 152]. Это тоже сомнительно, так как во главе движения за эмансипацию также стояли не нищенствующие монахи и бедные сельские священники, а именно ирландские собственники.

По мнению М.П. Айзенштат, герцог Веллингтон отказался от использования армии, так как в этом случае можно было лишь приостановить мощное движение на острове, но не избавиться от проблемы [Айзенштат: 221]. Однако понимание неизбежности наступления нежелательных последствий само по себе не приводит к уступкам.

И.С. Меншиков пишет, что Веллингтон всегда старался сгладить особо острые противоречия, как в случае с эмансипацией, так и при отмене хлебных законов [Меншиков: 243]. При этом исследователь подчеркивает тот факт, что окончательное решение отменить ограничения для католиков герцог принял после разговора со вторым человеком в его кабинете министров – сэром Робертом Пилем [Меншиков: 234–235].

Как зарубежные, так и отечественные исследователи рассматривали в качестве причины изменения позиции Веллингтона в основном внешние факторы. Однако, преломляясь в сознании, они могут приводить к разным решениям.

Исходя из этого, представляется важным выяснить, какие именно черты торийского мировоззрения позволили Веллингтону встать на сторону эмансипации без коренной перемены взглядов.

Основным источником для анализа является деловая переписка и иные официальные бумаги Веллингтона. Герцог не отличался тщеславием. Он не писал мемуаров, а на одну из просьб напечатать его биографию и переписку реагировал с раздражением [Меншиков: 242]. Веллингтон соглашался, что он плохой

оратор [Меншиков: 233], что затрудняет поиск его в «речах», но ему приходилось выступать и аргументировать свою позицию. Однако основным источником для анализа взглядов Веллингтона являются его официальные бумаги и деловая переписка, опубликованные еще в XIX веке. Восемь томов «Despatches, correspondence and memoranda of Field Marshal Arthur, Duke of Wellington» включают в себя материалы, относящиеся к периоду его активной политической деятельности, с января 1819 по декабрь 1823 года. Они содержат проекты решений и переписку по ним, не предназначенную при создании для обнародования. Здесь, обращаясь к членам кабинета, доверенным лицам или даже людям, стоящим на других политических позициях, но принадлежащих к высшему классу, герцог мог быть более откровенен, чем в публичных высказываниях и даже в беседах после ухода с государственных постов. В деловой переписке, в отличие от речей в палате лордов, он не должен был повторять штампы, которые для него уже превратились в пустой лозунг, хотя на них и продолжала опираться официальная идеология тори. Кроме того, были опубликованы все сохранившиеся бумаги, что дает возможность видеть реальный интерес герцога к тем или иным вопросам в тот или иной период времени.

Обращаясь к теме эмансипации, прежде всего следует отметить, что герцог не питал неприязни к католикам как к таковым. К примеру, в письме лорду Сидмоуту от 8 февраля 1819 г. Веллингтон характеризовал Патрика Кертиса, назначенного перед этим католическим примасом Ирландии, как «очень честного и лояльного человека... хотя и ревностного и, возможно, проникшегося предубеждениями католика, но не враждебного британскому правительству» [Despatches 1: 28].

Веллингтон вырос в Ирландии, где большинство населения были последователями Римской церкви. Он командовал армией, в значительной степени состоявшей из ирландцев-католиков и имел дело с испанскими и португальскими «папистами». Исходя из своего личного опыта, герцог должен был критически воспринимать традиционные штампы антикатолической пропаганды. Аристократ по рождению и духу, Веллингтон не мог отрицать сословные привилегии даже иноверного дворянства и духовенства. Он признавал их даже для индусов. В меморандуме 1825 г., посвященном мятежу в индийском Барракупуре, Веллингтон утверждал, что сипаям из высших каст нужно иметь носильщиков, чтобы не транспортировать снаряжение на себе, как прочим солдатам [Despatches 2: 521].

Большим влиянием в правительстве Веллингтона пользовался Роберт Пиль, занимавший пост министра внутренних дел. Приближение этого человека

также показывает влияние новых тенденций, порожденных промышленным переворотом. Пиль учился в Оксфорде, был сыном баронета, но его отец приобрел себе место в палате общин, титул и поместье, разбогатев на производстве текстиля, а не получил их от рождения [Клочков 2020: 96]. Теперь приходилось мириться с проникновением во власть подобных людей, и герцог как здравомыслящий политик понимал это.

Веллингтон был в принципе согласен на предоставление католикам политических прав по меньшей мере со времен Веронского конгресса (1822 г.). Свидетельством этому является письмо генерал-майора Макколея герцогу от 31 мая 1828 г. «Я хорошо помню слова Вашей Светлости в Вероне, что в случае заключения удовлетворительного конкордата между нашим правительством и папой Вы сами станете продвигать эмансипацию католиков в палате лордов», — писал Макколей [Despatches 4: 480].

В 1825 году, когда казалось, что эмансипация все же пройдет через парламент, по мнению Мэчина, Веллингтон пытался сохранить правительство, увязав реформу с конкордатом, страхующим от резкого усиления католиков. В случае же отказа Ливерпуля и Пиля, не желавших уступок, принять его предложение, герцог готов был сам сформировать правительство и сам реализовать этот проект [Machin: 60]. Определенное влияние на готовность к уступкам, вероятно, оказал и первый циклический экономический кризис, произошедший в этом году.

План конкордата герцог изложил в меморандуме, датированном декабрем 1825 г. В нем герцог утверждал, что «часть католиков, обладающих собственностью, высшего духовенства и даже священников желают сохранить мир и порядок, но число таких невелико» [Despatches 2: 597]. Здесь ясно видно убеждение Веллингтона в том, что социальный статус играет большую роль, чем религия.

При этом Веллингтон верил в господство в Ирландии католической «теократии» [Despatches 2: 597]. Герцог желал не ее ликвидации, а установления над ней контроля британского правительства. Предлагая заключить конкордат, он ссылаясь на наличие в Европе протестантских государств, заключивших подобные соглашения [Despatches 2: 605].

Однако оставался вопрос о сосуществовании англиканского и католического епископов с одинаковыми титулами и на одной территории. Веллингтон предложил договориться с Римом о том, что в Ирландии католические епископы должны иметь статус миссионерских и назначаться папой из списка, утвержденного британским правительством [Despatches 2: 606]. Это был именно компромисс, не ущемляющий ни Римскую курию, ни права католических прелатов, но дающий Лондону определенный контроль.

Однако сторонникам эмансипации на тот момент не удалось взять верх. В 1826 году, в обстановке подъема антикатолических чувств, в Соединенном Королевстве были проведены парламентские выборы. Их результаты для сторонников сохранения ограничений для католиков были достаточно скромными. Реальная борьба между кандидатами имела место в 84 округах. Однако только 28 вновь избранных в них депутатов имели взгляды на католическую проблему, отличные от их предшественников. Из них 18 поддерживали эмансипацию и лишь 10 выступали против [Machin: 85]. Кроме того, Католическая ассоциация впервые поддержала нескольких дружественных кандидатов в ирландских избирательных округах и в ряде случаев добилась победы. Но это имело в большей степени психологический эффект, не менявший общее соотношение сил.

В 1827 году билль вновь прошел палату общин и был, как и прежде, отвергнут лордами. Веллингтон тем временем вел переписку с Генри Файллотсом (на тот момент деканом собора, позже епископом Эксестерским) по поводу деталей возможных уступок. Священнослужитель ранее был ревностным противником эмансипации, но к концу 1820-х гг. стал склоняться к уступкам. Признание официального статуса католических иерархов, по мнению англиканского клирика, «несовместимо с правами и привилегиями епископов Англиканской церкви и будет противоречить коронационной присяге британского монарха» [Despatches 4: 325], в которой содержалось обещание короля поддерживать установленную законом протестантскую религию.

В 1828 году независимый депутат, придерживающийся радикальных воззрений, Фрэнсис Бёрдетт (на этот раз не внося билля об эмансипации), предложил обсудить законы в отношении католиков. Инициатива обсуждалась в палате общин, но была отвергнута верхней палатой.

В июне 1828 г. герцог Веллингтон, ставший главой правительства, произнес речь в палате лордов по католическому вопросу. Прежде всего, он подчеркнул отсутствие у него религиозных претензий к последователям Римской церкви [Parliamentary debates: 1287]. Премьер-министра волновало нарушение социального порядка, лишение высшего сословия естественного, по мнению герцога, права управлять страной. В Ирландии, говорил Веллингтон, «безвластие аристократии, люди руководимы демагогами и священством» [Parliamentary debates: 1288].

Обосновывая необходимость отказа от конкордата, герцог повторил аргументы Файллотса: «Суверен Англии – глава Церкви... С этим связана присяга о супрематии... делающая недопустимой для подданных апелляцию к любой другой власти» [Parliamentary debates: 1290].

Однако в конце своей речи Веллингтон дал реформаторам туманную надежду: «Если общественное мнение успокоится, агитаторы поспособствуют этому, а люди станут более удовлетворены существующим положением, тогда, я думаю, возможно будет что-либо сделать» [Parliamentary debates: 1292]. Главным для герцога было сохранение существующего порядка.

После победы О'Коннелла на выборах Веллингтону стала очевидной невозможность откладывать далее решение католического вопроса. Он считал, что «в Клэр беспорядков удалось избежать только благодаря благоразумию или страху демагогов Ассоциации» [Despatches 4: 567]. Руководство Католической ассоциации относилось к высшим слоям населения. Лендлорда О'Коннелла, человека из хорошей семьи, можно было допустить до власти. Он был понятен для Веллингтона и воспринимался им выше промышленников и торговцев, требующих допуска в парламент.

Веллингтон составил меморандум для короля, датированный 7 августа 1828 г. Согласно документу, католикам должно быть разрешено занятие недоступных прежде для них постов, но с некоторыми исключениями [Despatches 5: 254]. Требование о принесении присяги и подписании Декларации, содержащих положения, неприемлемые для них, должно было ежегодно приостанавливаться [Despatches 5: 254].

Для контроля над католическим духовенством премьер-министр предлагал ввести его обязательное лицензирование [Despatches 5: 255].

Веллингтон предлагал повысить ценз для участия в выборах с 40 шиллингов до 5 ф. ст. [Despatches 5: 254] и добавить в клятву избирателя утверждение, что его фригольд – настоящий [Despatches 5: 258].

Можно заключить, что Веллингтон, проводя эмансипацию, руководствовался традиционными сословными предубеждениями. Для недопущения смуты Веллингтон был согласен пожертвовать религиозным законодательством, но сохранить господство прежней элиты. «Папист», но вместе с тем лендлорд О'Коннелл, посвятивший себя юриспруденции и политике – занятиям, согласно взглядам того времени, приличным джентльмену, – был для премьер-министра ближе лавочника-англиканина. Мировоззрение герцога кардинально не менялось. Веллингтон упорно сопротивлялся социальным последствиям промышленного переворота, разрушавшего привычный мир, где господствует аристократия. И для герцога, отстаивавшего право землевладельцев управлять Британией и Ирландией, было естественным пойти на уступки социально близкому противнику. В силу этого Веллингтон поддержал эмансипацию в 1829 году, но остался непримиримым противником

парламентской реформы, проведенной в 1832-м. Кроме того, необходимо отметить, что определенную роль сыграл и его жизненный опыт, сделавший его невосприимчивым к антикатолицизму.

Список литературы

Айзенштат М.П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. Москва: ИВИ РАН, 2009. 398 с.

Афанасьев Г.Е. История Ирландии. Москва, 2010. 312 с.

История Ирландии / Л.И. Гольман, А.Д. Колпаков, В.Э. Кунина и др.; под ред. Л.И. Гольмана. Москва: Мысль, 1980. 390 с.

Ким О.В. Энергоэффективность как фактор модернизации в эпоху промышленного переворота в XVIII–XIX веках в Европе (на примере Швеции и Англии) // Научный диалог. 2020. № 9. С. 358–272.

Клочков В.В. Сэр Роберт Пиль (1788–1850): штрихи к портрету «консервативного реформатора» (часть 1, 1809–1829) // Академическая мысль. 2020. № 2 (11). С. 99–101.

Клочков В.В. Эмансипация католиков в Англии в 1829 г. // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказского региона. Сер.: Общественные науки. 2000. № 2 (110). С. 41–47.

Ковалевский М.М. История Великобритании. Санкт-Петербург, 1911. 271 с.

Менищиков И.С. Премьер-министры в политической системе Великобритании XIX века. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. 592 с.

Федоров С.Г. Политические деятели викторианской Англии Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. 234 с.

Мижуев Л.Г. Политическая история Англии в XIX веке. Санкт-Петербург: Брокгауз и Ефрон, 1910. 280 с.

Соловьева Т.С. Религиозная политика либеральных тори в Англии (20-е гг. XIX века). Москва, 2000. 222 с.

Тревелиян Ш.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2001. 624 с.

Brockner G. Rural disorder and police reform in Ireland 1812–36. London, New-York, Routledge, 2016, 266 p.

Brodrick G.C. The political history of England. In Twelve volumes. London, Longmans, Green and Co, 1919, vol. XI, 485 p.

Dawson P.L. The Battle Against the Luddites: Unrest in the Industrial Revolution During the Napoleonic Wars. Philadelphia (Yorkshire), Pen and Sword Books LTD, 2023, 352 p.

Despatches, correspondence and memoranda of Field Marshal Arthur, Duke of Wellington, ed. by Wellesley A.R. Vol. 1. January 1819 – December 1822. London, John Murray, 1865, 672 p.

Despatches, correspondence and memoranda of Field Marshal Arthur, Duke of Wellington, ed. by Wellesley A.R., in eight volumes, vol. 2, January 1823 – December 1825. London, John Murray, 1867, 607 p.

Despatches, correspondence and memoranda of Field Marshal Arthur, Duke of Wellington, ed. by Wellesley A.R., in eight volumes, vol. 4, May 1827 – August 1828. London, John Murray, 1871, 687 p.

Despatches, correspondence and memoranda of Field Marshal Arthur, Duke of Wellington, ed. by Wellesley A.R., in eight volumes, vol. 5, September 1828 – June 1829. London, John Murray, 1873, 625 p.

Hilton B. A Mad, bad and dangerous people? England 1783–1846. Oxford, Clarendon press, 2006, 757 p.

Holmes J.D. More Roman than Rome. London, Burnes and Oats, 1978, 278 p.

Jenkins B. Era of Emancipation: British Government of Ireland, 1812–1830. Kingston, Ontario, McGill-Queens university press, 1988, 400 p.

Leys M.D.R. Catholics in England, 1559–1829. A social history. London, Longmans, 1961, 220 p.

Machin G.I.T. The Catholic Question in English politics 1820 to 1830. Oxford, Clarendon press, 1964, 227 p.

Machin G.I.T. The Duke of Wellington and catholic emancipation. The Journal of Ecclesiastical History, 1963, vol. 14, iss. 2, pp. 190–208. <https://doi.org/10.1017/S0022046900064940>

Maxwell W.H. The life military and civil of the Duke of Wellington. Completed chiefly from the materials of W.H. Maxwell. Illustrated with eighteen engravings and maps. New edition, revised. London, George Bell and sons, 1891, 498 p.

Muir R. Waterloo and fortunes of peace 1814–1852. New Haven, London, Yaleuniversity press, 2015, 714 p.

Noyce K.A. The Duke of Wellington and Catholic Question. Wellington studies in the military and political career of first duke of Wellington, Gash N. Manchester, New-York, Manchester university press in association with university of Southampton, 1990, pp. 139–158.

Parliamentary debates 2nd. Ser., vol. 19. URL: http://www.hansard-archive.parliament.uk/Parliamentary_Debates_1820_to_1830 (access date: 3.09.2023).

Pelling N. Anglo-irish relations 1798–1922. London, New-York, Routledge, 2005, 144 p.

Severn J. Architects of Empire. The duke of Wellington and his brothers. Norman, University of Oclahoma press, 2007, 602 p.

Turberville A.S. House of lords in the age of reform 1784–1837 with an epilogue on aristocracy and the advent of democracy, 1837–1867. London, Faber and Faber, 1958, 519 p.

Turner M.J. British politics in an age of reform. Manchester, New-York, Manchester university press, 1999, 240 p.

Woodward E.L. *The Age of Reform 1815-1870*. Oxford, Clarendon press, 1962, 981 p.

References

- Ajzenshtat M.P. *Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850* gg. [The power and society of Britain 1750–1850]. Moscow, IRI RAN Publ., 2009, 398 p. (In Russ.)
- Afanas'ev G.E. *Istorija Irlandii* [History of Ireland]. Moscow, 2010, 312 p. (In Russ.)
- Istorija Irlandii* [History of Ireland], L.I. Gol'man, A.D. Kolpakov, V.Ie. Kunina et al.; ed. by L.I. Gol'mana. Moscow, Mysl' Publ., 1980, 390 p. (In Russ.)
- Kim O.V. *Jenergojeffektivnost' kak faktor modernizacii v jepohu promyshlennogo perevorota v XVIII–XIX vekah v Evrope (na primere Shvecii i Anglii)* [Energy efficiency as a factor of modernization in the era of industrial revolution in the XVIII–XIX centuries in Europe (on the example of Sweden and England)]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2020, No. 9, pp. 358-372. (In Russ.)
- Klochkov V.V. *Jemansipacija katolikov v Anglii v 1829 g.* [Emancipation of Catholics in England in 1829]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij Severo-Kavkazskogo regiona. Ser.: Obshhestvennye nauki* [News of higher educational institutions of the North Caucasus region. Social Sciences Series], 2000, No. 2 (110), pp. 41-47. (In Russ.)
- Klochkov V.V. *Sjer Robert Pil' (1788–1850): shtrih k portretu «konservativnogo reformatora» (chast' 1, 1809–1829)* [Sir Robert Peel (1788–1850): touches to the portrait of a “conservative reformer” (part 1, 1809–1829)]. *Akademicheskaja mysl'* [Academic Thought], 2020, No. 2 (11), pp. 99-101. (In Russ.)
- Kovalevskij M.M. *Istorija Velikobritanii* [History of Great Britain]. St. Petersburg, 1911, 271 p. (In Russ.)
- Menshikov I.S. *Prem'er-ministry v politicheskoi sisteme Velikobritanii XIX veka* [Prime Ministers in the British political system of the 19th century]. Kurgan, Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta Publ., 2019, 592 p. (In Russ.)
- Mizhnev L.G. *Politicheskaja istorija Anglii v XIX veke* [The Political History of England in the XIX century]. St. Petersburg, Brokgauz i Efron Publ., 1910, 280 p. (In Russ.)
- Solov'eva T.S. *Religioznaja politika liberal'nyh tori v Anglii (20-e gg. XIX veka)* [Religious policy of the Liberal Tories in England (the 20s of the XIX century)]. Moscow, 2000, 222 p. (In Russ.)
- Trevell'jan Sh.M. *Istorija Anglii ot Chosera do korelevy Viktorii* [The History of England from Chaucer to Queen Victoria]. Smolensk, Rusich Publ., 2001, 624 p. (In Russ.)
- Brocker G. *Rural disorder and police reform in Ireland 1812-36*. London, New-York, Routledge Publ., 2016, 266 p.
- Brodrick G.C. *The political history of England*. In Twelve volumes. London, Longmans, Green and Co Publ., 1919, vol. XI, 485 p.
- Dawson P.L. *The Battle Against the Luddites: Unrest in the Industrial Revolution During the Napoleonic Wars*. Philadelphia (Yorkshire), Pen and Sword Books LTD Publ., 2023, 352 p.
- Despatches, correspondence and memoranda of Field Marshal Arthur, Duke of Wellington, ed. by Wellesley A.R. Vol. 1. January 1819 – December 1822. London, John Murray Publ., 1865, 672 p.
- Despatches, correspondence and memoranda of Field Marshal Arthur, Duke of Wellington, ed. by Wellesley A.R., in eight volumes, vol. 2, January 1823 – December 1825. London, John Murray Publ., 1867, 607 p.
- Despatches, correspondence and memoranda of Field Marshal Arthur, Duke of Wellington, ed. by Wellesley A.R., in eight volumes, vol. 4, May 1827 – August 1828. London, John Murray Publ., 1871, 687 p.
- Despatches, correspondence and memoranda of Field Marshal Arthur, Duke of Wellington, ed. by Wellesley A.R., in eight volumes, vol. 5, September 1828 – June 1829. London, John Murray Publ., 1873, 625 p.
- Hilton B. *A Mad, bad and dangerous people? England 1783-1846*. Oxford, Clarendon press Publ., 2006, 757 p.
- Holmes J.D. *More Roman than Rome*. London, Burnes and Oats Publ., 1978, 278 p.
- Jenkins B. *Era of Emancipation: British Government of Ireland, 1812-1830*. Kingston, Ontario, McGill-Queens university press Publ., 1988, 400 p.
- Leys M.D.R. *Catholics in England, 1559-1829. A social history*. London, Longmans Publ., 1961, 220 p.
- Machin G.I.T. *The Catholic Question in English politics 1820 to 1830*. Oxford, Clarendon press Publ., 1964, 227 p.
- Machin G.I.T. *The Duke of Wellington and catholic emancipation*. *The Journal of Ecclesiastical History*, 1963, vol. 14, iss. 2, pp. 190-208. <https://doi.org/10.1017/S0022046900064940>
- Maxwell W.H. *The life military and civil of the Duke of Wellington*. Completed chiefly from the materials of W.H. Maxwell. Illustrated with eighteen engravings and maps. New edition, revised. London, George Bell and sons Publ., 1891, 498 p.
- Muir R. *Waterloo and fortunes of peace 1814-1852*. New Haven, London, Yaleuniversity press Publ., 2015, 714 p.
- Noyce K.A. *The Duke of Wellington and Catholic Question*. Wellington studies in the military and political career of first duke of Wellington, Gash N. Manchester, New-York, Manchester university press in association with university of Southampton Publ., 1990, pp. 139-158.

Parliamentary debates 2nd. Ser., vol. 19. URL: http://www.hansard-archive.parliament.uk/Parliamentary_Debates_1820_to_1830 (access date: 3.09.2023).

Pelling N. Anglo-irish relations 1798-1922. London, New-York, Routledge Publ., 2005, 144 p.

Severn J. Architects of Empire. The duke of Wellington and his brothers. Norman, University of Oclahoma press Publ., 2007, 602 p.

Turberville A.S. House of lords in the age of reform 1784-1837 with an epilogue on aristocracy and the advent of democracy, 1837-1867. London, Faber and Faber Publ., 1958, 519 p.

Turner M.J. British politics in an age of reform. Manchester, New-York, Manchester university press Publ., 1999, 240 p.

Woodward E.L. The Age of Reform 1815-1870. Oxford, Claredon press Publ., 1962, 981 p.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 12.03.2024; принята к публикации 15.03.2024.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 12.03.2024; accepted for publication 15.03.2024.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 75–80. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 75–80. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(469).09“20”

EDN XIYBBG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-75-80>

ОБРАЗ БОГА В ТВОРЧЕСТВЕ ФЕРНАНДУ ПЕССОА

Овчаренко Ольга Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, olgaimli@yandex.ru

Аннотация. Философская проблематика занимает центральное место в творчестве Фернанду Пессоа и проявляется во всех жанрах его творчества – от лироэпического цикла стихотворений «Послание» до принадлежащих различным его гетеронимам лирическим стихотворениям и прозаической «Книги непокоя». Всю жизнь Пессоа обращался к проблеме Бога, решал ее по-разному и так до конца и не пришел к определенным выводам. Проблема Бога занимала Пессоа, потому что ему хотелось найти в Боге своеобразную защиту, но в итоге он так и остался беззащитным перед лицом судьбы, перед которой, по мнению поэта, был бессилен и сам Бог. В центре внимания автора статьи находится образ Бога в ортонимной и гетеронимной лирике Пессоа, а также в его прозе. В данном исследовании показана разница в отношении к Богу различных гетеронимов Пессоа, рассматриваются религиозные взгляды Пессоа в «Книге непокоя» и подробно анализируются его позиции в ортонимной поэзии, особенно в стихотворном цикле «Послание». Делается вывод, что Пессоа всю жизнь колебался между католицизмом и гностицизмом, соответствуя собственному определению «христианин-гностик».

Ключевые слова: Пессоа, ортонимия, гетеронимия, гностицизм, христианство, лирика.

Для цитирования: Овчаренко О.А. Образ Бога в творчестве Фернанду Пессоа // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 75–80. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-75-80>

Research Article

IMAGE OF GOD IN FERNANDO PESSOA LITERARY WORKS

Olga A. Ovcharenko, Doctor of Philological Sciences, Leading researcher, Institute of World Literature named after A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, olgaimli@yandex.ru

Abstract. Philosophical problematics occupies the central place in Fernando Pessoa's literary works and appears in all the genres of his literary heritage, beginning with the lirico-epical cycle "Message" and finishing with his heteronimical lyrics and "The Book of Anxiety". During all his life Pessoa appealed to the problem of God and solved it in different ways, but did not arrive to any definite conclusion. The problem interested Pessoa because he wanted to find in God a kind of defence, but finally remained alone before the Destiny to which the God himself could not resist. The author of the article focuses on the image of God in orthonymic and heteronymic lyrics of Fernando Pessoa, as well as in his prose. The author of the article shows the difference in the attitude to God of Pessoa's different heteronyms, analyses Pessoa's religious views in the "Book of Disquiet" and investigates in details his positions in orthonymic poetry, poetic cycle "Message" especially. It is concluded that during all his life, Pessoa hesitated between Catholicism and Gnosticism, corresponding to his own definition of "Christian gnostic".

Keywords: Fernando Pessoa, orthonymy, heteronymy, Gnosticism, Christianity, lyrics.

For citation: Ovcharenko O.A. Image of God in Fernando Pessoa Literary Works. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 75–80 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-75-80>

Фернанду Антониу Нугейра Пессоа (1888–1935) ныне признан великим португальским поэтом, занимающим в национальной литературе второе место после Камозэнса. Его творчество охватывает многие из основных вопросов XX в. – проблему малости человека перед лицом рока; относительного бессилия перед высшими силами, правящими миром; неизвестной природы этих сил; исчерпанности возможностей христианства; безграничного одиночества человека в современном быстро изменяющемся мире. Исследователи обычно обращают внимание на его гетеронимное (то есть написанное Пессоа от имени разных творцов, наделенных собственной творческой индивидуальностью) творчество, между тем его ортонимное (написанное от своего имени) наследие также содержит в себе не малое количество интересных проблем. Одна из них – отношение поэта к Богу.

Эта проблема волновала поэта всю жизнь, она, естественно, соотносилась и с проблемой образа дьявола, в создании которого Пессоа, как ни удивительно, не преуспел, но о котором размышлял, а также, как ни странно в свете трагического одиночества поэта, защиту от которого, как думается, он мечтал обрести как раз от Бога. Но этого не получилось, ибо сам Бог, по мнению Пессоа, восходящему к античной философии, бессилен перед лицом судьбы.

Из филологов XX в. к проблеме образа Бога у Фернанду Пессоа ближе и интереснее всего подошли Антониу Куадруш и Далила Перейра Кошта, на которых мы будем часто ссылаться в этой статье, вообще же проблема продолжает ждать своих исследователей.

Представим некоторые значимые отрывки из произведений Пессоа, в которых упоминается Бог:

Às vezes sou o Deus que trago em mim
E então eu sou o Deus e o crente e a prece
E a imagem de marfim
Em que esse deus se esquece.

Às vezes não sou mais de que um ateu
Desse deus meu que eu sou quando me exalto
Olho em mim todo um céu
E é um meio oco céu alto [Pessoa 1: 165].

(Иногда я – Бог, которого ношу в самом себе, / И тогда я – Бог, и верующий, и молитва / И образ из слоновой кости, / В котором этот бог забывается // Иногда я не больше, чем атеист / При том моем боге, в которого я превращаюсь, когда волнуясь. / В себе я вижу все небо, / И это просто пустое, высокое небо¹).

«Продемонстрировать существование Бога означает... показать, что вселенная явно имеет причину, которая необязательно находится в ней самой, и что эта причина разумна, то есть сознательно активна» [Pessoa 3: 333].

«Нельзя понять Бога, не поняв другого начала, ему противостоящего, является ли оно Материей, созданной Богом и противостоящей Богу как его создание, или Ва-

куумом, или Не-Сущим, прямо противостоящим Богу, который является в чистом виде Сущим; является ли оно Сатаной или Злом, или другим каким-либо контра-Богом, противостоящим Богу просто как противоположная личность» [Pessoa 3: 337].

«Бог – это направление, к которому стремится всякий разум, контролирующий этот мир и противостоящий сатанинской воле его инертной материи. Поскольку точка, к которой он стремится, уже существует, ибо время – это иллюзия, то и Бог существует; поскольку всякий разум стремится к абсолютному Совершенству, Бог является абсолютным Совершенством; поскольку он стремится к Высшей Красоте, Бог – это Высшая Красота. Вселенная уже находится там, где и будет находиться, и поэтому является Богом» [Pessoa 3: 339].

Эти цитаты показывают противоречивое отношение Пессоа к Богу, о сущности которого он размышлял всю жизнь.

Он неслучайно называл себя «христианином-гностиком» [Pessoa 3: 1428–1429]. Хотя он и верил в Бога, но в письме Адолфу Казайшу Мунтейру от 13 января 1935 г. говорил: «Я верю, что есть миры более высокого порядка, чем наш. Их обитатели отличаются разной духовной организацией. Она тем тоньше, чем они ближе к Высшему Существо, предположительно сотворившему наш мир. Возможно, есть и другие Существа, также Высшие, и возможно, что они сотворили другие вселенные, которые сосуществуют с нашей, не всегда проявляя себя. По этим и некоторым другим причинам масонство (за исключением англосаксонского) избегает слова «Бог» со всем, что за ним стоит в теологической и народной традиции, предпочитая говорить о Великом Архитекторе Вселенной. Из этого выражения неясно, является ли он творцом или просто Правителем мира. При такой градации существ я не верю в возможность непосредственного общения с Богом, но, насколько нам будет дано, мы сможем общаться каждый раз со все более высокоорганизованными существами» [Pessoa 2: 344–345].

Deus é o homem de outro Deus maior:
Adam Supremo, também teve Queda;
Também, como foi nosso Criador,

Foi criado, e a Verdade lhe morreu...
De além o Abismo, sprito seu, lha veda
Aquém não a há no Mundo, Corpo Seu
[Pessoa 1: 1131]

(Наш Бог был высшим Богом сотворен.
Став для него низринутым Адамом,
Он создал нас и дал нам свой закон.

А сотворенный Правды не узрит.
За бездной реет Дух его упрямо.
Там Правда – здесь лишь Плоть его царит)

Так сказано в стихотворении из цикла «У гроба Кристиана Розенкрейца» (1935).

При этом Бог для Пессоа является принципиально непознаваемым началом. В стихотворении “Sangra-me o coação. Tudo que penso” (1934) он задается вопросом:

Com que fria esquadria e vão compasso
Que invisível Geómetra regrou
As mares deste mar de mau sargaço-
O mundo fluido, com seu tempo e ‘spaço,
Que ele mesmo não sabe quem criou?
Porque o Verbo é quem Deus era primeiro,
Antes que a morte, que o tornou o mundo...

[Pessoa 1: 1122–1123]

(С каким холодным угольником и ненужным компасом / Какой невидимый геометр наметил, / Приливы этого моря саргасса / Подвижный мир, со своим временем и пространством, / Который сам не знает, кто его создал?.. Ибо Слово – это то, чем вначале был Бог / Перед тем, как смерть превратила его в мир.)

В драматической поэме «Первый Фауст» Пессоа писал:

Nos vastos céus estrelados
Que estão além da razão,
Sob a regência de fados
Que ninguém sabe o que são,
Há sistemas infinitos,
Sois centro de mundos seus,
E cada Sol é um Deus.

[Pessoa 1: 611]

(В огромных звездных небесах, / Которые находятся за пределами разума, / Под управлением Парок, / О которых никто не знает, кто они, / Есть бесконечные системы, / Солнца – центры собственных миров, / И каждое солнце – это Бог.)

Однако португальская исследовательница творчества Фернанду Пессоа Далила Перейра да Кошта не зря говорила, что «он метался всю свою жизнь между бегством от Христа с отрицанием его и поисками отождествления себя со Христом» [Costa: 1079].

В раннем стихотворении в прозе «Молитва» (1912) писатель всячески декларирует свою верность Богу:

«Torna-me grande como o Sol, para que eu te possa rezar em mim, e torna-me puro como a lua, para que eu te possa rezar em mim; e torna-me claro como o dia para que eu te possa ver sempre em mim e rezar-te e adorar-te.

Senhor, protege-me e ampara-me. Dá-me que eu me sinto teu. Senhor, livra-me de mim» [Pessoa 1: 1090].

«Сделай меня великим, словно Солнце, чтобы я мог обожать тебя в себе; и сделай меня чистым, как луна, чтобы я мог тебе молиться в себе самом; и сделай меня ясным, как день, чтобы я мог всегда тебя видеть в себе, и молиться тебе, и обожать тебя.

Господи, защити и приюти меня. Сделай так, чтобы я почувствовал себя твоим. Господи, освободи меня от меня самого».

Отношение Пессоа к Богу оставалось противоречивым на протяжении всей его жизни. Часто он употреблял слово «Бог» во множественном числе.

«В то же самое время, когда Бог создал мир из ничего (то есть просто из потенциальной возможности будущего Мира, без чего Мира быть не могло), Бог создал Правительство Мира, состоящее из Ангелов и низших богов. Первые управляют Миром в его отношении к Богу, а вторые – в его отношении к самому себе. Это низшие Боги и есть те боги, которым поклонялась языческая античность. Некоторые из ангелов из гордости, то есть сознания своего отдельного от Бога существования, словно они и не были сотворены из Божественной субстанции, «восстали», то есть решили покинуть мир через Дверь, ведущую к Высшей Правде. Поэтому в качестве наказания они были отринуты Богом, то есть Волей, и низвергнуты в пропасть Инертности. Это было первой и величайшей трагедией разума.

Бог, или Душа Мира, – это Чистая Воля, Чистое Деяние и Чистое Бытие в своем отношении к Миру. Но Бог сам по себе не есть Чистая Воля, Чистое Деяние или Чистое Бытие, ибо все они находятся “за его пределами” и были “до” Него. Бог есть Добро, так как, будучи субстанцией всех вещей, он является всеобщим Законом. Существование в мире греха доказывает “существование” чего-то вне Бога, некоего дуновения к нам из Пустоты, бывшей до Бога.

Падение ангелов и создание для их наказания Проклятого Места, Инертности посреди Чистого Дыхания и Воли привело к сотворению двух вечно противоборствующих в Мире начал – Божественного Начала, Света, Добра, и сатанинского начала, Тьмы, Зла. Этих начал не было при сотворении Мира, и они и не должны были возникнуть, как и человек» [Espólio 1¹-16-3].

В размышлениях Пессоа о множественности ангелов или низших богов и тяготеющим над всем Роке есть переключка с теориями его гетеронимов Рикарду Рейша и Алвару де Кампуша. “O homem é fraco e fracos são os deuses. Sobre todos eles, o Destino, o Deus sem nome, vela do seu trono etéreo.” «Человек слаб, и слабы боги, – писал поэт. – Над всеми ними Рок – безымянный Бог – бдит со своего эфирного трона» [Lind: 265]. В стихотворении “Os deuses, não os reis, são os tiranos” (1922) он говорит:

...pese, e sempre pesará,
Sobre o homem a serva condição
De súdito no Fado [Pessoa 1: 1107]

(...довлеет и всегда будет довлесть / Над человеком рабское состояние / Подданного Рока).

В стихотворении “Ah, perante esta única realidade, que é mistério”, написанном от имени Алвару де Кампуша, упоминается «Aquilo que faz que haja deuses e Deus e Destino» [Pessoa 1:1019] («То, что делает так, чтобы были боги, и Бог, и Рок»).

У Пессоа, вслед за принижением образа Бога, обнаруживается стремление к реабилитации дьявола.

«Дьявол – это состояние смерти Бога. Если это так, Мертвый Мастер, возведенный в третью степень, – это Дьявол, Князь мира сего, до образа которого поднимаемся мы как развращенные существа: это живой Мастер, не Князь, а Архитектор мира сего, ставший Богом» [Matos: 90].

Явное желание реабилитации «обезьяны Бога» просматривается в рассказе «Час дьявола», где последний предстоит вполне миролюбивым и благожелательным существом. В своих набросках на оккультные темы Пессоа писал: «Все едино. Сатанинское – это просто материализация божественного. Магия едина: черная магия – это не более чем материализовавшаяся белая магия... Если мы будем знать процессы черной магии и истолкуем их символически, то придем к знанию процессов белой магии. *Бог – это дух*, – говорится в Библии; и божественное (в его отношении к этому миру) духовно. Дьявол – это материя (тело)» [Pessoa 3: 427].

В набросках комментариев к пророчествам Бандарры Пессоа размышляет об Антихристе и приходит к выводу, что «как Христос есть представитель Интуиции или Чувства, так и Антихрист должен быть представителем Разума, являющегося врагом Чувства... Другого смысла нет в наделении восставшего ангела именем Люцифер – Светоносный, то есть носитель символа разума... Антихрист должен иметь духовный статус, сопоставимый со статусом Мастера, которому он противостоит... Он должен быть сравним со Христом в своем величии, хотя и считается, что он употребит это величие во зло» [Pessoa 3: 668].

Во «Фрагментах речи посвящающего в степень магистра Атриума», скорей всего сочиненной самим Пессоа, сказано: «...мы – подданные того, кого посвященный в высокую степень святой Павел назвал Князем мира сего. Этот князь, как мы все знаем, Сатана»... [Pessoa 3: 536]

А в отрывках, рассматривающих инициацию в nasledовавший португальским тамплиерам Орден Христа, сказано: «Этот акт можно сравнить, в некотором роде, со страшным элементом инициации тамплиеров, которые... во время своей инициации должны были плюнуть на Распятие... Бог, на которого они плевали, был священной субстанцией Искупления. Они смотрели прямо в ад, когда их уста готовились к необходимому кощунству» [Pessoa 3: 535].

Между тем тамплиеры всегда оставались предметом пламенной любви со стороны Пессоа. В год своей смерти (1935) он писал о себе в «Биографических заметках»: «Посвященный, путем прямого общения Мастера с Учеником в первые три степени (якобы распущенного) Ордена тамплиеров Португалии» [Pessoa 3: 1429]. Опять же в 1935 г. он публикует в газете «Диариу де Лижбоа» статью «Тайные общества», протестуя против проекта роспуска ма-

сонских организаций в Португалии. В этой статье Пессоа утверждал: «Я не масон и не принадлежу к какому-либо другому ордену, подобному масонству или отличающемуся от него» [Pessoa 3: 474]. Тем не менее оккультная символика ритуалов тайных обществ произвела на поэта неизгладимое впечатление. В стихотворении «Инициация» он писал:

В тени кипарисов суровых
Вселенная сон отвергает.
А тело лишь отблеск покрова,
Что тайну души облекает.

Смерть с неба ночного нисходит,
Чтоб отблеск во мраке погас.
И душу наугуя уводит,
Чтоб видеть тебя без прикрас.

В преддверии Чуда и Тайны
Ты ангелам плащ отдаешь
И в путь неизведанный, дальний
С душевною дрожью идешь.

Архангелам, стражам Дороги,
Вручаешь остатки одежд,
И тело несется к порогу
Великих и светлых надежд.

В глубины Пещеры нагрывув,
Ты с плотью простишься своей.
Заснешь среди богов, а воспрянув,
Узришь себе равных людей.

Узнай, неофит, лишь покровы
Сырая земля охраняет
В тени кипарисов суровых.
Вселенная смерти не знает

[Pessoa: 1133].

Таким образом, отношение Пессоа к Богу было двойственным. С одной стороны, он воспринимал его в традиционно католическом духе, с другой – в духе гностицизма. Эта противоречивость проявилась и в лучшем произведении Пессоа – стихотворном цикле (многие называют его поэмой) «Послание». Он был опубликован в конце 1934 г. и представлен на премию Антеру де Кентала, организованный Секретариатом национальной пропаганды [Simões: 654]. Книга получила вторую премию.

Составившие цикл стихотворения писались Пессоа на протяжении всей жизни. Так, первое из них, «Дон Фернанду, инфант португальский», было создано в 1913 г. Условия официального конкурса предрасполагали к воспеванию правоверного католицизма, что и проявилось в ряде стихотворений.

Так, в стихотворении «Столп» португальский мореплаватель Диогу Кау, воздвигая на покоренных пор-

тугальцами территориях увенчанный крестом столп, говорит:

Я сделал все, что в силах человека,
Что не сумел, то сможет только Бог.

А крест, что стройный столп собой венчает, –
То жар несокрушимого огня,
Что дух мой на скитанья подвигает,
И гавань, где Спаситель ждет меня

[Пессоа: 43–45].

В стихотворении «Инфант» Бог предстает движущей силой Великих географических открытий, и именно к Нему поэт обращает свой знаменитый призыв: “*Senhor, falta cumprir-se Portugal*” (Господи, не достаает того, чтобы Ты выполнил свои обещания Португалии). В стихотворении «Запад» сказано:

Двумя руками – Рокотом и Деяньем –
Мы совлекали сумрачный покров...

Не знаю – Случай, Прихоть или Шквал
Был той рукой, что небо озарила.
Но сам Господь ее душою стал,
А плотью Португалия служила

[Пессоа: 43–45].

Между тем в стихотворном цикле есть совсем нехристианские герои и представления. Известно, что Пессоа был активным сторонником себаштианства – главного мифа, лежащего в основе «Послания». В 1578 г. Португальский король дон Себаштиан погиб в Северной Африке в битве с маврами при Алкасер-Кибире. Гибель короля, не оставившего наследника, привела к тому, что Португалия утратила государственную независимость и перешла под власть Испании.

Но среди народа Португалии (а также и Бразилии) бытовали представления, что король не погиб, а был перенесен неведомой силой на необитаемый остров, откуда в трудный для Португалии момент придет на помощь своему народу. Позднее эту теорию поддерживали многие писатели и мыслители, считавшие, что Себаштиан не сразу откроется своему народу и будет существовать какое-то время в виде Сокрытого.

Пессоа считал себаштианистами, в частности, некоего Гонсалу Анеша Бандарру (1500–?), сапожника-пророка из города Транкозу и выдающегося писателя падре Антониу Виейру, хотя Бандарра не упоминал о доне Себаштиане, а Виейра вообще считал, что тот уже воплотился под видом короля Жуана IV. В «Послании» есть стихотворения, посвященные этим деятелям португальской культуры. Кроме того, Пессоа пропагандировал миф о Пятой Империи – всемирном духовном объединении, которое будет создано перед господством Антихриста.

Наконец, еще один миф, на который поэт опирается в «Послании», – это сказания о рыцарях Грааля.

Многих деятелей португальской культуры поэт воспринимал как «великих посвященных», получивших свой дар от Бога. Так, например, в первом по времени написания стихотворении цикла «Дон Фернанду, инфант португальский», первоначально называвшемся «Меч», сказано:

Вручил мне меч Бог разума и света,
Благословил на радости и беды
Сегодня поутру [Пессоа: 31]

Королева Филиппа Ланкастерская в одноименном стихотворении названа «Девой Грааля» [Пессоа: 29]. В стихотворении, посвященном полководцу Нуну Алварешу Перейре, его меч сравнивается с мечом короля Артура:

Кто же помазал тебя на владенье
Сказочным Экскалибуром?
Был он дарован тебе, без сомненья,
Непобедимым Артуром [Пессоа: 37].

Таким образом, хотя Пессоа испытывал некоторые колебания между христианством и гностицизмом, его позиция выражается словами «христианин-гностик». Хотя они могут показаться логической антиномией, но поэт настаивал на таком определении собственных взглядов.

«Боги сотканы из нашей плоти и нашей души, доведенных до совершенства, – писал он. – Мы можем любить их или понимать, хотя не можем следовать за ними или им подражать. Христос, Логос, не может быть понят; он относится к другой реальности, чей способ существования отличается от самого абстрактного концепта, который мы производим от понятия «реальность» [Pessoa 3: 362].

«Я не верю, что между Рокотом и Богом есть только мутный океан... немое небо в вечной Ночи. Я, подобно неоплатоникам, верю в интеллектуального посредника, *Логос* на языке философов, Христа (позднее) в христианской мифологии. В этом состоит моя языческая гетеродоксия» [Pessoa 3: 369].

Пессоа посвятил много времени исследованиям таро, астрологии, каббалы и прочих оккультных премудростей. Считая себя «посвященным от Бога», он сравнивал себя с Шекспиром. «Этот тип инициации обычно называют гениальностью» [Pessoa 3: 434].

Противоречивость отношения Пессоа к Богу отразилась и в лучшем его произведении – стихотворном цикле «Послание». Любопытно, что в «Поляне» включен цикл «Предупреждения», состоящий из трех стихотворений. В него входят стихотворения «Бандарра» и «Виейра», посвященные португальским прорицателям. Третье стихотворение является безымянным, ибо третьим пророком поэт, по-видимому, почитал себя, во всяком случае стихотворение написано от имени самого автора:

На грани горя создан скорбный стих.
Рыдают очи от горячих слез.

Лишь ты, Властитель, Радости Родник,
Мне счастье благодатное принес.

Георг Рудольф Линд полагал, что все оккультные теории являлись для Пессоа всего лишь попыткой гипотетического объяснения мира [Lind: 298] и миропонимание поэта не совпадало ни с одной из них. Думается, что это не совсем так.

В письмах к Офелии де Кейрош – девушке, которую Пессоа, по-видимому, глубоко и искренне любил, но от счастья с которой вынужден был отказаться, полагая, что оно может помешать ему в выполнении той миссии, которая была возложена на него свыше, неоднократно возникает образ Рока (*o Destino*). «...Я заслуживаю лучшего обращения со стороны Рока» [Pessoa 2: 237], – пишет поэт 19 марта 1920 г. Решив порвать с Офелией, он замечает: «В этом не виноваты ни вы, Офелия, ни я. Если бы Рок был человеком, винить надо было бы его. Мое предназначение определяется другим Законом, о существовании которого вы, Офелия, и не подозреваете, и подчиняется все более и более Учителям, не знающим ни разрешения, ни прощения» [Pessoa 2: 253–254].

Философия гностицизма в XX в. оказала влияние на многих выдающихся писателей: Томаса Манна, Германа Гессе, Хорхе Луиса Борхеса, Леонида Леонова.

Подспудное богоотступничество, вероятно, терзало Пессоа всю жизнь, и именно оно было причиной того трагического надрыва, которым проникнута значительная часть его творчества.

Примечания

¹ Здесь и далее все переводы иностранных изданий с португальского языка на русский выполнены автором статьи.

Список литературы

Пессоа Фернанду. Послание. Москва: Русская философия, 2023. 122 с.

Costa Dalila Pereira da. Poemas “A Divinis”. Introdução. *Pessoa I*. Pp. 1075-1087.

Lind Georg Rudolf. Estudos sobre Fernando Pessoa. Lisboa, Imprensa Nacional – Casa de Moeda, 1981, 492 p.

Matos Jorge de. O pensamento maçónico de Fernando Pessoa. Lisboa, Hugin, 1997, 220 p.

Pessoa Fernando. Obra Poética e em Prosa. Porto, Lello e Irmão, 1986, vol. 1, 1212 p.; vol. 2, 1352 p.; vol. 3, 1501 p.

Simões João Gaspar. Vida e Obra de Fernando Pessoa. Amadora, Livraria Bertrand, 1981, 740 p.

References

Pessoa Fernando. *Poslanie* [Message]. Moscow, Russkaya Filosofia Publ., 2023. 122 p. (In Russ. and Port.).

Costa Dalila Pereira da. Poemas “A Divinis”. Introdução. *Pessoa I*. Pp. 1075-1087.

Lind Georg Rudolf. Estudos sobre Fernando Pessoa. Lisboa, Imprensa Nacional – Casa de Moeda Publ., 1981, 492 p.

Matos Jorge de. O pensamento maçónico de Fernando Pessoa. Lisboa, Hugin Publ., 1997, 220 p.

Pessoa Fernando. Obra Poética e em Prosa. Porto, Lello e Irmão, 1986, vol. 1, 1212 p.; vol. 2, 1352 p.; vol. 3, 1501 p.

Simões João Gaspar. Vida e Obra de Fernando Pessoa. Amadora, Livraria Bertrand Publ., 1981, 740 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.

ПРОБЛЕМА САМОПОНИМАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ГАУПТМАНА НА ПРИМЕРЕ ПОЗДНЕЙ ДРАМЫ «ИФИГЕНИЯ В ТАВЛИДЕ»

Склизкова Алла Персневна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, burelomy@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1481-1133>

Аннотация. В статье рассматривается творчество позднего Гауптмана в контексте проблемы самопонимания, связанного с непрерывным процессом творческого осмысления своих произведений, созданных ранее. Целью данной работы является выявление общемировоззренческой позиции Гауптмана, вытекающей из его антропологической логики. Этому соответствуют и задачи исследования: показать процесс становления новых форм субъективности в творчестве драматурга; обосновать внутреннее движение Гауптмана к самопониманию; подвергнуть пересмотру его драму «Ифигения в Авлиде», увидеть, как в недрах прежней художественной системы зарождается новая концепция бытия. В ходе анализа выявляются модернистские тенденции в творчестве Гауптмана, связанные с креативным процессом индивидуального сознания, – обновление, переработка и пересмотр впечатлений от прочитанных ранее художественных текстов собратьев по перу (в данном случае Платона, Я. Беме, З. Фрейда и Р. Хух) и перетолкование в связи с этим собственных произведений. Гауптман, расширяя свой горизонт исследования, наделяет богиню Гекату, речь о которой идет в его драме «Ифигения в Дельфах», творческой силой Эроса и представляет эти хтонические силы в произведении «Ифигения в Авлиде» как благое первоначало. Героиня, постигая данное первоначало в нерушимом единстве, проходит сложный путь духовного прозрения, обретает новое рождение – то бессмертие, мысли о котором бытуют в сознании пожилого писателя.

Ключевые слова: модерн, рефлексия, субъективность, самоисследование, переработка, обновление сознания, хтонические силы, Геката, Эрос.

Для цитирования: Склизкова А.П. Проблема самопонимания в творчестве Г. Гауптмана на примере поздней драмы «Ифигения в Авлиде» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 81–88. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-81-88>

Research Article

G.J.R. HAUPTMAN'S LATE DRAMA "IPHIGENIE IN AULIS" IN ASPECT OF MODERNIST DISCOURSE

Alla P. Sklizkova, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of RiZF, Associate Professor, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, burelomy@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1481-1133>

Abstract. The article examines the work of Gerhard Johann Robert Hauptmann in the context of the problem of self-understanding associated with the continuous process of creative comprehension of his works created earlier. The aim of this work is to identify the world-wide modernist position of Hauptmann, derived from his anthropological logic. The research tasks correspond to this: to show the process of formation of new forms of subjectivity in the dramatist's work; to substantiate Hauptmann's internal movement to self-understanding; to review his drama "Iphigenie in Aulis", to see how a new conception of being is emerging in the depths of the former artistic system. The analysis reveals the modernist tendencies in Hauptmann's work, associated with the creative process of individual consciousness – the renewal, reworking and redefinition of impressions from previously read texts of pen's colleagues (in this case Plato, Jakob Böhme, Sigmund Freud and Ricarda Huch) and the reinterpretation of their own works in this regard. Hauptmann, expanding his horizon of study, gives the goddess Hecate, whom his drama "Iphigenie in Delphi" is referred to, the creative power of Eros and presents these chthonic powers in the work "Iphigenie in Aulis" as a positive first. The heroine, having grasped this first principle in indestructible unity, passes a difficult path of spiritual enlightenment, acquires a new birth – the immortality the elderly writer thought in his consciousness.

Keywords: modern, reflection, subjectivity, self-study, processing, renewal of consciousness, chthonic forces, Hecate, Eros.

For citation: Alla P. Sklizkova. G.J.R. Hauptman's late drama "Iphigenie in Aulis" in aspect of modernist discourse. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 81–88 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-81-88>

Развивающаяся в немецком и русском литературоведении концепция модерна как макроэпохи [Аствацатуров 2020; Вольский 2020; Жеребин 2012; Kemper 2009; Habermas 1985; Bachmaier 1990; Vietta 2001], которая берет начало примерно с середины XVIII столетия, когда «необходимое условие для координации Я и мира переносится во внутренний мир личности» [Kemper: 12], и продолжается до сих пор, приобретая высокий статус парадигмы художественного сознания, позволяет поставить проблему самопонимания в творчестве Гауптмана. Она связана с весьма ощутимым моментом недосказанности в его художественных текстах, посредством чего писатель-модернист осуществляет непрерывное и безграничное творческое движение, касающееся зарождения художественной системы заново, непрестанно совершенствуя ее, осознавая свои прошлые тексты из горизонта нового времени. Под его пером вершится тот процесс, который С. Вьетта назвал аккумуляцией – накоплением и переработкой, поскольку «любая мысль требует инновации, и происходит модернизация внутри модерна» [Vietta: 42]. Подобный процесс аккумуляции тесно соприкасается с модернистским принципом самопонимания, поскольку благодаря ему вершится внутреннее становление писателя, трансформируется его индивидуальное сознание, развивается творческое свободное мышление, невольно требующее от художника слова приватной трансформации собственных творений. Соответственно, говоря о поздней драме «Ифигения в Авлиде», следует обратить внимание прежде всего на своеобразие того креативного действия, основной смысловой доминантой которого является постоянное обновление собственной точки зрения. Именно такое обновление, приводящее к расширению понятийного горизонта писателя, базируется на экзистенциальной потребности самопонимания. В одной из последних отечественных монографий 2020 года речь идет о наиболее актуальном сейчас антропологически ориентированном литературоведении, которое «стремится осмыслить происходящие перемены... обнаружить, что человек и его Я в сущности никогда не были постоянной величиной, бесконечно принимая все новые и новые облики» [Каминский: 478]. В этом плане можно говорить об антропологическом содержании текстов Гауптмана: писатель-модернист, стремясь к самопониманию, воспринимает созданные ранее собственные произведения как некое историческое прошлое, рассматриваемое в современности (на новом витке художественного творения) в контексте открытия для будущего. Современность, как пишет Ю. Хабермас о модерне, «предполагает прочтение сквозь призму культурной

установки», поскольку «теория модерна установила новое отношение современность – история. В модерне... настоящее с прошлым и будущим образуют подвижное единство» [Хабермас: 235].

Таким прошлым для Гауптмана становятся собственные тексты. Немецкий писатель становится сам для себя интерпретатором, постигает себя и выступает как собственный читатель. При этом он не просто продолжает личную традицию, но и осознает себя в рефлексивном отношении к ней. Доказательством является стремление Гауптмана сразу после завершения работы над «Ифигенией в Дельфах» писать продолжение и создавать драму «Ифигения в Авлиде» [Behl: 48]. Желая показать предпосылки того, что случилось с Ифигенией (по тексту драмы героиня, привезенная братом Орестом в Дельфы, покидает зримый мир и решает вернуться в чертоги Гекаты), немецкий художник слова обращается к достаточно известному эпизоду из античной мифологии – возведению Ифигении в Авлиде на жертвенный алтарь ради успеха в будущей войне с Троей. Вопрос о сходстве и различии Гауптмана с теми писателями, которых интересовала тема жертвоприношения Ифигении (Еврипидом, Корнелем, Гете, Гофмансталем), достаточно широко освещен в литературоведении [Voigt 1965; Sprengel 1984; Leppmann 1996; Santini 1998; Tempel 2010]. Действительно, Гауптман, намеренно избирая столь знакомый сюжет, вступает в общий литературный контекст с теми художниками слова, которые в своих творениях повествовали о несчастной дочери Агамемнона. Однако думается, что поиск точек пересечения и взаимоотталкивания немецкого драматурга с его собратьями по перу при всей несомненной важности решения данного вопроса не проясняет в полной мере тот путь самопонимания, на который он вступает в зрелые годы.

Дело в том, что Гауптман стремится расширить ту концепцию в отношении деяния Ифигении, которая сложилась лично у него в первой драме. Немецкий писатель, интерферируя с собственной концепцией, в то же время ее модернизирует. Для Гауптмана не может полностью сохранять значение тот тройственный принцип богини Гекаты, как в ее земной триаде (Деметра – Персефона – Геката), так и в лунной (Артемиды – Геката – Персефона), который представлен им в качестве благого первоначала в драме «Ифигения в Дельфах»¹. Анализируя свой ранний текст, Гауптман сохраняет прежнюю мысль – слияние и контакт с Гекатой предполагают для индивида новое рождение, обретение им иного бытия, приватный вход в другую экзистенцию. Однако позиция Гауптмана меняется, благодаря глубокому процес-

су самопонимания зарождается новая поэтическая идея – в процессе работы над второй драмой о роде Атридов Гауптман начинает осознать некую внутреннюю замкнутость, заложенную, с его точки зрения, в саму основу этого тройственного принципа. В нем, полагает немецкий драматург, очень незначительно или отсутствует вовсе то глобальное творческое начало, которое способно вызывать в душе субъекта радость и муку, восторг и боль, страдание и наслаждение. Таковым для Гауптмана является Эрос. Поэтому Гауптман наполняет тройственное первоначало богини Гекаты архетипическим трехуровневым принципом Эроса: детской игривостью, юношеской силой, зрелой мудростью. Они, сросшиеся воедино в душе индивида, помогают ему обрести то бессмертие, мысли о котором всегда довели в сознании немецкого художника слова и наиболее усиливаются в его поздние годы.

Гауптман, размышляя о неизбежности смерти, подчеркивает, что она «заставляет отклониться от богатств жизни, хотя и смерть – две категории времени, только одна зримая, а другая невидимая» [Hauptmann 1980: 97]. Однако, с точки зрения писателя, «тот, кто хочет жить дальше, должен претерпеть смерть, тогда границы мира раздвигаются, тайна бытия охватывает человека» [Hauptmann 1980: 40]. Гауптман убежден в существовании «другой действительности, которая нигде и никем не зафиксирована» [Hauptmann 1980: 233], но именно это убеждение позволяет ему прийти к мысли, что «есть противовес тому, что умирает» [Hauptmann 1980: 278].

Как видно, интенция писателя направлена на осмысления понятий Эроса и Танатоса, вернее Антитанатоса. Очевидность общего контекста с теорией З. Фрейда, который пытался «разрешить загадку жизни посредством принятия этих борющихся между собой испокон веков влечений» [Фрейд], позволяет при этом вести речь о несколько иной установке Гауптмана. Фрейд, размышляя об Эросе и Танатосе, объединяет их посредством ключевого слова «влечение» – влечение к жизни и влечение к смерти, полагая при этом, что «принцип удовольствия находится в подчинении у влечения к смерти», поскольку «цель жизни и есть смерть» [Фрейд]. Между тем Г. Маркузе совершенно прав, утверждая, что в концепции Фрейда доминирует именно Эрос, он является «инстинктом, который поддерживает жизнь» [Маркузе]. Действительно, австрийский психоаналитик в целом рассуждает именно о бытии, проблемы небытия и некоего иного существования находятся вне поля его зрения. По Фрейду, индивид бессознательно стремится как к Эросу, так и к Танатосу, однако подобное стремление овладевает личностью именно во время и в процессе его существования. За его грань Фрейд в целом не заглядывает.

Однако эта грань чрезвычайно волнует Гауптмана. Показательно, что он входит с Фрейдом в общее текстовое поле – для объяснения природы Эроса обращается к трактату Платона «Пир», но избирает для осмысления другой пример. Фрейда интересуют рассуждения об Эросе героя Аристофана, говорящего о влечении каждого человека к своей второй половинке, которые «не хотят ни на минуту отойти друг от друга и остаются неразлучными на всю жизнь» [Платон: 322]. Что касается Гауптмана, то для него важны мысли об Эросе, высказанные героем Федром. Он подчеркивал древнейшую природу бога Эрота, рожденного из Хаоса вместе с Геей, ссылаясь при этом на «Теогонию» Гесиода: «Прежде был Хаос, а потом широкогрудая Гея, всех безопасное лоно, и Эрот» [Платон: 306]. Вот тот пункт, который позволяет выявить мировоззренческую позицию Гауптмана, увидеть ее специфику в контексте с размышлениями писателя о бессмертии.

Платон для Гауптмана знаковый автор. Немецкий писатель выделяет его из всех греческих философов, восхищается им, «диалоги Платона пронесены в глубине души, как буря и ураган» [Hauptmann 1980: 458]. Для Гауптмана чрезвычайно важна мысль о древнейшем происхождении бога любви, высказанная Федром – героем диалога Платона «Пир». Эта мысль сопрягается в сознании драматурга с концепцией Я. Беме, произведение которого «Mysterium Magnum» непрестанно перечитывает Гауптман во время работы над драмой об Ифигении. Немецкий писатель чувствует внутреннюю потребность постоянно обновлять свои впечатления от книги Беме, утверждая заново в своей мысли о «божественном откровении, которое окружает человека» [Behl: 141]. Подобное откровение есть, считает Гауптман, «одушевление и одухотворение. Таков и Эрос, без которого нет движения, нет творения» [Behl: 142]. Следует отметить, что Беме не говорит непосредственно об Эросе, но понимает Mysterium Magnum как Хаос, проистекающий из Вечности и являющийся причиной Огня, который есть пламенеющая Любовь [Беме]. Именно данное положение Беме переосмысливает Гауптман. Он подразумевает под пламенеющей Любовью именно Эроса, одухотворенного Вечностью и рожденного Хаосом. В результате концепция Беме в сознании Гауптмана тесно смыкается с размышлениями героя Платона о хтоническом происхождении Эроса. Это дает писателю возможность увидеть тесную связь богини Гекаты с Эросом, воспринять их вместе как источник первоначальности и «хтонической мудрости, который раскрывается из души самой земли» [Hauptmann 1908: 152]. Новое рождение индивида, его переход в иное бытие становится возможным, когда личность, понимая и принимая законы и веления Гекаты, осознает в себе силу Эро-

са. Гармоническое сочетание в душе субъекта Эроса и Гекаты как двух древнейших хтонических сил приводит к тому бессмертию, в которое столь хочется верить Гауптману.

Именно об этом идет речь в драме Гауптмана «Ифигения в Авлиде». В литературоведении изначально возник вопрос: почему Ифигения добровольно принимает смерть на алтаре? Ответы в целом даются на основании трактовки темы искупления и жертвенности: героиня желает спасти род Атридов от проклятия [Santini: 23], мечтает о будущем процветании Эллады [Leppmann: 25], она является жертвой бездушного мира [Нипа], Ифигения позволила темным силам завладеть собой, поэтому ее смерть неизбежна [Холмогорова: 153]. Подобные предположения кажутся весьма сомнительными потому, что они ориентированы на внешнюю канву известного мифологического сюжета, который Гауптман кладет в основу своей драмы – Агамемнон должен возвести свою дочь на алтарь смерти, она принимает свою участь. Думается, ответ следует искать на большей глубине, за пределами его формального содержания. Анализ авторской стратегии, связанной с глубоким внутренним процессом самопонимания, позволяет пересмотреть устоявшиеся в литературоведении трактовки.

Следует иметь в виду, что Гауптман еще в ранний период творчества подчеркивал свое резко отрицательное отношение к самой идее жертвенности, особо указав в драме «Бедный Генрих» („Der arme Heinrich“, 1902) на ее ненужность и, главное, бессмысленность. Желание девушки Оттегебе пожертвовать своей жизнью ради избавления от проказы рыцаря Генриха не спасает, а, напротив, наносит ему моральный урон, приводит к нравственной деградации. В поздней драме «Ифигения в Авлиде» в полной мере сохраняется убеждение немецкого художника слова о недопустимости подобного подвижничества. Такое убеждение кажется ему явным и устойчивым, не требующим дальнейшего осмысления. Писательские ориентиры и мировоззренческие критерии Гауптмана полностью сформированы, следовательно, они не могут наполнить внутренним смыслом поздний текст писателя. В связи с этим представляется более верной точка зрения Т. Шарыпиной, которая, хотя и подчеркивает интерес писателя к проблемам возмездия и искупления, считает, что мир и род Атридов, запятнавших себя кровавыми деяниями, спасти невозможно [Шарыпина].

Думается, что решение вопроса о добровольной смерти Ифигении на алтаре связано со спецификой сознания героини, что под пером писателя поэтически воплощается посредством «знаковых процессов модерна – прорыв в мир бессознательного, интерес к глубинным («ночным») пластам человеческой психики» [Аствацатуров: 7]. Таковыми и являются по-

степенное постижение Ифигенией хтонической силы Гекаты и Эроса, сопоставление и одновременное противопоставление их силе Танатоса. Можно говорить о нескольких этапах подобного постижения.

На первом из них Ифигения показана Гауптманом как радостная девушка, сердце которой открыто для любви, радости и счастья. Она боготворит отца, в восторге от встречи с ним, он представляется героине властелином мира, исполненным любви („der voll Liebe ist“) [Hauptmann 1962: 282]. Бытие ее лучезарно и светло, девушке кажется, что ничто не может омрачить ее ликующую душу: обожаемый отец рядом, вскоре она сочетается браком с Ахиллом, которого пылко и страстно любит. Однако чем сильнее праздничное настроение Ифигении, тем мощнее становится ее отчаяние: отец отталкивает дочь, велит возвращаться назад, бракосочетание с Ахиллом не может состояться. Она чувствует, что почва уходит из-под ног („da mir der Boden nicht nur unterm Fuß versank“) [Hauptmann 1962: 285]. Мир, доселе столь прекрасный, неожиданно в один миг стал иным – страшным и жутким. Ифигения, пребывая на вершине счастья, погружается в бездну отчаяния, осознавая в этот момент, что прежняя жизнь не просто рухнула, а была иллюзией, все ее прошлое существование оказалось призрачным, обманчивым, фантомным. Не случайно она говорит, что не может прийти в себя, как ей советует Клитемнестра, поскольку отныне Ифигения не знает, кем была и кем будет („Ich weiß nicht, wer ich war noch bin“) [Hauptmann 1962: 285]. Отныне героиня утратила свое Я, в душе ее возникла экзистенциальная потребность обретения Я иного. Только светлой силы Эроса, его первого принципа – детской игривости, направленной как на чувство к отцу, так и на Ахилла, – оказывается недостаточно. Ифигении отныне важно понять силу и мощь Эроса вкупе с силой древней богини Гекаты.

Подобное понимание очень медленно приходит к девушке. На втором этапе она, будучи героиней модерна, должна прийти к ясности относительно себя иной, выработать в себе те понятия, которые ранее не волновали ее юную душу. Такой процесс, как показывает Гауптман, сложен и в высшей степени болезнен. Не случайно писатель, подчеркивая преобразования, вершащиеся в сознании героини, представляет их в качестве физического недомогания – Ифигения чувствует себя больной, ее пронзает ледяная дрожь, ее знобит, челюсти стучат, как на морозе („macht im Frost mir meine Kiefer klappern“) [Hauptmann 1962: 293]. Однако столь явные внешние симптомы являются и причиной, и следствием сильнейшего внутреннего нервного напряжения и потрясения. Недаром Ифигения говорит кормилице, что ощущает себя больной именно с тех пор, как увидела отца („Seit wir den Vater sahen, bin ich krank“) [Hauptmann 1962:

293]. Ифигения отзывается о себе как о сироте, считает, что стала грузом для всех дорогих ей людей, не знает, куда ей теперь идти („Wo soll ich hin? Ich war des Vaters Liebling, und die Mutter nahm liebevoll immer wieder mich ans liebevoll immer wieder mich ans Herz, und plötzlich ist's, als wär ich eine Waise und allen ringsum nur noch ein Last“) [Hauptmann 1962: 323].

Авторская мысль не высказывается прямо, а преподносится в виде поэтических образов, главным из которых становится сиротство (Verwaissung). Его ощущение заставляет Ифигению отгородиться от видимого мира, в котором, как она сама считает, ей нет больше места. Гауптман так организует текст, что становится ясно – иное Я героиня обретает, когда краски видимого мира поблекли для нее. Переживание сиротства способствует смене ракурса восприятия – окружающее бытие представляется фантомным, в свою очередь призрачный доселе мир принимает зримые очертания и материализуется перед взором Ифигении в виде диска Артемиды – Селены – Гекаты („Bis tief ins Mark durchdringen Eisesschale mir... auch meine Augen die Scheibe treffen, welche Artemis am nächtigen oder Morgenhimmel rollt“) [Hauptmann 1962: 293].

Ифигения предстает под пером Гауптмана как творец нового для нее мира. Он был и существовал ранее независимо от Ифигении, но именно сейчас воочию раскрылся перед ней, приобрел особый смысл. Подсознательно героиня понимает, что должна не только преодолеть свое сиротство, которое разрушило ее личность, но и обрести новый кров, благодаря которому произойдет восстановление ее индивидуальной значимости. Таким кровом стали для Ифигении чертоги богини Гекаты, что было подчеркнуто Гауптманом в первой драме – «Ифигения в Дельфах», в ней героиня уже личность состоявшаяся. Во второй драме – «Ифигения в Авлиде» – она только становится личностью. Такой путь становления связан, как показывает Гауптман, со сложным субъективным процессом, касающимся движения вперед – к чему-то новому, трудному, мучительному и болезненному. Движение вперед для Ифигении – это движение к Эросу, понятие которого в драме Гауптмана не просто применяется, а подвергается рассмотрению. Эрос, как показывает писатель, связан и с разрывом Я, и с новым его открытием. Эрос – это, писал Гауптман, «вечный процесс постижения себя самого, когда человек находится в состоянии нервного срыва, жуткой душевной боли, приходит к внутреннему конфликту» [Hauptmann 1978: 189]. Но одновременно Эрос – это и «раскрепощение человека, обретение им духовной свободы» [Hauptmann 1978: 280]. Поэтому все произведение Гауптмана может прочитываться как потеря Эроса, его поиск и попытка его открытия заново.

Такое открытие вершится путем постижения сущности Ахилла, который для Ифигении изна-

тельно принадлежал другому миру. Ахилл, полагает героиня драмы, смирился со смертью, отдал себя в ее власть, поэтому и стремится к битве („...wenn der todgeweihte Held dem Tod sich weihnt <...> Er strebt dem Schlachtgetümmel zu“) [Hauptmann 1962: 299]. Интересный нюанс состоит в том, что героиня начинает говорить об Ахилле и старается его понимать с того момента, когда она сама ощутила бытие хтонической Гекаты. Гауптман писал, что благодаря Эросу «мир поворачивается к человеку другим лицом» [Hauptmann 1976: 155], поскольку «стрелы Эроса создают другую действительность» [Hauptmann 1976: 202]. Эта действительность – мир ночи – пугает Ифигению, героиней овладевает ужас („Sie fährt in einem starken Schreck zusammen“) [Hauptmann 1962: 298]. Однако мир дня не менее страшен для нее, свет, который ее окружает, кажется Ифигении тусклым воздухом Гадеса („...was seit Tagen mich umgibt, ist selber im Lichte trübe Hadesluft“) [Hauptmann 1962: 322]. В окружающей привычной действительности нет Эроса, он потерян для Ифигении. Она раскрывает для себя иное бытие Эроса – в ночи, в хтонической темноте. Мир смерти является для Ифигении миром жизни, миром Эроса.

Именно поэтому Ифигения готова погибнуть на алтаре, такова ее собственная воля („Das aber ist mein eigener Wille nun!“) [Hauptmann 1962: 340], она хочет умереть за Элладу („Ich will für Hellas auf der Altar sterben!“) [Hauptmann 1962: 353]. Вся Эллада для Ифигении заключена в одном Ахилле, связана только с его именем, он сражается ради Эллады и падет в битве ради нее. Ифигения готова последовать за ним, эта истина теперь приоткрылась для нее. Она не знает, что ей дает ощущение подобной истины – смерть или воскресение, ей только ясно, что само это познание и есть устремленность к божеству („Solche Wahrheit heißt sterben oder auferstehn aus Menschenenge jauchzend in die Gottheit“) [Hauptmann 1962: 341]. Однако сама эта устремленность связывается для Ифигении с иной жизнью, с иным бытием, которое есть противовес смерти. Таково познание Ифигенией второго принципа Эроса – его юношеской силы, которая позволяет героине стремиться к смерти и в то же время стараться преодолеть ее.

Третий этап связан для Ифигении с попыткой признания зрелой мудрости Эроса. Это самый тяжелый этап, поскольку он, как показывает Гауптман, касается перехода Ифигении в другую действительность – в Ничто. Ничто – Ungrund – ключевое понятие Я. Беме, которое раскрывается в «Mystetium Magnum». По Беме, Ничто – это бог, покоящийся в темноте и рождающий Нечто. Ungrund – бездна, основание мироздания, оно не имеет измерений, стремится быть явленным и, следовательно, воплощает деятельное Начало, которое ни свет, ни тьма,

ни добро, ни зло – Ничто! [Беме]. Гауптман в поздний период непрестанно перечитывает «Mystetium Magnum» Беме и, отталкиваясь от него, создает свою концепцию Ничто. Оно становится у Гауптмана всеохватывающим понятием первобытности, ее великой мистерией [Hauptmann 1908: 148], которая, с точки зрения драматурга, и есть «нереальность реально-сти» (Unwirklich – wirklichen) [Hauptmann 1908: 125], «хтоническая мудрость» (Chthonischen Weisheit), являющаяся «первоисточником всего сущего, душой самой земли» [Hauptmann 1908: 152].

Гауптман, «поэтически воплощая в образе Ифигении концепцию Я. Беме» [Behl :135], особенно подчеркивает, что Ифигения, погружаясь в Ничто, заново рождается в Вечности, где она «ни ребенок, ни старуха, ни человек, ни бог» („Von nun an bin ich weder Kind noch Greis, noch Menschen noch Gott ein Nichts“) [Hauptmann 1962: 366]. Вступление в Ничто лишает личность тех качеств, показывает Гауптман, которые столь важны в сущностном бытии. Отказ от них сложен и мучителен, однако лишь осознание необходимости такого отказа позволяет личности вступить за пределы, границу видимого и невидимого, зримого и незримого, за грань жизни и смерти, иными словами, разрушить себя и восстановить себя, миновать Танатоса и обрести Эроса в хтонической темноте царства Гекаты.

Гауптман подробно рисует процесс перехода в Ничто. Ифигения, измученная душевными переживаниями, объявившая прилюдно о своей готовности взойти на жертвенный алтарь, продолжительное время находящаяся в состоянии нервного срыва, предстает в последнем действии как человек, практически полностью выключенный из жизни. Гауптман дает важную ремарку: «Ифигения кажется совершенно блуждающей в ночи» („Sie erscheint durchaus nachtwandlerisch“) [Hauptmann 1962: 362]. Характерно, что Гауптман, описывая состояние девушки, вводит не союз «как» (als), что могло бы показаться более логичным, а употребляет наречие «совершенно, вполне» (durchaus). Это чрезвычайно существенно – Ифигения не «как будто» блуждает в ночи, а погружена во тьму на самом деле, полностью захвачена ею. Показательно, что Гауптман использует прилагательное „nachtwandlerisch“ – лунатический, а не существительное „Nachtwandler“ – лунатик. Столь родственные слова, теснейшим образом связанные со словом „Nacht“ – ночь, представляются в драме Гауптмана если и не противоположными, то в достаточной мере отдаленными друг от друга. Странствия лунатика в ночи носят временный характер, тогда как лунатическое блуждание – показатель глубочайшего погружения в ночь, такого, какое выходит за пределы обычного сна. Под пером Гауптмана возникает понятие ночи как состоя-

ния души, того, которым объята сейчас его героиня. Ее движения крайне медленны, руки вытянуты вперед („Sie ist sehr langsam mit vorgestreckten Händen geschritten“) [Hauptmann 1962: 362]. Становится понятно, что она плохо ориентируется в окружающем пространстве, пространстве дня, из которого уже вытолкнута, изъята. Все речи и действия Ифигении проистекают из ночной сферы („Alles, was sie tut und sagt, geschieht im Traum“) [Hauptmann 1962: 362], сферы сна, куда отныне устремляется ее сознание.

Ифигения предстает в драме Гауптмана в качестве сомнамбулы, о чем драматург размышляет в поздние годы, перечитывая заново книги Р. Хух. Ее трактовка сомнамбулизма как «высочайшей ступени духовного развития, когда познание приобретает небывалую глубину и пророческую значимость» [Huch: 108], чрезвычайно близка Гауптману. Он наделяет героиню своей поздней драмы не только способностями предвидения будущего, но и возможностью достаточно ясно и логично оценивать ситуацию в целом.

Такое понимание приходит к Ифигении. Не случайно она смотрит на Ахилла с позиции вечности („Ich schaue dir mit ewigen Blicke nach“) [Hauptmann 1962: 363] и видит огонь, сияющий вокруг возлюбленного („O heiliger Feuerglanz, der um dich strahlt“) [Hauptmann 1962: 363]. Она сама сходным образом в темноте склепа окутана спасительным огнем („Die Gruft ist finster, doch im heiligen Feuer“) [Hauptmann 1962: 365], о чем, выпрямляясь, царственно говорит („Sie reckt sich auf, königlich“) [Hauptmann 1962: 365]. Mysterium Magnum Я. Беме как жизнь Огня, который есть пламенеющая Любовь, становится под пером Гауптмана мистерией Эроса, порожденного хтонической тьмой и пылающего в ней.

Такая огненная тьма и есть, по Гауптману, новое рождение индивида, новое обретение своего Я. Ифигения одерживает победу над собой прежней, победу над пространством земного мира, отчасти победу над своим страхом перед окончательным переходом в незримое бытие. В него Ифигению увлекают три женщины – жрицы Гекаты, окутывая ее в танце большим черным платком. Трансформация тройственного принципа Гекаты (жизнь – рождение – смерть), принятая Гауптманом в драме «Ифигения в Дельфах» (рождение – смерть – рождение), получает материальное воплощение во второй драме – «Ифигения в Авлиде» – в виде трех жриц, уносящих героиню в хтоническую тьму, в которой пылает огонь Эроса.

Итак, стремление Гауптмана к самопониманию проявляется в первую очередь в непрестанном обновлении мировоззренческой позиции, поэтически репрезентированной ранее в его собственных текстах. Драматург, осознавая свои художественные творения как некое историческое прошлое, становится интерпретатором себя самого. Выступая для себя

собственным читателем, ставя себя в рефлексивное отношение к личной поэтической традиции, Гауптман в поздние годы вступает на тот путь самоисследования, благодаря которому происходит не только интерференция с личной концепцией, но и ее одновременная модернизация.

В драме «Ифигения в Авлиде» расширение понятийного горизонта писателя происходит за счет придания деяниям героини, о которой он повествовал в «Ифигении в Дельфах», нового содержания. Гауптман во втором произведении добавляет к тройственному принципу Гекаты (рождение – смерть – рождение), представленному им в первом тексте, тройственный принцип Эроса (игривость – мощь – зрелость). Постигание индивидом двух хтонических основ в качестве благого первоначала, одухотворенных Вечностью и рожденных Хаосом, сопряжение их в душе выводят на ту дорогу бессмертия, мысли о котором бытуют в сознании пожилого писателя.

Примечания

¹ Склизкова А.П. Диалог Г. Гауптмана с античностью. Поздняя драма «Ифигения в Дельфах» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 3. С. 145–154. <https://doi.org/17072/2073-6681-2023-3-145-154>

Список литературы

Аствацатуров А.Г. Герменевтическая прелюдия // Человек эпохи модерна в немецкоязычной культуре: сб. ст. Москва: Директ Медиа, 2020. С. 14–57.

Беме Я. *Mysterium Magnum*. URL: <https://archive.org/details/mysteriummagnum0001bohml> (дата обращения: 23.01.2022).

Вольский А.Л. Homo aestheticus и проблема гениальной личности // Человек эпохи модерна в немецкоязычной культуре: сб. ст. Москва: Директ Медиа, 2020. С. 180–229.

Жеребин А.И. От Виланда до Кафки. Санкт-Петербург: Изд-во им. Новикова, 2012. 475 с.

Каминский Ю.В. Литература и литературоведение в антропологическом аспекте // Человек эпохи модерна в немецкоязычной культуре: сб. ст. Москва: Директ Медиа, 2020. С. 472–480.

Кемпер Д. Гете и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна. Москва: Языки славянской культуры, 2009. 384 с.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/frankfurtskaja_shkola/markuze-eros-tsvivilizatsiya-frejda (дата обращения: 09.03.2023).

Нуня Т.С. Античный цикл драм Герхарта Гауптмана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: МПГУ, 2001. 16 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000331105/ (дата обращения: 13.12.2022).

Платон. Диалоги // Пир. Санкт-Петербург: Азбука – классика, 2008. С. 297–361.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. URL: <https://puzyrevv.ru/sites/default/files/3.Фрейд%20По%20ту%20сторону%20принципа%20удовольствия.pdf> (дата обращения: 09.08.2023).

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/habermasfilosof_diskurs_o_monerne-2003-81.pdf (дата обращения: 16.02.2022).

Холмогорова И. Г. Гауптман. Драма заката. Москва: ГИТИС, 2012. 224 с.

Шарыпина Т.А. Драматургия позднего Г. Гауптмана и новый взгляд на немецкую литературу XX века. Н. Новгород: НГУ, 2010. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-germaniya/sharypina-dramaturgiya-pozdnego-gauptmana.htm> (дата обращения: 11.11.2022).

Aretz Susana. Der Opferung der Iphigenia in Aulis. URL: <https://www.perlego.com/book/725482/die-opferung-der-iphigenia-in-aulis-pdf> (access date: 11.12.2022).

Bachmaier H. Paradigma Moderne. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publischen Company, 1990, 278 p.

Behl C.F.W. Wege zu G. Hauptmann Coslar – zwiesprache mit G. Hauptmann. München, 1949, 427 S.

Hauptmann G. Abenteuer meiner Jugend. Berlin und Weimer, Fischer Verlag, 1980, 901 S.

Hauptmann G. Das Buch der Leidenschaft. Berlin, Fischer Verlag, 1976, 450 S.

Hauptmann G. Griechische Frühling. Berlin, Fischer, 1908, 226 S.

Hauptmann G. Iphigenie in Aulis. Ausgewählte Werke in acht Bänden. Berlin, Aufbau-Verlag, 1962, B. IV, S. 273-373.

Huch R. Ausbreitung und Verfall der Romantik. Leipzig, H. Haessel, 1902, 324 S.

Kemper D. Moderneforschung als literaturwissenschaftliche Methode. Germanistische Jahrbuch GUS „Das Wort“. Hrsg. Von M. Vollstedt im Auftrag des DAAD. Moscow, 2003, pp. 161-202.

Leppmann W.G. Hauptmann. Leben, Werk und Zeit. Bern, Scherz Verlag, 1996, 415 S.

Santini D.G. Hauptmann zwischen Moderne und Tradition: neue Perspektiven zur Atriden – Tetralogie. Berlin, Erich Schmidt, 1998, 173 S.

Sprengel P. Die Wirklichkeit der Mythen. Untersuchungen zum Werk G. Hauptmann. Berlin, S. Steineke, 1984, 230 S.

Tempel B. Ein Versuch über G. Hauptmanns künstlerisches Selbstverständnis. Dresden, Thelem, 2010, 284 S.

Vietta S. Ästhetik der Moderne. München, Wilhelm Fink Verlag, 2001, 329 S.

Vietta S. Die literarische Moderne. Stuttgart, Metzler, 1992, 361 S.

Voigt F. Hauptmann und die Antike. Berlin, E. Schmidt, 1965, 291 S.

References

Astvazaturov A.G. *Germeņevtičeskaja Preljyudiya* [Hermeneutical prelude]. *Chelovek epokhi moderna: germeņevtika sub'ekta v nemezkoyazyčnoj kulture XVIII–XX vekov* [A man of the Modern era in German-speaking culture]. Moscow, Berlin, Direkt – Media Publ., 2020, pp. 14–36. (In Russ.)

Bome Ya. *Mysterium Magnum*. URL: <https://archive.org/details/mysteriummagnum0001bohml> (access date: 23.01.2022) (In Russ.)

Frejd S. *Po tu storonu prinzipa udovol'stviya* [Beyond the pleasure principle]. URL: <https://puzyrev-a-v.ru/sites/default/files/3.Фрейд%20По%20ту%20сторону%20принципа%20удовольствия.pdf> (access date: 09.08.2023) (In Russ.).

Kaminskij Yu.B. *Literatura i literaturovedenie v antropologičeskom aspekte* [Literature and literary studies in the anthropological aspect]. *Chelovek epokhi moderna: germeņevtika sub'ekta v nemezkoyazyčnoj kulture XVIII–XX vekov* [A man of the Modern era in German-speaking culture]. Moscow, Berlin, Direkt – Media Publ., 2020, pp. 472–480. (In Russ.).

Kemper D. *Hjote i problema individual'nosti v kulture epokhi modernna* [Goethe and the problem of individuality in the culture of the Modern era]. Moscow, Yasyki slavyanskoi kulturey Publ., 2009, 384 p. (In Russ.).

Khabermas Yu. *Philosophskij diskurs o moderne* [Philosophical discourse on Modernity]. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/habermas-filosof_diskurs_o_moderne-2003-8l.pdf (access date: 16.02.2022). (In Russ.).

Kholmogorova I. *G. Hauptmann. Drama zakata* [Hauptmann. Sunset Drama]. Moscow, Gitis Publ., 2012, 221 p. (In Russ.).

Markuse H. *Eros i zivilizacija* [Eros and Civilization]. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/frankfurtskaja_shkola/markuze-eros-tsvivilizatsiya-frejda (access date: 09.03.2023) (In Russ.).

Nipa T.S. *Antichnyj zikl dram G. Hauptmana*: diss. kand. filol. nauk [The Ancient drama Cycle by Gerhart Hauptmann: PhD thesis]. Moscow, 2001, 16 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000331105/ (access date: 13.12.2022) (In Russ.).

Platon. *Gialogi* [Dialogues]. Pir. Sankt-Peterburg, Isdatel'skij Dom. Asbuka – klassika Publ., 2008, pp. 297–361 (In Russ.).

Sharypina T.A. *Dramaturgiya pozdnego G. Hauptmana i novyj vzgljad na nemezkuyu literaturu XX veka* [The Dramaturgy of the late G. Hauptmann and a new look at the German literature of the XX century]. N. Novgorod, 2010. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/ar>

ticles-germaniya/sharypina-dramaturgiya-pozdnego-gauptmana.htm (access date: 11.11.2011). (In Russ.).

Vol'ckij A.L. *Homo aestheticus i problema genial'noj lichnosti* [Homo aestheticus and the problem of the genius personality]. *Chelovek epokhi moderna: germeņevtika sub'ekta v nemezkoyazyčnoj kulture XVIII–XX vekov* [A man of the Modern era in German-speaking culture]. Moscow, Berlin, Direkt – Media Publ., 2020, pp. 180–229. (In Russ.).

Zherebin A.I. *Ot Vilanda do Kaphki* [From Wieland to Kafka]. St. Petersburg, Isd-vo Novikova Publ., 2012, 475 p. (In Russ.).

Aretz Susana. *Der Opferung der Iphigenia in Aulis*. URL: <https://www.perlego.com/book/725482/die-opferung-der-iphigenia-in-aulis-pdf> (access date: 11.12.2022).

Bachmaier H. *Paradigma Moderne*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publischen Company, 1990, 278 p.

Behl C.F.W. *Wege zu G. Hauptmann Coslar – zwiesprache mit G. Hauptmann*. München, 1949, 427 S.

Hauptmann G. *Abenteuer meiner Jugend*. Berlin und Weimer, Fischer Verlag, 1980, 901 S.

Hauptmann G. *Das Buch der Leidenschaft*. Berlin, Fischer Verlag, 1976, 450 S.

Hauptmann G. *Griechische Frühling*. Berlin, Fischer, 1908, 226 S.

Hauptmann G. *Iphigenie in Aulis*. Ausgewählte Werke in acht Bänden. Berlin, Aufbau-Verlag, 1962, B. IV, S. 273–373.

Huch R. *Ausbreitung und Verfall der Romantik*. Leipzig, H. Haessel, 1902, 324 S.

Kemper D. *Moderneforschung als literaturwissenschaftliche Methode*. Germanistische Jahrbuch GUS „Das Wort“. Hrsg. Von M. Vollstedt im Auftrag des DAAD. Moscow, 2003, pp. 161–202.

Leppmann W.G. *Hauptmann. Leben, Werk und Zeit*. Bern, Scherz Verlag, 1996, 415 S.

Santini D.G. *Hauptmann zwischen Moderne und Tradition: neue Perspektiven zur Atriden – Tetralogie*. Berlin, Erich Schmidt, 1998, 173 S.

Sprengel P. *Die Wirklichkeit der Mythen*. Untersuchungen zum Werk G. Hauptmann. Berlin, S. Steinecke, 1984, 230 S.

Tempel B. *Ein Versuch über G. Hauptmanns künstlerisches Selbstverständnis*. Dresden, Thelem, 2010, 284 S.

Vietta S. *Ästhetik der Moderne*. München, Wilhelm Fink Verlag, 2001, 329 S.

Vietta S. *Die literarische Moderne*. Stuttgart, Metzler, 1992, 361 S.

Voigt F. *Hauptmann und die Antike*. Berlin, E. Schmidt, 1965, 291 S.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 89–99. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 89–99. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09“19”

EDN GQUVJD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-89-99>

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ОБРИ БЕРДСЛИ В РОМАНЕ УИНДЕМА ЛЬЮИСА “THE APES OF GOD”

Новокрещенных Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, ira-tabunkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0877-4823>

Аннотация. Статья посвящена исследованию восприятия Уиндемом Льюисом графического и литературного творчества Обри Бердсли с помощью эстетико-поэтологического и историко-литературного анализа материала с привлечением биографического метода. Сопоставление романов Бердсли «Под Холмом» и Льюиса «Господни обезьяны» связано с опытом графического творчества авторов, с их интересом к католицизму, с пародией и гротеском. Анализ прямых ссылок на Бердсли в контексте «застольных бесед» и афоризмов Уайльда, Бердсли и Уистлера показывает, что Льюис не абсолютно отрицает опыт 1890-х годов, а, напротив, уделяет им много внимания в виде реминисценций, следуя эстетике объективности. Если эпоха 1890-х гг. охарактеризована в романе Льюиса с помощью пищевых метафор, то картины современности созданы с помощью батальной, военной лексики. Вымышленных героев XX в. Льюис характеризует через художников девяностых годов XIX в. (Бердсли, Уайльд, Уистлер, Леверсон). Если Уайльд и Уистлер осознаются Льюисом в художественном мире романа через Пьеропойнта, Загреуса и Осмунда, то имя Обри Бердсли больше связано с образом Сиб. Героиня романа (прототип – Ада Леверсон) создана через характеристики, напоминающие рисунки Бердсли, в которых сочетаются массы черного и белого и которые связаны с традицией «Галантных праздников».

Ключевые слова: английская литература, модернизм, рецепция, Уиндем Льюис, Обри Бердсли, Оскар Уайльд, Джеймс Уистлер, Ада Леверсон.

Для цитирования: Новокрещенных И.А. Рецепция творчества Обри Бердсли в романе Уиндема Льюиса «The Apes of God» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 89–99. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-89-99>

Research Article

RECEPTION OF AUBREY BEARDSLEY'S WORK IN THE NOVEL “THE APES OF GOD” BY WYNDHAM LEWIS

Irina A. Novokreshchennykh, Candidate of Philological Sciences, Perm State University, Perm, Russia, ira-tabunkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0877-4823>

Abstract. The article is devoted to the study of Wyndham Lewis's perception of Aubrey Beardsley's graphic and literary works. We apply an aesthetic-poetological method and historical-literary method and biographical method. The comparison of Beardsley's novels «Under the Hill» and Lewis's «The Apes of God» is associated with the experience of graphic creativity of the authors, with their interest in Catholicism, with parody and the grotesque. An analysis of direct references to Beardsley in the context of “table talk” and aphorisms of Wilde, Beardsley and Whistler shows that Lewis does not completely deny the experience of the 1890s. Rather Lewis pays a lot of attention to them in the form of reminiscences, following the aesthetics of objectivity. If the era of 1890s is characterized in Lewis's novel with the help of food metaphors, then the pictures of modernity are created with the help of battle, military vocabulary. Lewis characterizes fictional heroes of the 20th century through the artists of the nineties of the 19th century – Beardsley, Wilde, Whistler, Levenson. If Wilde and Whistler are recognized by Lewis in the artistic world of the novel through Pierpoint, Zagreus and Osmund, then the name of Aubrey Beardsley is more associated with the image of Sib. The heroine of the novel (whose prototype is Ada Levenson) is created through characteristics reminiscent of Beardsley's drawings, which combine masses of black and white and which are associated with the tradition of the «Fetes Galantes».

Keywords: English literature, modernism, reception, Wyndham Lewis, Aubrey Beardsley, Oscar Wilde, James Whistler, Ada Levenson

For citation: Novokreshchennykh I. A. Reception of Aubrey Beardsley's work in the novel “The Apes of God” by Wyndham Lewis. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 89–99 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-89-99>

Введение. Модернисты осознавали себя и свою роль в культуре «в отталкивании от романтической поэзии и реалистической прозы XIX века» [Английская литература: 4]. Но «отталкивание» происходит и от яркого и насыщенного историческими и культурными катаклизмами рубежа XIX–XX вв., от «мощных... художественных открытий в искусстве Франции, Германии, Англии и других европейских стран» [Лейдерман: 622]. Американский писатель Ф.С. Фицджеральд в романе «Великий Гэтсби» (“The Great Gatsby”, 1925) обнаруживает параллель «века джаза» со стилем модерн [Бочкарева: 78–83]. Английский писатель и художник Перси Уиндем Льюис (Percy Wyndham Lewis, 1882–1957) в романе «Господни обезьяны» (“The Apes of God”) упоминает имя Обри Винсента Бердсли (Aubrey Vincent Beardsley, 1872–1898), эстета, денди, создателя стиля модерн в графике, оставившего и литературное наследие. В романе Льюис создает «карикатурные портреты видных деятелей литературы двадцатых годов», замыслив гротескную «панораму современной цивилизации» [Кабанова 1999: 22–23]. Роман перерабатывался с 1923 г. [Humphreys: 54], выходил частями с 1924 г., был закончен и опубликован в 1930 г. [Жуматова: 106].

Творчество Льюиса стало прецедентом для развернувшихся в первой трети XX в. эстетических дискуссий [Humphreys: 44–60]. Их положения он обсуждал во множестве критических работ о живописи и теории искусства, выступая «полюемистом большой силы и кратковременных озарений» (“polemicist of great force and intermittent insight”) [Hewitt: 197]. Льюис чутко относился к футуризму, сюрреализму, дадаизму, примитивизму, и т. д., стал создателем движения вортицизм. Художественная практика Льюиса в изобразительном искусстве способствовала размышлениям о нем в литературных произведениях. Роман «Тарр» (“Tarr”, 1912–1914, опублик. в 1918) – это автобиографический роман, в котором «концепция искусства Тарра оспаривается самим ходом событий романа»: расхождением между действиями и словами художника Сорберта Тарра, которому «не удается добиться баланса между искусством и жизнью» [Туляков 2015: 79]. В романе «Дикая плоть» (“The Wild Body”, 1927) герой Керр-Орр как личность, как истинный художник дистанцирован от остальных персонажей и представляет собой «неподвижный центр» в вихре-вортексе жизни [Жуматова: 68]. В произведениях Льюиса проблема искусства и жизни, художника и личности обсуждается на протяжении всего творческого пути.

Постановка вопроса и методология исследования. В зарубежном литературоведении творчество Льюиса изучается с 1950-х гг., в российском – с 1990-х гг. Poleмические высказывания Льюиса

«подготовили большие перемены в теории и практике английской критики» [Красавченко: 109]. Роман “The Apes of God” Льюиса темой лондонской литературно-художественной богемы близок роману О. Хаксли «Контрапункт» (“Point Counter Point”, 1928) [Кабанова 2003: 331]. В научных статьях и учебных пособиях название непереведенного на русский язык романа “The Apes of God” обозначают как «Господни обезьяны» [Кабанова 1999: 22; Кабанова 2003: 331], «Обезьяны Господни» [Туляков 2017а, Туляков 2017б], «Обезьяны Бога» [Туляков 2016: 250].

В диссертации С.С. Жуматовой представлен анализ романа в контексте художественного и критического творчества Льюиса с 1915 до 1940-х гг., когда художник осмыслил проблему двойственности человека и четкость границы между искусством и жизнью, искусством и чувственным восприятием, искусством и природой, художником и человеком. Истинный художник максимально обособлен от людей, удален от жизни, олицетворяет интеллект (в романе это Пьерпойнт). Тогда как большинство, масса людей связаны с жизнью, войной, плотской любовью (это артистическая богема, которая обезьянничает, подражает истинным художникам, Богу). По мнению исследователя, роман демонстрирует «модель идеального управления», когда Пьерпойнт воздействует на Горация Загрея, а тот на Дэна Болейна в стремлении найти и выявить «обезьян» [Жуматова: 98–119].

Роман «Господни обезьяны» исследовали как «сатирический» [Туляков 2016: 250–259], “satirical novel”, “ribald satire” [Miller: 4, 10], “massive satire” [Gasiorek: 39]. Метафору человека как животного, а мира как зверинца в этом романе отмечает И.В. Кабанова. Заглавие “The Apes of God” актуализирует символический образ обезьяны и «восприятие окружающего мира как обезьянника вообще», что показательно для английских романов, созданных между двух войн [Кабанова 1999: 24]. К романам Лоренса, Хаксли и Во исследователи добавляют произведения Честертона, Уэллса, Голсуорси, которые тоже осмысливают состояние западноевропейского общества первой половины XX в. через образ обезьяны [Васильева: 89–97].

В других работах исследуются разные аспекты романа «The Apes of God»: звуковая игра в создании героев и пространства [Lafferty], визуальность в описании персонажей [Туляков 2017а: 136–146], отсылки к кинематографу и поэтика кинематографа в романе [Туляков 2017б: 233–243]. Неоднократно отмечалось, что в романе «Господни обезьяны» представлена сатира на современников автора, семью Ситуэлл (Эдит, Осберт и Сашеверрел) и других персонажей культурной жизни 1920-х гг. и он может рассматриваться как «роман с ключом». Цель на-

шей статьи – проанализировать роман Льюиса «Господни обезьяны» в аспекте отражения в нем графического и литературного творчества Обри Бердсли. Для достижения этой цели сформулируем задачи: 1) сопоставить творчество Бердсли и Льюиса, в частности романы «Под Холмом» и «Господни обезьяны»; 2) проанализировать прямые ссылки на Бердсли в романе Льюиса и их контекст. Эстетико-поэтологический и историко-литературный анализ материала с привлечением биографического метода позволит показать восприятие Льюисом творчества Бердсли и английского эстетизма.

Пародия и гротеск: романы «Под Холмом» О. Бердсли и «Господни обезьяны» У. Льюиса. Как и Бердсли, Льюис был художником-графиком, который иллюстрировал и оформлял собственные литературные произведения. В отличие от Бердсли, Льюис писал и картины маслом, но предпочитал рисунок, выполненный на бумаге: «Вода сухим острым инструментом по бумаге, можно добиться большей чистоты линии, чем когда водишь влажным и более тупым инструментом по пигментированной поверхности, – отличия особенно характерны в ситуациях художественной импровизации», – писал Льюис в 1932 г. (цит. по: [Бирченов: 83]).

Гениальный молодой график, Бердсли в романе «Под Холмом» создает герметичный мир приключений героя, представленный в его воображении как серия картин-глав («...only painted...» [Beardsley: 118]). Льюис привнес в литературу свой «опыт живописца, для которого существует только объективный внешний – вещный – мир» [Кабанова 1999: 21], «прежде всего пространственное измерение творчества» [Кабанова 2003: 331].

И Льюис, и Бердсли гротескно пародировали в своих литературных и графических произведениях как самих себя, так и своих современников. Оба художника показывали свое отношение к католицизму и его проявлениям. «Под Холмом» начинается с посвящения «Высокопреосвященному и Достопочтенному Принцу Джулио Польдо Пеццоли Кардиналу Святой Римской Церкви Епископу при храме Св. Марии в Траставере Архиепископу Остии и Веллетри Нунцию Святого Престола в Никарагуа и Патагонии Отцу неимущих Реформатору церковной дисциплины Примеру Учености, Мудрости и Святой Жизни» [Бердсли: 37]. В романе «Господни обезьяны» философско-эстетическая программа Пьерпойнта называется энциклопедией – the Encyclical [Lewis: 113–130], тем самым сравниваясь с обращением Папы Римского.

В романе Бердсли «Под Холмом» центральными сценами-картинами являются туалет Венеры и представление, которое начинается с балета и завершается вакханалией (см.: [Бочкарева, Табункина: 136–155,

176–203]). В романе Льюиса – туалет леди Фредигонды Фоллетт и карнавальная великопостная вечеринка в доме Осмунда. Причесывание престарелой Фредигонды сравнивается с «венериными забавами на нелепой кровати под балдахин, любимой средним классом елизаветинской или викторианской эпохи» [Туляков 2017а: 141]: «...tossed in the sports of Venus in preposterous fourposters of the epoch of the middleclass Elizabeth, Victoria» [Lewis: 10]. Магия переодевания Горация Загреуса и Джулиуса Ратнера и их театральная подготовка к светской вечеринке, делающая героев нереальными, магическими персонажами (unreal personality), напоминает превращение рафинированного балета в дионисийское буйство, сопровождаемое разрыванием нарядов на дамах и кавалерах и гротескным поведением сатиров. У Льюиса маскарад завершается фантастическим и опасным представлением в доме Осмунда.

В романе Льюиса есть герой, не появляющийся в сюжете непосредственно, но о нем говорят другие персонажи, – это Пьерпойнт. Его идеологию озвучивает Гораций Загреус, находясь в гостях у писателя Лайонела Кейна и его супруги Изабель (гл. IX). Кейн указывает на факт идентичности слов Загреуса словам Пьерпойнта: «But what you have just said is word for word what Pierpoint said the last time you were both here together – and about Proust – it was about Proust, if you remember, that we were talking at the time» [Lewis: 258]. Сам Загреус представляет себя учеником Пьерпойнта, его «инструментом» [Lewis: 255, 258].

Вслед за Пьерпойнтом Загреус утверждает, что никто не вынес бы признания, что это он представлен в сатирическом персонаже, никто не объективен к самому себе. Реальность не должна конкурировать с вымыслом, это два разных мира, а не один: “What I really am trying to say is that none of us are able in fact, in the matter of quite naked truth, to support that magnifying glass, focussed upon us, any more than the best complexion could support such examination. <...> There should be two worlds, not one” [Lewis: 257–258]. Герои ведут спор об объективности, которая в литературе идет от Флобера – «научная», «объективная» художественная литература [Lewis: 259]. Мы имеем, с одной стороны, школу «беззастенчивой персональной литературы» (“a school of unabashed personal Fiction”), а с другой стороны, «универсальный культ имперсональности» (“universal cult of ‘impersonality’”). Маска имперсональности – это только движение к тому, чтобы быть отстраненным: “a mask of impersonality merely removes the obligation to be a little truly detached” [Lewis: 259].

Еще одним учеником Пьерпойнта представляется Чернорубашечник (Blackshirt), или Фашист (The Fashist). На вечеринке Осмунда он становится проводником Дэна (Dante-Young), как Вергилий для Дан-

те, несколько раз спасая, но потом оставляя его. В доме Осмунда Чернорубашечник представляет Старр-Смитом, известным управляющим делами Пьерпойнта: “Starr-Smith is Pierpoint's business-manager” [Lewis: 513]. В финале Чернорубашечник обличает Загреуса в том, что он такая же обезьяна, как те, против кого он выступает: “You are playing the same game Zagreus as the people whom he denounces – and whom you denounce” [Lewis: 594]. Чернорубашечник выступает «цензором от Пьерпойнта» (the pierpointean censor), который олицетворяет, «по авторскому замыслу, здравый смысл, выносит приговор самодовольным насмешникам» [Кабанова 1999: 25]. Но и сам Старр-Смит, особенно с временной дистанции, представляется нам зловещей фигурой.

Роман начинается сценой туалета леди Фредигонды Фоллет (Prologue), когда ее одевают и причесывают, а заканчивается ее предложением стать супругой Горация Загреуса (гл. XIII). Между этими событиями помещена история Дэна Болейна: по заданию Горация Загреуса он посещает дома и студии писателей и художников, которые называются «обезьянами», т. е. подражателями истинным творцам. В дневнике Дэн описывает этих героев-обезьян, в том числе Горация Загреуса: «an Ape of God (Paris Exhibition 1898 first class diploma) called Horatio Zagrust» [Lewis: 321].

Роман состоит из вступления и тринадцати глав, в которых говорится о передвижении Дэна по Лондону. Двенадцатая глава, занимающая половину объема романа, состоит из 23 частей и описывает вечеринку в доме Осмунда. Завершается роман главой, в которой герой, сначала замкнутый в мире обезьян, который представляет для него весь мир, как бы выпадает в реальный мир – врывается социальная действительность в виде факта забастовки. Кольцевую композицию образуют встречи леди Фредигонды Фоллет и Горация Загреуса в первой и последней главах романа. Повествование ведется от третьего лица. Повествователь становится субъектом восприятия так, что ему доступны для видения мельчайшие детали объекта, запахи, которые ощущают герои, и даже сами их ощущения. Точка зрения смещается внутрь персонажа, в том числе благодаря созданию ситуации раздвоения героя, когда, например, Дэн заполняет журнал-дневник и видит себя со стороны, оценивает свой почерк. Все это позволяет как бы опрокинуть внешний мир вовнутрь героя, создать художественный мир произведения XX в.

Прямые отсылки к Бердсли в романе Льюиса «Господни обезьяны». Предпоследняя XII глава «Lord Osmund's Lenten Party» посвящена вечеринке в доме лорда Осмунда Финниан Шоу (Lord Osmund Finnian Shaw), его брата Феба (Phoebus) и сестры Харриет (Harriet). Хозяева приветствуют сплетни и злословие о современниках. Имя Обри Бердсли,

наряду с именами Оскара Уайльда и Джеймса Уистлера, связано со сплетнями и упоминается в связи с характеристикой эпохи 1890-х гг. Образ этой эпохи создан через обращение к пище и ее приготовлению. Пищевые коды в литературе модернизма «уходят своими корнями в бездну архаики, “правремени”, к культовым основам зарождения европейской словесности и культуры, мифологеме “умирания-воскресения”» [Горбунова, Ушакова 2015: 103].

В доме Осмунда блюдами-сплетнями снабжает закутанная в вуаль дама, принадлежащая прошлому поколению: “This was a lady veiled and muffled, she sat upon his left-hand side <...> The lady belonged to a distant generation” [Lewis: 353]. Она как «старая кухарка» (“old cook”) готовит блюда на «хитрой старой кухне» (“cunning old cuisine”), приправляя их желтыми соусами «Порочные девяностые»: “She supplied him with tit-bits of Gossip arranged with his favourite sauces, the old yellow sauces of the Naughty Nineties” [Lewis: 353]. «Популярность» желтого цвета приходится на 1880–90-е и 1910-е годы, и именно эти периоды «связаны с Эстетическим движением, расцветом декаданса и появлением первых авангардных течений» [Вязова: 297]. Желтый цвет ассоциировался со скандалом, эксцентрикой, запретным (ср. у Шекспира: «...Все краски мира, кроме желтой...»). Книга под желтой обложкой, с которой был арестован Уайльд, прессой и общественным мнением оказалась связана с журналом «Желтая книга». Он был оформлен в ярко-желтую обложку с черными графическими изображениями. В действительности Уайльд нес под мышкой роман П. Луиса «Афродита», изданный тоже в желтой обложке [Raby: 64]. Инцидент нанес урон карьере Бердсли: из востребованного иллюстратора и редактора журнала он стал безработным [Bade: 65, 67].

Сплетни – это маленькие деликатесы, отрезанные от одного или другого, наиболее раздражающих знакомых. Гротеск очевиден в описании техники приготовления блюда через выворачивание объекта наизнанку. Блюдо готовится по рецептам из уст великих людей порочной, извращенной, умнейшей эпохи – Уайльдов, Бердслеев и Уистлеров: “This was really his old cook, who presented him with little delicacies cut off, first from one, then from another, of his more aggravating acquaintances or friends – done to a turn in her cunning old cuisine, flavoured with the recipes she had learnt in a former age from the lips of the great men of that wicked, perverse, most clever epoch – from Wildes, Beardslays and Whistlers” [Lewis: 353]. Последовательное перечисление конструкций first from one, then from another напоминает движение ножа при разделке продукта на куски.

Имя Бердсли упоминается в контексте и в центре среди имен Уайльда и Уистлера, которые во многом

определили своеобразие и художественную картину конца XIX – начала XX вв. Уайльд был только писателем, а Уистлер – только художником. Бердсли соединяет в себе и талант художника-графика, и опыт писателя, что было очень важно для Льюиса, который «был равно профессионален в живописи и литературе» [Кабанова 1999: 19].

В романе «Господни обезьяны» Уайльд, Бердсли и Уистлер становятся авторами рецептов, по которым готовят блюда сплетен, и анализируемый пассаж из романа сродни афористичному высказыванию. Афористичность мышления объединяет Уайльда, Уистлера и Бердсли. Они были остроумцы и пародисты: «Пристрастие к парадоксам и афоризмам во многом определило облик английского эстетизма 1890-х гг.» [Вязова: 68].

Наследуя традиции “Table Talk” У. Хэзлита, Бердсли создает тринадцать самостоятельных изречений о литературе, живописи, музыке, архитектуре, названных “Table Talk” («Застольные беседы») [Бочкарева, Табункина: 96–108]. У Бердсли афоризм «Impressionists» посвящен английскому импрессионизму и творчеству Уолтера Сиккерта: “How few of our young English impressionists knew the difference between a palette and a picture! However, I believe that Walter Sickert did – sly dog!” [In Black and White: 131]. Рисунки Сиккерта были опубликованы в журнале «Желтая книга» (второй выпуск за 1894 г.), есть и графические портреты Бердсли, а также выполненные на темном холсте [Оскар Уайльд...: 73]. Сиккерт сначала работал в студии Уистлера, потом уже состоявшимся художником возглавил в 1911 г. группу «Кэмден Таун», среди участников которой был Уиндем Льюис [Токарева: 26].

Афористичным стилем переписки знамениты Уайльд и Уистлер, а их взаимоотношения развивались в диапазоне от шуток и острот до колкостей и враждебности [Эллман: 162, 387]. Часть выступления Уистлера, известного как «Лекция мистера Уистлера в десять часов», была «посвящена издевательствам над Уайльдом» в аспектах реформирования одежды, приверженности к греческим образцам костюмов, взаимосвязи состояния общества и искусства и т. д. [Эллман: 309]. Остроумные замечания-ответы Уайльда Уистлеру содержатся в эстетических миниатюрах «На лекцию мистера Уистлера в десять часов» (“Mr. Whistler’s Ten O’Clock”) и «Отношение костюма к живописи. Черно-белый этюд о лекции м-ра Уистлера» (“The Relation of Dress to Art. A Note in Black and White on Mr. Whistler’s Lecture”), опубликованных в «Пэлл-Мэлл газетт» 21 и 28 февраля 1885 г. Уистлер представил свои эстетические и философские взгляды в полемичной форме в книге «Изящное искусство создавать себе врагов» (“The Gentle Art Of Making Enemies”, 1890).

Уайльда и Бердсли связал художественный проект иллюстрации пьесы «Саломея», публикация которой в переводе на французский язык сопровождалась «перепалкой» издателя Джона Лейна, Обри Бердсли, Альфреда Дугласа и самого Уайльда. Французский перевод, сделанный Дугласом, не понравился Бердсли, и он предложил сделать свой, а после выступил против указания Дугласа в соавторах с Уайльдом, который сильно отредактировал перевод пьесы [Эллман: 456–457]. В письмах Бердсли упоминает, что Уайльд и Дуглас «неприятные люди»: “Both of them are really very dreadful people” [The Letters...: 58]. Уайльд даже присваивает себе открытие художественного таланта Бердсли [Эллман: 351; Стерджис: 366].

В романе Льюиса имя Уайльда упоминается для создания образа Горация Загреуса, «великого шутника девяностых»: “The great practical-joker of the Nineties – Zagreus was that – that is enough! This man has laid violent hands too upon the hem of Oscar’s garment – Zagreus has done that – it is more than enough!” [Lewis: 506] Маскарадный костюм Загреуса (гл. XI) напоминает о припадках Уайльда к эксцентричным нарядам, которое иронически прокомментировал Уистлер. Известно его письмо с историко-литературным комментарием костюма, состоящего из подбитого мехом зеленого пальто и польской конфедератки, который Уайльд заказал для американского турне: «ОСКАР! Как ты смеешь? Что это за неподобающий карнавал <...> и чтобы я больше не видел, как ты устраиваешь на улице маскарад» (цит. по: [Эллман: 186]).

Льюис воспринимает Уайльда иронически-сниженно, подчеркнуто телесно и физиологично, делая акцент на неприглядных сторонах его жизни [Lewis: 172, 409, 506] и распространяя их на всю эпоху 1890-х. Уайльд назван «святым Оскаром» (Saint Oscar), а заглавие произведения “The Ballad Of Reading Gaol” (1898), созданного после двухлетнего заключения в каторжной тюрьме, исковеркано как “Sobs in Quad, or the Ballad of a Broken hearted Fairy” [Lewis: 498]. По Льюису, Уайльд является Господней обезьяной 1891 года – года, когда был напечатан «Портрет Дориана Грея» и написана «Саломея»: “a Nineties-culture, from that it must date, where this fatuous relic must have been a buck in the shadow of Oscar – oh an Ape-of-god of Ninety-one” [Lewis: 462].

Осмунд – живой двойник Уайльда для гостыи Сиб: “In the hanoverian Osmund Sib liked to think she saw, so she said, the living double of the blank fat mug of Oscar – and was not that legendary wit reincarnated in the brilliant Osmund? It was or the Sib was very much mistaken!” [Lewis: 497]. Представление персонажей построено на афористичном сравнении Осмунда, который выглядит, как ганноверская лошадь, и Оскара

с его «пустой толстой рожей». Затем сравнение подается в перевернутом ключе, синтаксически обозначенное знаком тире, когда Уайльду приписывается легендарное остроумие, а Осмунд назван блистательным. Завершает эту характеристику восклицательное предложение, содержащее в себе утверждение и отрицание одновременно. В парадоксальном высказывании Льюис воссоздает афористичный стиль самого Уайльда и Леверсон, чтобы обозначить связь Сиб со временем 1890-х гг., показать ее представителем эпохи рубежа XIX–XX вв.

Живописец Джеймс МакНилл Уистлер (James Abbot McNeill Whistler, 1834–1903), тоже автор рецептов-сплетен в романе Льюиса. Бердсли оставил впечатления о его картинах в письмах, поэзии и на листах. В 1891 г. состоялось знаковое знакомство Бердсли с «Павлиньей комнатой», расписанной Уистлером в 1876–1877 гг. в доме мецената и коллекционера Ф. Лейленда, которая стала одним из «примеров синтетического подхода к художественному оформлению частного жилища» [Андреева: 49]. В этот же год под впечатлением полотна Уистлера «Гармония в сером и зеленом. Мисс Сесили Александер» (1873) Бердсли создает импрессионистичные строки “The lights are shining dimly round about...” (стихотворение опубликовано как “Lines Written in Uncertainty”) о пути лирического героя в темноте и сопротивлении стихиям как жизненным невзгодам [Бочкарева, Табункина: 67–69].

Результатом посещения «Павлиньей комнаты» стало накопление тем и мотивов, которые Бердсли «затем переработал в собственную версию японизма» [Кэллоуэй: 23]. На рисунке Бердсли «Посещение павлиньей комнаты Уистлера» узнаваем тонкий и изломанный силуэт юноши с копной прямых волос [Raby: 18]. Лист «Кульминация» (“The Climax”, 1893) к пьесе Уайльда «Саломея» демонстрировал то, что Бердсли оставил прерафаэлитизм позади и нашел новые художественные пристрастия в живописи Уистлера и японских гравюрах: “...this drawing announced very clearly that Beardsley had left Pre-Raphaelitism behind and found new artistic allegiance in Whistler and Japanese prints” [Bade: 37].

Черными чернилами и пером Бердсли на бумаге создает карикатуру на Уистлера (ок. 1893–1894, коллекция Розенвалд, Национальная галерея искусства, Вашингтон). Художник изображен с преувеличенно полным телом и тонкими ногами. Дряблая кожа подбородка переходит в остроконечный галстук. Крупный пушистый цветок в петлице контрастен острому указательному пальцу правой руки, вытянутому по направлению бабочки, ставшей монограммой Уистлера уже с момента персональной выставки в Лондоне в 1883 г. [Вязова: 304]. Подписью Уистлера в письме была бабочка [Эллман: 162], бабочка изо-

бражена и на листе Бердсли «Глаза Ирода» к «Саломее» Уайльда.

В художественном мире романа Льюиса «Господни обезьяны» Уистлер является образцом для Пьерпойнта, который был художником, но стал философом: “Pierpoint is a painter turned philosopher <...> He models himself upon Whistler” [Lewis: 129]. Нельзя сказать, что Льюис, называя именами Уайльда, Бердсли и Уистлера рецепты, по которым готовят соусы-сплетни, отрицает девяностые. Автор уделяет им много внимания, рассыпая по роману эти имена, вводя в мир романа большое количество реминисценций и цитат для того, чтобы следовать эстетике объективности, которая была заявлена творчеством Г. Флобера.

Если Уайльд и Уистлер осознаются Льюисом в художественном мире романа через Пьерпойнта, Загреуса и Осмунда, то имя Обри Бердсли связано с образом Сиб (Sib). Его прототипом стала Ада Леверсон (Ada Levenson, 1865–1936) [Rintoul: 605], писательница, любительница словесных острот, автор скетчей в юмористическом журнале «Панч», знакомая практически со всем кругом «британского fin de siècle», прозванная Оскаром Уайльдом «Сфинкс» [Матвеев: 260]. После Первой мировой войны компании Леверсон добивались многие, в том числе Осберт и Сашеверелл Ситуэллы, – они «видели в ней интригующую личность, оставшуюся в живых из выцветшего прошлого Желтых книг», – вспоминает внук Леверсон, писатель, редактор и журналист Френсис Уиндем (1924–2017). Она носила черную накидку, шляпы и платья, а также была глуха в конце жизни [Francis Wyndham]. Леверсон была связана творческими и дружескими связями с семьей Ситуэлл. Находясь в переписке с Осбертом и Эдит, она дает советы в области культуры и публикации творческих работ, представляет себя активным читателем и критиком модернизма и авангарда (“as an active reader and critic of modernism and the avant-garde”), отмечает эссе об искусстве Льюиса, опубликованные в его журнале “Туго” (1921–1922) [Mahoney: 39]. Леверсон была адресатом писем Бердсли, автором пародии на его роман [Табункина: 11–18], а также на его листы к Э. По, к «Желтой книге» и «Савою» [Стерджис: 259, 276, 307]. Обри Бердсли значился среди ее друзей [Матвеев: 259].

В романе «Господни обезьяны» образ Сиб создан через характеристики, напоминающие рисунки Бердсли, в которых сочетаются массы черного и белого. Сиб появляется на вечеринке среди гостей Осмунда. Сиб названа «царствующим питомцем» (“reigning pet”), «предсказателем из далекой страны Девяностых»: “his muffled aged soothsayer, come all the way from that far land of the Nineties” [Lewis: 354]. В образе Сиб значимы ее остроумие и черные викторианские накидки на плечах: “with her bright craft, in

her veiled voice»; «her black victorian wraps about her shoulders» [Lewis: 359]. Накидка помогает Льюису визуализировать героиню и создать ее образ с помощью интермедийных отсылок к графике Бердсли. На его листах к «Саломее» героини изображены в черных капотах или объемных платьях. О Сиб говорится как о «живом старинном произведении»: “living period-piece in crazy motion” [Lewis: 498].

На вечеринке Осмунда Сиб «хрипло и уныло промурлыкала»: “ ‘I have been looking round,’ husky and dull hurtled the Sib – communicating from afar off among the black Beardsley glades haunted by big inky vamps, and pirouetting amid the Fetes Galantes of the Naughty Nineties...” [Lewis: 361]. Обращаясь к Осмунду как бы из другого века, Сиб помещается в рисунки Бердсли – его черные поляны, прогалины, пятна. Бердсли изображал поляны, часто окаймленные деревьями и представляющие черное пятно, на листах с Пьеро и другими персонажами. Выражение “big inky vamps” создает образы роковых женских фигур, тоже выполненных на листах Бердсли в виде больших черных пятен на листах 1893–1894 гг.: «Экслибрис для Джона Лумсдена» 1893 г., листы к «Саломее» – «Павлинья юбка», «Черная накидка», «Глаза Ирода», «Туалет Саломеи», «Сидящая Саломея», «Иоанн креститель и Саломея», «Награда танцовщице», а также эскизы обложки альманаха «Желтая книга» 1894 г. [Оскар Уайльд: 100–121]. Именно черное пятно становится характерным для Бердсли. Первый биограф и друг Бердсли вспоминает: “Who has ever managed to suggest such colour in masses of black deftly composed?” [Ross: 55] Льюис в ранних (1899–1902) графических работах тоже пользовался линией и пятном. Однако он тяготел «к абстрактному сведению формы в линии и пятна», его рисунки отличались «геометризацией форм, сложными угловатыми построениями» [Токарева: 31].

Еще одно значение характеристике Сиб придает реминисценция к XVIII в. – “...and pirouetting amid the Fetes Galantes of the Naughty Nineties” – которая тоже связана с Бердсли и его интересом к XVIII в. и «Галантным празднествам». Воображению Бердсли был близок «мир элегантного отдыха» – «fêtes galantes, прогулки верхом, балы и фривольные сценки в будуарах», – созданный Фрагонаром, Ватто и другими художниками XVIII в., чьи книги из серии “Les Artistes Célèbres” с увлечением собирает Бердсли [Стерджис: 183]. В письме к английскому художнику, гравюру У. Ротенштейну Бердсли пишет, что нашел в Лондоне магазин, где можно за низкую цену приобрести «очень веселые современные гравюры Ватто»: “very jolly contemporary engravings from Watteau” [The Letters: 54].

Название «Fêtes galantes» носит стихотворный сборник 1869 г. французского поэта-символиста

Поля Верлена, с которым Бердсли встречался в ноябре 1893 г., когда Верлен прибыл в Лондон для чтения лекций. В письме к Р. Россу Бердсли называет его «a dear old thing» [The Letters: 58]. Интерес к Верлену проявился и позже, когда в 1897 г. Бердсли пишет французскому библиофилу Октаву Узанну, что будет рад увидеть копию «La bonne chanson» («Добрая песнь») Верлена [The Letters...: 327]. В романе Льюиса Сиб «делает пируэты» (pirouetting) среди «галантных праздников» шальных 90-х. Слово *pirouetting* французского происхождения: фр. *pirouette* – термин классического танца, обозначает поворот, оборот. Вращения и обороты Сиб сходны с движением карандаша или пера при графическом изображении и развитием творческой техники Бердсли. От периода пятна и линии 1893–1894 гг. (это листы к «Желтой книге» и «Саломее») он идет к увлечению французским искусством, представлению эстетизированной природы с фонтанами, павильонами – это листы к журналу «The Savoy», задуманному во время пребывания Бердсли во Франции [Fletcher: 110], и к роману «Под Холмом, или История Венеры и Тангейзера». Льюис использует техническую и образную стороны творчества Бердсли. Например, Мелани называет Дэна черной лилией “poor wild black lily” [Lewis: 106]. Это очевидная реминисценция к иллюстрациям к «Саломее» Уайльда.

Если эпоха 1890-х гг. охарактеризована в романе Льюиса с помощью пищевых метафор, то диалоги на вечеринке Осмунда созданы с помощью батальной, военной лексики. Смена словаря может быть связана с военным опытом Льюиса, а также с показом отрыва рубежа XIX–XX вв. от послевоенного времени. Для Сиб командный оклик Осмунда был как удар в живот. Она тяжело задышала в ответ, вздрогнула, могла только пошевелить губами: «Sib panted back as she violently started. She was able only to talk with her lips, Sib had no breath and answered with a pant, as if struck in the stomach with the word of command. It was behindhand – the pant got to her lips too late for its words. Inaudible almost» [Lewis: 497]. Голос Харриет Финниан Шоу был как выстрел в море пушечным ядром, которое выбило воздух из тела Сиб, и ее голос превратился в писк: «...like the sound of a gun at sea, the counter-tenor boom of Harriet. The Sib squeaked hoarsely. Harriet's cannon-ball had hit her in the midriff – it knocked, in one big gutta-percha squeeze, all the breath out of Sib's body, in a thick squeak» [Lewis 1932: 497]. Роман «Господни обезьяны» начинается с общего пролога “DEATH – THE – DRUMMER” («Смерть – барабанщик»), а первая подглавка пролога “OH DEAR MABEL!” – это отсылка к переписке ветеранов Первой мировой войны из США [Streeter]. Фредигонда названа «ветераном» сплетен (“veteran gossip-star” [Lewis: 7, 10]). Темой смерти начинается и заканчивается роман.

Выводы. Сопоставление романа Уиндема Льюиса «Господни обезьяны» с произведением Обри Бердсли «Под Холмом» связано с опытом графического творчества авторов, интересом к католичеству, сексуальности, с пародией и гротеском. Льюис создает образы героев двадцатых годов XX в. через девяностые годы XIX в. Прямая ссылка на Обри Бердсли связана с пищевым кодом, за которым скрываются знаки времени девяностых годов XIX в. – сплетни и афоризмы. Эпоха двадцатых годов XX в. создана с помощью батальной, военной лексики.

Уайльд, Бердсли и Уистлер представлены через ассоциации с блюдами-сплетнями под соусами желтых девяностых. Образ Уайльда в романе подан как гротескный и сатирический, образ Уистлера связан с героем Пьерпойнтом, который не появляется в романе, а его идеологию выражают ученики Кейн, Загреус, Старр-Смит. Если Уайльд – только писатель, Уистлер – только художник, то Бердсли соединяет в себе оба таланта. Важность образа Бердсли для Льюиса подчеркивает внимание к его графической технике линии и пятна и сюжетам «Галантных праздников». Через прямую реминисценцию к Бердсли создан образ Сиб, прототип которой – Ада Леверсон – создавала пародии на произведения Бердсли. Интерес Льюиса к периоду эстетизма и декаданса в двадцатые годы XX столетия, который был ярким взрывом в викторианской Англии, может быть объяснен настроением самого Льюиса, творческую манеру которого характеризуют как резкую, конфликтную и непримиримую, а роман «Господни обезьяны» выступает пародией на декаданс и модернизм.

Список литературы

- Андреева Г.* Уистлер и Россия // Третьяковская галерея. 2006. № 4. С. 39–51.
- Английская литература от XIX века к XX, от XX к XIX: Проблема взаимодействия литературных эпох / отв. ред. А.П. Саруханян, М.И. Свердлов. Москва: ИМЛИ РАН, 2009. 568 с.
- Бирченок Т.* Уиндем Льюис. Портреты друзей и недругов // Третьяковская галерея. 2008. № 3 (20). С. 82–87.
- Бочкарева Н.С.* Fin de siècle и “век джаза”: интермедийные параллели (графический лист «Похороны Саломеи» О. Бердсли и сон Ника Каррауэя в романе «Великий Гэтсби» Ф.С. Фицджеральда) // Мировая литература в контексте культуры. 2017. Вып. 6 (12). С. 78–83.
- Бочкарева Н.С., Табункина И.А.* Художественный синтез в литературном наследии Обри Бердсли: монография / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 254 с.
- Васильева Е.В.* Концепт «обезьяна» в английской литературе XX века (на материале произведений Г. Честертона, Дж. Голсуорси, Г. Уэллса, О. Хаксли) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 1. С. 89–97. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-1-89-97>
- Вязова Е.* Гипноз англomании: Англия и «английское» в русской культуре рубежа XIX–XX веков. Москва: НЛЮ, 2009. 576 с.
- Горбунова Н.В., Ушакова О.М.* Специфика пищевых кодов в викторианском и модернистском романе (Дж. Элиот, Д.Г. Лоуренс) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 4 (32). С. 98–109.
- Жуматова С.С.* Концепция личности в творчестве П.У. Льюиса: от художника к человеку: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 201 с.
- Кабанова И.В.* Английский роман тридцатых годов XX века. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 99 с.
- Кабанова И.В.* Английская литература 1930-х годов // Зарубежная литература XX века: учеб. пособие / под ред. В.М. Толмачёва. Москва: Академия, 2003. С. 319–336.
- Красавченко Т.Н.* Английская литературная критика XX века. Москва: ИНИОН, 1994. 282 с.
- Лейдерман Н.Л.* Теория жанра / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. 900 с.
- Матвеев М.* Ада Леверсон. Полное собрание пародий на Оскара Уайльда // Иностранная литература. 2017. № 8. С. 258–272.
- Оскар Уайльд. Обри Бердслей. Взгляд из России: каталог. Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2014. 146 с.
- Стерджис М.* Обри Бердслей: биография / пер. с англ. К. Савельева. Москва: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2014. 432 с.
- Табункина И.А.* «Литература повторяется»: стилизация рококо в пастисье Ады Леверсон на романы Чарльза Диккенса и Обри Бердсли // Формы выражения кризисного сознания в литературе и культуре рубежа веков: коллективная монография / под общ. ред. Н.С. Бочкаревой. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2011. С. 11–18.
- Токарева М.С.* Стэнли Спенсер. Модернизм по-английски: быть или не быть. Москва: БуксМАрт, 2016. 272 с.
- Туляков Д.С.* Визуальность литературного текста: описания персонажей в романе У. Льюиса «Обезьяны господни» // Новый филологический вестник. 2017а. № 1 (40). С. 136–146.
- Туляков Д.С.* Оппозиция к кинематографу в романе Уиндема Льюиса «Обезьяны Господни» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017б. Т. 19, № 1 (160). С. 233–243. <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.1.019>
- Туляков Д.С.* Метафора в характеристике персонажей сатиры У. Льюиса // Мировая литература в контексте культуры. 2016. Вып. 5 (11). С. 250–259.

Туляков Д.С. «Философия зрения» и поэтика поверхности в романе У. Льюиса «Тарр» // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2015. № 4. С. 76–82.

Элман Р. Оскар Уайльд: биография / пер. с англ. Л. Мотылева. Москва: Независимая газета, 2000. 688 с. (Сер.: Литературные биографии).

Bade P. Aubrey Beardsley. N. Y., Parkstone Press Ltd, 2001, 96 p.

Beardsley A. Under the Hill. Wilde O., Beardsley A. Salome. Under the Hill. L., Creation Books, 1996, pp. 65-123.

Fletcher I. Aubrey Beardsley. Boston, Twayne Publishers, 1987, 206 p.

Francis Wyndham writes about his grandmother, Ada Levenson. London Review of books, 1982, vol. 4, No. 4, August. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v04/n14/francis-wyndham/francis-wyndham-writes-about-his-grandmother-ada-levenson> (access date: 21.04.2023).

Hewitt D. English Fiction of the Early Modern Period 1890-1940. N. Y., Longman Inc., 1988, XII, 276 p.

Humphreys R. Lewis as Visual Artist. The Cambridge Companion to Wyndham Lewis, ed. by T. Miller. Cambridge University Press, 2016, pp. 44-60.

In Black and White. The Literary Remains of Aubrey Beardsley. Including “Under the Hill”, “The Ballad of a Barber”, “The Free Musicians”, “Table Talk” and Other Writings in Prose and Verse, ed. by S. Calloway and D. Colvin. L., Cypher, MIIM, 1998, 201 p.

Lafferty D. 'Idiot Waves': Animal Communication in Wyndham Lewis's The Apes of God. The 2004 Congress of the Humanities and Social Sciences. ACCUTE Conference. Winnipeg, Manitoba, 2004, May 30. URL: https://www.academia.edu/5890345/_Idiot_Waves_Animal_Communication_in_Wyndham_Lewis_The_Apes_of_God (access date: 28.04.2022).

Lewis W. The Apes of God. New York, R.M. McBride, 1932, 641 p.

Mahoney K. Dainty Malice. Ada Levenson and Post-Victorian Decadent Feminism. Decadence in the Age of Modernism, ed. by K. Hext, A. Murray. Johns Hopkins University, Johns Hopkins University Press, 2019, pp. 27-46.

Raby P. Aubrey Beardsley and the Nineties. L., London Houser, Great Eastern Wharf Parkgate Road, 1998, 117 p.

Rintoul M.C. Dictionary of Real People and Places in Fiction. Routledge, 2014, 1194 p.

Ross R. Aubrey Beardsley, rev. iconography by Arthur Vallance. L.; N. Y., Lane, The Bodley Head, 1909, 112 p.

Streeter E. Dere Mable-love letters of a rookie. 27TH (N. Y.) DIVISION. With 35 illustrations in black-and-white by G. William Breck (“Bill Breck”). N. Y., F.A. Stokes Company; Paris, Librairie Larousse, 1918.

The Letters of Aubrey Beardsley, ed. by H. Maas. L., Rutherford, Fairleigh Dickinson University Press, 1970, 472 p.

References

Andreeva G. *Uistler i Rossiia* [Whistler and Russia]. *Tret'iakovskaia galereia* [The Tretyakov Gallery], 2006, No. 4, pp. 39-51. (In Russ.)

Angliiskaia literatura ot XIX veka k XX, ot XX k XIX: Problema vzaimodeistviia literaturnykh epokh [English literature from the 19th century to the 20th, from the 20th to the 19th: The problem of interaction between literary eras], ed. by A.P. Sarukhanian, M.I. Sverdlov. Moscow, IMLI RAN, 2009, 568 p. (In Russ.)

Birchenough T. *Uindem L'uis. Portrety družei i ne-drugov* [Portraits of Friends – and Foes]. *Tret'iakovskaia galereia* [The Tretyakov Gallery], 2008, No. 3 (20), pp. 82-87. (In Russ.)

Bochkareva N.S. *Fin de siecle i «vek dzhaza»: intermedial'nye paralleli (graficheskii list «Pokhorony Salomei» O. Berdli i son Nika Karraueia v romane «Velikii Getsbi» F.S. Fitsdžheral'da)* [Fin de siècle and “the jazz age”: intermedia parallels (A. Beardsley's ‘Tailpiece Salome’s’ funeral and Nick Carraway’s dream in ‘Great Gatsby’ by F.S. Fitzgerald)]. *Mirovaia literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2017, No. 6 (12), pp. 78-83. (In Russ.)

Bochkareva N.S., Tabunkina I.A. *Khudozhestvennyi sintez v literaturnom nasledii Obri Berdli* [Artistic synthesis in the literary heritage of Aubrey Beardsley]. Perm', Perm. gos. un-t Publ., 2010, 254 p. (In Russ.)

Ellman R. *Oskar Uail'd: biografia* [Oscar Wilde: biography], ed. by L. Motyleva. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 2000, 688 p.

Gorbunova N.V., Ushakova O.M. *Spetsifika pi-shchevykh kodov v viktorskom i modernistskom romane (Dzh. Eliot, D.G. Lourens)* [Food codes in victorian and modernist novels (George Eliot, D.H. Lawrence)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, No. 4 (32), pp. 98-109. (In Russ.)

Kabanova I.V. *Angliiskii roman tridtsatkh godov XX veka* [English novel of the thirties of the XX century]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta Publ., 1999, 99 p. (In Russ.)

Kabanova I.V. *Angliiskaia literatura 1930-kh godov* [English literature of the 1930s]. *Zarubezhnaia literatura XX veka* [Foreign literature of the 20th century], ed. by V.M. Tolmachev. Moscow, Akademiia Publ., 2003, pp. 319-336. (In Russ.)

Krasavchenko T.N. *Angliiskaia literaturnaia kritika XX veka* [English literary criticism of the 20th century]. Moscow, INION Publ., 1994, 282 p. (In Russ.)

Leiderman N.L. *Teoriia zhanra* [Theory of genre], Institut filologicheskikh issledovani i obrazovatel'nykh strategii «Slovesnik» UrO RAO. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, 2010, 900 p. (In Russ.)

Matveev M. *Ada Levenson. Polnoe sobranie parodii na Oskara Uail'da* [Ada Levenson. Complete collection

of parodies of Oscar Wilde]. *Inostrannaia literatura* [Foreign literature], 2017, No. 8, pp. 258-272. (In Russ.)

Oskar Uail'd. *Obri Berdslei. Vzgliad iz Rossii* [Oscar Wilde. Aubrey Beardsley. View from Russia]. Moscow, GMI im. A.S. Pushkina, 2014, 146 p. (In Russ.)

Sterdzhis M. *Obri Berdslei: biografiia* [Aubrey Beardsley: biography], transl. by K. Savel'ev. Moscow, KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2014, 432 p. (In Russ.)

Tabunkina I.A. «*Literatura povtoriaetsia*»: stilizatsiia rokoko v pastishe Ady Leverson na romany Charl'za Dikkensa i Obri Berdsli ['Literature repeats itself': pastiche stylization of Rococo by Ada Leverson on the novels of Charles Dickens and Aubrey Beardsley]. *Formy vyrazheniia krizisnogo soznaniia v literature i kul'ture rubezha vekov* [Forms of expression of crisis consciousness in literature and culture of the turn of the century], ed. by N.S. Bochkareva. Perm, Perm State University Publ., 2011, pp. 11-18. (In Russ.)

Tokareva M.S. *Stenli Spenser. Modernizm po-angliiski: byt' ili ne byt'* [Stanley Spencer. Modernism in English: to be or not to be]. Moscow, BuksMArt Publ., 2016, 272 p. (In Russ.)

Tuliakov D.S. *Vizual'nost' literaturnogo teksta: opisaniiia personazhei v romane U. L'iuisa «Obez'iany gospodni»* [Visuality of a literary text: character descriptions in Wyndham Lewis's "The Apes of God"]. *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2017a, No. 1 (40), pp. 136-146. (In Russ.)

Tuliakov D.S. *Oppozitsiia k kinematografu v romane Uindema L'iuisa «Obez'iany Gospodni»* [Opposition to the cinema in Wyndham Lewis's 'The Apes of God']. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Ser. 2. Humanities and Arts], 2017b, vol. 19, No. 1 (160), pp. 233-243. <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.1.019>. (In Russ.)

Tuliakov D.S. *Metafora v kharakteristike personazhei satiry U. L'iuisa* [Metaphor in characterization in Wyndham Lewis's satire]. *Mirovaia literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2016, No. 5 (11), pp. 250-259. (In Russ.)

Tuliakov D.S. «*Filosofiiia zreniia*» i poetika poverkhnosti v romane U. L'iuisa «*Tarr*» ['Philosophy of vision' and the poetics of surface in W. Lewis's novel 'Tarr']. *Vestnik VGU. Ser.: Filologiiia. Zhurnalistska* [Vestnik VSU. Ser.: Philology. Journalism], 2015, No. 4, pp. 76-82. (In Russ.)

Vasil'eva E.V. *Kontsept «obez'iana» v angliiskoi literature XX veka (na materiale proizvedenii G. Ches-tertona, Dzh. Golsuorsi, G. Uellsa, O. Khaksl'i)*. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, No. 1, pp. 89-97. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-1-89-97> (In Russ.)

Viazova E. *Gipnoz anglomanii: Angliia i «angliiskoe» v russkoi kul'ture rubezha XIX-XX vekov* [Hypnosis of Anglomania: England and the "English" in Russian culture at the turn of the 19th-20th centuries]. Moscow, NLO Publ., 2009, 576 p. (In Russ.)

Zhumatova S.S. *Kontseptsiiia lichnosti v tvorchestve P.U. L'iuisa: ot khudozhnika k cheloveku*: dis. ... kand. filol. nauk [The concept of personality in the works of P.W. Lewis: from artist to man: Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005, 201 p. (In Russ.)

Bade P. Aubrey Beardsley. N. Y., Parkstone Press Ltd Publ., 2001, 96 p.

Beardsley A. Under the Hill. Wilde O., Beardsley A. Salome. Under the Hill. L., Creation Books Publ., 1996, pp. 65-123.

Fletcher I. Aubrey Beardsley. Boston, Twayne Publ., 1987, 206 p.

Francis Wyndham writes about his grandmother, Ada Leverson. London Review of books, 1982, vol. 4, No. 4, August. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v04/n14/francis-wyndham/francis-wyndham-writes-about-his-grandmother-ada-leverson> (access date: 21.04.2023).

Hewitt D. English Fiction of the Early Modern Period 1890-1940. N. Y., Longman Inc., 1988, XII, 276 p.

Humphreys R. Lewis as Visual Artist. The Cambridge Companion to Wyndham Lewis, ed. by T. Miller. Cambridge University Press Publ., 2016, pp. 44-60.

In Black and White. The Literary Remains of Aubrey Beardsley. Including "Under the Hill", "The Ballad of a Barber", "The Free Musicians", "Table Talk" and Other Writings in Prose and Verse, ed. by S. Calloway and D. Colvin. L., Cypher, MIIM Publ., 1998, 201 p.

Lafferty D. 'Idiot Waves': Animal Communication in Wyndham Lewis's The Apes of God. The 2004 Congress of the Humanities and Social Sciences. ACCUTE Conference. Winnipeg, Manitoba, 2004, May 30. URL: https://www.academia.edu/5890345/_Idiot_Waves_Animal_Communication_in_Wyndham_Lewis_The_Apes_of_God (access date: 28.04.2022).

Lewis W. The Apes of God. New York, R.M. McBride Publ., 1932, 641 p.

Mahoney K. Dainty Malice. Ada Leverson and Post-Victorian Decadent Feminism. Decadence in the Age of Modernism, ed. by K. Hext, A. Murray. Johns Hopkins University, Johns Hopkins University Press Publ., 2019, pp. 27-46.

Raby P. Aubrey Beardsley and the Nineties. L., London Houser, Great Eastern Wharf Parkgate Road Publ., 1998, 117 p.

Rintoul M.C. Dictionary of Real People and Places in Fiction. Routledge, 2014, 1194 p.

Ross R. Aubrey Beardsley, rev. iconography by Arthur Vallance. L.; N. Y., Lane, The Bodley Head Publ., 1909, 112 p.

Streeter E. Dere Mable-love letters of a rookie. 27TH (N. Y.) DIVISION. With 35 illustrations in black-

and-white by G. William Breck (“*Bill Breck*”). N. Y., F.A. Stokes Company Publ.; Paris, Librairie Larousse Publ., 1918.

The Letters of Aubrey Beardsley, ed. by H. Maas. L., Rutherford Publ., Fairleigh Dickinson University Press Publ., 1970, 472 p.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09

EDN JCTRL

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-100-106>

ПЕРВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ СОНЕТ И ЕГО ПАРОДИЙНАЯ СУЩНОСТЬ

Семенов Вадим Борисович, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, vadsemionov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2532-5381>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов о том, какой сонет оказался первым образцом национальной жанровой формы в английской поэзии, и о том, какие отношения связывают его текст с предшествующими традициями и конкретными памятниками. Материалом исследования явился фрагмент рыцарского романа Джона Метэма «Аморий и Клеопа». Актуальность исследования обусловлена малой изученностью этого текста. Анализируется форма графической организации выбранного фрагмента на фоне сопоставлений с разными способами организации классических итальянских сонетов, затем содержательные мотивы и цельный сюжет фрагмента соотносятся с содержанием книги Петрарки «О средствах против всякой Фортуны» и более подробно – с сюжетом ранней поэмы Чосера «Книга Герцогини». Отмечается общая бозианская тема Колеса Фортуны и оцениваются как движение сюжета у Чосера и Метэма, так и фигуры их жалующихся рыцарей, а также причины их страданий. В процессе анализа удается установить, что фрагмент романа, оформленный автором по образцу итальянских сонетов, но с оригинальной рифмовкой, которая станет известна как рифмовка английского сонета, проявляет пародийный характер по отношению к текстам Петрарки и Чосера.

Ключевые слова: Джон Метэм, «Аморий и Клеопа», рыцарский роман, Франческо Петрарка, Джеффри Чосер, английский сонет, схема рифмовки.

Для цитирования: Семенов В.Б. Первый английский сонет и его пародийная сущность // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 100–106. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-100-106>

Research Article

THE FIRST ENGLISH SONNET AND ITS PARODIC ESSENCE

Vadim B. Semyonov, Candidate of Philological Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, vadsemionov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2532-5381>

Abstract. The article is devoted to the consideration of questions about which sonnet was the first example of a national genre form in English poetry, and about the relationship between its text and previous traditions and specific monuments. The research material was a fragment of the chivalric romance “Amoryus and Cleopes” by John Metham. Topicality of the study is due to the lack of knowledge of this text. The form of graphic organisation of the selected fragment is analysed against the background of comparisons with various ways of setting up classical Italian sonnets, then the meaningful motifs and the integral plot of the fragment are correlated with the content of Francesco Petrararch’s book “De remediis utriusque fortunae” and in more detail with the plot of Geoffrey Chaucer’s early poem “The Book of the Duchess”. The general A.M. Severinus Boethius’s theme of the Wheel of Fortune is noted, and the movement of the plot in Chaucer and Metham and both figures of their complaining knights, as well as the causes of their suffering, are assessed. In the process of analysis, it is possible to establish that a fragment of the novel, designed by the author on the model of Italian sonnets, yet containing an original rhyme scheme, which will become known as the rhyme of an English sonnet, exhibits a parodic character in relation to the texts of Petrarch and Chaucer.

Keywords: John Metham, “Amoryus and Cleopes”, chivalric romance, Francesco Petrarch, Geoffrey Chaucer, English sonnet, rhyme scheme.

For citation: Semyonov V.B. The First English Sonnet and its Parodic Essence. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 100–106. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-100-106>

Кто был первым англичанином, написавшим сонет на родном языке? Бесспорный факт: в 1557 г. Ричард Тоттел издал первый том «Песен и сонетов» («*Songes and Sonettes*»), теперь этот сборник принято называть «*Tottel's Miscellany*»), в котором были представлены, среди стихотворений прочих форм, 27 сонетов Томаса Уайатта, 13 Генри Ховарда, 3 Николаса Гримальда и 9, принадлежащих прочим авторам. Впоследствии установилась традиция считать, что первооткрыватели национальной формы английского сонета – поэты первой половины XVI в. Уайатт и Ховард, граф Суррейский [Spiller: 14; Regan: 8]. Такая точка зрения, по-видимому, установилась после того, как во второй половине века Джордж Путтенхэм в «Искусстве английской поэзии» представил их впечатлившимися при посещении Италии сладостью местной поэтической речи и начавшими по возвращении писать под этим новым влиянием в манере, благодаря которой они оба «могут быть справедливо названы первыми реформаторами английской метрики и стиля» [Puttenham: 148].

В недавнее время М. Спиллер несколько прямолинейно указывал на Уайатта как на зачинателя перемен в заимствованном у итальянцев сонете: «В Британии не было сонетов до 1530 г., первым британским автором сонета оказался Томас Уайатт» [Spiller: 81]. Его логика такова: в Испанию, Францию и Англию сонет пришел в один и тот же период – в первой трети XVI в.; в это время в Испании первый образец сонета создает Хуан Боскан, а во Франции – Меллен де Сен-Желе, немногим позднее Клеман Маро. И Спиллер предположил, что «Уайатт, который, возможно, во время своих дипломатических миссий за границей встречался с Сен-Желе, Маро и Босканом, вероятно, начал писать сонеты после своего визита в Италию в 1527 г.» [Spiller: 82].

В чем же проявилось реформаторство Уайатта? Известно, что англичанин имитировал сонеты Петрарки, но в области содержания, а не в метрике. Уместно вспомнить, что изобретатель сонетной формы Якопо да Лентини начинал сонет с восьмистишия **abababab**, а стильновисты популяризовали начальную форму **abbaabba**, которая в дальнейшем будет ассоциироваться с «петрарковским» сонетом [Семенов 2005: 160]. Эта форма в качестве отдельного восьмистишия была известна как сицилийская строфа народных песен, именуемая *страмботто*, и предполагают, что Уайатт, в том числе и по причине приязни к страмботто, также использовал в начальных катренах своих сонетов последовательность **abba abba**, не отличающую его рифмовку от «петрарковской». Но заключительные шесть строк (*вольты*) он стал оформлять, не придерживаясь итальянских образцов, так что они стали напоминать не два терцета, а катрен+дистих: у него рифмовка *вольты*

хуухzzz встречается в двадцати семи сонетах, **хууххх** и **хуххуу** – единожды и, наконец, **хухуzzz** – трижды [Bullock: 733-734].

Для будущего национального сонета оказалась значима рифмовка **хухуzzz**, которую унаследовал Генри Ховард, в стихотворении «*Wyatt Resteth Here*» («Здесь покоится Уайатт») так оценивший труд старшего поэта, которого хорошо знал лично: «*A hand that taught what might be said in rhyme*» («Рука, учившая тому, как рифмовать»). Ховард довершил создание национальной формы, поскольку отменил обязательное повторение рифм во втором катрене относительно первого. И схема рифмовки в сонете Ховарда, то есть в английском сонете (или в «шекспировском», как его неоправданно называли по начало XX в. включительно), – **abab cdcd efef gg**, в то время как у Уайатта была схема **abba abba cdcd ee** [Spiller: 94]. Что же, следует ли считать именно Ховарда первым национальным поэтом, применявшим английскую форму сонета, а Уайатта – автором первых сонетов на английском языке, пусть по форме и полуитальянских?

Оказывается, и то, и другое можно попытаться оспорить. «Попытаться» – потому что сначала нужно условиться, что мы согласны считать сонетом: исключительно обособленное сочинение из четырнадцати строк? или также то, что на правах малой формы инкорпорировано в форму большую? Если последнее, то с уверенностью можно сказать, что первый английский сонет, каким он известен сегодня, появился в 1449 г., то есть *более чем за столетие* до выпуска «Сборника Тоттела», открывшего читателям стихи Уайатта и Ховарда.

Автором его явился Дж. Метэм, создатель рыцарского романа «Аморий и Клеопа» («*Amoryus and Cleopes*»). Это произведение выросло из посаженного в английскую почву овидиева семени – истории Пирама и Фисбы из Книги IV «Метаморфоз»: в романе присутствуют обе значимые сцены из сюжета классика (общение героев через стену и двойное самоубийство), но много и абсолютно нового фабульного материала, у Овидия отсутствовавшего. Например, такого: героя Амория и его отца пригласил на освящение храма Венеры отец Клеопы (в этом храме герой впервые увидит героиню и влюбится), они пускаются в путь, и вскоре после выезда из города им на пути попадается выходящий потерянным юный рыцарь. В сцене общения с ним (стихи 353–380) Аморий слушает жалобы на то, что унылый юноша разлучен со знатной дамой из окружения императрицы, а потом все путешествующие рыцари решают спеть песню, подходящую к сезону (майским календам). Все поют от лица некоего «я», оказавшегося в майском лесу и приметившего рыцаря, который горько жаловался богине любви на разлуку с любимой и пенял Форту-

не на потерю дамы (ст. 381–387). Тут перед глазами читателя романа возникает прямая речь этого песенного персонажа (ст. 388–401), форма которой легко опознается как *сонетная* (оригинальный текст цитируется по изданию [Metham 1999], редактор которого первым обратил внимание на сонетообразность фрагмента романа):

“O, Fortune! Alas! qwy arte thow to me onkend?
Qwy chongyddyst thow thi qwele causeles?
Qwy art thow myne enmye and noght my frend,
And I ever thi servant in al maner of lovlynes?”

A But nowe of my lyfe, my comfort, and my afauns
Thowe hast me beraft; that causyth me thus to compleyn.
O bryghter than Phebus! O lyly! O grownd of plesauns!
O rose of beauté! O most goodely, sumtyme my lady sovereyn!

But, O, allas! that thru summe enmye or sum suspycus conjecte,
I throwyn am asyde and owte of my ladiis grace.
Sumtyme in faver but now fro alle creaturys abjecte
As oftyn sqwownyng as I remembyr her bryght face.
But now, adwe for ever, for my ful felycyté
Is among thise grene levys for to be.”

В поэтическом переложении автора данной статьи сонет таков:

Фортуна, о, почто ко мне жестока так?
Почто нет милости в кружащем колесе?
Почто не друг ты, а всечасно лютый враг
Тому, кто твой слуга во всей своей красе?

Разрушив жизнь мою, покой и веру, ты
Стенаньям обрелка, чтоб я роптал, дрожа...
Светило! Лилия! О, роза красоты!
О, сад моих услад! О, сердца госпожа!

Но, ах, увы! Уж не благоволит моя,
Как прежде, дама, в том повинен клеветник.
Досель был в фаворе – теперь в опале я,
И ниц я падаю, лишь вспомню ясный лик.
И, сокрушен судьбой, отныне век я свой
Влачу под этою зеленою листвою.

Как видим, структура рифм **abab cdcd efefgg** однозначно позволяет интерпретировать эти четырнадцать строк как сонет, состоящий из двух катренов и шестистишной вольты. Здесь возможны два вопроса.

Первый: а существовали ли сонеты, состоявшие из двух катренов и шестистишия? Да, существовали, притом с момента зарождения сонета как формы. Уже у Якопо да Лентини четырнадцатистишия делились следующими четырьмя способами: 4+4+6, 8+3+3, 4+4+3+3, 8+6. По мнению М. Спиллера, это четко соответствовало строению строфы провансальской *кансоны*: *pes+pes+sirma*, *fronte+versus+versus*, *pes+pes+versus+versus* и *fronte+sirma*. Смена частей

строфы подчеркивалась у трубадуров изменением рисунка мелодии, можно сказать, каждая часть строфы имела свой мелодический узор. И если у трубадуров композиция строфы подчеркивалась мелодически, то у да Лентини строение сонета подчеркивал синтаксис [Spiller: 16]. И мы наблюдаем последовательность 4+4+6 в романном сонете у Джона Метэма.

Второй вопрос: не может ли быть оформление процитированных четырнадцати строк случайным совпадением с формой сонета? Х. Крэйг, первый публикатор Метэма, отмечал, что его роман состоит из 319 строф типа *rhyme royal*, то есть с рифмовкой **ababbcc** (другое название строфы – *Chaucerian stanza*, так как она изобретена Чосером и использована в «Троиле и Крессиде» и др. произведениях) [Metham 1916: VII, XIII]. Однако это не так. Хотя большинство строф – это, действительно, семистишия с «чосеровой» рифмовкой, в романе есть значительное число отступлений от нее, и эти отступления составляют почти четверть от общего числа строф: 48 семистиший с другими рифмовками, 12 шестистиший, 8 восьмистиший, 2 двестишия и один приведенный выше сонет из трех графически выделенных и начинающихся всякий раз с буквыцы малых строф. Замечено, что многие из этих отступлений возникают в значимых сюжетных эпизодах, в поворотные моменты и т. д., и они нередко маркируют какое-то важное речевое сообщение повествователя или персонажей [Семенов 2023: 405–406]. Сказанное можно распространить на процитированный сонет: во-первых, два катрена и шестистишие в сумме представляют *прямую речь* унылого персонажа песни, которого увидел её рассказчик. Поэтому четырнадцать стихов, организованных в три группы известных сонетных частей, не выглядят случайно принявшими на себя форму сонета.

А в чем сюжетная функция самой песни? Дело в том, что сонет-внутри-песни состоит из набивших оскомину штампов куртуазной поэзии и при этом пропагандирует уныние (требующее, разумеется, «утешение философией»). Унылый юноша попытался убедить Амория в том, насколько вредно влюбляться, насколько любовь обманчива. Но всё это происходит как раз перед тем, как Аморий доберется до места назначения, увидит Клеопу – и они счастливо влюбятся друг в друга с первого взгляда. Иными словами, сюжет Метэма явно перечеркивает унылое содержание майских любовных песен континентальных рыцарей. Попутно заметим, что точно так же Метэм поступает и с материалом Овидия: его Аморий и Клеопа зарезали себя, подобно Пираму и Фисбе, но автор немедленно повернул сюжет к счастливому финалу, введя в него святого отшельника, который смог молитвами оживить героев, крестил и провел их венчание. Так что сонет наполнен содержанием, остранным дальнейшим движением сюжета.

Стоит обратить внимание на пародийный в целом характер этого сонета. По нашему мнению, пародийный слой текста отсылает одновременно к творчеству Франческо Петрарки и Джеффри Чосера. Сразу скажем главное: Джон Метэм противопоставляет содержание своего сонета материалам латинской книги диалогов Петрарки «De Remediis Utriusque Fortunaе» («О средствах против всякой Фортуны», 1366) и первой самостоятельной поэмы Чосера «The Book of the Duchess» («Книга Герцогини», 1368).

Петрарка стал известен англичанам ещё в XIV в. Чосер в «Рассказе Монаха» из «Кентерберийских рассказов» (завершены ок. 1400 г.) упоминает его, называя «my maister Petrak» (ст. 2325). А в «Троиле и Крессиде» (сер. 1380-х гг.) оформляет в виде «Песни Троила» (кн. II, ст. 400–420) перевод сонета Петрарки «S' amor non è, che dunque è quel ch'io sento?» («Rime», CXXXII) [Fuller: 14]. Пусть, переводя, он тремя характерными для его творчества семистихиями **ababbcc** заместил сонетное четырнадцатистишие, сам факт важен: Чосер первым из английских литераторов переложил Петрарку. При этом текст Петрарки он переложил *ямбическим пентаметром*, и в дальнейшем этот размер был принят стандартом при переводе строк итальянского силлабического одиннадцатисложника [Rossiter: 113].

В Англии продолжали переводить Петрарку, в частности как латиноязычного автора, и в XV в. Перевод на среднеанглийский язык Пролога и Первой части его троекнижия диалогов «Secretum» («Сокровенное», 1342–1353) вошел в известную «Винчестерскую антологию», представленную в рукописи последней четверти XV в. *London, British Library, MS Add. 60577* [Wilson]. Но время создания рукописи – это не время перевода, он мог быть осуществлен в более ранний период. По крайней мере, точно известно, что Петрарку-латиниста переводили еще в начале века. Были переведены начальные десять диалогов Второй книги из упомянутого двоекнижия «De Remediis». Их сохранила рукопись *Cambridge, University Library, MS II.VI.39*. В анналах Кембриджской библиотеки присутствует следующая запись от 24 декабря 1440 г.: «Роберт Элн, “пастор” хора в Йорке и чиновник тамошнего церковного суда, в своем завещании от этого дня, помимо того, что завещал несколько книг кафедральному собору в Йорке и в других местах, добавляет: <...> *librum cum Francisco de Remedio Utriusque Fortunaе*» [Sayle: 19–20]. Речь идет о даре именно этой библиотеке. Продолжавшееся владение университета книгой подтверждала и запись в библиотечном «Каталоге» от 1473 г.

Вспомним, что Джон Метэм назвал себя «кембриджским ученым». Будучи поклонником Чосера, который охарактеризован в романе как «мастер

Чосер», рифмовавший «естественно» (ст. 2185–2192), Метэм не мог не знать о Петрарке (и, вероятно, о любви Чосера к творчеству итальянца) из его сочинений. А уж тот факт, что именно библиотека Кембриджа незадолго до создания молодым поэтом рыцарского романа получила в дар перевод части того труда Петрарки, основная тема которого, тема превратностей Фортуны, перекликается с основной темой «Книги Герцогини», упрочивает основание предположения о связи содержания романного сонета Метэма с Петраркой. Франц Дикстра писал о «De Remediis»: «Цель книги – направить человеческий разум в стремлении победить влияние Фортуны. Единственное средство – обратиться к философии, а именно к сочинениям выдающихся моралистов. Взяв за отправную точку “De Remediis Fortuitorum” Сенеки <...>, Петрарка замечает, что Аристотель и Сенека писали, что труднее противостоять Невгодам, чем Процветанию, но Петрарка с должной робостью отваживается выдвинуть собственную точку зрения, согласно которой благоприятную Фортуну перенести труднее, чем Фортуну неблагоприятную» [Diekstra: 15]. Кажется, что содержание сонета Метэма, включая бурные ламентации сонетного персонажа, входит в прямое противоречие с содержанием опуса Петрарки.

Однако не только названные переводы могли быть достоянием английских читателей середины XV в. В предшествующие десятилетия англичане активно знакомились с ренессансной культурой, путешествуя по Италии. В конце XIV в. путешествовал во Флоренцию монах-августинец Фома Английский для приобретения рукописей. Поэт Осберн Боукенхэм в начале XV в. несколько лет прожил в Венеции. В 1420-х гг. в Италию отправились учиться молодые оксфордianцы Уильям Грей, Джон Фри, Роберт Флемминг, Джон Ганторп, Джон Типтофт (граф Уорчестер). Ганторп, например, привез из поездки много книг для библиотеки Оксфорда [Einstein: 23]. В то же время молодой дворянин Рейнольд Чичли обучался в Ферраре, а потом посещал Италию в качестве посланника от Марии Анжуйской, королевы Англии, к Марии Арагонской (Марии д'Эсте), маркизе Феррарской. В середине столетия этот англичанин стал ректором Феррарского университета, и это не единственный случай в истории итальянских университетов XV в. Местные источники сохранили также сведения о священнике Эндрю Олсе, прибывшем в Италию в качестве королевского посланника к Папе: он побывал во Флоренции, где познакомился с виднейшими умами из окружения Медичи; многие местные рукописи он, будучи коллекционером, скопировал, другие приобрел, и их оказалось так много, что невозможно было переправить их в Англию, двигаясь по Европе посуху, так что был нанят корабль для их пере-

возки [Einstein: 16; Borghesi: 18-19]. Всё это говорит о том, что с начала XV столетия итальянское влияние на англичан стало систематическим. Следовательно, велика вероятность того, что о Петрарке не только как о мастере латинских диалогов, но и сонетисте узнали рано – и узнал более широкий круг лиц, чем принято полагать.

Трудно заключить, знал ли Петрарку-сонетиста Метэм, читал ли его сонеты. Но он определенно представлял себе точную структуру сонета, значит, знал какие-то итальянские образцы, принадлежащие перу Петрарки или любого другого поэта. Если посмотреть на то, как графически была представлена структура именно *петрарковского сонета* в рукописях, мы увидим, что это нечто, отличное от 4+4+6: или целиком 14, или 8+6, или (реже) 4+4+3+3. Так, рукопись *Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, MS Vaticanani Latini 3195* (третья четверть XIV в.) демонстрирует нам любой из сонетов поэта-лауреата как цельный, без деления на *pedi* и *volta*. А в рукописях Бодлианской библиотеки Оксфорда, относящихся к середине XV в., сонеты из «*Il Canzoniere*» Петрарки мы видим представленными в разных графических формах: в *MS. Canon. Ital. 62* – начало шестистишия-вольты выделено выступом, в *MS. Canon. Ital. 69* – вольта не выделена вообще или выделена знаком *capitulum* (“C” с помещенной внутрь буквы вертикальной чертой), в *MS. Canon. Ital. 70* – катрены и терцеты в каждом из сонетов выделены выступом начальной строки, в *MS. Digby 141* – все вольты сонетов выделены *capitulum*-ом и т. д. Таким образом, становится понятно, что Метэм если и держал в поле зрения Петрарку-сонетиста, то, очевидно, не как автора каких-то конкретных сонетов, которые он читал, а как мастера сонетной формы, о котором ему были известны чужие мнения, а уж с сонетной формой он был знаком по другим итальянским источникам. И, по-видимому, сама сонетная форма фрагмента текста его романа была лишь пародийным знаком, который у образованных читателей мог бы ассоциироваться с поэтическим наследием Петрарки, – со знаком, отправляющим через творчество Петрарки-сонетиста к творчеству Петрарки-латиниста.

Мы упоминали выше, что «*De Remediis*» перекликается с «*The Book of the Duchess*» Чосера. Точнее, оба произведения перекликаются с «Утешением философией» Боэция: в них равно присутствует образ Колеса Фортуны, возникающий в книге Второй боэцианского трактата. Но если Петрарка учит не считать дары и превратности Судьбы таковыми, превращая свои диалоги в риторические упражнения, цель которых – доказать противное очевидному, то Чосер, как кажется, своим сюжетом только фиксирует необоримую и губительную силу Фортуны. Та прервала жизнь возлюбленной «человека в черном», являю-

щегося центральным персонажем поэмы-видения, которого описывает и с которым общается повествователь. Мы видим в чосеровом сюжете наблюдателя-философа, который в период майских календ оказывается в волшебном выглядящем лесу, где под сенью одного из деревьев он встречает стенающего рыцаря, который уклоняется от назойливых расспросов повествователя о причине стенаний в сторону аллегорического рассказа о том, как Фортуна, с которой он сел играть в шахматы, внезапно забрала у него ферзя, и лишь в самом конце сознается, что потеря ферзя – это невозвратная смерть любимой.

Если держать во внимании сюжет «Книги Герцогини» и обратиться к сонету-внутри-песни в романе Метэма, заметна явная событийная перекличка с сочинением Чосера, выразившаяся в трагестийном снижении его сюжета. Рыцари в романе начинают петь песню от лица человека, который в период календ мая обнаружил в лесу юного рыцаря, стенающего о потере своей дамы. Но в этих стенаниях, почти воплях, столько экскламаций, что воспринимать их чем-нибудь отличным от пародии трудно. Юный рыцарь вопиет о даме с «*bryght face*» («светлым ликом»), о той, которая «*bryghter than Phebus*» («светлее Феба»), – это явная отсылка к той, кого Черный рыцарь у Чосера поминает как «*my lady bryght*» (ст. 477): «Книга Герцогини» – о смерти Бланки Ланкастерской, само имя которой интерпретируется сюжетом как «Белянка» (поэтому оказывается возможно построить аллгорию с белой фигурой ферзя, то есть с умершей светлой леди чёрного от тоски по ней рыцаря), у Метэма же «*bryght*» не столько доброта и невинность, сколько яркая внешность (отсюда и стереотипическое выражение «*bryghter than Phebus*», в некотором смысле опошляющее, приземляющее, лишшающее высокой патетики чосеров материал). Пародийность сонета усилена и причиной воплей: чосеров Черный рыцарь разлучен с дамой из-за смерти, а рыцарь, от лица которого произносится сонет (тот, в свою очередь, является проекцией образа унылого юноши, который прибил к Аморию и другим путешественникам непосредственно перед их песней), страдает из-за того, что оказался у дамы в опале по причине наветов со стороны клеветников. Причем рыцарь описывает отношения с дамой в терминах вассалтажа, в частности называя ее «*my lady sovereign*» (ст. 395). Такое обращение к «официальному» речевому регистру, конечно, служит снижению «трагизма» положения вопиющего. А упоминание о том, что исполнитель сонета «*oftyn sqwownyng*» («часто падает в обморок»), как только вспомнит «ясный лик», превращает его фигуру в шутовскую.

Последнее наше замечание касается того, почему допустимо учитывать строфы 4+4+6 внутри «Амория и Клеопы» как сонет. Ту же «Книгу Герцогини»

Чосер писал, срифмовывая двестишю. Но как только в его сюжете перед глазами повествователя появился Черный рыцарь, читавший стихотворение в жанре *complaynte* (так определяет песню рыцаря сам повествователь в ст. 487), в тексте поэмы возникло нарушение формы: для оформления стихотворной жалобы рыцаря автор вклинил в двестишю две особые строфы – одиннадцать стихов с рифмовкой **aabba ccdccd** [Benson: 970]. Если согласиться с тем, что содержание сонета-внутри-песни-в-романе Метэма является пародийным по отношению к содержанию поэмы его великого предшественника, то не стоит и удивляться тому, как Метэм выделил отдельный голос персонажа песни в своем сочинении в виде сонета, подобно тому как Чосер выделил начальный монолог своего персонажа, Черного рыцаря, в виде стихотворения с особенной рифмовкой, отличной от парных рифм текста самого Чосера.

Наш финальный вывод: так же как Метэм не удовлетворился трагическим исходом истории Пирама и Фисбы и создал перечеркивающую трагические развязки историю Амория и Клеопы, он не удовлетворился и безысходностью сюжета первой самостоятельной поэмы Чосера, а потому в своей первой стихотворной поэме в жанре рыцарского романа снизил трагизм пародийными средствами, сочинив сонет, форма которого отправляла к наследию Петрарки, прежде всего к тому трактату, в котором итальянский автор впал в иную крайность, пытаясь доказывать то, что приносимые Колесом Фортуны беды бедами не являются. Таким образом, Метэм попытался найти и с помощью пародирования утвердить некую срединную позицию по отношению к Фортуне. Побочным продуктом реализации этого стремления в романе «Аморий и Клеопа» неожиданно явился первый в истории английской поэзии сонет, притом с той оригинальной композицией рифм, которая отличается национальную форму сонета, так хорошо знакомую по творчеству поэтов следующей эпохи, от Уайатта и Ховарда до Шекспира и далее.

Список литературы

Семенов В.Б. Полижанровая структура поэмы Дж. Метэма «Аморий и Клеопа» (1449) и бестиарные мотивы в «энциклопедическом» эпизоде её сюжета // *Litera*. 2023. № 12. С. 403–416.

Семенов В.Б. Сонет // Чернец Л.В., Семенов В.Б., Скиба В.А. Школьный словарь литературоведческих терминов. Москва: Просвещение, 2005. С. 154–162.

Borghesi P. Petrarch and his Influence on English Literature. Bologna, Nicholas Zanichelli, 1906, 135 p.

Bullock W.L. The Genesis of the English Sonnet Form. PMLA, 1923, vol. 38, No. 4, pp. 729-744.

Chaucer G. The Riverside Chaucer, ed. by L.D. Benson, 3rd ed. Boston, Houghton Mifflin Co., 1987, 1327 p.

Diekstra F.N.M. A Dialogue Between Reason and Adversity: A Late Middle English Version of Petrarch's "De Remediis". Assen, 1968, 161 p.

Einstein L. The Italian Renaissance in England: Studies. New York, The Columbia University Press, 1902, 420 p.

Fuller J. The Sonnet. London & New York, Methuen & Co, 1972, 58 p.

Metham J. Amoryus and Cleopes, ed. by S.F. Page. Kalamazoo, Medieval Institute Publications, 1999, 142 p.

Metham J. The Works of John Metham, Including the Romance of Amoryus and Cleopes, ed. by H. Craig. London, The Early English Text Society, 1916, 184 p.

Puttenham G. The Art of English Poesy: A Critical Edition, ed. by Whigham, F.; Rebhorn W.A. Ithaca & London, Cornell University Press, 2011, 498 p.

Regan S. The Sonnet. Oxford, Oxford University Press, 2019, 448 p.

Rossiter W.T. Chaucer and Petrarch. Cambridge, D.S. Brewer, 2010, 235 p.

Sayle Ch. Annals of Cambridge University Library 1278-1900. Cambridge, University Library, 1916, 153 p.

Spiller M.R.G. The Development of the Sonnet: an Introduction. London & New York, Taylor and Francis & Routledge, 2004, 246 p.

Wilson E. A newly identified Middle English translation from Petrarch. Notes and Queries, 1980, vol. 27, No. 6, p. 500.

References

Semyonov V.B. *Polizhanrovaia struktura poemy Dzh. Metema «Amorii i Kleopa» (1449) i bestiarne motivy v «entsiklopedicheskom» epizode ee siuzheta* [Multi-genre structure of J. Metham's poem "Amoryus and Cleopes" (1449) and bestiary motifs in the "encyclopedic" episode of its plot]. *Litera*, 2023, No. 12, pp. 403-416. (In Russ.)

Semyonov V.B. *Sonet* [Sonnet], Chernets L.V., Semyonov V.B., Skiba V.A. *Shkol'nyi slovar' literaturovedcheskikh terminov* [School Dictionary of Literary Terms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2005, pp. 154-162. (In Russ.)

Borghesi P. Petrarch and his Influence on English Literature. Bologna, Nicholas Zanichelli Publ., 1906, 135 p.

Bullock W.L. The Genesis of the English Sonnet Form. PMLA, 1923, vol. 38, iss. 4, pp. 729-744.

Chaucer G. *The Riverside Chaucer*, ed. by L.D. Benson, 3rd ed. Boston, Houghton Mifflin Co. Publ., 1987, 1327 p.

Diekstra F.N.M. A Dialogue Between Reason and Adversity: A Late Middle English Version of Petrarch's "De Remediis". Assen, 1968, 161 p.

Einstein L. The Italian Renaissance in England: Studies. New York, The Columbia University Press Publ., 1902, 420 p.

Fuller J. *The Sonnet*. London & New York, Methuen & Co Publ., 1972, 58 p.

Metham J. *Amoryus and Cleopes*, ed. by S.F. Page. Kalamazoo, Medieval Institute Publ., 1999, 142 p.

Metham J. *The Works of John Metham, Including the Romance of Amoryus and Cleopes*, ed. by H. Craig. London, The Early English Text Society Publ., 1916, 184 p.

Puttenham G. *The Art of English Poesy: A Critical Edition*, ed. by Whigham, F.; Rebhorn W.A. Ithaca & London, Cornell University Press Publ., 2011, 498 p.

Regan S. *The Sonnet*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2019, 448 p.

Rossiter W.T. *Chaucer and Petrarch*. Cambridge, D.S. Brewer Publ., 2010, 235 p.

Sayle Ch. *Annals of Cambridge University Library 1278-1900*. Cambridge, University Library Publ., 1916, 153 p.

Spiller M.R.G. *The Development of the Sonnet: an Introduction*. London & New York, Taylor and Francis & Routledge Publ., 2004, 246 p.

Wilson E. A newly identified Middle English translation from Petrarch. *Notes and Queries*, 1980, vol. 27, iss. 6, p. 500.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 11.02.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 11.02.2024; accepted for publication 12.02.2024.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЕВАНГЕЛЬСКОГО КОДА В РОМАНЕ Г.Л. ОЛДИ «ВОЙТИ В ОБРАЗ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ШЕКСПИРОВСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Щукина Марина Сергеевна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, marishkaschukina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4799-154X>

Аннотация. В представляемом исследовании роман «Войти в образ» (1991) Генри Лайон Олди (творческий псевдоним Дмитрия Евгеньевича Громова и Олега Семеновича Ладыженского) рассмотрен как часть гамлетовского текстового пространства современной русскоязычной литературы. Проанализированы особенности репрезентации евангельского кода романа, обусловленные авторской концепцией художественного мироустройства, предполагающей воссоздание действительности по сценическим законам. Установлено, что трансформация евангельского кода в романе происходит в первую очередь на уровне образной системы (Актер-Гамлет-Христос, наставник/Мастер-Мессия, ученик/подмастерье-последователь, сценическое слово как Логос, театр как религия, бездна как невоплощенное творчество), мотивной структуры (мотивы наставничества, веры, спасения и воскрешения души), идейно-тематического наполнения художественного произведения (тема искусства и его Творца, проблема веры и безверия, идея искупления человеческих грехов – гуманистическая миссия главного героя) и детерминирована прежде всего театральностью как ключевой поэтологической категорией романа, лежащей в основе построения художественной действительности «Войти в образ». В связи с этим особое внимание в работе обращено на репрезентацию шекспировской театральной метафоры, а также на интертекстуальную связь романа Г.Л. Олди с трагедией Уильяма Шекспира «Гамлет, принц Датский».

Ключевые слова: Г.Л. Олди, евангельский код, гамлетовский контекст, трансформация, шекспировская театральная метафора, Гамлет, Христос, интертекстуальность.

Благодарности: статья выполнена по гранту Правительства Российской Федерации (соглашение № 23-28-00989 от 14.06.2022, срок реализации 2023–2024 гг.) «Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации»

Для цитирования: Щукина М.С. Репрезентация евангельского кода в романе Г.Л. Олди «Войти в образ» сквозь призму шекспировской театральной метафоры // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 107–111. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-107-111>

Research Article

REPRESENTATION OF THE GOSPEL CODE IN THE NOVEL “GETTING INTO CHARACTER” BY H.L. OLDIE THROUGH THE PRISM OF SHAKESPEARE’S THEATRICAL METAPHOR

Marina S. Shchukina, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, marishkaschukina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4799-154X>

Abstract. In the presented study the novel “Getting into Character” (1991) by Henry Lyon Oldie (the pen name of Dmytro Hromov and Oleh Ladyzhens’ky) is considered as a part of Hamlet’s text of modern Russian-language literature. The peculiarities of the representation of the Gospel code of the novel are analysed. They are conditioned by the author’s concept of the artistic world, which assumes the recreation of reality according to the stage laws. It is established that the transformation of the Gospel code in the novel occurs at the level of the image system (Actor-Hamlet-Christ, mentor/Master-Messiah, pupil/apprentice-follower, stage word as Logos, theatre as religion, abyss as unrealised creative work), motif structure (motifs of mentoring, faith, salvation and resurrection of the soul). The ideological and thematic content of the artistic work is changed (the theme of art and its Creator, the problem of faith and faithlessness, the idea of redemption of human sins – the humanistic mission of the protagonist). It is determined by the theatricality as the most important category of the novel’s poetics, underlying the construction of the artistic reality of “Getting into Character”. Special attention is paid

to the representation of Shakespearean theatrical metaphor, as well as to the intertextual connection of H.L. Oldie's novel with Shakespeare's "Hamlet" tragedy.

Keywords: H.L. Oldie, Gospel code, Hamlet context, transformation, Shakespeare's theatrical metaphor, Hamlet, Christ, intertextuality.

Acknowledgments: the work was financially supported by the grant from the Government of the Russian Federation (agreement No. 23-28-00989, 14.06.2022, implementation period 2023–2024) "English Classical Literature in World Culture: Receptions, Transformations, Interpretations".

For citation: Shchukina M.S. Representation of the Gospel code in the novel "Getting into Character" by H.L. Oldie through the prism of Shakespeare's theatrical metaphor. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 107–111 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-107-111>

«Войти в образ» (1991) – одно из произведений, вошедших в цикл «Бездна голодных глаз» писателей-фантастов Д.Е. Громова и О.С. Ладыженского, использующих псевдоним Г.Л. Олди. Роман сюжетно продолжает повесть Олди «Витражи Патриархов» (1991), развивая тему искусства и его Творца, сопряженную с проблемой веры и безверия, ставшей центральной в романе «Ожидающий на перекрестках» (1993), а также является неотъемлемым элементом архитектуры всего цикла.

«Войти в образ» повествует об актере Алексее Сайкине, необычайный талант которого (полностью вживаться в исполняемую роль, забывая о себе и действительности) привлекает внимание Сарта и Мома – сквозных героев цикла, обладающих различными сверхспособностями, одна из которых – возможность путешествовать по мирам и временам. Они предлагают актеру альтернативный мир – «мир Витражей», распавшийся на две враждующие стороны – Степь и Город, где Алекс сможет играть в полную силу, заставив его обитателей (кочевников и горожан) поверить в искусство, и тем самым приобщить их к особенной религии, схематично напоминающей христианство, переосмысленное в театральном ключе. Таким образом, актер должен будет исполнить роль Мессии. При этом Мом и Сарт преследуют противоположные цели: первому актер нужен, чтобы через него впустить в мир Витражей нематериальную зловещую сущность, именуемую Бездной, носителем которой он сам и является. Планы Сарта раскрываются в финале романа, когда он спасает обитателей мира Витражей от Бездны, готовой вытеснить человеческие души и получить их тела для собственного существования.

В основе построения художественного пространства «Войти в образ» лежит принцип театральности, с помощью которого в романе воссоздается модель сценической реальности, расслаивающейся при исполнении героем роли [Парфёнов]. Многослойная художественная действительность романа позволяет совместить гамлетовский и евангельский художественные планы, о чем свидетельствует гуманистический пафос произведения, сюжетные и тематические переключки, контаминация образов Алекса, на про-

тяжении всего романа возвращающегося к роли шекспировского Гамлета¹, и Христа, опосредованная в том числе и многочисленными аллюзиями на образ Гамлета-Христа, созданный Б.Л. Пастернаком в стихотворении «Гамлет» (1946) [Ибатуллина].

Главный герой романа – профессиональный актер Алекс Сайкин, обладающий даром вживаться в исполняемую роль. «Бродячий лицедей, примеряющий души и образы...» [Олди: 153], – характеризует актера Мом. Образ мира Витражей, предлагаемого Алексу в качестве театральные подмостков («Я предлагаю вам мир! Мир – сцену, мир – театр» [Олди: 122]), становится художественным воплощением шекспировского «магистрального лейтмотивного образа» мира-театра [Пинский: 561].

Выбор мира Витражей в качестве сцены обусловлен изначальной властью в данном мире Слова как основы миропорядка. Так, еще до начала действия романа слагаемые из слов городскими Мастерами витражи (рассказы, стихотворения) повелевали сверхъестественным, а песнопения степных Шаманов управляли стихиями. Однако законы этого мира были нарушены во время войны Города со Степью, когда Слово было обращено против человека, стало оружием в его руках. Тогда его магия иссякла, слова потеряли силу – наступил период «безвременья», озаменованный крушением духовно-нравственных ориентиров. Именно он и представляется Мому наиболее благоприятным для появления на сцене мира Витражей актера, способного приобщить его обитателей к театру.

Театр, по мысли Мома, равнозначен религии благодаря лежащей в его основе вере: «<...> там вера в то, что добрый дядя с бородой – это всемогущий боженька <...> тут же – вера в то, что <...> пыльный задник – Эльсинорский дворец» [Олди: 124]. Десакрализация Слова привела к утрате веры, а соответственно, и отсутствию религии в мире Витражей. Для Олди, по замечанию И.В. Чёрного, отсутствие религии свидетельствует о духовной деградации общества [Чёрный], что находит художественное воплощение в романе в шекспировской теме «расшатавшегося века». Водворить в мир Витражей религию, вернув его обитателям веру в деятельную силу слова,

в возможность изменить с его помощью себя и окружающий мир, должен, по замыслу Мома, Алекс Сайкин.

Сценическое слово, воплощенное в мире Витражей актером, уподобляется в романе Слово Божьему, «вочеловеченному» во Христе: подобно тому, как в евангельском учении Слово как духовно-телесное единство (Логос), воплощаясь в творческом акте мироустройства, преображает человека [Павлов], в мире Витражей слово сценическое призвано упорядочить действительность, наделив смыслом существование его обитателей. Таким образом, происходит контаминация библейского Логоса со сценическим словом актера, с помощью которого тот «<...> создавал миры и людей по образу и подобию своему <...>» [Олди: 118], играя роль Творца.

Сакрализация театра как формы репрезентации действительности в художественном мире романа происходит и в результате трансформации важнейшей для христианской антропологии триады Бог – Христос – Человек в театральную Режиссёр – Актер – Зритель², что сопровождается переосмыслением библейско-евангельских цитат и аллюзий в театральном ключе (например, «В начале был Занавес» [Олди: 128], «“Я – зритель” прозвучало, как “мы – зритель”» [Олди: 123], «Да хранят нас подмостки!» [Олди: 189]).

Роль режиссера принадлежит Мому, ставящему «Великий и Последний Спектакль», центральный конфликт которого – война Города со Степью, интерпретируемая как представление, собирающее сотни тысяч зрителей, перед которыми Алекс Сайкин должен войти в образ Бездны Голодных глаз, после чего Бездна осуществится в мире Витражей.

Амбивалентность библейского образа Бездны³ преломляется в романе сквозь призму темы искусства и его Творца. Так, образ Бездны олицетворяет неосуществленные творческие возможности (несыгранные роли, ненаписанные пьесы), что соответствует, по мнению Чёрного, природе творчества: художник (в широком смысле слова), воплощая собственный творческий потенциал в акте создания произведения искусства, оказывается окруженным «страшной пустотой», которую вновь стремится заполнить [Черный]. С другой стороны, Бездна в романе представляет собой вместилище человеческих душ, которым не дано в силу их «затхлости» обрести новое существование в другом теле. «Вкладывать ее, голубушку, надо – в слово, в дело, в других человек <...>» [Олди: 196], – говорит Мом о человеческой душе.

Однако Олди, развивая тему искусства и его Творца в библейско-евангельском контексте, переосмысливает мотивы спасения души и её воскрешения как возможность воплощения «испорченной» души

в произведении искусства, через которое такая душа обретет спасение. Так, Сарт, занимающий до определенного момента позицию зрителя, в финальной сцене постановки Момом спектакля выполняет функции художника-творца, впустившего в себя Бездну с тем, чтобы облечь её в иную форму существования – в форму художественного произведения (книги).

В центре театральной триады – Алекс Сайкин, выполняющий в романе сюжетную функцию наставника⁴. Для Алекса, перерождающегося на стороне Степи в Безмозглого (или Безмо), а на стороне Города – в безумца Девону⁵, первостепенным становится наставничество духовное, интерпретируемое Олди в лоне христианского мировосприятия, где важное место занимает духовное общение Учителя-Христа (если мы говорим о евангельском учении) и Ученика (апостолов, паствы). Слово, посредством которого Алекс-Христос осуществляет наставничество, позволяет ему вернуть миру Витражей утраченную веру. При этом вера выступает в качестве инстанции, вдохновляющей и одухотворяющей искусство, способное в мире Витражей занять пустующее место религии. Поэтому Алексу Сайкину, талантливому актеру, удается роль Мессии. Таким образом, явившись в мир Витражей, герой меняется сам и меняет окружающую действительность, уподобляясь демиургу, возвращая словам магическую силу, осмысляемую в романе как созидательная сила, лежащая в основе мироздания.

Так, найденный в степи табунщиком Кан-ипой Безмозглый с течением времени становится наставником для кочевников, примитивность мышления которых заставила Алекса Сайкина примерить роль «человека, не умеющего ничего» [Олди: 107] (Безмозглого). Кочевники через Безмо, в устах которого слова обретают сакральное значение, получают «дар слова», позволяющий им осознать себя как часть окружающего мира, определить свое место в нем. Кан-ипа, благодаря «новому пониманию» мироустройства, открытому ему Безмозглым, становится вождем племен Степи.

Горожане воспринимают дар слова, которым обладает Девона, за юродство, безумие, при том – «заразное». Так, молодой трупожог Скильярд после встречи с Девойной ощущает «на языке терпкий солоноватый вкус рождавшихся слов» [Олди: 160]; беседуя с безумцем, он «впервые в бесполовой своей жизни <...> осознал, что значит <...> быть!» [Олди: 175]. Девона помогает ему пройти путь духовного самосовершенствования, а также становится для него учителем актерского мастерства, репетирующим со «Скилли» роль Датского принца, что в совокупности позднее позволит Скильярду стать последователем Девоны на театральных подмостках и наставником для горожан, а также правителем Города.

В роли наставника выступает Девона для Подмастерьев – «мальчишек» с «отсыревшими навечно лицами» [Олди: 156], от злобы и отчаяния убивших всех Мастеров и пытавшихся ценою чужих жизней вернуть словам магию. Девона открывает им простую истину: без веры в собственные слова невозможно их осуществить. И они следуют за героем, оставив кровавые попытки вдохнуть в слова магию, поверив в иной путь возвращения словам былой мощи.

Стремление Алекса-Девоны помочь обитателям мира Витражей восстановить нарушенный миропорядок неизменно сближает его образ с шекспировским образом Гамлета, чья гуманистическая миссия послужила исследователям основанием для сравнения образов Датского принца и Христа⁶ [Oser]. Так, на городских подмостках Девона ставит спектакль о принце Датском, в котором играет центральную роль. Во время представления горожане, ощутив сопричастность происходящему на сцене, сопереживая главному герою, проходят через катарсис и преображаются духовно. Таким образом, Гамлет-Девона борется с несовершенством мира с театральными подмостков словом и в слове обретает силу: «Снова слово становится делом // И грозит потрясеньем основ» [Олди: 161], – цитирует Девона строки из стихотворения А.А. Галича «Старый принц» [Галич]. Итак, сценическое слово в романе, обретая сакральный смысл, ложится в основу миропорядка, в центре которого – театр (театральное искусство), привнесенный в мир Витражей главным героем, явившимся туда в роли Мессии.

О тесной связи образов главного героя и Христа в романе свидетельствуют и разнообразие интертекстуальные отсылки к евангельскому тексту. Так, тихая и грустная улыбка Девоны дарит Скильядру «светлую радость»; его фигура обрамлена евангельскими образами тернового венка и белоснежных голубей; жертвенность героя, его человеколюбие и стремление спасти мир Витражей от духовно-нравственного разложения становятся лейтмотивом всего произведения. Спектакль завершается смертью Девоны, за которой следует его воскрешение, обещанное Момом при условии игры «в полную душу». Таким образом, в романе происходит контаминация шекспировской концепции человеческой жизни, в основе которой – театральная метафора, с новозаветной идеей искупления и воскрешения.

Итак, многоролевое поведение главного героя романа, детерминированное его актерским талантом, позволяет выстроить многослойную художественную действительность, сочетающую гамлетовский и евангельский пласты художественной реальности со сценической действительностью романа. Так, Алексу Сайкину, чей образ сопряжен в романе с фигурами

Иисуса Христа и шекспировского Гамлета, удается вернуть миру Витражей магию Слова, приобщив его обитателей к театральной религии, и таким образом восстановить нарушенный миропорядок. При этом репрезентация евангельского кода осуществляется в романе сквозь призму шекспировской театральной метафоры, лежащей в основе авторской концепции художественного мироустройства, что позволяет подвергнуть его трансформации на уровне образной системы, мотивной структуры и идейно-тематического наполнения. О трансформации основной идеи христианской антропологии как ядерного компонента евангельского кода свидетельствует и семантика названия произведения: сообразность человека, сотворенного по образу и подобию, Богу переосмысливается в качестве возможности «войти в образ», иными словами, сыграть роль Творца, что становится возможным благодаря репрезентации театральной метафоры как основы художественного мироустройства романа.

Примечания

¹ А также цитирующих Гамлета А. Галича («Старый принц») и В.С. Высоцкого («Мой Гамлет»).

² Возможно, определенное влияние оказало прошлое театрального режиссера О.С. Ладыженского, а также актерский опыт Д.Е. Громова.

³ Образ Бездны в христианском вероучении выступает в качестве предшествующего творению хаоса, неисчерпаемости Божественного замысла (в книге Бытия), водной стихии (в книге Иовы), олицетворения ада (в Откровении Иоанна Богослова).

⁴ Прямым номинантом концепта «наставник» в тексте является «Мастер».

⁵ В «Мифологическом словаре» под редакцией Е.М. Мелетинского «дивана» («демона») обозначает «юродивый, считающийся святым» (от тадж.-перс. «одержимый духами»). Подробнее см.: Башилов В.Н. Девона // Мифологический словарь / под. ред. Е.М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 187.

⁶ Например, в работах: «Свет невечерний. Созерцания и умозрения» С.Н. Булгакова, ««ГАМЛЕТ» как трагедия христианского жертвенного подвига» Р.Ш. Мухамадиева, «Христианские мотивы в “Гамлете” У. Шекспира» Л.С. Чернова, «Гамлет как христианин» В.К. Кантора.

Список литературы

Галич А.А. Старый принц // Bards.ru: междунар. портал авторской песни. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=4058> (дата обращения: 10.09.2023).

Ибатуллина Г.М. Миф – трагедия – мистерия в стихотворении Б. Пастернака «Гамлет» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 185–197.

Иванченко А.И. Проблема бездны в русской религиозной философии // Богослов.ru: научный богословский портал. URL: <https://bogoslov.ru/article/4882752> (дата обращения: 20.09.2023).

Олди Г.Л. Войти в образ: Повести, романы, рассказы. Москва, АСТ, 1996. С. 99–230.

Павлов И. ИН 1:1–5. Главный богословский текст Нового Завета – его оригинал, поэтика, контекст. Москва: ББИ, 2019. 247 с.

Парфенов А.Т. Театральность Гамлета // Шекспировские чтения. Москва: Наука, 1981. С. 38–51.

Пинский Л.Е. Шекспир. Основные начала драматургии. Москва: Художественная литература, 1971. 606 с.

Черный И.В. Олди Генри Лайон // Фантасты современной Украины: энциклопедический справочник / под ред. И.В. Черного. Харьков: Мир детства, 2009. С. 146–160.

Шекспир В. Трагедия о Гамлете, принце Датском / пер. с англ. М.Л. Лозинского // Шекспир В. Полное собрание сочинений: в 8 т. / под ред. А.А. Смирнова. Москва; Ленинград: Academia, 1936. Т. 5. С. 1–175.

Oser, Lee. Christian Humanism in Shakespeare: A Study in Religion and Literature. Washington, The Catholic University of America Press, 2022, 300 p.

References

Chernyi I.V. *Oldi Genri Laion* [Oldie Henry Lyon]. *Fantasy sovremennoi Ukrainy: entsiklopedicheskii spravochnik* [Science fiction writers of modern Ukraine: an encyclopedic reference], ed by I.V. Chernogo. Krakow, Mir detstva Publ., 2009, pp. 146-160. (In Russ.)

Galich A.A. *Saryi prints* [The Old Prince]. *Bards.ru: mezhdunar. portal avtorskoi pesni* [International portal of the author's song "Bards.ru"]. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=4058> (access date: 10.09.2023). (In Russ.)

Ibatullina G.M. *Mif – tragediia – misteriiia v stikhotvorenii B. Pasternaka «Gamlet»* [Myth – Tragedy – Mys-

tery in B. Pasternak's poem "Hamlet"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2019, No. 62, pp. 185-197. (In Russ.)

Ivanchenko A.I. *Problema bezdny v russkoi religioznoi filosofii* [The Problem of the Abyss in Russian Religious Philosophy]. *Bogoslov.ru: nauchnyi bogoslovskii portal* [Bogoslov.ru: Scientific Theological Portal]. URL: <https://bogoslov.ru/article/4882752> (access date: 20.09.2023). (In Russ.)

Oldi G.L. *Voiti v obraz: Povesti, romany, rasskazy* [Enter the image: Novels, novels, short storie]. Moscow, AST Publ., 1996, pp. 99-230. (In Russ.)

Pavlov I. *IN 1:1–5. Glavnyi bogoslovskii tekst Novogo Zaveta – ego original, poetika, kontekst* [IN 1:1-5. The main theological text of the New Testament is its original, poetics, context]. Moscow, BBI Publ., 2019, 247 p. (In Russ.)

Parfenov A.T. *Teatral'nost' Gamleta* [The theatricality of Hamlet]. *Shakespearevskie chteniia* [Shakespeare Readings]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 38-51. (In Russ.)

Pinskii L.E. *Shekspir. Osnovnye nachala dramaturgii* [Shakespeare. The main beginnings of drama]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971, 606 p. (In Russ.)

Shekspir V. *Tragediia o Gamlete, printse Datskom* [The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark], transl. by M.L. Lozinskij. *Shekspir V. Polnoe sobranie sochinenii: v 8 t.* [Complete works: in 8 vols.], ed. by A.A. Smirnova. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936, vol. 5, pp. 1-175. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.10.2023; одобрена после рецензирования 14.12.2023; принята к публикации 15.12.2023.

The article was submitted 22.10.2023; approved after reviewing 14.12.2023; accepted for publication 15.12.2023.

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN PQWCMK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-112-121>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕСТРЫ И НЕВЕСТКИ А.Н. ОСТРОВСКОГО В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Жиркова Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературного образования Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, manp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4107-6944>

Капустина Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела организации заблаговременной работы Отделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Россия, olga.kapustina209@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3473-5916>

Аннотация. В статье рассмотрены документы личных пенсионных дел, в соответствии с которыми осуществлялось персональное пенсионное обеспечение, установленное за заслуги перед Советской Республикой великого русского драматурга А.Н. Островского для его сестры Марии Николаевны и вдовы старшего сына Анны Николаевны. На основе архивных документов пенсионных дел А.Н. Островского авторы раскрыли обстоятельства жизни его родных в 1920-е гг.: бедственное положение и стесненные жилищные условия обеих женщин; определили круг проживающих с ними лиц: приемная дочь М.Н. Островской и двое детей А.Н. Островской. Документы личного дела позволили уточнить дату смерти М.Н. Островской. Однако при работе возник ряд вопросов, который требует дальнейшего рассмотрения: из материалов пенсионного дела неясно, на каких именно детей была назначена персональная пенсия Анне Николаевне, вдове старшего сына драматурга. Непроясненной остается причина приостановления выплаты пенсии самой А.Н. Островской. Также в статье была подчеркнута роль руководства Народного комиссариата просвещения РСФСР в качестве ходатая за сестру и невестку драматурга перед пенсионными органами.

Ключевые слова: Александр Николаевич Островский, Мария Николаевна Островская, Анна Николаевна Островская, персональное пенсионное обеспечение республиканского значения, заслуги перед государством, ходатайство, размер пенсии.

Для цитирования: Жиркова М.А., Капустина О.В. Государственная поддержка сестры и невестки А.Н. Островского в советское время // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 112–121. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-112-121>

Research Article

STATE SUPPORT FOR ALEXANDER OSTROVSKY'S SISTER AND SISTER-IN-LAW UNDER SOVIET RULE

Marina A. Zhirkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism and Literary Education of Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, manp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4107-6944>

Olga V. Kapustina, Candidate of Historical Sciences, Deputy Head of the Department for the Organisation of early work of the Department of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation in Vladimir Region, Vladimir, Russia, olga.kapustina209@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3473-5916>

Abstract. The article examines the documents of personal pension affairs in accordance with which, personal pension provision was provided, established for services to the Soviet Republic by the great Russian playwright Alexander Ostrovsky, for his sister Mariya Nikolayevna and the widow of the eldest son Anna Nikolayevna. On the basis of archival documents of Alexander Ostrovsky's pension affairs, the authors revealed the circumstances of the life of his relatives in the 1920s: the plight and cramped living conditions of both women; we identified the circle of people living with them: the adopted daughter of Mariya N. Ostrovskaya and two children of Anna N. Ostrovskaya. The documents of the personal file made it possible to clarify the date of death of Mariya N. Ostrovskaya. But during the work, a number of issues arose that require further consideration: it is unclear from the materials of the pension case, for which children the personal pension was assigned to the widow of the playwright's eldest son, Anna Nikolayevna. The reason for the suspension of pension payments

by Anna N. Ostrovskaya herself remains unclear. The article also highlighted the role of the leadership of the People's Commissariat of Education of the RSFSR as an advocate for the playwright's sister and daughter-in-law before the pension authorities.

Keywords: Alexander Nikolayevich Ostrovsky, Mariya Nikolayevna Ostrovskaya, Anna Nikolayevna Ostrovskaya, personal pension provision of republican importance, services to state, petition, pension amount.

For citation: Zhirkova M.A., Kapustina O.V. State support for Alexander Ostrovsky's sister and sister-in-law under Soviet rule. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 112–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-112-121>

В 2023 г. исполнилось 200 лет со дня рождения великого русского драматурга А.Н. Островского (1823–1886). По традиции юбилеи классиков сопровождаются торжественными мероприятиями, которые, в свою очередь, вызывают всплеск интереса как к жизни и творчеству самих юбиляров, так и к судьбам их родных и близких. Жизнь и деятельность братьев драматурга – министра государственных имуществ, тайного советника Михаила Николаевича Островского (1827–1901) [Воронов; Федотов 2011а; Федотов 2011б] и банковского деятеля и библиофила Андрея Николаевича Островского (1836–1906) [Востриков, Панченко] – раскрывает ряд исследований. При этом о его младшей сестре по отцу – Марии Николаевне Островской, родившейся в 1846 г., – практически ничего не известно. Энциклопедия, посвященная жизни и творчеству Островского, содержит лишь скудные сведения о ее воспитании, образовании, занятиях музыкой и службе в Московской консерватории [Орлова 2012а].

О невестке драматурга, жене его старшего сына Анне Николаевне, также известно немного. Александр Александрович Островский (1864–1928) был женат на дочери личного секретаря драматурга – Николая Антоновича Кропачева – Анне Николаевне. В браке родилась дочь Марианна Александровна Островская, супруги вскоре развелись [Орлова, 2012а; Орлова, 2012в].

В связи с недостатком сведений о жизни названных родственниц драматурга каждый дополнительный источник информации, позволяющий уточнить их биографии, является весьма ценным. Авторами были проанализированы сведения двух личных дел персонального пенсионера республиканского значения Александра Николаевича Островского, в соответствии с которыми выплачивались пенсии его **сестре Марии Николаевне Островской (1846 г. р.)** и **невестке Анне Николаевне Островской (1874 г. р.)** с двумя малолетними детьми.

Персональные пенсии были введены в Советской России декретом Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР «О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой» от 16 февраля 1923 г.¹ для материального обеспечения нетрудоспособных лиц, имевших исключительные достижения в области революционной

и профессиональной деятельности, а также в области науки, искусства и техники. В случае их смерти обеспечение могло быть предоставлено членам семей. Дальнейшее развитие системы российского республиканского персонального обеспечения было связано с постановлениями Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. и от 20 мая 1930 г.² Трехуровневая система персонального пенсионирования, включающая пенсии союзного³, республиканского и местного значения, также начала создаваться в СССР в 1928 г. Однако исследуемые нами материалы относятся только к периоду действия декрета СНК РСФСР от 1923 г.

Документы, подтверждающие права выдающихся граждан на установление и последующее увеличение персональных пенсий комплектовались в так называемые личные дела персональных пенсионеров (пенсионные дела). Пенсионные дела всегда оформлялись на того, за чьи заслуги установлены соответствующие пенсии, поэтому оба дела, как было сказано выше, значатся под именем А.Н. Островского. В графе «Партийный, революционный, профессиональный и советский стаж» личной карточки семьи, испрашивающей назначения персональной пенсии или пособия, находящейся в пенсионном деле сестры, указано: «драматург, его огромные заслуги перед русской литературой»⁴. В аналогичной графе документа из дела невестки читаем: «известный драматург»⁵.

При назначении пенсий членам семей заслуженных лиц в пенсионные дела помещались документы, характеризующие их материальное положение, состояние здоровья, семейное положение. Сегодня сведения пенсионных дел позволяют исследователям выявлять ранее неизвестные факты биографий родственников русских классиков, уточнять их нужды и чаяния. Авторами уже рассмотрены материалы личных дел, в соответствии с которыми было установлено персональное пенсионное обеспечение республиканского значения потомкам А.С. Пушкина [Жиркова, Капустина 2022а], дочери Г.И. Успенского [Жиркова, Капустина 2023], жене А.И. Куприна [Жиркова, Капустина 2022б].

Задача данного исследования: на основании документов пенсионных дел М.Н. Островской и А.Н. Островской, назначенных за заслуги великого русского драматурга А.Н. Островского, уточнить

обстоятельства их жизни в 1920-е гг., определить круг проживающих с ними лиц, выявить основные проблемы, с которыми они столкнулись в исследуемый период.

В качестве **основных источников** использованы: личные карточки семей, испрашивающих назначения персональной пенсии или пособия⁶, акт обследования материально-бытового положения М.Н. Островской⁷, прошение М.Н. Островской о пенсии, направленное во ВЦИК⁸, свидетельства (удостоверения), подтверждающие родство М.Н. Островской с А.Н. Островским⁹, обращения заместителя наркома просвещения РСФСР В. Яковлевой в Центральную комиссию по назначению персональных пенсий и пособий о предоставлении М.Н. Островской персональной пенсии¹⁰ и о пересмотре отказа в назначении персональной пенсии А.Н. Островской¹¹, прошение о материальной помощи, направленное А.Н. Островской в Академический центр в 1921 г.¹² (далее при цитировании источников пунктуация сохранена).

Мария Николаевна Островская

Ввод персонального пенсионного обеспечения в 1923 г. совпал со столетним юбилеем А.Н. Островского и включением имени драматурга наряду с А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Н.А. Некрасовым, А.Н. Толстым и другими русскими классиками в список писателей, на издание произведений которых объявили государственную монополию¹³.

В этом же году, 19 мая, Мария Николаевна Островская подала прошение во ВЦИК о назначении пенсии, приурочив его именно к столетию со дня рождения брата. Обращение содержит хвалебные слова в адрес советской власти: «Драматург Островский столетний юбилей со дня его рождения недавно чествовала Советская Россия, которая не оставляет без внимания памяти всех, даже умерших граждан России, оказавших полезное влияние на просвещение масс, оставил после себя сестру, которая после его смерти существовала своим заработком в Московской Консерватории <...> около 30 лет. Вышла по болезни. В настоящее время мне 77 лет, к труду не только не способна, но без физической помощи моей приемной дочери обходиться не могу»¹⁴.

Далее сестра драматурга рассказывает о своем финансовом положении: «Кроме пенсии из Социального обеспечения в количестве 2/3 тарифной ставки и 1/2 пайка из Ц.К.У.Б.У., что в общей сложности составляет не более 200 руб. дензнаками 1923 г. и плохо поддерживают мое существование. Учительского жалования моей приемной дочери не хватает даже на необходимые расходы»¹⁵.

Заслуживает интереса факт наличия у Марии Николаевны приемной дочери-учительницы. Что же касается пенсионирования, то, вероятно, до установления персонального пенсионного обеспечения сестра писателя получала страховую пенсию по инвалидно-

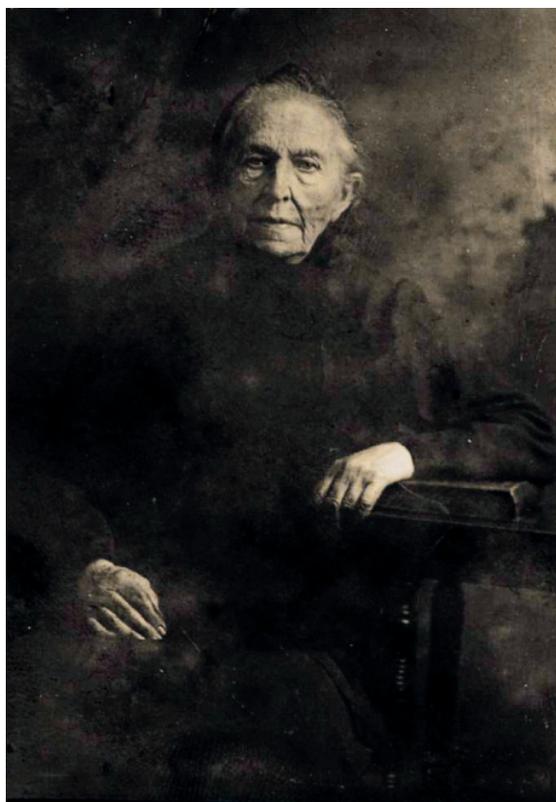

Рис. 1. Мария Николаевна Островская, фотография из пенсионного дела (ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 1а)

сти на общих основаниях. До 1928 г. пенсии по возрасту как вид отсутствовали. Нетрудоспособному пожилому человеку могла быть установлена пенсия по инвалидности в связи с болезнью или даже со старческой дряхлостью.

М.Н. Островская не уточняет, от размера какой именно тарифной ставки был исчислен размер ее пенсии. В соответствии с «Правилами об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР», утвержденными декретом СНК РСФСР от 17 июня 1920 г.¹⁶, оплата всех без исключений рабочих и служащих как государственных, так и частных предприятий, учреждений и хозяйств, действующих на территории России, производилась по тарифам, утверждаемым Народным комиссариатом труда РСФСР. В 1922 г. в РСФСР была введена общая для всех работников 17-разрядная тарифная сетка. В интервале от 17-го до 12-го разряда включительно помещались ответственные работники, от членов ЦК до секретарей ячеек крупных предприятий; в интервале от 11-го до 1-го – технические работники и вспомогательный персонал.

Анализируя размер получаемых Марией Николаевной выплат (200 руб.), следует сказать о проводимой в СССР в 1922–1924 гг. денежной реформе. В ходе данной реформы в 1923 г. в обращение были выпущены государственные денежные знаки номиналом в 1, 2, 5, 10, 25, 50, 100 рублей и 1, 2, 3, 5, 10, 20, 25, 50 копеек и проведена деноминация, «причем замена старых знаков на новые происходила в следующем соотношении: рубль 1923 г. за 100 рублей 1922 г. или за 1 000 000 рублей прежних выпусков» [Мзков: 46]. Возможно, в результате деноминации сестра драматурга стала получать 2 руб. Выплату пенсий советским гражданам в весьма небольших размерах подтверждает нарком социального обеспечения РСФСР И.А. Наговицын, озвучив в марте 1928 г. на II сессии ВЦИК XIII созыва следующие цифры: на 1 апреля 1923 г. средние нормы пенсий для инвалидов второй группы равнялись 4 руб. 90 коп., а для семей военнослужащих – 3 руб. 23 коп. [Наговицын]. Однако Мария Николаевна упоминает о сумме именно в дензнаках 1923 г., позволяя сделать предположение о последеноминационном характере выплат, что, впрочем, не очень согласуется с последующими сведениями пенсионного дела и данными официальной статистики.

Размеры персональных пенсий были значительно выше пенсий, назначаемых рабочим или красноармейцам. Проанализировав пенсионное законодательство 1917–1928 гг., И.В. Сивакова сделала вывод о том, что в период новой экономической политики главной отличительной чертой пенсионного обеспечения за выдающиеся заслуги были существенно повышенные нормы обеспечения по сравнению

с остальными видами пенсий [Сивакова: 92]. Примерная разница в выплатах становится понятной из вышеупомянутого доклада наркома И.А. Наговицына, с которым он в марте 1928 г. выступил на II Сессии ВЦИК XIII созыва: средняя норма персональной пенсии составила 55 руб. в месяц, в то время как средние нормы пенсий по инвалидности 2-й группы на 1 апреля 1927 г. были равны 14 руб. 37 коп., а пенсии по случаю потери кормильца для семей военнослужащих – 14 руб. 21 коп. [Наговицын].

В конце своего письма сестра драматурга просит назначить ей достойную пенсию, не называя ее персональной: «Прошу В.Ц.И.К. в память прошлых трудов моего брата на просвещение русских масс назначить мне такую пенсию, чтобы я, в ожидании недалекого конца моей жизни, могла спокойно и без особых лишений дожить небольшой остаток своей жизни»¹⁷.

В заключение Мария Николаевна сообщает номера своих пенсионной и трудовой книжек. Пенсионная книжка в исследуемый период являлась не только подтверждением статуса пенсионера, но и основанием для выплаты ему пенсии. Трудовая книжка также очень интересный документ. Речь не идет о привычных нам документах. В РСФСР недолгое время действовали введенные в 1918 г. трудовые книжки для нетрудящихся, предназначенные для отметок о выполнении их владельцами общественных работ и повинностей¹⁸, и введенные в 1919 г. трудовые книжки для жителей городов Москвы и Петрограда¹⁹, свидетельствовавшие об участии владельцев в производственной деятельности. Трудовые книжки и образцы 1918 г., и образца 1919 г. могли служить удостоверениями личности. Какая именно была на руках у сестры драматурга, сказать трудно.

К своему прошению М.Н. Островская прикладывает четыре документа, которые представляют собой заверенные жилищными товариществами, домоуправлением и советом школы № 51 свидетельские показания знакомых о ее родстве с драматургом. Практика предоставления подобных документов для подтверждения права на персональное пенсионное обеспечение в это время была распространена. Аналогичные документы имеются в делах Е.Л. Чибисовой²⁰, племянницы поэта А.Н. Некрасова, и Е.И. Лажечниковой²¹, дочери писателя И.И. Лажечникова.

Наиболее интересным является свидетельство В.М. Минорского, хорошего знакомого А.Н. Островского, крестника другой его сестры – Натальи Николаевны: «Я нижеподписавшийся, Владимир Михайлович Минорский, проживающий в доме № 8 по Больш. Знаменскому переулку, в 8 отд. Милиции, сим свидетельствую, что Мария Николаевна Островская есть единственная, оставшаяся в живых, родная сестра писателя Александра Николаевича Островского. 15 мая 1923 года»²². Владимир Михайлович Ми-

норский был дружен с А.Н. Островским, вел его дела, неоднократно бывал в Щелькове [Тугарина: 256]. Сохранились воспоминания В.М. Минорского о драматурге [Минорский]. Его слово несомненно значимо, а вот установить, кем являлись другие свидетели родства М.Н. Островской с драматургом, не удалось. Родство также подтвердили Екатерина Гурьевна Голубятникова (15 мая 1923)²³, Варвара Ивановна Павловская (31 августа 1922)²⁴ и Варвара Васильевна Спиридович (16 мая 1923 г.)²⁵. Это могли быть просто друзья или знакомые.

На прошении М.Н. Островской стоит штамп Всероссийского центрального исполнительного комитета с датой 26 мая 1923 г., что подтверждает факт его получения адресатом. Прошение вместе с приложениями ВЦИК передал в Народный комиссариат просвещения (НКП, Наркомпрос) РСФСР.

Следующий знаковый документ – Сопроводительное письмо заместителя наркома просвещения РСФСР В.Н. Яковлевой (1922–1929) в Центральную комиссию по назначению персональных пенсий и пособий к документам, подтверждающим право сестры драматурга на пенсионное обеспечение: «Принимая во внимание все те огромные заслуги перед русской литературой, которые числятся за покойным А.Н. Островским и то, что сестра его в преклонном возрасте /77 л./ и не имеет средств к существованию, Акцентр (Академический центр. – М. Ж. О. К.) Наркомпроса просит Наркомсобес предоставить Марии Николаевне Островской персональную пенсию и академический паек»²⁶.

Именно Наркомпрос указан в личной карточке семьи, испрашивающей назначения персональной пенсии или пособия, в качестве учреждения, ходатайствующего о назначении пенсии. Также личная карточка, называя в качестве получателя Островскую М.Н. 77 лет, проживавшую по адресу: Москва, Б. Садовая, 25, Коммуна им. Ленина, кв. 27, содержит сведения об установлении ей персональной пенсии в размере 1/3 ставки 17-го разряда ответственных работников на основании постановления № 18 от 10/VII-1923 года²⁷.

В соответствии с декретом СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. размер персональных пенсий определялся в пределах до двойной высшей тарифной ставки ответственных советских и профессиональных работников по месту жительства лица, получающего пенсию²⁸. Для сравнения: пенсию М.А. Ивановой, племяннице Ф.М. Достоевского, исчислили в размере 1/2 тарифной ставки 17-го разряда ответственных работников²⁹; дочери писателя Глеба Успенского, В.Г. Успенской, – в размере ставки³⁰. В 1923 г. размер тарифной ставки ответственного работника 17-го разряда района с развитой промышленностью, к которому относились Московская губерния,

Петроград и еще ряд близлежащих регионов, составлял 75 руб. Соответственно, его половина равнялась 37 руб. 50 коп., а треть – 25 руб.

Во второй половине 1920-х гг. права получателей персональных пенсий неоднократно перепроверялись. В результате пересмотров часть получателей переводилась на страховые пенсии, назначаемые в более низких размерах, или совсем лишалась пенсионного обеспечения. В частности, была прекращена выплата персональной пенсии дочери писателя Г.И. Успенского – М.Г. Кричинской³¹. Кроме проверки документов пенсионных дел, сотрудники НКСО обследовали условия жизни пенсионеров, заполняя по итогам проверок соответствующие акты. В исследуемом деле имеется акт следующего содержания: «1925 года сентября месяца 15 дня мною обследователем Рахаевой сего числа было произведено обследование пенсионера Островской Марии Николаевны получающего персональную пенсию и живущего по ул. Б. Садовой д. 25 кв. 27 на предмет его имущественного и семейного положения. Каковое обследование оказалось в следующем: пенсионерка 1846 г. рожд. проживает совместно с приемной дочерью – школьной работницей, соразмерно заработка которой взимается квартирная плата. Проживают в 2-х комнатах, из которых одна совершенно темная обстановка ниже средней»³². Акт подписан сотрудником социального обеспечения А. Рахаевой и самой М.Н. Остров-

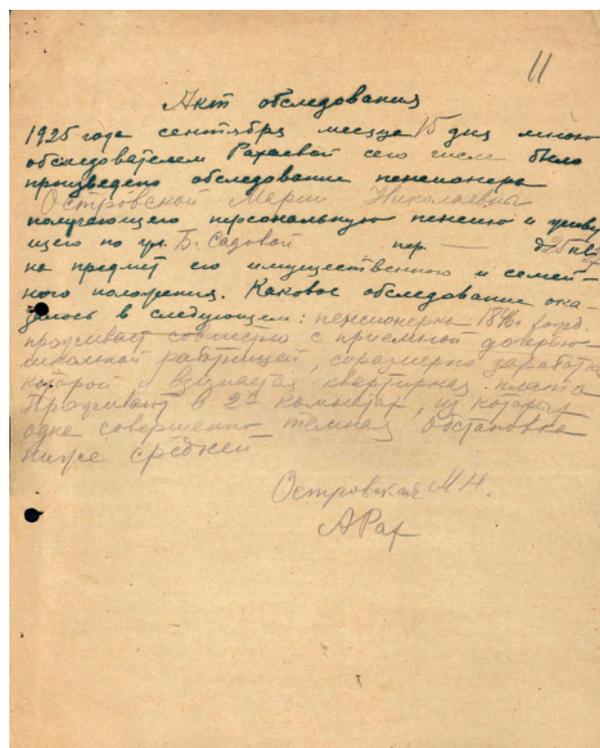

Рис. 2. Акт обследования материально-бытового положения Островской М.Н. (ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 11)

ской, что подтверждает согласие сестры драматурга с изложенными фактами.

Данный документ рисует весьма безрадостную картину последних лет жизни сестры драматурга и подтверждает ее совместное проживание с приемной дочерью, имени которой по-прежнему не названо. Вероятно, эти сведения были учтены при пересмотре личного дела сестры А.Н. Островского, так как в соответствии с протоколом заседания Центральной комиссии по назначению персональных пенсий и пособий от 12 ноября 1925 г. размер ее пенсии был увеличен до сорока руб.³³

В заключение нужно поднять вопрос о дате смерти Марии Николаевны. В «Энциклопедии», изданной в Костроме [Орлова 2012б], и на сайте музея [Островская] в качестве года ее смерти указывается 1930-й. Однако в личной карточке сделаны две записи: «За смертью с пенсии снят с 1 февраля 1928 г.» и «в изменение с пенсии снят с 16 февраля, а не с 1 февраля 1928 г.»³⁴. Предположительно, Мария Николаевна умерла 16 февраля 1928 г. или даже 15-го, то есть за день до официального прекращения выплаты пенсии. Эти же сведения повторены в имеющемся в деле протоколе, в графе «Изменение условий и размера пенсий»³⁵.

Анна Николаевна Островская

Не менее интересные сведения содержатся в пенсионном деле невестки драматурга. Информацию о ее бедственном положении в начале 1920-х гг. можно почерпнуть из прошения, направленного ею в 1921 г. в адрес председателя Академического центра Народного комиссариата просвещения М.Н. Покровского: «После смерти мужа я существовала благодаря небольшого имения и авторского гонорара, теперь будучи лишена всего этого, я осталась абсолютно без средств к существованию с двумя детьми. Живу в углу у совершенно чужих мне людей, которые мною очень тяготятся и требуют, чтобы я освободила место; не имею самого необходимого белья и одежды, что затрудняет получение работы. Питаюсь с семьей исключительно подаянием»³⁶.

Действительно, согласно высочайше утвержденному 20 марта 1911 г. Закону Российской империи «Об авторском праве», авторское право на литературные, музыкальные и художественные произведения принадлежало автору в течение всей его жизни, а наследникам или иным правопреемникам его – в течение пятидесяти лет со времени смерти автора³⁷. 50-летний срок с даты смерти А.Н. Островского истек в 1936 г. Однако в советское время срок получения правопреемниками авторских гонораров сократили до 15 лет³⁸, которые истекли еще до 1917 г., оставив наследников без материальной поддержки.

Что же касается отсутствия жилья и невозможности проживания в имении, сегодня трудно предпо-

ложить, каким образом невестка драматурга его лишилась. Совместное постановление ЦИК и СНК СССР «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах»³⁹, согласно которому бывшие помещики из дворян и их семьи лишались права на землепользование и проживание в хозяйствах, принадлежавших им до издания Декрета о земле 26 октября 1917 г., было принято в марте 1925 г. При этом постановление не распространялось на лиц, активно боровшихся на стороне советской власти в рядах Красной армии, а также на лиц, имеющих особые заслуги, отмеченные постановлениями Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР, Центральными исполнительными комитетами и Советами народных комиссаров союзных республик. Персональные пенсии, установленные именно за заслуги перед советским государством, позволяли получателям оставаться в своих поместьях. Например, М.А. Иванова, племянница Ф.М. Достоевского, персональная пенсия которой была установлена за заслуги дяди в 1923 г.⁴⁰, продолжала жить в имении Даровое до своей смерти.

Возможно, имение, на доходы с которого жила Анна Николаевна, не имело отношения к драматургу.

Далее невестка А.Н. Островского излагает свои просьбы: «Еще раз прошу Вас помочь мне в деле получения какого-либо обеспечения от ЦКУБУ. В частности в смысле единовременного пособия одеждой, бельем и обувью»⁴¹. Также она практически умоляла о содействии в получении жилья и в трудоустройстве: «В виду острой нужды также в комнате прошу Вас посодействовать получить какое-либо помещение, или соответствующую службу с комнатой, напр. в качестве костелянши или чего либо иного по моим силам и способностям, хотя бы в качестве швейцара»⁴². Факт получения прошения подтверждает штамп Главнауки (Управление научными учреждениями в составе Академического центра Наркомпроса) с датой 8 декабря 1921 г.

Здесь нужно заметить, что в начале 1920-х гг. в РСФСР уже существовало пенсионное обеспечение, устанавливаемое за особые заслуги перед государством в соответствии с декретами СНК РСФСР «О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед Рабочее-Крестьянской Революцией» и «Об усиленных пенсиях»⁴³. Однако какие-либо сведения о полученной Анной Николаевной помощи в 1921–1922 гг. в исследуемом деле отсутствуют. Наркомпрос ходатайствовал перед Народным комиссариатом социального обеспечения РСФСР о назначении А.Н. Островской пенсии за заслуги драматурга, но получил отказ.

О причинах первоначального отказа имеются сведения в повторном ходатайстве о пенсионном обеспечении для вдовы старшего сына Александра Ни-

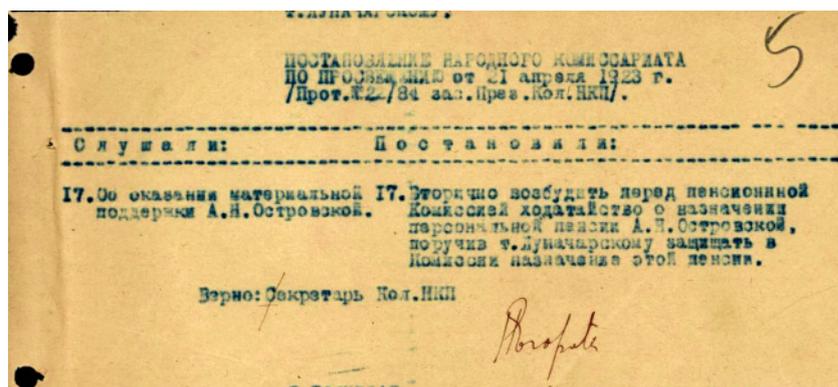

Рис. 3. Постановление НКП РСФСР о возбуждении ходатайства о персональной пенсии А.Н. Островской (ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 5)

колаевича, направленном в Центральную комиссию по назначению пенсий и пособий от 3 мая 1923 г., так же как и в случае с Марией Николаевной, за подписью замнаркома В.Н. Яковлевой: «Постановлением Центральной Комиссии по назначению пенсии и пособий от 3-го апреля с. г. было отклонено ходатайство Наркомпроса о назначении жене старшего сына А.Н. Островского – Анне Николаевне Островской, ввиду отдаленности ее родства с умершим драматургом»⁴⁴. Здесь стоит задуматься о такой формулировке отказа, как «отдаленность родства». Как следует из вышеназванного прошения, невестка драматурга Анна Николаевна жила с двумя детьми. В 1920-е гг. персональные пенсии республиканского значения за заслуги русских классиков получали не только их дети, но и братья, сестры, внуки и даже внучатые племянники.

Понять причину отказа можно, имея в виду расторжение брака Анны Николаевны с А.А. Островским и ее повторное замужество. Брак не был долгим, по-видимому, в 1905/06 г. последовал развод, а в 1908 г. старший сын драматурга уехал во Францию, где прожил до конца своей жизни [Орлова 2012в]. Старшая дочь Анны Николаевны Марианна Александровна (1900–1988) вспоминала: «Отец мой работал в библиотеке Московского университета. Я потеряла его, когда мне было пять лет. Моя мать вышла замуж вторично. Мой отчим был артистом театра Зимина <...> В 1919 году вышла замуж. Мой муж был инженером-строителем. В 1920 году у меня родилась дочь» [Марианна Николаевна Островская]. Соответственно, сама Марианна Александровна, будучи в 1923 г. трудоспособной взрослой женщиной, не могла претендовать на пенсию. О каких-либо братьях или сестрах по отцу, то есть единокровных внуках драматурга, она не говорит. При этом М.А. Островская упоминает о переезде в период эвакуации 1941 г. к сестре в город Городец, не называя ее имени, возраста, не указывая род ее занятий [Мари-

анна Николаевна Островская]. Вероятно, здесь речь идет о сестре по матери.

В костромской «Энциклопедии» также содержатся сведения только об одной дочери старшего сына А.Н. Островского [Орлова 2012а]. Скорее всего, в начале 1920-х гг. вместе с А.Н. Островской проживали ее малолетние дети от второго брака, действительно не имеющие родственных связей с Александром Николаевичем.

Тем не менее руководство Наркомпроса встало на сторону Анны Николаевны, настаивая на близком родстве детей А.Н. Островской с драматургом: «Наркомпрос, учитывая заслуги А.Н. Островского, принадлежавшего к числу имен, составляющих гордость русской литературы, и принимая во внимание невероятно бедственное положение, в котором остались после смерти сына драматурга его семья состоящая из: жены и двоих детей – внуков покойного писателя»⁴⁵. Постановлением Народного комиссариата по просвещению от 21 апреля 1923 г. «Об оказании материальной поддержки А.Н. Островской» защита ее интересов перед пенсионной Комиссией была поручена лично наркому А.В. Луначарскому⁴⁶.

В итоге пенсия по повторному ходатайству была назначена в 1923 г. (точная дата не указана). В графе 10 личной карточки «Для кого испрашивается назначение обеспечения» указаны Анна Николаевна Островская – вдова сына – и двое детей – внуки. В графе 11 «Постоянное местожительство» значится: Москва, Арбат /временно/⁴⁷. Размер пенсии составил 1 ставку заработной платы 17-го разряда ответственных работников⁴⁸ (75 руб.), то есть по 25 руб. на одного члена семьи, что было равно размеру обеспечения, первоначально установленному для сестры драматурга.

В протоколе Центральной комиссии по назначению персональных пенсий и пособий от 10 ноября 1925 г., заполненному по итогам пересмотра пенсионных дел, содержатся сведения об установлении пен-

сии двум внукам Островского (степень родства: внук, внук) в размере 40 руб.⁴⁹ Анна Николаевна в этом документе не упоминается. Возможно, она устроилась на работу. Интересно, что и в личной карточке, и в протоколе 10 ноября 1925 г. пол, имена и даты рождения предполагаемых внуков драматурга не названы. Эти же документы подтверждают прекращение выплаты пенсии с 1 апреля 1926 г.⁵⁰ «за неявкой»⁵¹. Что стало причиной неявки, из документов пенсионного дела непонятно.

Заключение. Подводя общие итоги, следует подчеркнуть информативность документов, хранящихся в пенсионных делах младшей сестры и невестки А.Н. Островского. Особого внимания заслуживают сведения о бедственном положении родственниц драматурга в начале 1920-х гг., в том числе о стесненных жилищных условиях обеих женщин; об отсутствии работы, приличной одежды и обуви у А.Н. Островской. Также документы личного дела позволили уточнить дату смерти М.Н. Островской и установить факт наличия у нее приемной дочери-учительницы.

Однако из материалов пенсионного дела неясно, на каких именно детей была назначена персональная пенсия вдове старшего сына драматурга Анне Николаевне. Также не конкретизировано имя приемной дочери М.Н. Островской, с которой она доживала свои последние годы.

В заключение нужно отметить помощь Народного комиссариата просвещения РСФСР в деле установления родственникам А.Н. Островского персональных пенсий, в том числе личное участие в их судьбах наркома А.В. Луначарского и замнаркома Т.Н. Яковлевой.

Примечания

¹ О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой: декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 15. Ст. 198.

² Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. № 56. Ст. 420; Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. // СУ РСФСР. 1930 г. № 25. Ст. 325.

³ О персональных пенсиях: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // СЗ СССР. 1928. № 35. Ст. 315.

⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 2.

⁵ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 2.

⁶ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 2 – 2 об.; ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 2 – 2 об.

⁷ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 11.

⁸ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 14.

⁹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 15, 16, 17, 18.

¹⁰ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 13.

¹¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 4.

¹² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 8.

¹³ Об объявлении государственной монополии на издание произведений некоторых писателей: постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 18 января 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 16. Ст. 213.

¹⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 14.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 14.

¹⁶ Общее положение о тарифе (Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР): декрет СНК РСФСР от 17 июня 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 61–62. Ст. 276.

¹⁷ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 14.

¹⁸ О трудовых книжках для нетрудящихся: декрет СНК РСФСР от 5 октября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 73. Ст. 792.

¹⁹ О введении трудовых книжек в г.г. Москве и Петрограде: декрет ВЦИК от 25 июня 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 28. Ст. 315.

²⁰ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 7. Д. 2928. Л. 2 – 2 об.

²¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 518. Л. 6.

²² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 18.

²³ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 15.

²⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 16.

²⁵ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 17.

²⁶ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 13.

²⁷ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 73. Д. 304. Л. 2 – 2 об.

²⁸ О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой: Декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 15. Ст. 198.

²⁹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1699. Л. 4.

³⁰ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 860. Л. 32.

³¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 860. Л. 24.

³² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 11.

³³ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 1 об.

³⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 2.

³⁵ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 304. Л. 1 об.

³⁶ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 8.

³⁷ Об авторском праве: Закон Российской Империи от 20 марта 1911 г. // ПСЗ. Собр. третья. Т. XXXI. Ст. 34935.

³⁸ Об основах авторского права: Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1925 г. // СЗ. 1925. № 7. Ст. 66–67.

³⁹ О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах: постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 20 марта 1925 г. // СЗ СССР. 1925. № 21. Ст. 136.

⁴⁰ АРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 1699. Л. 1 – 1 об.

⁴¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 8.

⁴² ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 8.

⁴³ О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед Рабочее-Крестьянской Революцией: декрет СНК РСФСР от 16 июля 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 66. Ст. 300; Об усиленных пенсиях: декрет СНК РСФСР от 5 декабря 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 697.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 4.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 4.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 5.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 2.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 2 об.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 1–1 об.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 1 об., 2 об.

⁵¹ ГАРФ. Ф. А539. Оп. 3. Д. 305. Л. 2 об.

Библиографический список

А.Н. Островский: Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. 660 с.

Воронов И.И. Министр государственных имуществ М.И. Островский // Клио. 2014. № 10. С. 116–119.

Востриков А.В., Панченко Е.З. Друг Н.П. Лихачева Андрей Николаевич Островский // Вспомогательные исторические дисциплины. 2022. Т. 41. С. 74–97.

Жиркова М.А., Капустина О.В. “В недрах Наркомпроса заявление мое затерялось”: прошения и ходатайства о персональном пенсионном обеспечении В.Г. Успенской – дочери Г.И. Успенского // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 64–79.

Жиркова М.А., Капустина О.В. К вопросу о пенсионном обеспечении потомков и родственников А.С. Пушкина, установленном в 1930–1940-х гг. за заслуги поэта перед советским государством // Art Logos. 2022. № 3. С. 52–71.

Жиркова М.А., Капустина О.В. Литературные заслуги А.И. Куприна перед Советским государством // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 2 (51). С. 49–57.

Марианна Александровна Островская (1900–1988). URL: <http://museumschelykovo.ru/news/8019e1fc-cdb6-4bce-b9fc-00f2ea83dd41.aspx> (дата обращения: 09.01.2024).

Мзоков А.Р. Советская денежная реформа 1922–1923 гг. // Наука. Мысль: электрон. периодич. журнал. 2016. № 8-1. Т. 6. С. 41–61.

Минорский В.Н. Воспоминания // Александр Николаевич Островский в воспоминаниях современников. Москва: Худ. литература, 1966. С. 310–313.

Наговицын И. Социальное обеспечение в РСФСР // Известия. 1928. 31 марта.

Орлова Г.И. Островская Марианна Александровна // А.Н. Островский: Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 297–298.

Орлова Г.И. Островская Мария Николаевна // А.Н. Островский: Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 298.

Орлова Г.И. Островский Александр Александрович // А.Н. Островский: Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 299.

Островская Мария Николаевна. URL: <http://museumschelykovo.ru/products/item.aspx?pid=787&ysclid=lr0fmrkxkq232013035> (дата обращения: 09.01.2024).

Сивакова И.В. Пенсионное законодательство в России в советский период (1917 г. – 1928 г.). Москва: Проспект, 2015. 203 с.

Тугарина Н.С. Минорский Владимир Михайлович // А.Н. Островский: Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 256.

Федотов А.С. Актуальные аспекты изучения биографии А.Н. Островского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. 24 с.

Федотов А.С. Письма М.Н. Островского А.Н. Островскому: 1848–1949 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2011. № 3. С. 194–221.

References

A.N. Ostrovskij: *Jenciklopedija* [A.N. Ostrovsky: Encyclopedia], editorial chef and completion by I.A. Ovchinina. Kostroma, Kostromizdat Publ.; Shuja, Izd-vo FGBO VPO “ShGPU” Publ., 2012, 660 p. (In Russ.)

Fedotov A.S. *Aktual'nye aspekty izuchenija biografii A.N. Ostrovskogo avtoref. dis. ... filolog. nauk* [Actual aspects of studying the biography of A.N. Ostrovsky: PhD thesis, summary]. Moscow, 2011, 24 p. (In Russ.)

Fedotov A.S. *Pis'ma M.N. Ostrovskogo A.N. Ostrovskomu: 1848–1949 gg.* [Letters of M.N. Ostrovsky to A.N. Ostrovsky: 1848–1949]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 9. Philology], 2011, No. 3, pp. 194–221. (In Russ.)

Marianna Aleksandrovna Ostrovskaja (1900–1988) [Marianna Alexandrovna Ostrovskaya (1900–1988)]. URL: <http://museumschelykovo.ru/news/8019e1fc-cdb6-4bce-b9fc-00f2ea83dd41.aspx> (access date: 09.01.2024). (In Russ.)

Minorskij V.N. *Vospominanija* [Memoirs]. *Aleksandr Nikolaevich Ostrovskij v vospominanijah sovremennikov* [Alexander Nikolaevich Ostrovsky in the memoirs of contemporaries]. Moscow, Hud. Literature Publ., 1966, pp. 310–313. (In Russ.)

Mzokov A.R. *Sovetskaja denezhnaja reforma 1922–1923* [The Soviet monetary reform of 1922–1923]. *Nauka. Mysl': jelektronnyj periodicheskiy zhurnal* [Nauka. Thought: an electronic periodical], 2016, No. 8-1, vol. 6, pp. 41-61. (In Russ.)

Nagovicyn I. *Social'noe obespechenie v RSFSR* [Social security in the RSFSR]. *Izvestija* [Izvestia], 1928, 31 March. (In Russ.)

Orlova G.I. *Ostrovskaja Marianna Aleksandrovna* [Ostrovskaja Marianna Aleksandrovna]. *A.N. Ostrovskij: Jenciklopedija* [A.N. Ostrovsky: Encyclopedia], editorial chef and completion by I.A. Ovchinina. Kostroma, Kostromizdat Publ.; Shuja, Izd-vo FGBO VPO «ShGPU» Publ., 2012, pp. 297-298. (In Russ.)

Orlova G.I. *Ostrovskaja Marija Nikolaevna* [Ostrovskaja Maria Nikolaevna]. *A.N. Ostrovskij: Jenciklopedija* [A.N. Ostrovsky: Encyclopedia], editorial chef and completion by I.A. Ovchinina. Kostroma, Kostromizdat Publ.; Shuja, Izd-vo FGBO VPO «ShGPU» Publ., 2012, p. 298. (In Russ.)

Orlova G.I. *Ostrovskij Aleksandr Aleksandrovich* [Ostrovsky Alexander Alexandrovich]. *A.N. Ostrovskij: Jenciklopedija* [A.N. Ostrovsky: Encyclopedia], editorial chef and completion by I.A. Ovchinina. Kostroma, Kostromizdat Publ.; Shuja, Izd-vo FGBO VPO «ShGPU» Publ., 2012, p. 299. (In Russ.)

Ostrovskaja Marija Nikolaevna [Ostrovskaja Maria Nikolaevna]. URL: <http://museumschelykovo.ru/products/item.aspx?pid=787&ysclid=lr0fmrkkqq232013035> (access date: 09.01.2024). (In Russ.)

Sivakova I.V. *Pensionnoe zakonodatel'stvo v Rossii v sovetskij period (1917–1928)* [Pension legislation in Russia during the Soviet period (1917–1928)]. Moscow, Prospekt Publ., 2015, p. 92. (In Russ.)

Tugarina N.S. *Minorskij Vladimir Mihajlovich* [Vladimir Mikhailovich Minorsky]. *A.N. Ostrovskij: Jenciklopedija* [A.N. Ostrovsky: Encyclopedia], editorial chef and completion by I.A. Ovchinina. Kostroma, Kostromizdat Publ.; Shuja, Izd-vo FGBO VPO «ShGPU» Publ., 2012, pp. 256. (In Russ.)

Voronov I.I. *Ministr gosudarstvennyh imushhestv M.I. Ostrovskij* [Minister of State Property M.I. Ostrovsky]. *Klio*, 2014, No. 10, pp. 116-119. (In Russ.)

Vostrikov A.V., Panchenko E.Z., Drug N.P. *Lihacheva Andrej Nikolaevich Ostrovskij* [Friend of N.P. Likhacheva Andrej Nikolaevich Ostrovsky]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny* [Auxiliary historical disciplines], 2022, vol. 41, pp. 74-97. (In Russ.)

Zhirkova M.A., Kapustina O.V. “*V nedrah Narkomprosa zajavlenie moe zaterjalos*”: *proshenija i hodatajstva o personal'nom pensionnom obespechenii V.G. Uspenskoj - docheri G.I. Uspenskogo* [My statement was lost in the depths of the People's Commissariat of Education”: petitions and petitions for personal pension provision by V.G. Uspenskaya - the daughter of G.I. Uspensky. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Ser.: Humanities], 2023, No. 2, pp. 64-79. (In Russ.)

Zhirkova M.A., Kapustina O.V. *K voprosu o pensionnom obespechenii potomkov i rodstvennikov A.S. Pushkina, ustanovlennom v 1930-1940-h gg. za zaslugi pojeta pered sovetskim gosudarstvom* [On the issue of pension provision for descendants and relatives of A.S. Pushkin, established in the 1930s and 1940s. for the poet's services to the Soviet state]. *Art Logos*, 2022, No. 3, pp. 52-71. (In Russ.)

Zhirkova M.A., Kapustina O.V. *Literaturnye zaslugi A.I. Kuprina pered Sovetskim gosudarstvom* [Literary merits of A.I. Kuprin before the Soviet state]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2022, No. 2 (51), pp. 49-57. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

The article was submitted 21.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 122–129. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 122–129. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN VPBPLY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-122-129>

МОТИВЫ «СМИРЕНИЯ» И «ДУХОВНОГО СТРАНСТВИЯ» В ОЧЕРКОВОМ ЦИКЛЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА «АФОН»

Юдникова Алёна Александровна, аспирант кафедры отечественной филологии, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, alionaku1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7024-7098>

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие мотивов «смирения» и «духовного странствия» в книге Б.К. Зайцева «Афон». Показывается их циклообразующая функция. Выявляются особенности художественной реализации этих мотивов. Реконструируется система образов, использованных писателем для репрезентации мотивов «смирения» и «духовного странствия». Доказывается, что поэтика данных мотивов формируется из многих элементов и включает в себя импрессионизм в изображении картин природы, использование символов средневековой литературы, цитирование строк из Святого Писания и сочинений Отцов церкви. В работе также прослеживается генетическая связь мотивов «смирения» и «духовного странствия» с древним жанром хождений. Особое внимание уделяется выявлению ценностных ориентиров, определяющих философскую концепцию цикла. Делается вывод о том, что рассматриваемые мотивы получают дальнейшее развитие в очерковом цикле «Валаам» и тетралогии «Путешествие Глеба».

Ключевые слова: очерк, паломничество, путешествие, духовное странствие, Б.К. Зайцев, Афон.

Для цитирования: Юдникова А.А. Мотивы смирения и духовного странствия в очерковом цикле Б.К. Зайцева «Афон» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 122–129. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-122-129>

Research Article

MOTIVES OF “HUMILITY” AND “SPIRITUAL JOURNEY” IN THE ESSAY SERIES BY B.K. ZAITSEVA “ATHOS”

Alena A. Yudnikova, graduate student of the Department of Russian Philology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, alionaku1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7024-7098>

Abstract. The article examines the interaction of the motives of “humility” and “spiritual journey” in the book by B.K. Zaitsev “Athos”. Their cycle-forming function is shown. The features of the artistic implementation of these motifs are revealed. The system of images used by the writer to represent the motives of “humility” and “spiritual journey” is reconstructed. It is proved that the poetics of these motifs is formed from many elements and includes impressionism in the depiction of pictures of nature, the use of symbols of Medieval literature, quoting lines from Holy Scripture and the writings of the Church Fathers. The work also traces the genetic connection of the motifs of “humility” and “spiritual journeying” with the ancient genre of walking. Particular attention is paid to identifying the value guidelines that determine the philosophical concept of the cycle. It is concluded that the motifs under consideration are further developed in the essay cycle “Valaam” and the tetralogy “Gleb’s Journey”.

Keywords: essay, pilgrimage, journey, spiritual journey, B.K. Zaitsev, Athos.

For citation: Yudnikova A.A. Motives of humility and spiritual journey in the essay cycle of B.K. Zaitseva “Athos”. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 122–129. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-122-129>

«Подлинный “инок” в русской литературе» [Коряков: 3] – именно так называет Б.К. Зайцева литературовед П.В. Коряков, подчеркивая отличный от многих других, «иной» склад души писателя и его глубокую вовлеченность в христианскую веру. На эти же черты Зайцева указывала исследовательница В.Я. Воропаева: «Все воспоминания современников единодушно говорят о высокой нравственной чистоте и достоинстве его личности, соединенных с редкой добротой и поистине христианским смирением» [Воропаева: 305]. «Иными» являются и герои произведений Зайцева: они всегда «надземны», задумчивы, сосредоточены не на внешней, а на внутренней жизни.

Продолжая ряд ассоциативных аналогий, следует сказать, что Зайцев не только «подлинный “инок”», но и «странник» русской литературы. Лейтмотив пути, странничества, вечного поиска пронизывает всё творчество писателя, начиная с его первого опубликованного рассказа «В дороге» (1901 г.) и заканчивая последним произведением «Река времен» (1964 г.). Неслучайно А.М. Любомудров пишет о том, что уже в ранний период творчества «определился тип зайцевского героя: это – путник, странник, одинокий, мало привязанный к плоти земли с ее житейскими заботами» [Любомудров: 51]. Во многих произведениях Зайцева мотив странствия является сюжетообразующим и обозначен в заглавии: «Путники» (1917 г.), «Странное путешествие» (1926 г.), «Странник» (1926 г.), «Сентиментальное путешествие» (1946 г.), «Путешествие Глеба» (1937–1942 гг.) и др. Часто в художественном мире писателя странствие становится метафорой жизненного пути героя. Например, в повестях «Аграфена» (1908 г.) и «Голубая звезда» (1918 г.), в романах «Дальний край» (1913 г.) и «Золотой узор» (1925 г.) Зайцев прослеживает, как персонажи перемещаются во времени: от детства к юношеству, от молодости к зрелости.

Мотив пути часто соотнесен у Зайцева не только с категориями пространства и времени, но и с духовным миром его героев. Тема поиска высшей истины и стремления к духовной эволюции особое звучание получает в эмигрантском творчестве писателя, прежде всего в очерковых циклах «Афон» (1927 г.) и «Валаам» (1935 г.), посвященных путешествию к святым местам.

В современном литературоведении эти произведения рассматриваются преимущественно с точки зрения христианской аксиологии. В работах Н.И. Пак, Н.П. Глушковой, А.В. Громовой, А.М. Любомудрова, М.Б. Баландиной и других литературоведов прослеживается влияние традиций древнерусской литературы на прозу эмигрантского периода, в том числе на очерковые циклы «Афон» и «Валаам». Действительно, эти произведения, написанные в первой половине XX века, своими корнями уходят в почву

древнерусской литературы, во многих исследованиях отмечается художественное родство этих путевых циклов с жанром хождения.

Исследования Н.В. Лау, М.В. Ветровой, А.А. Лазарева и других литературоведов касаются образа странника и мотива странствия в прозе Зайцева разных периодов, в том числе в путевых очерках «Афон» и «Валаам».

При этом до настоящего времени не предпринималось попыток рассмотреть мотив странничества в этих произведениях как художественную скрепу. Между тем очерки могут быть проанализированы не только в сравнительно-сопоставительном ключе, но и как художественное единство. Тема духовного пути сопряжена с мотивом смирения, который в свою очередь также становится фактором циклизации в двух книгах. В рамках данной статьи для рассмотрения этого аспекта мы остановимся на материале очеркового цикла «Афон». Однако заявленная нами тема требует дальнейшего исследования.

Художественная специфика книги «Афон» такова, что ключевой фигурой в ней является повествователь-паломник, который во многом сливается с «биографическим автором» [Прозоров: 68]. Одной из первых на эту особенность цикла очерков обратила внимание В.Я. Воропаева: «Главной движущей силой на этом пути, объединяющей все своим лирическим пафосом, является сам автор “Афона”. Человеческий облик Бориса Зайцева играл немалую роль в избранной им теме» [Воропаева: 305]. Исследовательница показала, что художественное единство книги реализуется преимущественно через образ писателя-паломника: «Образ чуткого и благоговейного паломника скрепляет разнородный сплав описаний острова и монастырей, вкрапленных исторических и легендарных экскурсов, “житий”, диалогов с насельниками, лирических отступлений и обращений к читателю. А взгляд художника передает мир Афона с поистине первозданной яркостью» [Воропаева: 305]. Данная специфика повествователя, с одной стороны, усложняет образную систему и нарратив очерка, с другой – соответствует традиции древнего жанра хождений. Характеризуя сущность жанра хождений, Н.И. Прокофьев точно подчеркивает: «Хождения как литературный жанр отличались определенным предметом повествования, структурой, некоторым языковым своеобразием и особым типом повествователя-путешественника. При всей скромности древнерусского писателя его образ хорошо прочитывается в произведениях» [Прокофьев: 10].

В предисловии к книге Зайцев определяет тон своего повествования: «Ученого, философского или богословского в моем писании нет» [Зайцев 1999–2000 7: 76]. И одновременно с этим писатель обозначает доминантные черты образа странника:

«Я был на Афоне православным человеком и русским художником» [Зайцев 1999–2000 7: 76]. Примечательно, что читатель видит Афон как бы с двух точек зрения. Справедливо предположить, что в процессе повествования эти две точки зрения диалектично соотносятся, взаимодействуют и определяют вектор духовных поисков автора. Перед нами странник, который не только видит и фиксирует увиденное, но, прежде всего, тонко чувствует эстетическую и духовную стороны окружающего пространства.

Так, Зайцев начинает свое повествование об Афоне как художник, создавая удивительно живописный, эмоционально окрашенный образ Святой горы, созданный в импрессионистическом ключе: «...Ранняя заря, сырое дымное утро. Туман слегка редющий, ветер все усиливающийся. <...> Невольно опускаю голову и когда подымаю ее, вдруг вижу справа, далеко в море, еле выступающую в бледно-сиреновом дыму утра одинокую гору. Отсюда она двузубчата, столь высока и столь под цвет облакам и туманам, так неожиданна, крута и величественна...» [Зайцев 1999–2000 7: 77]. Первый поэтический образ Афона вызывает одновременно страх, восхищение и желание приблизиться к нему. И в то же время возникает опасение великой силы, которая в нем скрыта: «Что-то грозное есть в этой горе, обрывом срывающейся в море, ветхозаветно-грандиозное. Волны кипят у ее оконечности. <...> Точно бы кто-то, трубящий в огромный рог, отнимая его на минуту, гремит: “Хочешь видеть алмазную скалу? Вот она! Но велик и страшен Бог!”» [Зайцев 1999–2000 7: 78].

Взгляд художника заставляет особенным образом изображать не только пространство Афона, но и афонских иноков. Сравнивая записную книжку писателя с окончательным текстом книги, А.В. Громова точно заметила: «...при создании образов афонских монахов автор шел по пути придания их облику иконописных черт. Но в большинстве случаев портреты монахов индивидуализированы, обрисованы реалистично и психологически объемно» [Громова 2008: 5]. Поэтому о. Нил становится в книге не просто монахом «со слезящимися глазами» [Зайцев 2011: 208], а стариком «с воздушно-снеговым обрамлением лысого черепа, в накинутой на плечи как бы малороссийской свитке, покорный и несколько удивленный. Глаза его, ровно-выцветшие, с оттенком “вечности” слегка слезились» [Зайцев 1999–2000 7: 133].

Так с самых первых строк произведения выкристаллизовывается образ странника-художника. Вариантом его художественной реализации становится образ Данте, к которому несколько раз обращается в своем повествовании автор, соотнося себя с флорентийским поэтом. Личность и творчество Данте играли важную роль в жизни и творчестве Зайце-

ва. Например, в работе «Данте и его поэма» (1922 г.) писатель указывает на два философских мотива «Божественной Комедии». По его словам, во-первых, в поэме изображается «история человеческой души вообще, Человека, блуждавшего по греховной и темной жизни, но с помощью сперва Разума (Вергилия), а затем Божественной Мудрости (Беатриче) вышедшего на путь истины, и очищающегося зрелищем загробных кар и блаженства» [Зайцев 1999–2000 8: 489]. Во-вторых, с точки зрения Зайцева, в «Божественной Комедии» изображается «жизнь всего человечества, его блужданий в потемках идолопоклонничества, суеверий, грехов, долгого и трудного пути до христианства» [Зайцев 1999–2000 8: 489]. В связи с этим заслуживает доверия следующий вывод А.В. Топоровой: «Б. Зайцев предлагает видеть в загробном путешествии поэта путь самого Данте, путь всякого человека и путь всего человечества. И цель этого пути – спасение» [Топорова: 7].

Первое упоминание о Данте появляется в очерке «Встреча», где цитируются строчки из «Божественной Комедии» и дается их перевод:

Молча, в одиночестве, без спутников,
Выступали мы, один вожатым, другой сзади,
Как ходят по дороге братья минориты

[Зайцев 1999–2000 7: 78].

В цитируемом отрывке упоминаются «братья минориты», монашеский Орден меньших братьев Францисканцев, последователей Франциска Ассизского. Название Ордена «меньшие братья» указывает на подражание Христу, являвшему собой образец постоянного странствия. Точно замечает Н.В. Лау: «Мотив “духовного пути”... а также образ героя-странника, путника в прозе писателей первой волны эмиграции был необычайно важен для литературы Русского Зарубежья. Этот мотив и образы странников (как подражание высшему нравственному идеалу – Христу) – уникальное для русской литературы явление, нашедшее реализацию лишь у немногих авторов, ориентировавшихся на идеалы Православия» [Лау: 6]. Как видим, обращение писателя именно к данному фрагменту «Божественной Комедии» связано не только с образом Данте, но и с образом Христа, который присутствует в подтексте всего цикла. Таким образом, в творческом сознании автора не противопоставляются, а сопрягаются духовное и творческое начала. За внешним эстетическим восхищением от Афона, которое выведено на первый план повествования, скрывается сложная духовная работа, которая происходила в душе писателя.

Несмотря на то, что Зайцев в «Афоне» обращается к древнегреческой мифологии и вводит в текст множество художественных и культурологических аллюзий, смысловым стержнем книги остается мотив «духовного странствия».

В «Лестнице добродетелей, возводящих на небо» преподобного Иоанна Лествичника, духовно-нравственное «возрастание» человека не может быть без обретения смирения: «умерщвление всем... страстям есть смиренномудрие; и кто приобрел сию добродетель, то все победил» [Иоанн Лествичник: 184]. Мотив духовного спасения через смирение весьма характерен для прозы Зайцева. И в контексте творчества писателя он неразрывно связан с мотивом духовного странствия. В современном русском языке «мир» и «смирение» являются однокоренными, поэтому смиряться – значит быть в мире. Кроме того, понятие смирения положено в основу христианского учения и является одной из главных добродетелей: Христос начинает Нагорную проповедь именно с заповеди о смирении: «Блаженны нищие духом, оно тех есть Царство Небесное» (Евангелие от Луки 6:20).

Для Зайцева поиск «мира» является важнейшей составляющей духовного странствия. В связи с этим первый очерк «Встреча» завершается следующими словами: «Я же остался у ворот монастыря, подобно тому флорентийскому литератору, о котором говорит легенда, что пришел он раз, в изгнании, на заходе солнца со свитком первых песен “Ада” к монастырскому привратнику, постучал в дверь и на вопрос: чего надобно? – отвечал: мира» [Зайцев 1999–2000 7: 83]. В этом эпизоде Зайцев не только уподобляет себя Данте, которого считает «классическим выражением христианского начала в искусстве» [Громова 2015: 47], но и объясняет себе и читателю цель посещения Афона: обрести мир в душе.

Преподобный Иоанн Лествичник дает толкование смирению и выделяет в нем три степени. Первая заключается в готовности и способности перенести унижение, считая его «духовным врачевательством». Эта степень смирения проиллюстрирована в цикле «Афон» эпизодом, соответствующим идее Иоанна Лествичника. Например, в очерке «Монастырь святого Пантелеймона» Зайцев рассказывает о трех фигурах монахов – чтеца, повара и трапезаря, – стоящих при выходе из трапезной и низко кланявшихся каждому, и поясняет: «Они просят прощения, если что-нибудь было не так. В будни же они, в знак смирения, и прося о снисхождении к себе, лежат расprostершись перед выходящими» [Зайцев 1999–2000 7: 97].

Вторая степень смирения связана с изгнанием гнева из сердца своего. Эта черта смиренности также не осталась незамеченной. Зайцев пишет о доброте и беззлобности, которая царит в монашеской среде: «Простота и доброта, а не сумрачное отчуждение, – вот стиль афонский» [Зайцев 1999–2000 7: 76]. А по мере повествования автор несколько раз указывает на доброту и приветливость со стороны афонских монахов: «В них есть удивительное “благочиние” и, сравнительно с “миром”, большая незлоб-

ность и доброта» [Зайцев 1999–2000 7: 94]; «Я жил... окруженный необыкновенно благожелательным и ласковым воздухом» [Зайцев 1999–2000 7: 94]; «Я видел в монастыре св. Пантелеймона столько доброты и братской расположенности, столько приветливости и тепла» [Зайцев 1999–2000 7: 104].

Третья степень смирения заключается в том, что человек не доверяет себе, а учится у Бога: то есть человек отказывается от идеи своеволия и осознает божественную волю и участие в своей судьбе. Эту степень смирения Зайцев замечает в монашеской среде сразу же по прибытии на Афон: «Монах как бы живет в Боге, “ходит в нем”. Естественно его желание приобщить к Богу каждый шаг своей жизни, каждое как будто будничное ее проявление. <...> Здесь самую жизнь обращают в священную поэму» [Зайцев 1999–2000 7: 97].

Примечательно, что в тексте книги Зайцев обращается к словам Иоанна Лествичника, пересказывая службу в монастыре Андреевского скита: «Как связать мне плоть свою, сего друга моего, и судить ее по примеру прочих страстей? <...> Если соединишься с послушанием, то освободишься от меня; а если приобретешь смирение, то отсечешь мне голову» [Зайцев 1999–2000 7: 86]. Плоть – это не только тело человека, но и вся его жизнь, сопряженная с земным, временным, преходящим: это и любовь к близким, и восхищение красотой окружающего мира. Отказаться от всего этого – «безмерная» задача, которая встает перед писателем в самом начале его путешествия и кажется невыполнимой.

Пребывая на Афоне, Зайцев пытается постичь все три степени смирения. Еще до схождения на афонскую землю, наблюдая разыгравшуюся бурю, он пишет: «Как будем приставать в такую бурю? Ну, да впрочем, здесь уж все, как полагается. Это значило приблизительно то, что мудрить нечего, особенный мир, все равно своей волей и соображениями ничего не прибавишь» [Зайцев 1999–2000 7: 77]. Мысль о высшей воле, на которую нужно положить и не «мудрить», становится лейтмотивом книги, который является определяющим в духовном странствии писателя-паломника. Например, в первом очерке «Встреча» читаем следующие строки: «Так же, как и спускавшись в плясавшую лодку, чувствовал себя в чужой власти... Но чувствуешь – ничего, все устроится, “образуется”» [Зайцев 1999–2000 7: 77]. В очерке «Святые Афона» мотив смирения снова соотносится с образом природы и проявлением через нее божественной воли: «Поистине, в этой стране все в руке Божией, и нет Его воли, нечего и пытаться возвращаться. “Смирись, гордый человек!” Жди погоды» [Зайцев 1999–2000 7: 138].

В повествовании странника-Зайцева частые пейзажные зарисовки, гармонично сменяющие описание

монастырей и служб, репрезентируют идею примирения поэтического и христианского взглядов. Например, в очерке «Пантократор, Ватопед и Старый Русский» можно наблюдать, как описание монастыря как бы «растворяется» в пейзаже: «Когда наша ладья подходила к Пантократору, он сиял еще в вечерней заре, подымаясь круто над морем башнею, крепостными стенами и балкончиками. Мы свернули налево и узким проливом вошли в небольшую, уютную бухточку, совсем закрытую от волн. <...> На холме, в лесах и зелени, белел и горел ярким стеклом русский скит пророка Илии» [Зайцев 1999–2000 7: 118].

Таким образом, природная и духовная жизнь взаимодействуют друг в друга. Это примирение двух миров свойственно и самому укладу монашеского бытия на Афоне. Например, Зайцев указывает на соотнесенность распорядка дня монахов с природными циклами: «Во всех монастырях Афона принято, что вышедшие возвращаются до заката, в этом есть глубокая поэзия. Солнце скроется, и кончен земной день, нечего путать и волновать мироздание своими выдумками. Запирают тройные врата, в наступающей ночи лампада будет краснеть перед образом надвходным – Спасителя ли, Богоматери, и привратник укроется в свою ложу» [Зайцев 1999–2000 7: 122].

С этим же мотивом связан эпизод посещения Зайцевым о. Наума. Рассматривая снимки, сделанные монахом за долгие годы пребывания на Афоне, автор пытается найти «след Леонтьева, жившего тут в семидесятых годах» [Зайцев 1999–2000 7: 141]. Размышляя о личности русского писателя и философа, принявшего к концу своей жизни постриг, Зайцев пишет: «Леонтьевские впечатления об Афоне схематичны и односторонни. Кажется, слишком отзываются они предвзятостью, “идеями”, да может быть, и обликом о. Иеронима. Но рядом с посохом св. Афанасия цветут на Афоне розы и лилии, весной же тянет в море благоуханием полуострова. Леонтьев не любил этого или старался умышленно отринуть» [Зайцев 1999–2000 7: 141].

В этих размышлениях читается укор Леонтьеву за то, что тот пытался всеми силами заглушить в себе натуру художника и полностью погрузиться в суровую монашескую жизнь, полную духовной брани. В защиту своей позиции в очерке «Новая Фиваида» Зайцев рассказывает историю отшельника, напомнившего ему Толстого. Этот монах, уже долгое время живущий на Афоне в строгом аскетизме, преданный Христу, произносит следующие слова: «Вот, люблю, люблю. Прямо говорю. Взглянул, вижу всю красоту, прелесть... Удивительная красота... и знаю, что рухнет, в огне Божиим завтра, может, сторит по трубе Архангела... а люблю! Не могу удержать мысль... сердцем люблю, по-земному!» [Зайцев 1999–2000 7: 131]. Размышляя над восторженными словами отшельни-

ка о любви к окружающему миру, природе и земной красоте, писатель приходит к выводу, что для духовного роста не нужно отречься от художественного взгляда и отсекал тем самым важнейшую часть своей души, напротив, этот взгляд художника будет «преображен светом высшим» [Зайцев 1999–2000 7: 131]. Таким образом, Зайцев пытается решить задачу, которая стояла перед многими художниками: как примирить возвышенную красоту божественного мира с красотой земной, временной.

Стоит отметить, что в творческом сознании Зайцева природа никогда не была противопоставлена миру духовному, напротив, она воспринимается писателем как отзвук иных, надземных миров. Такой религиозно-философский взгляд формировался у него постепенно и во многом был определен идеями Владимира Соловьева. Неслучайно писатель говорит о том, что в его юности именно Соловьев «давал толчок к вере» [Зайцев 4: 588].

Художественная картина мира Зайцева к моменту его работы над книгой «Афон» усложнилась, а опыт эмиграции заставил глубоко проникнуться христианством уже не через философские труды Соловьева, а посредством чтения и изучения древнерусских текстов. Миропонимание древнерусского книжника, несомненно, повлияло на творческое сознание Зайцева. Элементы поэтики древнерусской литературы преломились не только в жанровом мышлении писателя, но и в образно-символической системе его прозы.

Здесь уместно вспомнить слова Ю.М. Лотмана о значении путешествия для человека средневековья: «...движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя – в аду. География выступает как разновидность этического знания. Всякое перемещение в географическом пространстве становится отмеченным в религиозно-нравственном отношении» [Лотман: 239]. Такую символизацию пространства мы можем наблюдать в жанре хождения. Пускаясь в странствие по Святым местам, паломник Древней Руси совершал переход из мира «горнего» в «дольный». Монастырь – это сакральное пространство на земле, где нет времени, но есть вечность, а божественное и земное сливаются воедино. Эта же «духовная вертикаль» реализуется в образно-поэтической картине мира Зайцева через биполярность пространства: «верх» – «низ» и находит свое выражение в картинах природы. М.Б. Баландина в своем исследовании замечает: «Концептуально значимыми в художественной картине мира Б. Зайцева оказываются следующие бинарные оппозиции: Верх – Низ, Горнее – Дольнее, Ближнее – Дальнее, Внешнее – Внутреннее, Время – Вечность, Жизнь – Смерть и др.» [Баландина: 136].

Воплощением вертикали «небо» – «земля», «горный» – «дольный» становится образ горы. В примечании к книге Зайцев указывает на сложность и опасность восхождения на Афон: «...подъем туда дело очень трудное. <...> “Шпиль” необитаем, там никого нет, жить слишком трудно из-за бурь, холодов зимою, ветров» [Зайцев 1999–2000 7: 149]. Несмотря на то, что, описывая Святую Гору, писатель прибегает к эстетизации пространства: «Да, я не был на вершине Афона, но я так ясно представляю себе его надземную высоту, синий туман моря, видения островов, ток безбрежного ветра, что мне все кажется, будто я там побывал» [Зайцев 1999–2000 7: 149], – этот пейзаж является метафорой его духовной эволюции. Иеромонах Серафим Парамонов подобным же образом рассуждает о внутренней жизни христианина: «Путь богомольца географически петляет между городами и весями, но в духовном смысле он представляет собой восхождение в гору, ввысь, к небу – в преодолении собственных немощей и мирских искушений, в стяжании смирения, в испытании и очищении веры» [Параманов Серафим, иером: 21].

Ближе к финалу книги мотив смирения приобретает экзистенциальные оттенки, связано это с осмыслением жизни и смерти. Так, например, этому посвящены главы «Крин сельный» и «Гробница» в очерке «Тихий час», где Зайцев размышляет о быстротечности времени, сменяемости поколений, неотвратимости смерти: «“Яко крин сельный, тако отцветет” – сказано о них, о человеке. Знаю, что отцветет» [Зайцев 1999–2000 7: 142]. Эти слова из Псалтири: «Дни человека, как трава; как цвет полевой, так он отцветет» (псалом Давида 102-й, ст. 15) – встречаются также в других произведениях Зайцева (в рассказе «Странник» и тетралогии «Путешествие Глеба»). Понимая и принимая быстротечность жизнь человека на Земле, писатель все же не считает ее окончанием духовного пути, что позволяет ему примириться с неизбежностью смерти. Уместно вспомнить запись в его дневнике: «Всегда мне казалось, что жизнь – это смена путешествий, вплоть до последнего» [Зайцев 1999–2000 9: 187].

В начале своего странствия писатель-паломник ощущал раздвоенность, которая выражалась преимущественно в чувстве одиночества: «Я не спал. Лежал в глубочайшей тишине монастыря на постели своей комнаты, не раздеваясь, окруженный морем черноты и беззвучия, по временам переворачиваясь на ложе мягком, полумонашеском. Было такое чувство, что от обычной своей жизни, близких и дома отделен вечностью» [Зайцев 1999–2000 7: 84]. Чувство одиночества не случайно: для странника-Зайцева Афон – незнакомое пространство, о котором он напишет в письме своей жене: «Нет, Афон не шутка. Тут: или-или. <...> Этот мир замечательный мне все же не близок» [Зайцев 2011: 242].

На протяжении всего путешествия по Афону автор записывает впечатления от увиденного, анализирует свои чувства, переживания не только душевного, но и духовного порядка. Писатель, с одной стороны, как бы спускается в «глубины души человеческой», с другой – совершает восхождение по «духовной лестнице». Ближе к финалу книги настроение паломника меняется. А очерк «Тихий час» свидетельствует, что в душе повествователя действительно воцаряются тишина, спокойствие, мир. Об этом убедительно говорят заключительные слова очеркового цикла «Афон»: «В час пустынный, пред звездами, морем, можно снять шляпу и, перекрестившись, вспомнив о живых и мертвых, кого почитал, любил, к кому был близок, вслух прочесть молитву Господню» [Зайцев 1999–2000 7: 146].

При этом поставить точку в духовном восхождении писателя-паломника нельзя. Зайцев сохраняет интонацию поиска и делает акцент не на идее окончания религиозного пути человека, а на мысли о том, что его движение, рост, духовное странствие не имеют предела.

Таким образом, первая книга «Афон» в концептуальном плане не является законченным произведением с точки зрения духовно-символического содержания. Примечательно, что возвращается Зайцев с Афона на корабле под названием «Хризаллида», что с греческого переводится как «золотистого цвета куколка, из которой выходит бабочка» [Словарь: 937]. В поэтике очерковых циклов это название приобретает особое символическое звучание: писатель еще только «прикоснулся к святости» [Грибановский: 460], но не воспринял ее в полной мере. Поэтому далее должно наступить духовное «созревание», а репрезентацией внутренней эволюции автора становится книга «Валаам».

Подводя итог, можно сделать вывод, что именно период эмиграции помог автору в идейно-эстетическом самоопределении. Поэтому паломническая поездка стала важной вехой не только в его духовной, но и творческой жизни. «Афон» и «Валаам» становятся этапом в развитии и усложнении образа странника как «авторского архетипа» [Фаустов: 25]. В книге Зайцева «Афон» мотивы смирения и духовного странствия являются смысловым стержнем и фактором циклизации. В контексте очеркового единства их композиционное сцепление и развитие готовят почву для создания не только книги «Валаам», но и тетралогии «Путешествие Глеба», во многом обобщающей художественно-философские искания писателя.

Список литературы

Баландина М.Б. Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2003. 172 с.

Воропаева В.Я. «Афон» Бориса Зайцева // Афины и Афон: Очерки, письма, афонский дневник. Санкт-Петербург: Росток, 2011. С. 298–307.

Грибановский П.В. Борис Зайцев о монастырях // Полн. собр. соч.: в 11 т. Москва: Русская книга, 2000. Т. 7. С. 458–468.

Громова А.В. Роль документа в творческой истории книги Б.К. Зайцева «Афон» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 23. С. 53–56.

Громова А.В. Данте в творческом самосознании Б.К. Зайцева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки, 2015. № 4 (16). С. 41–47.

Зайцев Б.К. Афины и Афон: Очерки, письма, афонский дневник. Санкт-Петербург: Росток, 2011. С. 199–251.

Зайцев Б.К. Полн. собр. соч.: в 11 т. Москва: Русская книга, 1999–2000.

Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 5-е изд. Козельская Введенская оптина пустынь, 1898.

Коряков П.В. Монашество в творчестве Б.К. Зайцева: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2002. 208 с.

Лау Н.В. Мотив «духовного странничества» в прозе русской эмиграции (И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 35 с.

Лотман Ю.М. Понятие географического пространства в русских средневековых текстах // Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Языки русской культуры, 1996. С. 239–249.

Любомудров А.М. Духовный реализм Б.К. Зайцева // Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. С. 49–113.

Параманов Серафим, иером. О паломничестве и странничестве. Москва: Развитие духовности, культуры и науки, 2004. 58 с. URL: <http://korolev.msk.ru/books/919/paramanov1/H1-T.htm> (дата обращения: 28.02.2023).

Прозоров В.В. Автор // Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. Москва: Высш. шк., 2004. С. 60–82.

Прокофьев Н.И. Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. Москва: Советская Россия, 1984. 446 с.

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи / сост. под ред. А.Н. Чудинова. Санкт-Петербург: Изд. книгопродавца В.И. Губинского, 1894. 988 с.

Топорова А.В. Данте и его поэма в восприятии Б. Зайцева // *Studia Litterarum*, 2021. Т. 6, № 2. С. 184–197.

Фаустов А.А. Архетип // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. Москва: Изд-во Кулагинной; Intrada, 2008. С. 25.

References

Balandina M.B. *Khudozhestvennyi mir B. Zaitseva: poetika khronotopa*: dis. ... kand. filol. nauk [The art world B. Zaitsev: The poetics of the chronotope: DSc thesis]. Magnitogorsk, 2003, 172 p. (In Russ.)

Faustov A.A. *Arkhetip* [Archetype]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Poetics: Dictionary of current terms and concepts], ed. by N.D. Tamarchenko. Moscow, Izd-vo Kulaginoi Publ.; Intrada Publ., 2008, pp. 25. (In Russ.)

Gribanovskii P.B. *Boris Zaitsev o monastyriakh* [Boris Zaitsev about monasteries]. *Poln. sobr. soch.: v 11 t. Moscow, Russkaia kniga Publ.*, 2000, vol. 7, pp. 458–468. (In Russ.)

Gromova A.V. *Rol' dokumenta v tvorcheskoi istorii knigi B.K. Zaitseva "Afon"* [The role of the document in the creative history of V.K. Zaitsev's book "Athos"]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Humanities], 2008, No. 23, pp. 53–56. (In Russ.)

Gromova A.V. *Dante v tvorcheskom samosoznanii B.K. Zaitseva* [Dante in the creative self-consciousness of V.K. Zaitseva]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences], 2015, No. 4 (16), pp. 41–47. (In Russ.)

Ioann, igumen Sinaiskoi gory. *Lestvitsa* [Ladder]. *Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra, 5th publ. Kozel'skaia Vvedenskaia optina pustyn' Publ.*, 1898. (In Russ.)

Lau N.V. *Motiv "dukhovnogo strannichestva" v proze russkoi emigratsii (I.S. Shmelev, B.K. Zaitsev): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The motive of "spiritual strangeness" in the prose of Russian emigration (I.S. Shmelev, B.K. Zaitsev): DSc thesis, summary]. *Voronezh*, 2011, 35 p. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Poniatie geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh* [The concept of geographical space in Russian medieval texts]. *Vnutri mysliazhchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriia* [Inside the thinking worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. *Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ.*, 1996, pp. 239–249. (In Russ.)

Liubomudrov A.M. *Dukhovnyi realizm B.K. Zaitseva* [Spiritual realism B.K. Zaitseva]. *Dukhovnyi realizm v literature russkogo zarubezh'ia: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelev* [Spiritual realism in the literature of Russian abroad: B.K. Zaitsev, I.S. Shmelev]. *Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ.*, 2003, pp. 49–113. (In Russ.)

Paramanov Serafim, ierom. *O palomnichestve i stranichestve* [About pilgrimage and strangeness]. Moscow, Razvitie dukhovnosti, kul'tury i nauki Publ., 2004, 58 p. URL: <http://korolev.msk.ru/books/919/paramanov1/H1-T.htm> (access date: 28.02.2023) (In Russ.)

Prozorov V.V. *Avtor* [Author]. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies], ed. by L.V. Chernets, V.E. Khalizev, A.Ia. Esalnek et al. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 2004, pp. 60-82. (In Russ.)

Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo iazyka: Materialy dlia leksicheskoi razrabotki zaimstvovannykh slov v rus. lit. rechi [Dictionary of foreign words included in the Russian language: Materials for the lexical development of borrowed words in Russian lit. speeches], ed. by A.N. Chudinov. Saint Petersburg izd. knigoprodavtsa V.I. Gubinskogo Publ., 1894, 988 p. (In Russ.)

Voropaeva V.Ia. "Afon" Borisa Zaitseva ["Athos" by Boris Zaitsev]. *Afiny i Afon. Ocherki, pis'ma, afonskii dnevnik* [Athens and Athos. Essays, letters, Athos diary]. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2011, pp. 298-307. (In Russ.)

Zaitsev B.K. *Poln. sobr. soch.: v 11 t.* [Full collection of writings: in 11 vols.]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1999-2000. (In Russ.)

Zaitsev B.K. *Afiny i Afon. Ocherki, pis'ma, afonskii dnevnik* [Athens and Athos. Essays, letters, Athos diary]. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2011, pp. 199-251. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN LOGUMJ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-130-136>

МОТИВ СНА В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА «ЕВРОПЕЙСКАЯ НОЧЬ»

Кузнецова Алина Николаевна, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, azamat_kost@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8516-7618>

Аннотация. В статье рассматриваются семантика и поэтика мотива сна, присутствующего в сборнике Ходасевича «Европейская ночь» и формирующего авторскую концепцию «вдохновения». Показывается, что лейтмотив сна характеризует психологическое состояние лирического героя, связанное с приходом либо отсутствием творческого вдохновения. Семантика мотива реализуется антиномично. С одной стороны, сон-вдохновение спасает лирического героя от земной рутины. С другой стороны, в некоторых стихотворениях обычная земная жизнь предстаёт для лирического субъекта сном-наваждением. Особенно трагическое звучание повествование об этом сне-наваждении приобретает в контексте сборника. Развёрнутая метафора «европейская ночь» в авторском воплощении усиливает две интенции: противопоставлены сон-наваждение и сон-спасение. В лирическом пространстве «Европейской ночи» Ходасевича сон становится метафорой особого пограничного состояния, внушённого и даже «навязанного» извне герою-творцу. Согласно художественной философии поэта, вдохновение, являясь результатом мобилизации всех способностей художника слова, оказывается «потусторонним», посланным свыше бытием, ведущим к большей творческой продуктивности. Мотив «сна» в противоречивом контексте вышеупомянутых стихотворений «Европейской ночи» указывает на спасительную функцию вдохновения, позволяющего творцу избавиться от «земного сна», духовно «прозреть» и повести за собой людей.

Ключевые слова: В.Ф. Ходасевич, сборник «Европейская ночь», мотив сна, интерпретация, поэтика, семантика, амбивалентность, вдохновение.

Для цитирования: Кузнецова А.Н. Мотив сна в поэтическом сборнике В.Ф. Ходасевича «Европейская ночь» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 130–136. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-130-136>

Research Article

DREAM MOTIF IN VLADISLAV KHODASEVICH'S POETRY COLLECTION "EUROPEAN NIGHT"

Alina N. Kuznetsova, graduate student, Kostroma State University, Kostroma, Russia, azamat_kost@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8516-7618>

Abstract. The article describes the semantic content and poetics of the dream motif present in Vladislav Khodasevich's collection "European Night", and we form our own concept of "inspiration". It is shown that the dream leitmotif characterises the psychological state of the lyrical hero associated with the arrival or absence of creative inspiration. The semantics of the motif is implemented antinomically. On the one hand, the dream-inspiration saves the lyrical hero from the mundane routine. On the other hand, ordinary earthly life in some poems appears to the lyrical subject as a dream-obsession. The story of this dream-obsession gets a particularly tragic sound in the context of the collection. The expanded metaphor "European Night" in the author's incarnation reinforces two intentions – obsession dream and salvation dream are opposed. In the lyrical space of Vladislav Khodasevich's "European Night", dream becomes a metaphor for a special borderline state, instilled and even "imposed" from the outside on the creator hero. According to the poet's artistic philosophy, inspiration, being the result of the mobilisation of all word artist's abilities, is an "otherworldly" being sent from above, leading to greater creative productivity. The "dream" motif in the contradictory context of the above-mentioned poems of "European Night" indicates the salvation function of inspiration, which allows the creator to get rid of the "earthly dream", to spiritually "see through" and to lead people.

Keywords: Vladislav Khodasevich, "European Night" collection, dream motif, interpretation, poetics, semantics, ambivalence, inspiration.

For citation: Kuznetsova A.N. Dream motif in Vladislav Khodasevich's poetry collection "European Night" (1927). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 130–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-130-136>

К мотиву сна обращались многие русские писатели. Введение такого литературного приёма помогло, например, И.А. Гончарову, Ф.М. Достоевскому, В.В. Набокову и другим русским прозаикам полнее раскрыть внутренний мир своих персонажей. С помощью образа «сна» часто передавали своё видение мира, выражали свои мысли и переживания такие поэты, как В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, А.А. Фет, О.Э. Мандельштам, А.А. Блок, М.И. Цветаева, И.А. Бродский.

Онейросфера, художественно воплощённая в русской литературе, не раз становилась предметом исследования. Так, Д.А. Нечаенко посвятил свою монографию изучению функций сновидений в текстах мифологий, религий и мировой литературы [Нечаенко 1991]. В другой своей работе он проанализировал сюжетообразующую роль сновидений в балладах и поэме Жуковского «Агасфер» [Нечаенко 2011]. Отечественные литературоведы рассмотрели особенности генезиса и смыслового наполнения мотива сна в творчестве М.Ю. Лермонтова [Полякова], А.А. Фета [Леготина], А.А. Блока [Александрова, Коптелова: 110–113], О.Э. Мандельштама [Кавтарадзе], М.И. Цветаевой [Дворяшина, Козикова]. А.М. Ремизова [Цивьян] и других авторов.

В контексте исследования онейросферы в русской поэзии следует выделить работу Е.В. Невзглядовой, которая характеризует разные варианты реализации мотива «сна» в творчестве ряда русских лириков [Невзглядова]. Особое воплощение сновидческого начала она находит и в поэзии В.Ф. Ходасевича [Невзглядова]. Невзглядова верно подмечает, что в раннем стихотворении Ходасевича «Сладко после дождя тёплая пахнет ночь...» выражены неясные, отрывочные, сновидческие ощущения лирического героя. Это – зарисовки памяти, подобной сну.

Проблема репрезентации мотива сна в лирике Ходасевича также затрагивается и в монографии А.Э. Скворцова [Скворцов]. Литературовед сопоставляет стихотворения «О чём ты воешь, ветр ночной...» Тютчева и «Граммофон» Ходасевича. Выявляя в стилистике Ходасевича подчёркнутую ориентированность на претекст Тютчева, он приходит к следующему выводу: в отличие от лирического героя Тютчева, заклинаящего замолчать таинственные стихии, обладающие страшным знанием, персонаж стихотворения Ходасевича стремится звуками обыденной жизни заглушить откровение, могущее прийти свыше. Таким образом, по мнению Скворцова, в стихотворении Ходасевича утверждается мысль об осознанном «сне разума» [Скворцов: 72].

Однако, несмотря на то, что работы Невзглядовой и Скворцова вносят определённый вклад в изучение особенностей художественного воплощения мотива сна в лирике Ходасевича, многие аспекты обозначенной темы ещё нуждаются в специальном рассмотрении. Дело в том, что Ходасевич принадлежал к тем русским авторам, кто в своих стихах напряжённо размышлял о природе художественного творчества, настойчиво пытался проникнуть в тайны рождения поэтического слова. Предметом постоянной рефлексии Ходасевича-поэта была проблема творческого вдохновения. Весьма важную роль в реализации концепции «вдохновения» в лирике Ходасевича сыграл лейтмотив сна, что ещё не показано отечественными литературоведами. Этим определяется новизна и актуальность предпринятого нами исследования.

Мотив «сна» является смысловой доминантой в последнем сборнике Ходасевича «Европейская ночь», написанном в 1927 году в эмиграции. В нём поэт отразил своё катастрофическое восприятие действительности, показал бездуховное состояние Европы. В данной статье мы рассмотрим семантику и поэтику мотива сна, присутствующего в сборнике Ходасевича «Европейская ночь», и проследим, как его развитие формирует авторскую концепцию «вдохновения».

Само название сборника Ходасевича «Европейская ночь» уже ассоциативно отсылает читателя к идее сна, в который погружается лирический герой. Это подтверждает стихотворение «Весенний лепет не разнежит...» [Ходасевич: 250], написанное в 1923 году. Его лирический субъект, рассказывая о своих ощущениях и предпочтениях, объединяет, казалось бы, несопоставимые процессы и события. Примечательно, что именно дисгармонические эмоционально-психологические состояния человека, описанные автором с физиологической точностью, объявляются величайшим богатством и достоянием:

И в этой жизни мне дороже
Всех гармонических красот –
Дрожь, побежавшая по коже,
Иль ужаса холодный пот [Ходасевич: 250].

В этой декларации Ходасевича угадывается диалог с традицией Лермонтова, искавшего вдохновение не в покое, умиротворении и безмятежности, а в борьбе, дисгармонии. В лермонтовском стихотворении «Я жить хочу. Хочу печали...» лирический герой размышляет о бессмысленности жизни поэта без душевного надрыва:

Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;

Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот. <...>

[Лермонтов: 276].

Страданиями поэт «расплачивается» за минуты вдохновения: «Он покупает неба звуки, / Он даром славы не берёт» [Лермонтов: 276]. Риторическое восклицание, с которого начинается данное произведение, указывает на антиномию, заданную в нём: предикатная основа «я жить хочу» подчёркивает, что восклицающий «не живёт». Итак, Лермонтов противопоставляет «спокойствия туман», являющийся «нежизнью», и жизнь, наполненную заботами и тяготами.

Подобную родственную переключку стихотворения Ходасевича «Весенний лепет не разнежит...» можно заметить и со стихотворением А.А. Блока «И вновь – порывы юных лет...», в котором лирический герой категорично отказывается от счастья во имя творчества и вдохновения: «И, наконец, увидишь ты, что счастья и не надо было...» [Блок: 101].

В череде желанных и искомых психологических переживаний лирический субъект Ходасевича особо выделяет состояние сна, которое он оценивает как путь в иные миры, как вдохновенное пересоздание своей творческой личности.

Иль сон, где, некогда единый,
Взрываясь, разлетаюсь я,
Как грязь, разбрызганная тинной
По чуждым сферам бытия [Ходасевич: 250].

В процитированных строках отчётливо переосмыслен образ символистского многомирия. Звукоспись в этом стихотворении образно подчёркивает границу между сном и явью: шипящие звуки помогают передать восприятие лирическим субъектом «этой жизни»: «И в этой Жизни мне дороЖе/ [Ф] сех гармоническИх красот – / Дро[Ш]ь, побеЖав-Шая по коЖе, / Иль уЖаса холодный пот» (выделено мною. – А. К.). Наряду с шипящими в первых четырёх строках данной строфы присутствует обилие глухих звуков. Благодаря аллитерации строфа делится на две части. Первая часть ассоциативно «заставляет» читателя услышать «страшные» шорохи земной жизни. Однако эти неприятные ощущения дороги лирическому герою: они для него являются доказательством «иног существования». В следующем предложении, рассказывающем о сне, в котором происходит распад, «расчеловечивание» лирического героя, много звонких звуков: «ВЗРывАясь, РазЛетаюсь я, / Как ГРязь, РазБРызГанная тИной / По чуЖДыМ сфеРаМ Бытия» (выделено мною. – А. К.).

В смысловом пространстве этого стихотворения запечатлена характерная для Ходасевича двойственность, амбивалентность. Выражено его умение «нежно ненавидеть и язвительно любить» [Ходасевич:

212]. С одной стороны, сон воспринимается здесь как порыв вдохновения, как освобождающая стихия: «взрываясь» и «разлетаясь», лирический герой избавляется от тягот земной жизни. С другой стороны, лирический субъект фиксирует, что во сне происходит некая катастрофа: разрушение, раздробление на части его человеческого «я»: «некогда единый, / Взрываясь, разлетаюсь я» [Ходасевич: 250]. Однако самоироничное сравнение себя самого с грязью указывает на маловажность для героя реального, брэнного, земного. Человек, распадаясь, становится частицей «грязи». Но лирический субъект воспринимает это как необходимую, жертвенную плату за приход желанного вдохновения, за искомое для художника обретение «миров иных»: «И в этой жизни мне дороже / Всех гармонических красот <...>» [Ходасевич: 250].

Имплицитно мотив сна присутствует и в других стихотворениях сборника Ходасевича «Европейская ночь». Так, в стихотворении «У моря», написанном в 1923 году, лирический герой будто видит сон наяву. Он созерцает словно «изменённую реальность»:

Лежу, ленивая амёба,
Гляжу, прищулив левый глаз,
В эмалированное небо,
Как в опрокинувшийся таз [Ходасевич: 253].

Сравнение неба с опрокинутым тазом в тексте стихотворения показывает неправильность, неестественность положения тела лирического героя. Небо над Европой уподоблено опрокинувшемуся тазу. Это гротескное сравнение базируется на контекстной антитезе: то, что должно быть высоким, бездонным, отвлечённым, соотносится с вещным, твёрдым, применимым в быту предметом. Эпитет «эмалированное», являющийся компонентом развёрнутого сравнения, подчёркивает принадлежность описываемого предмета к бытовой утвари: «Всё тот же мир обыкновенный, / И утварь бедная всё та ж...» [Ходасевич: 253]. Высокое в стихотворении противопоставлено обыденному. Это противопоставление усилено определением «опрокинувшийся»: семантика слова подтверждает пространственное положение героя-рассказчика. Он находится внизу. В изменённой реальности, представленной в стихотворении, всё окружающее лирического субъекта становится необычным:

Над раскалёнными песками,
И не жива, и не мертва,
Торчит колючими пучками
Белесоватая трава [Ходасевич: 253].

Преобразованный фразеологизм «ни жива ни мертва» указывает на состояние ландшафта вокруг героя: окружающий мир как будто находится в промежуточном состоянии между жизнью и смертью. «Белесоватая» трава также не похожа на обычную траву, выглядит неестественно.

Во второй части стихотворения «У моря» в первой строфе отсутствует подлежащее, и только во второй строфе появляется неназванный действующий субъект – «он». Лирический герой находится в состоянии, похожем на сон. Сравнивая жизнь человека с дрожанием мухи на липкой бумаге, автор показывает безрадостную картину бытия:

Сидит в табачных магазинах,
 Погряз в простом житье-бытье
 И отражается в витринах
 Широкополым канотье.
 Как муха на бумаге липкой,
 Он в нашем времени дрожит
 И даже вежливой улыбкой
 Лицо нездешнее косит [Ходасевич: 253].

Иллюзорность самостоятельности выбора, неосознанность действий героя, его невозможность активно влиять на окружающее в «зыбком мире», подобном сну, подчёркивается в художественном пространстве произведения анонимностью лирического субъекта. Герой обозначен местоимением «он» и не имеет имени. «Он» лишён индивидуальных, личностных черт и совершает бессмысленные, бесцельные действия:

Он всё забыл. Как мул с поклажей
 Слоняется по нашим дням... <...>
 И разом вдруг ослабевают,
 Как сердце в нём захохотят
 О чём? Забыл. Непостижимо,
 Как можно жить в тоске такой!

[Ходасевич: 254].

Повтор глагола «забыл» обращает внимание читателя на «забывчивость», неосознанность действий героя. Бессмысленность действий, прозябание лирического персонажа прерывается смутными воспоминаниями о лучшем, большем. Он забыл что-то важное в своей жизни, что всё же подспудно не даёт ему покоя. Такое бытие уподоблено в произведении сну, навеянному метафорической «европейской ночью». В данном поэтическом контексте семантика мотива сна перекликается с философской концепцией пьесы Педро Кальдерона «Жизнь есть сон». Герой жаждет избавиться от бесцельного прозябания, но его мучительные попытки «проснуться» заканчиваются страданием:

Он вскакивает. Мимо, мимо,
 Под ветер, на берег морской!
 Кошется его просторный
 Пиджак – и, подавляя стон,
 Под европейской ночью черной
 Заламывает руки он [Ходасевич: 254].

Метафора, вынесенная в заглавие сборника, усиливает у читателя ощущение беспросветности земной жизни. Если образ «ночи» воспринимается читателем как нечто тёмное, накрывающее и давящее на героя психологически, то ощущение беспросветности усиливается эпитетом «европейская». В ёмкую метафору

«европейская ночь» поэт вкладывает многие смыслы: это и культурная «темнота», накрывшая названную часть света, и отсутствие в жизни Европы «религиозного кислорода», и трагическое предчувствие Ходасевичем приближающихся бед, личных и общечеловеческих. А самое тёмное и страшное для поэта-эмигранта в «европейской ночи» – это отсутствие творческого вдохновения, лирическая немота.

Отсюда у лирического героя и рождается состояние особого психологического оцепенения, апатии. Во всех частях стихотворения «У моря» часто встречаются слова лексического поля «скука». Здесь и сравнение героя самого себя с «ленивой амёбой», и «тоска», и разные формы глаголов: «скучать», «молчать», «лежать», «забыть». Сонное состояние героя чередуется с не осознанными в полной мере действиями. Сюжеты частей стихотворения похожи на сновидения. Неслучайно в произведении активно употребляются глаголы и глагольные формы синонимического ряда со значением движения в пространстве: «проходит», «слоняется», «вскакивает», «пустился», «миновал», «шёл», «уходя». Использование во всех четырёх частях стихотворения глаголов сниженной лексики: «слоняется», «пристал», «погряз», «торчит» – подчёркивает бессмысленность действий лирического повествователя, показывает отношение автора к бесцельному прозябанию героя. Глаголы-синонимы со значением «смотреть»: «гляжу», «созерцает», «глядит», – наряду с вышеупомянутыми лексемами, создают образ человека, тяготящегося своим неприкаянным земным существованием.

Лирический персонаж передвигается в пространстве, наблюдает за окружающим миром, но не находит покоя. В тексте стихотворения противопоставлены существительные, называющие предметы вещного мира, и абстрактные, обозначающие стихии. Перечисление предметных субстантивов – различных деталей человеческого быта – показывает бессмысленность пошлого бесцельного существования. В четвёртой части стихотворения бездействию человека противопоставлена активная позиция солнца. Главного героя раздражают действия одушевлённого светила:

Раскалёнными брызгами брызжа,
 Солнце крутится колесом.
 Он хрипит сквозь зубы: «Уймись же!»
 И стучит сухим кулаком.
 Опрокинул столик железный,
 Опрокинул пиво своё.
 Бесплезное – бесполезно:
 Продолжается бытие [Ходасевич: 256].

Тавтология «брызгами брызжа» наряду с другим действием солнца («крутится». – А. К.) в комплексе составной метафоры призвана передать навязчивость, необратимость происходящего, напоминает герою

про ход времени. Цикличность бесцельных действий подчеркнута анафорой:

Он хрипит сквозь зубы: «Уймись же!» <...>

Он пристал к бездомной собаке...

[Ходасевич: 257].

Происходящее с лирическим персонажем в двух последних строфах стихотворения «У моря» можно сравнить с внезапным пробуждением, которое объясняется приходом вдохновения. Именно вдохновение помогает герою подняться над тленным бытием, вырваться из плена европейского приморья. Отсутствие субъекта действий в предложении указывает на пассивную, «страдательную» роль героя: всё происходит без участия человека, нечто стихийное овладевает им:

Вот тогда-то и подхватило,

Одурманило, понесло,

Затуманило, закрутило,

Перекинуло, подняло... [Ходасевич: 257].

У лирического субъекта появляются сверхчеловеческие способности:

Из-под ног земля убегает,

Глазам не видать ни зги –

Через горы и реки шагают

Семиверстные сапоги [Ходасевич: 257].

Концепция «вдохновения», репрезентированная в стихотворении Ходасевича «У моря», отсылает к его «Балладе», завершающей сборник «Тяжёлая лира» и написанной в 1921 году. Там также «нищая скудость безвыходной жизни» [Ходасевич: 241], похожей на сонное существование, прерывается состоянием, которое унесёт лирического героя из пространства «мёртвого бытия». Вдохновение преображает героя: смертный человек превращается в Орфея. Такое преображение сравнимо с духовным пробуждением, возникновением сверхсил и сверхзнания:

Я сам над собой вырастаю,

Над мёртвым встаю бытиём,

Стопами в подземное пламя,

В текущие звёзды челом.

И вижу большими глазами –

Глазами, быть может, змеи...

[Ходасевич: 241].

Состояние лирического героя здесь можно уподобить тому, о котором упоминает Марина Цветаева в своей статье «Искусство при свете совести» (1932): «Состояние творчества есть состояние наваждения. <...> Что-то, кто-то в тебя вселяется, твоя рука исполнитель, не тебя, а того. Кто – он? То, что через тебя хочет быть. Меня вещи всегда выбирали по примете силы, и писала я их часто – почти против воли. <...> Состояние творчества есть состояние сновидения, когда ты вдруг, повинувшись неизвестной необходимости, поджигаешь дом или сталкиваешь с горы приятеля» [Цветева: 366]. Как и в стихотворении «Весенний лепет не разнежит...», страшный сон до-

рог лирическому герою «Баллады», состояние наваждения желательно для него, поскольку – это путь к вдохновению. Но компоненты антиномии меняются местами: вдохновение-наваждение-сон, противопоставленный жизни-прозябанию в статье Цветаевой и двух вышеупомянутых стихотворениях Ходасевича, позиционируются иначе в произведении «У моря». Здесь герой Ходасевича стремится «проснуться», и наваждение-вдохновение пробуждает его от земного «сна», которым является его брэнное существование. Приход вдохновения похож на пробуждение, освобождение от земных оков. Пробудиться лирическому герою удастся при изменении сознания, смерть также воспринимается как спасительное избавление от пошлого бытия. Подобным образом в стихотворении «Ни розового сада...» земная жизнь уподобляется героем кошмарному сну: «Вдруг стала несогласна / Взыгравшая душа. / Мне всё невыносимо! / Скорей же, легче дыма, / Летите мимо, мимо, / Дурные сны земли!» [Ходасевич: 211].

Таким образом, лейтмотив сна в художественном пространстве сборника Ходасевича «Европейская ночь» характеризует психологическое состояние лирического героя, связанное с приходом либо отсутствием творческого вдохновения. Семантика мотива реализуется антиномично. Так, с одной стороны, сон-вдохновение спасает лирического героя от земной рутины. С другой стороны, обычная земная жизнь в некоторых стихотворениях предстаёт для лирического субъекта сном-наваждением. Особенно трагическое звучание приобретает повествование об этом сне-наваждении в семантическом контексте сборника. Развёрнутая метафора «европейская ночь» в авторском воплощении усиливает две интенции: противопоставлены сон-наваждение и сон-спасение. Контрастно усиливается трагизм «навязанного наваждения существования» на контекстном фоне сгущающейся темноты бездуховности.

В лирическом пространстве «Европейской ночи» Ходасевича сон становится метафорой особого пограничного состояния, внушённого и даже «навязанного» извне герою-творцу. Согласно художественной философии поэта, вдохновение, являясь результатом мобилизации всех способностей художника слова, оказывается «потусторонним», посланным свыше бытием, ведущим к большей творческой продуктивности. Мотив «сна» в противоречивом контексте вышеупомянутых стихотворений «Европейской ночи» указывает на спасительную функцию вдохновения, позволяющего творцу избавиться от «земного сна», духовно «прозреть» и повести за собой людей.

Список литературы

Александрова Е.А. Мотив сна в ранней поэзии А. Блока. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv>

sna-v-rannej-poezii-a-bloka/viewer (дата обращения: 26.10.2023).

Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3 / отв. ред. Ю.К. Герасимов. Москва: Наука, 1997. 988 с.

Дворяшина Н.А., Козикова Ю.Н. Мотивы и образы «сна» в жизни и творчестве М.И. Цветаевой // М.И. Цветаева: судьба и творчество: сб. науч. ст. Сургут: СурГУ, 2003. С. 62–67.

Кавтарадзе Г.А. «...Сон и смерть миную». Тайный путь Осипа Мандельштама. Санкт-Петербург: Ключи, 2014. 110 с.

Коптелова Н.Г. Образ старика в поэзии А. Блока 1900-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, №3. С. 109–116.

Леготина Ю.В. «Всемирный сон» в лирике А. Фета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsemirnyy-son-v-lirike-a-feta/viewer> (дата обращения: 26.10.2023).

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Москва: ГИХЛ, 1957. 425 с.

Невзглядова Е.В. Сны в русской поэзии. URL: <https://magazines.gorky.media/vezda/2017/6/sny-v-russkoj-poezii.html> (дата обращения: 26.10.2023).

Нечаенко Д.А. Сон, заветных исполненный знаков: таинства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. Москва: Юридическая литература, 1991. 304 с.

Нечаенко Д.А. Сюжетообразующие функции сновидений в балладах и религиозно-философской поэме В.А. Жуковского «Агасфер»: от романтической мистики к религии Христа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhetoobrazuyuschie-funktsii-snovideniy-v-balladah-i-religiozno-filosofskoy-poeme-v-a-zhukovskogo-agasferotroman-ticheskoy-mistiki-k/viewer> (дата обращения: 26.10.2023).

Полякова Е.А. Поэтика сна в творчестве Пушкина и Лермонтова. Сон Татьяны и сон Мцыри. URL: <http://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books/> (дата обращения: 26.10.2023).

Скворцов А.Э. «Но мир мой ширится, как волны...»: О поэзии Владислава Ходасевича. Москва: ОГИ, 2021. 256 с.

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Москва: Согласие, 1996. 592 с.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5 / сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. Москва: Эллис Лак, 1994. 720 с.

Цивьян Т.В. О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России. Москва: Радикс, 1993. С. 299–338.

ney-poezii-a-bloka/viewer (access date: 26.10.2023). (In Russ.)

Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 3* [Complete works and letters: in 20 vols., vol. 3], ed. by Ju.K. Gerasimov. Moscow, Nauka Publ., 1997, 988 p. (In Russ.)

Cvetaeva M.I. *Sobranije sochinenij: v 7 t. T. 5: Avtobiograficheskaja prosa. Statji. Esse. Perevody* [Collected works: in 7 vols., vol. 5], comp., preparation of the text and comments by A. Saakjans, L. Mnuhina. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994, 720 p. (In Russ.)

Cyvjyan T.V. *O remizovskoj gipnologiji i gipnografiji: Serebrjanyj vek v Rossiji* [About Remizov's hypnology and hypnography: Silver Age in Russia]. Moscow, Radix Publ., 1993, pp. 299-338. (In Russ.)

Dvorjashina N.A., Kozikova Ju.N. *Motivy i obrazy «sna» v zhizni i tvorchestve M.I. Tsvetaevoj* [Motives and images of “dream” in the life and work of M.I. Tsvetaeva]. *M.I. Tsvetaeva: sudba i tvorchestvo: sb. st.* [M.I. Tsvetaeva: fate and creativity: collection articles]. Surgut, SurGU Publ., 2003, pp. 62-67. (In Russ.)

Hodasevich V.F. *Sobranije sochinenij: v 4 t. T. 1* [Collected works: in 4 vols., vol. 1]. Moscow, Soglasije Publ., 1996, 592 p. (In Russ.)

Kavtaradze G.A. «...*Son i smert' minuja*». *Tajnyj put' Osipa Mandel'shtama* [“...Bypassing sleep and death”. The secret path of Osip Mandelstam]. Saint Petersburg, Kljuchi Publ., 2014, 110 p. (In Russ.)

Koptelova N.G. *Obraz starika v poezii A. Bloka 1900-h gg.* [The image of an old man in the poetry of A. Blok of the 1900s.]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2022, No. 3 (28), pp. 109-116. (In Russ.)

Legotina Ju.V. «*Vsemirnyj son*» v lirike A. Feta [“World sleep” in the lyrics of A. Fet]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsemirnyy-son-v-lirike-a-feta/viewer> (access date: 26.10.2023). (In Russ.)

Lermontov M.Ju. *Sobranije sochinenij: v 4 t. T. 1* [Collected works: in 4 vols., vol. 1]. Moscow, GIHL Publ., 1957, 425 p. (In Russ.)

Nechaenko D.A. *Son, zavetnyh ispolnennyj znakov: tainstva snovidenij v mifologii, mirovyh religijah i hudozhestvennoj literature* [A dream filled with cherished signs: the mysteries of dreams in mythology, world religions and fiction]. Moscow, Juridicheskaja literature Publ., 1991, 304 p. (In Russ.)

Nechaenko D.A. *Sjuzhetoobrazujutchie funkciji snovidenij v balladah i religiozno-filosofskoj poeme V.A. Zhukovskogo «Agasfer»: ot romanticheskoy mistiki k religiji Hrista* [Plot-forming functions of dreams in ballads and religious and philosophical poems by V.A. Zhukovsky “Agasphere”: from romantic mysticism to the religion of Christ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhetoobrazuyuschie-funktsii-snovideniy-v-balladah-i-religiozno-filosofskoy-poeme-v-a-zhukovskogo-agasferotroman-ticheskoy-mistiki-k-religiji-hrista>

References

Alexandrova E.V. *Motiv sna v rannej poezii A. Bloka* [The motif of sleep in the early poetry of A. Blok]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-sna-v-rannej-poezii-a-bloka/viewer>

ferotroman ticheskoy-mistiki-k/viewer (access date: 26.10.2023). (In Russ.)

Nevzgljadova E.V. *Sny v russkoj poezii* [Dreams in Russian poetry]. URL: <https://magazines.gorky.media-zvezda/2017/6/sny-v-russkoj-poezii.html> (access date: 26.10.2023). (In Russ.)

Poljakova E.A. *Poetika sna v tvorcestve Pushkina i Lermontova. Son Tatjany i son Mcyri* [Poetics of sleep in the works of Pushkin and Lermontov. Tatyana's dream and Mtsyri's dream]. URL: <http://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books/> (access date: 26.10.2023). (In Russ.)

Skvorcov A.E. «*No mir moj shiritcja, kak volny...»*: *O poeziji Vladislava Hodasevicha* [“But my world is expanding like waves...”: About the poetry of Vladislav Khodasevich]. Moscow, OGI Publ., 2021, 256 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.

МНЕМОНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОРСКОЙ ЭПИГРАММЫ (на примере поэзии И. Губермана)

Жиляков Сергей Викторович, кандидат филологических наук, Белгородский национальный исследовательский государственный университет (Старооскольский филиал), Старый Оскол, Россия, szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению авторской эпиграммы русского поэта И. Губермана как жанра, имеющего мнемонический (памятный) потенциал. Дается понимание того, что наследующая амбивалентную природу, заимствованную из предшествующей ритуальной традиции, эпиграмма Губермана в своей архитектурной организации одновременно содержит смеховое и серьезное, личное и внеличное («чужое»), субъективное и объективное. Последнее как отложенное в памяти прошлого используется в качестве мнемонической демонстрации апробированного жизненным опытом материала, вступающего в диалогическое отношение с субъективным художественным мировосприятием. В ходе проведенного анализа авторских эпиграмм Губермана, именуемых по аналогии с производной от просторечной формы имени автора «гариками», выясняется, что мнемонический атрибут как постоянное свойство жанра, доставшееся ему в наследство от прошлых времен, по-разному и в значительной степени намного шире, чем в классической эпиграмме, представляется в нем. Так, мнемонический потенциал авторской эпиграммы содержит, помимо мотивов известных произведений, парафразы и рецитации знаменитых изречений, ставших крылатыми, аллюзии на общелитературные «топосы» и реминисценции из стихотворений поэтов, узнаваемых с помощью используемых образов, ритма и стиховой организации. Делается вывод о том, что многообразность использования авторской эпиграммой Губермана богатого мнемонического потенциала указывает на объемный функционал жанра, задействующий художественные ресурсы не только в направлении воспроизведения инварианта («память жанра»), но в большей мере сосредоточивающий усилия на пути обновления в русле отстраненного восприятия традиции («память о жанре»), что позволяет ему предстать во всей полноте эстетического совершенства.

Ключевые слова: жанр, эпиграмма, окказиональный (авторский) жанр, сарказм, мнемонический потенциал, архитектора, амбивалентная сущность.

Для цитирования: Жиляков С.В. Мнемонический потенциал авторской эпиграммы (на примере поэзии И. Губермана) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 137–143. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-137-143>

Research Article

THE MNEMONIC POTENTIAL OF THE AUTHOR'S EPIGRAM (using the example of Igor Guberman's poetry)

Sergey V. Zhilyakov, Candidate of Philological Sciences, Belgorod national research State University, branch in Sary Oskol, Sary Oskol, Russia, szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the author's epigram by the poet Igor Guberman as a genre with mnemonic (memorable) potential. It is understood that inheriting an ambivalent nature borrowed from the previous ritual tradition, Igor Guberman's epigram in its architectonic organisation simultaneously contains the ridiculous and the serious, the personal and the impersonal ("alien"), the subjective and the objective. The latter, as deposited in the memory of the past, is used as a mnemonic demonstration of the material tested by life experience, which enters into a dialogical relationship with a subjective artistic worldview. In the course of the analysis of Igor Guberman's author's epigrams, called "gariki" by analogy with the derivative of Garik – the colloquial form of the author's name, – it turns out that the mnemonic attribute as a permanent property of the genre, inherited from past times, is represented in it in different ways and to a large extent much wider than in the classical epigram. Thus, the mnemonic potential of the author's epigram contains, in addition to the motifs of famous works, paraphrases and recitations of famous sayings that have become winged, allusions to general literary "topos" and reminiscences from the poems of poets, recognisable by the images used, rhythm and verse organisation. It is

concluded that the variety of use of Igor Guberman's rich mnemonic potential by the author's epigram indicates the voluminous functionality of the genre, involving artistic resources not only in the direction of reproducing the invariant ("genre memory"), but more focusing efforts on the path of renewal in line with the detached perception of tradition ("genre memory"), which allows to appear to it in the fullness of aesthetic perfection.

Keywords: genre, epigram, occasional (author's) genre, sarcasm, mnemonic potential, architectonics, ambivalent essence.

For citation: Zhilyakov S.V. The mnemonic potential of the author's epigram (using the example of Igor Guberman's poetry). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 137–143 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-137-143>

Проблематика статьи состоит из противоречия, которое возникает при чтении «гариков» И. Губермана, и связано с неясным пониманием жанровой природы произведений автора, одновременно напоминающих классическую эпиграмму и представляющих собой самостоятельную литературную форму. Целью данной статьи поэтому является рассмотрение авторской эпиграммы современного русского поэта И. Губермана сквозь призму наличия в нем мнемонического потенциала, который позволит разрешить проблемное противоречие ее жанровой природы. Исходя из цели, автор ставит перед собой следующие задачи: 1) изучить краткую историю эпиграмматического жанра, чтобы выявить в нем особенности использования мнемонического ресурса; 2) раскрыть значительно превосходящий классические образцы мнемонический потенциал авторской эпиграммы («гарика») Губермана, который функционирует в двух направлениях – консервации традиционного жанрового видения мира, модернизации и индивидуализации мироотношения за счет значительного расширения приемов и способов манипулирования жанровой традицией. Новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка изучения авторских эпиграмм («гариков») И. Губермана в мнемоническом аспекте, что позволяет открыть и значительно расширить новые горизонты понимания произведений поэта, а именно: увидеть, с одной стороны, преемственность жанровой традиции в ее предельном проявлении – «памяти жанра» (М.М. Бахтин); с другой стороны, обнаружить инновационную авторскую практику жанрового видения в фокусе субъективного восприятия и отношения к предшествующему поэтическому опыту, высвеченному в фигурах аллюзии и близких к ней, составляющих «память о жанре» (Б.П. Иванюк).

Эпиграмма в сознании обычного читателя зачастую ассоциируется с шуткой, едким сарказмом, остроумно высмеивающим типичные человеческие пороки. Однако заметим, что такой модальностью маркируется всего лишь один вид эпиграммы – жанра короткоформатной литературной надписи (фактически на любом носителе, но чаще всего камне), европейский вариант эпиграфии [Иванюк: 50], изначально насчитывающей более десятка тематических типологий (эпиграммы посвятительные, любовные

и т. д.). Несмотря на широкий тематический ассортимент, все же за эпиграммой закрепились данная сатирическо-юмористическая версия жанра, культивируемая, в частности, Марциалом (Др. Рим, I–II вв. н. э.), мотивы произведений которого перерабатывались в новоевропейское время многими поэтами [Литературная энциклопедия: 1233], сосредоточивая, казалось бы, два противоборствующих отношения к действительности – остроумие и обличение. Именно эта разновидность декларативно приведена в теории классицизма, закрепившей за ней жанровую норму: «Безвкусной пошлостью признав игру словами, / Ей место отведя в одной лишь Эпиграмме, / Однако, приказав, чтоб мысли глубина / Сквозь острословие и здесь была видна...» [Буало: 70–71] – пишет Буало. Манифестируемая двойственность, очевидно, эпиграмме присуща уже с самого начала и затрагивает, вероятно, разные уровни художественного целого.

С одной стороны, эпиграмма, по сути, тематически неисчерпаемый жанр, поскольку материалом для нее служат любые жизненные и исторические события, явления, которые в соответствии с присущей ей критической рефлексией получают живой отклик, исходящий из такого же бездонного и безмерного Я. С другой стороны, эпиграмма в своей поэтике ограничивается малым стиховым объемом, достаточным для представления той узнаваемой литературной формулы, в которую заложен «механизм связи стиха и идейно-эмоционального комплекса произведения» [Матяш: 5]. Диалектика формы и содержания также тесно переплетена с онтологической амбивалентностью эпиграммы, которая в свою очередь обусловлена ритуальным происхождением жанра, связанным с надгробной заплачкой-славой об умершем, производимой в хронотопе пира [Фрейденоберг: 120], проникнутой перечислением заслуг или неудач, хвалой или порицанием. Как писал М.М. Бахтин, «веселье и смех носят пиршественный характер и сочетаются с образом смерти и рождения (обновления жизни) в сложном единстве амбивалентного материально-телесного низа (поглощающего и рождающего)» [Бахтин 1990: 92].

Сам смех в эпиграмме обладает свойством осолого рода: он одновременно и разоблачает, то есть оголяет настоящее и порой неприглядное положение вещей, субъектов и объектов, представляя их в не-

привычно близком (интимном) фокусе, располагающим к рассмотрению сокрытого, но в то же время настраивает читателя, ведомого авторским видением, на критическое освоение действительности. Данная двойственность, думается, предотвращает эпиграмму от эстетического декаданса (падения) в низовую область инвективы, шаржа, сатиры – жанров, заранее настроенных на радикальную дискредитацию попавших в их поле зрения субъектов, явлений, объектов, не позволяет смешиваться с ними. Бинарность эпиграммы проявляется еще и в том, что она в значительной мере тяготеет к афоризму, но одновременно и в меньшей мере – к «большому стихотворению» (например, в сборнике «Сильвы» Публия Папиния Стация, Древний Рим, I в. н. э.).

Амбивалентная природа эпиграммы, репрезентированная в разных ракурсах художественного, объясняет, помимо сказанного, структуросообразную соотношенность тематических составляющих, их распределенность внутри композиционного целого. В нем первая часть тезисно представляет на обозрение общеизвестный факт, а вторая – вводит его в личный, социальный, мировоззренческий и иной контекст, вольно манипулируя полученной в результате сравнения, обобщения, противопоставления и проч. итоговой идеей, балансируемой в диапазоне между саркастической дискредитацией и приятием предопределяемого жизненной логикой смысла. На такую разнообразную художественную рефлексию эпиграмма становится способна благодаря субъективно-критической воле автора. По справедливому мнению А.В. Несмеянова, эпиграмма в трехчастной событийной структуре составляет основу оценочного высказывания, вокруг которой строится ее поэтика, сходная во многом с речевым актом [Несмеянов: 239]. Именно такое видение эпиграммы может служить весьма убедительным аргументом в пользу отнесения стихотворения к отдельному речевому (первичному, по классификации М.М. Бахтина) жанру, который, являясь достаточно устойчивым типом высказывания, обладает особым тематическим содержанием (заданием), композицией и стилем [Бахтин 1997, 5: 159]. Поэтому, как представляется, эпиграмма близка к паремийным жанрам – пословицам и поговоркам, частушкам, кратко подмечающим жизнь как феномен во всем ее многообразии, в котором нераздельно и неслиянно сосуществуют серьезное и смешное, низкое и высокое, патетическое и просторечное.

Краткая жанровая форма эпиграммы, которая «лучше воспринималась и запоминалась» [Гаспаров: 258], наделяет ее «понимающим потенциалом» [Головкин: 140], отвечающим за «закрепленный» за ним мирообраз и гарантирующим установление адекватной коммуникации с читателем. Справедливо-

сти ради стоит отметить, что предрасположенность коммуникативной установки эпиграммы на запоминание (памятование) генетически заложена в ней. Н.А. Чистякова пишет: «...эпиграммы возникли как надписи на любом материальном предмете, которому предстояло вечно жить в человеческой памяти» [Чистякова: 326]. Так, Дж. Скодел различает в эпиграмме даже поминальное свойство, реализующееся в сохранении информации о фиксируемых им лицах и событиях [Scodel: 121].

Однако не только в аспекте коммуникации эпиграмма обладает мнемотехнической энергетикой, но и в содержании несет мнемонические черты и мотивы. Недаром жанр с античных времен «преследует» мнемоническое сопровождение, разнородно присутствующее в жанровой структуре. Например, в экфрастической эпиграмме Стация «Конная статуя Домициана» мнемоническая функция реализуется мотивом стихотворного «памятника»: «Это творенье ни зим не боится дождливых, ни / Тройней Юпитера, иль темницы Эоловой полчищ, / Ни бесконечных годов: оно будет стоять, пока своды / Неба стоят, и земли, и Рим...» [Античные поэты: 132].

В текст эпиграммы (II, 59) Марциала вносятся устойчивые мнемонические мотивы, из которых складываются впоследствии афористические выражения: «"Крошкой" зовусь я, столовая малая. Милости просим! / Виден в окошко мое Цезарев купол: смотри. / Розы бери, развались, пей вино, умащайся ты нардом: / Повелевает сам бог *помнить о смерти тебе*» [Марциал: 67]. Так, заключительная фраза воспроизводит известный императив «Memento mori» («Помни о смерти»). Очевидно, что в данном контексте, помимо обнаружения мнемонического архетипа в виде образа «Цезарева купола», эпиграмма, используя мортальную тему, обусловленную направлением рефлексии в предметную сферу «низа», тяготеет к родственному жанру эпитафии. Между тем сам образ «Цезарева купола», представляющий собой народное название погребального монумента «Мавзолея Августа», вызывает аллюзию на стихотворный «памятник» Горация, что в совокупности придает эпиграмме добавочную мнемоническую семантику. По этим соображениям мотив стихотворного «памятника» используется и в другой эпиграмме поэта («"Книжек довольно пяти, а шесть или семь..."», VIII, 3), заостряющей внимание на значении творческого наследия: «Даже когда упадут с подножия камни Мессалы / И обратится когда мрамор Лицина во прах, / Буду я все на устах...» [Марциал: 204].

Альбомная надпись – весьма распространенный вид эпиграмматической лирики в XVIII–XIX вв.: стихотворение русского поэта Е.А. Баратынского «В альбом» (1829) содержит полемическую идею «памяти-забвения», сквозь призму которой высвечивается

более глубокая диалектическая взаимосвязь письменной и устной форм культуры, претворенная в метафорическом сравнении альбома с кладбищем: «Альбом походит на кладбище: / Для всех открытое жилище. / Он также множеством имен / Самолюбиво испещрен...» [Баратынский: 241]. Мотив стихотворного «памятника», таким образом, в творчестве эпиграмматистов является удобным и актуальным для использования, поскольку обладает свойством узнаваемости со стороны реципиентов и гибко включается в разнородный контекст.

Эпиграмма как вполне состоявшийся жанр, пройдя свой длительный путь в мировой литературе, в творчестве русского поэта Игоря Губермана (р. 1936) предстает как литературное явление, впитавшее самое лучшее наследие традиции, обогащенное разнообразными мнемоническими чертами, связующими ее с культурой прошлого. В ней органично обретаются субъективно-жанровые параметры реализации художественного осмысления мира. В пользу этого говорит не только поэтика субъектного образа, вкратце характеризуемая автобиографичностью, идейно-художественное содержание произведений, каждое из которых уникально в плане выразительности и остроты высказывания, чья семантика плавно балансирует на грани серьезного и смешного, но и сама авторская номинация жанра, указанная в названии книги «Гарика на каждый день». В ней, как в эгоцентрической эпиграмме, «которая призвана осуществить дидактическую задачу через непосредственное изложение автором личных авторских или эстетических позиций» [Леонов: 7], проявляется концептуальная самопрезентация, отраженная в жанровом понятии, созданном на основе произведенной от просторечной формы авторского имени (Гарик). Предикативно-определяющее словосочетание «на каждый день», входящее в состав общего заголовка книги, манифестирует акцидентную природу коротких эпиграмматических высказываний, означающую «на всякий случай жизни». Таким образом, перед нами открывается книга, представляющая собой авторскую (оказиональную) версию эпиграммы, удивительным и органичным способом сочетающая индивидуальное видение мира и отретированные опытом прошлого классические мотивы, вызывающие у читателя знакомые ассоциации и смысловые сплетения, сохраненные в толще веков мировой культуры.

Если на эпиграмму поэта посмотреть изнутри как на феномен, то, действительно, «смеховость» лирической ситуации возникает в результате эффекта столкновения «иног», представленного разными способами репрезентации «чужого» текста (реминисценции, аллюзии, перифразы, цитаты, игра слов и т. д.), и «своего» (авторского) взглядов на мир. Жанровый потенциал «гарика» в силу этого еще бо-

лее значительно расширяется, поскольку пополняется отложенной в веках мудростью – тем самым ресурсом объективного («чужого») опыта. Он, воспроизведенный в авторской памяти, выставляется как будто напоказ (или нарочито скрывается) в имманентном диалоге, преображенный и отредактированный посредством субъективно-оценочного суждения, фигурирует, к примеру, в статусе узнаваемого мнемонического мотива, аллюзии, реминисценции и других стилистических средств и форм репрезентации «чужого» (и не только) текста.

Так, поэтические контуры стихотворного «памятника» рельефно проявляются в цикле эпиграмм под названием «Сибирский дневник», подготавливающим читательское ожидание поэтических автобиографических воспоминаний, изложенных в определенной, как правило соответствующей хронологической, временной последовательности: «Отъявленный, заядлый и отпетый, / без компаса, руля и якорей / прожил я жизнь, а памятником ей / останется дымок от сигареты» [Губерман: 16]. Классическая проспективная интенция авторского сознания, устремленного в ожидание акта воздвижения будущего стихотворного «памятника», редуцируется, даже, по сути, нивелируется фактом присутствия его образа в актуальном модусе памяти в виде травестирующего скульптурное изваяние догорающего окурка. И здесь модально близким, а потому и вероятностным прототипом этого мотивного образования может стать самый короткометражный двухстрочный лирический «памятник» М. Генделева, стилистически низводящий вековечный монумент до карикатурной «козы» (альтернативный комментируемый вариант: начальная буква латинского слова Victoria – победа) – жестовой разновидности дразнилки: «Над лысым черепом любви / соорудим из пальцев “V”» [Генделев: 238]. Показательно и подчеркнуто иронично, что гротескной редукции высокого предмета рефлексии соответствует самое лапидарное по форме эпиграмматическое выражение, занимающее дактилическую строку (гекзаметр), равную всего лишь одной структурной единице (первый стих) изначального (античного) дистиха эпиграммы.

Многочисленны в «гариках» и контекстуальные аллюзии, воспроизводящие (если не сказать эмфатически – реанимирующие) в памяти посредством либо лирической ситуации, либо образа известные аналогии из мировой литературы. Так, к примеру, образ влюбленных Тристана и Изольды, сюжетное сближение которых происходит в процессе обоюдного чтения книги, возникает в следующей эпиграмме: «Приятно, если правнуку с годами / стихов моих запомнится страница / и некоей доселе невинной даме / их чтение поможет соблазниться» [Губерман: 318]. Очевидно, контекстуальная аллюзия, обуслов-

ливающая регенерацию претекста, хотя и в усеченном виде, сама провоцируется введением памятного мотива («стихов моих запомнится...»), в свою очередь еще более усиливающего мнемоническое ожидание от всего текста произведения в целом.

При чтении следующей эпиграммы-«гарика» о неприглядной славе поэта: «Моим стихам придет черед...» [Губерман: 30] сразу узнаются тестаментные (завещательные) строки из стихотворения «Моим стихам, написанным так рано...» (1913) М. Цветаевой: «Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черед...» Эллиптический перифраз здесь, что очевидно, играет коммеморативную роль.

Полнится мнемонический потенциал эпиграммы Губермана парафразией – ее источником часто становятся известные идеологемы, выражения, ставшие давно устойчивыми. Например, инициальная строка одной из эпиграмм «Ничто не ново под луной...» [Губерман: 305] цитирует аналогичный стих из стихотворения Н.М. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Эклезиаста» (1796), общим же источником для них служит знаменитое рефренное ветхозаветное изречение из «Книги Эклезиаста»: «...нет ничего нового под солнцем» (Еккл 1:9). В итоге «гарик» русского поэта перелагает уже когда-то переложенное, способствует положительной памятной градации – удвоенной мнемонизации прототипа.

Авторская эпиграмма выполняет в некоторых случаях функцию «памяти жанра», воспроизводит, в частности, известную жанровую формулу классической эпитафии в ее предельно субъективной реализации (автоэпитафия) с характерным для последней апеллятивом к путнику-прохожему, не забывая при этом о своей нарочитой стилистической колкости: «А закуришь, вздохни беспечально / у заросшей могилы моей: / как нелепо он жил и случайно, / очень русским был этот еврей» [Губерман: 48].

Аналогичная жанрообразовательная, а заодно и мнемоническая функция воплощена в эпиграмматической валете (стихотворное прощание, скрещенное с собственно эпиграммой): «Прощай, Россия, и прости, / Я встречу смерть уже в разлуке – / от пули, голода тоски, / но не от мерзости и скуки» [Губерман: 344]. И тут, кроме перманентного следования традиционной содержательной дуальности, формализованной противительным союзом «но», требует комментирующего уточнения то обстоятельство, что первая строка реминисцирует прощальную античную эпистолярную формулу: «Salve atque vale!» («Будь здоров, прощай!»), стилизующуюся под актуальное для самого автора эмигрантское обращение к покидаемой им стране, а все произведение в целом использует жанровую архитектуру валеты с прису-

щим ей атрибутивным мотивом смертной разлуки.

В аспекте жанрово узнаваемой регенерации, цементирующей мнемонический потенциал, обращает также на себя внимание умелое воссоздание противоборствующего внешней среде тематического мотива одиночества лирического «я» – главного атрибутивного признака элегии, которое безошибочно вызывает в рецептивном сознании адекватное художественное восприятие инициальных строк: «Средь шумной жизненной пустыни, / где страсть, и гонор, и боре-ние...» [Губерман: 25].

Прием мнеморитма, вероятно, также используется Губерманом для воссоздания в памяти у читателя знакомого стихотворного прототипа, ритмический рисунок и соответствующие звуковые ассоциации которого легли в основу конечного образца. При чтении следующих строк эпиграммы: «Восторжен ум в поре *начальной*, / кипит и шпарит, как бульон; / чем разум выше, тем печальней / и нисходительнее он» [Губерман: 305], – действительно, возникает в памяти лирический строй стихотворения Ф.И. Тютчева: «Есть в осени первоначальной...» Идея мнеморитма в данном случае задается фонологическим сходством начальных строк исходного и результирующего стихотворений на основе следующих параметров: одинаковое количество слогов (9), восходящая интонация, соотносящаяся с соответствующим размером – упорядоченным (Губерман) и неупорядоченным (Тютчев) ямбом, ритмический разноряд которого сглаживается изоморфным началом (односложная анакруста) и концом (эпифора и, как следствие этого, тавтологическая рифма) – сильными позициями в организации стиха.

Таким образом, на основе проведенного анализа, во-первых, выявляется то, что эпиграмме в силу определенных конструктивных особенностей изначально присущ мнемонический потенциал. Во-вторых, авторская эпиграмма И. Губермана значительно превосходит классическую с точки зрения многообразия мнемонических функций, что говорит о ее гибкой текстуальной организации, несмотря на ограниченный объем формата. В-третьих, использование в авторской (оказиональной) эпиграмме, именуемой «гариком», разнообразных мнемонических приемов и фигур – мнемобразов, реминисценций, парафраз, перифраз, аллюзий, мнеморитма – дает основание говорить о том, что она одновременно является приемником лучших национальных традиций и практик жанра, воспроизводящихся в «памяти жанра», и предлагает ее актуализацию и вольное обращение с ней через осознанное отстранение от традиции «памятью о жанре», о чем, помимо фигур речи, свидетельствует собственно жанровый номинатив.

Все это не может не служить причиной того, что даже по прошествии многих столетий эпиграмма, имея в своей основе неисчерпаемую мнемоническую

энергию, предназначенную для критического осмысления художественными средствами окружающей действительности, внутреннего мира человека, не потеряла до сих пор своей актуальности в лирике «русского Марциала» – Игоря Губермана.

Список литературы

Античные поэты об искусстве / сост. О.Л. Абышко. Санкт-Петербург: Алетейя, 1996. 246 с.

Баратынский Е.А. Стихотворения. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1977. 383 с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 543 с.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Москва: Русские словари, 1997. С. 159–206.

Буало Никола-Депрео. Поэтическое искусство. Москва: ГИХЛ, 1957. 232 с.

Гаспаров М.Л. Древнегреческая эпиграмма // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. С. 246–282.

Генделев М. Неполное собрание сочинений. Москва: Время, 2003. 560 с.

Головко В.М. Понимающий потенциал литературного жанра как проблема теоретической поэтики М.М. Бахтина // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 136–140.

Губерман И.М. Гарики на каждый день: стихи. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2020. 352 с.

Иванюк Б.П. Эпиграфия стихотворная: словарный формат // *Filologos*. 2022. № 1 (52). С. 50–55.

Леонов И.С. Поэтика русской эпиграммы XVIII – начала XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 16 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Москва: Интелвак, 2001. 1600 стб.

Марциал Марк Аврелий. Эпиграммы / пер. с лат. Ф. Петровского. Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 2000. 448 с.

Матяш С.А. Вопросы поэтики русской эпиграммы: учеб. пособие. Караганда: КарГУ, 1991. 112 с.

Несмеянов А.В. Эпиграмма как особый тип оценочного высказывания // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2007. Вып. 43 (1). Т. 17. С. 238–241.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Москва: Лабиринт, 1997. 448 с.

Чистякова Н.А. Греческая эпиграмма // Греческая эпиграмма. Санкт-Петербург: Наука, 1993. С. 325–364.

Scodel Joshua. The English Poetic Epitaph: Commemoration and Conflict from Jonson to Wordsworth. Cornell University Press, 1991, 420 p.

References

Antichnye poety ob iskusstve [Ancient poets about art], ed. by O.L. Abyshko. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 1996, 246 p. (In Russ.)

Baratynskij E.A. *Stihotvorenija* [Poems]. Voronezh, Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1977, 383 p. (In Russ.)

Bahtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Rennansana* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1990, 543 p. (In Russ.)

Bahtin M.M. *Problema rechevyh zhanrov* [The problem of speech genres] *Sobranie sochinenij: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5, pp. 159–206. (In Russ.)

Bualo Nikola-Depreo. *Pojeticheskoe iskusstvo* [Poetic art]. Moscow, GIHL Publ., 1957, 232 p. (In Russ.)

Chistjakova N.A. *Grecheskaja jepigramma* [Greek epigram]. *Grecheskaja jepigramma* [Greek epigram]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1993, pp. 325–364. (In Russ.)

Frejdenberg O.M. *Pojetika sjuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Moscow, Labirint Publ., 1997, 448 p. (In Russ.)

Gasparov M.L. *Drevnegrecheskaja jepigramma* [Ancient Greek epigram]. *Ob antichnoj poezii: Poety. Poetika. Ritorika* [About ancient poetry: Poets. Poetics. Rhetoric]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000, pp. 246–282. (In Russ.)

Gendelev M. *Nepolnoe sobranie sochinenij* [Incomplete collected works]. Moscow, Vremja Publ., 2003, 560 p. (In Russ.)

Golovko V.M. *Ponimajushchii potentsial literaturnogo zhanra kak problema teoreticheskoj poetiki M.M. Bakhtina* [Understanding the potential of the literary genre as a problem of theoretical poetics M.M. Bakhtin]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2009, No. 3, pp. 136–140. (In Russ.)

Guberman I.M. *Gariki na kazhdyj den': stihy* [Gari-ki for every day: poems]. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2020, 352 p. (In Russ.)

Ivanjuk B.P. *Jepigrafija stihotvornaja: slovarnyj format* [Poetic epigraphy: dictionary format]. *Filologos* [Filologos], 2022, No. 1 (52), pp. 50–55. (In Russ.)

Leonov I.S. *Pojetika russkoj jepigrammy XVIII – nachala XIX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of the Russian epigram of the 18th – early 19th centuries: CSc thesis, summary]. Moscow, 2006, 16 p. (In Russ.)

Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij [Literary encyclopedia of terms and concepts], ed. by A.N. Nikoljukina. Moscow, Intelvak Publ., 2001, 1600 col. (In Russ.)

Marcial Mark Avrelij. *Jepigrammy* [Epigrams], trans. from Latin F. Petrovskij. Har'kov, Folio Publ., Moscow, AST Publ., 2000, 448 p. (In Russ.)

Matjash S.A. *Voprosy pojetiki russkoj jepigrammy: uchebnoe posobie* [Questions of the poetics of the Russian epigram: textbook]. Karaganda, KarGU Publ., 1991, 112 p. (In Russ.)

Nesmejanov A.V. *Jepigramma kak osobyj tip ocenochного высказывания* [Epigram as a special type of evaluative statement]. *Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki* [News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Her-

zen. Social Sciences and Humanities], 2007, No. 43 (1), vol. 17, pp. 238-241. (In Russ.)

Scodel Joshua. *The English Poetic Epitaph: Commemoration and Conflict from Jonson to Wordsworth*. Cornell University Press Publ., 1991, 420 p.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 08.02.2024.

The article was submitted 02.11.2023; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 08.02.2024.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 144–148. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 144–148. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1.09”21”

EDN WQOUAY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-144-148>

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОЙ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Галустьян Лаура Суреновна, аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, laura.galustyan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8421-5556>

Сергеева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e.vlad.sergeeva@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению категории экспрессивности и ее воплощению в литературном языке и художественном тексте. Выделяются экспрессивные лексические единицы, относящиеся к сниженной лексике, в художественных и беллетристических произведениях первой четверти XXI в. (Д. Глуховский «Текст», М. Елизаров «Земля» и Д. Корецкий «Угон»), определяются их функции. При анализе использовались как толковые, так и узкоспециализированные словари (словари аргота, жаргона). Выделены наиболее распространенные функции экспрессивной сниженной лексики в текстах перечисленных произведений: характеристика языковой картины мира героя и автора, «антиэстетической» художественной картины мира автора (авторский замысел) и средство характеристики персонажа. Показательно, что некоторые функции могут в тексте совмещаться, что подтверждают приведенные примеры. Сделан вывод о том, что употребление сниженной экспрессивной лексики в современном художественном тексте демонстрирует как общезыковые процессы, так и приемы создания художественной образности, специфика которой связана со своеобразной «антиэстетичностью».

Ключевые слова: экспрессивность, экспрессема, экспрессив, экспрессивизация, сниженная лексика, жаргонизация, бранная лексика, вульгаризм.

Для цитирования: Галустьян Л.С., Сергеева Е.В. Особенности функционирования экспрессивной сниженной лексики в современных художественных текстах // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 144–148. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-144-148>

Research Article

FEATURES OF FUNCTIONING OF EXPRESSIVE REDUCED VOCABULARY IN CONTEMPORARY FICTION TEXTS

Laura S. Galustyan, post-graduate student, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Russian Language Department, St. Petersburg, Russia, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Russian Language Department, St. Petersburg, Russia, laura.galustyan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8421-5556>

Elena V. Sergeeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Language Department, St. Petersburg, Russia, e.vlad.sergeeva@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the consideration of the category of expressiveness and its embodiment in literary language and art text. Expressive lexical units belonging to the reduced lexicon in fiction works of the first quarter of the 21st century (“Text” by Dmitry Glukhovskiy, “Earth” by Mikhail Elizarov and “Hijacking” by Danil Korecki) are singled out and their functions are determined. The analysis is carried out on the material of various lexicographic editions, among which both explanatory dictionaries and highly specialised dictionaries (dictionaries of argot, jargon) are used. The most common functions that were identified in the context of the named works are the following: characterisation of the linguistic picture of the world of the hero and the author, the “anti-aesthetic” artistic picture of the world of the author (author’s intention) and a means of characterisation of the character – speech or author’s when using non- self-directed speech. It is indicative that some functions can be combined in the text, which is confirmed by the examples from contemporary works of fiction given in the article. It is concluded that the use of reduced expressive vocabulary in the modern fiction text demonstrates both general linguistic processes and methods of creating artistic imagery, the specificity of which is associated with a kind of “anti-aesthetic”.

Keywords: expressiveness, expresseme, expressive, expressivisation, reduced vocabulary, jargonisation, profanity, vulgarity.

For citation: Galustyan L.S., Sergeeva E.V. Features of functioning of expressive reduced vocabulary in contemporary fiction texts. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 144–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-144-148>

Цель исследования – выявить и проанализировать единицы, относящиеся к сниженной лексике, в произведениях современной художественной и беллетристической литературы, и определить их функции в романах Д. Глуховского «Текст», М. Елизарова «Земля» и Д. Корецкого «Угон».

Актуальность исследования связана прежде всего с тем, что для лингвистической науки значимо, с одной стороны, рассмотрение семантических и стилистических изменений, происходящих в русском языке начала XXI в. в целом, и, с другой стороны, исследование частотных стилистически маркированных единиц в русском литературном языке и в современном художественном тексте. Актуальность работы обусловлена также тем, что исследование проводится на материале значимых для литературы XXI века произведений.

Практическая значимость рассмотрения подобного материала состоит в возможности применения результатов исследования в практике преподавания лексикологии и стилистики русского языка, филологического анализа текста, современной русской литературы и истории русского литературного языка

Проблема употребления сниженной лексики неразрывно связана с семантической категорией экспрессивности, которая обуславливает выразительность за счет эмоционального или оценочного отношения к феноменам действительности и понимается как совокупность признаков лексической единицы, выступающих в роли средств субъективного выражения отношения говорящего к сказанному или к адресату. Как утверждает Н.А. Лукьянова, «экспрессивность является свойством той или иной лексической единицы, которое связано с представлением субъективных аспектов восприятия человеком действительности (явления окружающего мира, предметы и их признаки, характеристика тех или иных лиц, непосредственно эмоциональное отношение к чему-либо или кому-либо, оценки предмета речи, переживания и чувства говорящих)» [Лукьянова: 183]. По мнению Ш. Балли, экспрессивность – это «эмоциональное восприятие действительности и стремление передать его реципиенту» [Балли: 113]. Репрезентируя субъективные аспекты восприятия языковой личностью действительности, экспрессивность непосредственно связана с представлением о положительном/отрицательном, высоком/низком, прекрасном/безобразном.

Единицы, относящиеся к сниженной лексике, обладают специфической экспрессивностью, поскольку употребление вместо нейтральной номинации друго-

го слова, за которым в языке закреплена стилистическая окраска фамильярности, грубости, просторечия, жаргонности и т. п., усиливают выразительность устного или письменного высказывания, а следовательно, и его персуазивность.

Единицей выражения экспрессивности может быть названа экспрессема, под которой понимается стилистическая единица, способная раскрыть выразительно-конструктивные «приращения» [Костомаров: 160]; в лингвистике используется также термин «экспрессив». Представляется, что эти два термина следует употреблять не как синонимы, а как обозначение различных видов экспрессивных лексических единиц, в целом выполняющих различные функции: экспрессив – экспрессивная единица языка, воплощающая небезразличное отношение адресанта к передаче смысловых оттенков; экспрессема – единица художественного текста, отражающая в художественном дискурсе определенные особенности экспрессива или формирующая в контексте собственное экспрессивное значение.

Развитие современного русского языка связано как с интралингвистическими, так и с экстралингвистическими факторами. К первым относится прежде всего демократизация языка, его «огрубление», утрата высокой стилистической тональности, приводящая к использованию разговорного вместо нейтрального и так называемого общего жаргона вместо разговорного стиля литературного языка, ко вторым – развитие сетевых коммуникаций и увеличение удельного веса устной формы речи, в том числе и имитационной, связанной с намеренным уподоблением компьютерной коммуникации живой разговорной речи.

Узус все более часто представляется носителем языка категорией более важной, чем норма, а экспрессивность языковых единиц даже в ситуации, где она не обязательна, становится в современной коммуникации узуальной. Экспрессивизация языка проявляется в различных видах текста – от рекламной аннотации до художественного и беллетристического текста. Частным случаем подобной экспрессивизации можно считать феномен, традиционно называемый жаргонизацией речи.

Художественно-беллетристический текст, не являющийся стилем литературного языка, тем не менее можно считать языковым феноменом, отражающим значимые и показательные особенности языка. Невзирая на установку подобного текста (сугубо эстетическую или прагматически-развлекательную), адресат видит в нем как воплощение русской языковой

картины мира (ЯКМ) определенного периода, так и установку автора на употребление экспрессивных единиц в качестве специального художественного средства – экспрессымы.

Сниженная лексика (отличающаяся от нейтральной литературной абсолютно или относительно ненормативной, или «низкой», сферой коммуникации и объединяющая разговорные, просторечные, жаргонные, вульгарные, бранные единицы) обладает яркой экспрессивностью в национальном языке и переносит эту экспрессивность в художественный текст. Наиболее часто это слова с отрицательным аксиологическим модусом, что и определяет специфику их употребления.

Сниженная лексика используется прежде всего в трех функциях:

1) как фактически нейтрализовавшиеся в языке начала XXI в. единицы, демонстрирующие изменения ЯКМ современного носителя языка, что относится как к авторскому тексту, так и к речи героев;

2) с целью характеристики воссоздаваемой виртуальной текстовой реальности – создания «антиэстетической» художественной картины мира (ХКМ);

3) как средство характеристики персонажа – речевой или авторской при использовании несобственно-прямой речи или при передаче точки зрения героя в авторском тексте; при этом персонаж демонстрирует свое отношение к окружающей действительности, дает субъективную оценку реалиям, показывает свое отрицательное, прежде всего презрительное и/или неодобрительное, отношение к кому-либо или к чему-либо.

Показательно, что эти функции в тексте могут совмещаться.

Помимо того, сниженная лексика иногда может переосмысляться, становясь средством положительной характеристики.

Рассмотрим наиболее показательные примеры, представленные в романах М. Елизарова «Земля», Д. Корецкого «Горячий угон» и Д. Глуховского «Текст».

1. Так, в качестве неодобрительной, но почти нейтральной номинации употребляется имеющая в словарях помету «*пренебр.*» лексема *совковый*:

Однажды, застав меня за чтением волковского “Изумрудного города”, уязвлённо произнёс:

– Надо понимать, тебе по душе этот совковский плагиат “Страны Оз”.

– Пап, а что такое плагиат?

– Словарь открой и посмотри! А заодно понятия “эпигон” и “настиш”.

Нужно заметить, это был чуть ли не единственный случай, когда отец пренебрежительно обозвал нечто советское “совковым” (М. Елизаров).

В другом примере реплика персонажа демонстрирует ЯКМ начала XXI в.: традиционная помета гла-

гола *припёрся* (*груб., прост.*) уже не вполне соответствует современному состоянию русского языка, а в контексте нет указания на отрицательное отношение к адресату и его поведению:

Зря ты, малой, в шортах припёрся. Там наверняка всё в крапиве. Ноги пожжёшь. А на кладбище крапивушка злая, зубастая. (М. Елизаров)

Отрицательный модус нейтрализуется в речи рассказчика и в следующем примере: *В школе я не появлялся около недели. Просто уходил по утрам и шлялся по городу до условного окончания уроков (М. Елизаров).*

Глагол *шляться*, традиционно дефинируемый с пометой *разг.-сниж.* [Ефремова 2000], часто воспринимается в современном русском языке фактически уже просто разговорный. Подобным же образом используется он в приведенном фрагменте, в котором герой употребляет его по отношению к себе самому.

Следует упомянуть, что рассмотренные лексемы представлены в НКРЯ сотнями примеров прежде всего в нейтральных контекстах, что фактически подтверждает их вхождение если не в нормативный литературный язык, то в узус.

2. С помощью экспрессивной сниженной лексики в современном художественном тексте рисуются картины существования в современной России тяжелого, жестокого и грубого, часто связанного с уголовным миром. Сниженные единицы употребляются и в классическом авторском повествовании, и в несобственно-прямой речи, объединяющей взгляд на мир писателя и его персонажей. Они становятся либо ситуативными маркерами, либо ненейтральными номинативами:

Правда, делают это отнюдь не карманники, не угонщики и даже не белая кость уголовного мира, как бывлые марвихеры, работавшие в железнодорожных вагонах первого класса и резко выделяющиеся среди обычных щипачей, фармазонов, ширмачей и прочей шелупени, которой доходов хватало только на безыскусные пьяные загулы (Д. Корецкий).

Авторский текст насыщен экспрессивной сниженной лексикой: *фармазон*, *ширмач* (уголовный жаргон), *шелупень* (арго), *обжираться* (грубо просторечное). Показательно, что контекст однозначно демонстрирует: приведенный фрагмент воплощает картину мира именно автора, выражающего свое мнение о людях, «занимающих солидные должности».

Спросила, должна ли что-то за памятник и его установку. Раду ответил, что ничего не должна и работу они сделают бесплатно. При этом всё время потирал шею, словно Никита заранее, перед тем как сесть в тюрьму, авансом наkostenял ему (М. Елизаров).

Особенности сюжета и обстановки действия определяют то, что в ЯКМ повествователя становятся ча-

стотными вульгаризмы, просторечия, презрительная и бранная лексика, подобная глаголу *накостылять*. Ср.: *накостылять* (вульг.) – «побить, изругать, наказать» [Елистратов 2000].

3. Сниженная лексика часто связана также с традиционной функцией характеристики героя. Наиболее важная составляющая подобной характеристики – характеристика речевая:

– Прикинь, *девка работала в загорском жилкомхозе у начальника управления, потом пресс-секретарем у главы администрации*, – Никита обращался больше ко мне, потому что отец, видимо, уже это слышал. – По возрасту *ссыкуха* ж совсем, в дочке мне годится, но мозги шустрые – дай боже!.. (М. Елизаров)

Употребление лексем *девка* и *ссыкуха* (уничиж., презр.) делают речь виртуальной языковой личности грубой, вульгарной, демонстрируют специфическую языковую картину мира героя, хотя эти лексемы используются без установки на специальную отрицательную характеристику субъекта.

Можно привести и другие показательные примеры.

– Ну, мож, и правильно, – успокоил Никита. – Я вот, помню, бил... Прямо зверел! – лицо его на миг ожесточилось. – А всё равно Кротом называли. И в школе, и в бурсе. Боялись до *уссачки*, уважали, а за глаза дразнили... Вот эти два *кренделя*, ну, которые ушли. Прикинь, на меня работают, а между собой, точно тебе говорю, Кротом называют, *суки* (М. Елизаров).

Приведенный фрагмент весьма показателен. Существительное *уссачка* – ярко окрашенный лексический вульгаризм, относится к арго и даже не фиксируется в НКРЯ. Это слово ярко характеризует и персонажа, и социум, в котором он существует. Аналогично воспринимается бранное слово *суки*. Герой употребляет также слово *крендель*, которое относится к арго (ср. *крендель* – «3. Любый человек (неодобрительно)» [Елистратов 2000]).

И вот теперь Гапон снова на кладбище *попёр*, первый раз лет семь назад – внаглую. Меня уже в Загорске не было, Валерка подробности рассказывал – целая эпопея. Но его тогда знатно *шуганули*, хотя следовало *грохнуть* вместе с Гликманом. Вот... А теперь он в обход решил действовать, через городскую администрацию, и для начала *взять* на кладбище участок в аренду (М. Елизаров).

Речевая характеристика персонажа предельно выразительна. Приведенной реплики достаточно, чтобы понять, что он некультурен и явно имеет отношение к преступному миру, о чем свидетельствуют глаголы *переть* (разг.-сниж.) и *шугануть* (разг.-сниж.) [Елистратов 2000], а также *грохнуть* (угол., мол.) [Елистратов 2000].

4. В современной прозе можно выделить значительное количество примеров, в которых сочетается

представление языковой и художественной картины мира автора и характеристика героя.

*Теперь фонарь осветил его с ног до головы, как софит на сцене в конце спектакля. И конечно, это был вовсе не казначей Моня, а боец Авила – конченый **отморозок с погонялом** «Еремей» (Д. Корецкий).*

Жаргонизмы присутствуют в авторском тексте, однако наблюдает за происходящим персонаж-преступник, и именно его лексикон использует писатель.

*В новостях тоже был надрыв. У всех ведущих были очень озабоченные **ебальники**: мир разваливался на куски. Только Родина еще как-то стояла...*

*Ближе к вечеру пошли ток-шоу. На круглых аренах **кипишили мордастые бакланы** в костюмах, кружили друг вокруг друга, как гладиаторы с **сажалами**, и один раз дошло до форменного **мордобоя**: какой-то злой **штрих фирмача-фармазонищика на калган** **взял и рубильник** ему в юшку **расквасил** (Д. Глуховский).*

Фрагмент текста одновременно воспроизводит ЯКМ автора и персонажа, которому этот автор сочувствует. Употребляется обценная единица *ебальники* (лица). Как писатель, так и его персонаж именно так представляют себе ведущих новостей, испытывают презрение и недоверие к ним. Отрицательное отношение к изображаемому усиливается в авторском повествовательном тексте и далее – употреблением лексики, которую герой усвоил в колонии и которая в приведенном фрагменте весьма частотна: глагол *кипишить* в значении «шуметь, устраивать скандал» и существительные *штрих* (авторитет), *сажало* (нож) употребительны и в молодежном сленге, и в воровском жаргоне; употребляемый как неодобрительная номинация жаргонизм *фармазонищик*; жаргонизм *баклан*, употребляемый с отрицательной оценкой, усиленной в контексте разговорно-сниженным прилагательным *мордастый*; фразеологизм *взять на калган* (ударить головой в лицо или ударить по голове [Мокиенко, Никитина 2001]), лексемы *мордобой* и *рубильник*, словосочетание *в юшку расквасил*.

5. Переосмысление грубо-просторечной, бранной лексики представлено в рассмотренном материале единичными примерами, но сама возможность подобного переосмысления весьма показательна.

В туалете вытряхнул пакетики, размял их, пишикнул дезодорантом даже. Умылся. Посмотрел на себя в зеркало и поймал на том, что не может сдержать улыбку.

– Во пиздобол, а? – хмыкнул он себе (Д. Глуховский).

В контексте бранная, относящаяся к обценной лексике номинация переосмысливается, приобретает значение положительной самохарактеристики персонажа, который чрезвычайно нравится сам себе.

Таким образом, употребление сниженной экспрессивной лексики в художественном тексте демон-

стрирует как общезыковые процессы, так и приемы создания художественной образности, специфика которой связана со своеобразной антиэстетичностью.

Список литературы

Абрашина Е.Н. Сниженная лексика в современных СМИ // Сборник науч. ст. Всерос. с междунар. участием междисциплинар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т.П. Курановой. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 260–265.

Базаров Е.Э., Кuleva A.C., Пестова А.Р., Шестакова Л.Л. Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре: изменения в употреблении просторечной лексики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 1. С. 42–61.

Балли Ш. Французская стилистика / пер. с фр. Москва: Иностр. лит.-ра, 1961. 392 с.

Глуховский Д. Текст. Москва: АСТ, 2017. 320 с.

Елизаров М. Земля. Москва: АСТ, 2020. 781 с.

Елистратов В.С. Словарь русского аргю. Москва: Русские словари, 2000. 694 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Москва: Русский язык, 2000.

Корецкий Д. Угон. Москва: АСТ, 2021. 352 с.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. 319 с.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 183–201.

Мокшенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. Санкт-Петербург: Норинт, 2001. 720 с.

Мокшенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: Олма Медиа Групп, 2008. 784 с.

Шестакова Л.Л., Кuleva A.C. Повышение стилистического статуса сниженной лексики и его отражение в толковом словаре // Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.И. Клушина, С.Ф. Барышева. Москва: Флинта, 2019. С. 818–824.

References

Abrashina E.N. *Snizhennaia leksika v sovremennykh SMI: sbornik nauch. st. Vseros. s mezhdunar. uchastiem mezhdistsiplinar. nauch.-prakt. konf.* [Reduced vocabulary in modern mass media], ed. by T.P. Kuranova. Iaroslavl', Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K.D. Ushinskogo Publ., 2019. pp. 260-265. (In Russ.)

Balli Sh. *Frantsuzskaia stilistika* [French stylistics]. Moscow, Inostr. literature Publ., 1961, 392 p. (In Russ.)

Bazarov E.E., Kuleva A.S., Pestova A.R., Shestakova L.L. *Stilisticheski snizhennaia leksika v sovremennom tolkovom slovare: izmeneniia v upotreblenii prostorechnoi leksiki* [Stylistically reduced vocabulary in a modern explanatory dictionary: changes in the use of simple vocabulary]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka* [Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Series of literature and language], 2021, vol. 80, No. 1, pp. 42-61. (In Russ.)

Glukhovskii D. *Tekst* [Text]. Moscow, AST Publ., 2017, 320 p. (In Russ.)

Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovovo-slovoobrazovatel'nyi: v 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation: in 2 vols.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 2000. (In Russ.)

Elizarov M. *Zemlia* [Earth]. Moscow, AST Publ., 2020, 781 p. (In Russ.)

Elistratov V.S. *Slovar' russkogo argo* [Dictionary of Russian argot]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, 694 p. (In Russ.)

Koretskii D. *Ugon* [Hijacking]. Moscow, AST Publ., 2021, 352 p. (In Russ.)

Kostomarov V.G. *Iazykovoii vkus epokhi. Iz nabliudeniia nad rechevoi praktikoi mass-media* [Language taste of the epoch. From Observations on the Speech Practice of Mass Media]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999, 319 p. (In Russ.)

Luk'ianova N.A. *Ekspressivnaia leksika razgovornogo upotrebleniia v semanticheskom aspekte* [Expressive lexicon of colloquial usage in semantic aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriia, filologiiia* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2015, vol. 14, iss. 9: Filologiiia, pp. 183-201. (In Russ.)

Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona* [Big Dictionary of Russian Jargon]. St. Petersburg, Norint Publ., 2001, 720 p. (In Russ.)

Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok*. [Big Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2008, 784 p. (In Russ.)

Shestakova L.L., Kuleva A.S. *Povyshenie stilisticheskogo statusa snizhennoi leksiki i ego otrazhenie v tolkovom slovare* [Increase of stylistic status of reduced vocabulary and its reflection in the explanatory dictionary]. *Nastoiashchee i budushchee stilistiki: sb. nauch. st.* [Present and future of stylistics: collection of scientific articles], ed. by N.I. Klushina, S.F. Barysheva. Moscow, Flinta Publ., 2019, pp. 818-824. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 07.02.2024; принята к публикации 16.02.2024.

The article was submitted 02.11.2023; approved after reviewing 07.02.2024; accepted for publication 16.02.2024.

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ЖУРНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Богданова Елена Александровна, кандидат филологических наук, Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, elena-8306@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7843-1628>

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистики: исследованию персуазивных стратегий и тактик в различных видах дискурса. Современные ученые рассматривают языковые средства достижения цели воздействия. Целенаправленность речевых действий является актуальным феноменом в политическом, рекламном, туристическом, журнальном и в других видах дискурса. Наиболее явно потенциал персуазивного воздействия проявляется в журнальном дискурсе, являющемся имплицитной моделью социального взаимодействия. Выбор французского женского журнального дискурса в качестве объекта исследования обусловлен особой формой социальной роли западноевропейской женщины. Установлено, что в женском журнальном дискурсе проявляются гендерно маркированные речевые портреты. Предмет исследования: заголовок текста французского женского журнального текста представляет интерес с точки зрения способов языковой реализации персуазивной функции медийного дискурса. Отмечается прагмаориентированность заголовка журнального текста, имеющего особую стратегию реализации основных целей и задач журнального дискурса. Рассматривается эволюция стратегий и тактик персуазивности французского женского журнального дискурса, обусловленная трансформацией роли женщины во французском лингвокультурном сообществе. В статье сформулирован вывод о том, что тематика и языковая организация заголовков французских женских журналов современности и первой половины прошлого века частично совпадают, но имеют различный потенциал реализации персуазивности.

Ключевые слова: персуазивность, речевое воздействие, журнальный дискурс, заголовок, французский женский журнал, гендерная лингвистика.

Для цитирования: Богданова Е.А. Способы реализации персуазивности в журнальном дискурсе // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 149–156. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-149-156>

Research Article

MEANS OF PERSUASION IN JOURNAL DISCOURSE

Elena A. Bogdanova, Candidate of Philological Sciences, Adygea State University, Maykop, Adygea autonomy, Russia, elena-8306@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-7843-1628>

Abstract. The article is devoted to one of topical problems of modern linguistics – to the study of strategies and tactics of persuasion in various types of discourse. Modern scientists consider linguistic means of achieving the goal of influence. The purposefulness of speech actions is a topical phenomenon in political, advertising, tourism, journalism and other types of discourse. The most obvious potential of the persuasive impact is manifested in the journal discourse, which is an implicit model of social interaction. The choice of the French women’s magazine discourse as an object of research is due to the special form of the social role of the Western European woman. It is established that gender-marked speech portraits are manifested in women’s magazine discourse. Subject of research includes the title of the text of the French women’s magazine article from the point of view of the ways of linguistic implementation of the media discourse’s persuasive function. The pragmaorientation of the title of the journal text, which has a special strategy for the implementation of the main goals and objectives of the journal discourse, is noted. The article considers the evolution of strategies and tactics of the persuasion of the French women’s journal discourse, due to the transformation of the role of women in the French linguistic and cultural community. The article concludes that the subject matter and linguistic organisation of the headlines of French women’s magazines of the present and before the 1960s partially coincide, but are of different potential for the realisation of persuasion.

Keywords: persuasion, speech impact, journal discourse, title, French women’s magazine, gender linguistics.

For citation: Bogdanova E.A. Means of persuasion in journal discourse. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 149–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-149-156>

Лингвистический анализ текста журнального дискурса представляет исследовательский интерес в рамках современной научной антропоцентрической парадигмы.

Применение таких способов и методов исследования, как описательный, структурно-семантический, интерпретационный, контекстного и дискурсивного анализа, с целью получения новых знаний о специфике журнального текста, позволяет описать и обобщить факты воздействующего потенциала прессы в целом и углубить понимание персуазивного характера заголовка текста французского женского журнального дискурса.

Оригинальным представляется подход в исследовании персуазивности текстов журнального дискурса в разрезе эволюции стратегий и тактик воздействия в течение определенного временного периода.

Необходимость исследования журнального дискурса, в особенности заголовков текстов, обусловлена потребностью накопления практического материала с целью его использования как в лингвистических исследованиях (в сфере стилистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии), так и в области исследований СМИ (журналистского мастерства, истории и теории журналистики). Следует отметить, что анализ гендерного аспекта журнального дискурса позволяет получить данные для дальнейших исследований в области гендерной лингвистики и социолингвистики.

Осуществление профессиональной и межкультурной коммуникации в условиях современного мира невозможно без знаний лингвистических средств реализации персуазивности, проявляющихся в современном журнальном дискурсе [Роот: 144].

Выступая важной характеристикой речевой коммуникации, персуазивность является «интерактивным феноменом», обладающим «когнитивными, речевыми, регулятивными, манипулятивными» особенностями, при дифференциальной репрезентации в коммуникативных деятельности участников общения и детерминирующем, регулирующем влиянии коммуникативной деятельности адресанта [Котлова: 8–9].

Таким образом, персуазивность представляет собой феномен коммуникативной реальности, регулирующий речевое поведение в рамках дискурса, соотносимого со сферами деятельности коммуникантов, что дает возможность отправителю информации через текст повлиять на адресата в рамках коммуникативной деятельности.

Текст является основным элементом персуазивного процесса, а акт персуазивной коммуникации – особой формой ментально-речевой деятельности, поэтому данный процесс осуществляется на ментальном уровне, так как адресат осмысливает заложенное отправителем значение полученной информации,

интерпретирует ее, дает ей оценку в соответствии с установками автора текста. О персуазивном характере сообщения свидетельствует сознательное проектирование его автором влияния на поведение получателя информации [Чернявская: 23].

Персуазивным стратегиям и тактикам присущ как рациональный, так и эмоциональный характер. С позиции отправителя информации рациональная аргументация является основой персуазивного воздействия, так как реципиент должен быть убежден в истинности содержания информации.

Современные ученые исследуют феномен персуазивности в различных видах дискурса и коммуникации, изучая целенаправленность речевых действий, средства проявления персуазивности, способствующие достижению цели воздействия. Полемика для исследования феномена персуазивности становятся политический, рекламный, туристический, журнальный и другие виды дискурса [Хуыз, Колчевская: 391].

Рассмотрим особенности средств персуазивности на материале французского женского журнального дискурса.

Журнальный дискурс является институционально-личностной разновидностью медийного дискурса и представлен лингвистическим образованием, нацеленным на привлечение внимания читателей, что проявляется в прагматической направленности журнального текста. Таким образом, журнальный дискурс становится новой имплицитной моделью социальных отношений, в том числе и социальной роли женщины, так как репрезентирует женское взаимодействие с действительностью.

Определение персуазивности в современной лингвистической науке связано с феноменом воздействия отправителя информации на адресата. Воздействие нацелено на убеждение, призыв к действию или, наоборот, к отсутствию действий. Таким образом, понятие персуазивности связано с понятием речевого воздействия, но имеет существенное отличие: сообщения, выстраиваемые в процессе речевого воздействия, нацелены на изменение поведения получателя информации, в то время как персуазивность ставит целью изменение мировоззрения адресата, убеждение в правильности позиции отправителя информации и принятие его точки зрения [Хуыз, Колчевская: 392–393].

Женский журнальный дискурс отличается специфическими лингвистическими особенностями, становясь сферой проявления гендерно маркированных речевых портретов [Терпелец: 5].

Женский журнал относится к средству массовой информации и является единицей женского журнального дискурса. Основной целью женского журнального дискурса является трансляция актуальной информации, удовлетворяющей интересам деятельности

женщин. Необходимо подчеркнуть, что, как и в общем журнальном дискурсе, женский журнальный дискурс ставит перед собой задачи персуазивного воздействия, проявляющиеся в следующих задачах: предлагать актуальную для женщин проблематику с целью побуждения к обсуждению, формировать определенные суждения среди женской аудитории, создавать образ современной женщины, определять статус и функции женщины в различных социальных ролях.

В сфере женского журнала наблюдается также негативная тенденция преобладания финансовых целей издательства, когда женский журнал превращается в красочный сборник рекламных иллюстраций товаров и образа жизни. Такие женские журналы не читаются, а просматриваются, что смещает акцент на фотографов и дизайнеров, упрощая, даже исключая, вербализацию. Тем не менее большинство изданий нацелено на создание социально-демографического образа читателя языковыми средствами. Целевая аудитория определяет принципы процесса «кодирования» информации, которая должна получить обратный процесс, «декодирование», у получателя. Следует отметить, что оба процесса нацелены на «правильное», с точки зрения отправителя сообщения, понимание информации. То есть читатель восстанавливает смысл сообщения, сам того не осознавая [Терпелец: 10].

Впервые вопросы классификации журнальной периодики были затронуты в трудах Р.М. Ямпольской [Ямпольская: 11]. До этого типология журнальных изданий не представляла научного интереса. Были предложены следующие критерии классификации: предмет изложения и его характер, целевая аудитория, цель предлагаемой информации и др. Для классификаций женских периодических изданий в основу легли тематические особенности и специфика аудитории.

Таким образом, для модели женской прессы характерны детерминированность адресности (женская аудитория) и тематическая специфика (интересы женщин).

Французская женская пресса имеет два противоположных направления: удовлетворение потребностей женской читательской аудитории и помощь женщине в решении проблем в различных сферах деятельности (семья, работа, воспитание детей и т. д.).

Учитывая потребности целевой аудитории, во французском журнальном дискурсе выделяются следующие группы типов изданий: детские журналы (*Féminins Ados* – девушки-подростки), молодежные (*Féminins Jeunes* – молодые женщины), семейные (*Féminins Familiaux* – семейные женщины), общей тематики (*Féminins Populaires* – популярные женщины), (*Magazines Seniors* – журналы для пожилых людей) [Терпелец: 17].

В современном информационном обществе роль журнального дискурса как вида СМИ в формировании гендера очень значима. Гендерно ориентированные журналы нацелены на создание гендерных стереотипов: что значит быть «настоящим мужчиной» и/или «настоящей женщиной», какие ценности они должны разделять, каковы их мотивы, мировоззрение, их материальная атрибутика, поведенческие образцы в различных ситуациях.

Французский женский журнальный дискурс транслирует различные социальные образы современных женщин на основе речевых портретов. Текст журнального дискурса всегда современен и динамичен.

Заголовок текста журнального дискурса представляет интерес с точки зрения его организации для реализации персуазивной функции с помощью языковых средств. Структура и прагмаориентированность заголовка имеют особую стратегию организации и реализации основных целей и задач журнального дискурса.

Заголовок журнального дискурса понимается нами вслед за В.Ю. Варзаповой как свернутый, графически выделенный текстовый знак, отличающийся смысловой нагрузкой, обусловленной содержанием информационного материала. С одной стороны, для заголовка характерна самостоятельность, обусловленная его расположением вне основного текста, но, с другой стороны, заголовок является элементом текста статьи, организуя ее целостность [Варзапова: 115].

Отметим, что по своей структуре и функциям заголовков журнальной статьи существенно отличается от заголовка художественного текста. Журнальный заголовок связан с внешним миром для того, чтобы читатель обратил внимание на статью и информация была продана.

Таким образом, заголовок журнальной статьи приспособляется к цели воздействия на аудиторию, модифицируя свою форму и семантическое пространство. Экспрессивная функция заголовка реализуется через решение коммуникативной и экспрессивной задач с помощью вариативных форм в речевой практике, позволяющих выражать тончайшие оттенки мысли. Лаконичность формы и быстрота передачи мысли позволяют заголовку реализовать коммуникативную функцию, тем самым привлекая интерес читателя и оказывая на него воздействие [Терпелец: 16].

Синтаксические, лексические и фразеологические средства являются стилеобразующими основами текста журнального дискурса, обусловленными его жанром и адресованностью. Часто наблюдаются приемы сжатия, стяжения, конденсации, опрощения, компрессии синтаксических структур, проявляющиеся в выпадении предлогов и союзов в предложных и союзных словосочетаниях.

Синтаксис журнального дискурса отличается сочетанием книжного и разговорного стилей, он одновременно нормативен, краток, лаконичен в формах и конструкциях.

Эмоциональный синтаксис заголовков способствует экспрессивности выражения мысли. Лингвокреативность, обусловленная открытостью прессы, получает массовую апробацию среди носителей языка. Воздействие на эмоции является основной целью женского журнального дискурса. Часто экспрессия заголовка реализуется через игру слов.

Анализ эмоционально-оценочной лексики раскрывает лингвокогнитивные аспекты дискурса и позволяет выявить способы влияния на критическое мышление потребителя информации с целью продвижения стереотипов, особенно в целевой женской аудитории [Малюга, Хаперстокова: 71].

Эмоциогенность заголовков реализуется через употребление абстрактных слов, содержащих проблематику, близкую женской аудитории, например: *beauté* (красота), *santé* (здоровье), *mode* (мода), *minceur* (похудение).

Интерес представляет наблюдение эволюции стратегий и тактик персуазивности в течение определенного исторического периода. Выбор в качестве объекта французского женского журнального дискурса обусловлен эволюцией роли женщины во французской лингвокультуре, стремительным развитием движения эмансипации и расширением прав и свобод женщин во Франции.

Нами были рассмотрены заголовки текстов французских женских журналов Marie-Claire и Elle первой половины XX в. и современности.

В 1939 г. целью журнала Marie-Claire было внушение читательницам идеи оптимизма, энергии и эмансипации. Отметим, что для журнала Marie-Claire первой половины XX в. характерно повторение заголовков из номера в номер. Тематика остается неизменной: семья и образ жизни, правила гостеприимства, красота и гигиена.

Приведем примеры заголовков журнала Marie-Claire 1937 г. выпуска: *Le ski de printemps* – «Весенние катания на лыжах»; *La robe qui vous est – indispensable* – «Платье, которое вам необходимо»; *Faites vous meme et a peu de frais* – «Потратьте на себя немного»; *Trouvailles* – «Находка»; *Chez les grands couturiers* – «У великих модельеров»; *Les petits secrets de Marie-Claire* – «Маленькие секреты Мари-Клэр»; *Printemps Parisien* – «Парижская весна»; *Les hommes aiment les femmes gaies* – «Мужчины любят веселых женщин»; *Vous êtes jolie, le saviez vous?* – «Вы прекрасны, вы об этом знаете?»; *Chevelures d'étoiles* – «Звездные волосы»; *Marie-Claire chez elle* – «Мари-Клэр дома»; *Paris* – «Париж» [Gallica].

В приведенных примерах мы наблюдаем разнообразие тематик, которые отражают интересы женщин той эпохи. Отметим, что журнал активно транслировал американскую культуру, навязывая как с помощью вербальных, так и невербальных средств стиль американской женщины в виде тематик и иллюстраций женщин, образ которых соответствовал американской культуре той эпохи.

В 1939 г. Marie-Claire начинает писать о женщинах знаменитых исторических личностей: «Мари Клер обнаруживает фотографию Мари-Луизы, жены Наполеона, и уникальные документы, в которых раскрывается тайна ее сердца и первый шанс на правдивую историю Генриэт Пьерро» [Gallica].

В то же время издательство стремилось избежать критики как левых, так и правых. Несмотря на разгар Второй мировой войны, журнал не затрагивает в тематике своих заголовков темы войны.

В выпуске 1940 г. мы встречаем следующие заголовки: *Pour toi je risquerai tout, nouvelle de Janine Herve* – «Ради тебя я рискну всем, новелла Жанин Эрве»; *Pour l'amour de Teresita, nouvelle* – «Ради любви к Терезите, новелла»; *Vie pratique* – «Практичная жизнь»; *Dans mon nouveau tailleur, je suis libre de mes mouvements* – «В своем новом костюме я свободна в движениях»; *Un geste nouveau: les mains dans les poches* – «Новый жест: руки в карманах»; *Même chez vous restez gracieuse* – «Даже дома сохраняйте грациозность»; *Jeux de mains, jeux de couleurs* – «Игра рук, игра цветов»; *Sachez choisir en deux temps et trois mouvements* – «Умейте выбирать 2 такта и 3 хода»; *Je me repose en tricotant* – «Я отдыхаю за вязанием»; *Le trousseau de la maison* – «Брелок от ключей для дома»; *Chauds les marrons!* – «Горячие каштаны» [Gallica].

Мы видим, что тематика остается строго ограниченной женскими интересами, акцент делается на чтении. Журнал предлагает отрывки из женской литературы.

С 1944 по 1955 г. журнал Marie-Claire был запрещен из-за подозрений в связях с нацистами.

Во время Второй мировой войны выходит первый выпуск журнала Elle (1945 г.). В отличие от Marie-Claire, Elle в первых выпусках затрагивает социально-политические и культурные аспекты жизни не только Франции, но и всего мира в целом.

Например: *Une des sœurs de la bombe atomique s'appelle Catherine* («Одну из сестер атомной бомбы зовут Катрин») – заголовок статьи, повествующей о детях разработчика ядерной бомбы, сброшенной на Хиросиму; *Le futur gendre du général* («Будущий зять генерала») – заголовок статьи о женихе дочери Ш. де Голля; *Elles ont repris le flambeau* («Они вернули себе факел») – так озаглавлена статья о женах ушедших из жизни политических деятелей; *Une*

etoile passe («Пролетает звезда») – статья об истории русской балерины Тамары Тумановой [Elle 1945].

Мы видим, что, несмотря на охват различных сфер общества, в центре публикаций Elle остается женщина.

В 60-х гг. XX в. в связи с социально-политическими потрясениями Франции женские журналы утратили свою популярность, так как не отвечали социальным потребностям активных женщин той эпохи. Ситуация женской прессы усложнилась в 1973–1976 гг., став «черными годами» в истории французского женского журнала.

В 80-х гг. XX в. во французском женском дискурсе наблюдался призыв женщин к соответствию их традиционной гендерной роли, акцент сместился в сторону популярных прикладных изданий, а элитарные журналы стали аполитичными. Идеологическая концепция изменилась в корне.

К концу 80-х гг. существовало около 60 названий французских женских изданий, разовые тиражи достигали 18 млн экз. Начиная с этого периода женский журнальный дискурс претерпел серьезные изменения, обусловленные социокультурными трансформациями Франции, особенно проявившимися в эволюции нравов, в моде, в поведении и образе жизни женщин всех возрастов [Пую: 150–161].

В более поздний период акценты во французском женском дискурсе смещаются. Мы не ставим целью рассмотрение всей специфики женской прессы послевоенного периода, поэтому остановимся на основных моментах, которые позволят нам понять состояние современного французского женского журнала.

Отметим, что тенденции второй половины XX века были связаны с эмансипацией и движением феминизма.

Феминистский дискурс навязывал французской женской прессе формулировку: *«Le despotisme marital, autant despote envers les femmes que l'est celui de l'aristocratie envers les peuples doit disparaître»* («Брачный деспотизм, когда отношение мужчины к женщине настолько деспотично, как отношение аристократии к народу») [Soulie: 120].

Женщина идентифицируется с народом, совершается идеологический поворот в эмансипации. Отметим, что в этот период не используется понятие «женская пресса» [Mardare: 106].

Первый этап трансформаций в обществе, связанных со статусом женщины, отмечен в период перед Первой мировой войной, когда на фоне урбанизации и индустриализации женщина получила новые гражданские права и доступ к образованию.

В период между Первой и Второй мировыми войнами на волне демократизации женщины начинают пользоваться сферой услуг. Именно в этот период появляется Коко Шанель. Женщины становятся независимыми и практичными.

Период Второй мировой войны открывает читательницам Marie-Claire, как мы уже упоминали, отмеченный американским стилем образ жизни эмансипированных женщин.

Поколение шестидесятых ставит под сомнение традиционные ценности. Легализация контрацепции и доступ к высшему образованию изменяют позиции женщин [Soulie: 90].

После 1968 г. общество становится феминизированным. Трансформируется образ жизни. Общество утрачивает монолитность, начинает развиваться индивидуализм. Благодаря феминисткам женщины получают новые права (закон об абортах, родительские права, оплата труда).

Экономический кризис изменил менталитет женщин: женское поведение, включая речевое поведение, становится многогранным, более активным. Французские женские журналы вынуждены изменить стратегии и тактики. 1980-е гг. – новое поколение женщин самоутверждается и становится еще более независимым, прагматичным и сосредоточенным на индивидуализме. В этот период женщина оказывается защищенной законом от насилия, в том числе со стороны мужа [Mardare: 105].

Между 1990 г. и 1994 г. экономический кризис и безработица вызывают смену общественных ориентиров, и женщины начинают ставить семейные и моральные ценности на первое место.

К завершению кризиса, к 1998 г., женщины восстанавливают контроль над своей жизнью и начинают испытывать потребность в развлечениях. Между 1995 г. и 1998 г. – проблеск надежды и начало выхода из кризиса. Отмечается новое поведение женщин: управление своей жизнью и отстаивание своих прав через суды [Mardare: 105].

Индивидуализация в 1999–2001 гг. приносит новый образ жизни. Помимо традиционной семьи наблюдаются свободные отношения, «сожитительство», которое получает юридический статус в виде пакта гражданского состояния (Pacs). Резко возрастает число одиноких и разведенных женщин.

Сокращение рабочего времени, распространение Интернета и появление мобильного телефона дает возможность изменить качество общения и досуга. Этот период отмечается глобализацией, интерактивностью, индивидуализацией. Женщина становится еще более самостоятельной, мобильной, в то же время она испытывает потребность в выстраивании связей и в признании.

Появляются новые тематические сферы: группы по интересам, ассоциации, семейные праздники, вечеринки с друзьями. Публичное пространство становится гетерогенным.

2002–2006 гг. принесли физическую и социальную незащищенность, угрозу международного тер-

роризма, экологическую опасность, всеобщее потепление климата, риск безработицы, появление новых болезней.

В связи с новыми реалиями появились новые стратегии:

1) стратегии выживания, создающие безопасную ячейку;

2) переоценка прошлого, поиск лучшего;

3) моральные ценности, семейные отношения;

4) мечтательность и вера в чудо;

5) бегство от действительности [Mardare: 106-110].

Рассмотрим тематическую наполняемость современного журнала Marie-Claire. Основные рубрики современного журнала: Mode («Мода»), Beauté («Красота»), Société («Общество»), Culture («Культура»), Célébrités («Знаменитости»), Astro («Астрология»), Fashion Our Future («Мода – наше будущее») [Marie-Claire]. Отметим, что название последней рубрики написано на английском языке, что, возможно, указывает на неутраченное влияние англоязычной культуры на издательство журнала.

Встречаются следующие заголовки: *Pour sa marque de mode éponyme, Angelina Jolie va créer une collection avec Chloé* – «Для своего одноименного модного бренда Анджелина Джолли создаст коллекцию с Хлоей»; *14 sacs en perles parfaits pour la saison – «14 жемчужных сумок, идеально подходящих для сезона»*; *Ce qu'il faut savoir sur le lissage brésilien* – «Что нужно знать о бразильском выпрямлении»; *«Elle me revenait cher»: l'étrange message envoyé par l'amant de Delphine Jubillar après sa disparition* – «“Она была мне дорога”: странное сообщение, отправленное любовником Дельфины Джубиллар после ее исчезновения»; *L'influence des quatre éléments en astrologie* – «Влияние четырех стихий в астрологии» [Marie-Claire].

В разделе о знаменитостях встречаются: *Billie Jean King, légende du tennis et icône féministe: «Je me battrais pour l'égalité jusqu'à mon dernier souffle»* – «Легенда тенниса и икона феминисток Билли Джин Кинг заявила: “Я буду бороться за равенство до последнего вздоха”»; *En tête-à-tête avec Jane Fonda. Sa puissante résilience, sa lutte contre le cancer transformé en combat* – «Лицом к лицу с Джейн Фонда. Ее мощная стойкость, ее борьба с раком»; *«Il y a des métastases dans mon cerveau»: Shannen Doherty annonce que son cancer du sein s'est propagé La maladie de la star progresse dangereusement* – «“В моем мозгу метастазы”: Шеннен Доэрти объявила, что у нее рак груди. Болезнь звезды прогрессирует» [Marie-Claire].

Современный журнал Elle содержит следующие рубрики: Mode («Мода»), Beauté («Красота»), Société («Общество»), Culture («Культура»), Politique («Политика»), People («Люди», написано на англ.), Elle déco («Эль декор»), Astro («Астрология»), Podcast («Подкасты») [Elle].

Журнал предлагает своим читательницам, кроме общих тем, интересующих женщин, статьи на политическую тематику. Очень много заголовков информирует женщин об опасности насилия как в их адрес, так и по отношению к детям.

Темы экологии также фигурируют в заголовках: *Plus rapide que jamais, des chercheurs alertent sur le rythme du réchauffement climatique* – «Быстрее, чем когда-либо: исследователи предупреждают о темпах глобального потепления» [Elle].

Следует отметить, что заголовки современных французских журналов оформлены в виде полноценных распространенных предложений, оказывающих воздействие на читательниц, у которых сразу создается представление о статье.

Мы видим, что тематика журналов настоящего времени и первой половины XX века совпадают частично и имеют различное воздействие. Несмотря на отражение основных интересов и целей, журналы почти вековой давности формировали у женщины чувство вкуса, эстетики, поддерживали их увлечения и помогали быть хорошими хозяйками. Претерпев изменения, обусловленные социально-экономическими и политическими трансформациями в обществе, женская пресса утратила задачи формирования позитивного настроения у женщин. Напротив, появился и усилился аспект, связанный с воздействием на эмоциональную стабильность женщины. Информация об актах насилия вряд ли может иметь положительный эффект на психологическое здоровье. Появление раздела «Астрология» привнес новую тенденцию в мистифицированное мировосприятие, надежду на влияние внешних факторов. Отметим, что интерес к астрологии формирует бездеятельную, неуверенную женщину, между тем задачи рассмотренных выше изданий прошлого столетия были совершенно противоположными.

Таким образом, специфика средств реализации персуазивности в журнальном дискурсе обусловлена особенностью как языковой организации журнального текста, так и экстралингвистическими факторами, связанными с социально-политическим устройством лингвокультурного сообщества.

Список литературы

Варзанова В.Ю. Заголовок современного медиатекста в аспекте межтекстовых отношений (на материале заголовков интернет-версий изданий The Telegraph и The Guardian) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 5. С. 115–119.

Котлова А.С. Лингвопрагматические факторы персуазивности информационного сообщения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2023. 28 с.

Малюга Е.Н., Ханперсткова А.А. Лингвокогнитивный аспект изучения женской эмоционально-оценочной лексики в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 71–79.

Пую А.С. Журналистика Франции: плюрализм и этатизм. Санкт-Петербург, 2003. 200 с.

Роот Э.В. Языковая реализация персуазивности в дискурсе интервью (на материале англоязычной прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9 (75): в 2 ч. Ч. 2. С. 144–146.

Терпелец Ж.А. Лингвосемантические инновационные процессы во французской и русской женской журнальной прессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 24 с.

Хутыз И.П., Колчевская В.А. Персуазивность: специфика феномена в некоторых типах институционального дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 2-2 (80). С. 391–394.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. Москва: Директ-Медиа, 2014. 185 с.

Ямпольская Р.М. Тенденции развития типологической структуры женской прессы // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 1997. № 4. С. 3–15.

Bibliothèque nationale de France (Gallica). URL: https://gallica.bnf.fr/services/engine/search/sru?operation=searchRetrieve&version=1.2&collapsing=disabled&query=%28gallica%20all%20%22Marie-Claire%22%29%20and%20arkPress%20all%20%22cb343488519_date%22&rk=21459;2 (access date: 10.09.2023).

Elle. URL: <https://www.elle.fr/> (access date: 10.09.2023).

Elle. 1945. URL: <https://gallica.bnf.fr/services/engine/search/sru?operation=searchRetrieve&version=1.2&query=%28dc.title%20all%20%22Elle%20%3A%201%27hebdomadaire%20de%20la%20femme%22%29&keywords=Elle%20:%201%27hebdomadaire%20de%20la%20femme&suggest=3> (access date: 10.09.2023).

Mardare G. Ménage ou Fashion? Une introduction à la lecture de la «presse des femmes». Problematic field in mediaeducation, 2011, vol. 1, No. 7, pp. 102-123.

Marie-Claire. URL: <https://www.marieclaire.fr/> (access date: 10.09.2023).

Soulier V. Presse féminine: La puissance frivole. Paris, Edition de l'Archipel, 2008, 300 p.

References

Chernyavskaya V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstviya* [Discourse of power and power of discourse: the problems of speech im-

pact]. Moscow, Direct-Media Publ., 2014, 185 p. (In Russ.)

Hutyz I.P., Kolchevskaya V.A. *Persuazivnost': specifiika fenomena v nekotoryh tipah institucional'nogo diskursa* [Persuasivity: specificity of the phenomenon in some types of institutional discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], Tambov, Gramota Publ., 2018, № 2-2 (80), pp. 391-394. (In Russ.)

Kotlova A.S. *Lingvopragmaticheskie faktory persuazivnosti informacionnogo soobshcheniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguopragmatic factors of persistence of the information message: PhD thesis, summary]. Moscow, 2023, 28 p. (In Russ.)

Maljuga E.N., Haperstskova A.A. *Lingvokognitivnyj aspekt izuchenija zhenskoj jemocional'no-ocenochnoj leksiki v reklamnom diskurse* [Linguocognitive aspect of the study of female emotional and evaluative vocabulary in advertising discourse]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2023, No. 1, pp. 71-79. (In Russ.)

Puyu A.S. *Zhurnalistika Francii: plyuralizm i etatizm* [Journalism of France: Pluralism and Etatism]. St. Petersburg, 2003, 200 p. (In Russ.)

Root E.V. *Yazykovaya realizaciya persuazivnosti v diskurse interv'yu (na materiale angloyazychnoj pressy)* [Language realization of persistence in the interview discourse (on the material of the English-language press)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], Tambov, Gramota Publ., 2017, No. 9 (75), in 2 pars, part 2, pp. 144-146. (In Russ.)

Terpelec Zh.A. *Lingvosemanticheskie innovacionnye processy vo francuzskoj i russkoj zhenskoj zhurnal'noj presse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguosemantic innovation processes in the French and Russian women's magazine press: PhD thesis, summary]. Krasnodar, 2007, 24 p. (In Russ.)

Yampol'skaya R.M. *Tendencii razvitiya tipologicheskoy struktury zhenskoj pressy* [Trends in the development of the typological structure of the women's press]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Ser. 10: Journalism]. Moscow, 1997, No. 4, pp. 3-15. (In Russ.)

Varzapova V.Yu. *Zagolovok sovremennogo mediateksta v aspekte mezhtekstovyh otnoshenij (na materiale zagolovkov internet-versij izdanij the telegraph i the guardian)* [The title of the modern media text in the aspect of intertext relations (based on the headlines of the Internet versions of the telegraph and the guardian)]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov], 2015, No. 5, pp. 115-119. (In Russ.)

Bibliothèque nationale de France (Gallica). URL: <https://gallica.bnf.fr/services/engine/search/sru?ope>

ration=searchRetrieve&version=1.2&collapsing=disabled&query=%28gallica%20all%20%22Marie-Claire%22%29%20and%20arkPress%20all%20%22cb343488519_date%22&rk=21459;2 (access date: 10.09.2023).

Elle. URL: <https://www.elle.fr/> (access date: 10.09.2023).

Elle, 1945. URL: <https://gallica.bnf.fr/services/engine/search/sru?operation=searchRetrieve&version=1.2&query=%28dc.title%20all%20%22Elle%20%3A%201%27hebdomadaire%20de%201a%20femme%22%29&keywords=Elle%20:%201%27hebdomadaire%20de%201a%20femme&suggest=3> (access date: 10.09.2023).

Mardare G. Ménage ou Fashion? Une introduction à la lecture de la «presse des femmes». *Problematic field in mediaeducation*, 2011, vol. 1, No. 7, pp. 102-123.

Marie-Claire. URL: <https://www.marieclaire.fr/> (access date: 10.09.2023).

Soulier V. Presse féminine: La puissance frivole. Paris, Edition de l'Archipel, 2008, 300 p.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 21.01.2024; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 21.01.2024; accepted for publication 05.02.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 157–162. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 157–162. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 811.131:811.11

EDN BYXSSO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-157-162>

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ПОВЕДЕНИЕ» И СМЕЖНЫХ С НИМ ПОНЯТИЙ В ИТАЛЬЯНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Савватеева Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, savvrina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5995-9934>

Аннотация. В статье предлагается сопоставительный анализ ряда понятий – «поступок», «действие», «деятельность», «поведение» – в итальянском языке и их обоснование в структуре категории *отношения* в лингвокультурном пространстве итальянского языка в сопоставлении с аналогичными понятиями в лингвокультурном пространстве английского языка. В целях выявления сходств и различий использованы метод анализа семантической структуры слов, а также метод сопоставительного анализа. Исследование предполагает рассмотрение данных понятий с учетом лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов. Совокупность использования данных подходов обусловлена актуальностью сопоставительных исследований в динамическом развитии изучения проблем межкультурной коммуникации как вызова современности. В ходе комплексного анализа были выявлены сходства и различия сопоставленных понятий в двух лингвокультурных пространствах неблизкородственных языков. В качестве результата исследования семантической структуры лексем «поступок», «действие», «деятельность», «поведение» предполагается создание основы для дальнейших исследований семиотики и аксиологии вербальных выражений комплексного понятия «поведение» в системе межличностных и социальных отношений.

Ключевые слова: поведение, действие, деятельность, поступок, отношения, наблюдатель, понятие.

Для цитирования: Савватеева И.А. Сопоставительный анализ понятия «поведение» и смежных с ним понятий в английском и итальянском языках // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 157–162. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-157-162>

Research Article

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF “BEHAVIOR” AND RELATED CONCEPTS IN ITALIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Irina A. Savvateeva, Candidate of Philological Sciences, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, savvrina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5995-9934>

Abstract. The article offers a comparative analysis of a number of concepts, “atto”, “azione”, “attività”, “comportamento” in the Italian language, and their justification in the structure of the category of *relations* in the cultural linguistics environment of the Italian language in comparison with similar concepts in the cultural linguistics environment of the English language. The analysis was carried out using the dictionary definitions method, which made it possible to analyse the semantic structure of words, as well as the method of comparative analysis to determine the similarities and differences of the studied lexemes in Italian and English languages. The study assumed consideration of these concepts in a combination of cognitive and cultural linguistics approaches. This combination is due to topicality of comparative studies in the dynamic development of the study of problems of intercultural communication as a challenge of modernity. In the course of a comprehensive analysis, the similarities and differences of the compared concepts were revealed in two cultural linguistics environments of almost totally unrelated languages. The result of the study of the semantic structure of the lexemes “atto”, “azione”, “attività”, “comportamento” is supposed to create the basis for further studies of the semiotics and axiology of verbal expressions of the complex concept of “behaviour” in the system of interpersonal and social relations.

Keywords: behaviour, action, activity, deed, relations, observer, concept.

For citation: Savvateeva I.A. Comparative analysis of the concept of “behavior” and related concepts in Italian and English languages. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 157–162 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-157-162>

Введение. Проведенный анализ является частью исследования, основная цель которого предполагает модель анализа категории *отношения* как лингвокультурного феномена, а поставленной задачей является алгоритм исследования отношений с учетом возможных релевантных факторов. Поведенческий компонент как один из релевантных факторов данной категории изучается в рамках соотнесения с аксиологическими пространствами двух неблизкородственных языков и национальных культур. Сопоставление полученных данных с данными, содержащимися в исследовании на материале английского языка [Савватеева: 150–153], для выявления сходства и различий смежных понятий в лингвокультурных пространствах двух неблизкородственных языков является основной задачей исследования.

Представляется, что сочетание лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов ведет к расширению возможностей создания теоретических моделей изучения базовых онтологических понятий, к которым относятся понятия «действие», «деятельность», «по поступок» и «поведение».

В лингвокогнитивном аспекте поведенческие действия зависят от говорящего – его намерений, настроения, мыслей и психологических составляющих. В практическом смысле в рамках использования языковых средств выражения поведенческих отношений мы подразумеваем определенные действия со стороны субъекта в отношении конкретных адресатов – *наблюдателей* поведения [Савватеева: 150–153].

В лингвокультурном аспекте представленные лингвокогнитивные процессы зависят от ситуации общения и сопутствующих внешних социокультурных факторов. Исследование Н.Л. Шамне, посвященное проблемам межкультурной коммуникации, подтверждает нашу мысль о сочетаемости применения лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов при изучении языкового выражения поведенческих отношений. «Повседневное поведение не всегда делает эксплицитным все подразумеваемое, а отсылает нас к общему для партнеров интеракции знанию. Толкование интеракции осуществляется говорящим посредством ключевых реплик и проспективно и ретроспективно через контекст. Эти реплики вызывают в представлении партнеров когнитивные схемы, которые затем служат интерпретативным фоном для сказанного до этого и ориентацией для последующих действий» [Шамне: 73]. Относительно необходимости принятия во внимание при изучении языка специфики лингвокультурного пространства Н.Л. Шамне отмечает, что «Различие культурных аппаратов участников коммуникации может затрагивать структуры знания, формы поведения, языковые средства и по-разному в них проявляться. Вместе с тем все эти параметры носят общественно-исторический характер

и связаны не только с определенными общественными формациями, но и их исторически специфическим проявлением» [Шамне: 75].

Говоря о развитии глобализации коммуникационного пространства в современном мире, необходимо отметить, что она включает в себя также определенные сферы человеческой деятельности и отношений. Так, Г.В. Денисова отмечает, что «угол зрения, под которым преломляется картина мира, обеспечивается словом, которое и делает возможным учет всех релевантных как языковых, так и фоновых связей и отношений» [Денисова: 129].

Основной акцент в данном исследовании делается на подробный дефиниционный анализ представленных понятий в итальянском языке. «Носители итальянского языка – нация, прошедшая сложный и долгий путь от первооткрывательницы чужих культур, страны эмигрантов и, наконец, страны, в которую иммигранты стремятся попасть, что делает их лингвистический и коммуникативный опыт бесценным» [Николаева: 120]. Так, например, Г.Д. Гачев отмечает, что «в психике итальянцев присутствует выражение в поступке и слове того, что в душе и на уме» [Гачев: 215]. Г.В. Денисова пишет, что «лингвокультура Италии уникальная и оригинальная. Это не могло не отразиться на прагмалингвистическом аспекте языка, коммуникативном поведении итальянцев, специфике их речевого взаимодействия: в рамках диалога проявляются как общепринятые нормы и правила, так и некоторые особенности, характерные исключительно для носителей итальянского языка» [Денисова: 129].

Основная часть. Практический дефиниционный анализ понятия «поведение» и смежных с ним понятий «действие», «деятельность», «по поступок».

Поступок. В основе понятия поступок (*atto*) в итальянском языке заложено понятие действие (*azione*), а также компонент (*atteggiamento*), первое значение которого – жесты, манеры, а второе – отношение, поведение с уточнениями типа поступка. Ср.: *Atto - azione, di un certo tipo, spec. in quanto soggetti a un giudizio: compiere un a. di coraggio* [DI]. Во втором значении поступок в итальянском языке означает движение, жест. Ср.: *Movimento, gesto: fare un a. di insofferenza; atteggiamento del corpo o del viso* [DI]. Также в основе дефиниций лексемы *поступок* в итальянском языке заложены целеориентированность действия, внешнее проявление решимости и воли, причем с внешней оценкой со стороны морали (четный/нечестный; справедливый, смелый, героический и т. п.), отдавая отчет в своих действиях со стороны самого субъекта поступка (*rendere conto dei propri a.*). Ср.: *Atto- manifestazione esterna di una determinazione della volontà. Quindi: a. azione, spec. in quanto questa implica un giudizio morale: a. onesto, disonesto; rendere conto dei propri a.; fu un a. di giustizia; a. di coraggio;*

a. eroico; a. eroico di carità [Treccani]; *azione intenzionale: atto di coraggio, di giustizia; atto nobile, eroico* [DIDM]

Согласно толкованиям понятия «поступок», это целеориентированное действие определенного типа, направленное на внешнее его выражение и оцениваемое самим субъектом данного действия. В терминах нашего исследования *наблюдатель* как когнитивный субъект поведенческого действия наблюдает и оценивает возможность проявления своего действия с позиции моральной оценки. При этом поступок все еще не является поведенческим компонентом категории *отношения*, поскольку носит непостоянный характер и более ориентирован на собственную когнитивную оценку своих действий, нежели на оценку со стороны *наблюдателей* (публики). При этом отметим, что все же границы, отличающие понятия «поведение» и «поступок», весьма расплывчаты и смежны.

В сопоставлении словарных толкований лексемы «поступок» в английском языке (см.: [Савватеева: 150–153]) общими компонентами дефиниций являются, во-первых, «действие», во-вторых, «поведение». Но при этом компонент, выражающий элементы поведения в поступке, уже несколько различается. В итальянском языке он выражает больше демонстративности и гипотетической направленности поступка на публику. В итальянском языке, в отличие от английского языка, словарные толкования содержат более подробные развернутые компоненты толкований, раскрывающие аксиологическую составляющую понятия «поступок».

Действие. *Azione – Il fatto di agire, di operare* [DI]; Во втором значении понятие «действие» определяется как единичный поступок человека, подвергаемый моральной оценке. Ср.: *Ogni singolo atto dell'uomo, spec. in quanto valutato moralmente* [DI]. Поведение, действие с выражением и проявлением воли. Ср.: *L'agire, l'operare, in quanto espressione e manifestazione della volontà* [Treccani]. Поступок, жест, оцениваемый с точки зрения морали в градации хороший/плохой поступок. Ср.: *Atto, gesto (considerato nel suo valore morale): commettere una cattiva azione* (совершить плохой поступок); *fare, compiere una buona azione* (сделать доброе дело) [GL]. Действие, которое реализуется с учетом ожиданий и поведения других или в контексте социальных институтов и норм. Ср.: *azione sociale, azione che si attua tenendo conto delle aspettative e del comportamento altrui, oppure entro il contesto di istituzioni e norme sociali* [GL].

В английском языке понятие «действие» является ключевым компонентом понятий «поведение» и «поступок» (см. подробный анализ: [Савватеева: 150–153]). Словарные толкования лексемы «действие» в итальянском языке предлагают достаточно объемное и обширное объяснение данному понятию, если

рассматривать его применение в поведенческих отношениях, что указывает на некоторые лингвокогнитивные различия в понимании понятия «действие» с более углубленным акцентом на природу действия как компонента поведенческих отношений. Основные компоненты: целеориентированность, внешнее проявление, ориентация действий на публику и расчет на оценку субъектом своих действий *наблюдателями*.

Деятельность. Понятие «деятельность» (*attività*) в итальянском языке означает состояние активности, отношение к действию, трудолюбие, сложные, последовательные действия, направленные на достижение цели. Ср.: *Condizione di ciò che è attivo; attitudine ad agire, a fare operosità, laboriosità: Complesso, seguito di azioni volte a uno scopo* [DI]; *L'essere attivo, operosità* [Treccani]; *Lavoro, occupazione; opera* [DS]. В философском смысле данное понятие выражает характер того, что действует автономно и оригинально по отношению к другому (ср.: *Il carattere di ciò che agisce, in maniera autonoma e originaria, nei riguardi di altro* [Treccani]; *Carattere di chi, di ciò che è attivo, operoso; l'essere attivo, impegnato in un lavoro, in un'opera* [DIDM], а также активный характер действий человека или поведения (ср.: *Indole o comportamento attivo, dinamico di una persona* [DIDM]). Кроме того, понятие «деятельность» подразумевает скоординированные действия людей вообще или по отношению к цели. Ср.: *l'insieme delle azioni coordinate e dei lavori compiuti dagli esseri umani, in generale o in rapporto a una finalità* [DIDM].

По сравнению с понятием «деятельность» в английском языке словари итальянского языка предлагают схожие, но более обстоятельные толкования данного понятия компонентами *активность, трудолюбие, последовательность действий, отношение к действию*, а также само *поведение*. Данные компоненты указывают на активную включенность понятия «деятельность» в поведение человека в его отношениях к социуму, что является предпосылками для возможности семиотической и аксиологической интерпретации поведенческих действий субъекта поведения *наблюдателями*, на которых такие действия направлены.

Поведение. Понятие «поведение» (*comportamento*) в итальянском языке трактуется как способ вести себя, особенно в определенных ситуациях, в отношениях, при контакте с окружающими. Ср.: *In generale, modo di comportarsi di una persona, soprattutto in determinate situazioni, nei rapporti con l'ambiente e con le persone con cui è a contatto* [Treccani].

Под поведением понимаются совместные действия в отношениях, в которых индивид выражает персональность при взаимодействии с другими (ср.: *Insieme di azioni, di atteggiamenti con cui l'individuo*

esterna la propria personalità, rapportandosi agli altri e all'ambiente [DI]), образ поведенческих действий человека по отношению к окружающим людям (ср.: *modo in cui si comporta una persona nei confronti di altre persone e dell'ambiente che la circonda* [DIDM]), а также определенная манера человека вести себя (ср.: *maniera di comportarsi; riferito a persona* [Treccani]).

Вербализатор поведения в итальянском языке, глагол *comportare*, означает *вести себя в определенных отношениях* (ср.: *agire, procedere; avere un certo atteggiamento* [DIDM]), вести себя определенным образом в определенных ситуациях или по отношению к другим (благородно, злобно, плохо или хорошо; в ситуациях по отношению к коллегам, в школе, в обществе) (ср.: *Comportare- agire, procedere in un dato modo, soprattutto in determinate situazioni o nei rapporti con altre persone: comportarsi da galantuomo, da villano; comportarsi bene o male con i propri colleghi; vi siete comportati male a scuola; è gente che non sa comportarsi in società* [DIDM]). Кроме того, в дефиниции глагола присутствует целеполагание (ср.: *anche con riferimento al modo di assolvere un compito, di eseguire un incarico, di offrire determinate prestazioni* [Treccani]).

В целом словарные дефиниции понятия «поведение» в английском и итальянском схожи, что подтверждает и перевод на английский язык глагола *comportare – to behave / to act* [CDO]. Различие заключается в том, что в итальянском языке, в отличие от английского, присутствуют компоненты, определяющие ситуацию проявления поведения как определенную манеру вести себя по отношению к другим.

Контекстуальный анализ. Проведенный нами контекстуальный анализ показывает, что все компоненты дефиниций лексем «деятельность», «поступок» и «поведение» находят свое отражение в контекстах высказывания. Данные компоненты указывают на активную включенность понятия «деятельность» в поведение человека в его отношениях к социуму, что создает предпосылки для семиотической и аксиологической интерпретации поведенческих действий субъекта поведения наблюдателями, на которых такие действия направлены.

Приведем примеры. В первом примере лексема *atto* манифестирует наблюдаемое поведенческое действие, входящее в целую систему поведенческих действий (*comportamento*). Ср.: 1) *Ovvero l'atto di osservare i consumatori cambia il loro comportamento* (сам факт наблюдения за поведением покупателей меняет их поведение) [RC].

Второй пример иллюстрирует, как лексема *azione* манифестирует наблюдаемое поведенческое действие, входящее в систему сознательного поведения. Ср.: 2) *L'azione umana è un comportamento intenzionale* (человеческая деятельность – это сознательное поведение) [RC].

Третий пример демонстрирует, как лексема *azione* манифестирует, как действия входят в понятие поведение (*comportamenti*), которое, в свою очередь, входит в состав межличных поведенческих отношений (*nell'interazione interpersonale*). Ср.: 3) *Le persone dimostrano e modellano i valori in azione nei loro comportamenti di lavoro personale, nel processo decisionale, nel contributo e nell'interazione interpersonale* (вы демонстрируете и моделируете свои ценности в действии в своем личном и рабочем поведении, принятии решений, вкладе и межличностном взаимодействии) [RC].

В четвертом примере лексема *comportamento* манифестирует совокупность поведенческих действий (*azione*), которые можно пронаблюдать в целях прогнозирования отдельных поведенческих действий. Ср.: 4) *Devo imparare a capire il suo comportamento, prevedere le sue azioni* (я должен научиться понимать твое поведение и предугадывать твои действия) [RC].

В пятом примере понятия «поведение» и «поступок», выраженные в лексемах *azioni* и *comportamenti*, имеют эквивалентные коннотации. Ср.: 5) *Ho il diritto di non essere responsabile per azioni, sentimenti o comportamenti degli altri* (счастье – это не брать на себя ответственность за чувства, мысли и поступки других) [RC].

В следующем примере лексемы *azione, comportamento* манифестируют эквивалентные понятия «поведение» и «поступок», однако использование мн. числа лексемы *azioni* и ед. числа лексемы *comportamento* предполагает, что поступки понимаются как единицы, манифестирующие поведенческие действия, вместе образующие совокупность таких действий – поведение. Ср.: 6) *Significa anche che questa persona è debole volontà, e non è ancora in grado di rispondere per le loro azioni e il loro comportamento* (это также означает то, что у этого человека слабая воля, и он пока что не в состоянии отвечать за свои поступки и свое поведение) [RC].

В седьмом примере лексема *comportamento* манифестирует смыслы поведения и поступка, оцениваемые посредством отношения к ним самим субъектом поведения. Ср.: 7) *Soggettivo: quando dipende da un comportamento del dipendente* (субъективная сторона: отношение сотрудника к поступку) [RC].

Следующий пример демонстрирует связь деятельности (*operato*) с входящими в нее поведенческими действиями (*azioni*). Ср.: 8) *Perché il suo operato è direttamente collegato alle sue azioni, precedenti e successive* (потому что ваша деятельность прямо связана с вашими поступками до и после) [RC].

В примере с глаголом *comportarsi* (вести себя) мы обнаруживаем связь поведения и совокупности действий. Ср.: 9) *Deve iniziare a comportarsi come un re* (Он должен начать действовать как король) [RC].

В десятом примере мы наблюдаем, как единицы поведенческих действий – поступки (*azioni*) – в своей совокупности становятся поведением. Ср.: 10) *Naturalmente, ci sono oroscopi che aiutano a capire non solo se stessi, ma anche imparare a comprendere il vostro partner e di reagire ad alcune delle sue azioni e comportamenti direttamente* (конечно, существуют и такие гороскопы, которые помогают разобраться не только в себе, но еще и научиться разбираться в своем партнере, а также правильно реагировать на те или иные его поступки и непосредственно поведением) [RC].

В примере 11 мы обнаруживаем тот факт, что лексема *comportamento* манифестирует не просто совокупность поведенческих действий (*azioni*), а также мышление как отношение человечества к жизни в целом. Ср.: 11) *Nota come le azioni e il comportamento delle persone dimostrano che stiamo vivendo negli "ultimi giorni" predetti nella Bibbia* (рассмотрите, как действия и мышление окружающих нас людей указывают на то, что мы живем в «последние дни», предсказанные в Библии) [RC].

В примере 12 мы можем констатировать, что лексема *comportamento* манифестирует поведение, оцениваемое со стороны *наблюдателей* как высокомерное отношение. Ср.: 12) *Esattamente il genere di comportamento prepotente che fa...* (такое высокомерное отношение приводит к...) [RC].

Заключение. Совокупность дефиниционного, контекстуального и сопоставительного анализа позволяет сделать следующие выводы.

Различия. Итальянские словари предлагают более развернутые лексические толкования понятий «действие», «деятельность», «поступок», нежели английские словари. В дефинициях содержатся компоненты, выражающие активность действий в определенных отношениях в определенных ситуациях, что уже изначально создает предпосылку для оценивания действий *наблюдателем*.

Сходства. В итальянском и английском языках понятия «деятельность», «действие», «поступок» и «поведение» содержат общие основополагающие компоненты: целеориентированность действий на публику / на *наблюдателей*.

Контекстуальный анализ показал тесную смысловую связь данных понятий в итальянском языке, что прослеживается и в английском языке.

Несмотря на очевидную смежность проанализированных понятий в сопоставляемых языках, мы полагаем, что «деятельность», «действие», «поступок» следует рассматривать как различные акционально-социальные понятия, которые в определенных контекстах высказывания могут входить в понятие «поведение» в рамках категории *отношения*. Семантические и аксиологические составляющие возмож-

но проследить при помощи внедрения понятия *наблюдатель* в лингвокогнитивной части исследования поведенческих отношений. Лингвокультурная часть исследования в сопоставительном аспекте позволяет выявить национальные признаки, присущие носителям сопоставляемых языков. Представленный анализ является предпосылкой для разработки дальнейшего исследования языкового выражения поведенческих отношений.

Список литературы

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. Москва: Академия, 1998. 429 с.

Денисова Г.В. Социокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации // Социология коммуникаций. Вестник Московского Университета. 2020. Т. 26 (3). С. 127–148. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-3-127-148>

Николаева Ж.В. Итальянский язык как язык межкультурной коммуникации // Studia Culturae. Convectus. 2016. № 2 (28). С. 114–123.

Савватеева И.А. Сравнительный дефиниционный анализ концепта BEHAVIOUR и смежных с ним понятий // Modern Humanity Success. 2023. Вып. 3. С. 150–153.

Шамне Н.Л. Межкультурная и транскультурная коммуникация: к определению понятий // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. 2003. Вып. 3. С. 73–80.

CDO – Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (access date: 23.10.2023).

DI – Dizionario Italiano. URL: <http://www.dizionari.corriere.it> (access date: 07.10.2023).

DIDM – Dizionario italiano De Mauro dizionario internazionale. URL: <http://dizionari.repubblica.it> (access date: 23.10.2023).

DS – Dizionario dei sinonimi. URL: <http://www.Dizionari.repubblica.it> (access date: 16.11.2023).

GL – Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzantilinguistica.it> (access date: 07.11.2023).

RC – Reverso context.net. URL: <https://context.reverso.net> (access date: 07.09.2023).

Treccani – Vocabulario. URL: <https://www.treccani.it> (access date: 15.11.2023).

References

Denisova G.V. *Sotsiokul'turnye stereotipy v mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Sociocultural stereotypes in cross-cultural communication]. Moscow, Moscow state university bulletin. Ser. 18: Sociology and political science Publ., 2020, vol. 26 (3), pp. 127-148. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-3-127-148>. (In Russ.)

Gachev G.D. *Natsional'nye obrazy mira: kurs lektsii* [National images of the world]. Moscow, Akademiia Publ., 1998, 429 p. (In Russ.)

Nikolaeva Zh.V. *Ital'ianskii iazyk kak iazyk mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Italian language as a language of intercultural communication]. *Studia Culturae*. Convectus, 2016, No. 2 (28), pp. 114-123. (In Russ.)

Savvateeva I.A. *Sravnitel'nyi definitsionnyi analiz kontsepta BEHAVIOUR i smezhnykh s nim poniatii* [Comparative definitional analysis of the concept behavior and related concepts]. *Modern Humanity Success*, 2023, No. 3, pp. 150-153. (In Russ.)

Shamne N.L. *Mezhkul'turnaia i transkul'turnaia komunikatsiia: k opredeleniiu poniatii* [Intercultural and transcultural communication: towards the definition of concepts]. *Vestnik VolGU. Ser. 2: Iazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2003, No. 3, pp. 73-80. (In Russ.)

CDO – Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (access date: 23.10.2023).

DI – Dizionario Italiano. URL: <http://www.dizionari.corriere.it> (access date: 07.10.2023).

DIDM – Dizionario italiano De Mauro dizionario internazionale. URL: <http://dizionari.repubblica.it> (access date: 23.10.2023).

DS – Dizionario dei sinonimi. URL: <http://www.Dizionari.repubblica.it> (access date: 16.11.2023).

GL – Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzantilinguistica.it> (access date: 07.11.2023).

RC – Reverso context.net. URL: <https://context.reverso.net> (access date: 07.09.2023).

Treccani – Vocabulario. URL: <https://www.treccani.it> (access date: 15.11.2023).

Статья поступила в редакцию 29.11.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 19.02.2024.

The article was submitted 29.11.2023; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 19.02.2024.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВЛАСТЬ» В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА «КОВЧЕГ ДЛЯ НЕЗВАННЫХ»

Шохра Мохаммед, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, med.chohra02@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Аннотация. В статье представлено комплексное описание семантического поля «Власть» в романе известного отечественного прозаика второй половины XX века Владимира Емельяновича Максимова. Цель исследования заключается в выявлении структурно-семантических особенностей поля, коммуникативно-прагматических свойств его ядерных компонентов, которые являются смысловыми доминантами текста и активно участвуют в организации художественного повествования, изображении героев и событий, экспликации концептуального содержания произведения. Осуществляется аналитический обзор основных лингвистических исследований, посвящённых изучению феномена власти в русской культуре и языковом сознании, научному описанию семантических полей в системе языка и речи. Моделирование полевой структуры романа основано на принципах дискурсивного анализа текста и обусловлено спецификой языковой личности писателя, индивидуальным своеобразием художественной картины мира, жанрово-стилистическими и сюжетно-композиционными особенностями произведения, лингвокультурной ситуацией изображаемой эпохи. Последовательно характеризуются компонентный состав поля, его ядро, центр и периферия, микрополя. Определяются семантические связи и пересечения компонентов поля, раскрывается контекстуальная обусловленность дополнительных смыслов. Семантическое поле «Власть» объединяет четыре микрополя: в центральную часть полевой структуры входят микрополя «Государственная власть» и «Божественная сила», к периферийной зоне относятся микрополя «Семейная власть» и «Сила и власть природной стихии». Ядром поля служат ключевые лексемы *власть*, *сила*, *вождь*. Смысловые доминанты текста, являясь компонентами анализируемой полевой структуры, способствуют развитию действия в пространстве и времени, создают повествовательную полифонию, отражают авторскую позицию, транслируют яркие черты языковой личности писателя.

Ключевые слова: феномен власти, семантическое поле, ядро, центр, периферия, микрополе, повествовательный дискурс, Владимир Максимов.

Для цитирования: Шохра М. Семантическое поле «Власть» в романе Владимира Максимова «Ковчег для незваных» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 163–169. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-163-169>

Research Article

SEMANTIC FIELD “POWER” IN’S NOVEL “THE ARC FOR THE UNINVITED” BY VLADIMIR MAKSIMOV

Shohra Mohammed, Graduate Student, Kostroma State University, Kostroma, Russia, med.chohra02@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Annotation. The article presents a comprehensive description of the semantic field “Power” in the novel by the well-known Russian prose writer of the 2nd half of the 20th century, Vladimir Yemelyanovich Maksimov. The purpose of the study is to identify the structural and semantic features of the field, the communicative and pragmatic properties of its nuclear components, which are semantic dominants of the text and actively participate in organising the artistic narrative, depicting characters and events, and explicating the conceptual content of the study. An analytical review of the main linguistic studies devoted to the study of the phenomenon of authority in Russian culture and linguistic consciousness, and the scientific description of semantic fields in the system of language and speech is carried out. Modelling the field structure of the novel is based on the principles of discourse analysis of the text, and it is determined by the specifics of the writer’s linguistic personality, the individual originality of the artistic picture of the world, the genre-stylistic and plot-compositional features of the work, and the linguacultural situation of the depicted era. The component composition of the field, its core, centre and periphery, and microfields are consistently characterised. Semantic connections and intersections of field components are determined

with contextual conditionality of additional meanings revealed. The semantic field “authority” combines four microfields: the central part of the field structure includes the microfields “state authority” and “God power”, the peripheral zone includes the microfields “family authority” and “authority and power of natural elements”. The core of the field includes the key lexemes of authority, power and the leader. The semantic dominants of the text, being components of the analysed field structure, contribute to the development of action in space and time, create narrative polyphony, reflect the author’s position, and convey the bright features of the writer’s linguistic personality.

Keywords: phenomenon of power, semantic field, core, centre, periphery, microfield, narrative discourse, Vladimir Maksimov.

For citation: Shohra Mohammed. Semantic field “Power” in’s novel “The Arc for the Uninvited” by Vladimir Maksimov. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 163–169 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-163-169>

Феномен власти занимает важное место в русской языковой картине мира, в этнокультурном пространстве социума. Изучению этого сложного явления в лингвокультурологическом, когнитивно-коммуникативном, психолингвистическом и структурно-семантическом аспектах посвящены исследования современных отечественных лингвистов: О.И. Воробьевой [Воробьева], В.А. Ильиной [Ильина], М.А. Каркашовой [Каркашова], В.И. Карасика, Э.А. Китаниной [Карасик, Китанина], В.Н. Суздальцевой [Суздальцева], Н.В. Уфимцевой [Уфимцева], А.А. Шабановой [Шабанова] и др.

В монографии О.И. Воробьевой «Политическая лингвистика. Современный язык политики» (2008) обосновывается смысловое пересечение семантических полей «Политика», «Власть», «Идеология». Автор представляет комплексную политическую оценку, которая складывается в структуре публицистического текста, выявляет тезаурус политического языка, рассматривает терминологическую систему государственной власти, характеризует коммуникативно-тематическое поле «Политическая власть». Автор монографии называет разновидности власти (экономическую, политическую, военную, духовную, семейную и др.) и обращает внимание на то, что «современные социально-политические отношения, уровень развития политической коммуникации требует рассмотрения концепта власти в качестве научного термина» [Воробьева: 205].

Языковое содержание концепта «Власть» представлено в статье А.А. Шабановой (2011): дается описание результатов ассоциативного эксперимента с участием представителей англоязычной (американский вариант) и русскоязычной лингвокультур; выявляются прагматические, морально-этические, субъективно-психологические и религиозно-философские признаки анализируемого концепта. Исследователь делает выводы о том, что в русскоязычной и англоязычной картинах мира преобладает прагматическое отношение к власти, которая прежде всего ассоциируется с социальными связями, субординативными отношениями, взаимодействием в сфере человек – человек, а также значим морально-оценочный компонент власти. Различия двух лингвокультур проявляются в преобладании субъективно-психологических

ассоциатов в американской картине мира, религиозно-философской тематики – в русском языковом сознании [Шабанова: 147].

В исследовании Н.В. Уфимцевой (2023) в психолингвистическом аспекте характеризуется образ власти по материалам Крымского ассоциативного словаря. Анализируются представления о власти в языковом сознании трех поколений носителей русской культуры (1994–2021 гг.), используются данные ассоциативных словарей и материалы социологических исследований. Автор статьи обращает внимание на то, что понятие власти ассоциируется с деньгами, силой, жестокостью, законом. Суть власти – это ответственность и управление: «В сознании испытуемых наиболее тесно связаны между собой власть и управлять, т. е. власть для них – это управление, а управлять означает власть» [Уфимцева: 636]. В результате анализа исследователь приходит к выводу: в современном мире происходит разрушение архетипов русской культуры, в обществе усиливается индивидуализм, что явно отражается в структуре ядра языкового сознания и его содержания.

Исследования В.А. Ильиной (2020) и В.И. Карасика, Э.А. Китаниной (2023) выполнены в аксиологическом аспекте. Научная статья В.А. Ильиной содержит описание семантического поля ценности «Власть» в русской культуре: автор анализирует дефиниции из энциклопедий и словарей, рассматривает контекстуальное употребление ценности *власть*, выявляет основные семантические группы, опираясь на словарные статьи ассоциативного словаря и компонентный анализ русских пословиц. В результате анализа различных источников определяется состав семантического поля, в которое входят многочисленные компоненты, характеризующие власть: отношения между людьми, способность осуществлять свою волю, воздействие на людей, форма правления, право на управление, могущество, полномочия должностных лиц, атрибуты власти, представители власти, управление, объекты, оценка, недовольство властью, положительная оценка власти, централизация власти, вездесущность власти, коррупция во власти, подчинение, богатство, ответственность, карьера, зависимость власти от народа [Ильина: 279]. Автор научной статьи приходит к выводу: семантическое поле вклю-

чает компоненты, иллюстрирующие как положительное, так и негативное восприятие власти. Формирование многоуровневого семантического поля является продуктивным и информативным способом описания ценностей в языковом сознании [Ильина: 280].

В.И. Карасик и Э.А. Китанина описывают лингвистически релевантные нормы поведения, закодированные в концепте «Власть». Исследователи обращаются к материалам словарей и справочников, анализируют примеры из Национального корпуса русского языка, фрагменты поэтических и прозаических текстов на русском языке. Ученые приходят к выводу: в понятийном плане власть представляет собой принуждение и включает силу, авторитет, традицию или закон, борьбу за получение и удержание власти. В оценочном плане власть характеризуется как справедливая – несправедливая, жестокая – милосердная, эффективная – неэффективная. В художественном тексте, по наблюдениям исследователей, власть показана как непреодолимая сила [Карасик, Китанина 2023].

Дискурсивное изучение феномена власти представлено в исследованиях М.А. Каркашовой (2018) и В.Н. Суздальцевой (2017). М.А. Каркашова обосновывает алгоритм построения лингвокогнитивных моделей семантической деривации концепта «Власть» на материале политического романа Р.П. Уоррена «Вся королевская рать». В этом произведении наиболее частотными являются концепт-фреймы *Власть – Человек, Власть – Закон, Власть – Знание, Власть – Энергия*. Продуктивной моделью семантической деривации становится метафора. Феномен власти характеризуется не только как «состояние физического превосходства и контроль ценных ресурсов, но и когнитивно-осознанное стремление человека, основанное на психологической потребности контролировать себе подобных» [Каркашова: 922].

В монографии В.Н. Суздальцевой (2017) выявляются и анализируются вербальные средства, с помощью которых в современных российских СМИ создается представление о власти. Автор книги детально характеризует семантическое пространство «власть» в политическом дискурсе: рассматривает бинарные оппозиции *зона позитива – зона негатива, свой – чужой, народ – власть*, являющиеся структурообразующей основой смыслового пространства; систематизирует языковые средства создания образа власти. К вербальным составляющим этого образа относятся различные номинации, лексика деятельностного поля, лексика семантики отрицания, оценочные слова и оценочные метафоры, слова и словосочетания генерализующей семантики, слова-жупелы и слова-фетиши и т. д. [Суздальцева: 67].

Проблемам изучения семантического поля в системе языка и речи посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных языко-

ведов. Вопросы теории поля рассматриваются в трудах В.П. Абрамова [Абрамов], Ю.Д. Апресяна [Апресян], М.А. Кронгауза [Кронгауз], Л.А. Новикова [Новиков], Г.Н. Складневской [Складневский], Г.С. Щура [Щур] и др. В зарубежной лингвистике XX века одним из первых теоретическое обоснование семантического поля разработал известный немецкий ученый, глава Мюнстерской школы германистики Йост Трир [Trier 1973].

Семантическое поле определяется лингвистами как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания... и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кузнецов: 380]; представляет собой «иерархическую организацию слов, объединенных одним родовым значением» [Новиков: 458]. Конституирующий смысл, объединяющий все компоненты поля, выражается интегральным семантическим признаком [Кронгауз: 130].

Моделирование семантических полей в литературном произведении позволяет выявить смысловое взаимодействие ключевых слов и выражений, текстовых доминант, которые эксплицируют концептуальное содержание художественного повествования.

Целью нашего исследования является комплексное описание семантического поля «Власть» в романе Владимира Максимова «Ковчег для незваных» (1976–1978): общая характеристика основного компонентного состава, структуры и содержания ядра, центральной и периферийной частей поля, особенностей смыслового взаимодействия микрополей, функционирования ядерных компонентов поля в повествовательном дискурсе.

Произведения Владимира Максимова, недостаточно изученные в лингвистическом аспекте, вызывают безусловный исследовательский интерес с точки зрения языкового отражения индивидуально-авторских представлений о сложных периодах отечественной истории XX столетия. Писатель изображает реальных исторических лиц – Иосифа Сталина и Лаврентия Берию, характеризует их как незаурядных личностей, обладающих большой властью и силой. Автор повествует о драматичном переселении тульских крестьян на Курильские острова. Основное действие романа происходит в 1946 году, но писатель объединяет разные пространственно-временные планы: рассказывает о событиях довоенного и военного времени, а также включает вставные эпизоды, образующие параллельное повествование о тяжелых скитаниях евреев в египетской пустыне.

К ядру семантического поля «Власть» относятся ключевые лексемы, являющиеся текстовыми доминантами: *власть, сила, вождь*. Лексема *власть* имеет в современном русском языке несколько значе-

ний: 'право управления государством, политическое господство'; 'органы государственного управления, правительство'; 'право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-либо, чем-либо'; 'могущество, господство, сила (чего)'. Во множественном числе слово употребляется в переносном значении: *власти* 'должностные лица, начальство' [СРЯ 1: 184]. В романе Максимова реализуются все значения ядерной лексемы *власть*, являющейся номинатом семантического поля: «Мы дадим тебе деньги, людей, технику, а ты нам – крепкую *советскую власть*»; «Сейчас он был полон восхитительного ощущения своей *власти* над огромными территориями и десятками тысяч людей»; «Человек, отпочкованный этим ведомством в любую ячейку правительственной машины, становился в ней как бы негласной параллельной *властью*, готовой в необходимый момент заменить уже существующую»; «От них – этих тучных, с вечной одышкой бонз – настала пора избавляться, они уже достигли того рокового предела, за которым появляется опасная привычка к *власти*, уверенность в себе, известное притупление чувства дистанции, что угрожало сложившемуся порядку взаимоотношений между ними»; «Сколько он помнил себя, в школе, в семинарии, затем в подполье и борьбе за *власть*, это было его пыткой и проклятием... И чем выше он поднимался, чем незыблее становилась его *власть*, тем нестерпимее делалась для него давняя ноша»; «Занимаясь в последние дни Курилами, он... озаботился открыть там православный приход: без этого последнего штриха структуре новой *власти* на островах не доставало... законченной основательности»; «По его выходило, что на разъезде *советской власти* не существует, что там определенно намечается подпольная организация...»; «Против *власти* ни зла, ни намерения не имел: не нами поставлена, не нам снимать»; «Работая в ведомстве, *власть* которого простиралась над всей тюремно-лагерной сетью государства, он... никогда в жизни в глаза не видел живого заключенного»; «это было в их среде правилом или некоей повинностью, которую он отбывал, чтобы сохранить лицо, проявить свою *власть*, поставить подчиненного на место»; «Он вдруг ощутил в себе тот восхищающий душу подъем, который всегда предвещал для него риск, дело, *власть*»; «Но в кажущемся вокруг хаосе уже заметно проглядывался определенный порядок, механизм власти срабатывал медленно, но неуклонно...» [Максимов: 19, 20, 22, 39, 41–42, 51, 62, 66, 84, 141, 171, 173, 176].

Приведенные фрагменты романа образуют обширную текстовую парадигму, основанную на лексическом повторе ядерного компонента *власть*, являющегося смысловой доминантой всего романа. Здесь осуществляется семантическое пересечение парадигматических и синтагматических текстовых свя-

зей. В контекстуальном окружении ключевой лексемы употребляются другие компоненты поля, которые раскрывают, конкретизируют сущность государственной власти сталинской эпохи: *ведомство, ячейка правительственной машины, бонзы, чувство дистанции, порядок взаимоотношений, структура новой власти, тюремно-лагерная сеть государства, поставить на место, механизм власти*. Выразительной особенностью идиостиля писателя является создание градационных рядов с участием ядерной лексемы *власть*: *появляется опасная привычка к власти, уверенность в себе, известное притупление чувства дистанции; сохранить лицо, проявить свою власть, поставить подчиненного на место; риск, дело, власть*. С помощью приема градации осуществляется смысловая интенсификация представлений о сильной власти, строго контролирующей все сферы советской жизни.

Ядерная лексема *вождь* 'идейный, политический руководитель' [СРЯ 1: 196] относится к изображению Сталина и является доминантой контекстуального синонимического ряда: *вождь – Сталин – хозяин – благодетель*. В тексте романа используется распространенная генитивная метафора *великий вождь всех времен и народов*, ставшая в сталинскую эпоху крылатым выражением, отражающим специфику лингвокультурной ситуации того времени: было принято хвалить и славить руководителя партии и государства, уважительно и восторженно упоминать его имя во всех публичных выступлениях.

В одном из значений ядерные лексемы *власть* и *сила* являются синонимами: *власть* 'могущество, господство, сила' [СРЯ 1: 184]; *сила* 'могущество, власть, авторитет' [СРЯ 4: 91]. В романе Максимова лексема *сила* характеризует неограниченную, огромную власть Сталина. Золотарев, находясь рядом с вождем, испытывает на себе его безграничное могущество: «...ощущая у себя за спиной присутствие *силы*, перед лицом которой вещи, события и люди казались уменьшенными до микроскопических размеров» [Максимов: 25]. Текстовая литота способствует возвеличиванию личности Сталина за счет снижения значимости всего, что находится вокруг и рядом с ним.

В большей степени употребление ядерной лексемы *сила* связано не с изображением государственной власти, а с духовным содержанием романа. В финале произведения Золотарев размышляет о мировом порядке, который обеспечивается сверхъестественной, неземной силой: «...Золотарева неожиданно обжигает озадачила простая, как дыхание, мысль: что, какая *сила* рождает людей столь разными, сводит и разводит их, незримо руководит ими в делах и поступках, откладывая в них любовь и ненависть, страх и мужество, жестокость и милосердие? Во всем этом открывались для него какие-то особые закономерность, логика, смысл. На его глазах, в хаотичном кружении, казалось

бы, неуправляемых природных стихий, сеть человеческих связей, искажаясь внешне, не теряла своей внутренней, почти геометрической стройности. В чем же здесь все-таки таилась суть?» [Максимов: 176].

Контекст передает внутренние размышления героя и построен на антитезе *хаос – порядок: в хаотичном кружении... неуправляемых природных стихий – незримо руководит... в делах и поступках; особые закономерность, логика, смысл; внутренняя, почти геометрическая стройность.*

В романе вычленяются два контрастных центральных микрополя: «Государственная власть» и «Божественная сила». Основу конфликта составляют разные жизненные ценности героев: высокий социальный статус (карьерист Илья Золотарев) – духовное развитие (Федор Самохин, братья Загладины). Ключевыми компонентами семантически противопоставленных микрополей являются прецедентные имена *Сталин – Моисей*. Первое символизирует тоталитарную власть жестокого лидера, второе – христианскую мораль человеколюбия и милосердия.

Компонентный состав микрополя 1 «Государственная власть» разнообразен, включает несколько

групп лексических, фразеологических и синтаксических единиц, в том числе имена известных исторических лиц и советизмы, отражающие лингвокультурную ситуацию сталинской эпохи.

Компонентный состав микрополя 2 «Божественная сила» представлен менее обширно, в основном также состоит из лексических, фразеологических и синтаксических единиц, но с преобладанием профессиональной лексики и библейских цитат.

Семантические оппозиции, раскрывающие противопоставление государственной власти и божественной силы, связаны с сюжетными линиями разных героев романа: молодого чиновника Ильи Золотарева, перспективного руководителя, и братьев Загладиных, Ивана и Матвея, скромных и трудолюбивых рабочих людей, репрессированных атеистической советской властью за религиозные убеждения. При встрече с Золотаревым Матвей Загладин откровенно говорит о том, что советская власть никогда не сможет до конца разрушить многовековых христианских устоев: *«...ваша власть и держится-то тридцать годов, и сколько ещё продержится – это ещё бабушка надвое сказала, а наша вера две тыщи лет стоит, и сносу*

Таблица 1

Компонентный состав микрополя 1 «Государственная власть»

Апеллятивная лексика	<i>Порядок, ответственность, страх; хозяин, благодетель; лидерство</i>
Прецедентные имена	<i>Сталин, Берия; Ленин, Маркс</i>
Топонимы – символы власти	<i>Москва, Кремль, Боровицкие ворота, Спасские ворота</i>
Названия органов власти, государственных учреждений, властных структур, социальных объединений	<i>Советская власть, райком комсомола, райотдел НКВД, Управление дистанции пути местного железнодорожного узла, Кавкрайком, Экономическое управление Штаба СВА; ведомство, главк, ячейка правительственной машины, тюремно-лагерная сеть государства, аппарат, органы внутренних дел и госбезопасности</i>
Именования должностей разного уровня и военных званий	<i>Министр, начальник главка дальневосточных промыслов, уполномоченный главка, начальник эшелона, начальник лагеря, начальник политотдела областного Гражданского управления, секретарь по оргработе, завсектором, старший адъютант начальника управления; бригадир; лейтенант войск НКВД, взводный, комбат, маршал</i>
Собирательные именования и групповые характеристики представителей власти	<i>Начальство, вожаки; верхи; бонзы; хозяйва; руководящая тройца острова; Сталин и его присные; мытари в разных чинах и званиях</i>
Лексика и фразеология с процессуальной семантикой: административная деятельность руководителей	<i>Властвовать; руководить, командовать, править, управлять, отдавать приказы; держать дистанцию; наводить суд и порядок; выйти из игры; взвалить ношу на плечи; взять за шиворот; пускать в расход; снять шкуру; поставить на место, поставить на колени</i>
Субстантивные фразеологические единицы (символы власти; социальное положение)	<i>Шапка Мономаха; присутственное место; место под солнцем; хлебное место; белая кость; маленькие люди; сотая спица в колеснице; мелкая сошка</i>
Свободные словосочетания – характеристики административной жизни	<i>Номенклатурное кресло, иерархический подъем, канцелярская субординация, номенклатурное море, кабинетная крепость, головокругительная высота, тотальный контроль; стиль руководства, чувство дистанции, закон дистанции, племя победителей, властность тона</i>
Оценочные характеристики взаимоотношений начальства и подчинённых, власти и народа, «своих» и «чужих»	<i>Между службой и дружбой; подобострастие, с деревянной самозабвенностью – заряд знойной ненависти; не по чину, не по званию, не по возрасту; не люди – глина; собачья преданность, птичья пугливость, заячья порода; кондрашка хватит; своих много, да все чужие; народу много, а людей нету</i>
Символические метафоры – характеристики сильных и слабых людей	<i>Орёл, наполеоны; гном, истукан</i>
Фразы волевого регистра речи (команды, распоряжения, поручения начальства)	<i>Слушай мою разрядку; об исполнении доложить; Докладывай, комсомол, не робей! Давай, дуёй в медпункт, бери справку о здоровье и оформляйся; Следуй за мной, солдат! Дави на весла!</i>

Компонентный состав микрополя 2 «Божественная сила»

Конфессиональная лексика и фразеология, в т. ч. библеизмы	<i>Ковчег, Господь, Бог, Господь Вседержитель, Писание, Евангелие, патриарх, владыка, священнослужитель, митра, патриарший клобук, монах, православный приход, церковь, страстная пятница, Крещение, крестный путь; ряса, мирские прегрешения, грешники, Новое Пришествие, в трудах и молитвах, хлеб насыщенный, кесареву кесарево, не расточать душу в суеслови, нести крест, радость душевная способствовать ближним страждущим в узилище, горние выси, пастырское дело, вера, молитва, бес, Христов завет, бездны огненные, гнать из Храма Божьего сквальжсную братию, вводить в соблазн, благодать, с Божьей помощью воскресим Тело истинной Церкви Христовой, восстанет Матерь из праха, Христос с тобой</i>
Прецедентные имена	<i>Моисей, Аарон, сыны Израилевы</i>
Библейские топонимы	<i>Голгофа, Елим, Син, Синай</i>
Интертекстуальные вкрапления, библейские цитаты	<i>Ибо много званых, но мало избранных; И простер Моисей руку свою на море, и к утру вода возвратилась на свое место, а Египтяне бежали навстречу воде, так потопил Господь Египтян среди моря; И увидели Израильтяне руку великую, которую явил Господь над Египтянами, и убоялся народ Господа, и поверил Господу и Моисею, рабу Его. Тогда Моисей и сыны Израилевы воспели Господу песню сию...</i>

ей никогда не будет, помни, оттого-то мы и знаем за- всегда больше вас, всё видим» [Максимов: 170–171].

Смысловая оппозиция выражена антитезой: *ваша власть и держится-то тридцать годов, а наша вера две тыщи лет стоит*. Семантическое противопоставление образуют словосочетания: *ваша власть – наша вера; тридцать годов – две тыщи лет*.

Зонами семантического пересечения микрополя 1 «Государственная власть» и микрополя 2 «Божественная сила» являются образные характеристики героев, олицетворяющих советскую власть: *руководящая троица острова; Сталин и его присные; мытари в разных чинах и званиях*. Здесь используется конфессиональная лексика, являющаяся средством создания иронии: *троица, присные, мытари*.

Периферийная часть семантического поля состоит из двух микрополей: «Семейная власть» и «Сила и власть природной стихии». Их компонентный состав представлен незначительным количеством языковых единиц, в основном лексическими и фразеологическими средствами. Микрополе 3 «Семейная власть» включает описания родственных взаимоотношений героев, характеристики главенствующих членов семьи: *как за каменной стеной; в страхе держал; держал в страхе Божьем; самодур; скорый на расправу, доставалось всем без разбор; отношения старшего с младшей*. Компонентами микрополя 4 «Сила и власть природной стихии» являются лексемы и фразеологизмы: *стихия, хаос, бедлам; Содом; земля на соплях держится; небесная канцелярия; тридцать три несчастья; из огня да в полымя; паника, гвалт, суматоха; конец света, светопредставление*. С их помощью писатель изображает страшное извержение курильского вулкана и мощное морское цунами. Люди не могут противостоять силе этой природной стихии. Так рушится государственная затея Сталина: автор показывает в финале романа, как многие переселенцы гибнут, а спасаются только двое. Пренебрегая духовными заветами предков, за-

быв о Боге и душе, бросив родные края, переселенцы не находят долгожданного счастья: чужая суровая земля не принимает «незванных».

Таким образом, моделирование семантического поля «Власть» в романе Владимира Максимова «Ковчег для незванных» способствует углублению текстовых смыслов, более точному пониманию художественного замысла произведения, созданию его адекватной интерпретации. Ключевые компоненты поля занимают важное место в повествовательной структуре и образной системе романа, эксплицируют концептуальное содержание текста, воссоздают культурно-языковые особенности изображаемой эпохи.

Список литературы

Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. Москва: Флинта: Наука, 2019. 333 с.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Наука, 1974. 367 с.

Воробьева О.И. Политическая лингвистика. Современный язык политики. Москва: ИКАР, 2008. 296 с.

Ильина В.А. Семантическое поле ценности «Власть» // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 266–280.

Карасик В.И., Китанина Э.А. Аксиология власти в русской лингвокультуре // Русистика. 2023. Т. 1, № 1. С. 97–110.

Каркашова М.А. Алгоритм построения лингвокогнитивных моделей семантической деривации концепта «Власть» (на основе романа R.P. Warren «All The King’s Men») // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 3. С. 919–922.

Кронгауз М.А. Семантика. Москва: Академия, 2005. 352 с.

Кузнецов А.М. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия, 1990. С. 380–381.

Максимов В.Е. Ковчег для незванных: романы. Москва: Воскресенье, 1994. 368 с.

Новиков Л.А. Семантическое поле // Русский язык: энциклопедия. Москва: Наука, 1997. С. 458–459.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка: науч. монография. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 152 с.

СРЯ: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Москва: Русский язык, 1985–1988.

Суздальцева В.Н. Образ власти в современных российских СМИ: вербальный аспект. Москва: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017. 252 с.

Уфимцева Н.В. Образ власти по материалам Крымского ассоциативного словаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 3. С. 630–647.

Шабанова А.А. Лингвистический анализ концепта «Власть»/«Power» // Актуальные вопросы филологических наук: проблемы и перспективы: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.) / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. Чита: Молодой ученый, 2011. 166 с.

Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. Москва: Наука, 1974. 255 с.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 1973.

References

Abramov V.P. *Semanticheskiye polya russkogo yazyka* [Semantic fields of the Russian language]. Moscow, Flint Publ., Science Publ., 2019, 333 p. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymous means of language]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 367 p. (In Russ.)

Ilyina V.A. *Semanticheskoye pole tsennosti «Vlast'»* [Semantic field of value “Power”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University], 2020, No. 2, pp. 266–280. (In Russ.)

Karasik V.I., Kitanina E.A. *Aksiologiya vlasti v russkoy lingvokulture* [Axiology of power in Russian linguistic culture]. *Rusistika* [Russian Studies], 2023, vol. 1, No. 1, pp. 97–110. (In Russ.)

Karkashova M.A. *Algoritm postroyeniya lingvokognitivnykh modeley semanticheskoy derivatsii kontsepta «Vlast'» (na osnove romana R.P. Warren «All the King's Men»)* [Algorithm for constructing linguocognitive models of semantic derivation of the concept “Power” (based on the novel “All the King’s Men” by R.P. Warren)]. *Mezhdunarodnyy studentcheskiy nauchnyy vestnik* [International Student Scientific Bulletin], 2018, No. 3, pp. 919–922. (In Russ.)

Krongauz M.A. *Semantika* [Semantics]. Moscow, Akademiya Publ., 2005, 352 p. (In Russ.)

Kuznetsov A.M. *Pole* [Field]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary], ed. by V.N. Yartseva. Moscow, Sov. Entsiklopediya Publ., 1990, pp. 380–381 p. (In Russ.)

Maksimov V.E. *Kovcheg dlya nezvanykh: roman* [Ark for the Uninvited: Novels]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1994, 368 p. (In Russ.)

Novikov L.A. *Semanticheskoye pole* [Semantic field]. *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 458–459. (In Russ.)

Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka: nauchnaya monografiya* [Metaphor in the language system: scientific monograph]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, 152 p. (In Russ.)

СРЯ: *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols.], ed. by A.P. Yevgen'yeva, ed. 3. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988. (In Russ.)

Suzdaltseva V.N. *Obraz vlasti v sovremennykh Rossiyskikh SMI: verbal'nyy aspekt* [The image of power in modern Russian media: the verbal aspect]. Moscow, Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova Publ., 2017, 252 p. (In Russ.)

Ufimtseva N.V. *Obraz vlasti po materialam Krymskogo assotsiativnogo slovarya* [The image of power based on materials from Krymsky associative dictionary]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Ser.: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2022, vol. 13, No. 3, pp. 630–647. (In Russ.)

Shabanova A.A. *Lingvisticheskiy analiz kontsepta «Vlast'»/«Power»* [Linguistic analysis of the concept “Power”/“Power”]. *Aktual'nyye voprosy filologicheskikh nauk: problemy i perspektivy: materialy mezhdunar zaoch. nauch. konf.* [Current issues of philological sciences: problems and prospects: materials of the international], ed. by G.D. Akhmetovoy. Chita, Molodoy uchenyy Publ., 2011, 166 p. (In Russ.)

Shchur G.S. *Teoriya polya v lingvistike* [Field theory in linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 255 p. (In Russ.)

Vorobyova O.I. *Politicheskaya lingvistika. Sovremennyy yazyk politiki* [Political linguistics. Modern language of politics]. Moscow, IKAR Publ., 2008, 296 p. (In Russ.)

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag Publ., 1973.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 19.02.2024.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 19.02.2024.

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 81'373.2;81'42

EDN GFLAEE

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-170-176>

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ГЕОКУЛЬТУРНОГО БРЕНДА *ЕЛЕЦ* В ТУРИСТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Селеменова Ольга Александровна, доктор филологических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия, ol.semeneva2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0488-8428>

Попова Ольга Петровна, аспирант, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Россия, Olgapopova1996@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос языковых средств представления культурно-географических образов в туристическом интернет-дискурсе. Актуальность исследования обусловлена совокупностью причин: культивированием определенных образов территорий в геокультурной региональной политике; интересом ученых к анализу языковых особенностей туристического онлайн-дискурса; неизученностью лингвистической составляющей геокультурных брендов. Предметом исследования выступают средства экспликации геокультурного бренда *Елец*. Материалом исследования служат тексты, размещенные на сайтах туристических агентств и туроператоров. В ходе исследования установлено, что в туристическом интернет-дискурсе геокультурный бренд *Елец* репрезентируется совокупностью языковых средств: разветвленной системой онимов, среди которых отмечены ойконимы, потамонимы, урбанонимы, экклезионимы, антропонимы и др.; апеллятивами типа *страж*, *сокровищница*, *музей*, *воин* и др.; атрибутивной лексикой; словосочетаниями, включающими в качестве зависимого компонента отонимное прилагательное *елецкий*. Указано, что семантической доминантой текстов выступает астионим *Елец*, с которым тематически, контекстуально, ассоциативно связаны все другие онимы, апеллятивы и признаковая лексика. Авторы приходят к выводу, что используемая система языковых средств, актуализирующая ряд стереотипов, помогает адресанту формировать в сознании адресата образ старинного провинциального города в центре России с определенным историко-культурным бэкграундом.

Ключевые слова: туристический онлайн-дискурс, региональный бренд, онимы, астионим *Елец*, апеллятивы, признаковая лексика, отонимное прилагательное, текстовые связи.

Для цитирования: Селеменова О.А., Попова О.П. Лексическая экспликация геокультурного бренда *Елец* в туристическом интернет-дискурсе // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 170–176. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-170-176>

Research Article

LEXICAL EXPLICATION OF THE GEOCULTURAL BRAND *YELETS* IN THE TOURIST INTERNET DISCOURSE

Olga A. Selemeneva, Doctor of Philology, Associate Professor, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, ol.semeneva2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0488-8428>

Olga P. Popova, Postgraduate Student, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, Olgapopova1996@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issue of linguistic means of representing geocultural images of territories in the online tourist discourse. Topicality of the work is due to a set of reasons: the cultivation of certain images of territories in the geocultural regional policy; the interest of scientists in analysing the linguistic features of online tourist discourse; the unexplored linguistic component of different geocultural brands. The subject of the study is the means of explication of the geocultural brand *Yelets*. The research material is texts posted on the sites of travel agencies and tour operators. The study found that in the online tourist discourse, the geocultural brand *Yelets* is represented by a set of linguistic means: an extensive system of onyms among which, oikonoms, oronyms, potamonoms, urbanonyms, ecclesionoms, anthroponoms, etc. are marked; some appellatives such as *страж* (guardian), *сокровищница* (treasury), *музей* (museum), *воин* (warrior), etc., attributive vocabulary; a number of phrases, including the otonymous adjective *елецкий*. It is noted that the semantic dominant of the texts is the asti onym *Yelets*, which is thematically, contextually and associatively connected with all other onyms, appellatives and characteristic vocabulary. The authors come to the conclusion that the system of linguistic means used,

actualising a number of stereotypes, helps the addressee to form in its mind the image of the ancient provincial city in the core of Russia with a certain historical and cultural background.

Keywords: online tourist discourse, regional brand, onyms, toponym *Yelets*, appellatives, characteristic vocabulary, adjective derived from onym, textual connections.

For citation: Selemeneva O.A., Popova O.P. Lexical explication of the geocultural brand *Yelets* in the tourist Internet discourse. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 170–176 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-170-176>

В конце XX – первой четверти XXI в. одним из активно развивающихся направлений человеческой деятельности выступает сфера туризма. Существуя как единое коммуникативно-информационное пространство, она имеет свой «продукт» – речевую деятельность человека, рассматриваемую в качестве вида институционального общения – туристического дискурса. Под влиянием массмедийности и совершенствования интернет-технологий туристический дискурс постоянно меняется на жанровом, композиционно-структурном, содержательном, знаковом уровнях. Поэтому его анализ привлекает не только журналистов, социологов, культурологов, экономистов, демографов, этнографов, антропологов, политологов, историков, но и лингвистов.

Изучение языковых особенностей туристического интернет-дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике осуществляется в прагматическом, транслатологическом, лингвокогнитивном, семиотическом и иных аспектах. Так, В.А. Колчевская исследует в русскоязычном интернет-дискурсе персуазивные единицы речевого воздействия на адресата (оценочные имена прилагательные, числительные, лексические повторы и др.) с целью изменения его оценок и суждений [Колчевская], а И.В. Волкова – стратегии переводческих русско-английских и русско-французских трансформаций на композиционном, лексическом, синтаксическом уровнях [Волкова]; М.А.М. Салим и А.П. Мат Сом анализируют словесные и визуальные средства формирования привлекательного образа туристических направлений Индонезии [Salim, Mat Som], а К. Мелуцци и С. Бальзамо – специфику лексики винного и гастрономического туризма в Италии [Meluzzi, Balsamo].

В последние годы в российской туристической сфере в связи с быстрым развитием внутреннего туризма популяризируется понятие геокультурного брендинга территорий, связанное с целенаправленным формированием в средствах СМИ, коммуникационных сетях образов российских регионов, городов и иных населенных пунктов. Под *геокультурным брендом* понимают смоделированный идеальный образ любой территории, рассмотренный «в онтологическом и феноменологическом срезе» [Замятин: 11]. Такой образ связан с понятием «положительный имидж» и конструируется на основе аппликации территориальных границ в их физическом смыс-

ле и конкретного культурного пространства, взятого в совокупности эмоционально-ценностной, этнографической, архитектурной, мифологической, духовно-нравственной, художественно-эстетической составляющих, исторического контекста.

Лингвистическая составляющая геокультурных брендов уже изучается в отечественном языкознании: работы А.А. Бурыкина, Ю.Н. Варфоломеевой, М.В. Голомидовой, Ю.А. Кривошаповой, Н.А. Купиной и др. [Бурыкин; Варфоломеева; Голомидова; Кривошапова; Купина]. Например, М.В. Голомидова топонимический нейминг рассматривает как эффективный инструмент формирования имиджа места [Голомидова 2020: 266]. Анализируя огромный пласт топонимической лексики Екатеринбурга, она создает предельно детализированный «топонимический портрет», наглядно демонстрируя изменение образа с течением времени: от промышленно-торгового центра до мегаполиса, «открытого влиянию разных культур» [Голомидова 2023: 48]. Н.А. Купина полагает, что «местный колорит» города областного подчинения Первоуральска в СМИ эксплицируется топонимами и их производными: *Первоуральск, первоуральски, первоуральский, первоуралочки* [Купина: 14]. А уже эти единицы сопровождаются в тексте аксиологически маркированными вербальными знаками, связанными «с определенными участками социоцентрической картины мира» (*жители, мы, наши, башкирский и татарский народ* и др.) [Купина: 15]. Ю.Н. Варфоломеева приписывает имиджевую функцию эргоурбонимам: они формируют образ Улан-Удэ как активно развивающегося города с национальным колоритом и богатой историей [Варфоломеева: 3762]. Некоторые идиомы и устойчивые сочетания в качестве маркеров геокультурных образов рассматриваются А.А. Бурыкиным (фразама *тамбовский волк* и ее окказиональный вариант *брянский волк* [Бурыкин]), Ю.А. Кривошаповой (*архангельская козуля, вологодское масло, каргопольская игрушка, тотемские картуши* [Кривошапова]).

Однако, несмотря на очевидный интерес лингвистов к проблеме языковых средств представления геокультурных образов территорий, следует признать, что систематизация и классификация этих единиц еще не произведена.

Наше обращение к анализу лексических средств репрезентации геокультурного бренда *Елец* в тури-

стическом интернет-дискурсе объясняется важностью изучения именно локальных малоизвестных брендов, поскольку из них и складывается «единый бренд страны» [Старцева: 199].

Материалом исследования послужили тексты, размещенные на сайтах «Туры выходного дня с Еленой Дорофеевой»¹, «Магазин путешествий»², «Вокруг света»³, «Tripster»⁴ и др. Выбор интерактивных веб-страниц или их совокупностей как источника языкового материала обусловлен тем, что именно сайты в условиях процессов глобализации и локализации выступают в качестве эффективных «коммуникативных платформ сферы туризма» [Волкова: 4] за счет своей гипертекстовости, мультимедийности. Объем авторской выборки составляет более 130 единиц. Все рассмотренные тексты служат одной цели – создать привлекательный образ туристического объекта, которым выступает город Елец.

К средствам вербализации геокультурного бренда *Елец* в туристическом интернет-дискурсе прежде всего относится ономастическая лексика разных семантических групп:

1) хоронимы *Русь* (историческое название этнокультурного региона Восточной Европы), *Елецкое княжество* (в XIV в. удельное княжество со столицей в Ельце), *Липецкая область* (административно-территориальное образование, субъект РФ) и др.;

2) ойконимы *Елец* (город, выступающий административным центром Елецкого района Липецкой области), *Аргамач-Пальна* (село Елецкого района Липецкой области России) и др.;

3) оронимы *Воргольские скалы* (скальная система на территории Липецкой области), *Кошкина гора* (высокий мыс над Быстрой Сосной), *Звонари* (скальный утес, нависающий над каньонообразной долиной реки Воргол) и др.;

4) потапонимы *Воргол* (река в Липецкой области России, левый приток Быстрой Сосны), *Быстрая Сосна* (река в Орловской и Липецкой областях, правый приток Дона), *Пальна* (левый приток реки Быстрой Сосны) и др.;

5) урбанонимы *Торговая улица* (сейчас ул. Мира, центральная улица Ельца), *Красная площадь* (архитектурно организованное пространство в Ельце, центральная площадь города) и др.;

6) экклезионимы *Великокняжеская церковь* (храм в Ельце, построенный по проекту Э. Вильфарта и А. Каминского), *Вознесенский собор* (главный храм Ельца, кафедральный собор Елецкой епархии), *Введенская церковь* (каменная церковь в Ельце, расположенная рядом с Вознесенским собором) и др.;

7) антропонимы *Александр Заусайлов* (купец, почетный гражданин города Ельца), *Иван Алексеевич Бунин* (русский писатель, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 г.), *Евгений Пав-*

лович Крикунов (коллекционер-подвижник из Ельца), *Иван Мясной* (выборный дворянин из Тулы, елецкий воевода) и др.;

8) эргонимы *Елецкий краеведческий музей*, *Музей народных промыслов и ремесел*, *Дом-музей И.А. Бунина* (городские музеи).

Среди выделенных имен собственных семантической доминантой текстов сферы регионального туризма выступает астионим *Елец*. В словаре «Русская ономастика и ономастика России» под ред. академика РАН О.Н. Трубачева указано, что этот топоним встречался еще «в Софийской первой и второй летописях под 1395 г. в форме Елень», в «Книге Большому чертежу» и в других письменных источниках XVII в. [Русская ономастика: 64]. Причем указанные контексты фиксировали явление омонимии: собственное имя функционировало и как астионим (название города), и как гидроним (название реки).

Этимология топонима Елец в лингвистических и краеведческих источниках до сих пор не совсем прояснена. Хотя елецкий краевед Н.А. Ридингер уже в 1865 г. в работе «Материалы для истории и статистики г. Ельца» задался вопросом происхождения проприальной лексемы и предположил ее связь со значением апеллятива *елец* – «дубовый кустарник» [Ридингер: 23]. Аналогичная точка зрения фиксируется в «Словаре географических названий» М.М. Боднарского [Боднарский: 115], «Кратком топонимическом словаре» В.А. Никонова [Никонов: 136], материалах базы данных «Топонимия России» Института языкознания РАН [Гордова: 109]. В «Топонимическом словаре Центральной России» А.Г. Смолицкой приведены и другие версии происхождения топонима: от *еленец* – «можжевелик»; от *елец* – названия рыбы семейства карповых (уклейки, головля и др.), давшего прозвище Елец «первопоселенцу или одному из владельцев селения» [Смолицкая: 103].

Именно с астионимом *Елец*, функционирующим в туристическом онлайн-дискурсе исключительно в значении «старинный русский город», связаны тематически, контекстуально, ассоциативно другие группы онимов, апеллятивы, а также признаковая лексика, сочетающаяся с указанными единицами. Например: «*Обзорная экскурсия по Ельцу познакомит вас с достопримечательностями этого уютного городка на южных рубежах древнего Русского государства. <...> В ходе экскурсии вы увидите храм Елецкой иконы Божией Матери, которая, по преданию, остановила войска Тамерлана, восхититесь величественным Вознесенским собором... <...> В Ельце проведет свои отроческие годы один из гениев русской и всемирной литературы Иван Алексеевич Бунин*»⁵. В приведенном фрагменте рекламного текста топоним *Елец* благодаря дистантному лексическому повтору становится так называемым «ай-стоппером»,

средством привлечения внимания потенциального туриста. Повторная номинация и тождество референции (*Елец – уютный городок*) обеспечивают единство микротемы приведенного в примере текстового фрагмента. С астионимом *Елец* ситуативно связана группа онимов (эклезионимы *Введенская церковь, Вознесенский собор и храм Елецкой иконы Божией Матери*, антропонимы *Тамерлан и Иван Алексеевич Бунин*, хороним *Русское государство*) и апеллятивы *достопримечательность, экскурсия, литература, городок*. Так создается не только единый смысловой контекст, но и формируется особый образ Ельца, в котором превалирует не физико-географический, административно-территориальный компонент, а историко-культурологический, опирающийся как на экспликацию в тексте совокупности фактов и легенд о городе, так и на пресуппозицию – фоновые знания адресата о них:

– ранее упоминание Ельца в летописях (середина XII в.);

– неоднократное татаро-монгольское разорение (город несколько раз сжигали дотла);

– неожиданный уход с елецкой земли на юг осенью 1395 г. никем не гонимого войска Тамерлана, уход, объясняемый божественным проведением – заступничеством Богородицы, ее явлением непобедимому среднеазиатскому эмиру на горе Аргамач, недалеко от центра Ельца;

– связь рода Буниных с Ельцом и Елецким уездом, отражение географических реалий города в литературном ландшафте произведений Нобелевского лауреата («Жизнь Арсеньева», «Захар Воробьев», «Легкое дыхание» и др.).

Вне контекста хоронимы, ойконимы, оронимы служат средством маркирования того компонента геокультурного бренда *Елец*, который связан с репрезентацией собственно географической составляющей – территориальных границ, географических зон, водных объектов и др., а урбанонимы, эргонимы, эклезионимы, антропонимы – компонента, аккумулирующего историко-культурное наследие города, духовно-нравственные идеи, художественно-эстетические символы. В контекстах туристического онлайн-дискурса и хоронимы, и ойконимы, и оронимы могут быть тоже рассмотрены в качестве лексем, представляющих культурологический компонент. Так, уже упоминаемый выше ороним *Аргамач* важен как номинант места, с которым связано одно из самых знаменательных событий в истории города – явление Царицы Небесной Тамерлану: «...тогда Сама, Владычице, на горе Аргамачстей во граде Ельце, / на сретение нечестивому Тамерлану изшедше, / грозное его нашествие вспясть обрати»⁶.

Помимо онимов, принадлежащих разным группам, но связанных с семантическим центром текстов

туристического онлайн-дискурса – астионимом *Елец*, средствами экспликации геокультурного бренда древнего города становятся словосочетания, включающие в качестве зависимого компонента отонимное прилагательное *елецкий*: *елецкое кружево, елецкие сувениры* (в контексте указывается, что имеются в виду скатерти с вышивкой, кружевные салфетки, воротники, рушники, полотенца, постельное белье с кружевным «подзором»), *елецкая рояльная гармоника, елецкие валянки*. Например: «**Елецкое кружево** славится своей красотой на весь мир. Все работы выполнены кропотливым ручным трудом»⁷. В таких словосочетаниях с собственно-характеризующим атрибутивным значением стержневая лексема, субстантив, называет товар, а зависимая, атрибутивная, непосредственно указывает на место производства. В приведенный выше ряд можно добавить и словосочетание *ажурное елецкое чудо*, поскольку так образно в анализируемых контекстах обозначается кружево: «*В ходе прогулки по Елецкому Арбату, бывшей Торговой улице, застроенной старинными купеческими особнячками, где в первых этажах истари расположены магазинчики, мы познакомимся с ажурным елецким чудом*»⁸.

У словосочетаний с отонимным прилагательным, как правило, идиоматизация слабая, поэтому лингвисты поднимают вопрос о критериях их отбора «на роль культурных символов» [Кривошапова: 95] и, соответственно, языковых средств репрезентации геокультурных брендов регионов. Среди таких критериев Ю.А. Кривошапова указывает следующие: образно-смысловую «достаточность», которая обеспечивает узнаваемость словосочетаний адресатом; параметр частотности; включенность в состав имен собственных; оценочный компонент, заключенный либо в самом толковании, либо в контекстной семантике [Кривошапова: 95–96]. Приведенные выше примеры соответствуют указанным параметрам. Во-первых, они регулярно используются адресантом и встречаются в 43 % рассматриваемых текстов туристического рекламного онлайн-дискурса. Во-вторых, легко опознаются адресатом и аккумулируют такую фактологическую информацию о Ельце, как «старинный центр кружевоплетения», «родина разновидности рояльных гармоник», «место уникальной валяльной технологии». В-третьих, в контекстах у анализируемых единиц появляются смысловые приращения типа «широкая известность», «провинциальная старина», «эстетическое наслаждение», «результат концентрированного и упорного труда» и др.

Отметим, что отонимное прилагательное *елецкий* входит не только в состав эргонимов «*Дом елецкого кружева*» (частный музей Е.П. Крикунова), «*Елецкие кружева*» (фабрика и одноименный фирменный магазин), эклезионима *храм Елецкой иконы Божией Матери*, но и образного оронима *Елецкие Альпы* (так

названы в контексте Воргольские скалы) и годонима *Елецкий Арбат* (именуется улица Мира, в прошлом – улица Торговая). Перенос названий с улицы Центрального административного округа Москвы на улицу Ельца основан на признаках ‘пешеходный’, ‘застроенный особняками известных людей’ (в старой Москве – особняками аристократов, в древнем Ельце – купцов), а с известного горного хребта Западной Европы на поднятый участок рельефа на Среднерусской возвышенности в Липецкой области – на признаках ‘реликтовый’, ‘недоступный’, ‘заповедный’, ‘туристический’. Так метафорические топонимы *Елецкие Альпы* и *Елецкий Арбат* включаются в круг средств репрезентации геокультурного образа Ельца.

Реализуя зачастую переносные значения, апеллятивы типа *сокровищница* (старинны), *страж* (Руси), *залон* (надежный), *столица* (хлебная), *крепость* (стратегически важная), *музей* (под открытым небом) и др., билексемы *город-воин*, *город-кормилец* тоже становятся средствами репрезентации геокультурного бренда «Елец» в туристическом онлайн-дискурсе. Например: «Постепенно, с “отходом” русских границ дальше к югу, г. Елец из города-воина превращается в город-кормилец»⁹; «Город богатейшей, древнейшей истории и старейший страж Руси на южной границе “Дикого поля”»¹⁰; «Елец становится одной из хлебных “столиц” России»¹¹ и др. Отбирая конкретные апеллятивные единицы, вступающие в устойчивую синтагматическую связь с атрибутивными лексемами типа *древний*, *уютный*, *надежный*, *важный*, *величественный*, *русская*, *всемирная*, *патриархальный* и др., адресант постепенно и целенаправленно создает идеальный образ территории с богатейшим культурным бэкграундом, устойчивыми историко-культурными реалиями. Например: «Елец – дивный патриархальный уголок ушедшей России»¹²; «Мы предлагаем вам путешествие в прошлые века. Старинные города Елец и Задонск»¹³ и др.

В рассматриваемом фактическом языковом материале отмечаются и случаи выражения геокультурного бренда *Елец* интертекстами. Например: «Город счастливых приветливых лиц, золотого сияния куполов... Город юности “пленника темных аллей”...»¹⁴ В примере использована трансформированная прецедентная единица, отсылающая одновременно и к названию статьи Н. Туровской «Иван Бунин: пленник темных аллей», опубликованной в журнале «Интервью» (2013) [Туровская], и к циклу рассказов «Темные аллей» нобелевского лауреата и коллизиям его семейной жизни – «темным аллеям» человеческих желаний и запретной страсти, изведенной в курортном французском городке Грасс.

Резюмируя, отмечаем, что, по данным текстов интернет-дискурса сферы туризма, геокультурный бренд *Елец* представляет собой образ малого про-

винциального города с богатой историей и культурным наследием. Такой образ адресуют потенциальному потребителю за счет системы языковых средств: разветвленной системы имен собственных (антропонимы, экклезионимы, урбанонимы, оронимы и др.), апеллятивов (*страж*, *музей*, *сокровищница*, *воин* и др.), признаков лексикологии (*древний*, *уютный*, *патриархальный* и др.), словосочетаний с отонимным прилагательным *елецкий* (*елецкое кружево*, *елецкая рояльная гармошка* и др.). Средства экспликации геокультурного бренда, тематически, контекстуально, ассоциативно связываясь друг с другом, транслируют потенциальному потребителю целый ряд сложившихся стереотипов: «самый старый город Черноземья», «самобытный город с огромным культурным наследием», «город преданий и легенд», «город народной культуры», «православный центр Липецкой области».

Примечания

¹ URL: <https://turizmlipetsk.ru>

² URL: <https://magput.ru/tours/elets>

³ URL: <https://vs-travel.ru>

⁴ URL: <https://experience.tripster.ru>

⁵ URL: <https://turizmlipetsk.ru>

⁶ См. подробнее: Икона Богородицы Елецкая // Церковный календарь. URL: <https://azbyka.ru/days/ikona-eleckaja> (дата обращения: 11.11.2023).

⁷ URL: <https://turizmlipetsk.ru>

⁸ URL: <https://turizmlipetsk.ru>

⁹ URL: <https://turizmlipetsk.ru>

¹⁰ URL: <https://turizmlipetsk.ru>

¹¹ URL: <https://turizmlipetsk.ru>

¹² URL: <https://magput.ru/tours/elets>

¹³ URL: <https://turizmlipetsk.ru>

¹⁴ URL: <https://magput.ru/tours/elets>

Список литературы

Боднарский М.С. Словарь географических названий. Москва: Учпедгиз, 1958. 368 с.

Бурыкин А.А. Тамбовский волк. К проблеме истории фразеологического сочетания и региолектного идентифицирующего символа // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Филологические науки и культурология. 2016. Вып. 2 (6). С. 86–92.

Варфоломеева Ю.Н. Имиджевая и навигационная функции текстов городской среды (на материале эргоурбонимов г. Улан-Удэ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 12. С. 3758–3763.

Волкова И.В. Глобализация и локализация как векторы развития туристического интернет-дискурса (на материале русского, английского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 30 с.

Голомидова М.В. Топонимическое имиджирование городских пространств объектов // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. С. 263–278.

Голомидова М.В. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 1. С. 29–53.

Гордова Ю.Ю. Из топонимии России // Русская речь. 2017. № 1. С. 106–112.

Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 11–23.

Колчевская В.А. Средства выражения категории персуазивности в гипержанре «сайт» туристического интернет-дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2020. 23 с.

Кривошапова Ю.А. Региональные символы Русского Севера: на материале устойчивых словосочетаний с топонимическим компонентом // Научный диалог. 2017. № 11. С. 93–105.

Купина Н.А. От города-завода к современному передовому городу: стилистические приметы и ценностные ориентиры газеты «Вечерний Первоуральск» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки, культуры. 2016. Т. 150, № 2. С. 13–25.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. Москва: Мысль, 1966. 509 с.

Ридингер Н.А. Материалы для истории и статистики г. Ельца / предисл., подг. текста и коммент. С.В. Красновой. Елец: Елецкие куранты, 1993. 188 с.

Русская ономастика и ономастика России: словарь / под ред. О.Н. Трубачева. Москва: Школа-Пресс, 1994. 288 с.

Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. Москва: Армада-пресс, 2002. 416 с.

Старцева А.С. Феномен «культурного бренда» в процессе создания имиджа российских регионов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (60). С. 195–200.

Туровская Н. Иван Бунин: пленник темных аллей // Интервью. Люди и события. 2013. URL: <https://interviewmg.ru/1733/> (дата обращения: 07.11.2023).

Meluzzi C., Balsamo S. The language of food and wine tourism on the web. Online Journal of Communication and Media Technologies. April 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/350614925_The_Language_of_Food_and_Wine_Tourism_on_the_Web (access date: 06.08.2023).

Salim M.A.M., Mat Som A.P. Shaping Tourist Destinations Through Language and Visual Elements on Tourism Websites A Tourism Discourse Perspective. International Journal of Engineering & Technology, 2018, No. 7, pp. 364-369. URL: <http://repository.poltekparmakassar.ac.id/7/> (access date: 09.09.2023).

References

Bodnarskii M.S. *Slovar' geograficheskikh nazvaniy* [Dictionary of geographical names]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958, 368 p. (In Russ.)

Burykin A.A. *Tambovskii volk. K probleme istorii frazeologicheskogo sochetaniia i regiolektного identifikatsionnogo simvola* [Tambov wolf. The problem of phraseological unit and regional identifying symbol]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Filologicheskie nauki i kul'turologiia* [Tambov University Review. Ser.: Philological Sciences and Cultural Studies], 2016, vol. 2 (6), pp. 86-92. (In Russ.)

Golomidov M.V. *Toponimicheskoe imidzhirovanie gorodskikh prostranstv ob'ektov* [Toponymic image-building for urban location]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2020, vol. 17, No. 3, pp. 263-278. (In Russ.)

Golomidova M.V. *Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: obraz goroda v dinamike toponimicheskogo teksta* [Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: The city image in the dynamics of a toponymic text]. *Slovo.ru: Baltiiskii akcent* [Slovo.ru: Baltic Accent], 2023, vol. 14, No. 1, pp. 29-53. (In Russ.)

Gordova Iu.Iu. *Iz toponimii Rossii* [From the toponymy of Russia]. *Russkaia rech'* [Russian speech], 2017, No. 1, pp. 106-112. (In Russ.)

Kolchevskaiia V.A. *Sredstva vyrazheniia kategorii persuzivnosti v giperzhanre "sait" turisticheskogo internet-diskursa: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [Means of expressing the category of persistence in the hypergenre of the "website" of the tourist Internet discourse]. *Krasnodar, 2020, 23 p.* (In Russ.)

Krivoschchapova Iu.A. *Regional'nye simvolyy Russkogo Severa: na materiale ustoychivyykh slovosochetaniy s toponimicheskim komponentom* [Regional symbols of Russian North: on material of collocations with toponymic component]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2017, No. 11, pp. 93-105. (In Russ.)

Kupina N.A. *Ot goroda-zavoda k sovremennomu peredovomu gorodu: stilsitchieskie primety i tsennostnye orientiry gazety "Vechernii Pervoural'sk"* [From the town-plant to the modern progressive city: stylistic marks and value reference points of the newspaper "Vecherniy Pervoural'sk"]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniia, nauki, kul'tury* [Izvestiia. Ural Federal University Journal. Ser. 1: Issues in Education, Science and Culture], 2016, vol. 150, No. 2, pp. 13-25. (In Russ.)

Nikonov V.A. *Kratkii toponimicheskii slovar'* [A concise toponymic dictionary]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, 509 p. (In Russ.)

Ridinger N.A. *Materialy dlia istorii i statistiki g. El'tsa* [Materials for the history and statistics of Yelets]. Yelets, Eletskie kuranty Publ., 1993, 188 p. (In Russ.)

Russkaia onomastika i onomastika Rossii. Slovar' [Russian onomastics and onomastics of Russia. Dic-

tionary], ed. by O.N. Trubachev. Moscow, Shkola-Press Publ., 1994, 288 p. (In Russ.)

Startseva A.S. *Fenomen "kul'turnogo brenda" v protsesse sozdaniia imidzha rossiiskikh regionov* [The phenomenon of "cultural brand" in the process of creating the image of Russian regions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow state University of culture and arts], 2014, No. 4 (60), pp. 195-200. (In Russ.)

Smolitskaia G.P. *Toponimicheskii slovar' Tsentral'noi Rossii* [Toponymic dictionary of Central Russia]. Moscow, Armada-press Publ., 2002, 416 p. (In Russ.)

Turovskaia N. *Ivan Bunin: plennik temnykh allei* [Ivan Bunin: Prisoner of the dark alleys]. *Interv'iu. Liudi i sobytia* [Interview. People and events], 2013. URL: <https://interviewmg.ru/1733/> (access date: 07.11.2023). (In Russ.)

Varfolomeeva Iu.N. *Imidzhevaia i navigatsionnaia funktsii tekstov gorodskoi sredy (na materiale ergourbonimov g. Ulan-Ude)* [Image-Building and Navigational Functions of Urban Environment Texts (by the Material of Ulan-Ude Ergourbonyms)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2021, vol. 14, iss. 12, pp. 3758-3763. (In Russ.)

Volkova I.V. *Globalizatsiia i lokalizatsiia kak vektory razvitiia turisticeskogo internet-diskursa (na materiale russkogo, angliiskogo i frantsuzskogo iazykov)*:

avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Globalization and localization as vectors of development of the tourist Internet discourse (based on the material of Russian, English and French)]. Volgograd, 2017, 30 p. (In Russ.)

Zamiatin D.N. *Geokul'turnyi brending territorii: konseptual'nye osnovy* [Geocultural branding of territories: conceptual foundations]. *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovani* [Maze: Journal of Social and Humanitarian Studies], 2013, No. 5, pp. 11-23. (In Russ.)

Meluzzi C., Balsamo S. The language of food and wine tourism on the web. *Online Journal of Communication and Media Technologies*. April 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/350614925_The_Language_of_Food_and_Wine_Tourism_on_the_Web (access date: 06.08.2023).

Salim M.A.M., Mat Som A.P. Shaping Tourist Destinations Through Language and Visual Elements on Tourism Websites A Tourism Discourse Perspective. *International Journal of Engineering & Technology*, 2018, No. 7, pp. 364-369. URL: <http://repository.poltekfarmakassar.ac.id/7/> (access date: 09.09.2023).

Статья поступила в редакцию 19.11.2023; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

The article was submitted 19.11.2023; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Копоть Лилия Владимировна, кандидат филологических наук, Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, kopot79@mail.ru

Аннотация. В статье исследован один из видов персонального дискурса – интернет-дискурс, обладающий гендерной спецификой. Вербальная гендерная маркированность интернет-дискурса осуществляется благодаря функционированию отдельной группы лексики: феминитивам. Актуальность исследования определяется возросшим интересом носителей языка, пользователей сети, писателей, журналистов к данным лингвистическим единицам, что обусловлено, с одной стороны, прагматическим потенциалом феминитивов, с другой стороны, развитием экстралингвистических факторов, связанных как с определенной демократизацией речи, стремлением к языковой игре, так и с распространением феминистских взглядов в обществе. Выявлены тематические группы, описана словообразовательная структура неузальных феминитивов, отмечены коннотации гендерно маркированной лексики, а также проанализированы причины ее появления.

Ключевые слова: интернет-дискурс, гендер, неузальные феминитивы, гендерная маркированность лексики, фемининность, гендерная нейтральность, языковая игра.

Для цитирования: Копоть Л.В. Гендерно маркированная лексика в интернет-дискурсе // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 177–184. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-177-184>

Research Article

GENDER-MARKED VOCABULARY IN INTERNET DISCOURSE

Lilia V. Kopot, Candidate of Philological Sciences, Adygea State University, Maykop, Adygea autonomy, Russia, kopot79@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyse gender-marked vocabulary –unusual feminitives that function in Internet discourse. Internet discourse is gender-marked. Topicality lies in the increased interest of native speakers, network users, writers, journalists in these linguistic units. This is due, on the one hand, to the pragmatic potential of feminitives, on the other hand, to the development of extralinguistic factors associated with both certain democratisation of speech, desire for pun, and spread of feminist views in society. Materials for the study include the texts of forums, chat messages, and questionnaires on social networks “Twitter” and “VK”. The work used methods of comparison to identify the attitude of representatives of different genders to the same phenomenon, and the method of component analysis to identify gender-marked semes. The study tested the hypothesis that Internet discourse is gender-marked and, using feminitives, represents the gender identity of participants in communication. The publication reveals the reasons for the functioning of feminitives on social networks. Those include the desire to overcome the androcentric picture of the world; gender language asymmetry; trends related to democratisation of the language, allowing the need for pun; and extralinguistic factors associated with the development of technologies, with the emergence of new types of activities that require nomination. An analysis of feminitives in Internet discourse shows that this layer of gender-marked vocabulary is of an occasional nature and refers to thematic groups including professions, positions, titles, occupation, and zodiac signs of people. Some feminitives originated from appellatives with suppletive stems. The largest number of feminitives has the suffix -к-, which is possibly due to the asemanticity of this formant. Feminitives, having powerful pragmatic potential, actively function not only in Internet discourse, but also in media and artistic types. Using the same gender-marked vocabulary, the authors convey both reclamation and peyorative value in relation to the statement, demonstrating a kind of “extension of the boundaries” of connotation, and a large semantic capacity associated with the use of feminitives.

Keywords: Internet discourse, gender, unusual feminitives, gender-marked vocabulary, femininity, gender neutrality, language game.

For citation: Kopot L.V. Gender-marked vocabulary in Internet discourse. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 177–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-177-184>

Введение. Гендерная специфика свойственна разным видам дискурса, в том числе и интернет-дискурсу, хотя подобная маркированность проявляется в разной степени в зависимости от жанра, цели коммуникации. Репрезентация гендера осуществляется как вербальными, так и невербальными средствами. Эту мысль озвучила А.В. Кирилина еще в начале XXI века, определив инструмент исследования гендера: «...речь идет уже не о том, как пол влияет на коммуникативное поведение и использование языка, а о том, какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности, в каких коммуникативных ситуациях и типах дискурса и с какой интенсивностью совершается конструирование, какие экстра- и интралингвистические факторы воздействуют на этот процесс» [Кирилина: 132–136]. Вербальная гендерная маркированность интернет-дискурса осуществляется благодаря функционированию отдельной группы лексики – феминитивам. Актуальность исследования определяется возросшим интересом носителей языка, пользователей сети, писателей, журналистов к данным лингвистическим единицам, что обусловлено, с одной стороны, прагматическим потенциалом феминитивов, с другой стороны, развитием экстралингвистических факторов, связанных как с определенной демократизацией речи, стремлением к языковой игре, так и с распространением феминистских взглядов в обществе. Кроме того, нерешенной по-прежнему остается проблема лексикографического описания и кодификации неузуальных феминитивов.

Материалы и методы исследования. Объектом нашего исследования становится коммуникация в социальных сетях «Твиттер» и «ВКонтакте», представляющая собой неинституциональную форму общения [Лутовинова: 9], носящую опосредованный характер в пространстве, «не имеющем временных границ» [Русанов: 215]. В качестве материала исследования послужили тексты форумов, блогов и микроблогов, сообщений чатов, анкет. Участниками общения в социальных сетях становятся два и более собеседника, участвующие в обсуждении какой-либо проблемы, входящей в сферу интересов адресата и адресанта. Адресат чаще всего – неопределенно-абстрактная личность, участник такой коммуникации – любой человек [Русанов: 216]. В работе применялись методы сопоставления, позволяющие выявить отношение представителей разных полов к одному и тому же явлению, метод компонентного анализа, дающий возможность выявить гендерно маркированные семы, метод дискурс-анализа, демонстрирующий механизм погружения гендерных концептов в разные виды дискурса.

Степень разработанности проблемы. Проблемами интернет-дискурса занимались В.И. Ка-

расик (2000), Е.И. Горошко (2004, 2008), Т.Н. Колокольцева (2013), О.В. Лутовинова (2009, 2018), А.А. Ушаков (2010), А.Н. Гайфуллина (2010), А.В. Кузнецов (2011), О.К. Мельникова (2018), В.В. Катермина, Т.О. Илмаз-Леденева (2021) и др.

В отечественном языкознании существуют многочисленные термины относительно коммуникации в интернете. В рамках нашего исследования применяем термин «интернет-дискурс» в широком понимании.

Вслед за Е.К. Русановым считаем, что интернет-дискурс – тексты разных жанров, функционирующие в интернете, общение при этом зависит от таких переменных, как коммуникативная ситуация, участники, цели общения [Русанов: 215]. При этом ученые обращают внимание на особенности речи в интернет-коммуникации, представляющие собой «синтез письма и устной речи» [Ушаков: 170]; «письменную разговорную речь» [Кузнецов: 24]; «новую разновидность устно-письменной речи», представленную в интернет-коммуникации [Лутовинова: 15].

Гендер как социальный конструкт находит отражение в различных типах коммуникации, отражая сформированные обществом социальные модели мужчин и женщин посредством определения их ролей в различных институтах – в семье, политике, культуре, экономике. В рамках исследования выдвигаем гипотезу о том, что интернет-дискурс гендерно маркирован и через вербальные формы, феминитивы, репрезентирует гендерную идентичность участников общения.

Украинский исследователь Е.И. Горошко в статье «Гендерные особенности русскоязычного Интернета» еще в начале века отмечала гендерную маркированность интернет-среды, определяя значимость гендерного фактора для языковой личности в процессе общения, в том числе в электронной коммуникации [Горошко]. Под гендерной маркированностью понимаем присутствие языковых единиц, «в явной или скрытой форме указывающих на гендерное значение» [Копоть: 112].

В отечественной лингвистике проблемами гендера в интернет-коммуникации занимались А.Н. Гайфуллина (2010), И.А. Якоба (2013), О.Б. Максимова (2016, 2020), В.В. Катермина, Т.О. Илмаз-Леденева (2021) и др. Так, О.Б. Максимова выявила гендерную специфику, проявляющуюся в коммуникативных практиках и стратегиях саморепрезентации в социальных сетях, а также исследовала механизм конструирования гендерной идентичности в виртуальной политической коммуникации, обратив внимание на наличие множественной гендерной идентичности в сети [Максимова: 1].

Т.О. Илмаз-Леденева определила гендерно маркированные аккаунты социальных сетей Facebook и Instagram, проанализировав информацию о поль-

зователе, отражаемую в текстах, описании или имени, с точки зрения принадлежности к тому или иному полу [Илмаз-Леденева: 3].

Проблему феминитивов исследовали И.В. Баданина (2017), О.В. Золтнер, Д.С. Горностаева (2019), В.В. Беркутова (2019), М.А. Лаппо, Н.И. Малиновская (2020), И. Фуфаева (2020) и др.

И.В. Баданина обращает внимание на язык интернета, который служит своеобразным зеркалом, отражающим живые процессы, происходящие в речи, а функционирование феминитивов, по ее мнению, является как раз подтверждением этого тезиса [Баданина: 89].

О.В. Золтнер, Д.С. Горностаева указывают на нейтрализацию коннотаций феминитивов в интернет-дискурсе, что связано с возросшей ролью феминистских настроений в обществе [Золтнер, Горностаева: 974].

В.В. Беркутова вступает в дискуссию с представителями направления, которые считают феминитивы «ненужным» элементом лексической системы, опровергая при помощи доказательной базы мысль о противоречивом характере феминитивов, их несоответствии правилам русского языка [Беркутова: 7].

В статье М.А. Лаппо, Н.И. Малиновской «Параметризация базы данных узуальных и неuzuальных феминитивов» авторы обращают внимание на узуальные и неuzuальные феминитивы, требующие лексикографического описания. Активное пополнение данной лингвистической группы предполагает кодификацию в специальных справочниках [Лаппо, Малиновская: 52].

В 2020 году была опубликована монография И. Фуфаевой «Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция», в которой автор, рассчитывая на массового читателя, сообщает о происхождении феминитивов, их структуре, вариантах, кодификации. Обосновывая своевременность поднимаемой ею проблемы, она пишет: «Одни их (феминитивы) проклинают, другие отстаивают, а третьи увлеченно конструируют, обнаружив пробелы, которые, как им кажется, нужно заполнить» [Фуфаева: 3].

В языковой системе русского языка, как и во многих европейских языках, лексико-грамматический уровень содержит номинации в форме мужского рода для обобщенного обозначения обоих полов. Другими словами, «действует механизм «включенности» в грамматический мужской род» [Словарь гендерных терминов: 30]. Это, в свою очередь, способствовало во второй половине XX века рождению на Западе феминистской лингвистики, сторонники которой выступали за преодоление гендерной асимметрии в английском языке и равенство полов на грамматическом уровне. Подобное неравенство феминистская лингвистика воспринимает как языковой сексизм и выступает за преодоление женской дискриминации и транс-

формации общества, поиск гендерно нейтральных форм. Под гендерно нейтральными понимаются лексемы, «не указывающие на пол участника коммуникации» [Копоть: 112]. Таким образом, в Европе в конце 1970-х годов сформировалось направление Political Correctness, сторонники которого требовали внести языковые, гендерно нейтральные, инновации в справочники и учебные пособия, использовать их в официальных документах [Серова: 146].

И.М. Федотова отмечает тот факт, что одним из способов гендерного маркирования языка является стратегия феминизации лексики. На материале английского языка автор раскрывает специфику феминизации, заключающуюся в добавлении лексемы female перед наименованием профессии или суффикса -ess. Эти формальные показатели указывают на представителя специальности – женщину. Ученый считает, что подобные феминитивы нейтрализуют существующий лишь в сознании людей стереотип об изначальном делении профессий на мужские и женские [Федотова: 161].

В России стремление к эгалитарности дискурса проявляется в критике формы мужского рода в наименовании профессий. Официально-деловой стиль, обслуживающий административный и правовой дискурс, требует употребления профессий и должностей в форме мужского рода. М. Хеллингер обращает внимание на то, что «мужские формы» – это норма, в то время как «женские варианты» – отклонения от нее [Хеллингер: 93]. Соответственно, язык заведомо, согласно идеологии феминисток, навязывает социальные роли мужчинам и женщинам, диктуя формы занятий, правила, согласно которым та или иная профессия будет «женской» или «мужской». Повысить социальный престиж женского пола пытаются в социальных сетях, в определенных сообществах, участницы дискурса, стремящиеся при помощи форм словообразования – неологических феминитивов – гендерно маркировать свою принадлежность к исторически сложившейся общности.

Результаты исследования. Вербальная гендерная маркированность социальных сетей реализуется, прежде всего, на лексическом уровне при помощи функционирования феминитивов как средств объективации концепта «Фемининность». Т.О. Илмаз-Леденева пишет о том, что социальные сети служат репрезентацией гендерной идентичности автора, «формированию онлайн-“Я” с набором гендерных специфик», которые проявляются в том числе и в тексте [Илмаз-Леденева: 7–8]. Под феминитивами понимают слова женского рода, образованные от однокоренных существительных мужского рода, семантически равные им и содержащие «модификационное значение женскости» [Русская грамматика: 199]. По мнению М.А. Лаппо, Н.И. Малиновской, это

«лексемы, гендерный компонент которых относится к денотативному макрокомпоненту лексического значения» [Лаппо, Малиновская: 53]. Таким образом, феминитивы – это лексические единицы женского рода, являющиеся однокоренными образованиями от существительных мужского рода с последующей суффиксацией, имеющей значение «принадлежность к женскому полу».

Причины функционирования феминитивов в социальных сетях

1. Одной из причин популярности феминитивов сами авторы называют стремление преодолеть андроцентрическую картину мира и сделать женщин более «заметными» в системе языка. Так, в «Твиттере», «ВКонтакте» участники коммуникации активно применяют феминитивы. Например, одна из пользователей в «Твиттере» пишет, объясняя свою потребность в употреблении феминитивов: «Использование феминитивов = видимость женщин» (@vudachka).

2. Употребление феминитивов женщинами объясняется желанием данной аудитории преодолеть гендерную языковую асимметрию: «Феминитивы подобного рода (человек-человека) имеют право на существование, ведь они образованы по одной и той же словообразовательной модели, что и раб – раба, супруг – супруга» (@asstroo); «Феминитивы – это важно и правильно. И я рассчитываю на то, что вскоре они “врастут” в язык и перестанут всех беспокоить» (@delvirta).

3. Тенденция к демократизации языка. В.И. Карасик указывает на безграничные возможности интернет-общения, допускающие различные варианты игрового мировоззрения членов социума, розыгрыши [Карасик: 23]. В социуме возникает потребность в языковой игре, под которой понимаем намеренное стремление участника коммуникации нарушить нормы русского литературного языка с целью привлечь внимание к внешней и внутренней форме игровой единицы: «Но не все относят себя к феминисткам, просто играют, иногда это способ передать отрицательную коннотацию» (@enchanted_jane); «Логику людей, которые придумали директорка, мне не понять, когда есть директриса в русском языке» (@BellAnhel); «...Почему из всех суффиксов мы решили использовать только суффикс -к- для обозначения женской профессии? Почему мы не используем суффиксы -ниц-, -иц?...» (@Judasa_na_kreste).

4. Наличие экстралингвистических факторов, связанное с развитием технологий, появлением новых профессий, персонажей, где возникает необходимость номинации, чаще всего по виду деятельности.

Тематические группы неузальных феминитивов

1. Феминитивы-номинации профессий, должностей, званий: *психотерапевтка, психиаторка, пси-*

хологиня, терапевтесса, терапевтриса, историкесса, историца, редакторка, редактриса, директорка, врачиня, врачесса, врачаея, ветеринарица, докторка, докторица, докторесса, авторка, авторица, авторриса, авториха, лейтенантка, айдолка, президентка, сержантка, райтерка, нейробиологиня, рыцарка, репетиторка, актерка, преподка, артерка, депутатка, адвокатесса, провизорка, ювелирница, математичка, фрилансерка, дублерка, кассирка, ко스플레이ерка, амбассадорка, админка, иллюстраторка, инспекторка, востоковедка, логопедка, райтерка. Например, в пространстве социальных сетей участницы бытового общения вполне естественно внедряют в коммуникацию данные лексемы. Например: «...Мб вам в ромашковую долину психотерапевтка нужна» (@spase_ogca); «Психиаторка сказала ехать домой, нырять под одеяло и спать» (@гуна_ко); «Сидела только что на манике, справа от меня сидела другая девушка, и мастерка ее спрашивает...» (@kobelek); «Забыла у врачини спросить, можно ли мне носить линзы» (@enehanted_jane); «От матушки-логопедки-дефектологини я узнала новую штуку, которой хочу поделиться» (@helloworld).

2. Феминитивы-онимы, в основе которых – знаки Зодиака: *Ракесса, Ракиня, Раконесса, Весыня, Овна, Овиня, Овниха, Овинесса, Тельца, Телиня, Тельчиха, Телиценесса, Львиня, Львинесса, Веса, Весынесса, Скорпионица, Скорпионесса, Стрелиня, Стрелинесса, Козериха, Козерогесса, Козерогиня, Стрельца, Стрельчиха, Девиня, Водолейка, Водоленесса, Водолия, Рыбиня, Рыбынесса, Рыбка.* Например, Мадина Худойбердиева пишет в «ВКонтакте»: «Я тоже Ракиня»; Леся Софкина попутно замечает: «Как сестра Львини, говорю»; «Я козерогиня, козерогесса» (@katricio).

3. Феминитивы-онимы, образованные от апеллятивов с супплетивными основами: *людиня, ребенка, ребенкесса, детица, человека.* Например: «Я реально в шоке, впервые людиня, которая прямо слушает, что я говорю, и даже не устает» (Jane Tune L_); «А людиня и человекиня, ребенка, подростка – это кринж» (@jiby sung).

4. Феминитивы-онимы лиц женского пола, образованные от апеллятивов: *одноклассиня, одноклассинья, мизогинка, патриархалка, псица, персонажка, хейтерка, собеседка, партнерка, стенерка, биаска, лидерка, новаторка, адептка, мейнерка, стейка, игрокниня, артерка, адоптерка.* Например: «Я думал, она феминистка, а оказывается патриархалка» (@KolyashaSmeh97); «Я увидела слова одноклассиня и одноклассинья. Читала пост с утра и думала, может, у меня глаза еще не проснулись. Ан нет» (@dead_ren).

Анализ феминитивов в интернет-дискурсе показал, что данный пласт гендерно маркированной лек-

сики носит неузуальный характер и представлен тематическими группами, называющими профессии, должности, звания, род деятельности, знаки зодиака людей. Некоторые феминитивы образованы от апеллятивов с супплетивными основами.

Словообразовательные модели неузуальных феминитивов. Отметим, что выявленные нами феминитивы, не существующие в системе русского литературного языка, но функционирующие в социальных сетях, созданы по традиционным словообразовательным моделям (суффиксальный способ) с применением неузуальных суффиксов. Данные феминитивы образованы при помощи 1) суффикса -к-: *психотерапевтка, психиатрка, редакторка, директорка, докторка, авторка, новаторка, айдолка, рыцарка, репетиторка, актерка, преподка, артерка, депутатка, президентка, провизорка, фрилансерка, дублерка, звукорежиссерка, юристка, кассирка, ко-сплеерка, амбассадорка, админка, иллюстраторка, инспекторка, ребенка, подростка, человека, мизогинка, патриархалка, персонажка, хейтерка, собеседка, партнерка, стенерка, биаска, лидерка, стейка, логопедка, мейнерка, востоковедка, адептка*; 2) суффикса -их: *авториха, Овниха, Тельчиха, Козериха, крашиха*; 3) суффикса -ин-: *психологиня, офтальмологиня, реабилитологиня, одноклассиня, одногруппиня, людиня, человекиня, гинекологиня, Ракиня, Овиня, Телиня, Львиня, Стрелиня, Козерогиня, Девиня, Водолиня, Рыбиня, фотографиня*; 4) суффикса -есс-: *терапевтесса, историкесса, врачесса, докторесса, ребенкесса, адвокатесса, пилотесса, Ракесса, Овенесса, Скорпионесса, Стрелинесса, Козерогесса, Водоленесса, Рыбынесса, Стрельцесса*; 5) суффикса иц-: *историца, псица, ветеринарица, докторица, авторица, математица, Скорпионица*; 6) суффикса -ис-: *терапевтриса, редактриса, авториса*; 7) суффикса -ын-: *ювелирыня, весыня*.

Отметим, что наибольшее количество феминитивов выявлено с суффиксом -к-, что подтверждено и другими исследованиями [Золтнер, Горностаева: 972; Лаппо, Малиновская: 59]. Подобный факт, возможно, связан с асемантичностью данного суффикса, благодаря которому в русском языке происходит указание на: 1) лицо женского пола; 2) действие; 3) результат действия; 4) предмет.

Оценочность. Показательно, что в интернет-дискурсе в женской речевой коммуникации наличие феминитивов чаще всего приводит к нейтрализации оценочности, на что указывают О.В. Золтнер, Д.С. Горностаева, считая это результатом влияния феминистских воззрений [Золтнер, Горностаева: 971]. Часть пользователей женского пола считают феминитивы абсолютно необходимым компонентом языка, позволяющим преодолеть гендерную асимметрию. Подобные единицы они употребляют есте-

ственно, в непринужденном общении: *«Я очень хочу изменить профессию, чтобы называться ювелирыня»* (@MaraStrega); *«Я хейтерка дистанционки»* (@ge_naki); *«Выздоровливай, админка!»* (Екатерина Буракова); *«Я мейнерка Казухи»* (@mwtgu_my); *«Помню, я когда-то видела программу ВВС, в которой нейробиологиня рассказывала о подобном случае»* (@zoza krest).

Участники анкетирования обоих полов, участвующие в обсуждении относительно употребления феминитивов, отметили негативную оценочность по отношению к намеренно создаваемым феминитивам: *«...Неоднократно видела тейк "феминитив преподка звучит ужасно". Зато училка никого не смущает»* (@5t42d35t20ууу32); *«А я надеюсь, что меня никогда не назовут филологиня»* (@sureekenn); *«Зачем использовать феминитивы к знакам зодиака, типа я только что увидела скорпионесса»* (@soliaquant); *«Хотите словить кринж? Я нашла женицин, которые используют феминитивы от знаков зодиака, например Козериха»* (@leddy_doll).

Мужчины, принимавшие участие в обсуждении необходимости феминитивов, в подавляющем большинстве выразили отрицательное отношение к данным единицам. В русском языке феминитивы к профессиям, должностям чаще всего в речи носят отрицательную оценочность, когда преследуют цель унижить, подчеркнуть некомпетентность. Мужчины в своих высказываниях как раз указывают на этот экстралингвистический фактор: *«Вычитал тут новый феминитив – докторица. У меня одного он ассоциируется с мокрицей, например, ну уж никак не с квалифицированным специалистом-женициной?»* (@KrisGektor); *«Никогда не любил феминитивы, они, как правило, корявы, нелепы и уничижительны для женицин (авторка, докторка)»* (@vakurov_gu); *«Я не знал, что существуют феминитивы к знакам зодиака, мир скоро схлопнется, простите, кого задел, но звучит, правда, стремно, это название созвездий... зачем...»* (@stata6b6cool); *«Я ознакомился, охренел от статей "психологинесс" и бабских комментариев. Их не несколько неадекватов, а на десятки тысяч счет»* (Владимир Путилин).

Таким образом, можно отметить, что в условиях виртуального общения представители обоих полов отношение к феминитивам выражают при помощи эмоционально-оценочной лексики – жаргонных единиц, оценочных лексем, инвективов, посредством которых феминитивы приобретают дополнительные коннотативные смыслы (*звучит ужасно, надеюсь, никогда не назовут, это кринж, меня триггернуло, меня кринжило*). Например: *«Весыня, меня триггернуло, конечно, жестко»* (@ulli_ppichu); *«...но недавно встретила слово "собеседка" и немало ох***ла»* (@tajra_key); *«Я так и не понял, за-*

чем??? Меня так кринжило с историкессы, кто бы знал» (@chern_ov).

Показательно, что некоторые неузальные феминитивы, обладая мощным прагматическим потенциалом, функционируют не только в интернет-дискурсе, но и в масс-медиа, в художественном дискурсах.

Так, певица Лолита в интервью «Сельской новии» рассказывает о непростых отношениях во время работы с Александром Цекало: «Многие, к сожалению, воспринимали меня только как легковесную старлетку, клоунессу» [Фуфаева: 221]. Или: «Филологиня мало того что знает, где ставить ударение в слове "творог", так еще и поперек нее не ходи» (Коммерсант. 2011.05). Отметим, что в данных примерах возможно проследить отрицательную оценочность авторов по отношению к содержанию высказывания, поэтому негативную коннотацию они выражают посредством употребления феминитивов *клоунесса*, *филологиня*. Пейоративная оценочность поддержана сочетаниями – *легковесная старлетка*, *мало того, к сожалению*, *поперек нее не ходи*.

Однако в следующих примерах, извлеченных из периодических изданий, феминитивы передают положительную оценочность: «В категории ТЗ поедет ещё одна опытная *пилотесса* – Татьяна Сычёва, которой будет ассистировать Александр Алексеев» (Известия. 2020.02); «Они [подписчики] часто пишут мне, что я настоящая и что я показываю ценность простых радостей в жизни», – заключила *пилотесса* (lenta.ru. 2019.01); «Одна *пилотесса* говорит, что старается всегда мягко посадить самолет и, когда пассажиры аплодируют, ей это очень приятно» (Огонек. 2015). В данных примерах положительная коннотация передана благодаря оценочности, присутствующей имплицитно в контексте: *опытная пилотесса*, *пассажиры аплодируют пилотессе*, *пилотесса показывает ценность простых радостей*.

Писатели, с одной стороны, стремятся подчеркнуть индивидуальность, оригинальность образа, его непохожесть на других, используя феминитивы. Показательно, что в таком случае признак, качество, род деятельности при употреблении феминитива приобретает большую значимость, вес, семантическая емкость феминитива, в отличие от производной лексемы, лежащей в его основе, становится гораздо насыщеннее, значительнее. Например: «Да и странно было бы, если бы ироничная Агния Львовна, в прошлом известная театральная *критикесса*, считала Тину умной» [Берсенева: 114]; «Я же всю жизнь была *критикесса*, богемная дама и в душе считала все эти киндер-кухен-кирхе мецанскими глупостями» [Берсенева: 117].

С другой стороны, писатели передают иронию, сарказм, неодобрение при употреблении гендерно маркированной лексики, реализуя отрицательную

оценочность при характеристике собственного персонажа. Сравни: «Люда, *учителька-филологиня* (тут без лишних слов все ясно)» [Брейтман: 43].

Заключение. Таким образом, интернет-дискурс гендерно маркирован. Репрезентация гендера в данной коммуникации осуществляется вербально при помощи специфической лексики – феминитивов. Интернет-дискурс в полной мере отражает активные процессы в лексике русского языка, в частности возросший интерес пользователей к феминитивам. Причины этого можно увидеть в стремлении преодолеть андроцентрическую картину мира, гендерную языковую асимметрию, а также обозначить тенденцию к демократизации языка, допускающую потребность в языковой игре, связанную с развитием технологий, с появлением новых видов деятельности, требующих номинации. Анализ феминитивов в интернет-дискурсе показал, что данный пласт гендерно маркированной лексики носит неузальный характер и представлен тематическими группами, называемыми профессии, должности, звания, род деятельности, знаки зодиака людей. Некоторые феминитивы образованы от апеллативов с супплетивными основами. Наибольшее количество феминитивов выявлено с суффиксом -к-, что, возможно, связано с асемантической формой данного форманта. Феминитивы, обладая мощным прагматическим потенциалом, активно функционируют не только в интернет-дискурсе, но и в медийном, художественном типах. При помощи одной и той же гендерно маркированной лексики авторы передают как мелиоративную, так и пейоративную оценочность по отношению к высказыванию, демонстрируя некое «расширение границ» коннотации, большую семантическую емкость, связанную с употреблением феминитивов.

Список литературы

- Баданина И.В. Функционирование феминитивов в языке Интернета // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Москва: РУДН, 2017. С. 89–94.
- Беркутова В.В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26.
- Берсенева А. Рената Флори. Москва: Эксмо, 2011. 346 с.
- Брейтман А.С. Персона нон грата // Дальний Восток. 2019. 254 с.
- Горошко Е.И. Гендерные особенности русского язычного Интернета // Наукові записки Луганського національного університету. 2004. Т. 3, вып. 5. С. 8–30. URL: [https:// www.textology.ru/public/goroshko1.html/](https://www.textology.ru/public/goroshko1.html/) (дата обращения: 03.01.2023).
- Золтнер О.В., Горностаева Д.С. Нейтрализация коннотаций феминитивов в современном феминист-

ском дискурсе (на материале социальной сети «Инстаграм») // Молодёжь третьего тысячелетия. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2019. С. 970–975.

Илмаз-Леденева Т.О. Гендерно ориентированные аккаунты в коммуникативном пространстве дискурса социальных сетей Facebook и Instagram: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2021. 29 с.

Карасик В.И. Фактоиды как лингвокультурное явление // Политическая лингвистика. 2017. № 3. С. 21–30.

Кирилина А.В. Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах // Гендерное образование в системе высшей и средней школы: состояние и перспективы. 2003. С. 132–136.

Копоть Л.В. Гендерная нейтральность в русскоязычном научном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 111–121.

Кузнецов А.В. Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации // Молодой ученый. 2011. Т. 2, № 3. С. 24–26.

Ланно М.А., Малиновская Н.И. Параметризация базы данных узуальных и неuzuальных феминитивов // Вопросы лексикографии. 2020. № 18. С. 52–72.

Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 43 с.

Максимова О.Б. Гендерные особенности в интернет-коммуникации: коммуникативные практики и стратегии саморепрезентации в социальных сетях // Мир науки. Социология. Филология. Культурология. Российский университет дружбы народов. 2020. Т. 11, № 3. С. 1–12.

Русанов Е.К. Интернет-дискурс в дискурсивной парадигме // Гуманитарные юридические исследования. 2016. № 1. С. 214–217.

Русская грамматика: науч. труды. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Репринт. изд. Москва, 2005. Т. 1. 783 с.

Серова И.Г. Социокультурный конструкт «гендер» в интерпретативном пространстве языка и дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2017. 375 с.

Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. Москва: Информация – XXI век, 2002. 255 с.

Ушаков А.А. Интернет-дискурс как особый тип речи // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 4. С. 170–174.

Федотова И.М. Гендерная нейтральность в правовом дискурсе (на материале Закона о бюджете Великобритании) // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 6 (814). С. 158–170.

Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. Москва: АСТ: CORPUS, 2020. 304 с.

Хеллингер М. Контрастная феминистская лингвистика // Феминизм и гендерные исследования. Тверь, 1999. С. 159–168.

References

Badanina I.V. *Funkcionirovanie feminativov v jazyke Interneta* [Functioning of feminatives in the language of the Internet]. *Russkij jazyk v Internetе: lichnost', obshhestvo, kommunikacija, kul'tura* [Russian language on the Internet: personality, society, communication, culture]. Moscow, RUDN Publ., 2017, pp. 89-94. (In Russ.)

Berkutova V.V. *Feminativy v russkom jazyke: lingvистический аспект* [Feminatives in the Russian language: linguistic aspect]. *Filologičeskij аспект* [Philological aspect], 2019, No. 1 (45), pp. 7-26. (In Russ.)

Berseneva A. *Renata Flori*. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 346 p. (In Russ.)

Brejtman A.S. *Persona non grata* [Persona non grata]. *Dal'nij Vostok* [Far East], 2019, 254 p. (In Russ.)

Denisova A.A. *Slovar' gendernyh terminov* [Dictionary of Gender terms]. Moscow, Information – XXI century Publ., 2002, 255 p. (In Russ.)

Fedotova I.M. *Gendernaja nejtral'nost' v pravovom diskurse (na materiale Zakona o bjudzhetе Velikobritanii)* [Gender neutrality in legal discourse (based on the material of the UK Budget Law)]. *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogičeskie nauki* [Education and pedagogical sciences], 2018, No. 6 (814), pp. 158-170. (In Russ.)

Fufaeva I. *Kak nazyvajutsja zhenshhiny. Feminativy: istorija, ustrojstvo, konkurencija* [What are women called. Feminatives: history, device, competition]. Moscow, AST Publishing house: CORPUS Publ., 2020, 304 p. (In Russ.)

Goroshko E.I. *Gendernye osobennosti russkojazychnogo Interneta* [Gender features of the Russian-language Internet], 2004. URL: <https://www.textology.ru/public/goroshko1.html> (access date: 03.01.2023). (In Russ.)

Hellinger M. *Kontrastivnaja feministskaja lingvistika* [Contrastive feminist linguistics]. *Feminizm i gendernye issledovanija* [Feminism and gender studies]. Tver, 1999, pp. 159-168. (In Russ.)

Ilmaz-Ledeneva T.O. *Genderno orientirovannye akkaunty v kommunikativnom prostranstve diskursa social'nyh setej Facebook i Instagram: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Gender-oriented accounts in the communicative space of the discourse of social networks Facebook and Instagram: PhD thesis, summary]. Krasnodar, 2021, 29 p. (In Russ.)

Karasik V.I. *Faktoidy kak lingvokul'turnoe javlenie* [Factoids as a linguocultural phenomenon]. *Političeskaja lingvistika* [Political linguistics], 2017, No. 3, pp. 21-30. (In Russ.)

Kirilina A.V. *Issledovanie gendera v lingvистических nauchnyh disciplinah* [Gender research in linguistic scientific disciplines]. *Gendernoe obrazovanie v sisteme vysshej i srednej shkoly: sostojanie i perspektivy* [Gender education in the system of higher and secondary schools: state and prospects]. Ivanovo, 2003, pp. 132-136. (In Russ.)

Kopot' L.V. *Gendernaya nejtral'nost' v russkoyazychnom nauchnom diskurse* [Gender neutrality in Russian language scientific discourse]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics]. Tambov, 2023, No. 2, pp. 111-121. (In Russ.)

Kuznecov A.V. *Pis'mennaja razgovornaja rech' v onlajn-kommunikacii* [Written colloquial speech in online communication]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2011, vol. 2, No. 3, pp. 24-26. (In Russ.)

Lappo M.A., Malinovskaja N.I. *Parametrizacija bazy dannyh uzual'nyh i neuzual'nyh feminitivov* [Parametrization of the database of casual and non-casual femininities]. *Voprosy leksikografii* [Questions of lexicography], 2020, No. 18, pp. 52-72. (In Russ.)

Lutovinova O.V. *Lingvokul'turologicheskie karakteristiki virtual'nogo diskursa: avtoref. dis. doct. filol. nauk* [Linguoculturological characteristics of virtual discourse: DSc thesis, summary]. Volgograd, 2009, 43 p. (In Russ.)

Maksimova O.B. *Gendernye osobennosti v Internet-kommunikacii: kommunikativnye praktiki i strategii samoreprezentacii v social'nyh setjah* [Gender features in Internet communication: communicative practices and strategies of self-presentation in social networks]. *Mir nauki. Sociologija. Filologija. Kul'turologija. Rossijskij universitet druzhby narodov* [Mir nauki. Sociology. Philology. Cultural studies. Peoples' Friendship University of Russia], 2020, vol. 11, No. 3, pp. 1-12. (In Russ.)

Rusanov E.K. *Internet-diskurs v diskursivnoj paradigme* [Internet discourse in a discursive paradigm]. *Humanitarnye juridicheskie issledovanija* [Humanitarian legal studies], 2016, No. 1, pp. 214-217. (In Russ.)

Russkaja grammatika: nauchnye trudy. Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova [Russian grammar: scientific works. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language], repr. ed. Moscow, 2005, vol. 1, 783 p. (In Russ.)

Serova I.G. *Sociokul'turnyj konstrukt «gender» v interpretativnom prostranstve jazyka i diskursa: dis. ... doct. filol. nauk* [Sociocultural construct «gender» in the interpretive space of language and discourse: DSc thesis]. St. Petersburg, 2017, 375 p. (In Russ.)

Ushakov A.A. *Internet-diskurs kak osobyy tip rechi* [Internet discourse as a special type of speech]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygea State University. Ser. 2: Philology and Art History], 2010, No. 4, pp. 170-174. (In Russ.)

Zoltner O.V., Gornostaeva D.S. *Nejtralizacija konnotacij feminitivov v sovremennom feministskom diskurse (na materiale social'noj seti «Instagram»)* [Neutralization of connotations of femininities in modern feminist discourse (based on the material of the social network «Instagram»)]. *Molodjozh' tret'ego tysjacheletija* [Youth of the third millennium]. Omsk, Publishing House of Omsk State University Publ., 2019, pp. 970-975. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.09.2023; одобрена после рецензирования 16.01.2024; принята к публикации 19.02.2024.

The article was submitted 23.09.2023; approved after reviewing 16.01.2024; accepted for publication 19.02.2024.

ДИНАМИКА ПРОЗВИЩ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Родина Надежда Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, esperance84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Аннотация. В настоящее время в обществе наблюдается повышенный интерес к разнообразным вопросам жизни военного социума, в частности – особенностям коммуникации языковой личности его представителя. Статья посвящена анализу изменчивости прозвищ современных российских военнослужащих. Материалом исследования послужил языковой корпус, полученный методом анкетирования и прямого интервьюирования курсантов российских военных вузов в два этапа с временным промежутком в 8 лет, что позволяет сделать объективные и достоверные выводы по характеру динамики бытования прозвищной номинации в военном социуме. Приведены семантические группы прозвищ, характеристика структуры, особенностей функционирования, психологического отношения носителей и окружения. На основе проведенного сопоставительного анализа сделаны выводы о схожих и отличительных чертах бытования, изменчивости неофициальных военных антропонимов. Результаты исследования позволяют выявить такие особенности языковой личности, как специфика восприятия человека в военной коммуникации, приоритетные характеристики личности в целом, особенности ассоциативного мышления. Материалы изыскания могут быть использованы для проведения семинаров и спецкурсов как в гражданских, так и военных вузах. Кроме того, немаловажен представленный опыт для дальнейших изысканий в области ономастики, социолингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: военная ономастика, российский военнослужащий, прозвище, динамика, структурно-семантический аспект, функционально-динамический аспект.

Для цитирования: Родина Н.А. Динамика прозвищ российских военнослужащих // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 185–192. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-185-192>

Research Article

DYNAMICS OF NICKNAMES OF RUSSIAN SERVICEMEN

Nadezhda A. Rodina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia, esperance84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Abstract. Currently, the life of military societies is of an increased interest in society in various issues, in particular – the peculiarities of communication of the language personality of the said society's representative. The article is devoted to the analysis of the variability of nicknames of modern Russian servicemen. The research material included the linguistic and lexis obtained by questioning and by direct interviewing of cadets of Russian military higher educational institutions in two stages with a time interval of 8 years, which allows drawing objective and reliable conclusions on the nature of the dynamics of the existence of nickname nominations in military societies. Semantic groups of nicknames, characteristics of the structure, features of functioning, psychological attitude of the carriers and the environment are given. Based on the comparative analysis, conclusions were drawn about the similar and distinctive features of existence and the variability of unofficial military anthroponyms. The results of the study make it possible to identify such features of a language personality as the specificity of human perception in military communication, priority characteristics of the personality as a whole, and features of associative thinking. The research materials can be used to conduct seminars and special courses in both civilian and military higher educational institutions. The experience presented is also important for further research in the field of onomastics, sociolinguistics and linguoculturology.

Keywords: military onomastics, Russian serviceman, nickname, dynamics, structural-semantic aspect, functional-dynamic aspect.

For citation: Rodina N.A. Dynamics of nicknames of Russian servicemen. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 185–192 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-185-192>

Современный процесс популяризации профессии российского офицера явил своим результатом вскрытие некоторых особенностей жизни военного социума, что сделало возможным проведение гуманитарных исследований, в частности – изучение различных особенностей языковой личности военнослужащего. Так, в области военной ономастики за последние 12 лет отечественными лингвистами опубликованы изыскания теоретического характера [Фатеева: 2021], узконаправленные практические исследования диахронического [Коровушкин: 2021; Кургузова: 2018; Маринин: 2020] и синхронического характера [Кремер, Валентюк: 2020; Путова, Захаренков: 2015], а также труды, носящие комплексный характер [Родина: 2021в].

В настоящей статье мы предпринимаем попытку анализа динамики прозвищ, являющихся индивидуальными языковыми маркерами в военном социуме. Данные устойчивые именованные присутствуют практически в любом коллективе, присваиваются людям по оригинальным официальным именованиям или за какие-либо особенности, позволяют выражать самые разнообразные отношения между коммуникантами и принимают активное участие в процессе адаптации индивида, его социального роста [Родина: 2021а]. Являясь частью живой языковой системы, прозвища активно взаимодействуют с другими ее компонентами, демонстрируя тем самым механизм осмысления и интерпретации личностью субъектно-объектного мира, аккумуляции и трансляции накопленного поколениями опыта использования имен собственных [Щербак: 2012].

Вооруженные силы Российской Федерации являются одной из влиятельнейших структур страны, осуществляющих защиту государственных интересов. Военный социум представляет собой пространство жизненной активности офицеров и рядовых, членов их семей, а также гражданского персонала, их устойчивую социальную общность, объединенную местом и условиями жизнедеятельности и определяемую спецификой службы и быта. Выделяются следующие взаимосвязанные и взаимодействующие характеристики военного социума: историческая преемственность, социокультурность, полиферность и институциональность. Следует отметить, что военная деятельность требует наличия специальных знаний и соответствующей квалификации, особенно с ускорением научно-технического прогресса. Данный факт обуславливает обязательное наличие у российских офицеров высокого уровня образования и способности быстро адаптироваться к изменчивому воздействию окружения [Родина: 2020]. В связи с этим изучение языковой личности российского военнослужащего на уровне бытования индивидуальных прозвищ, безусловно, актуально, поскольку по-

зволяет воссоздать значительный фрагмент речевого портрета носителя.

Своеобразие лексического запаса российского военнослужащего обусловлено широким применением языковых единиц, обозначающих лиц, объекты материальной культуры, организации и процессы. В ходе формирования личности военнослужащего варьируется тематическое наполнение его словарного запаса. При этом наиболее частотная лексика, обозначающая вооружение и военную технику и связанные с ними предметы и явления, может быть представлена как именами нарицательными, так и собственными. Многие слова и словосочетания, относящиеся к описанию специфики военного социума, входят в состав известных фразеологических единиц, таким образом дополняя свое значение национально-культурным компонентом и, следовательно, способствуя более полному отражению особенностей языковой личности российского военнослужащего как носителя особого менталитета [Родина: 2021б].

Под влиянием внешних и внутренних факторов в военном социуме формируется особая совокупность навыков, традиций и особенностей мышления, проявляющихся в культуре и языке его представителей. Так, например, очевидно влияние на коммуникацию устоявшейся терминологии, обусловленной особенностями функционирования силовых структур и научно-техническим прогрессом. Например, по мере появления новых объектов вооружения и техники номинация при дальнейшем вводе в эксплуатацию в первой половине XX века осуществлялась аббревиатурно с индексацией (ИС-2, РГД-1), при этом для сокращения использовались описательные словосочетания и антропонимы выдающихся политических и военных деятелей. Но уже с 1970-х годов единицам ВВТ присваивались дополнительные вербальные именованные – хремотонимы, отражающие внешние или боевые свойства изделий («Солнцепёк», «Гиацинт», «Буратино», «Бал», «Скальпель») [Родина 2020].

На развитие общества оказывает влияние технический прогресс, но в большей мере – ход мирового социального развития. В настоящее время интеграция России в мировое сообщество и толерантность политики привела к появлению не вызывающих сомнения угроз для стабильности существования как государства, так и всего русского мира. Началась смена курса культурного развития страны в пользу доминирования традиционных ценностей. А в результате обострившейся с 2014 года ситуации на Донбассе в 2022 году Российская Федерация начала специальную военную операцию, окончательно закрепившую новый вектор мировоззрения отечественного военнослужащего. По мере внесения изменений в военный социум традиция номинации

пересматривается, применяется творческий подход, развивающий языковую личность российского военнослужащего.

В настоящей статье рассматривается конкретный вопрос, позволяющий показать хронологические различия в бытовании неофициальных антропонимов – прозвищ курсантов военных вузов.

Для сбора эмпирического материала нами проведено двухэтапное анонимное анкетирование и прямое интервьюирование курсантов ряда российских военных вузов: 704 анкеты в 2015–2018 гг. (этап 1) и 170 анкет в 2022–2023 гг. (этап 2). В ходе обработки полученной информации (указание в анкете нарицательной лексики либо отметка об отсутствии прозвищ) выявлено 365 и 132 прозвищ военнослужащих соответственно.

Анкета содержала вопросы, позволяющие узнать следующие факты:

- 1) наличие прозвища, его графический облик, причину присвоения;
- 2) частотность обращения по прозвищу или по имени и фамилии;
- 3) ситуацию преимущественного использования прозвища;
- 4) время появления прозвища;
- 5) личное отношение к данному прозвищу;
- 6) предположительное отношение к прозвищам в группе респондента и в военном вузе в целом.

В результате сопоставления результатов проведенного анализа в группах респондентов этапов 1 и 2 стало возможным выявление динамики структурно-семантических, функциональных и психологических особенностей бытования прозвищ.

В соответствии с порядком следования вопросов анкеты сначала обратимся к рассмотрению семантических особенностей прозвищ, распределившихся по группам, представленным в таблице 1.

Очевидно, что как в 2015–2018 гг., так и в 2022–2023 гг. доминируют отантропонимические именованные военнослужащих. Однако если на первом этапе эта группа прозвищ отличалась разнообразием,

то на втором содержит лишь идентификаторы, образованные от фамилий и имен. Что касается ассоциативных именованных, то к 2023 г. их стало гораздо больше за счет увеличения количества внешностных и поведенческих, однако прозвища, данные по национальности, исчезли, возможно, по этическим причинам.

Обратимся к сравнению неофициальных индивидуальных маркеров первой группы – присвоенных военнослужащим в связи с особенностями их антропонимов.

Так, среди отфамильных прозвищ присутствуют идентификаторы, образованные усечением основы до сокращенных форм крестильных и некрестильных имен собственных: в 2015–2018 гг. *Гриша* (Гришин), *Захар* (Захарченко); *Бочкарь* (Бочкарев), *Рыба* (Рыбаков); в 2022–2023 гг. – *Лука* (Лукиянов), *Федя* (Федоров), *Абдулла* (Абдуллаев); *Кефир* (Кефирин), *Мороз* (Морозов), *Соловей* (Соловьев). Некоторые маркеры возникли в результате языковой игры: на первом этапе *Сименс* (Симченков), *Утя* (Кутяев), на втором – *Вареник* (Варекинов), *Чан* (Чтян). Часть отфамильных прозвищ появилась путем усечения основы фамилии и дополнительной суффиксации с целью стилизации: в 2015–2018 гг. *Витёк* (Витко); в 2022–2023 гг. – *Колян* (Николаев).

Следующая подгруппа прозвищ – образованные от личных имен носителей. По сравнению с отфамильными они представлены в количестве, меньшем в десятки раз, однако являются показательными для ономастического исследования. Так, например, собранное на первом этапе именование *Данилёц* получено от имени Данила с помощью суффикса -ец-, изначально имеющего значение пренебрежительности, но в сочетании с ассоциативным «молодец» придающего прозвищу оттенок «крутости». На втором этапе внимания заслуживают именованные *Лёха-Серёга* и *Павлик Морозов*. Первое из них произошло от имени Сергей и фамилии Алексеев. Респондент отмечает, что его товарищи и знакомые часто не могли запомнить, как его зовут: Сергей или Алексей. Таким образом, в качестве компромисса курсанту

Таблица 1

Семантические группы прозвищ

Группа	От официальных именованных (%)				По ассоциациям (%)				
	от фамилий	от имен	от отчеств	от аббревиатур	по поведению	по внешности	по ситуации	по именованию известных личностей	по национальности
Этап 1	59	5	2	2	10	8	5	7	2
Этап 2	60	2	–	–	15	15	3	5	–

было дано «универсальное» прозвище. Военнослужащего с идентификатором *Павлик Морозов* действительно зовут Павел, равно как и легендарного советского школьника, пионера-героя. Курсант уточняет, что друзья называли его подобным образом в шутку, однако, возможно, носитель все же обладает какими-то специфическими качествами, послужившими дополнительным мотивом номинации.

Третья и четвертая подгруппы онтопонимических прозвищ – образованные от отчеств и прозвища-аббревиатуры – на первом этапе представлены единично. Например, от реального патронима Михайлович с использованием разговорной формы (Михалыч) образовано прозвище *Михалыч*. Идентификатор *Лев* (Лаптев Евгений Викторович), помимо того что содержит информацию о ФИО носителя, вполне вероятно, демонстрирует соотносимые с типизированным образом льва положительные внутренние качества военнослужащего. На втором этапе исследования подобные именованья отсутствуют.

Далее рассмотрим вторую группу именованья из таблицы 1. Для ассоциативных прозвищ наибольшее значение в мотивации представляют внутренние качества товарищей, в связи с чем среди идентификаторов, образованных по характеризующим признакам и ассоциациям, преобладают метафорические именованья, данные военнослужащим за специфику проявления характера, поведения, а также увлечения.

Ассоциативные прозвища подразделяются на несколько подгрупп в зависимости от направлений мотивации. Сначала рассмотрим индивидуальные маркеры, данные за особенности поведения. Так, например, в 2015–2018 гг. примерами отражения характера товарищей в прозвищах могут быть такие именованья, как *Котёнок* (приятный, но осторожный в общении курсант), *Учёный* (военнослужащий – мудрый советчик). В 2022–2023 гг. им соответствуют *Дикая* (по мнению курсанта, он спокойный, прозвище дано «от противного»), *Стихоплёт* (военнослужащий, увлекающийся написанием текстов песен), *Кабачок* (курсант, придерживающийся здорового питания).

В результате анализа второй подгруппы – курсантских внешностных прозвищ – не было выявлено большого разнообразия в мотивации. При этом и на первом, и на втором этапах исследования обучающиеся военных вузов в качестве оценочного критерия используют рост, телосложение, черты лица товарищей. Так, например, в 2015–2018 гг. курсант, отличающийся сравнительно небольшим ростом, получил прозвище *Малый*, а выделяющийся крупными габаритами – *Полным*. На втором этапе следует отметить прозвище *Медведь*, данное за «массивные щеки» обучающегося, и *Чёрный* – за смуглый цвет кожи. Кроме того, на протяжении всего исследова-

ния встречаются именованья, основанные на сравнении, как правило с животным миром, например: *Тигр* – за стремительность в движениях, *Лев* – за обилие веснушек.

Как в 2015–2018 гг., так и в 2022–2023 гг. у курсантов практически с равной частотностью встречаются единицы из третьей подгруппы ассоциативных прозвищ – ситуативные, мотивированные разнообразными событиями. На первом этапе примерами могут послужить *Бэйс* (курсант разбирался в языке программирования BASIC и помогал другим) или *Покемон* (курсант активно играл в Pokemon GO). На втором необходимо выделить следующие именованья: *Гиппократ* (хотел поступать в медицинский вуз), *Моряк* (служил в ВМФ на подводной лодке), *Сумрак* (на тренировке по тактической подготовке поразил всех из темного угла и не был обнаружен).

Не менее интересны и немного большим количеством представлены прозвища, данные за сходство с известными людьми, героями книг и фильмов, относящиеся к четвертой подгруппе. Для первого этапа примерами таких прозвищ военнослужащих являются *Гошан* и *Кузя* (курсанты похожи на персонажей популярного сериала «Универ»). В 2022–2023 гг. основным мотивом подобной номинации стало сравнение не с героями массовой культуры, а с великими русскими полководцами. Так, например, за склонность к длительным размышлениям было дано именованье *Чапай* (ср.: «Тихо, граждане, Чапай думать будет!» – возглас Петьки их кинофильма «Чапаев»). Другой курсант за стремление получить результат любой ценой получил прозвище *Жуков*.

Особым видом прозвищ в военной среде являются данные по национальности носителя. Поскольку расизм и национализм для российского военнослужащего являются неприемлемыми чертами, подобное описание встречается исключительно с юмористической точки зрения и согласия именуемого и зафиксировано лишь на первом этапе исследования. Так, курсант из Дагестана описывает свое прозвище *Чёрный*: «Шуточное, меня не обижают, его дали достойные люди».

Далее обратимся к рассмотрению прозвищ с точки зрения их структуры, соответствующее второму вопросу анкеты. Результаты анализа состава элементов основы представлены в таблице 2.

Из таблицы видно, что прозвища военнослужащих на всех этапах исследования являются одно-

Таблица 2

Структурные группы прозвищ

Группа	Однословные (%)	Многословные (%)
Этап 1	100	0
Этап 2	98	2

Таблица 3

Особенности функционирования прозвищ

Группа	Как обращаются? (%)	
	по имени/фамилии	по прозвищу
Этап 1	58	42
Этап 2	60	40

словными именованиями. Однако среди «свежих» именований встречаются единичные многословные. Например, курсант, отличающийся остротой зрения и быстротой реакции, получил прозвище *Ночной охотник* (вероятно, ассоциированное с названием военного вертолета К-52). Другой респондент за любимую, безусловно, шуточную фразу по отношению к провинившимся товарищам – «Расстрелять!» – был прозван *Иосифом Виссарионовичем Сталиным*. В целом преобладание однословных именований может быть объяснено тем, что, помимо стремления современной коммуникации к экономии языковых средств, в военном социуме большую роль играет тенденция к разнообразным сокращениям, являющаяся одним из проявлений жаргона.

Особенности функционирования прозвищ рассмотрены на основе ответов курсантов на следующие вопросы: «3. Как Вас чаще называют сверстники – по имени или по прозвищу? От чего это зависит?», «4. Как долго Вы носите Ваше прозвище?», «5. В какой ситуации используется это прозвище?». В ходе анализа мы обращали внимание на три особенности функционирования прозвищ: частота использования прозвищ (как часто они заменяют официальные идентификаторы), ситуативность применения прозвищ, постоянство использования (изменения при переходе из одной возрастной группы в другую).

В таблице 3 показано количественное соотношение ответов на третий вопрос анкеты.

Из таблицы видно, что на протяжении всего исследования прозвища употребляются менее активно (порядка 40 % случаев), чем официальные именования. Однако отметим, что 42–40 % ответов может являться достаточным для констатации факта бытования неформальных идентификаторов. Что касается небольшого снижения частотности обращения по прозвищу, то оно, по нашему мнению, связано с объективно меньшим количеством респондентов на втором этапе.

Отвечая на пятый вопрос о ситуативности прозвищ, курсанты как первого, так и второго этапа в более 53 % случаев ответили, что используют эти именования в определенных ситуациях (например, «в увольнении, в казарме»). Около 40 % охарактеризовали свои идентификаторы как внутривузовские, а порядка 7 % – как постоянные. Вполне вероятно, что военнослужащие уподобляют использование про-

Таблица 4

Устойчивость прозвищ

Группа	Как долго Вы носите прозвище? (%)		
	0–3 года	4–5 лет	более 5 лет
Этап 1	70	13	17
Этап 2	75	5	20

звищ употреблению другого вида вторичных идентификаторов – позывных в боевых условиях.

Устойчивость курсантских прозвищ, выявляемая с помощью ответов на шестой вопрос, отражена в таблице 4.

Как видим, на первом этапе в военном социуме новообразованных прозвищ несколько меньше (70 % против 75 %), что может свидетельствовать в пользу прироста доминирующих активно образующихся идентификаторов внутри сообщества. Что касается увеличения количества «старых», ранее данных именований, то оно демонстрирует устойчивость бытования неформальных маркеров и военного социума по отношению к предыдущему коллективу носителя.

Обращая внимание на психологическую характеристику бытования прозвищ, отметим, что в военном вузе курсанты проходят адаптацию к новому социуму, получают большой объем информации, обогащают и корректируют систему ценностей. Данный аспект анализировался на базе ответов респондентов на следующие вопросы: «Как Вы относитесь к своему прозвищу?», «Как Вы думаете, как относятся к прозвищам в Вашей группе и в вузе?», а также указания возраста анкетированного.

Сведения, дающие представление о возрасте военнослужащих, помещены в таблицу 5.

Как на первом, так и на втором этапе основными носителями прозвищ (практически 90 %) являются молодые люди 20–22 лет. Курсантов возраста 17–19 лет и 23–25 лет меньше – от 4 до 8 %. Подобное соотношение, вероятно, обусловлено объективно меньшей заинтересованностью младшекурсников, еще привыкающих к усиленным академическим нагрузкам, и будущих выпускников, активно работающих над итоговыми проектами.

Далее рассмотрим данные, демонстрирующие персональное отношение респондентов к своим прозвищам и представленные в таблице 6.

Таблица 5

Возрастные характеристики носителей прозвищ

Группа	Возраст носителей прозвищ (%)		
	17–19 лет	20–22 года	23–25 лет
Этап 1	7	89	4
Этап 2	8	87	5

Таблица 6

Личное отношение респондентов к прозвищам

Группа	Личное отношение к прозвищу (%)		
	положительное	нейтральное	отрицательное
Этап 1	57	30	23
Этап 2	66	28	6

По результатам анализа мы отметили, что на протяжении всего исследования большинство военнослужащих относится к своим прозвищам положительно, описывая свои мысли и чувства следующим образом: «отлично», «положительно», «хорошо». Порядка трети курсантов оценили свое отношение к маркерам нейтрально: «нормально», «удовлетворительно», «пойдёт». Следует отметить, что количество негативных высказываний о своих прозвищах в собранных нами анкетах снизилось с 23 % в 2015–2018 гг. до 6 % в 2022–2023 гг. В целом по сравнению с отзывами о личных идентификаторах военнослужащих на первом этапе опрошенные курсанты на втором этапе демонстрируют более положительное отношение к своим прозвищам. Это может констатировать осознанное развитие позитивного восприятия как личного неформального идентификатора, так и антропонимической категории прозвищ в целом.

Отношение окружения военнослужащих-респондентов к прозвищам количественно отражено в таблице 7.

Полученные данные позволяют говорить о складывающейся в военном социуме благоприятной атмосфере для функционирования прозвищ: большинство ответов находится в столбцах «положительное» и «нейтральное». Однако если в 2015–2018 гг. преобладали ответы «нормально» и «никак», демонстрирующие нейтральное отношение (55 %), а положительные оценки «хорошо», «отлично» составляли треть, то в 2022–2023 гг. соотношение иное: три категории ответов распределились приблизительно поровну, при этом число негативных ответов удвоилось. Подобное мнение может быть обусловлено авторитетностью для курсантов правил коммуникации, диктуемых уставом, запрещающим какие-либо неформальные обращения. Однако отметим, что, несмотря на меньшинство ответов с отрицательным отношением на протяжении всего исследования, их принципиальное наличие говорит о критичности подхода военнослужащих к выбору имен собственных в коммуникации окружения.

Кроме того, необходимо заметить, что в целом положительное отношение как респондентов, так и их товарищей к прозвищам свидетельствует о стремлении к более комфортной коммуникации с целью усиления сплочения воинского коллектива, результатом которого является преобладание бытования «желанных» прозвищ.

Таблица 7

Отношение окружения обучающегося к прозвищу

Группа	Отношение окружения к прозвищу (%)		
	положительное	нейтральное	отрицательное
Этап 1	34	55	11
Этап 2	37	38	25

Итак, проведенный сопоставительный анализ позволил выявить некоторые особенности динамики бытования прозвищ как ономастической составляющей языковой личности современного российского военнослужащего.

В военном социуме принято обращение по фамилии, в результате чего в коммуникации курсантов стабильно преобладают отфамильные прозвища. Это позволяет говорить о проникновении «формализма», свойственного официальной коммуникации, в ситуации неформального общения.

Поскольку военнослужащие обращают внимание не только на официальные идентификаторы товарищей, но и на их внешность, поведение, внутренние характеристики, в совокупности также частотна группа ассоциативных прозвищ. В динамике данных именованных становится больше, что свидетельствует о стабильном внимании представителей военного социума друг к другу и об активном вовлечении воображения в процесс коммуникации. Последнее также подтверждает рост употребления многословных прозвищ, позволяющих распространить описание товарища в маркере.

Малоактивны именованные, связанные с известными персонажами, ситуативные, а данные по национальности и образованные от отчества и аббревиатур ФИО в динамике исчезают к 2022–2023 гг., что свидетельствует о серьезном отношении курсантов к жизни и коммуникации как в официальной, так и в неофициальной обстановке. При этом, желая сделать прозвищем именование кого-то или чего-то известного, сегодня военнослужащие делают выбор в пользу отечественных полководцев, подтверждая динамику роста патриотизма среди россиян в целом и представителей Вооруженных сил Российской Федерации в частности.

Функционирование прозвищ в военном социуме в целом имеет высокую активность. Курсанты продолжают использовать их в различных неформальных ситуациях. Несмотря на то, что прозвища являются устойчивой языковой категорией, в военном социуме их больше образуется и закрепляется в первые несколько лет адаптации, чтобы затем прочно войти в коммуникацию.

Отношение к прозвищам у военнослужащих стабильно положительное, что позволяет судить об уместности бытования данных идентификаторов в неформальной коммуникации.

Таким образом, оказывая очевидное влияние на жизнь военного социума, внешние факторы, основным из которых является политический, меняют менталитет его представителей, находящий отражение, в частности, в лексике, используемой в коммуникации военнослужащих. Одним из ярчайших лексических явлений, быстро отвечающих на воздействие извне, являются прозвища – зеркало формирования и бытования языковой личности носителя. Поскольку эти неформальные идентификаторы принимают активное участие в формировании особого самосознания, способствующего развитию системы духовно-нравственных ценностей и различных сторон человеческой личности, наблюдение за их бытованием в среде защитников Отечества и анализ выявленных особенностей представляет непосредственный национальный интерес.

Список литературы

- Коровушкин В.П.* Основные социолингвистические и этико-стилистические черты субстандартных антропонимов в русском военном социолекте XVIII–XXI веков как вербальное проявление русской военной субкультуры: социоантропонимический подход // *Взаимодействие языков и культур глазами выпускников и потенциальных участников программ Фулбрайта: материалы докладов межрегионал. науч. конф. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2012. С. 32–67.*
- Креммер И.Ю., Валентюк Д.С.* Онимы в системе профессионального военного языка // *Современные концепции романо-германской филологии, лингводидактики и межкультурной коммуникации: всерос. науч.-практ. конф. Рязань: Рязанское высшее воздушно-десантное ордена Суворова дважды Краснознаменное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова, 2020. С. 134–138.*
- Кургузова Е.В.* Названия военных операций в системе ономастической периферии (на материале названий военных операций Красной Армии периода Великой Отечественной войны) // *Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 4 (44). С. 132–141.*
- Маринин М.О.* Названия военных кораблей как символ исторической идентичности страны (на примере российского императорского и советского флотов) // *Россия и Запад: диалог культур: сб. науч. ст. XXI Междунар. конф. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. С. 248–256.*
- Путова И.Н., Захаренков А.А.* Антропонимы в военном жаргоне (на материале английского и русского языков) // *Science Time. 2015. № 3 (15). С. 461–464.*
- Родина Н.А.* Языковая личность военнослужащего: новые технологии и их влияние на изменение языка военных // *Филологический аспект. 2020. № 12 (68). С. 66–74.*
- Родина Н.А.* Индивидуальное прозвище в России: современное понимание // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021а. Т. 21, № 1. С. 32–36.*
- Родина Н.А.* Лексические особенности языковой личности российского военнослужащего // *Экология языка и речи: материалы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы РФ, д-ра филол. наук, проф. Нины Георгиевны Блохиной. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021б. С. 121–124.*
- Родина Н.А.* Ономастическая составляющая языковой личности российского военнослужащего // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2021в. № 1. С. 51–60.*
- Фатеева Н.А.* Военная ономастика: постановка проблемы // *Ономастика Поволжья: материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля. Оренбург: Оренбургская книга, 2021. С. 80–85.*
- Щербак А.С.* Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 319 с.

References

- Fateyeva N.A. *Voyennaya onomastika: postanovka problemy* [Military onomastics: problem statement]. *Onomastika Povolzh'ya: materialy XIX Mezhdunar. nauch. konf., posvyash. 220-letiyu so dnya rozhdeniya leksikografa, sobiratelya fol'klora i russkogo pisatelya V.I. Dalya* [Onomastics of the Volga region: materials of the XIX International Scientific Conference dedicated to the 220th anniversary of the birth of the lexicographer, folklore collector and Russian writer V.I. Dahl]. Orenburg, Orenburg Book Publ., 2021, pp. 80-85. (In Russ.)
- Korovushkin V.P. *Osnovnyye sotsiolingvisticheskiye i etiko-stilisticheskiye cherty substandartnykh antroponimov v russkom voyennom sotsiolekte XVIII–XXI vekov kak verbal'noye proyavleniye russkoy voyennoy subkul'tury: sotsioantroponimicheskiy podkhod* [The main sociolinguistic and ethical-stylistic features of substandard anthroponyms in the Russian military sociolect of the 18th-21st centuries as a verbal manifestation of the Russian military subculture: a socioanthroponymic approach]. *Vzaimodeystviye yazykov i kul'tur glazami vypusnikov i potentsial'nykh uchastnikov programm Fulbrayta: materialy dokladov mezhregional. nauch. konf.* [Interaction of languages and cultures through the eyes of graduates and potential participants of Fulbright programs: materials of reports of the interregional scientific conference]. Cherepovets, Cherepovets State University, 2012, pp. 32-67. (In Russ.)

Kremer I.Yu., Valentyuk D.S. *Onimy v sisteme professional'nogo voyennogo yazyka* [Onims in the system of professional military language]. *Sovremennyye kontseptsii romano-germanskoj filologii, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii: vseros. nauch.-prakt. konf.* [Modern concepts of Romance-Germanic philology, linguodidactics and intercultural communication. All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ryazan, Ryazan Higher Airborne Order of Suvorov twice Red Banner Command School named after Army General V.F. Margelova Publ., 2020, pp. 134-138. (In Russ.)

Kurguzova Ye.V. *Nazvaniya voyennykh operatsiy v sisteme onomasticheskoy periferii (na materiale nazvaniy voyennykh operatsiy Krasnoy Armii perioda Velikoy Otechestvennoy voyny)* [Names of military operations in the system of onomastic periphery (based on the names of military operations of the Red Army during the Great Patriotic War)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Smolensk State University], 2018, No. 4 (44), pp. 132-141. (In Russ.)

Marinin M.O. *Nazvaniya voyennykh korably kak simbol istoricheskoy identichnosti strany (na primere rossiyskogo imperatorskogo i sovetskogo flotov)* [Names of warships as a symbol of the historical identity of the country (using the example of the Russian imperial and Soviet fleets)]. *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur: sb. nauch. st. XXI Mezhdunar. konf.* [Russia and the West: dialogue of cultures. Collection of scientific articles of the XXI International Conference]. Moscow, Moscow State University named after M.V. Lomonosov Publ., 2020, pp. 248-256. (In Russ.)

Putova I.N., Zakharenkov A.A. *Antroponimy v voyennom zhargone (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Anthroponyms in military jargon (based on the material of English and Russian languages)]. *Science Time*, 2015, No. 3 (15), pp. 461-464. (In Russ.)

Rodina N.A. *Individual'noye prozvishche v Rossii: sovremennoye ponimaniye* [Individual nickname in Russia: modern understanding]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* [News of Saratov University. New episode. Ser.:

Philology. Journalism], 2021, vol. 21, No. 1, pp. 32-36. (In Russ.)

Rodina N.A. *Leksicheskiye osobennosti yazykovoy lichnosti rossiyskogo voyennosluzhashchego* [Lexical features of the linguistic personality of a Russian military man]. *Ekologiya yazyka i rechi: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf., posvyash. 90-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo rabotnika vysshey shkoly RF, d-ra filol. nauk, prof. Niny Georgiyevny Blokhinoy* [Ecology of language and speech: Materials of the IX International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor Nina Georgievna Blokhina]. Tambov, Publishing house "Derzhavinsky" Publ., 2021, pp. 121-124. (In Russ.)

Rodina N.A. *Onomasticheskaya sostavlyayushchaya yazykovoy lichnosti rossiyskogo voyennosluzhashchego* [Onomastic component of the linguistic personality of a Russian serviceman]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Ser.: Philology, pedagogy, psychology], 2021, No. 1, pp. 51-60. (In Russ.)

Rodina N.A. *Yazykovaya lichnost' voyennosluzhashchego: novyye tekhnologii i ikh vliyaniye na izmeneniye yazyka voyennykh* [Linguistic personality of a serviceman: new technologies and their impact on changing the language of the military]. *Filologicheskiy aspekt* [Philological aspect], 2020, No. 12 (68), pp. 66-74. (In Russ.)

Shcherbak A.S. *Kognitivnyye osnovy regional'noy onomastiki* [Cognitive foundations of regional onomastics]. Tambov, TSU named after G.R. Derzhavin Publ., 2012, 319 p. (In Russ)

Статья поступила в редакцию 19.11.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 19.02.2024.

The article was submitted 19.11.2023; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 19.02.2024.

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Уланова Екатерина Эдуардовна, кандидат филологических наук, Кубанский государственный университет, факультет романо-германской филологии, кафедра теории и практики перевода, г. Краснодар, Россия, ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0007-3683>

Аннотация. Статья посвящена актуальности и целесообразности исследования невербальной коммуникации при комплексном подходе к изучению языковой личности синхронного переводчика. Обосновывается применение коммуникативно-функционального подхода к анализу вербального и невербального поведения языковой личности синхронного переводчика. Последовательно доказывается гипотеза, что невербальное поведение языковой личности устного переводчика определяется содержанием переводимого высказывания, внутренней мотивацией и интенцией переводчика (прагматическим уровнем языковой личности), а также тем, что невербальные средства могут рассматриваться как часть структурной модели языковой личности, оказывая влияние на ее вербальную репрезентацию. В качестве минимальной единицы исследования рассматривался невербальный знак (в начале, середине и завершении своего выражения) и синтагма перевода, в которой объективно зафиксирована реализация невербального знака языковой личностью. Единицы исследования извлекались методом сплошной выборки из 14 видеозаписей устных переводов общей длительностью 105 минут. В ходе исследования удалось классифицировать невербальные знаки на вегетативы и сомативы и структурно описать содержание групп кинесических сомативов, окулесических сомативов и просодических сомативов, представив семантическое содержание невербальных знаков; в составе кинесических сомативов выделена и проанализирована подгруппа комфорт-жестов. В заключении сделан вывод о перспективе дальнейшего исследования невербальной коммуникации и его значении для изучения языковой личности в целом.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, паравербалика, языковая личность, кинесика, окулесика, просодия, синхронный переводчик, сомативы.

Для цитирования: Уланова Е.Э. Исследование невербальной коммуникации языковой личности синхронного переводчика // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 193–200. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-193-200>

Research Article

STUDY OF NONVERBAL COMMUNICATION OF CONFERENCE INTERPRETERS' LINGUISTIC PERSONALITY

Ekaterina E. Ulanova, Candidate of Philological Sciences, the Kuban State University, Department of Theory and Practice of Translation, Krasnodar, Russia, ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0007-3683>

Abstract. The article is devoted to the relevance and significance of nonverbal communication in a comprehensive approach to the study of the linguistic personality of a conference interpreter. The author explains the use of the communicative-functional approach to the analysis of verbal and nonverbal behaviour of the interpreter's linguistic personality. The hypothesis of the study brings out that the nonverbal behaviour of the interpreter's linguistic personality is determined by the content of the translated utterance, the interpreter's internal motivation and intention (the pragmatic level of the linguistic personality), and it is consistently proved that nonverbal means shall be considered as part of the structural model of the linguistic personality, influencing the verbal representation of the linguistic personality. The author analyses a nonverbal sign (at its beginning, middle and end of its expression) and a translation syntagm as minimal units of study. The units of the study were collected by solid sampling from 14 video recordings of interpretation series, total study includes 105 minutes with records of nonverbal signs used by linguistic personality the interpreters participated in the study. As a result, the author classified nonverbal signs into vegetatives and somatives, and she structurally described the content of the groups of kinesic somatives, oculosic somatives and prosodic somatives, presenting the semantic content of nonverbal signs; within kinesic

somatives, the author described a subgroup of comfort-gestures. The paper concludes about the prospect of further study of nonverbal communication and its importance for the study of linguistic personality in general.

Key words: nonverbal communication, paraverbalics, linguistic personality, kinesics, oculesics, prosody, simultaneous interpreter, somatics.

For citation: Ulanova E.E. Study of nonverbal communication of conference interpreters' linguistic personality. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 193–200 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-193-200>

Долгое время изучение невербальной составляющей в языке не рассматривалось как равнозначное в контексте фундаментальных лингвистических исследований. Отношение к невербальной коммуникации в отечественной лингвистике начало меняться в последние годы XX века. Тем не менее неоспоримым является факт, что без невербальной составляющей исследования «человека говорящего» и функциональный аспект языка оказываются неполными. Изучение невербальной коммуникации в системе речевого поведения устного переводчика (здесь и далее под устным переводчиком мы подразумеваем синхронного переводчика) позволяет нам комплексно подойти к вопросу описания языковой личности (далее – ЯЛ) устного переводчика (далее – УП) с позиции взаимопроникновения вербальной и невербальной коммуникации. В условиях развития методологического аппарата наблюдения и анализа невербальных средств роль и значение невербальной коммуникации заметно возросло.

Актуальность данного направления определяется недостаточным количеством исследований, раскрывающих глубину воздействия невербальной коммуникации, её взаимосвязи с переводоведением, возрастающей ролью исследования человеческого поведения в смежных отраслях знания (лингвокультурология, социология, психология, физиология, социальная информатика, в частности искусственный интеллект, программирование). Потенциальные возможности невербального поведения в структуре поведения профессиональной ЯЛ в настоящее время практически не изучены, что является доказательством актуальности избранной темы исследования. Помимо этого, исследования вербального и невербального поведения переводчика в контексте диалогичности (М.М. Бахтин) ранее не предпринимались. Невербальной составляющей речевого поведения ЯЛ УП, особенностям функционирования невербальных сигналов в ситуации устного синхронного или последовательного перевода посвящена данная часть нашего исследования.

С точки зрения комплексного анализа специфика неречевого поведения ЯЛ остаётся нерешенной. В основе комплексного коммуникативно-функционального подхода к изучению ЯЛ находится разностороннее рассмотрение вербального и невербального поведения языковой личности устного переводчика. Суть данного подхода заключается в интерпретации невер-

бальной составляющей речевого поведения ЯЛ УП в ситуации перевода и классификации невербальных средств по функции с учетом анализа прагматики речевого высказывания. Мы считаем обоснованным и целесообразным изучение невербального поведения, принимая во внимание прагматику вербального выражения. Таким образом, невербальная составляющая дополнит структурное содержание ЯЛ и позволит лучше понять мышление, мотивы и установки искомой ЯЛ.

Гипотеза исследования заключается в том, что невербальное поведение ЯЛ УП в ситуации перевода во многом определяется содержанием переводимого высказывания, а также внутренними мотивами и интенцией переводчика. В продолжение данной гипотезы мы рассматриваем идею о том, что невербальные средства ЯЛ являются неотъемлемым её элементом и оказывают влияние на вербальную репрезентацию ЯЛ. Таким образом, мы полагаем, что невербальная коммуникация – одна из частей структуры ЯЛ, так как невербальные сигналы влияют и дополняют вербальную репрезентацию на вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях, и должна рассматриваться как часть общей структурной модели ЯЛ.

В связи с этим мы представляем цель исследования как обоснование необходимости изучения невербального поведения устного переводчика в системе комплексного изучения ЯЛ, выработке методов и подходов к анализу средств невербальной коммуникации с учетом прагматики речевого выражения.

С 1980-х гг. отечественная лингвистика начинает разрабатывать терминологический аппарат для продолжения исследования в области невербальной коммуникации: предпринимаются попытки определить «невербальные средства общения», «невербальное общение», «невербальное поведение», «невербальную коммуникацию». Вводится термин «невербальное коммуникативное поведение», под которым понимают систему поведенческих норм и правил, регулирующих требования к применяемым в процессе коммуникативного акта невербальным знакам (жесты и телодвижения, мимические и визуальные сигналы), свойственным определенной социальной среде [Стернин: 48].

Исследования невербального поведения в контексте речевого поведения индивида традиционно посвящены различным ситуативным классифика-

циям, то есть принцип исследования невербальной коммуникации опирается на какой-либо из дискурсов. Подобный подход не позволяет в полном объеме изучить вопрос о взаимовлиянии вербального и невербального сообщения, степени влияния вербальной или невербальной коммуникации. Вслед за М. Latha полагаем, что невербальную коммуникацию следует рассматривать в совокупности с речевым поведением, так как ‘non-verbal communication is less structured... it is unplanned, intent, spontaneous, and it blends with speech’ (невербальная коммуникация менее структурирована... она не запланирована, сиюминутна, спонтанна и сливается с речью) (перевод наш. – Е. У.) [Latha: 160]. В связи с этим возникла необходимость рассмотреть невербальную коммуникацию в совокупности с речевым поведением устного переводчика в различных ситуациях перевода. Полагаем, что в невербальной коммуникации раскрываются интенции говорящего, обозначается личное отношение оратора к тексту, в случае полисемии уточняется смысл высказывания.

Вслед за Т.Л. Муzychук полагаем, что невербальная коммуникация должна рассматриваться с позиции диалогичности по отношению к вербальной речи. В ситуации устного перевода «невербальная трансляция сообщений происходит одновременно с вербальной, усиливая или даже изменяя смысл слов» [Муzychук: 47]. Переводчик чувствует эмоции ораторов, применяет лингвокультурные и фоновые знания, анализирует коммуникативные сценарии, ценности и установки лингвокультурного сообщества и передает содержание с учётом перевода невербальной коммуникации и системы нравственных ценностей. По мнению С.В. Ивановой, система нравственных ценностей определяет характерные черты вербального и невербального поведения языковой личности и является своеобразной национальной философией [Иванова: 74–75], обуславливающей нравственный идеал, к которому и должны стремиться члены того или иного лингвокультурного сообщества.

Для целей настоящего исследования нами были отобраны 14 видеозаписей устных переводов, выполненных двенадцатью синхронными переводчиками (8 женщин и 4 мужчины, возраст 20–40 лет) – четвертьфиналистами, полуфиналистами и финалистами переводческого конкурса CosinesPi, прошедшего в 2018 году. Материалом исследования послужили 105 минут видеозаписей синхронных переводов, которые участники конкурса записывали самостоятельно, не имея возможности заранее ознакомиться с точной темой переводимого отрывка. Участниками исследования стали профессиональные устные переводчики, выпускники и студенты старших курсов переводческих факультетов. Это позволяет считать их представителями отрасли с достаточными компетенциями,

что в целом удовлетворяет требованиям нашего исследования.

Цель нашей работы потребовала применения комплексного коммуникативно-функционального подхода: структурно-семантический и функционально-семантический метод – для классификации, выделения семантического дифференциала и функции невербальных знаков; лингво-когнитивный анализ – при описании прагматики речевых и неречевых единиц исследования; контекстуальный анализ; интерпретационный анализ; индуктивно-дедуктивный метод.

Невербальная область является очень обширной и включает в себя различные направления: голос и тон – просодия, жесты и пластика – кинесика, движения глаз – окулесика, прикосновения – гаптика или такесика, положение в коммуникативном пространстве – проксемика. К кинесическим средствам принято относить мимику, жесты, направление взгляда, движения, тактильную коммуникацию. В рамках невербальной коммуникации выделяют фонационные, мимико-жестовые, пантомимические и смешанные компоненты [Зуева: 65].

Г.Е. Крейдлин выделяет две основные группы жестов с точки зрения семантики: коммуникативные и симптоматические. Под коммуникативными жестами он понимает такие, которые несут коммуникативную информацию для адресата. Данные жесты подразделяют на действительские, смысл которых заключается в указании на людей / места / события, и этикетные, применяемые в конкретном обществе в определённых ситуациях. Наблюдение за вербальными, невербальными и паравербальными маркерами устных переводчиков позволяет классифицировать типы невербальных средств, проявляющихся у профессиональных личностей в ситуации перевода. Декодирование непосредственно невербального поведения [Крейдлин: 81] способствует более глубокому познанию человеческих эмоций и переживаний в ситуации перевода.

В настоящем исследовании соматические и вегетативные реакции, вслед за учёным С.В. Валиулиной, определяются как сомативы и вегетативы [Валиулина: 99–100]. Стоит отметить, что для целей репрезентации результатов в настоящей статье мы приводим полученные данные о наиболее иллюстративных соматических реакциях.

В зависимости от того, какая часть тела была задействована в процессе устного перевода, мы сформировали группы кинесических сомативов (контролируемых движений тела), окулесических сомативов (контролируемых движений глаз) и просодических сомативов (контролируемых голосовых маркеров).

Рассмотрим подробнее состав *кинесических сомативов*:

Таблица 1

Кинесические сомативы, наблюдаемые у переводчиков в момент осуществления устного перевода

Семантический дифференциал	Кинесические сомативы	Характеристика невербальных средств
Волнение и неуверенность	Полуоткрытый рот; Покусывание /облизывание губ	Концентрация внимания в момент восприятия и обработки звучащей речи
Ложь/неискренность	Касание лица/волос/наушников	Попытка скрыть неточность в переводе
Уверенность	Наклон корпуса/головы вперед по отношению к оратору	Концентрация внимания при подаче перевода
Уверенность и расположенность к аудитории	Улыбка	Зеркальное отражение эмоций оратора; перевод юмора
Неуверенность	Щелчки ручкой	Высокая степень волнения
Помощь в передаче смысла	Жестикуляция руками (жесты-пиктограммы)	Сопровождение смысла вербального сообщения
Логика	Жестикуляция руками (жесты-идеограммы) и головой в темп речи	Обеспечение связности вербального сообщения
Модальность	Пожимание плеч	Степень вероятности вербального сообщения

Рис. 1. Улыбка при переводе иронии (синхронный перевод)

- наклон корпуса вперед / назад / в сторону, наклон головы вниз / набок, ритмичные движения головой / корпусом / рукой в темп речи переводчика;
- жесты-пиктограммы, изображающие действие / объект, о котором идет речь; жесты-идеограммы, демонстрирующие логическое продолжение коммуникации / логическое противопоставление; опора руками на стол; пожимание плечами;
- касание кончика носа, касание наушников / микрофона, касание лица, удержание ручки в ведущей руке, щелчки ручкой;
- улыбка, поджимание губ, облизывание / покусывание губ, пожимание плечами.

Интересно, что группа кинесических сомативов представляет собой наиболее многочисленную группу невербальных средств (табл. 1). На наш взгляд, это связано с тем, что кинесическая группа является наиболее репрезентативной формой невербальных средств при психоэмоциональном напряжении. В момент осуществления устного перевода кинесические сомативы отражают внутреннее состояние человека, степень уверенности или неуверенности при подаче перевода, что является дополнительной

формой объективности результатов анализа вербального проявления ЯЛ.

В случае низкой степени уверенности при подаче перевода устный переводчик склонен использовать «жесты комфорта» (термин наш. – Е. Э.) для снижения тревожности / нивелирования стресса при пропуске релевантной информации или в случае неадекватного перевода. К таковым мы относим касание лица / волос рукой; касание наушников / микрофона, кивание головой в знак подтверждения озвучиваемого вербального сообщения. Приведем далее таблицу наиболее частотных кинесических сомативов.

При семиотической интерпретации невербальных средств важно учитывать, что каждый невербальный знак или сигнал имеют начало выражения, середину и конец. Проводя лингвокогнитивный анализ, мы определяли семантический дифференциал с учётом вербального выражения смысла.

Например, в ситуации синхронного перевода переводчик улыбается (см. рис. 1), переводя последнюю синтагму замечания основного оратора интервью – **Анны Винтур** (выделена жирным шрифтом):

(1) **Speaker-1:** [00:00:00:03] *So now we have time for a Q&A session with a couple of questions...*

Speaker-2 (Anna Wintour): [00:00:04:17] *Very intelligent questions, very intelligent questions.*

Перевод: [00:00:01:03] *Уже сейчас у нас есть возможность для сессии вопросов и ответов, очень умных вопросов и ответов* (улыбка, рис. 1).

Так, семантический дифференциал указанного невербального знака в примере 1 (улыбка) свидетельствует о понимании переводчика глубинного смысла высказывания, о прагматическом потенциале: сохранить юмор в переводе.

В процессе эксперимента мы столкнулись со сложностью оценки окулесических маркеров (табл. 2) ввиду сложности наблюдения и объективности интерпретации взгляда, движений глаз, интенсивности зрительного контакта. Значительная проблема, на наш взгляд, заключается в одновременной фиксации минимальных изменений во взгляде человека и речевого выражения с учётом индивидуальных особенностей говорящего. Мы определили группу окулесических сомативов, в которую вошли длительный зрительный контакт (или его отсутствие), движения глаз и связанные с ними движения надбровных дуг. Результа-

ты эксперимента позволяет шире смотреть на homo loquens и homo actio.

Окулесические сомативы:

– взгляд в камеру / на оратора, взгляд вверх, взгляд в сторону / вниз;

– прищур, подъем бровей, зеркальные оратору движения глаз.

Американские психологи Р. Экслейн и Л. Винтерс выяснили, что взгляд говорящего связан с процессом формирования высказывания и с трудностью этого процесса. «Когда человек формулирует мысль, он обычно смотрит в сторону («в пространство»), а когда мысль полностью готова, взгляд устремляется на собеседника. Но примерно за секунду до окончания речевого высказывания говорящий переводит взгляд на лицо слушателя, передавая слово ему и оценивая произведенное им впечатление» [Лабунская: 37].

Например, партнер, взявший слово, отводит взгляд, тем самым углубляясь в свои мысли. Слушающий в это время подает сигналы глазами, демонстрируя своё отношение к содержанию высказываний говорящего – это могут быть согласие и несогласие, радость и печаль, одобрение и порицание, восторг и гнев.

Таблица 2

Окулесические сомативы, наблюдаемые у переводчиков в момент осуществления устного перевода

Семантический дифференциал	Окулесические сомативы	Характеристика невербальных средств
Уверенность	Взгляд в камеру / на оратора	Концентрация внимания на ораторе в момент восприятия и обработки звучащей речи
Ложь/неискренность	Взгляд в сторону / вниз	Пропуск релевантной информации, неточный перевод
Подбор эквивалента	Взгляд вверх	Концентрация при выборе переводческого эквивалента; перевод высказывания с нереальным (предполагаем) смыслом
Уточнение	Прищур	Конкретизация значения высказывания
Усиление значения	Подъем бровей	Субъектное экспрессивно-оценочное высказывание
Дружелюбное расположение к оратору	Зеркалирование	Поддержание синхронности и демонстрация эмоциональной вовлеченности в коммуникативную ситуацию

Таблица 3

Просодические сомативы, наблюдаемые у переводчиков в момент осуществления устного перевода

Семантический дифференциал	Просодические сомативы	Характеристика невербальных средств
Уверенность	Вариативная интонация	Полное или относительно полное понимание содержания высказывания, которое позволяет эмоционально выделять значимые единицы коммуникации
Уверенность	Акцентная паузация	Полное или относительно полное понимание содержания высказывания, которое позволяет выделять значимые единицы коммуникации при помощи акцентной паузации
Дружелюбное расположение к оратору	Зеркалирование	Поддержание синхронности и демонстрация эмоциональной вовлеченности в коммуникативную ситуацию
Ложь	Молчание	Недостаточное понимание смысла высказывания; Пропуск релевантной информации; Сильное отставание от оратора
Подбор эквивалента	Звуки-хезитации	Концентрация при выборе переводческого эквивалента; Пропуск релевантной информации
Неуверенность	Невнятная речь	Недостаточное понимание смысла высказывания; Пропуск релевантной информации

Воспринимая речь, в которой говорится о сложных вещах, слушающие смотрят меньше на оратора, когда же трудности преодолены – больше. Вообще же говорящий в данный момент меньше смотрит на партнёра, если только для проверки его реакции и заинтересованности. Слушающий же в большей степени смотрит в сторону говорящего, как бы посылая ему сигналы обратной связи.

Определение состава группы просодических сомативов (табл. 3) производилось с использованием методов структурной лингвистики с помощью экспериментального наблюдения и спектрального анализа, выполненного на компьютерной платформе Sonix.ai (<https://sonix.ai>), позволяющей отслеживать степень уверенности произнесения, паузацию, молчание, изменение громкости и высоты голоса.

Уверенность подачи перевода определяется громкостью и тембром голоса. Как правило, аудитория доверяет более низкому голосу, нежели высокому, охотнее его воспринимает [Уланова: 72]. Глубинное погружение субъекта перевода в «звуковой ландшафт» способствует «релятивизации восприятия» [Горелов: 188], открывая возможность для импровизации в переводе. Достаточная громкость голоса отражает уверенность говорящего в смысле высказывания. И наоборот, тихий, высокий голос скорее выдаст неуверенность и сомнение в смысле произносимого высказывания.

Роль параметра «темпа» в речи переводчика как со стороны исходного языка, так и со стороны самого переводчика является одной из ключевых для эффективного межкультурного взаимодействия и восприятия иноязычной речи. Об этом пишут в своих трудах Г.В. Чернов, А.Ф. Ширяев, Р.К. Миньяр-Белоручев. Так, по мнению Г.В. Чернова, при переводе темп переводческой деятельности жестко задается извне оратором (информантом), произносящим высказывание на исходном языке [Черниговский: 44].

Темп речи переводчика является условной переменной, зависящей, на наш взгляд, не только от темпа речи оратора, но и от логической связности речи и наличия прецедентных феноменов, подлежащих переводу. Если речь оратора логична, то устный переводчик применяет тактику прогнозирования, которая сокращает время на обдумывание и позволяет сократить временное отставание и поддерживать темп речи оратора.

От скорости артикулирования звуков и длительности речевого звучания зависит общее восприятие темпа речи. Таким образом, можно обозначить два вида темпа: общий (когда в общую длительность звучания монолога учитываются паузы) и артикуляционный (когда берется во внимание только длительность звучания речи говорящего без учета пауз) [Черниговский: 43]. В проанализированных видеозаписях синхронных переводов на русский язык (родной язык

для синхронных переводчиков, участвующих в исследовании) темп речи переводчика рассчитывался по формуле: $R_s [wpm] = N_w * 60 / T_s$. Для целей настоящего исследования мы рассчитывали полный темп с учетом артикуляционных особенностей переводчика и межфразовых пауз.

Следовательно, чтобы рассчитать численное значение полного темпа речи R_s [words per minute / wpm], нужно разделить общее количество слов в произнесенном тексте N_w [Number of words] на длительность его звучания T_s [Time seconds / Ts]:

Рассмотрим на примере: синхронный переводчик за время осуществления перевода (443 сек., или 7 мин. 23 сек., что составляет среднюю длительность видеофайла в нашем эксперименте) произнёс 970 слов. Следовательно, темп его речи равен 131,3 сек., что соответствует среднему темпу речи на русском языке.

Главным индикатором эмоций в словах, вводящих реплики диалога, является маркер интонации, поскольку просодические элементы интонации (тон, тембр, темп) – основные средства обозначения эмоционально-экспрессивных оттенков речи на русском языке, и маркер психоэмоционального состояния, поскольку он определяет (проектирует, манифестирует) эмотивные смыслы базовой эмоции через пространственно-временную и выразительную организацию общения, а также через вегетативную реакцию коммуниканта. Таким образом, просодические сомативы могут рассматриваться как средство, «раскрывающее эмоциональное состояние говорящего и его отношение к слушающему или содержанию высказываемого, и одновременно способствуют реализации информационно-содержательного компонента звучащего текста» [Пчелина: 221].

К артикуляционным особенностям просодических сомативов можно отнести индивидуальные физиологические параметры речи переводчика (дефекты речи) и разборчивость речи. Интересно, что разборчивость речи зависит от уверенности речи.

Анализ результатов исследования невербальных характеристик поведения языковой личности позволяет определить существенное значение невербального поведения в контексте исследования языковой личности. Общая оценка вербального и невербального поведения важна при определении точности структурного анализа языковой личности. Наше исследование показало, что невербальные формы коммуникации демонстрируют проявление прагматического уровня (уверенность / желание / симпатию / заинтересованность / разочарование и т. д.): успешные синхронные переводы соответствовали результатам анализа невербального поведения.

Соматические реакции синхронного переводчика в затруднительных ситуациях устного перевода представлены следующими кинесическими, просодиче-

скими и окулесическими маркерами: прикосновения к лицу и носу, подпираание лица рукой, касание к прически, почесывание носа, периодические наклоны головы или всего корпуса, продолжительная или неестественная улыбка, замедление темпа и высокий тон речи, слглатывание слов / звуков, взгляд в сторону от оратора и т. д. Вегетативы активизируются соответствующими просодическими и окулесическими проявлениями невербальной семиотики: покраснение лица, щек или, наоборот, бледность кожных покровов, выступание пота на лице, нервное облизывание или покусывание губ, беспокойное положение рук, дрожь, изменения тембральных характеристик голоса, рефлекторное моргание, продолжительные зрительные реакции.

Невербальное поведение во многом верифицирует и дополняет знания о языковой личности, полученные путем лингвистических методов исследования. Так, например, подача в сторону оратора (незначительный наклон вправо), визуальный контроль оратора, улыбка, эмоциональное отражение оратора, вариативная интонация, акцентная паузация, в основном ровное дыхание без посторонних звуков свидетельствуют об уверенной подаче на родном языке, достаточном понимании содержания высказывания на иностранном языке, сохранении темпа перевода и психоэмоциональной стабильности в момент перевода. Интерпретация и анализ невербальной организации речевого поведения ЯЛ УП приближает нас к более детальному описанию специфики ЯЛ УП и позволяет составить теоретическую модель типизируемой ЯЛ, основываясь на проявлениях невербальных знаков анализируемых устных переводчиков. Данные анализа также свидетельствуют о важности изучения невербальной коммуникации для устных переводчиков, что необходимо для контроля собственного поведения и корректной трактовки поведения других.

Перспектива дальнейшего исследования видится нам в расширении методологии анализа, изучении вегетативных реакций при комплексном подходе к интерпретации невербального поведения, проведении масштабного эксперимента с учетом сравнительно-сопоставительного анализа вербального выражения языковой личности профессионального устного переводчика.

Список литературы

Валиулина С.В. Средства репрезентации ситуации молчания и выхода из неё // СибСкрипт. 2015. № 1-2 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-reprezentatsii-situatsii-molchaniya-i-vyhoda-iz-neyo> (дата обращения: 29.11.2023).

Горелов О.С. Сюрреализация звука: музыкальность, аудиальная культура и саунд в новейшей русской поэзии (В. Банников, В. Бородин, Н. Сафо-

нов) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 187–193. <https://doi.org/10/34216/1998-0817-2020-26-3-187-193>.

Зуева Е.А. Типология невербальных средств коммуникации // Филология и проблемы преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. / Моск. пед. гос. ун-т. 2006. Вып. 2. С. 63–69.

Иванова С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 134 с.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика и театр // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnaya-semiotika-i-teatr> (дата обращения: 29.11.2023).

Лабунская В.А. Особенности кодирования невербального выражения личности: методич. указания к спецкурсу «Экспрессия человека». Ростов-на-Дону, 2007. 51 с.

Музычук Т.Л. Невербальная составляющая дискурса персонажа в модели и языковой репрезентации: на материале русской художественной прозы: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2013. 382 с.

Музычук Т.Л. Русский невербальный дискурс и его языковая репрезентация в диалогах художественной прозы // Русистика. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-neverbalnyy-diskurs-i-ego-yazykovaya-reprezentatsiya-v-dialogah-hudozhestvennoy-prozy> (дата обращения: 29.11.2023).

Пчелина Т.М. Изучение фонетической категории «речевой голос» в современных лингвистических исследованиях // Вестник КГУ. 2018. № 3. С. 219–222. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-foneticheskoy-kategorii-rechevoy-golos-v-sovremennyh-lingvisticheskikh-issledovaniyah> (дата обращения: 27.02.2024).

Стернин И.А. Основы речевого воздействия: учеб. издание. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.

Уланова Е.Э. Компетенции устного переводчика // Филология и человек. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsii-ustnogo-perevodchika> (дата обращения: 27.11.2023)

Черниговский М.В. Особенности темпа речи переводчика на примере аудиофрагмента // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tempa-rechi-perevodchika-na-primere-audiofragmenta> (дата обращения: 29.11.2023).

Ekman P.A., Friesen W. Handbewegungen. Scherer K.R., Wallbott H.G. Nonverbale Kommunikation: Forschungsberichte zum Interaktionsverhalten. Weinheim, Basel, 1979.

Latha M. First Impressions: A Study of Non-Verbal Communication. *Frontiers of Language and Teaching*, 2014, vol. 5 (1), pp. 160-163.

References

- Chernigovskij M.V. *Osobennosti tempa rechi perevodchika na primere audiofragmenta* [Features of the interpreter's pace of speech on the example of an audio fragment]. *Vestnik BGU. Jazyk, literatura, kul'tura* [Bulletin of VGU. Language, literature, culture], 2018, No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tempa-rechi-perevodchika-na-primere-audiofragmenta> (access date: 29.11.2023). (In Russ.)
- Gorelov O.S. *Surrealizatsiya zvuka: muzykalnost, audialnaya kultura I saund v noveyshey russkoy poezii (V. Bannikov, V. Borodin, N. Safonov)* [Surrealization of sound: musicality, audial culture and sound in the modern Russian poetry (Vadim Bannikov, Vasiliy Borodin, Nikita Safonov)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2020, vol. 26, No. 3, pp. 187-193. URL: <https://doi.org/10/34216/1998-0817-2020-26-3-187-193> (access date: 26.02.2024). (In Russ.)
- Ivanova S.V. *Lingvokul'turologicheskij analiz pragmatikona jazykovej lichnosti* [Linguocultural analysis of the pragmatics of linguistic personality]. Ufa, 2004, 134 p. (In Russ.)
- Krejdlin G.E. *Neverbal'naja semiotika i teatr* [Nonverbal semiotics and theater]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2011, No. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnaya-semiotika-i-teatr> (access date: 29.11.2023). (In Russ.)
- Labunskaja V.A. *Osobennosti kodirovaniya neverbal'nogo vyrazhenija lichnosti: metodich. ukazaniya k spetskursu «Jekspressija cheloveka»* [Coding features of nonverbal personality expression: methodological guidelines for the special course "Human Expression"]. Rostov-on-Don, 2007, 51 p. (In Russ.)
- Muzychuk T.L. *Neverbal'naja sostavljajushhaja diskursa personazha v modeli i jazykovej reprezentacii: na materiale russkoj hudozhestvennoj prozy: dis. ... d-ra filol. nauk* [Nonverbal component of the character's discourse in the model and linguistic representation: on the material of Russian fiction prose: DSc thesis]. Moscow, 2013, 382 p. (In Russ.)
- Muzychuk T.L. *Russkij neverbal'nyj diskurs i ego jazykovaja reprezentacija v dialogah hudozhestvennoj prozy* [Russian nonverbal discourse and its linguistic representation in dialogues of fiction prose]. *Rusistika* [Russistics], 2009, No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-neverbalnyy-diskurs-i-ego-yazykovaya-reprezentatsiya-v-dialogah-hudozhestvennoj-prozy> (access date: 29.11.2023). (In Russ.)
- Pchelina T.M. *Izuchenie foneticheskoy kategorii "rechevoy golos" v sovremennih lingvisticheskikh issledovaniyah* [Study of the phonetic category "speech voice" in modern linguistic research]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2018, No. 3, pp. 219-222. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-foneticheskoy-kategorii-rechevoy-golos-v-sovremennyh-lingvisticheskikh-issledovaniyah> (access date: 26.02.2024). (In Russ.)
- Sternin I.A. *Osnovy rechevogo vozdejstviya* [Fundamentals of speech impact]. *Uchebnoe izdanie* [Academic edition]. Voronezh, 2012, 178 p. (In Russ.)
- Ulanova E.E. *Kompetencii ustnogo perevodchika* [Competences of the interpreter]. *Filologija i chelovek* [Philology and a Human], 2021, No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsii-ustnogo-perevodchika> (access date: 27.11.2023). (In Russ.)
- Valiulina S.V. *Sredstva reprezentacii situacii molchanija i vyhoda iz nejo* [Means of representation of the situation of silence and the way out of it]. *SibSkript* [SibScript], 2015, № 1-2 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-reprezentatsii-situatsii-molchanija-i-vyhoda-iz-neyo> (access date: 29.11.2023). (In Russ.)
- Zueva E.A. *Tipologija neverbal'nyh sredstv kommunikacii* [A typology of nonverbal means of communication]. *Filologija i problemy prepodavaniya inostrannyh jazykov: sb. nauch. tr.* [Philology and problems of teaching foreign languages: acad.edit.], ed. 2. Moscow, 2006, pp. 63-69. (In Russ.)
- Ekman P.A., Friesen W. *Handbewegungen*. Scherer K.R., Wallbott H.G. *Nonverbale Kommunikation: Forschungsberichte zum Interaktionsverhalten*. Weinheim, Basel, 1979.
- Latha M. *First Impressions: A Study of Non-Verbal Communication*. *Frontiers of Language and Teaching*, 2014, vol. 5 (1), pp. 160-163.

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 08.12.2023; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 201–205. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 201–205. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340.12

EDN DLBDIH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-201-205>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛИЙСКОГО СУЛТАНАТА В XIII–XV ВВ. (историко-правовой обзор)

Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия; Донбасский государственный университет юстиции, Донецк, Россия, vgruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Аннотация. В статье описывается система государственного управления Делийского султаната. Отмечается сильное влияние на политико-правовую и управленческую культуру султаната традиций тюркских племенных групп. Делийское государство являлось теократической монархией, где власть султанов распространялась на все сферы жизни общества. Важную роль в администрации играл визирь и его ведомство, которое отвечало за различные аспекты государственной и политической жизни. В статье отмечается важная роль ведомственной системы, в которой центральное место занимали ведомства по делам армии, канцелярии, иностранных отношений и правосудия. В статье освещается место и роль двора султана и законосовещательного органа при правителе в чиновничьем аппарате. Указывается, что основным элементом административного управления являлись земли икта, переданные за службу определенным лицам. Сделан вывод, что организованная тюрками система государственного управления, несмотря на ряд проблем, в целом была устойчивой и помогла интегрировать северные индийские территории в мусульманское социально-культурное пространство.

Ключевые слова: Делийский султанат, халифат, мусульманское государство, шариат, диваны, визират.

Для цитирования: Груздев В.В. Государственное управление Делийского султаната в XIII–XV вв. (историко-правовой обзор) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 201–205. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-201-205>

Research Article

PUBLIC ADMINISTRATION OF THE SULTANATE OF DELHI IN THE 13TH – 15TH CENTURIES (historical and legal review)

Vladislav V. Gruzdev, Doctor of Jural Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia; Donbass State University of Justice, Donetsk, Russia, vgruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Abstract. The article describes the system of public administration of the Sultanate of Delhi. Strong influence of Turkic tribal groups' tradition on the political, legal and managerial culture of the Sultanate is noted. We consider the state of Delhi to be a theocratic monarchy, where the sultans' power extended to all spheres of society. An important role in the administration was played by the Vizier and his department responsible for various aspects of state and political life. The article notes the important role of the departmental system among which, the central place was occupied by the departments of the army, Chancery, foreign relations and justice. The article highlights the place and role of the sultan's court and the legislative body under the ruler in the official apparatus. It is indicated that the main element of administrative management included the iqta – lands transferred for service to certain persons. It is concluded that the public administration system organised by the Turkic peoples, despite a number of problems, had once been generally stable and helped integrate the northern Indian territories into the Muslim socio-cultural space.

Keywords: Delhi Sultanate, caliphate, Muslim state, Sharia, diwans, vizirate.

For citation: Gruzdev V.V. Public administration of the Sultanate of Delhi in the 13th – 15th centuries (historical and legal review). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 201–205 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-201-205>

Одним из самых известных и экономически развитых мусульманских государств, располагавшихся на территории Индии, был основанный в 1206 году Делийский султанат. Его возникновению способствовали тюркские племенные группы, которые в X веке были могущественной силой в Центральной и Западной Азии. Ослабленное политической раздробленностью, касто-варновой обособленностью, острыми социальными конфликтами, индийское общество не смогло противостоять чужеземному завоеванию, которое за 20 лет сумело охватить практически всю Северную Индию.

С этого момента в истории региона начался новый этап, характеризуемый постепенным объединением (пусть и руками завоевателей) территорий, а также включением в автохтонное социально-политическое пространство нового мусульманского компонента. Приход тюрков обусловил появление политической культуры и основ государственного управления, которые оказали важнейшее влияние на всю последующую северо-индийскую историю [Алаев: 128].

Исследователями отмечается значительная роль индийских религиозно-правовых источников (например, артхашастр), на относительно спокойное восприятие индусами политических практик завоевателей. Модель управления тюрков – аббасидская по форме и персидская по духу [Duri: 140] – соответствовала индийским представлениям о роли раджи в политической системе. Как и султан, раджа, согласно артхашастрам, являлся основой государства, защитником и покровителем народа [Артхашастра: 46]. Власть кшатриев была заменена на власть завоевателей, которых индийцы, вероятно, воспринимали как очередное новопривывшее на индийскую землю этническое сообщество. Кроме того, тюрки в XII веке не отличались особым религиозным фанатизмом и не стремились обратить окружающих в ислам насильственным путем. «Не случайно из четырех правоверных суннитских мазхабов, сложившихся на Арабском Востоке в VIII–IX вв., наибольшее число приверженцев в Индии завоевал ханифитский мазхаб, отличавшийся относительной терпимостью», – пишет о султанате Л.Н. Гумилев [Гумилев].

В целом Делийское государство следует отнести к относительно централизованному теократическому монархиям. Следуя общемусульманской традиции власти, верховным правителем объявлялся Аллах, его наместником, а равно духовным лидером – багдадский халиф, светским – султан. В честь духовного главы султаната чеканились монеты, проводились проповеди в мечетях, утверждались основополагающие документы. Вместе с тем государственный аппарат при тюркских, а позже и мамлюкских правителях представлял собой инструмент реализации воли настоящего правителя – султана. Формально огра-

ниченный постулатами шариата [Arif: 1987], в своих руках он держал все ветви власти (судебную, исполнительную, законодательную). Издержки принципа единоличной власти компенсировались не только зависимостью султана от тюркской гвардии, высшей аристократии и членов правящего дома, но и суннитской доктрины халифата. В напутствии принцу Насруддину Махмуду (в котором отразились политико-правовые взгляды выдающегося султана Илтутмиша) говорится: «Задача правителя – следовать Шариату, уважать саййидов, членов семьи Пророка. Он должен быть добр к своим подданными и относиться к ним согласно их социальному и профессиональному положению. Султану следует заполучить их любовь и поддержку. Он должен уделять особое внимание организации и дисциплине армии, особенно всадников и пехотинцев, для обеспечения безопасности дорог и обороны империи. От него требуется заботиться об образовании студентов и предоставлять литераторам все возможности для счастливой жизни, поскольку их труды были великим благом для человечества» [Samana: 186]. Как видим, требования не игнорировать вопросы социального благополучия населения, заботиться о его правах, обеспечивать приемлемый уровень жизни ученых и поэтов подтверждает высокий уровень мусульманской политической культуры того времени.

Одним из важнейших членов бюрократического аппарата Дели был визирь во главе собственного ведомства (*диван-и везарет*) [Ашрфян: 7, 89]. Следуя общемусульманскому подходу, это должностное лицо обладало широкими полномочиями в самых разных сферах общественной и политической жизни [Duri: 193]: он выступал от имени султана, назначал или отправлял в отставку чиновников двора; замещал султана в силу разных обстоятельств; информировал правителя о состоянии дел в стране; являлся главой финансовых ведомств и контролировал расходы и доходы государственной казны [Samana, 195]; руководил гражданскими и военными диванами, которые согласовывали с визирем выплаты жалованья и другие компенсации; обеспечивал выполнение государством социальных функций, которые выражались в поддержке ученых и бедных слоев населения [Ray: 289].

Осуществляя свои полномочия, визирь полагался на штат помощников, среди которых выделялся секретариат визиря (*диван визарат*) во главе с помощником визиря (*наиб ал-вазир*), главным бухгалтером (*мушириф-и-мамалик*), главным аудитором (*мустауфи-и-мамалик*). Главный бухгалтер собирал финансовую информацию, поступающую со всех концов государства, главный аудитор обеспечивал проверку достоверности. Штат помощников вышеназванных должностных лиц состоял из клерков, которых называли *назир* [Samana: 197].

К высшим органам административного управления относились специальные ведомства, которые по мусульманской политико-правовой традиции именовались диванами [Ашрафян: 90].

Для военного государства важную роль играло ведомство по делам армии (*диван-и-арз*) во главе с военным министром (*ариз-и-мумалик*), который занимался инспекцией, формированием и обеспечением войсковых подразделений [Samana: 189]. Нередко он выступал как военный генерал на поле боя, подчиняясь только верховному главнокомандующему, то есть султану [Srivastava: 285].

Дворцовой корреспонденцией ведала канцелярия (*диван-и-иниша*) во главе с государственным секретарем (*садр уль мулк* или *дабир-и-мумалик*) [Samana: 189]. Ведомство отвечало за деловую переписку между центральным и местными властями. Специальный чиновник ведомства (*дабир-и хас*) был личным секретарём правителя. Должность руководителя *ал-иниша* считалась почетной в связи с особой секретностью сведений, которые содержались в султанской корреспонденции.

Ведомству иностранных отношений (*диван ал-рисалат* или *рисалат*) [Ray: 292] султаны уделяли не меньшее внимание, поскольку стремились наладить внешнеполитические связи с центральноазиатскими державами, исторической Родиной делийских султанов [Ашрафян: 99].

Как уже было сказано выше, султан выполнял функции верховного судьи. Большинство судебных полномочий сосредотачивались в его руках. Он был верховным судьей, рассматривал дела дважды неделю и судил единолично посредством ведомства справедливости (*диван-и мазалим*) [Arif: 1989]. Его ближайшими помощниками были главный муфтий государства (*садр ас-судур*) и главный судья (*кази ул-казат*) [Srivastava: 302].

Кази ул-казат был номинальным главой ведомства правосудия. Он мог возглавлять судебную систему в отсутствие султана, однако его решения были оспоримы. Султан назначал провинциальных и районных кази и амир-и-дат в важных городах, вероятно, по рекомендации кази ул-казат. Главный кази судил в столичном суде с помощью муфтия (*садр ас-судур*). Кази ул-казат осуществлял надзор за деятельностью нижестоящих судов [Arif: 1990].

Упомянутый муфтий (*садр-и ал-судур* или *садар-и джахон*) выступал как правовой советник государя, а также отвечал за имплементацию исламских законов и осуществлял контроль за их соблюдением, руководил и распределял ресурсы благотворительного фонда на нужды мусульманских богословов, поэтов, учёных [Samana: 190]. Нередко функции обоих должностных лиц выполняло одно лицо, что свойственно административному аппарату того времени.

Среди прочих диванов в источниках упоминаются: почтовое ведомство (*диван-и-барид*) – занималось не только почтовым сообщением, но и обрабатывало информацию, поступающую от шпионов [Samana: 190]; *диван-и-амир кохи* – ведомство сельского хозяйства [Ашрафян: 122]; *диван-и-мустахрадж* – ведомство взыскания задолженностей с фермеров и откупщиков; *диван-и-хайрат* – ведомство благотворительности; *диван-и-истисхак* – ведомство выплат пособий [Srivastava: 288].

Поскольку важную роль в автократическом государстве играл двор султана, дворцовые служащие также приобретали власть сообразно приближённости к фигуре монарха (и нередко становились наместниками (мукти) провинций). Среди них важный пост занимал управляющий дворцовыми церемониями (*амир-и хаджиб*). Он осуществлял надзор за соблюдением дворцового этикета, заботился о ежедневных потребностях султана, выполнял его указания, руководил придворными телохранителями (*сар-иджандар*) и рабами (*диван-и-бандаган*) [Ray: 295].

Специальный чиновник (*вакил-и дар*) отвечал за хозяйственные вопросы, выплачивал пособия и жалованье личному персоналу султана [Samana: 191]. Среди прочих придворных упоминаются смотрители за животными (слонами, лошадьми), кравчие, персональные помощники, дегустаторы [Lal: 262].

Маджлис-и-халват – законосовещательный орган, не включённый в бюрократическую систему, – состоял из наиболее доверенных лиц государя (близких друзей и известных ученых (*перс.* надим). Возглавлял совет *амир-и маджлис* (глава совета) [Samana: 193].

Несмотря на монопольную власть одного человека над государством, административно-территориальное деление султаната характеризовалось сложным сочетанием политических институтов и отсутствием строго пирамидальной структуры управления. В этом отношении султаны следовали двум принципам: первый предполагал прямое управление провинциями, осуществляемое из столицы, и вертикальные административные отношения – «правитель – наместник», второй заключался в опоре на местные домусульманские традиции управления в рамках горизонтальных административно-политических отношений (институты панчайат, шикт, махардж) [Мартышкин: 232].

Базовым элементом административного управления делийского султаната в XIII–XIV вв. являлись земли икта, переданные определённым лицам за службу, во главе с мукти (персидская форма – иктар) – управляющим или высокопоставленным военным чиновником. Территория Лахора, Мултана, Учч, Бийана, Бадаун, Авад, Бихар и Лахнаути относились к категории крупных икта. Эти территории были основой империи, и потому наместниками в них назначались царевичи или высшие должностные лица го-

сударства [Samana: 161]. Как отмечает Самана З., икта в султанате не являлся аналогом феодального держания, поскольку отношения иктополучателя и иктадателя не носили договорный характер. Провинциальный наместник управлял на правах владельца икта, но не как владелец лена или домена, но как государственный служащий. С правовой точки зрения получение икта не предполагало аналогичной передачи власти над жителями этой территории, как это было в европейских государствах [Samana: 157].

Средневековый ученый Низам аль-Мульк, постулатам которого во многом следовали делийские султаны, писал в своей «Сиясатнама»: «они [мукты] должны знать, что их право на подданных заключается не только в том, чтобы забрать законную сумму денег или привилегии (мал-и-хакк) мирным путем... жизнь, имущество и семья подданного должны быть защищены от любого вреда, мукта не имеют на них никаких прав; если подданные желают обратиться напрямую к султану, мукта не должен препятствовать этому. Каждый мукта, нарушающий эти законы, должен быть уволен и наказан... у мукты и вали столько начальников, сколько султан укажет» [Habibullah: 209].

Таким образом, на вали и мукт возлагалась обязанность по защите мусульманского права, охране улемов (богословов), помощь правосудию, исполнение судебных решений, охрана главных дорог от разбойников, поощрение торговли, предпринимательства. Несмотря на эти ограничения, исследователи отмечают, что на практике большинство руководителей территориальных единиц обладали неограниченной властью на вверенной территории в обмен на лояльность и исправную работу по сбору налогов и поставку рекрутов. Икта не являлся единственной административной единицей в системе местного самоуправления. Источники также упоминают территории *халиса* – домен султана, доходы с которого шли напрямую в его казну [Samana: 161]. При Ала ад-Дине аль-Хильджи были введены военные провинции во главе с вали и амирами. По территориальному охвату они уступали главным провинциям (Бенгалия, Гуджарат, Джанпур, Малва, Кадешь и Дахин) [Srivastava: 289].

Увеличение территории государства вынудило ввести дополнительные, более мелкие административные единицы. В XIV веке в системе местного самоуправления появились шикты [Srivastava: 291] во главе с шиктадаром [Siddiqui: 204]. Главы местных племен, городов (парган) [Arif: 1988], деревень (панчайят) также входили в управленческий аппарат взамен на выплату дани и обеспечение порядка [Samana: 163]. Немалое внимание султаны обращали на охрану приграничных провинций, куда назначали своих ближайших родственников [Тынянова: 59]. В каждой провинции действовали чиновники

по сбору налогов с вакфов во главе с попечителями – назирами [Srivastava: 290]. Кроме того, при наместниках действовал представитель центральной власти, назначаемый султаном по рекомендации визиря. Он отвечал за провинциальную бухгалтерию и предоставление финансовой информации центральному правительству. Также существовала должность кади, который наряду с другими чиновниками провинциального уровня отчитывался перед наместником.

Подводя итоги, можно отметить, что организованный по исламскому сценарию административный аппарат ознаменовал включение северных индийских территорий в мусульманское социально-культурное пространство. Тюркские военизированные формирования – отдельный социум, скрепленный экономическим и политическим компаративизмом, тем не менее не мог управлять более многочисленным местным населением без учета его политико-правовых традиций, чем обусловил симбиоз мусульманских и индусских практик управления обществом.

Несмотря на то, что выстроенная система управления не могла полностью защитить государство от центробежных тенденций и внутренних конфликтов (источники сообщают о длительной борьбе между феодалами и султанами, основу которой составляла борьба за землю и независимость от центральных властей [Lal: 87]), сочетание различных управленческих подходов привело к созданию относительно устойчивого и жизнеспособного институционального пространства, которое пережило султанат и с некоторыми изменениями просуществовало при следующих правителях – династии Великих Моголов.

Список литературы

- Алаев Л.Б. Средневековая Индия. Санкт-Петербург, 2003. 304 с.
- Артхашастра Каутильи: кн. 1–2 / пер. с санскрит.; введ., коммент., исслед. и прил. А.М. Самозванцева. Москва: Восточная литература, 2009. 390 с.
- Ашрафян К.З. Делийский султанат. К истории экономического строя и общественных отношений (XIII–XIV вв.). Москва: Восточная литература, 1960. 257 с.
- Гумилев Л.Н. Делийский султанат в XIII веке. URL: <http://turkmenhistory.narod.ru/gumilev-deli.html> (дата обращения: 28.12.2023).
- Мартышкин С.А. Государственная служба зарубежных стран: ранние этапы эволюции // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 2 (124). С. 229–235.
- Тынянова О.Н. Власть и граница: аналитический экскурс // Власть. 2008. № 9. С. 58–62.
- Arif K., Waqar S.M. The legal system of sultans of Delhi: An overview. International Journal of Development and Sustainability, 2017, vol. 6, No. 12, pp. 1984–1997.

Duri A.A. Early Islamic institutions: Administration and taxation from the Caliphate to the Umayyads and Abbasids. London, Bloomsbury Publishing, 2011, 222 p.

Habibullah B.M. The Foundation of Muslim Rule in India. Allahabad, Central Publishing House, 1945.

Lal K.S. Twilight of the Sultanate: A Political, Social and Cultural History of the Sultanate of Delhi from the Invasion of Timur to the Conquest of Babur 1398–1526. Bombay, Asia Publishing House, 1963, 357 p.

Ray A. The Sultanate of Delhi (1206–1526): Polity, Economy, Society and Culture. Routledge, 2019, 448 p.

Samana Z. Political Biography of a Delhi Sultan: Life and Works of Shamsuddin Iltutmish (1210–1236): PhD thesis. India, Allahabad, University of Allahabad, 2014, 417 p.

Siddiqui H. Position of shiqqdar under sultans. Delhi Proceedings of the Indian History Congress, 1966, vol. 28, pp. 202–208.

Srivastava A.L. The Sultanate of Delhi 711–152 A.D. Shiva Lal Agarwala & Company, 1966, 418 p.

References

Alaev L.B. *Srednevekovaja Indija* [Medieval India]. St. Petersburg, 2003, 304 p. (In Russ.)

Arthashastra Kautil'i: kn. 1-2 [Arthashastra of Kautilya, vols. 1-2], trans. from Sanskrit; introduction, commentary, research and adj. A.M. Samozvantseva. Moscow, Vostochnaja literature Publ., 2009, 390 p. (In Russ.)

Ashrafjan K.Z. *Delijskij sultanat. K istorii jekonomicheskogo stroja i obshhestvennyh otnoshenij (XIII–XIV vv.)* [Delhi Sultanate. On the history of the economic system and social relations (XIII–XIV centuries)]. Moscow, Vostochnaja literature Publ., 1960, 257 p. (In Russ.)

Gumilev L.N. *Delijskij sultanat v XIII veke* [Delhi Sultanate in the 13th century]. URL: <http://turkmenhistory.narod.ru/gumilev-deli.html> (access date: 28.12.2023). (In Russ.)

Martyshkin S.A. *Gosudarstvennaja sluzhba zaru-bezhnyh stran: rannie jetapy jevoljucii* [Public service

of foreign countries: early stages of evolution]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], 2015, No. 2 (124), pp. 229–235. (In Russ.)

Tynjanova O.N. *Vlast' i granica: analiticheskij jeks-kurs* [Power and the border: an analytical excursion]. *Vlast'* [Power], 2008, No. 9, pp. 58–62. (In Russ.)

Arif K., Waqar S.M. The legal system of sultans of Delhi: An overview. *International Journal of Development and Sustainability*, 2017, vol. 6, No. 12, pp. 1984–1997.

Duri A.A. Early Islamic institutions: Administration and taxation from the Caliphate to the Umayyads and Abbasids. London, Bloomsbury Publ., 2011, 222 p.

Habibullah B.M. The Foundation of Muslim Rule in India. Allahabad, Central Publishing House Publ., 1945.

Lal K.S. Twilight of the Sultanate: A Political, Social and Cultural History of the Sultanate of Delhi from the Invasion of Timur to the Conquest of Babur 1398–1526. Bombay, Asia Publishing House Publ., 1963, 357 p.

Ray A. The Sultanate of Delhi (1206–1526): Polity, Economy, Society and Culture. Routledge, 2019, 448 p.

Samana Z. Political Biography of a Delhi Sultan: Life and Works of Shamsuddin Iltutmish (1210–1236): PhD thesis. India, Allahabad, University of Allahabad, 2014, 417 p.

Siddiqui H. Position of shiqqdar under sultans. Delhi Proceedings of the Indian History Congress Publ., 1966, vol. 28, pp. 202–208.

Srivastava A.L. The Sultanate of Delhi 711–152 A.D. Shiva Lal Agarwala & Company Publ., 1966, 418 p.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНЫМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (историко-правовой аспект)

Романовская Вера Борисовна, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, vera_borisovna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-5171>

Безносова Яна Викторовна, кандидат юридических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, sun148@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2804-7260>

Аннотация. Несмотря на отсутствие развитой нормативно-правовой базы в сфере обращения с животными в Российской империи во второй половине XIX века, в обществе зрело понимание необходимости постановки и урегулирования данной проблемы. На примере Нижегородского отдела Российского общества покровительства животным авторы рассматривают различные мероприятия, направленные на защиту сельскохозяйственных и домашних животных в Нижнем Новгороде, способы распространения среди широких масс населения идей гуманного обращения с животными и улучшения условий их быта. Особое внимание уделяется изучению таких направлений деятельности отдела, как борьба с неудовлетворительным состоянием скотобоен, принятие мер по отлову и содержанию бездомных собак, надзор за обращением с животными на ярмарках и прочих местах торговли, регулирование перевозки мелкого скота и эксплуатации лошадей. Приводятся результаты плодотворной работы указанной организации в области формирования ответственного обращения с животными. Богатый опыт Нижегородского отдела Российского общества покровительства животным, сопровождающийся реальными положительными переменами в сфере обеспечения прав животных, может быть использован законодателем на современном этапе при регулировании благотворительной и волонтерской деятельности зоозащитных организаций, при совершенствовании правового регулирования перевозки животных, ветеринарного законодательства и регламентации других общественных отношений, объектом которых выступает обращение с животными.

Ключевые слова: Российское общество покровительства животным, права животных, защита животных, домашние животные, сельскохозяйственные животные, обращение с животными, гуманное отношение к животным.

Для цитирования: Романовская В.Б., Безносова Я.В. Ответственное отношение к животным в Российской империи второй половины XIX века (историко-правовой аспект) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 206–212. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-206-212>

Research Article

FIGHTING ANIMAL CRUELTY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 2ND HALF OF THE 19TH CENTURY (historical and legal aspect)

Yana V. Beznosova, Candidate of Jural Sciences, Lobachevsky national research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, sun148@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2804-7260>

Vera B. Romanovskaya, Doctor of Jural Sciences, Professor, Lobachevsky national research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, vera_borisovna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-5171>

Abstract. Despite the lack of a developed regulatory framework in the field of animal treatment in the Russian Empire in the 2nd half of the 19th century society matured an understanding of the need to pose and resolve this problem. Using the example of Nizhny Novgorod Department of the Russian Society for Animal Welfare, the authors consider various measures aimed at protecting agricultural and domestic animals in Nizhny Novgorod, ways to spread the ideas of humane treatment of animals and improving their living conditions among the general public. Special attention is paid to the study of such areas of the department's activities as combating the unsatisfactory condition of slaughterhouses, taking measures to capture

and keep stray dogs, overseeing the treatment of animals at fairs and other places of trade, regulating the transportation of small livestock and the exploitation of horses. The results of the fruitful work of this organisation in the field of responsible animal management are presented. The rich experience of Nizhny Novgorod Department of the Russian Society for Animal Welfare, accompanied by real positive changes in the field of animal rights, can be used by legislators at the present stage in regulating charitable and volunteer activities of animal protection organisations, in improving the legal regulation of animal transportation, veterinary legislation and regulation of other public relations, the object of which includes the treatment of animals.

Keywords: Animal Protection Russian Society, animal rights, animal protection, pets, farm animals, animal treatment, humane treatment of animals.

For citation: Romanovskaya V.B., Beznosova Y. V. Fighting animal cruelty in the Russian Empire in the 2nd half of the 19th century (historical and legal aspect). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 206–212 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-206-212>

На протяжении вот уже нескольких лет различные аспекты общественных отношений в сфере обращения с животными в нашей стране всё чаще приобретают характер правоотношений, становясь предметом правового регулирования и защиты со стороны государства. По результатам общероссийского голосования по поправкам в Конституцию Российской Федерации в 2020 году среди прочих поправок в качестве одного из направлений деятельности Правительства РФ было закреплено «формирование в обществе ответственного отношения к животным»¹. Появление указанной конституционной нормы должно привести к более активной реализации уже имеющегося законодательства в сфере защиты прав животных² и послужить основой для его дальнейшего совершенствования. В этой связи особый интерес приобретает обращение к опыту функционирования зоозащитных общественных организаций, которые во второй половине XIX века возникли в различных городах Российской империи в качестве отделов Российского общества покровительства животным (далее также – Общество).

Общество было основано 4 октября 1865 года в г. Санкт-Петербурге, прежде всего, в связи с многократно происходившими на практике случаями жестокого обращения извозчиков с лошадьми [Горлова: 16]. Однако сформулированная впоследствии в уставе Общества цель его деятельности охватывала интересы всех вообще животных и заключалась в том, чтобы защитить их «от жестокого и дурного обращения и вообще действовать на улучшение их участи»³.

Одним из отделов Общества, который может понастоящему гордиться достигнутыми результатами своей деятельности, является Нижегородский отдел Российского общества покровительства животным (далее также – Отдел), несмотря на то, что функционировал он всего несколько лет. Пик его активности пришёлся на период с 1874 по 1878 г. [Исторический очерк: 410].

Первая попытка учреждения в Нижнем Новгороде филиала Российского общества покровительства животным была предпринята осенью 1868 года, однако эта попытка не имела успеха, и уже через год филиал фактически прекратил своё существование.

Спустя несколько лет дело помощи животным нашло своего идейного вдохновителя, им стала супруга нижегородского губернатора графа Павла Ипполитовича Кутайсова – Ольга Васильевна Кутайсова. Её «энергичная заботливость и просвещенное содействие»⁴ способствовали открытию в Нижнем Новгороде 12 мая 1874 года Нижегородского отдела Российского общества покровительства животным.

Обращает на себя внимание высокий энтузиазм и активность, с которой члены Отдела принялись за выполнение задач, сформулированных в его уставе. На первом же заседании было постановлено распространить через местные газеты «Правила доброго обращения с животными» [Исторический очерк: 28], а также проведены выборы участковых попечителей, на которых возлагалась обязанность обеспечивать гуманное обращение с животными в пределах определенного для каждого попечителя наблюдательного участка.

В деятельности Нижегородского Отдела можно выделить несколько направлений, на каждом из которых из года в год сосредотачивались все усилия его членов, а именно: борьба с неудовлетворительным состоянием скотобоев, принятие мер по отлову и содержанию бездомных собак, надзор за обращением с животными в местах торговли, регулирование перевозки мелкого скота и обращения с лошадьми, а также просветительская деятельность, имеющая целью распространение в народных массах идеи гуманного отношения к животным.

Большую озабоченность у членов Нижегородского отдела Российского общества покровительства животным вызывали санитарное состояние скотобоев, а также процесс и способы убоя скота.

В отчётах о деятельности Отдела отмечается, что животные содержались в загонах без укрытия от дождя и снега, а также обращалось внимание на отсутствие перегородок в загонах, вследствие чего животные могли беспрепятственно выходить из них, попадая в помещение для забоя и становясь свидетелями самого процесса убоя, что крайне негативно сказывалось на их психике. Побывавших однажды в таком

помещении животных впоследствии становилось тяжело завести в него, приходилось прибегать к крайне негуманному обращению с такими животными, чтобы заставить их зайти внутрь. Для решения указанной проблемы сотрудники Отдела обратились к Нижегородскому полицеймейстеру и в городскую управу, которые предприняли меры для организации загородок⁵.

Санитарное состояние скотобоен также оставляло желать лучшего, поэтому членами Отдела было принято решение способствовать содержанию помещений скотобоен «в постоянной чистоте и опрятности», оборудованию стоков для нечистот, обеспечению проветривания, чтобы воздух был «более чистый, незараженный», сотрудникам скотобоен было вменено в обязанность приходиться на работу в свежей одежде и следить за чистотой инструментов⁶.

Не менее остро стоял вопрос, связанный с методами убоя скота. Члены Отдела осуществляли поиски наиболее гуманных методов, обращаясь при этом к практике иностранных государств⁷, в том числе Англии, где подобное общество покровительства животным функционировало с 1820-х годов [Габдрафикова: 295].

В отчете за пятый год функционирования Отдела отмечается в целом неудовлетворительное состояние решения вышеуказанной проблемы, несмотря на предпринимаемые в предыдущие годы попытки её устранения. Вместе с тем незначительному улучшению дел на скотобойнях способствовало направление туда специальных полицейских инспекторов, которые должны были надзирать за санитарным состоянием скотобоен и за способами убоя животных. Жалованье указанным полицейским платило правление Отдела⁸.

Ещё одной проблемой, требующей незамедлительного разрешения в Нижнем Новгороде, была проблема обращения с бездомными собаками. На этот раз сама Нижегородская городская управа в 1874 году обратилась в Отдел с просьбой оказать помощь в сложившейся ситуации. Правление Отдела откликнулось на запрос, отметив, что «причиной существования бродячих, а тем более бездомных собак служит единственно недостаток внимания к этому полезному домашнему животному самих хозяев»⁹.

Правлением было предложено создать специальные помещения для содержания отловленных бродячих собак. При этом срок содержания должен был составлять не менее трёх суток, в течение которых собакам необходимо предоставлять еду и питьё. Хозяин, нашедший свою пропавшую собаку в таком приюте, должен был возместить стоимость корма и содержания в размере от 15 до 20 копеек за сутки. Также рекомендовалось обеспечить условия для раздельного содержания больных и здоровых собак. Предлагался и способ поимки бродячих собак – при помощи тенёт, так как, по мнению членов правления Отдела, при их

использовании «не может быть допускаемо никаких истязаний или жестокостей»¹⁰.

В 1875 году благодаря усилиям Нижегородского отдела Российского общества покровительства животным в Нижнем Новгороде были устроены лечебница для больных собак и приют для бездомных собак, приобретены орудия и снаряды для их отлова и перевозки¹¹.

Согласно отчетам о деятельности Отдела, с 1 августа 1875 по май 1877 года было отловлено 2 257 собак, из них к хозяевам вернулись 898, выкуплены новыми хозяевами – 40¹², в течение 1878 года в приют поступило 899 собак, из которых 253 были выкуплены¹³.

Отдельного внимания заслуживали проблема обращения с животными со стороны торговцев на базарах, в мясных лавках и связанный с этим порядок перевозки мелкого убойного скота.

На первом же заседании правления Отдела в мае 1874 года было обращено внимание на мучительный способ перевозки телят, баранов, свиней и прочего мелкого скота, при котором животные перевозились, будучи уложенными друг на друга или свесив шею через телегу и, соответственно, ударяясь о её борта головой во время движения. Правлением было постановлено рекомендовать торговцам скотом перевозить животных в специальных плетеных корзинах с крышками и перегородками, в которых каждое животное могло размещаться отдельно, а также было принято решение обязать вышеуказанных лиц при обычном способе перевозки животных в телегах размещать их «не тесно и не в каком случае для него немучительно»¹⁴. Для надзора за исполнением указанной обязанности Отдел прибегал к помощи местной полиции, и уже за несколько месяцев совместной работы на данном направлении были достигнуты определенные успехи: «В последнее время убойный мелкий скот перевозится если не вполне удобно, то по крайней мере не мучительно – легко связанным и уложенным без тесноты»¹⁵, «вследствие чего животные имеют здоровый и бодрый вид»¹⁶.

Неудовлетворительным с санитарно-гигиенической точки зрения являлось состояние мест торговли скотом на базарах и в мясных лавках («крайняя нечистота и зловоние») вследствие того, что процесс убоя мелкого скота осуществлялся непосредственно в местах продажи. На сложившуюся ситуацию Отделом было обращено внимание городского начальства и самого губернатора, в результате чего в места торговли были направлены полицейские, в обязанности которых входило следить за тем, чтобы убой животных производился в специально отведенных для этого местах – на бойнях. Важно отметить, что «распоряжения по этим представлениям Отдела принесли более или менее видимую пользу»¹⁷.

Ещё большее внимание привлекала к себе в Нижнем Новгороде проблема обращения с лошадьми, которые нещадно эксплуатировались извозчиками.

Абсолютно не приспособленными для комфортного подъезда лошадей были съезды к перевозным пристаням Нижнего Новгорода («круты, не мощены, не устроены»¹⁸). При этом сложности испытывали не только гружёные лошади, но и лошади с пустыми телегами. «Бедное животное вытягивает последние свои силы и от недостатка их даже падает и лишь с помощью истязаний и изнурением живота кой-как ввозит нагруженную тяжесть»¹⁹, – докладывал правлению участковый попечитель И.М. Гусев.

«Для прекращения на этих пунктах мучений рабочего скота» член правления Отдела А.И. фон Шульц на заседании 15 мая 1874 года предлагал следующее: «...необходимо съезды устроить правильные, дав им надлежащий нормальный уклон и вымостить камнем или сделать хотя деревянные спуски»²⁰.

В преддверии ярмарки рекомендовано было позаботиться об организации специальных настилов от реки до павильонов ярмарки, так как перевозка тяжелых грузов от кораблей по песчаному берегу представляла собой невероятный труд для лошадей.

Члены Нижегородского отдела Российского общества покровительства животным обращали внимание на необходимость ограничения веса грузов, перевозимых лошадьми, а также предлагали обязать владельцев лошадей следить за своевременной их перековкой, запретив им при этом самостоятельно осуществлять данную процедуру.

Для реализации идеи обеспечения надлежащейковки лошадей в Нижнем Новгороде в 1877 году была учреждена образцовая кузница и при ней лечебница. При открытии кузницы присутствовал священник губернаторского дома В.П. Рождественский, который в своей речи отметил следующее: «...нужно быть сострадательным и к животным, нужно миловать и животных. Блажен иже милует и скоты; счастлив он, хорошо ему, – потому что милуя и скоты, он милует рабочую, помогающую ему в труде силу и соблюдает своё благополучие... велика любовь христианская в сердцах учредителей, если она объемлет и животных; скажу: без сомнения, сердца их проникнуты самой тёплой, искреннейшей любовью к людям!!»²¹. Таким образом, священник подчеркнул, что с точки зрения христианства жизнь животных представляет собой не что иное, как «фундаментальную ценность» [Коростиченко: 53].

Ветеринарные врачи только что открытой лечебницы искренне заботились о состоянии здоровья лошадей. В частности, младшим ветеринарным врачом И.О. Озолем было выдвинуто предложение о замене в зимнее морозное время железных удил гуттаперчвыми или по железу обшитыми кожей²².

Случаи негуманного обращения с лошадьми пресекались благодаря неустанному надзору со стороны участковых попечителей. Так, в отчете о деятельности Отдела за 1877 год сообщается о том, что в связи с фактами жестокого обращения с лошадьми со стороны местных извозчиков участковым попечителем П.О. Банкальским было организовано собрание, на котором присутствовало до 150 лиц, занимающихся извозом, во время которого П.О. Банкальский предупредил их о неотвратимости наступления юридической ответственности за факты грубого обращения с лошадьми, в частности за эксплуатацию больных животных и за перегруз их тяжелыми грузами. После указанного мероприятия случаев негуманного обращения с лошадьми более не фиксировалось, кроме того, сами извозчики впоследствии обращались к П.О. Банкальскому с просьбой поспособствовать принятию мер к устранению образовавшегося из-за сточных уличных вод на территории извозничьей биржи болота, из-за которого лошадям было тяжело передвигаться²³.

По результатам проверок извозничьих дворов П.О. Банкальским совместно с частным приставом было вынесено замечание с предупреждением о привлечении к юридической ответственности в случае рецидива подрядчику Аржанову, на чьем дворе «лошади, числом до 40, содержатся весьма дурно: подстилки для них почти не употребляются, отчего животные заваливаются грязью до такой степени, что на них образуется грязь в виде коры, и эти-то лошади и в таком виде употребляются в работу»²⁴.

В отчетах о деятельности Нижегородского отдела Российского общества покровительства животным сообщается о случаях привлечения к юридической ответственности [Осокин] в судебном порядке²⁵ лиц за жестокое обращение с животными. Так, к 12-дневному аресту был приговорен служащий за причинение увечья (в виде сломанной ноги) лошади в результате того, что пустил её вскачь по мостовой, насланной крупным булыжником. Его сослуживцы «за неумеренную езду наперегонки» были приговорены к 5 дням ареста²⁶.

В отчете за 1877 год сообщается также о случае назначения мировым судьей штрафа в размере 10 рублей за содержание в течение нескольких дней пяти коров и двух телят без корма²⁷.

Одним из важнейших направлений деятельности Нижегородского отдела Российского общества покровительства животным являлась просветительская работа, направленная на распространение среди широких масс населения идей нравственного и гуманного обращения с животными. Для достижения указанной цели Отдел активно взаимодействовал с государственными структурами, а также с религиозными учреждениями, что подтверждается сведениями из Отчета о деятельности Отдела за 1878 год: «В ви-

дах распространения идеи покровительства животным Местный отдел Российского общества неоднократно обращался с воззваниями к духовенству, прося ближайшего его в этом деле содействия посредством религиозных поучений, в чём и встретил живое и горячее сочувствие со стороны настоятелей церквей»²⁸. С той же целью Отдел налаживал связи с земскими управами и полицейскими управлениями, которые, по задумке членов Отдела, должны были способствовать распространению идей Общества через волостные правления и народные школы.

Для ещё более эффективного распространения идей гуманного обращения с животными по предложению самой О.В. Кутайсовой Отделом было принято решение привлекать в ряды своих членов новых лиц, предлагая им выгодные условия членства – освобождение от обязанности уплаты членских взносов. Речь шла о людях, которые пользовались авторитетом в определённой среде, однако не имели возможности участвовать в деятельности Отдела материально, прежде всего, это сельское духовенство и учителя народных училищ²⁹.

Одним из направлений работы Отдела в области просвещения и предупреждения негуманного отношения к животным было распространение объявлений с «Правилами доброго обращения с животными». Объявления расклеивались возле извозничьих бирж и в местах торга.

Популяризации идей уважительного отношения к животным среди народа призвано было способствовать выпускаемое Российским обществом покровительства животных печатное издание – «Вестник». При Нижегородском отделе имелась и своя собственная библиотека, однако Отдел испытывал материальные трудности с приобретением литературы в количестве, достаточном для распространения её среди населения. В отчете за 1877 год перечисляются следующие издания из фонда библиотеки: «а) устав Общества, утвержденный Министром внутренних дел; б) переводы графини О.В. Кутайсовой с английского о преследованиях там жестокого обращения с животными; в) об уменьшении (в Англии) страданий, претерпеваемых животными; г) граф Горроби, стяжавший громкую известность своею заботливостью об угнетенных животных; д) в чём состоит долг сострадательного и доброго человека; е) к извозчикам; ж) способ кормить цыплят; з) верная лошадь; и) общий взгляд на высшее право (Драгилева); к) первое десятилетие 1865–1875 гг. Российского общества покровительства животным. Исторический очерк его деятельности и несколько экземпляров отчетов других отделов за разные годы»³⁰.

В целях стимулирования народных масс к гуманному обращению с животными Отделом была разработана система мер материального и морального

поощрения. На участковых попечителей была возложена обязанность «заявлять Правлению о тех лицах, которые обратят на себя особенное внимание их постоянно добродушным и попечительным обращением с животными»³¹, таким лицам (причем ими могли быть как рядовые граждане, так и полицейские) назначали премии, награды, объявлялись благодарности, а информацию об этом публиковали в местных газетах. Так, в отчете за 1875 год в качестве заслуживающих поощрения отмечен целый ряд крестьян-извозчиков: Василий Шныров (отличился особенно гуманным обращением с животными), Андрей Блинов, Дмитрий Грошев, Лазарь Архипов, Сергей Стулов³². Согласно отчетам за 1876 и 1877 годы, мещанину-извозчику Матвеем Журавлёву «за доброе обращение и отличный уход за лошадьми» было выдано денежное вознаграждение в размере 10 рублей серебром³³. Теми же суммами были награждены извозчик Соломин – «за примерное содержание лошадей и вообще за честное занятие этим промыслом в течение 30 лет»³⁴, а также унтер-офицер полицейской команды Тюляев – «за особое усердие к делу, преследуемое Обществом покровительства животных»³⁵.

Итоги деятельности Нижегородского отдела Российского общества покровительства животным лучше всего иллюстрируют слова участкового попечителя Канавинской слободы. В отчете за 1878 год, то есть по итогам первых пяти лет функционирования Отдела, он, наблюдая за бойнями, мясными лавками, извозничьими дворами, биржами, скотопрогонами, приходит к выводу о том, что «цель Общества покровительства животным – предохранить животных от жестокого, дурного с ними обращения – в районе Нижнего Новгорода стала достигаться», и что «в отношениях простых рабочих людей к животным произошла в недолгое время значительная перемена, соответствующая желаниям Общества»³⁶.

Таким образом, сострадательное чувство и энтузиазм членов Нижегородского отдела Российского общества покровительства животным, а также их тесное взаимодействие с губернскими и городскими властями, с полицией и церковью, которые приветствовали инициативы Отдела и способствовали реализации его идей, в течение совсем незначительного времени привели к положительным переменам в повседневном быте животных в Нижнем Новгороде и к определенной трансформации в умах его жителей в сторону более гуманного обращения с ними.

Многочисленные мероприятия, проводимые Нижегородским отделом с целью защиты животных и улучшения условий их жизни, могут быть учтены современным законодателем при разработке соответствующих нормативно-правовых актов, направленных на формирование ответственного обращения с животными.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2024).

² Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2018, № 53 (ч. 1), ст. 8424; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1), ст. 1; Об утверждении требований к содержанию животных в местах, используемых для торговли животными: постановление Правительства РФ от 06.06.2023 №. 934 // Собрание законодательства РФ. 12.06.2023. № 24, ст. 4333 и др.

³ Устав Российского общества покровительства животным. Москва: Губернская типография, 1867. С. 3.

⁴ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 4.

⁵ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 7.

⁶ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1876 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1877. С. 5.

⁷ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 7.

⁸ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1878 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1879. С. 7.

⁹ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 8.

¹⁰ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 9.

¹¹ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1875 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1876. С. 6.

¹² Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1876 год. Ниж-

ний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1877. С. 7.

¹³ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1878 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1879. С. 10.

¹⁴ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 6.

¹⁵ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 7.

¹⁶ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 47.

¹⁷ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 7.

¹⁸ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 25.

¹⁹ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 35.

²⁰ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 35.

²¹ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1877 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1878. С. 18.

²² Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1876 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1877. С. 8.

²³ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1877 год. Н. Новгород: Нижегородская губернская типография, 1878. С. 9.

²⁴ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1877 год. Н. Новгород: Нижегородская губернская типография, 1878. С. 9.

²⁵ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: с внесением всех узаконений по продолжениям 1868, 1869, 1871 и 1872 г. и разъяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента с 1866 по первое полугодие 1871 г. включительно / сост. Н.С. Таганцевым. Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1873. 157 с.

²⁶ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1877 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1878. С. 10.

²⁷ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1877 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1878. С. 9.

²⁸ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1878 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1879. С. 5.

²⁹ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 8.

³⁰ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1877 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1878. С. 5.

³¹ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1874 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1875. С. 44.

³² Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1875 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1876. С. 10.

³³ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1876 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1877. С. 28.

³⁴ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1877 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1878. С. 11.

³⁵ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1877 год. Нижний Новгород: Нижегородская губернская типография, 1878. С. 11.

³⁶ Отчет Нижегородского Отдела Российского общества покровительства животным за 1878 год. Н. Новгород: Нижегородская губернская типография, 1879. С. 9.

Список литературы

Габдрафикова Л.Р. Милосердное отношение к животным в интерпретации Ш. Марджани // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 2. С. 294–301.

Горлова Н.И. Практика волонтерского участия в зоозащитном движении в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 15–21.

Исторический очерк деятельности Российского общества покровительства животным, со дня его основания, 4 октября 1865 г., по 1891 год, или за 25 лет

его существования. Санкт-Петербург: Тип. П.П. Сойкина, 1891. 413 с.

Коростиченко Е.И. Христианский взгляд на обращение с животными: критика П. Сингера // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. № 104. С. 46–67.

Осокин Р.Б. Генезис норм об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными в досоветский период. Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 104 (12). С. 396–399.

References

Gabdrifikova L.R. *Miloserdnoe otnoshenie k zhivotnym v interpretatsii Sh. Mardzhani* [Merciful treatment of animals in the interpretation of Sh. Marjani]. *Istoricheskaja etnologija* [Historical ethnology], 2018, vol. 3, № 2, pp. 294-301. (In Russ.)

Gorlova N.I. *Praktika volonterskogo uchastija v zoolozhchitnom dvizhenii v Rossii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The practice of volunteer participation in the animal protection movement in Russia (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Sovremennaja nauchnaja mysl'* [Modern scientific thought], 2019, No. 1, pp. 15-21. (In Russ.)

Istoricheskii ocherk deiatel'nosti Rossijskogo obshchestva pokrovitel'stva zhivotnym, so dnia ego osnovaniia, 4-go oktiabria 1865 g., po 1891 god, ili za 25 let ego sushchestvovaniia [A historical sketch of the activities of the Russian Society for the Protection of Animals, from the day of its foundation, October 4, 1865, to 1891, or for 25 years of its existence]. Saint-Petersburg, Tip. P.P. Soikina Publ., 1891, 413 p. (In Russ.)

Korostichenko E.I. *Khristianskii vzgliad na obrashchenie s zhivotnymi: kritika P. Singera* [The Christian view of the treatment of animals: Criticism of P. Singer]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Ser. 1: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Ser. 1: Theology. Philosophy. Religious studies], 2022, No. 104, pp. 46-67. (In Russ.)

Osokin R.B. *Genezis norm ob ugovovnoi otvetstvennosti za zhestokoe obrashchenie s zhivotnymi v dosovetskii period* [The genesis of the norms on criminal liability for cruelty to animals in the pre-Soviet period]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 2011, No. 104 (12), pp. 396-399. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ КАК ЯЗЫКОВЫХ ОБЩНОСТЕЙ (часть первая)

Вольфсон Владимир Леонович, кандидат юридических наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>

Аннотация. Право как языковой феномен редко становится предметом исследования в российской цивилистике, да и в юриспруденции в целом, а попытки системного описания свойств и видов семантического взаимодействия правовых систем почти не предпринимаются. При этом сами по себе случаи такого взаимодействия, казалось бы, лежат на поверхности. В статье исследуются общие свойства такого взаимодействия, выделяются существенные признаки его основных видов, предлагаются описания и решения наиболее интересных проблем в рамках каждого из этих видов, причём с использованием модельных ситуаций. Наряду с известными случаями семантического взаимодействия, такими как проблема квалификации понятий и применение иностранного права в международном частном праве, компаративистика и инкорпорация, обсуждается взаимопроникновение различных схем означивания в пределах одной юрисдикции. Все явления рассматриваются в контексте языковой проблемы и в свете теоретических представлений автора о сущности частного права. Научным итогом работы можно было бы считать попытку создания общей теории семантического взаимодействия правовых систем, основанную на его общих свойствах и на раскрытии содержания отдельных его видов.

Ключевые слова: субъективный интерес, язык права, квалификация понятий, применение иностранного права, правовопонимание, компаративистика.

Для цитирования: Вольфсон В.Л. Взаимодействие правовых систем как языковых общностей (часть первая) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 213–221. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-213-221>

Research Article

THE INTERACTION OF LEGAL SYSTEMS AS LINGUISTIC COMMUNITIES (P. 1)

Vladimir L. Volfson, Candidate Sciences (Jur.), North-West Institute of Management, Branch of RANEP, St. Petersburg, Russia, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>

Abstract. Law as a linguistic phenomenon has seldom been a subject of research in the Russian civil law studies, as well in national jurisprudence at large. As for attempts at systemising descriptions of the semantic interaction of legal systems, its properties and types, they are barely existant. At the same time, the cases of such interaction *per se* seem to lie on the surface. The article examines the general properties of such interaction, identifies the essential features of its main varieties and offers descriptions and solutions to the most interesting issues within each one. Doing so, the author makes use of some case modelling. Along with well-known kinds of semantic interaction, such as the characterisation problem and the application of foreign law (in conflict law), comparative studies and incorporation, the article also refers to interpenetration of various schemes of meaning within same jurisdiction. The author puts all the matters in the context of linguistic problem and approaches them from the standpoint of his understanding of private law. The scientific outcome can be seen in the attempt to create a general theory of semantic interaction of legal systems based on general properties of such interaction and on the disclosure of its individual types.

Keywords: interests of parties to civil legal relation, language of law, characterisation, application of foreign law, legal understanding, comparative studies.

For citation: Volfson V.L. The Interaction of Legal Systems as Linguistic Communities (p. 1). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 213–221 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-213-221>

Введение. Постановка проблемы и задачи исследования. Взаимодействие систем с различными схемами означивания и, как следствие, «означающим» и «означаемым» [Соссюр]¹, в том числе – при переводе значений, задаваемых одной системой, в значения воспринимающей системы, является одним из разделов семиотики. Между тем такое взаимодействие является одним из распространённых явлений в частном праве, как и в праве вообще.

Примеры мы можем наблюдать прежде всего в международном частном праве (далее – МЧП): специалистам в этой области хорошо известна проблема квалификации понятий и применения зарубежного права. Проблемы взаимодействия различных семиотических систем неизбежно попадают в поле зрения компаративистики [Rahmatian: 23]. Задача распознавания и перевода значений имеет место при инкорпорации в правовой системе положений зарубежного правопорядка [Вольфсон 2014: 22]. Наконец, взаимодействие различных схем означивания может иметь место в пределах одной юрисдикции: это возможно тогда, когда в ней одновременно обладают силой разные правовые системы или даже когда в рамках одной системы сосуществуют два разных правопонимания [Endicott].

При этом нельзя сказать, что это явление, несмотря на его известность, часто становится предметом самостоятельного изучения как цивилистов, так и теоретиков права. К обсуждению семиотических и эпистемологических проблем наше правоведение в целом обращается неохотно [Вольфсон 2012], хотя некоторые работы можно отметить [Ахрамеева: 181–197]. Как следствие, эта область правовой реальности остаётся у нас малоизученной. Задача не в том, чтобы «догнать» далеко ушедшую вперёд в этом направлении англо-саксонскую юридическую мысль, а в том, чтобы проводить самостоятельные исследования, принимая к сведению и используя достижения других исследователей, но никогда не опираясь на них как на авторитет.

В первой части работы хотелось бы обсудить общие свойства взаимодействия семиотических систем в праве, оговорившись, что выявленными выше видами, вероятно, внутреннее разнообразие этого феномена не исчерпывается. Автор не ставит перед собой цель однозначно указать на объединяющий все эти виды признак. Однако можно попытаться выделить отсутствующие или не столь выраженные в иных случаях свойства этого семантического взаимодействия, которые в совокупности образуют область для будущего исследования и, на наш взгляд, способны сделать его многообещающим. Также в первой части статьи будет вкратце раскрыто содержание семантического взаимодействия при разрешении двух проблем МЧП – квалификации понятий и установления содержания иностранного права. Автор предложит

своё решение этих проблем, которое будет исходить из необходимости учёта воплощённых в нормах права интересов участников частного правоотношения. Во второй части статьи мы намерены рассмотреть проблемы компаративистики, инкорпорации, а также взаимопроникновения правовых понятий и систем в рамках одной юрисдикции.

Общие свойства семантического взаимодействия правовых систем

1. Нормативность. Прежде всего, правовые системы нормативны или, что более уместно для целей исследования, состоят из правил – специфического вида высказываний [Вольфсон 2012: 10]. Именно правило предстоит переводить из языка одной системы на язык другой во всех случаях обсуждаемого взаимодействия. И делается это тоже на основе правил, независимо от уровня их состоятельности. Таким образом, это взаимодействие нормативно дважды – и в материальном, и в процедурном смыслах. Указанное качество едва ли представлено в каких-либо других языковых средах столь бескомпромиссно, как в праве, а с учётом «процедурной нормативности» оно превращает конвертацию значений правовых систем, по видимому, в уникальное явление семантического взаимодействия. Но нам будет мало лишь констатировать здесь уникальность, ибо следует дать ей ценностное и практическое описание. Нормативность этого взаимообмена не может, на наш взгляд, не давать ему фору научности по сравнению с другими видами – в том смысле, что он всегда будет располагать более высоким организующим потенциалом. Системность является заслуженно прославляемой добродетелью юридического знания и, как следствие, неиссякаемым источником привлекательности юридического образования как интеллектуального начинания; не случайно и то, что на всех этапах своей эволюции цивилистика, особенно германская, сохраняла когда тайную, а когда, как в случае *Begriffsjurisprudenz*, явную веру в то, что образование вообще любых понятий, в том числе легальных, в принципе подчиняется определённому системному началу, имеющему на неё большее воздействие, чем её естественный коррелят – частные правоотношения [Вольфсон 2023]. Было бы странно ожидать, что эта сектантская, применительно к внутрисистемному познанию права, парадигма не будет с куда большим основанием перенесена на проблему перевода и, шире, прагматику правовых систем. Кроме того, преимущество всегда предполагает и бóльшую ответственность – вероятно, успехи юридической прагматики должны достичь такой степени концептуальности, которая смогла бы обогатить и другие виды семиотического взаимодействия, в том числе, возможно, филологического.

2. Конвенциональность. Известно, что любая знаковая (языковая) система обладает свойством кон-

венциональности. В этой работе под языковой конвенцией будет подразумеваться всеобщее для области обращения данного языка, неартикулируемое и открытое к присоединению соглашение (протокол) о единообразном понимании значений единиц языка.

Если общеупотребимая норма языка не подразумевает особых мер по согласованию и открыта к присоединению по умолчанию, то протокол использования профессионального языка, безусловно, требует специальных согласительных процедур, а присоединение обусловлено фильтрами, выявляющими принадлежности к профессии. Такие процедуры снабжают профессиональную лексику имплицитными кавычками, которые снимаются для тех, кто проходит фильтры – они используют её как общепринятую. В юриспруденции дело обстоит ещё сложнее. Во-первых, юридические категории и лексика общеупотребимого языка очень часто и существенно омонимичны – их значения принципиально различны, о чём, естественно, хорошо знают юристы, но редко – лица других профессий; одним из самых очевидных примеров является слово «вещь». Становясь причиной недоразумений, эта омонимичность требует дополнительных специальных мер по согласованию конвенционального протокола. Во-вторых, Означающее легального текста в позитивном законодательстве определяется процедурами, задаваемыми самим легальным текстом [Вольфсон 2012], что, по существу, окружает эту лексику вторым рядом имплицитных кавычек.

3. Универсальность и универсализм юридической лингвоконвенции. Свойственная любому языку в широком значении, то есть и профессиональной лексике в том числе, конвенциональность различается сообразно уровню употребимости, степени использования данного языка в определённой среде. В этом смысле можно говорить об универсальной лингвоконвенции, а можно и о маргинальной. Первая – это та языковая конвенция, которая воспринимается как действующая в данной среде по умолчанию; то есть такая, выбор которой как средства языка, а значит, и смыслонаделение единиц языка в соответствии с используемыми ею значениями, предполагается [Вольфсон 2023а]. Иными словами, такая конвенция заведомо признаётся победителем в конкуренции бытующих в этой среде конвенций.

Если применить эту категоризацию средств языка к праву, то обнаружится, что лингвоконвенция, используемая в определённой правовой системе, обладает как выраженной *универсальностью* по отношению к другой конвенции в этой системе, так и *универсализмом*. Первое свойство означает, что правовая система претендует на то, что смыслонаделение её текстов стремится к единообразию. Как уже говорилось, Означаемое в догме права определяется в соответствии со схемами, производимыми и легитимиру-

емыми самим легальным текстом. При фактической инвариантности прочтения права правильным является один способ, что исключает *внутреннюю* конкуренцию. Универсальность, даже доминантность универсальной лингвоконвенции – сущностное и вполне очевидное [Солиев: 25] свойство права. Второе свойство, универсализм, менее очевидно. Оно усматривается в имплицитном отрицании *внешней* конкуренции. Значения своих текстов каждая система права понимает так, словно бы они были если не единственными вообще правовыми текстами, но и не находились бы в каком-либо конкурентном поле; семиозис всех прочих правовых систем лишается не только смысловой, но и онтологической модальности – иными словами, смыслообразование, производимое этими системами, принимается как не-сущее. И если отсутствие внутренней конкуренции у верного прочтения текста права (универсальность лингвоконвенции), как показано выше, основывается на послышке о том, что такое прочтение всегда единично [Вольфсон 2012], и при этом до семиозиса конкуренция прочтений вполне допустима, то универсализм лингвоконвенции означает то, что конкуренция невозможна в принципе. Те, кто использует значения языка своего права, делает это так, словно бы этот язык является единственным и единственно возможным, причём вопреки тому, что в отличие от ситуации своего права, с его единственно верным значением, в условиях множественности правовых систем конкуренция значений объективно неизбежна и преодолевается только средствами МЧП и материальной унификации.

Стоит подчеркнуть онтологическое отличие конвенционального универсализма «своего права» от универсальности семиотической конвенции, управляющей обычаями, поведенческими ритуалами и так называемыми «культурными кодами» – обобщённо, социальными нормами. Конечно, в полностью замкнутых социальных средах эти последние могут восприниматься как единичные, но в наше время, особенно в России, с её опытом открытости миру и многообразию составляющих её культур, это большая редкость. В таких условиях поддержание носителями универсальной конвенции может стать даже подчеркнутым, так сказать ритуализированным, когда следование предписанным правилам сознательно уходит от целеполагания и осуществляется ради самой процедуры присоединения к конвенции, что как раз и должно подчеркнуть её ценность в осознаваемом носителями конкурентном контексте. Но ничего подобного не имеет места в правопонимании. И те, кто применяет право, и те, в отношении кого оно применяется, понимают его так, словно бы никакого другого права не существует.

То свойство языковой конвенции национального права как семантической системы, которое мы здесь

именуем универсализмом, примечательно тем, что оно, с одной стороны, контрастирует с имманентной автохтонностью правопонимания, а с другой, конечно, напрямую с ним связано. Содержательно схемы означивания права всегда укоренены в традиции и в культуре народа, суверенная власть которого возвело его волю в закон. Эта укоренённость значительнее, чем часто представляется не только посторонним юриспруденции лицам, но и самим правоведам, и она тесно связана с категорией *Vorverständnis* (предпонимание) [Rahmatian: 24], наделённой, что стоит сразу отметить, экзистенциалистской, а не гносеологической природой; к ней мы ещё намерены обратиться.

Наконец, чтобы по достоинству оценить универсальность и универсализм как свойства языковых конвенций «своего» права, стоит держать в уме то, что при всех различиях в Означаемом этих языков их референтные явления в реальном мире обладают практическим сходством. Пусть «собственность» в английском праве – вовсе не то, что в немецком, пусть «фотография» как охраноспособный объект значительно шире по объёму в итальянском праве, чем во французском, пусть «брак» в одних странах понимается совсем не так, как в других (и мы здесь имеем в виду отнюдь не только гендерный состав участников), но в бытовом, да и в экономическом взаимодействии эта разница в большинстве случаев не сразу станет заметна, если выявится вообще. Практический интерес, определяющий производство правовых понятий, контрастируя с их абстрактностью и словно бы ретушируя смысловую аберрацию при их взаимодействии, образует ещё одно достойное выделения их свойство.

4. Практичность абстракций. Итак, ещё одной особенностью семантического взаимодействия правовых систем, сообщающей ему если не уникальность, то незаурядность и питаемую этим качеством привлекательность для исследования, является сочетание *практического целеположения перевода вкупе с имманентной для права абстрактностью используемых в переводе понятий*. Об этом свойстве можно судить, сопоставляя изучаемый вид взаимодействия с иными коммуникациями семиотических систем. Если мы сравним его с обычным, «житейским» переводом, какой, например, случается в общении путешественников, мы сразу увидим, что в нём гораздо реже, с оговоркой о различиях в видах общения, используются абстрактные категории. То же, в сущности, можно сказать и о профессиональном переводе, в том числе и литературном, с той разницей, что здесь конвертация эквивалентов подчиняется знаниям, навыкам и таланту специалиста. С другой же стороны, научные исследования, сравнивающие абстрактные категории в языках, например при изучении сакральных текстов, филологических терминов или важнейших понятий культур-

ных общностей, как, впрочем, и сравнительные лингвистические исследования, предметом которых может стать лексика разного уровня абстракции, проводятся не в практических, а в теоретических целях. В отличие от этих двух типов семантического взаимодействия конвертация юридических понятий диктуется регулярными практическими нуждами взаимообмена обобщённых, постоянно потребляемых благ, служащих коррелятами, конечной инстанцией верификации любых суждений о содержании права, причём коррелятами, как уже говорилось, внешне порой неразличимыми в своём прагматическом служении. Но при этом понятия, о которых идёт речь, имеют абстрактный и, более того, конвенциональный характер. Во всяком случае, эти понятия непроницаемы для лиц других профессий даже при внешней их узнаваемости, что создаёт известные аберрации, в частности и в тех случаях, когда эти лица, например филологи или лингвисты, берутся за перевод юридических текстов. В свою очередь, регулярность и практическая обусловленность взаимодействия этих систем приводит к ситуации, когда работа по конвертации абстрактных значений выполняется как штатная трудовая функция людьми, не имеющими профессиональных познаний в языковедении, что, на мой взгляд, не имеет подобий в каких-либо других видах занятий, известных человечеству.

Виды семантического взаимодействия

1. МЧП в целом как решение семантической проблемы. В том смысле, в котором МЧП может рассматриваться как «коллизийное право», то есть вне материальной квалификации, оно есть не что иное, как система преодоления различий в юридическом прочтении одной и той же ситуации, понимаемой как текст. Это различие определяется признанием приложимости к этому условному тексту различных схем означивания – положений права, объективно конфликтующих за применение правовых систем. Прочтение одного и того же сюжета может быть означено различными Означающими и, как следствие, будет иметь разные Означаемые. Неважно, насколько разными содержательно: пусть бы интерпретация была сходной, для нас важна легитимность самой дискретности, отсутствия однообразия означивания, а следовательно, и необходимость выбора языка прочтения. Исходя из нашей теории осуществления частных прав [Вольфон 2023], любое решение всегда должно приниматься, основываясь на том, чтобы максимально учесть реальные интересы сторон частного правоотношения; этот подход должен руководить любым направлением познания частно-правовой реальности. Ближе всех к такому подходу стоит принцип *proper law*, который и в российском МЧП используется в качестве субсидиарного (п. 2 ст. 1186), что указывает на концептуальность этого принципа в системе отечественного МЧП, но не наделяет его единичностью [Акимова: 115]. Эти

другие принципы реализованы в конкретных коллизионных формулах, и потому указанная выше языковая проблема МЧП оказывается в известной мере абстрактной, затемнённой «частоколом» коллизионных норм. Какими именно принципами руководствуется МЧП, помимо *proper law*, для такого выбора, сказать в этой работе можно было бы лишь в виде справочной информации, бессмысленной для научной статьи. Поэтому мы сразу перейдём к проблеме МЧП, где семантическое взаимодействие становится уже не абстрактной, а прикладной проблемой правоприменения.

2. Квалификация понятий. При обращении к квалификации понятий более непосредственно, чем где-либо ещё в правоведении, становится очевидной вытекающая из соприкосновения разных правовых систем амбивалентность прочтения одного и того же текста [Бирюкова: 47]. Для наглядности воспользуемся моделированием. Отберём две ситуации, применительно к которым легко оценить важность проблемы квалификации – неправильность её разрешения приводит к абсурдным выводам.

Сначала представим, что два российских гражданина заключили однополый «брак» в юрисдикции, где такие союзы разрешены. Казалось бы, нелепо даже ставить вопрос о признании подобного «брака» в России. Однако в соответствии со ст. 158 Семейного кодекса РФ (далее – СК) брак между российскими гражданами, заключённый за рубежом с соблюдением законодательства соответствующего государства, признаётся у нас действительным, если отсутствуют предусмотренные статьей 14 СК обстоятельства, препятствующие заключению брака, а ст. 14 СК о таком препятствии, как принадлежность лиц, вступающих в брак, к одному полу, не упоминает. Отказать в признании такого «брака» на территории России может только суд на основании так называемых сверхимперативных норм (ст. 1192) или оговорки о публичном порядке (ст. 1193), но перспективы применения этих правил неочевидны [Канашевский 2018: 61]. И если пропустить этап квалификации понятий, придётся признать, что имеется высокая вероятность признания однополного «брака» в стране, где придание правового статуса подобным явлениям обоснованно не приветствуется. Второй моделью послужит спор о применении исковой давности к требованию, поступившему в суд по прошествии более чем трёх лет после нарушения условия договора, подчинённого сторонами (ст. 1210) английскому праву, в котором исковая давность составляет шесть лет, но является институтом процессуального права². Поскольку процессуальная деятельность суда всегда подчинена национальному правопорядку, то коллизионные правила никогда не могут отсылать к процессуальному праву; как следствие, суд в этой логике не сможет определять срок исковой давности по британскому

праву и вынужден будет руководствоваться российском правом, где исковая давность – материально-правовой институт. Поскольку же её срок составляет по нашему праву три года, в иске будет отказано. Такой вывод неизбежен, если не разрешить вопрос о языке прочтения обстоятельств дела.

Между тем если не хронометрически, то логически этап квалификации понятий всегда предшествует определению компетентного правопорядка [Глинщикова: 221]. Для того чтобы прочитать спорное правоотношение на языке той или другой правовой системы, нужно выбрать эту систему. Однако, перед тем как её выбрать, нужно понять, о чём идёт речь – то есть создать смысловой образ предмета для этого выбора. Только после такой квалификации удастся отнести существенный для дела элемент правоотношения к тому или другому таксономическому разделу коллизионной системы (именуемому в МЧП «статутами»). Иными словами, не обойтись без предварительного прочтения, а следовательно, заново встаёт вопрос о выборе языка. В разбираемом случае необходимо понять, на языке какого права следует прочесть понятия «брак» и «исковая давность»³.

В доктрине традиционно различают три подхода к решению проблемы. Первый – квалификация на основании *lex fori* (средствами своего для суда права). В пользу этого подхода говорит не только удобство⁴. Поскольку коллизионная норма также является нормой своего для суда правопорядка, суд будет истолковывать её в семантике своего права [Канашевский 2021: 35]⁵. Казалось бы, этого соображения достаточно, чтобы означивать факты дела Означающими, задаваемыми коллизионным регулированием. Ситуация, когда в результате квалификации суд получает явление, неизвестное правопорядку, коллизионная норма которого будет им применяться, представляется нелепой. Но после решения коллизионной проблемы суду предстоит материально-правовое разбирательство дела, а материальное право может оказаться, если такова будет привязка избранной коллизионной нормы, иностранным. Так и возникает почва для постановки проблемы квалификации: есть поводы думать, что прочтение спорного правоотношения не во всех случаях тяготеет к языку своего права. Особенно же неочевидным становится такой подход тогда, когда подлежащий разрешению вопрос материального права будет с высокой степенью вероятности подчинён не собственному праву суда: в этом случае вопрос права будет прочитан на языке не той системы, текст которой в итоге даст на него ответ. Второй подход – квалификация на основании *lex causae* (право, с которым связано существо сделки). Плюсы и минусы такого подхода ясны из предшествующего изложения⁶. Третий подход, так называемая «автономная квалификация», состоит в том,

что факт означает не в семантике противостоящих правопорядков (*lex causae* и *lex fori*), а на созданном для этих целей «языке», схемы означивания которого образованы из выявленного судьёй общего для этих двух правопорядков содержания институтов, относящихся к данным обстоятельствам. У этого способа квалификации только один минус: он не покорится судье, не обладающему развитым навыком работы с абстрактными понятиями⁷.

Представляется, что решающим аргументом в пользу *lex fori* является то, что этот подход обеспечивает применение коллизионных норм, то есть норм российского права, в соответствии с их содержанием, а значит, и позволит более полно защитить интересы сторон частно-правового взаимодействия, что составляет цель частного права. При этом даже в случае, когда придётся применять чужое материальное право, цепочка «квалификация по праву России, коллизионная формула ГК РФ, чужое материальное право» видится менее вредоносной для целей применения этого последнего, нежели для применения российского права была бы квалификация по чужому праву с дальнейшим применением коллизионной российской формулы. Коллизионная формула имеет в общем случае значительный объём (гипотезу), и поэтому вероятность того, что в объём коллизионной формулы войдёт неизвестное российскому праву юридическое явление выше, чем при движении от частного к общему, то есть когда квалификация по чужому праву ведёт к применению несходного с тем разделом иностранного права, к которому относится установленное явление, объёмного правового режима коллизионного статута. Ст. 1187 ГК признаёт *lex fori* способом квалификации по умолчанию, лишь subsidiarily и *по усмотрению суда* допуская *lex causae*, в частности тогда, когда понятия, требующие квалификации, российскому праву известны в другом словесном обозначении или с другим содержанием.

Если, реализуя полномочия действовать по усмотрению, российский суд уклонится от квалификации по иностранному праву понятия с неизвестным содержанием и прочтёт спорное отношение на языке своего права (*lex fori*), то в первом случае он признаёт, что коллизионная формула ст. 158 неприменима: однополый «брак» не является браком в российском праве, каковое браком признаёт исключительно союз мужчины и женщины (подп. ж. 1) п. 1 ст. 72 Конституции, п. 3 ст. 1, п. 1 ст. 12 СК). Если же российский суд произведёт квалификацию отношения по *lex causae*, он поставит себя в безвыходное положение: ведь теперь ему придётся применять коллизионную норму ст. 158 СК, которую он должен толковать исходя из положений российского права, а оно не признаёт браком союз между однополыми лицами. Не должно казаться, что такое решение будто бы порыва-

ет с ценностями частного права в угоду публичному порядку – напротив, как уже подчёркивалось, обеспечивая соответствие применения коллизионных норм их подлинному смыслу, оно тем самым и соответствует выраженной в законе воле интересов частных лиц, а таковая воля в любом правопорядке является национальной по происхождению. Во втором случае точное, благодаря квалификации «исковой давности» по российскому праву, понимание коллизионных норм, следствием которого станет использование британского срока давности, позволит избежать ситуации, когда выбор сторонами применимого права делает его неприменимым. В обоих случаях квалификация по *lex causae* приводит к применению коллизионной формулы вопреки её содержанию⁸.

3. Установление содержания зарубежного права. Ещё одна, причём, пожалуй, доктринально наиболее спорная, область семантического взаимодействия правовых систем в МЧП – применение судом положений зарубежного права (ст. 1192). Возможность применения иностранного права зависит от того, чем оно является для суда – ответом на вопрос права или на вопрос факта. До сих пор считается [Лаврушкина: 94], что в России, как и в большинстве юрисдикций романо-германской правовой системы [Гетьман-Павлова, Касаткина: 77], но не во Франции и в Испании, это ответ на вопрос права. Между тем есть основания думать, что это не так или, точнее, не должно быть так *de lege ferenda* и едва ли так *de lege lata*. Причём первый, доктринальный, аргумент также можно разбить на теоретический и прикладной.

Теоретический аргумент должен исходить из того, что суд как институт является неотъемлемой составляющей государственного властвования. Миссия суда заключается в обеспечении всевластия национального правопорядка – суд является его фундаментом, так как именно он в конечном счёте является гарантией его непоколебимости, но также и фасадом, так как он олицетворяет торжество национального права. Суду нельзя вменить какую-либо функцию, которая бы отрывала его от собственного правопорядка; и поэтому когда суд применяет право, *он применяет только своё право*. Иностранное и международное право суд применяет лишь как заимствованную часть своего правопорядка, о чем будет сказано во второй части работы. При этом правоприменение подчиняется принципу исключительной компетенции суда в вопросах права – *iura novit curia*. Сторонам никто не мешает представлять свои доводы, относящиеся к содержанию права, но это вовсе не восполнение недостающего у суда правового знания, каковое принимается полным и безоговорочным. Далее, суд не только вправе, но и обязан применить ту норму права, гипотеза которой охватывает обстоятельства дела; указание стороны на норму, подлежащую, по её

мнению, к применению для разрешения спора, во все не есть обязательное условие для её применения.

Прикладной аргумент состоит в том, что судья располагает познаниями права, относящимися к определённой юрисдикции [Гетьман-Павлова, Касаткина: 76]. Наличие достаточных для отправления правосудия познаний в своём, а не чужом праве составляет одно из квалификационных требований к судейской профессии. Ожидать от судьи таких познаний в чужом праве не только не реалистично, но и несовместимо с цензом профессионального соответствия.

Разрешение же вопроса факта предполагает оценку судом представленных сторонами сведений, исходя из противоположных критериев; убеждённость суда в наличии или отсутствии соответствующего обстоятельства зависит от сложившегося у него мнения о достоверности этих сведений (ст. 67 ГПК, ст. 71 АПК). В этой части ход судопроизводства определяется принципом состязательности. Перед судом не стоит задача поиска абсолютной истины; в состязательном процессе истина есть то, чему представлены убедившие суд доказательства.

Из этого следует, что для суда иностранное право может быть лишь вопросом факта. И это суждение нельзя отнести к благим пожеланиям. Ст. 1191 ГК не ограничивается констатацией того, что «суд устанавливает содержание норм иностранного права в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве»⁹. На самом деле и эта формулировка, вопреки противоположному мнению [Лаврушкина, 95], сама по себе не даёт повода утверждать, что речь идёт о вопросе права и, следовательно, об обязанности суда, и наоборот, указание в нижеразположенных нормах этой статьи на то, как именно суд устанавливает право, убеждает в том, что речь идёт о вопросе факта: суд не только может (но не должен!) обращаться за содействием и разъяснением в официальные органы и привлекать экспертов, но вправе и опираться в своих выводах на процессуальные действия сторон. Такие действия законодатель называет содействием суду в установлении содержания иностранного права, но наш взгляд, это, во-первых, недоумение, поскольку тем самым допускается дефицит в правовых познаниях суда и, как следствие, вероятность без «содействия» сторон вынесения решения, не основанного на нормах права, что исключается принципом *iura novit curia*, а во-вторых, оксюморон, поскольку такое «содействие» процессуальных оппонентов будет отнюдь не филантропическим, но, напротив, по определению состязательным, и поэтому правовая истина, утрачивая присущую ей абсолютность, ставится в зависимость от победы в этом соревновании и превращается в ответ на вопрос факта с его релятивистской верификацией. В красноречивом

контрасте с ранее действующим законодательством¹⁰, в абз. 3 п. 2 ст. 1191 ГК суд вправе возложить *обязанности* по предоставлению сведений о содержании норм иностранного права на стороны в спорах с участием предпринимателей, и выполнение этих обязанностей законодатель «содействием суду» именовать уже не решился.

И хотя современный подход характеризуется как «промежуточный» [Гетьман-Павлова, Касаткина: 77; Проблемы: 95], на наш взгляд, эта промежуточность того же рода, что попытка усидеть на двух стульях. Сохраняющаяся двусмысленность приводит к тому, что, в отличие от других решений, которыми устанавливаются фактические обстоятельства, судебные акты с применением иностранного права лишены преюдициальной силы [Проблемы: 94] и рискуют быть отменёнными вышестоящими судами, если те усматривают отказ суда от обязанности устанавливать содержание иностранного права¹¹. На взгляд автора, следует отказаться от самого понятия «применение иностранного права», а установление содержания иностранного права считать разрешением вопроса факта, для чего необходимо исключить из ст. 1191 указание на «содействие сторон».

Заключение. Представленное в первой части статьи исследование взаимодействия правовых систем как языковых общностей привело автора к выводу о наличии у этих общностей и (или) их взаимодействия следующих свойств: нормативность, конвенциональность, универсальность, универсализм, практичность абстракций. Среди отдельных видов семантического взаимодействия обсуждались МЧП в целом как преодоление коллизий в прочтениях единого текста, проблема квалификации понятия и установления содержания иностранного права. Автор высказывается в пользу квалификации понятий по праву страны суда (*lex fori*), черпая основание для аргументации в своей теории частных интересов. Решение второй проблемы видится автору в отказе от попыток обосновать «применение иностранного права»; с его точки зрения, установление содержания иностранного права может быть только ответом на вопрос факта.

Примечания

¹ *Le signifiant* и *le signifié*. Ниже в тексте работы эти термины (Означающее и Означаемое), ввиду их общепринятого положения в семиотике, используются без кавычек.

² Ст. 5 Закона «О давностях» (Limitation Act) 1980 г.

³ Строго говоря, означивание обстоятельств дела на языке применимого права – то есть уяснение юридического значения, прежде всего для целей отнесения к соответствующему структурному разделу, предмета рассмотрения – имманентно логической

цепи любой правоприменительной деятельности. Это нужно сделать даже прежде того, чтобы решить, какой вопрос права подлежит разрешению, то есть ещё до конструирования большой посылки правоприменительного силлогизма.

⁴ Во-первых, суду всегда легче применять своё право. Во-вторых, поскольку *lex fori* всегда будет квалификацией по умолчанию, для прочтения дела на языке чужого права нужны указания в законе, которые сами по себе нуждаются в толковании, а также правила самой такой процедуры.

⁵ *Ejus est interpretari cuius est condere* – тот, кто нечто сочиняет, должен давать этому толкование.

⁶ Вероятно, все исследователи согласятся с тем, что было бы недопустимо провести квалификацию по *lex causae*, а после выбора коллизионной привязки подчинить правоотношение *lex fori* или праву третьей страны.

⁷ Следует согласиться с В.А. Канашевским, указывающим, что «автономную квалификацию мы зачастую обнаруживаем в судебной практике и в тех случаях, когда судьи не акцентируют на этом внимание» [Канашевский 2021: 44]. В качестве примера учёный, в частности, приводит правовые позиции, включённые в п. 5 и 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений».

⁸ См. также п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

⁹ Те же положения, с техническими отличиями, имеются в ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

¹⁰ Ст. 157 Основ Гражданского Законодательства Союза ССР и республик 1991 г.

¹¹ Постановления Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 5 июня 2009 г. № А56-7568/2008 от 29 апреля 2010 г. № Ф07-1957/2010 по делу № А05-8318/2009.

Список литературы

Акимова Ю.М. Принципы коллизионного регулирования в международном частном праве // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 3 (33). С. 113–120.

Ахрамеева О.В. Этимологический анализ рецепции и иных форм заимствования и их соотношение (в свете реформы наследственного права) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70), № 3. С. 181–197.

Бирюкова Н.С. Правовая квалификация как объективная проблема правоприменения при разрешении споров с иностранными участниками // Российское правосудие. 2007. № 5 (13). С. 46–53.

Вольфсон В.Л. О модальности должного. *Ratio decidendi* Европейского суда по правам человека в российском праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2014. № 1. С. 18–32.

Вольфсон В.Л. Свобода договора как практическое руководство по его толкованию // Хозяйство и право. 2023а. № 2 (553). С. 39–55.

Вольфсон В.Л. Теория злоупотребления правом. Москва: Проспект, 2023. 160 с.

Вольфсон В.Л. Язык догмы: обход невозможен // Мир юридической науки. 2012. № 6. С. 8–19.

Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Установление содержания и применение иностранного права в законодательстве зарубежных государств // Государство и право. 2018. № 5. С. 76–86.

Глинщикова Т.В. Проблема квалификации в международном частном праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 221–223.

Канашевский В.А. Вопросы публичного порядка и квалификации при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал российского права. 2018. № 5 (257). С. 56–62.

Канашевский В.А. Проблема квалификации в международном частном праве // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 9. С. 33–46.

Лаврушкина А.А. Способы установления содержания иностранного права арбитражными судами Российской Федерации (на примерах судебной практики) // Международный студенческий научный вестник. 2019. № 1. С. 93.

Малюков С.Г., Кондрат Е.Н., Михайлов Н.Н., Щербачевский Г.З. Проблемы установления содержания иностранного права в теории МЧП // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2 (30). С. 93–95.

Солиев И.М. К вопросу о познавательной деятельности суда как способе установления содержания иностранного права // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2011. № 2 (46). С. 22–27.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / пер. А.М. Сухотина; под ред. Р.О. Шор. Москва: Юрайт, 2023. 303 с.

Endicott Timothy. Law and Language. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition), ed. by Edward N. Zalta. URL: <https://elck.ru/39HXRP> (дата обращения: 02.03.2024).

Rahmatian Andreas. Originality in UK Copyright Law: The Old “Skill and Labour” Doctrine Under Pressure. IIC - International Review of Intellectual Proper-

ty and Competition Law, 2013, vol. 44, pp. 4-34. <https://doi.org/10.1007/s40319-012-0003-4>.

References

- Akimova Iu.M. *Printsipy kollizionnogo regulirovaniia v mezhdunarodnom chastnom prave* [Principles of Conflict Regulation in the Private International Law]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika* [The Rule of Law State: Theory and Practice], 2013, No. 3 (33), pp. 113-120. (In Russ.)
- Ahrameeva O.V. *Jetimologicheskij analiz recepcii i inyh form zaimstvovaniia i ih sootnoshenie (v svete reformy nasledstvennogo prava)* [Etymological analysis of reception and other forms of borrowing and their relationship (in the light of reform of heritage)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki* [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Studies], 2018, vol. 4 (70), No. 3, pp. 181-197. (In Russ.)
- Birjukova N.S. *Pravovaja kvalifikacija kak ob'ektivnaja problema pravoprimerenija pri razreshenii sporov s inostrannymi uchastnikami* [Legal Qualification as a Problem of the Law Application in the Disputes with International Part]. *Rossiiskoe pravosudie* [Russian Justice System], 2007, No. 5 (13), pp. 46-53. (In Russ.)
- Get'man-Pavlova I.V., Kasatkina A.S. *Ustanovlenie sodержaniia i primenenie inostrannogo prava v zakonodatel'stve zarubezhnykh gosudarstv* [Establishment of the content and application of foreign law in the legislation of foreign states]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2018, No. 5, pp. 76-86. (In Russ.)
- Glinshhikova T.V. *Problema kvalifikacii v mezhdunarodnom chastnom prave* [Qualification problem in private international law]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, Social Economic and Social Sciences], 2014, No. 4, pp. 221-223. (In Russ.)
- Kanashevskij V.A. *Voprosy publichnogo porjadka i kvalifikacii pri regulirovanii semejnykh otnoshenij, oslozhnennykh inostrannym jelementom* [The Issues of Public Order and Characterization in Regulation of Family Relations Involving a Foreign Element], *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, No. 5 (257), pp. 56-62. (In Russ.)
- Kanashevskij V.A. *Problema kvalifikacii v mezhdunarodnom chastnom prave* [Problem of Characterization in Private International Law]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2021, vol. 25, No. 9, pp. 33-46. (In Russ.)
- Lavrushkina A.A. *Sposoby ustanovlenija sodержaniia inostrannogo prava arbitrazhnyimi sudami Rossijskoj Federacii (na primerah sudebnoj praktiki)* [Methods of setting the content of foreign law by arbitration courts of the Russian Federation (one examples of judicial practice)]. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik* [International Student Scientific Journal]. 2019, No. 1, p. 93. (In Russ.)
- Maliukov S.G., Kondrat E.N., Mikhailov N.N., Shcherbakovskii G.Z. *Problemy ustanovleniia sodержaniia inostrannogo prava v teorii MChP* [Problems of establishing the content of foreign law in the theory of private international law]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2006, No. 2 (30), pp. 93-95. (In Russ.)
- Soliev I.M. *K voprosu o poznavatel'noj dejatel'nosti suda kak sposobe ustanovlenija sodержaniia inostrannogo prava* [The matter of cognitive activity of court as the way of adjudication content of foreign law]. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki* [Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics], 2011, No. 2 (46), pp. 22-27 (In Russ.)
- Sossjur F. *Kurs obshhej lingvistiki* [The Course of General Linguistics], ed. by R.O. Shor, trans. by A.M. Suhotin. Moscow, Yurait Publ., 2023, 303 p. (In Russ.)
- Vol'fson V.L. *O modal'nosti dolzhnogo. Ratio decidendi Evropejskogo suda po pravam cheloveka v rossijskom prave* [The Modality of the Duty: Ratio Decidendi of the European Court of Human Rights in the Russia Legal System]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Vestniks of Saint Petersburg University. Law], 2014, No. 1, pp. 18-32. (In Russ.)
- Vol'fson V.L. *Svoboda dogovora kak prakticheskoe rukovodstvo po ego tolkovaniju* [Contractual Freedom as Practical Guidance on Its Interpretation]. *Hozjajstvo i pravo* [Economy and Law], 2023, No. 2 (553), pp. 39-55. (In Russ.)
- Vol'fson V. L. *Jazyk dogmy: obhod nevozmozhn* [Dogma Language: Evasion Impossible]. *Mir juridicheskoi nauki* [World of Legal Sciences], 2012, No. 6, pp. 8-19. (In Russ.)
- Vol'fson V.L. *Teoriia zloupotrebleniia pravom* [Abuse of Law as a Theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2023, 160 p. (In Russ.)
- Endicott Timothy Law and Language. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2022 Edition), ed. by Edward N. Zalta. URL: <https://clck.ru/39HXRP> (access date: 02.03.2024).
- Rahmatian Andreas Originality in UK Copyright Law: The Old “Skill and Labour” Doctrine Under Pressure. *IC - International Review of Intellectual Property and Competition Law*, 2013, vol. 44, pp. 4-34. <https://doi.org/10.1007/s40319-012-0003-4>. URL: <https://clck.ru/39LRuS> (access date: 08.03.2024).
- Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.*
- The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.*

ФЕНОМЕН НАСИЛИЯ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ МОРАЛИ И ПРАВА

Архипкин Игорь Валерьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, arhipk@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6284-5179>

Корнакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, Svetlana-kornakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6506-795X>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимоотношения морали и права, сходство и различие в их подходах к регулированию социальных отношений. Отмечается, что наиболее существенным отличием права от морали является опора на принуждение, без которого его реализация невозможна. В этой связи в качестве основного аспекта исследования выделяется феномен насилия как крайней степени проявления принуждения. Указываются основные признаки насилия – это совершаемое против воли лица действие, оцениваемое сугубо негативно. Рассматривается вопрос о том, может ли назначаемое по воле государства наказание, будучи безусловным принуждением, расцениваться как насилие. Отмечается, что, в отличие от моральных норм, в правовых нормах санкции явно выражены, поэтому заранее известно, какой ответной реакции государства следует ожидать в случае нарушения этих норм. Именно это предварительное знание и позволяет полагать, что человек, сознательно нарушивший определенный правовой запрет под угрозой наказания, тем самым выразил готовность претерпеть и последствия такого нарушения. Делается вывод, что назначение наказания не может и не должно расцениваться как собственно насилие, поскольку конвенционально предполагает согласие на его применение и, как следствие этого, исключает его негативную оценку. В заключение подчеркивается, что в немалой степени и потому, что право основано на принуждении, порой связано с применением насилия, общество предъявляет более высокие требования по соблюдению моральных норм именно к лицам, его применяющим.

Ключевые слова: мораль, право, регулирование социальных отношений, моральные и правовые ограничения, принуждение, насилие, наказание.

Для цитирования: Архипкин И.В., Корнакова С.В. Феномен насилия в контексте соотношения морали и права // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 222–227. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-222-227>

Research article

THE PHENOMENON OF VIOLENCE IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MORALITY AND LAW

Igor V. Arkhipkin, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, Irkutsk, Russia, arhipk@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6284-5179>

Svetlana V. Kornakova, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, Irkutsk, Russia, Svetlana-kornakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6506-795X>

Annotation. The article examines the problems of the relationship between morality and law, the similarities and differences in their approaches to regulating social relations. It is noted that the most significant difference between law and morality lies in its reliance on coercion without which, its implementation is impossible. In this regard, the phenomenon of violence as an extreme manifestation of coercion is highlighted as the main aspect of the study. The main signs of violence are indicated – this is an action committed against the will of a person, evaluated purely negatively. The question is being considered whether the punishment imposed by the will of the state, being unconditional coercion, can be regarded as violence. It is noted that, unlike moral norms, sanctions are clearly expressed in legal norms, so it is known in advance what kind of response the state should expect in case of violation of those norms. It is this prior knowledge that allows us to believe that a person who deliberately violated a certain legal prohibition under threat of punishment, thereby expressed its willingness to endure the consequences of such a violation. It is concluded that the imposition of punishment cannot and should not be regarded

as violence proper, since it conventionally presupposes consent to its use and, as a result, excludes its negative assessment. In conclusion, it is emphasised that, to a large extent, and since the law is based on coercion, occasionally associated with the use of violence, society places higher demands on the observance of moral norms precisely to those who apply it.

Keywords: morality, law, regulation of social relations, moral and legal restrictions, coercion, violence, punishment.

For citation: Arkhipkin I.V., Kornakova S.V. The phenomenon of violence in the context of the relationship between morality and law. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 222–227. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-222-227>

Вопрос о соотношении морали и права, неизменно остающийся актуальным в научном дискурсе, является таким же важным, как и вопрос о смысле существования права [Зарубина: 163–164]. Возникнув в связи с образованием общества (мораль) и государства (право), эти важнейшие регуляторы социальных отношений имеют единую направленность – гармонизацию и безопасность социальных отношений, а их универсальность проявляется в распространении как моральных, так и правовых норм на все общество, каждого его члена без исключений, во всех сферах его жизнедеятельности.

Мораль – это комплекс нематериальных ценностей, на базисе которого зиждется и само общество, и его устройство, иными словами, чем совершеннее общество, тем оно более нравственное. Но если исторически мораль – это существующие в общественном сознании первые стихийные правила человеческого общежития, то в праве наиболее важные для общества правила возведены в ранг законодательных норм посредством изменения формы их существования с идеальной на документальную – нормативные акты.

И моральные, и правовые нормы направлены на сохранение признаваемых в обществе ценностей: жизнь, здоровье, благополучие, благосостояние, безопасность. И мораль, и право – это всегда ограничения, но если моральные ограничения принимаются и исходят от самой личности с учетом ее свободной воли, то ограничения в праве устанавливаются властными государственными институтами и носят императивный характер, к сожалению, ущемляя свободу индивида [Минникес, Ягофарова: 20]. Между тем свобода, по Джону Локку, состоит в том, чтобы «не испытывать ограничения и насилия со стороны других, а свободно следовать своей воле» [Локк: 94].

Вместе с тем, как отражено в ратифицированных Россией международных документах, правовые ограничения «не должны применяться для иных целей, кроме тех, для которых они предусмотрены (ст. 18 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹), они должны устанавливаться «исключительно с целью... удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния» (ст. 29 Всеобщей декларации прав человека²). Поэтому если моралью запрещается любого рода ограничение и принуждение, то существование права без принуждения невозмож-

но. О праве и говорят, как о морали, наделенной способностью принуждения. В этом выражается основное различие морали и права.

В словаре В.И. Даля понятие «принуждение» раскрывается через такие характеристики, как «поневоле, заставлять, силовать», а понятие «принужденность» тождественно неволе [Даль: 529], поэтому основной и определяющей чертой принуждения (как и крайней степени его проявления – насилия) является его реализация против воли того, на кого оно направлено. Насилие же, кроме этого, с необходимостью предполагает еще один, уже аксиологический признак – сугубо негативную оценку.

Любая форма принуждения лишает человека свободы выбора поступка, следовательно, не может иметь морального обоснования, поскольку при отсутствии выбора о морали вообще речи быть не может. Но хорошо известно, что действие высокоэффективно только тогда, когда оно морально оправданно. Между тем некоторые авторы полагают возможным вести речь об эффективности насилия, которое, по их мнению, «зависит от его соответствия нравственным установкам общества» [Дмитриев, Залысин: 188]. Думается, что установки общества, заведомо предполагающие использование насилия, нравственными по определению быть не могут.

Насилие, как обоснованно отмечают некоторые авторы, может получить моральную санкцию лишь в случае наличия согласия на него того, на кого оно направлено, но в таком случае насилие перестанет быть насилием, поскольку утратит свой основной признак – как совершаемое против воли лица действие [Медведева, Воронкова: 141], поэтому насилие во благо – логическая несуразица.

Моральных аргументов в обоснование пользы, а тем более эффективности насилия как действия вопреки воле другого человека не существует. Тем не менее общество не может обойтись без насилия, а в политике «легитимация монополии на средства насилия в пределах территории (включая защиту государства) – характерная черта определения государства» [Jeri, Jeri: 454]. Поэтому проявление насилия – исключительная прерогатива государства, а оценка правомерности его применения возможна только с позиции меньшего зла как способа преодоления другого насилия. При этом «преодоление насилия становится сознательным усилием и целе-

направленной деятельностью» [Медведева, Воронкова: 142].

Таким образом, принуждение, выступая средством обеспечения правовых норм, без которого право стоящие перед ним задачи выполнить попросту не сможет [Егоров: 30], неизбежно предполагает ущемление свобод и интересов конкретной личности, что особенно явно проявляется в сфере действия уголовно-правовых норм [Босхолов: 290–291] – единственной отрасли юридической деятельности, результатом которой является, во-первых, признание человека преступником и, во-вторых, назначение ему наказания. При этом следует указать на существенно различное отношение морали и права к первому и кардинально различное – ко второму.

Так, в вопросе виновности лица различие проявляется в следующем. Если с точки зрения права признать виновным в совершении противоправного деяния и осудить за него может только суд от лица государства, то с позиции морали с момента появления у человека мысли совершить такое деяние морально он уже виновен [Пионтковский: 162]. Также морально человек, действительно совершивший запрещенное законом деяние, виновен и в случае, если его вину по тем или иным причинам не удалось доказать, и сам человек это прекрасно знает, хотя перед законом оказывается чист [Мальцев: 79]. Таким образом, в этом вопросе с позиции морали человек рассматривается глубже, чем с позиции закона, и в этом отношении вряд ли правомерно утверждение некоторых исследователей о том, что «мораль должна быть законной» [Антонченко: 11].

Что касается наказания, то, полагаем, представляет научный интерес вопрос о том, может ли назначаемое по воле государства наказание за совершенное преступление, будучи безусловным принуждением, расцениваться как насилие. В этом отношении подчеркнем, что вопрос о наказании в морали вообще не ставится, никакого, тем более заранее определенного, наказания в ней не существует. В моральных нормах нет фиксированных санкций, они лишь предполагаются, домысливаются (покарает Бог, осудят люди). В правовых же нормах, напротив, санкции явно выражены, поэтому каждый знает, какой ответной реакции государства следует ожидать в случае нарушения этих норм. Именно это предварительное знание и позволяет полагать, что человек, сознательно, то есть под полным контролем своей воли, нарушивший определенный правовой запрет под угрозой наказания, тем самым выразил готовность претерпеть и последствия такого нарушения. В связи с этим исходящая от государства в виде правовых запретов лишь угроза карательных мер становится реальной. Как отмечал А. Шопенгауэр, как каждый имеет право при предположении злого намерения со сто-

роны заранее прибегать к физическому сопротивлению с опасностью для посягателя, так и государство имеет право без несправедливости заранее противопоставить угрозу насилием даже только предполагаемому посягательству [Шопенгауэр: 217–218]. Поэтому, строго говоря, в государстве насилие существует по большей части в виде угрозы насилия. Каждый человек, будучи гражданином, а значит, используя терминологию А.А. Гусейнова, являясь «соучредителем законов» [Гусейнов, 20], дает согласие на применение к нему санкций нарушенных им правовых норм, согласие на предусмотренное этими нормами наказание. Исходя из этого, можно утверждать, что назначение наказания не может и не должно расцениваться как собственно насилие, поскольку конвенционально предполагает согласие на его применение, во-первых, и, как следствие этого, исключает его негативную оценку, во-вторых.

Наиболее крайние проявления принуждения в сфере применения права – это исключительные меры наказания, смертная казнь и пожизненное лишение свободы. Заметим, что относительно вопроса о том, применение какой из указанных мер более или менее жестоко, острые дискуссии ведутся довольно продолжительное время и пока не привели к однозначному на него ответу. Здесь согласимся с мнением некоторых представителей юридического сообщества, критически оценивающих затянувшуюся неопределенность российского государства в плане его отношения к смертной казни [Лавыгина: 99]. В любом случае обе из указанных мер наказания назначаются только за особо тяжкие преступления, за совершенное зло. А воздаяние злом за зло, по Аристотелю, соответствует природе человека, поэтому, ситуация, при которой такое воздаяние невозможно, следует расценивать как рабство, проявление несправедливости [Аристотель: 89]. Поэтому назначаемое по установленным законом процедурам наказание имеет целью не возмездие, а восстановление справедливости, предполагающей соразмерный ответ государства на совершенное преступление.

Таким образом, исходящее от государства легитимное насилие может стать морально санкционированным не как насилие, а лишь как форма его ограничения, что и служит оправданием его применения, ведь право, в отличие от морали, «имеет дело не с идеальным совершенством некоторых, а с реальной безопасностью всех».

Легитимное насилие при применении права, будучи проявлением охранительной функции и государства, и права, должно подразумеваться, по справедливому утверждению Ч. Феньвешеш, исключительно в положительном контексте, а единственными критериями его легитимности должны быть необходимость и соразмерность [Феньвешеш: 136–137].

В этом отношении в качестве примера, явно не соответствующего, на наш взгляд, критерию соразмерности, можно привести исключение из российского уголовного закона в 2017 году понятия «домашнее насилие» и перевод его в разряд административных правонарушений (ст. 6.1.1 КоАП). Частичная декриминализация проявлений домашнего насилия, побоев, причиняемых членам семьи, к сожалению, не привела к их сокращению. Так, по информации ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2018 г. зарегистрировано 2 696 (+54,8 %) таких преступлений, в 2019 г. – 3 750 (+39,1 %), 2020 г. – 4 272 (+13,9 %), 2021 году – 5 179 (+21,2 %), в 2022 – 7 295 (+40,9 %), в 2023 г. – 13 241 (+81,5 %), в январе 2024 г. зарегистрировано 1 224 (+11,1 %) преступления³. При этом чаще всего жертвами домашнего насилия являются женщины.

Думается, что проявление насилия в отношении близких людей, по отношению к которым по определению подразумевается любовь, внимание, забота и уважение, гораздо более безнравственно, чем проявление того же насилия к посторонним людям. Поэтому не только с моральной, но и с правовой точки зрения домашнее насилие, побои должны предполагать более строгие санкции. Между тем, по оценке скептически относящихся к декриминализации домашнего насилия ученых [Шатковская: 55; Музыченко: 161], Россия находится в списке стран с самыми слабыми мерами в решении данной проблемы.

Напротив, на международном уровне в отношении женщин предпринимаются повышенные меры их защиты от насилия, о чем свидетельствуют, например, такие документы, как Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1993 году⁴, Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием⁵ 2011 года и др.

В этой связи учеными подчеркивается, с одной стороны, важность предельной определенности правовых запретов, «максимально точного фиксирования грани между преступным и непроступным поведением» [Гребенкин: 36], а с другой – необходимость объективности отражения характера и степени значимости первых в строгости мер принуждения для восстановления справедливости как цели уголовного наказания [Егорова: 990]. Соразмерное наказание, в свою очередь, является «способом снижения угрозы насильственного поведения» [Сурков: 4].

Отметим, что право на принуждение в уголовно-правовой сфере, тем более на применение насилия, не произвольно, оно должно иметь в каждом конкретном случае строгое обоснование, при отсутствии которого сама допустимость насилия была бы невозможна. Право на насилие имеют люди, для которых

насилие – часть их профессиональной деятельности. При этом четко определяются условия и ситуации, в которых может быть применено насилие, люди, к которым оно может быть применено, способ его применения, целесообразность и т. д. В частности, основной задачей уголовного процесса, где многие процессуальные действия предполагают принуждение (раздел IV УПК РФ), по выражению В.А. Рязановского, является установление права государства на наказание. Путем установления вины и наказуемости отдельных нарушителей правопорядка достигается и цель – охрана самого правопорядка [Рязановский: 3].

В отличие от правовых, у моральных целей нет прагматичности, внешней детерминации. Следование нравственным принципам самоценно и состоит в том, чтобы следовать им (быть справедливым надо не зачем-то, а чтобы быть таковым). Причина моральных действий заключается в них самих, а единственное объяснение поступка – «Я не могу иначе». Поэтому человек, руководствующийся в своей жизни моральными нормами, как правило, не нарушает и правовых, а вопрос о том, на какие из этих норм следует в большей степени ориентироваться, является риторическим, поскольку, как уже отмечалось, исторически правовые нормы возникли на базе моральных норм и не должны им противоречить.

Вместе с тем позиция юриста, применяющего закон, должна базироваться на приоритетности норм права. Но это отнюдь не означает самодостаточности права. Если бы это было так, не было бы нужды вводить в тесты законов моральные категории. В частности, любые решения властных участников судопроизводства должны быть не только законными, но и справедливыми, то есть быть правильными и с правовой, и с моральной точек зрения. Для судьи критерием принятия итоговых решений должен являться не только закон, но и совесть, где последняя является не правовым, а моральным мотиватором выбора. В этом также проявляется неразрывная взаимосвязь морали и права.

В заключение отметим, что в определенной степени и потому, что право основано на принуждении, порой связано с применением насилия, общество предъявляет более высокие требования по соблюдению моральных норм именно к лицам, его применяющим. Свидетельством тому является не только преподавание в качестве обязательной (правда, только с 2011 года) дисциплины на юридических специальностях курса «Профессиональная этика», но и наличие для всех представителей юридических профессий кодексов профессиональной этики, несоблюдение положений которых чревато для них утратой соответствующего статуса. Для юриста служебная обязанность и моральный долг должны быть эквивалентными.

Примечания

¹ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Международные акты о правах человека: сб. документов / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. 2-е изд-е, доп. Москва: Норма: Норма–Инфра-М, 2002. С. 562–576.

² Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека: Документы и материалы. Москва: Международные отношения, 1989. С. 413–419.

³ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 22.03.2024).

⁴ Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года) // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 08.04.2024).

⁵ Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (CETS N 210) (заключена в г. Стамбуле 11 мая 2011 года) // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 08.04.2024).

Список литературы

Антонченко В.В. Взаимодействие права и морали в процессе их трансформации // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 1. С. 5–13.

Аристотель. Этика. Санкт-Петербург: Филос.-ово при Имп. С.-Петерб. ун-те, 1908. 207 с.

Босхолов С.С. В поисках баланса интересов личности, общества и государства в сфере обеспечения национальной безопасности // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 3. С. 288–292.

Гребенкин Ф.Б., Савюк Л.К. И.А. Ильин о насилии и различных формах принудительного воздействия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 30–47.

Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 19–27.

Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. Москва: Эксмо, 2006. 736 с.

Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социологический анализ. Москва: Росспэн, 2000. 324 с.

Егорова Т.И. Справедливость наказания: теоретический формат и правоприменительная практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 4. С. 984–1002.

Егоров В.С. Общее понятие правового принуждения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. № 8. С. 29–35.

Зарубина Е.В. О соотношении морали и права // Наука и современность. 2015. № 40. С. 163–167.

Лавыгина И.В. Иллюзорность отдельных конституционных положений в пенологии // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 1 (23). С. 97–103.

Локк Дж. О государственном правлении // Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2. Москва: Соцэкгиз, 1960. С. 81–201.

Мальцев Г.В. Понимание права: подходы и проблемы // Право и образование. 2002. № 3. С. 77–87.

Медведева М.А., Воронкова Н.В. Морально-правовые аспекты легитимации насилия // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1, № 4 (18). С. 137–145.

Минникес И.А., Ягофарова И.Д. Императивные ограничения в праве // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 1. С. 20.

Пионтковский А.А. Теория права и государства Канта // Философия Канта и современность. Москва: Мысль, 1974. С. 152–183.

Рязановский В.А. Единство процесса // Сб. тр. проф. и препод. Гос. Иркут. ун-та. Иркутск, 1920. С. 36–68.

Сурков А.А. Насилие как социальный феномен: особенности конституирования: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2014. 147 с.

Феньвеши Ч. Насилие в уголовном процессе (субъекты вторичной виктимизации) // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 136–137.

Шопенгауэр А. Об основе морали // Свобода воли и нравственность. Москва: Республика, 1992. С. 125–258.

Jeri D., Jeri J. Collins Dictionary Sociology. Harper Collins Publishers, 1995, P. 443.

References

Antonchenko V.V. *Vzaimodejstvie prava i morali v processe ih transformacii* [Interaction of law and morality in the process of their transformation]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* [Academic Law Journal], 2023, vol. 24, No. 1, pp. 5-13. (In Russ.)

Aristotle. *Etika* [Ethics]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 1908, 207 p. (In Russ.)

Bosholov S.S. *V poiskah balansa interesov lichnosti, obshchestva i gosudarstva v sfere obespecheniya nacional'noj bezopasnosti* [In search of a balance of interests of the individual, society and the state in the field of national security]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* [Academic Law Journal], 2023, vol. 24, No. 3, pp. 288-292. (In Russ.)

Dal V.I. *Tolkovyyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of the Russian language. Modern version]. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 736 p. (In Russ.)

Dmitriev A.V., Zalyzin I.Yu. *Nasilie: socio-politicheskij analiz* [Violence: socio-political analysis]. Moscow, Rosspen Publ., 2000, 324 p. (In Russ.)

Egorova T.I. *Spravedlivost' nakazaniya: teoreticheskij format i pravoprimenitel'naya praktika* [Fairness of punishment: theoretical format and law enforcement practice]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg University. Right], 2021, vol. 12, No. 4, pp. 984-1002.

Egorov V.S. *Obshchee ponyatie pravovogo prinuzhdeniya* [The general concept of legal coercion]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Perm University. Legal sciences], 2007, No. 8, pp. 29-35. (In Russ.)

Fen'veshi Ch. *Nasilie v ugovolnom processe (sub"ekty vtorichnoj viktimizacii)* [Violence in criminal proceedings (subjects of secondary victimization)]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2003, No. 2, pp. 136-137. (In Russ.)

Grebenkin F.B. *I.A. Il'in o nasilii i razlichnyh formah prinuditel'nogo vozdejstviya* [I.A. Ilyin about violence and various forms of coercive influence]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2017, No. 2, pp. 30-47. (In Russ.)

Huseynov A.A. *Vozmozhno li moral'noe obosnovanie nasiliya?* [Is there a moral justification for violence?]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2004, No. 3, pp. 19-27. (In Russ.)

Lavygina I.V. *Illyuzornost' otdel'nyh konstitucionnyh polozhenij v penologii* [The illusory nature of certain constitutional provisions in penology]. *Sibirskie ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian criminal Procedural and criminalistic readings], 2019, No. 1 (23), pp. 97-103. (In Russ.)

Locke J. *O gosudarstvennom pravlenii* [About the state government]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 2 t* [Selected philosophical works: in 2 vols.]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1960, vol. 2, pp. 81-201. (In Russ.)

Maltsev G.V. *Ponimanie prava: podhody i problemy* [Understanding law: approaches and problems].

Pravo i obrazovanie [Law and education], 2002, No. 3, pp. 77-87. (In Russ.)

Medvedeva M.A., Voronkova N.V. *Moral'no-nravstvennye aspekty legitimacii nasiliya* [Moral aspects of legitimization of violence]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2013, vol. 1, No. 4 (18), pp. 137-145. (In Russ.)

Minnikes I.A., Yagarova I.D. *Imperativnye ograničeniya v prave* [Strategic changes in nature]. *Baikalskaya nauka* [Baikal Scientific Journal], 2017, vol. 8, No. 1, p. 20. (In Russ.)

Piontkovsky A.A. *Teoriya prava i gosudarstva Kanta* [Kant's Theory of Law and the State]. *Filosofiya Kanta i sovremennost'* [Kant's Philosophy and modernity]. Moscow, Mysl Publ., 1974, pp. 152-183. (In Russ.)

Ryazanovskiy V.A. *Edinstvo processa* [Unity of the process]. *Sbornik trudov prof. i prep. Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta* [Collection of tr. prof. and the State teacher Irkut. University]. Irkutsk, 1920, pp. 36-68. (In Russ.)

Schopenhauer A. *Ob osnove morali* [On the basis of morality]. *Svoboda voli i npravstvennost'* [Freedom of will and morality]. Moscow, Republic Publ., 1992, pp. 125-258. (In Russ.)

Surkov A.A. *Nasilie kak social'nyj fenomen: osobennosti konstituirovaniya: special'nost'* [Violence as a social phenomenon: features of constitution]: dis. ... kand. filos. nauk. Moscow, 2015, 147 p. (In Russ.)

Zarubina E.V. *O sootnoshenii morali i prava* [On the relationship between morality and law]. *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity], 2015, No. 40, pp. 163-167. (In Russ.)

Jeri D., Jeri J. Collins Dictionary Sociology. Harper Collins Publishers, 1995, P. 443.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 09.04.2024.

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication 09.04.2024.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Крылова Дина Владимировна, доцент департамента международного права факультета права, заведующая проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики, НИУ «Высшая школа экономики»; магистрант, Университет «Синергия», Москва, Россия, krylovadv@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

Аннотация. В рамках исследования проанализированы причины недостаточной эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия – с углубленным анализом надзора за предварительным следствием по должностным преступлениям коррупционной направленности. Автором предложен комплексный подход к реализации мер по повышению эффективности прокурорского надзора, включающий масштабную цифровую трансформацию деятельности прокуратуры и правоохранительных органов и усиление работы по профилактике нарушений органов предварительного следствия. Представляется целесообразной экстраполяция на проведение прокурорского надзора новейшего опыта Счетной палаты РФ, внедрившей риск-ориентированный подход и оценку коррупционных рисков при проведении проверок в отношении объектов контроля (аудита). В рамках риск-ориентированного подхода автор предлагает ранжировать нарушения, выявленные в ходе прокурорского надзора, по четырем категориям риска. При оценке коррупционных рисков объектов прокурорского надзора предполагается формирование индикаторов коррупционных рисков. Использование данных индикаторов в совокупности с категориями риска позволит усилить контроль и автоматизировать мониторинг правоприменения в первую очередь в отношении тех следователей, которые имеют нарушения наивысших категорий риска. Анализ и оценка коррупционных рисков при прокурорском надзоре в отношении должностных преступлений коррупционной направленности послужит эффективным инструментом выявления нарушений со стороны органов предварительного следствия.

Ключевые слова: прокурорский надзор, цифровая трансформация, предварительное следствие, должностные преступления коррупционной направленности, риск-ориентированный подход, оценка коррупционных рисков, профилактика нарушений.

Для цитирования: Крылова Д.В. Повышение эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия в отношении должностных преступлений коррупционной направленности // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 228–235. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-228-235>

Research article

IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE ACTIVITIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES IN RELATION TO CORRUPTION-RELATED OFFICIAL CRIMES

Dina V. Krylova, Associate Professor of the Department of International Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, Moscow; Master's student, Moscow, Russia, krylovadv@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

Abstract. The study analyses the reasons for the insufficient effectiveness of prosecutorial supervision during the preliminary investigation - with an in-depth analysis of the supervision of the preliminary investigation of corruption-related official crimes. The author proposes a comprehensive approach to the implementation of measures to improve the effectiveness of prosecutorial supervision, a large-scale digital transformation of the activities of the prosecutor's office and law enforcement agencies and strengthening work on the prevention of violations of preliminary investigation bodies. It seems advisable to extrapolate on the prosecutor's supervision the latest experience of the Accounts Chamber of the Russian Federation, which has introduced a risk-based approach and assessment of corruption risks when conducting inspections of objects of control (audit). Within the framework of a risk-based approach, the author proposes to rank violations identified during prosecutorial supervision by four risk categories. The assessment of corruption risks of objects of prosecutor's supervision

involves the formation of indicators of corruption risks. Using these indicators, coupled with risk categories, it will be possible to strengthen control and automate the monitoring of law enforcement, primarily in relation to those investigators who have violations of the highest risk categories. The analysis and assessment of corruption risks during prosecutor's supervision of corruption-related official crimes will serve as an effective tool for detecting violations by the preliminary investigation bodies.

Keywords: prosecutor's supervision, digital transformation, preliminary investigation, corruption-related official crimes, risk-based approach, assessment of corruption risks, prevention of violations.

For citation: Krylova D.V. Improving the effectiveness of prosecutor's supervision over the activities of preliminary investigation bodies in relation to corruption-related official crimes. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 228–235 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-228-235>

Повышение эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия в отношении должностных преступлений коррупционной направленности является частью масштабной задачи по повышению эффективности прокурорского надзора в целом и предполагает, с одной стороны, анализ общих причин недостаточной эффективности прокурорского надзора и разработку мер по ее повышению. С другой стороны, необходим углубленный анализ причин недостаточной эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия, включая углубленный анализ надзора за предварительным следствием по должностным преступлениям коррупционной направленности с дальнейшей разработкой предложений по обеспечению устойчивых основ высокоэффективного прокурорского надзора в данной сфере.

В качестве методологической основы настоящего исследования использовались: общенаучные методы – метод комплексного подхода, системно-структурный анализ, метод экстраполяции; научно-специальные методы – анализ правовых актов, формально-юридический анализ, функциональный анализ.

Прокурорский надзор в Российской Федерации, как и любой вид надзорной деятельности государственного органа, направлен на предотвращение нарушений, создающих риски охраняемым законом ценностям: защите прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемым законом интересов общества и государства, согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации»¹.

Предметом прокурорского надзора, согласно статье 29 главы 1 данного закона, является соблюдение прав и свобод человека и гражданина и, в частности, установленного порядка проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими предварительное следствие, то есть надзор непосредственно направлен на минимизацию риска ограничения прав и свобод граждан и обеспечение законности и надлежащего качества предварительного следствия.

Причины недостаточной эффективности прокурорского надзора в большинстве аспектов подробно изучены широким кругом авторов, которые подразделяют данные причины на объективные и субъективные.

Так, к объективным причинам А.Ю. Чурикова и многие авторы относят недостатки действующего законодательства в целом и, прежде всего, сокращение полномочий прокурора в части надзора за деятельностью органов предварительного следствия с внесением изменений в УПК РФ² в 2007 году, что привело к значительному росту нарушений со стороны следователей [Чурикова: 128]. Например, согласно статистическому отчету Генеральной прокуратуры РФ³, прирост таких нарушений только в 2014 году по отношению к 2008 году составил 299,6 % [Кошель: 3].

Также к объективным причинам недостаточно эффективного прокурорского надзора, несомненно, относится большое количество уголовных дел в производстве органов расследования и непосредственно связанные с этим критерии оценки эффективности в уголовно-процессуальной деятельности так называемой «палочной системы».

К субъективным причинам И.А. Тутикова и другие авторы относят недостаточный уровень подготовки кадров, несоответствие невысокого уровня оплаты труда большим трудовым затратам наряду с высокой ответственностью перед обществом сотрудников правоохранительных органов в целом, недостаточный уровень профессионализма и правовой культуры [Тутикова: 150].

С.Б. Россинский и Е.В. Рябцева указывают, что следственные органы наделены подлинно юрисдикционными (судебно-следственными) полномочиями, изначально равными по юридической силе доказательствам, полученным в ходе судебного заседания. Однако принимаемые ими решения не являются результатом судебных процедур, обремененных условиями устности, гласности, состязательности [Россинский, Рябцева: 631]. При этом квалификационные требования, предъявляемые к лицам, претендующим на замещение должностей в органах предварительного расследования, достаточно шадящие: на должности следователей районных (приравненных) подразделений Следственного комитета РФ в настоящее время дозволено назначать студентов старших курсов юридических вузов⁴. Сравнительно невысокий уровень оплаты труда сотрудников органов предварительного расследования при широте предоставленных им дискреционных полномочий создают определенные риски для общества в части гарантий правосудия.

Усилия органов прокуратуры, направленные на профилактику нарушений следственными органами действующего законодательства, явно недостаточны. Федеральный закон «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁵ определяет органы прокуратуры и следственные органы в закрытом перечне субъектов профилактики нарушений, но декларативно, без какой-либо конкретизации, с чем соглашается большинство авторов. Например, А.Д. Щербаков, сравнивая данный закон с аналогичным Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»⁶, делает вывод, что «существенная качественная характеристика белорусских коллег заключается, во-первых, в четком определении круга субъектов профилактической деятельности, определении ответственного лица за координацию деятельности» именно в лице Генерального прокурора РБ и нижестоящих прокуроров, а во-вторых, в четком определении целей, задач, форм и направлений профилактики правонарушений» [Щербаков: 173].

Ряд авторов, в частности Т.В. Раскина, отмечают, что органами прокуратуры в субъектах Российской Федерации аналитическая работа по данному направлению, за редким исключением, практически не ведется [Раскина: 174]. Это может быть объяснено недостаточностью правового регулирования этого процесса в уголовно-процессуальном законодательстве.

Некоторые авторы считают целесообразным установление дополнительных квалификационных требований к должностям прокурорских работников, осуществляющих надзор за следствием, и к специальной профессиональной подготовке выпускников Университета прокуратуры Российской Федерации, институтов прокуратуры других образовательных организаций высшего образования, а также отмечают потребность внедрения в прокурорско-надзорную деятельность современных информационно-коммуникационных технологий [Попов: 15].

Одной из фундаментальных причин недостаточной эффективности прокурорского надзора является, с точки зрения автора исследования, крайне низкий уровень цифровизации деятельности прокуратуры при том, что уровень и качество государственного управления в России за последние годы существенно возросли во многом именно вследствие масштабной цифровой трансформации государственного управления⁷. По уровню цифровизации Российская Федерация по многим направлениям входит в число мировых лидеров (например, налоговый контроль, оказание госуслуг гражданам и организациям и др.).

Можно с сожалением констатировать, что на конец 2023 года процесс цифровой трансформации не затронул в должной степени организацию деятельности по исполнению государственных функций

такого ключевого органа государственной власти, как прокуратура, которая все еще по современным меркам находится, по мнению автора, на достаточно низком уровне по этому показателю.

Документооборот в значительной мере осуществляется в бумажном виде, что приводит к существенным временным и трудовым затратам сотрудников прокуратуры и не позволяет проводить анализ значительного массива данных, внедрять системные технологические решения, использовать современный опыт профилактики коррупционных рисков на основе нейро-сетевое программирования [Овчинников: 163]. С учетом объема полномочий и количества дел, рассматриваемых в ходе прокурорского надзора, такая дополнительная непроизводительная нагрузка не может не сказываться на эффективности работы как отдельных прокуроров, так и прокуратуры в целом. Низкий уровень цифровизации также обуславливает отсутствие должного уровня обеспечения прокуратур на местах инфраструктурной и материально-технической базой.

Есть основания полагать, что в связи с приказом Генпрокуратуры России «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года»⁸ ситуация с цифровой трансформацией существенно улучшится и приведет к повышению эффективности деятельности органов прокуратуры и совершенствованию подходов к осуществлению прокурорского надзора [Чурикова: 132].

Отдельного внимания заслуживает прокурорский надзор за деятельностью органов предварительного следствия по должностным преступлениям коррупционной направленности. Перечисленные в главе 30 Уголовного кодекса РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»⁹ преступные деяния не всегда носят именно коррупционный характер, это в большинстве случаев должно быть доказано – за исключением статей, связанных со взяточничеством. В перечне № 23 преступлений коррупционной направленности указания Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ¹⁰ определены критерии отнесения преступных деяний к коррупционным: это связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; обязательное наличие у субъекта корыстного мотива; совершение преступления только с прямым умыслом. Пленум Верховного суда РФ дал подробные разъяснения в своем постановлении «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹¹, однако не всегда в рамках досудебного расследования данные разъяснения учитываются следственными органами.

На процессы расследования влияют, например, широкое разнообразие коррупционных схем

и, как следствие, отсутствие процессуальных механизмов при квалификации деяний, значимость и авторитет организации или учреждения, в котором должностное лицо имеет определенное должностное положение, наличие у него подчиненных сотрудников [Илия: 12–16].

Авторы выделяют ряд проблем при расследовании противоправных деяний коррупционного характера: отсутствие у следователей необходимого уровня квалификации для установления корыстной заинтересованности при доказывании мотивов совершения служебных преступлений коррупционной направленности [Илия: 16; Решняк, Гладких: 758]. Также должна быть доказана осведомленность должностного лица о фиктивных основаниях принятого им решения, имело ли лицо «реальную возможность выполнить свои обязанности» [Васильева: 59]. Необходимо учитывать, входило ли принятие конкретного решения в функциональные обязанности лица, соблюдены ли установленные правила принятия изучаемого решения; проведены ли необходимые экспертизы, проверена ли подлинность документов, использованных для обоснования принятого решения; кем было принято решение и в чьих интересах [Русецкий: 104].

В данном случае уместно говорить о том, что прокуратура должна обращать внимание на качество предварительного расследования, которое заключается в анализе полноты и объективности исследования органами предварительного следствия обстоятельств дела [Исаенко: 173]. Поскольку термины «полнота» и «объективность» расследования являются оценочными категориями, то именно на данном этапе возможны коррупционные проявления [Романов: 2].

Именно сложность доказывания вышеперечисленных обстоятельств, а также высокая латентность коррупции чаще всего становятся причиной выявляемых при проведении прокурорских проверок многочисленных нарушений в деятельности органов предварительного следствия. В отношении работников прокуратуры также важно учитывать, что по уголовным делам о должностных преступлениях коррупционной направленности не только поддержание государственного обвинения должны осуществлять наиболее квалифицированные сотрудники,¹² о чем пишут некоторые исследователи, а также и прокурорский надзор по данной категории дел.

Применительно к прокурорскому надзору за деятельностью органов предварительного следствия важно учитывать, что одним из наиболее высоких рисков «для всестороннего и полного предварительного расследования является личная заинтересованность лиц, правомочных возбуждать уголовные дела, производить предварительное расследование...» [Росинский, Рябцева: 629–630].

Трудно доказать сам факт получения следователями материальных или иных выгод в собственных интересах или в интересах третьих лиц, в результате выявленные нарушения зачастую трактуются прокурорами как ошибки.

В некоторых случаях в ответах на жалобы в адрес прокуратуры на нарушения со стороны органов предварительного следствия прокуратура сообщает, что «приняты меры дисциплинарной ответственности» (без их конкретизации, открытая статистика по принятым мерам отсутствует).

Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов на координационном совещании, посвященном результатам работы правоохранительных органов по противодействию коррупции, в частности в рамках выполнения Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 гг.¹³, обсуждал вопрос актуальности внедрения риск-ориентированного подхода и оценки коррупционных рисков в сфере закупок (внедрение риск-ориентированного подхода при выявлении коррупционных преступлений при совершении закупочной деятельности)¹⁴. Внедрение в организацию проведения прокурорских проверок риск-ориентированного подхода позволит не только эффективно выявлять и пресекать нарушения, но и проводить на основании получаемых результатов профилактику нарушений со стороны органов предварительного следствия и дознания.

Риск-ориентированный подход широко применяется в контрольно-надзорной деятельности¹⁵. Данный подход предусматривает ранжирование нарушений по степени риска для охраняемых законом ценностей с усилением частоты и интенсивности контроля в отношении высоких групп риска и с дальнейшим автоматизированным мониторингом правоприменительной практики данных сотрудников на основе использования экспертно выработанных индикаторов риска. Применительно к прокурорскому надзору высокорисковыми являются нарушения со стороны органов предварительного следствия, создающие риски дальнейшего неправомерного ограничения прав и свобод человека и гражданина вследствие несоблюдения законности органами предварительного следствия.

В контексте риск-ориентированного подхода ранжирование нарушений по категориям риска автор предлагает осуществить в развитии триады J.G. Modesto, R. Pilati «неэтичное поведение – нечестное поведение – коррумпированное поведение». Общим элементом рассматриваемой триады является нарушение тех или иных норм и правил. Если неэтичное поведение связано с нарушением моральных норм какой-либо группы, то нечестное поведение, как правило, направлено на получение выгоды нарушающим правила лицом и потерями, убытками для какой-либо другой стороны [Modesto, Pilati: 1-3]. Коррупционное

же поведение, являясь разновидностью как неэтичного, так и нечестного поведения, представляет наибольший риск, поскольку осуществляется с использованием своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства.

На этом основании автор приходит к выводу, что при ранжировании нарушений со стороны органов предварительного следствия в рамках риск-ориентированного подхода целесообразно выделить четыре категории риска: 1) низкий уровень риска – небрежность (технические и иные неумышленные и неповторяющиеся ошибки и нарушения), 2) средний уровень риска – недобросовестность (небрежное отношение к должностным обязанностям), 3) высокий уровень риска – нечестность (умышленные нарушения норм без признаков коррупционной мотивации), 4) чрезвычайно высокий уровень риска – коррупционность (нарушения, совершаемые с признаками прямого умысла и коррупционной мотивации).

Еще одной системной мерой по профилактике нарушений коррупционной направленности и наиболее значимым инструментом профилактического направления прокурорского надзора, в том числе в отношении деятельности органов предварительного следствия, является проведение оценки коррупционных рисков. Это мнение разделяют и другие авторы [Чурикова: 637]. Для оперативного расследования и эффективного прокурорского надзора большое значение имеет изучение типичных коррупционных проявлений, и в случае инициирования Генеральной прокуратурой проведения оценки коррупционных рисков по составам, отнесенным к уголовным делам коррупционной направленности, целесообразно провести экспертно-аналитическую работу по анализу типичных коррупционных схем.

Проблема предупреждения коррупционных рисков, сопутствующих деятельности органов дознания, предварительного следствия является одним из наиболее острых вопросов, стоящих перед правовой системой Российской Федерации [Россинский, Рябцева: 629]. Авторы обращают внимание на явную недостаточность мер, предпринимаемых государством в этом направлении, сводящихся, как правило, к внесению изменений и дополнений в действующие законы и подзаконные нормативные правовые акты [Россинский, Рябцева: 635]. Принимаемые меры по повышению эффективности прокурорского надзора целесообразно сводить не только к изменению законодательства, но также к имплементации инструментов добросовестного правоприменения.

По мнению автора настоящего исследования, весьма ценным для прокуратуры является современный опыт Счетной палаты РФ, внедрившей риск-ориентированный подход при проведении контроля (аудита) и разработавшей Методические ре-

комендации по проведению оценки коррупционных рисков для обеспечения собственной деятельности по контролю (аудиту) в отношении объектов контроля (аудита). В них обозначены те приоритетные сферы, в которых будут сосредоточены усилия Счетной палаты при выявлении и оценке коррупционных рисков – это сферы формирования, управления и распоряжения средствами бюджета, государственной собственностью и иными ресурсами. Считается, что исполнение должностных обязанностей в этих сферах в наибольшей степени сопряжено с высокими коррупционными рисками¹⁶.

По мнению автора, важнейшие элементы риск-ориентированного подхода и оценки коррупционных рисков, реализуемых Счетной палатой именно в отношении объектов контроля (аудита), могут быть успешно экстраполированы на работу по осуществлению прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия, так как эти меры также будут ориентированы на выявление коррупционных рисков у объектов надзора. Это позволит не только выявлять уже совершенные нарушения, но и выстраивать систему профилактики правовых рисков у объекта надзора, предупреждая совершение правонарушений коррупционного характера. Очевидно, что выявляемые в ходе прокурорских проверок нарушения уголовно-процессуального законодательства логично предполагают необходимость в целях дальнейшей профилактики более интенсивного мониторинга деятельности тех следователей, в правоприменительной практике которых выявлялись нарушения высоких категорий риска. Сформированные индикаторы коррупционных рисков при проведении оценки коррупционных рисков могут эффективно использоваться в практической работе в рамках прокурорского надзора.

Таким образом, исходя из анализа причин недостаточной эффективности как прокурорского надзора в целом, так и прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного следствия, в частности по должностным преступлениям коррупционной направленности, автором предлагается комплекс взаимодополняющих мер по повышению эффективности в данной сфере, включающий несколько направлений.

В контексте риск-ориентированного подхода автором предлагается проводить ранжирование нарушений по категориям риска в развитии триады J.G. Modesto, R. Pilati «неэтичное поведение – нечестное поведение – коррумпированное поведение» с формированием четырех категорий риска, подробно рассмотренных выше: низкой, средней, высокой и чрезвычайно высокой.

В качестве системных мер повышения эффективности прокурорского надзора помимо внедрения риск-ориентированного подхода при проведении прокурор-

ских проверок с анализом выявляемых нарушений и последующим ранжированием рисков по вышеуказанным категориям по степени их опасности важнейшей мерой реализации профилактического подхода к осуществлению прокурорского надзора является разработка ведомственной методики оценки коррупционных рисков в отношении объектов надзора.

Одним из важных направлений комплекса мер по повышению эффективности прокурорского надзора является воспитание и подготовка кадров, обладающих глубокими познаниями, навыками в сфере выявления и предотвращения коррупции, а также соответствующий уровень правосознания и ответственности. В этой связи представляется важным организовывать постоянное повышение квалификации прокурорских работников по направлению противодействия коррупции.

Представляется, что только комплексный подход, сочетающий в себе как вопросы нормотворчества, современные инструменты надзора за правоприменением в виде риск-ориентированного подхода и оценки коррупционных рисков, образовательный аспект вкупе с приведением в соответствие трудовой нагрузки на работников следственных органов и прокуратуры с уровнем их заработной платы, а также широкое внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в деятельность прокуратуры и правоохранительных органов, может дать видимый эффект в минимизации рисков ненадлежащего расследования или совершения сотрудниками следственных органов должностных преступлений коррупционной направленности.

Примечания

¹ О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Российская газета. 1992. 18 февр.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 11.06.2007. № 24. Ст. 2830.

³ Статистические отчеты «О работе прокурора» по форме П за январь – декабрь 2003–2010 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Статистические отчеты «Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства» по форме НСиД за январь – декабрь 2011–2014 года. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 29.09.2023).

⁴ О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ, ч. 2 ст. 16 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения: 29.09.2023).

⁵ Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.

⁶ Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З: зарег. в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь 11 января 2014 г. № 2/2120. URL: <https://lenadmin.gov.by/images/10-06-2020-10.pdf> (дата обращения: 29.09.2023).

⁷ О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами: постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 // Собрание законодательства РФ. 19.10.2020. № 42 (часть III). Ст. 6612.

⁸ Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года: приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 // Законность. 2017. № 12.

⁹ Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Гл. 30. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/626d65a0e69702601de8926431bf4d60be7c37c4/ (дата обращения: 25.10.2023).

¹⁰ Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности, введенного Указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 401/11 и Министерства внутренних дел Российской Федерации № 2 от 19.06.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451498/ (дата обращения: 25.10.2023)

¹¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 29.09.2023).

¹² Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции: приказ Генпрокуратуры России от 10.10.2022 № 581 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428738/ (дата обращения: 29.09.2023).

¹³ О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: Указ Президента Рос-

сийской Федерации от 29.06.2018г. № 378 // Предидент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43253> (дата обращения: 26.10.2023).

¹⁴ Под председательством Игоря Краснова состоялось координационное совещание, на котором обсуждены итоги выполнения Национального плана противодействия коррупции 2018–2020 [Новости] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. 9 дек. 2020. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=56667277> (дата обращения: 23.11.2023).

¹⁵ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5007.

¹⁶ Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей: Указ Президента РФ от 18.05.2009 № 557 // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29289> (дата обращения: 29.09.2023).

Список литературы

Васильева Я.Ю. Некоторые проблемы квалификации халатности и легализации преступных доходов по уголовному законодательству России // Сибирский юридический вестник. 2015. № 3. С. 55–60.

Илий С.К. Борьба с коррупционными правонарушениями в сфере использования государственного имущества и государственных закупок средствами прокурорского надзора: учеб. пособие / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. Москва, 2014. 120 с.

Исаенко В.Н. Оценка прокурором всесторонности, полноты и объективности результатов предварительного расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-prokurorom-vsestoronnosti-polnoty-i-obektivnosti-rezultatov-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 28.10.2023).

Кошель П.А. Прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью следственных подразделений органов внутренних дел: магистерская диссертация. Томск, 2018. 102 с. URL: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2018/07/Кошель-Петр-Андреевич.pdf> (дата обращения: 13.09.2023).

Попов А.А. Организация прокурорского надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 216 с. URL: <https://rgup.ru/img/images/DISSOVET/ПоповАА.pdf> (дата обращения: 28.12.2023).

Раскина Т.В. Теоретические аспекты аналитической деятельности прокуроров по профилактике преступности и правонарушаемости // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 170–178. <https://doi.org/10.17150/1996-7756>.

Решняк М.Г., Гладких В.И. Преступления коррупционной направленности: актуальные проблемы дифференциации уголовной ответственности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 6. С. 756–765.

Романов С.В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2008. № 1. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/trebovanie-vsestoronnosti-polnoty-i-obektivnosti-issledovaniya-obstoyatelstv-dela-kak-neobhodimoe-uslovie-predvaritelnogo](https://cyberleninka.ru/article/n/trebovanie-vsestoronnosti-polnoty-i-obektivnosti-issledovaniya-obstoyatelstv-dela-kak-neobhodimoe-uslovie-predvaritelnogo-rassledovaniya) (дата обращения: 28.12.2023).

Россинский С.Б., Рябцева Е.В. Предупреждение коррупционных рисков в уголовном судопроизводстве. EDN HOZUTV // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 5. С. 629–637. <https://doi.org/10.17150/2500-4255>

Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции: сб. метод. рекомендаций / под общ. ред. А.Е. Русецкого. Москва, 2017. 237 с.

Тутикова И.А. Жалобы участников уголовного судопроизводства как результат следственных ошибок на стадии предварительного расследования // Вестник Удмуртского ун-та. Сер.: Экономика и право. 2015. Т. 25, № 4. С. 150–153.

Чурикова А.Ю. Модель деятельности прокурора, ориентированная на профилактику нарушений уголовно-процессуального законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 128–134. <https://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10109>.

Щербаков Ф.Д. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182 – ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ»: критическая заметка // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 11. С. 170–175.

Modesto J.G., Pilati R. «Why are the Corrupt, Corrupt?»: The multilevel analytical model of corruption. The Spanish journal of psychology, 2020, vol. 23, <https://doi.org/10.1017/SJP.2020.5>

References

Churikova A.Iu. *Model' deiatel'nosti prokurora, orientirovannaia na profilaktiku narusheni i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva* [A model of the prosecutor's activity focused on the prevention of violations of criminal procedure legislation]. *Vestnik Saratovsko*

gosudarstvennoi I uridicheskoi akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2020, No. 4 (135), pp. 128-134. (In Russ.)

Ilii S.K. *Bor'ba s korruptsionnymi pravonarusheniiami v sfere ispol'zovaniia gosudarstvennogo imushchestva I gosudarstvennykh zakupok sredstvami prokurorskogo nadzora: posobie* [The fight against corruption offenses in the field of the use of state property and public procurement by means of prosecutorial supervision]. *Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii*. [Academic General of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. Moscow, 2014, 120 p. (In Russ.)

Isaenko V.N. *Otsenka prokurorom vsestoronnosti, polnoty ob"ektivnosti rezul'tatov predvaritel'nogo rassledovaniia* [Assessment by the prosecutor of the comprehensiveness, completeness and objectivity of the results of the preliminary investigation]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2013, No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-prokurorom-vsestoronnosti-polnoty-i-obektivnosti-rezultatov-predvaritel'nogo-rassledovaniia> (access date: 10.28.2023). (In Russ.)

Koshel' P.A. *Prokurorskii nadzor za ugovolno-protsessual'noi deiatel'nost'iu sledstvennykh podrazdelenii organov vnutrennikh del* [Prosecutorial supervision of the criminal procedural activities of the investigative units of the internal affairs bodies]. *Magisterskaia dissertatsiia* [Master's thesis]. Tomsk, 2018, 102 p. URL: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2018/07/Кошель-Петр-Андреевич.pdf> (access date: 09.13.2023). (In Russ.)

Popov A.A. *Organizatsiia prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov pri proizvodstve predvaritel'nogo sledstviia: dissertatsiia* [Organization of prosecutorial supervision over the execution of laws during the preliminary investigation: the dissertation], 2020, 216 p. URL: <https://rgup.ru/img/images/DISSOVET/PopovAA/Avtoreferat%20Popov%20A.A.pdf> (access date: 12.28.2023). (In Russ.)

Raskina T.V. *Teoreticheskie aspekty analiticheskoi deiatel'nosti prokurorov po profilaktike prestupnosti i pravonarushaemosti* [Theoretical aspects of analytical activities for the prevention of drug addiction and drug addiction]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki I prava* [Criminological Journal of Baikal State University], 2016, vol. 10, No. 1, pp. 170-178. (In Russ.)

Reshniak M.G., Gladkikh V.I. *Prestupleniia korruptsionnoi napravlenosti: aktual'nye problemy differentsiatsii ugovolnoi otvetstvennosti* [Crimes of corruption orientation: actual problems of differentiation of criminal responsibility]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Journal of Criminology], 2021, vol. 15, No. 6, pp. 756-765. (In Russ.)

Romanov S.V. *Trebovanie vsestoronnosti, polnoty I ob"ektivnosti issledovaniia obstoitel'stv dela kak neob-*

khodimoe uslovie predvaritel'nogo rassledovaniia [The requirement of comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of the circumstances of the case as a necessary condition for a preliminary investigation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 11: Right], 2008, No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trebovanie-vsestoronnosti-polnoty-i-obektivnosti-issledovaniia-obstoitelstv-dela-kak-neobkhodimoe-uslovie-predvaritel'nogo>. (In Russ.)

Rossinskii S.B., Ribtseva E.V. *Preduprezhdenie korruptsionnykh riskov v ugovolnom sudoproizvodstve* [Leadership of group studies in coal legal proceedings]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2022, vol. 16, No. 5, pp. 629-637. (In Russ.)

Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva o protivodeistvii korruptsii: sbornik metodicheskikh rekomendatsii [Prosecutor's supervision over the implementation of anti-corruption legislation: a collection of methodological recommendations]. *General'naiia prokuratura Rossiiskoi Federatsii* [Prosecutor General's Office of the Russian Federation Moscow], 2017, 237 p. (In Russ.)

Tutikova I.A. *Zhaloby uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva kakrezul'tatsledstvennykhshiboknastadi i predvaritel'nogo rassledovaniia* [Complaints of participants in criminal proceedings as a result of investigative errors at the stage of preliminary investigation]. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Ser.: Ekonomika i pravo* [Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series], 2015, vol. 25, No. 4, pp. 150-153. (In Russ.)

Shcherbakov F.D. *Federal'nyi zakon ot 23 iyunia 2016 g. № 182 – FZ «Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarushenii v RF»: kriticheskaiia zametka* [On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation: a critical note]. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy* [Socio-economic phenomena and Processes], 2016, vol. 11, No. 11, pp. 170-175. (In Russ.)

Vasil'eva Ja.Ju. *Nekotorye problem kvalifikatsii halatnosti i legalizatsii prestupnykh dohodov po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii* [Some problems of qualification of negligence and legalization of criminal proceeds under the criminal legislation of Russia]. *Sibirskij iuridicheskij vestnik* [Siberian Legal Bulletin: electronic resource], 2015, No. 3, pp. 55-60. (In Russ.)

Modesto J.G., Pilati R. «Why are the Corrupt, Corrupt?»: The multilevel analytical model of corruption. *The Spanish journal of psychology*, 2020, vol. 23. <https://doi.org/10.1017/SJP.2020.5>

Статья поступила в редакцию 26.11.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 26.11.2023; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 236–242. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 236–242. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

УДК 347.97

EDN XPRZAS

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-236-242>

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СТАТИСТИКИ КАК НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Широкова Полина Витальевна, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия, Санкт-Петербург, shirokov4444@mail.ru

Аннотация. Автор статьи акцентирует внимание на сфере уголовно-правовой статистики как направлении прокурорской деятельности, активно развивающемся в последние годы. На современном этапе уголовно-правовая статистика, вобравшая в себя достижения многих наук, представляет собой разветвленную систему возможностей, широко используемых для повышения эффективности правоприменительной деятельности прокуратуры. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с этапизацией формирования уголовно-правовой статистики как направления прокурорской деятельности, что, по мнению автора статьи, необходимо для анализа и оценки результатов такой деятельности.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорская деятельность, уголовно-правовая статистика, этапы.

Для цитирования: Широкова П.В. Основные этапы формирования уголовно-правовой статистики как направления деятельности прокуратуры // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 236–242. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-236-242>

Research Article

THE MAIN STAGES OF THE FORMATION OF CRIMINAL STATISTICS AS AN AREA OF ACTIVITY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Polina V. Shirokova, Senior Lecturer of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the Federal State Establishment of Higher Education “University of prosecutor’s office of the Russian Federation”, Saint Petersburg, Russia, shirokov4444@mail.ru

Abstract. The author of the article focuses on the field of criminal law statistics as an area of prosecutorial activity that has been actively developing in recent years. At the present stage, criminal statistics, which has incorporated the achievements of many sciences, represents an extensive system of capabilities that are widely used to increase the efficiency of law enforcement activities of the prosecutor’s office. The article is devoted to the consideration of issues related to the stage-by-stage formation of criminal law statistics as an area of prosecutorial activity, which, in the opinion of the author of the article, is necessary for the analysis and assessment of the results of such activities.

Keywords: prosecutor’s office, prosecutorial activity, criminal law statistics, stages.

For citation: Shirokova P.V. The main stages of the formation of criminal statistics as an area of activity of the prosecutor’s office. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 236–242 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-236-242>

Содержание направлений деятельности прокуратуры как в сфере надзорных, так и ненадзорных полномочий всегда имело тенденцию к расширению. Одним из таких ненадзорных направлений, активно развивающихся в последние годы, является государственный единый статистический учет данных, входящих в сферу уголовно-правовой статистики.

Результативного выполнения прокурором полномочий, возложенных на него законодателем, невозможно достигнуть без проведения качественной аналитической работы, которая в свою очередь в значительной степени основывается на показателях статистической отчетности, позволяющей учитывать как положительный опыт, так и выявленные ошибки прокурорской практики, а также их причины и предпосылки. Представить деятельность органов прокуратуры без учета таких данных сегодня крайне затруднительно.

В этой связи заслуживает внимания обращение к истории уголовно-правовой статистики и процессу передачи полномочий по ведению государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состояния преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы органам прокуратуры.

Возникновение статистики как социального явления относится к периоду Средневековья, когда при помощи чисел делались первые шаги к статистическим наблюдениям, заключавшимся в попытках учета имущества, переписи населения в целях систематизации значимых окружающих событий. В обществе появилось новое знание, которое быстрыми темпами доказало не только свой теоретический интерес, но и практическую значимость.

Постепенно статистика распространилась практически на все сферы жизни общества, дифференцируясь в зависимости от этого на соответствующие отрасли. Отдельную категорию в массиве статистической информации занимали данные, касающиеся сферы права, дающие возможность описать, систематизировать, прогнозировать вопросы преступности и различных негативных явлений в обществе.

Представляется весьма важным рассмотреть процесс становления уголовно-правовой статистики в деятельности российской прокуратуры в исторической ретроспекции, поскольку это поможет отследить процесс внедрения новых инновационных возможностей в работу прокурора, оценить результаты их применения, сформировать представление об их целесообразности и полезности, выделив не только успешные достижения, но и ошибки, допущенные в процессе имплантации новых возможностей.

В качестве критериев выделения таких этапов предлагаем использовать степень внедрения в прокурорскую сферу статистического знания и исполь-

зование его возможностей в практической деятельности прокурора.

Глобально рассматриваемый процесс становления ведомственной статистики можно разделить на два основных этапа: дореволюционный и постреволюционный.

На первоначальном этапе статистика внедрялась в государственную сферу как новая учебная дисциплина, зародившаяся в Германии в XVII веке и преподаваемая в университетах для юристов. Ее основоположником принято считать Г. Конринга, начавшего изучение и внедрение в учебный процесс описаний государственных «достопримечательностей» в географической, этнографической, экономической и других сферах общественной жизни. Постепенно влияние новой учебной дисциплины распространилось и за пределы Германии, сформировав круг последователей в России, среди которых одним из первых следует назвать А.Л. Шлецера. Именно ему принадлежит актуальное и сегодня утверждение о том, что необходимы теоретические начала и методы статистического наблюдения и сбора сведений, разрабатываемые учеными, а непосредственная работа в этом направлении деятельности должна принадлежать специализированным государственным органам [Святловский: 170].

А.Н. Радищев в своем труде «О законоположении» указывает на исключительную важность правовой статистики и предлагает новаторские идеи по использованию возможностей правовой статистики, в том числе статистических закономерностей, в нормотворчестве, поскольку законодателю необходим правдивый и полноценный статистический материал, на основании которого можно почерпнуть мысли для будущего законоположения. Он писал, что «имея перед собой судопроисшествия разных годов и разных областей обширной России, ясно видно будет: какие побуждения к содеянному преступлению или начатой тяжбе... Видя источники тяжбы и преступления... тому и другому найти иногда возможно будет преграду» [Радищев: 46].

Государственные реформы Александра I послужили предпосылкой зарождения в России правовой статистики. Это связано с учреждением в 1802 году Министерства юстиции и Министерства внутренних дел, ставших первыми государственными органами, наряду с Министерством государственных имуществ, которые в соответствии с требованиями действующего законодательства занимались статистическим наблюдением на государственном уровне и вели письменную статистическую отчетность. С этого времени институт прокуратуры вошел в состав Министерства юстиции, должности министра юстиции и Генерал-прокурора замещал один человек, что позволяет, по нашему мнению, вести отчет

правовой статистики в сфере прокурорской деятельности именно с этого времени.

Существенный вклад в развитие статистических исследований в России внес К.Ф. Герман. Выступив 17 декабря 1823 года на заседании Российской академии наук с «Изысканием о числе самоубийств и убийств в России за 1819 и 1820 гг.», он фактически стал первым, кто провел статистическое изучение в сфере моральной статистики [Оноколов: 78]. Герман также считал, что для практической ценности возможностей статистики необходима научная теоретическая основа такой деятельности [Герман: 25].

Однако на первоначальном этапе статистика, в том числе и уголовно-правовая, имела описательную направленность, игнорируя возможности выявления закономерностей наблюдаемых явлений и проведения анализа полученных результатов.

Статистическое наблюдение в начальный период сводилось к ежемесячным отчетам губернаторов, оформленных в ведомости «Особых происшествий», на основании которых каждый год подводились итоги всей империи.

Проблема разобщенности и отсутствия координации в деле статистического изучения России в начале 1840-х гг. становилась все более очевидной [Скрыдлов: 369]. Первые шаги к анализу статистических данных были предприняты К.И. Арсеньевым (1789–1865), преподававшим статистику сыну Николая I и руководившим Статистическим отделением МВД. Именно он предлагал основополагающий механизм статистических исследований, который заключался не только в описании, но в последующем выявлении закономерностей явлений и выдвигении предполагаемых прогнозов развития тех или иных явлений.

Такой подход не мог остаться невостребованным. Губернаторы направляли ведомости, имевшие несколько приложений и пояснений к ним в Министерство внутренних дел, имевшее в своей структуре статистическое управление, впоследствии, в 1852 году, реорганизованное в статистический комитет, а в 1857 году – в Центральный статистический комитет. Среди показателей, имевших существенное значение, учитывались количество преступлений («случаев») и лиц, совершивших преступление, их сословие, пол. Однако основную массу показателей составляли все же данные неправового характера.

Министерство юстиции, наоборот, выступало государственным органом, ключевыми показателями которого были аккумулированные данные о преступности. Судебные отчеты направлялись в Министерство юстиции, которые хаотично хранились в архиве, не выполняя в полном объеме той роли, которая им отводилась. Для обеспечения систематизации данных в соответствии с определенными критериями

в 1830 году в Министерстве юстиции были введены «перечневые таблицы».

Однако и такой порядок не позволял добиться высокой степени достоверности статистических показателей из-за дублирования показателей несколькими судебными инстанциями, снижая их информативность. Для борьбы с указанными недостатками «для надзора и наблюдения» отчеты о ходе предварительного расследования начиная с 1860 года было решено предоставлять по итогам каждого двух месяцев и года губернскому прокурору, который в свою очередь направлял их в Министерство юстиции, где было создано профильное подразделение статистики (1872).

В таком состоянии статистическое наблюдение велось вплоть до судебной реформы 1864 года, коренным образом изменившей не только судебную систему, но и сферу правовой статистики в стране.

При этом отсутствовала четкая законодательная регламентация статистической деятельности, базовые принципы статистики в уголовно-правовой сфере находились в процессе институционализации.

В ходе эволюции форм и методов сбора и фиксации статистических показателей система статистического наблюдения начала приобретать более стройный вид, отвечающий постоянно внедряющимся в процесс статистического наблюдения прокурорским принципам достоверности, полноты и объективности. Важное влияние на формирование статистики оказал судебный устав «Учреждение судебных установлений» от 20 ноября 1864 года, содержащий в своей структуре самостоятельную часть об отчетах, которая определила новый правовой порядок в сфере статистики, возложив на генерал-прокурора надзор за всеми ведомствами в государстве, а достоверная организация судебной статистики при этом выступала как одна из важных форм надзора [Правовая статистика: 27]. Важно отметить, что отчетность с этого времени не сводилась исключительно к сбору и накоплению информации, от прокурора требовалось предоставить анализ накопленной информации.

Другим ключевым изменением послужило введение отчетности судебных мест по каждому отдельному делу взамен ежегодных статистических отчетов. Таким образом, был сформирован первичный учет данных правовой статистики по индивидуальной форме (купону) для каждого дела и каждого преступления, осуществляемый судьями и следователями, заполнявшими карточки, что позволяло более полно и достоверно составлять статистические отчеты и получать необходимую оперативную статистическую информацию.

Такая система отчетности в России (1872–1909) получила название «купонная». Ее суть заключалась в том, что с уголовным делом велась «ведомость о производстве дела», состоящая из 12 «купонов»

по каждой стадии уголовного процесса. Впоследствии ведомости поступали в Министерство юстиции для отчетности, за достоверность и своевременность таких данных указанные процессуальные лица несли уголовную ответственность. Таким образом, созданная в конце XIX века система отчетности по уголовным делам была прообразом современного учета сведений о расследовании уголовных дел.

Купонная система позволила в определенной степени исключить повторный учет статистических показателей, поскольку учет велся только после завершения рассмотрения дела на всех стадиях. Такой подход послужил началом зарождения в России единого учета преступлений.

Помимо этого с июня 1870 года введены справки о судимости, благодаря которым усовершенствован механизм учета рецидивной преступности. При этом учет был в достаточной степени подробным, отражая такие показатели, как суд, постановивший приговор, личные данные подсудимого (ФИО, возраст, место рождения и проживания, занятие и ремесло), преступное деяние и назначенное наказание.

С 1872 года в качестве документа первичного учета суды начали ведение статистических листов о личности подсудимого, пришедших на смену справок о судимости.

Очередной ступенью в закономерном развитии уголовно-правовой статистики стала ежегодная (с 1874 года) публикация собранных данных о преступности в «Сводах статистических сведений по делам уголовным». Указанный отчет имел 3 части, каждая из которых состояла из таблиц, в зависимости от стадии расследования дела или рассмотрения его по существу, что позволяло не только анализировать показатели преступности, но по своей сути служило формой ведомственной статистики, характеризующей деятельность органов расследования, прокуратуры и суда, позволявшей выявлять типичные ошибки и нарушения в деятельности указанных органов и вырабатывать меры профилактики и борьбы с ними.

Однако, несмотря на столь существенные изменения, добиться истинного отражения статистических показателей оказалось все еще невозможно, что было связано с учетом только тех дел, по результатам рассмотрения которых виновным назначалось наказание в виде лишения свободы либо более строгое (неполнота эмпирической базы). Кроме этого, некоторые категории дел вообще не подлежали учету в государственной статистике (деятельность военных судов, политические и государственные преступления).

Такая система отчетности функционировала вплоть до 1909 года, пока не была реорганизована в связи с отменой купонов.

Политические события в России начала XX века, Октябрьская революция 1917 года коренным обра-

зом изменили уклад жизни страны, началось утверждение новой власти Советов. С этого времени начинается новый этап становления статистики, в том числе уголовно-правовой, который условно назовем «советский».

В 1918 году учреждено Центральное статистическое управление (далее – ЦСУ), которое долгое время находилось в ведении Госплана, что существенно тормозило развитие статистики, поскольку показатели в первую очередь должны были быть оперативными, а не достоверными.

В целях выстраивания дальнейшей периодичности процесса становления уголовно-правовой статистики необходимо отметить принятое в 1933 году «Положение о Прокуратуре Союза ССР», определившее принадлежность учета различных статистических направлений в системе государственных органов. Так, учет статистики преступности определен Главному управлению милиции СССР и Прокуратуре СССР, статистика исправительно-трудовых учреждений – Народному комиссариату юстиции СССР; статистика правонарушений несовершеннолетних – Народному комиссариату просвещения СССР [Дедкова: 25]. При этом в стране учет административных правонарушений не систематизирован, единого органа, осуществляющего статистический учет, нет, что в совокупности вновь препятствует формированию объективной, полной и достоверной картины состояния преступности.

На внедрение статистики в прокурорскую сферу значительное влияние оказал приказ прокурора СССР от 25 февраля 1935 года об организации в прокуратуре СССР информационно-статистической части. Для осуществления работы в сфере статистического наблюдения во исполнение указанного выше приказа был принят приказ прокурора СССР от 25 апреля 1935 года «О системе учета, статистики и информации в органах прокуратуры», учредивший в этих целях введение новых штатных единиц в структуре прокуратуры и положивший начало ведению документов первичного учета данных (статистических карточек).

Стоит отметить, что и столь серьезные изменения в правовом статусе прокуратуры не наделяли ведомство полной компетенцией в сфере уголовно-правовой статистики, поскольку статистический учет данных о состоянии преступности, о результатах следственной работы и дознания все еще находились в компетенции органов расследования преступлений.

Создавшееся положение привело к пониманию необходимости изменения сложившейся ситуации. Первым шагом стало введение единых форм отчетности о состоянии преступности и борьбы с ней. Обобщение и анализ единой базы показателей осуществлялся прокуратурой.

В 1960 году Прокуратурой СССР предпринимаются попытки разработать единообразные правила учета преступлений, используемые в обязательном порядке и органами внутренних дел, и прокуратурой для обеспечения единого подхода к учету преступлений, для чего общими усилиями ЦСУ, прокуратуры и суда были разработаны и утверждены единые формы учета и статистической отчетности, отражающие данные о состоянии преступности, судимости, работе правоохранительных органов.

Позднее, в 1965 году, принята и утверждена Прокуратурой СССР первая «Инструкция о едином (первичном) учете преступлений», регламентирующая ведение органами расследования документов первичного учета: карточек на выявленные преступления; карточек на лиц, совершивших преступления; специального талона о движении уголовного дела и результатах расследования.

При этом статистические данные о следствии и дознании учитывались раздельно по следствию органов прокуратуры, органов охраны общественного порядка и органов милиции, выделялась и ведомственная отчетность о работе прокурора. Военная прокуратура вела собственный учет в рамках своей компетенции.

В 90-х годах XX века, с прекращением существования СССР и созданием Российской Федерации, все статистические данные вновь аккумулируются в Госкомстате.

Переломным моментом в деятельности прокуратуры стало принятие ведомственного федерального закона в 1992 году, 51 статья которого называлась «статистическая отчетность». Согласно этой статье Генеральная прокуратура Российской Федерации совместно с заинтересованными федеральными министерствами и ведомствами разрабатывает систему и методику единого учета и статистической отчетности о состоянии преступности, раскрываемости преступлений, следственной работе и прокурорском надзоре, а также устанавливает единый порядок формирования и представления отчетности в органах прокуратуры.

Значительное внимание с этого времени уделяется аналитической работе, ядром которой служит анализ собственной прокурорской деятельности, основанный на результатах ведомственной статистики, которая с 1992 года и вплоть до 2007 года включала отчет по форме П «Отчет о работе прокурора» и по форме ОРД «Надзор за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».

В 2005 году совместным приказом Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» в целях обеспечения функциониро-

вания государственной системы учета преступлений, единообразия и полноты отражения в формах государственного статистического наблюдения сведений о состоянии преступности, а также реализации единых принципов государственной регистрации и учета преступлений регламентированы правила учета заявлений и сообщений о преступлениях, в том числе Положение о едином порядке регистрации уголовных дел, и учета преступлений, а также формы статистических карточек. Утвержденный порядок учета позволяет вести статистическое наблюдение по различным показателям. Это и государственный единый статистический учет заявлений и сообщений о преступлениях, состояния преступности, раскрываемости преступлений, результатов следственной работы, а также эффективности прокурорского надзора. Совместный приказ обязывает прокуроров осуществлять надзор за соблюдением законности в субъектах учета (кроме судов); разрешать спорные вопросы, возникающие при учете преступлений и других объектов учета; по выявленным нарушениям и сообщениям информационного центра принимать меры по устранению причин и условий, им способствующих. Однако субъектами учета данных о преступности указанный совместный ведомственный приказ называет информационные центры и Главный информационно-аналитический центр МВД России, статус которых регламентирован исключительно «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений». Как верно отмечает О.А. Тетерина, утратившим в настоящее время Законом РФ от 18 апреля 1991 г. «О милиции» такой учет преступлений был лишь правом милиции, а не ее обязанностью, в последующем Указе Президента РФ от 19 июля 2004 г. № 927 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ныне утратил силу) формирование и ведение федеральных учетов, базы данных статистической информации также не были вменены в обязанности МВД [Тетерина: 27]. Колоссальное значение приобрели изменения, внесенные в ст. 51 Закона о прокуратуре с 2012 года, которыми на Генеральную прокуратуру РФ возлагается ведение государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состояния преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы и прокурорского надзора.

В дополнение к перечисленным обязанностям прокуроров в отношении учета заявлений и сообщений о преступлениях осуществляется и надзор за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия. Объем и пределы этого надзора в настоящее время конкретизирует Приказ Генеральной прокуратуры РФ

от 23.10.2023 № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия», призывая обеспечить постоянный и действенный надзор за неукоснительным исполнением органами дознания и органами предварительного следствия требований федерального законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

29 ноября 2007 года в Российской Федерации принят Федеральный закон «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации», определивший необходимость регулирования официального учета преступности именно федеральным законом и подзаконными нормативными правовыми актами, принимаемыми в соответствии с ним.

Современный этап начался с 2011 года и длится по настоящее время. Он обусловлен изменениями действующего законодательства, касающимися полномочий прокуратура в сфере правовой статистики.

С 1 января 2012 года действует новая редакция статьи 51 Закона о прокуратуре, согласно положениям которой на органы прокуратуры возложено ведение государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состоянии преступности, раскрываемости преступлений, состояния следственной работы и прокурорского надзора, что во взаимосвязи со статьей 5 Федерального закона от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации», как справедливо отмечает А.Ю. Винокуров, обеспечило Генеральной прокуратуре Российской Федерации дополнительный статус «субъекта официального статистического учета» [Винокуров: 75]. Такая деятельность быстро показала свою эффективность для реализации принципов объективности и достоверности при формировании отчетности, заслужив признание ее как приоритетного направления деятельности органов прокуратуры, «что важно для криминологии и не менее значимо для правоохранительной практики» [Акутаев, Шахаев: 40]. В научной среде задачами этой деятельности называют проверку полноты и правильности учета и регистрации, поступивших в органы внутренних дел и другие правоохранительные органы заявлений и сообщений о преступлениях; соблюдении сроков их регистрации и рассмотрения, порядка уведомления лиц о принятом по их заявлениям и сообщениям решении; формировании объективной статистики о состоянии преступности в стране [Сиверская, Тетерина: 12].

Новые полномочия потребовали создания в структуре Генеральной прокуратуры Российской Федерации и прокуратур субъектов России управлений пра-

вовой статистики, выполняющих на сегодняшний день широкий спектр задач.

Со всей очевидностью следует подчеркнуть, что ценность правовой статистики определяется тем, что она позволяет оценить и проанализировать взаимные связи между явлениями и процессами в обществе, охарактеризовать с точки зрения присущих им специфических и существенных свойств, определить прогноз событий в интересующей сфере на краткосрочную и долгосрочную перспективу.

Стремительное развитие компьютерных технологий, информационно-телекоммуникационных сетей и связанная с этим активная цифровизация общественных отношений потребовала проведения масштабной работы по внедрению в деятельность государственных органов различных информационных систем [Широкова: 197].

Сегодня процесс становления правовой статистики продолжается. Первоочередной задачей на современном этапе является окончательное внедрение в профессиональную прокурорскую деятельность государственной автоматизированной системы правовой статистики (ГАС ПС), обладающей широчайшим кругом возможностей, что, безусловно, откроет новый этап развития столь важного направления прокурорской деятельности, как государственный единый статистический учет данных.

Подводя итог сказанному, отметим, что, на наш взгляд, важно знать и понимать истоки становления уголовно-правовой статистики в деятельности органов прокуратуры. Любая отрасль научного знания, и уголовно-правовая статистика не исключение, проходя необходимые этапы развития с момента своего зарождения, приобретает четкий вид, становясь элементом фундамента определенной деятельности, постепенно усложняясь, включая широкий спектр возможностей. Именно в исторической ретроспективе видно, как зарождаются основы уголовно-правовой статистики, выстраиваются закономерности ее функционирования, определяющие в перспективе ее возможности.

Список литературы

- Акутаев Р.М., Шахаев Ю.А.* Совершенствование регистрации и учета преступлений // *Законность*. 2012. № 12. С. 40–45.
- Винокуров А.Ю.* Государственный учет как самостоятельное направление (участок) деятельности прокуратуры Российской Федерации // *Административное и муниципальное право*. 2011. № 3. С. 74–76.
- Герман К.Ф.* Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке. Санкт-Петербург: ИАН, 1809. 107 с.
- Дедкова И.А.* Правовая статистика: учеб. пособие. Томск: Томский гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2012. 116 с.

Оноколов Ю.П. Выявление феномена латентности (скрытости) части преступлений. XVIII–XIX вв // Закон и право. 2010. № 6. С. 75–79.

Правовая статистика: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. и науч. ред. Л.К. Савюка. Москва: Юрайт, 2016. 409 с. (Сер.: Бакалавр. Академический курс).

Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. Москва: Госполитиздат, 1952. 674 с.

Святловский В.В. К истории политической экономики и статистики в России. Санкт-Петербург: Началo, 1906. 200 с.

Сиверская Л.А., Тетерина О.А. Прокурорский надзор за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях и учете преступлений: учеб. пособие. Кострома: Костромской гос. ун-та, 2018. 76 с.

Скрьдлов А.Ю. Практики цензурных ограничений статистических исследований в России первой четверти XIX в. // Труды XXVIII Годичной научной конференции Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Москва: Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2022. С. 320–324.

Тетерина О.А. Надзор в сфере учета преступлений // Законность. 2012. № 3. С. 27–29.

Широкова П.В. К вопросу о применении информационных систем в деятельности прокурора // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 196–200.

References

Akutaev R.M., Shahaev Ju.A. *Sovershenstvovanie registracii i ucheta prestuplenij* [Improving the registration and accounting of crimes]. *Zakonnost'* [Legality], 2012, No. 12, pp. 40–45.

Dedkova I.A. *Pravovaja statistika: uchebnoe posobie* [Legal statistics: textbook]. Tomsk, Tomskij gosudarstvennyj universitet sistem upravlenija i radioelektroniki Publ., 2012, 116 p.

German K.F. *Vseobshhaja teorija statistiki dlja obuchajushhihsja sej nauke* [General theory of statistics for students of this science]. St. Petersburg, IAN Publ., 1809, 107 p.

Onokolov Ju.P. *Vyjavlenie fenomena latentnosti (skrytosti) chasti prestuplenij. XVIII–XIX vv.* [Identification of the phenomenon of latency (hiddenness) of some crimes. XVIII–XIX centuries]. *Zakon i pravu* [Law and right], 2010, No. 6, pp. 75–79.

Pravovaja statistika: uchebnyk i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata [Legal statistics: textbook and workshop for academic bachelor's degree], ed. and

scientific ed. by L.K. Savjuka. Moscow, Jurajt Publ., 2016, 409 p. (Ser.: *Bakalavr. Akademicheskij kurs* [Ser.: Bachelor. Academic course]).

Radishhev A.N. *Izbrannye filosofskie i obshhestvenno-politicheskie proizvedenija* [Selected philosophical and socio-political works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1952, 674 p.

Siverskaja L.A., Teterina O.A. *Prokurorskij nadzor za ispolneniem zakonov pri prieme, registracii i razreshenii soobshhenij o prestuplenii i uchete prestuplenij: uchebnoe posobie* [Prosecutor's supervision over the implementation of laws when receiving, registering and resolving reports of crime and recording crimes: a training manual]. Kostroma, Kostromskoj gos. un-t Publ., 2018, 76 p.

Shirokova P.V. *K voprosu o primenenii informacionnyh sistem v dejatel'nosti prokurora* [On the issue of using information systems in the activities of the prosecutor]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, No. 1, pp. 196–200.

Skrydlov A.Ju. *Praktiki cenzurnyh ogranichenij statisticheskikh issledovanij v Rossii pervoj chetverti XIX v.* [Practices of censorship restrictions on statistical research in Russia in the first quarter of the 19th century]. *Trudy XXVIII Godichnoj nauchnoj konferencii Instituta istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova RAN* [Proceedings of the XXVIII Annual Scientific Conference of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov RAS]. Moscow, Institut istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova RAN Publ., 2022, pp. 320–324.

Svjatlovskij V.V. *K istorii politicheskoy jekonomii i statistiki v Rossii* [On the history of political economy and statistics in Russia]. St. Petersburg, Nachalo Publ., 1906, 200 p.

Teterina O.A. *Nadzor v sfere ucheta prestuplenij* [Supervision in the field of recording crimes]. *Zakonnost'* [Legality], 2012, No. 3, pp. 27–29.

Vinokurov A.Ju. *Gosudarstvennyj uchet kak samostojatel'noe napravlenie (uchastok) dejatel'nosti prokuratury Rossijskoj Federacii* [State accounting as an independent direction (section) of the activities of the prosecutor's office of the Russian Federation]. *Administrativnoe i municipal'noe parvo* [Administrative and municipal law], 2011, No. 3, pp. 74–76.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 07.03.2024; принята к публикации 11.03.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 07.03.2024; accepted for publication 11.03.2024.

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: СОТРУДНИЧЕСТВО И ВЗАИМОСВЯЗЬ

Орлова Анастасия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Муром, Россия, hactia1988@mail.ru

Аннотация. Гражданское общество является важной составляющей правового и демократического государства, в связи с чем в современной политике государственных органов необходимо увеличить роль гражданского общества и осуществить ряд реформ. Для современности характерна тенденция выявления инновационных каналов обеспечения взаимодействия институтов гражданского общества с государством. Эти политико-правовые феномены не могут развиваться отдельно друг от друга, их существование обусловлено развитием в тандеме. Цивилизованность демократического государства ставится в зависимость от уровня развития институтов гражданского общества, их зрелости и возможности реального воздействия на политические процессы в стране. Исследование вопроса значимости такого взаимодействия и его эффективность являются крайне важными вопросами юридической теории и практики, а также предметом многочисленных дискуссий.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, демократия, взаимодействие, институт, гражданин, партнерство.

Для цитирования: Орлова А.Н. Государство и гражданское общество: сотрудничество и взаимосвязь // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 243–250. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-243-250>

Research article

STATE AND CIVIL SOCIETY: COOPERATION AND INTERCONNECTION

Anastasia N. Orlova, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence, Murom Institute (branch) of the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir Region, Russia, hactia1988@mail.ru

Annotation. Civil society is an important component of a legal and democratic state and therefore, in modern government policy, it is necessary to increase the role of civil society and implement a number of reforms. Modern times are characterised by a tendency to identify innovative channels for ensuring interaction between civil society institutions and the state. These political and legal phenomena cannot develop separately from each other; their existence is due to development in tandem. The civilisation of a democratic state depends on the level of development of civil society institutions, their maturity and the possibility of real influence on political processes in the country. The study of the significance of such interaction and its effectiveness are of great importance for the issues of legal theory and practice, however it is also the subject of numerous discussions.

Keywords: civil society, state, democracy, interaction, institution, citizen, partnership.

For citation: Orlova A.N. State and civil society: cooperation and interrelation. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 243–250. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-243-250>

Российская Федерация находится на пути выстраивания взаимодействий с гражданским обществом по типу партнерского сотрудничества с возможностью делегирования ряда публичных функций некоммерческому сектору [Петров: 6–9].

В современном обществе наблюдается распределение задач между институтами гражданского общества и органами государственного управления в процессе общественного развития. Однако ос-

новной тенденцией является противопоставление и главенство органов государственного управления над институтами гражданского общества. Это означает, что государственные органы часто игнорируют мнение и интересы гражданских институтов, что может привести к негативным последствиям для общественного развития. Институты гражданского общества – это некоммерческие организации, которые занимаются защитой прав и интересов граждан,

а также участвуют в реализации социальных проектов и программ. Они играют важную роль в общественной жизни и являются неотъемлемой частью демократического общества. Однако если государственные органы не учитывают их мнение и не поддерживают их деятельность, то это может привести к ограничению прав и свобод граждан, а также к ухудшению качества жизни в обществе [Половинкин].

Гражданское общество, основанное на принципах демократии и публичности, является залогом общественного благополучия и процветания. Его ценностная система строится на идеалах свободы, равноправия, справедливости и социального прогресса.

В демократическом обществе отношения между властью и гражданами строятся на основе взаимных соглашений и уважения к правам и свободам человека. Граждане признаются не просто подданными государства, а активными участниками политического процесса, обладающими правом голоса и влияния на принятие решений.

Принцип публичности в демократии играет решающую роль. Он предполагает открытость и доступность информации о деятельности органов власти, что позволяет гражданам оценивать их эффективность, контролировать их действия и своевременно реагировать на любые отклонения от принципов демократии и правового государства.

Реализация принципа публичности осуществляется через различные механизмы:

- свобода выражения мнений и СМИ: СМИ и журналисты должны иметь возможность освещать деятельность власти без цензуры или ограничений;
- доступ к информации: граждане имеют право на доступ к информации о деятельности органов власти, за исключением случаев, предусмотренных законом;
- общественные слушания и встречи с представителями власти: гражданам должна быть предоставлена возможность участвовать в обсуждении и принятии решений, затрагивающих их интересы;
- электронные петиции и общественные инициативы: современные технологии позволяют гражданам в режиме реального времени обращаться к власти со своей позицией и влиять на повестку.

Публичность обеспечивает прозрачность и подотчетность власти, укрепляет доверие граждан к государственным институтам и способствует общественному контролю над политическим процессом.

В развитом гражданском обществе активность граждан не ограничивается участием в выборах. Граждане объединяются в общественные организации и движения, которые отстаивают их интересы и оказывают давление на власть. Такие организации могут представлять самые разные сферы жизни:

от защиты прав человека до охраны окружающей среды и борьбы с коррупцией.

Гражданское общество играет важную роль в создании условий для самореализации и общественного благополучия. Оно способствует развитию культуры толерантности, взаимопомощи и социальной ответственности. Это общество, в котором граждане чувствуют свою сопричастность к принятию решений, ощущают свою ценность и стремятся внести позитивный вклад в жизнь своей страны [Фадеева: 52–57].

Сегодня законодательство активно развивается, стремясь уточнить и улучшить средства и каналы коммуникации между государством и отдельными гражданами, а также их организациями. В литературе можно встретить следующее определение этого процесса: «Это совокупность взаимосвязанных правоотношений между исполнительной властью и представителями гражданского общества, основанных на принципах равенства и сотрудничества в решении общих интересов, которые могут быть выражены как двусторонним, так и односторонним порядком» [Науменко: 10].

Однако в последние годы наблюдается значительный прогресс в области коммуникаций между государством и гражданами. С развитием современных технологий и распространением интернета возникли новые каналы связи, которые значительно улучшили доступность и эффективность общения. Сегодня граждане могут обращаться к государственным органам через электронную почту, специализированные веб-порталы, а также использовать социальные сети и мессенджеры для обратной связи.

Кроме того, современные информационные технологии позволяют государству и его органам более эффективно информировать граждан о своей работе и принимаемых решениях. Официальные веб-сайты, приложения для смартфонов и социальные медиааккаунты стали популярными инструментами для распространения информации и проведения публичных консультаций.

Следует отметить, что развитие коммуникаций между государством и гражданами не ограничивается только электронными средствами. Традиционные каналы связи, такие как письма, телефонные звонки и личные встречи по-прежнему играют важную роль в общении между сторонами.

В целом современное законодательство стремится создать более открытую и прозрачную систему коммуникаций между государством и гражданами. Новые технологии и средства связи предоставляют больше возможностей для взаимодействия и обмена информацией, что способствует развитию гражданского общества и укреплению демократических принципов.

Наука о праве и государстве изучает и определяет правила, которые обязательно должны быть рассмотрены при анализе сотрудничества между публич-

ными и общественными структурами. Это сотрудничество рассматривается как целостная система, в которой каждая сторона активно обсуждает и принимает участие, обладая независимостью и равным статусом. Виды отношений определяются задачами, которые перед ними стоят: выполнение интересов исполнительных органов власти, удовлетворение потребностей гражданского общества и совместные желания. Все это является факторами, определяющими формирование или выбор существующих форм взаимодействия. Однако главным требованием является закрепление в правовых нормах границ активности как гражданского общества, так и государства.

Кооперация и включение институтов гражданского общества в административно-управленческую деятельность имеют существенное значение для развития современного общества. Они способствуют установлению различных форм взаимодействия между государством и частным сектором, а также обеспечивают поддержку некоммерческого социально ориентированного сектора [Петров: 6–9].

Одной из таких форм является частно-государственное партнерство. В рамках этого партнерства частные компании сотрудничают с государственными органами для решения различных задач. Например, они могут совместно разрабатывать и внедрять программы социальной защиты, создавать инфраструктуру или проводить образовательные и культурные проекты. Такое партнерство позволяет объединить ресурсы и опыт обеих сторон, что приводит к эффективному выполнению поставленных задач.

Еще одной формой взаимодействия является участие институтов гражданского общества в разрешении задач, стоящих перед органами исполнительной власти. Это означает, что представители некоммерческих организаций и других институтов гражданского общества принимают активное участие в процессе принятия решений и разработке политик. Они могут выступать консультантами, экспертами или участниками рабочих групп, предоставляя свой опыт и знания для эффективного решения проблем.

Кроме того, институты гражданского общества могут получать инвестиционную и организационную поддержку от государства. Это может включать предоставление грантов, субсидий или других финансовых инструментов, а также консультационную и техническую помощь. Такая поддержка помогает развивать некоммерческий сектор, способствует созданию новых проектов и инициатив, направленных на решение социальных проблем и улучшение качества жизни в обществе.

Трудности диалога государства и человека – это одновременно проблема общественного и государственного развития, зависящая от устройства, политической системы, формы государства и его меха-

низма, правовой системы, менталитета и публичного порядка, сформировавшегося внутри общества. Государственные структуры и механизмы управления растворяются в обществе, развиваются внутри его системы, поэтому оно не может быть автономно от общества и наоборот [Харитоновна: 255–260].

Согласно выводам научных исследований гражданское общество является первичной единицей, от которой начинается процесс развития правовой системы. Важно отметить, что обратная ситуация, то есть формирование государства без предварительного развития гражданского общества, практически невозможна. Изучая исторические закономерности эволюции государственных и правовых феноменов, мы можем увидеть, что государство играет активную роль во взаимодействии с обществом и его элементами [Радько: 3–8].

Рост гражданской активности связан с укреплением гражданского общества, расширением внутренних ресурсов и способностей его институтов для защиты прав и интересов граждан, развитием инновационных каналов международной коммуникации. Каждый человек имеет необходимость принимать активное участие в жизни государства и общества, реализовывая тем самым свои права и интересы сообщества, к которому он принадлежит. Не только участники конкретного, но и более широкого круга лиц, интересующихся определенными инициативами, объективируют свою активность. Современное общество стало свидетелем роста гражданской активности, и это явление связано с несколькими факторами.

Во-первых, гражданское общество стало сильнее и более организованным, благодаря чему оно может эффективно защищать права и интересы своих граждан. Внутренние ресурсы и возможности институтов гражданского общества значительно расширились, что позволяет им более эффективно взаимодействовать с государством и достигать поставленных целей.

Во-вторых, развитие инновационных каналов международной коммуникации сыграло важную роль в укреплении гражданской активности. Сегодня люди имеют возможность быстро и легко обмениваться информацией, идеями и опытом с гражданами других стран. Это позволяет им узнавать о различных инициативах и присоединяться к ним, проявлять свою активность и влиять на процессы, происходящие в мировом масштабе.

Кроме того, существуют не только заинтересованные участники конкретных инициатив, но и более широкий круг лиц, которые проявляют интерес к определенным проблемам и инициативам. Это свидетельствует о том, что гражданская активность не ограничивается узким кругом людей, а становится всеобщим явлением. Все больше и больше людей осознают свою необходимость и возможность внести вклад в развитие своего общества и государства.

Благодаря росту гражданской активности общество становится более демократичным и открытым. Люди начинают активно участвовать в принятии решений, высказывать свои мнения и инициировать изменения. Это способствует развитию гражданского диалога и созданию более справедливого и равноправного общества [Подуруева-Милоевич, Данакари: 63–72].

Наличие добровольчества как средства социальной адаптации и признака достойного уровня материального благосостояния граждан и активной работы общественных организаций является важным показателем развития. В современном мире некоторые государства активно привлекают добровольцев для реализации своих национальных программ, направленных на решение социальных проблем. Они осознают эффективность добровольчества и готовы выделять финансирование для таких проектов, которые приносят пользу и способствуют быстрому достижению поставленных целей [Курячая: 27–29].

Добровольчество или волонтерство можно определить как добровольное объединение граждан, которые стремятся преследовать общие интересы и цели, выраженные в уставе организации. Важными принципами таких объединений являются самоуправляемость и инициатива граждан. Такие добровольческие организации могут возникать как ответ на определенные социальные потребности и проблемы, их создание и функционирование зависит от активного участия граждан.

Одним из важных аспектов добровольчества является предоставление социальных услуг населению. Благодаря желанию помочь и заниматься социальной работой добровольцы обеспечивают доступность таких услуг для всех нуждающихся. Они могут заниматься различными видами деятельности, включая помощь пожилым людям, детям с особыми потребностями, бездомным и другим уязвимым группам населения. Добровольцы могут оказывать психологическую поддержку, консультировать, проводить различные образовательные мероприятия и многое другое.

Волонтерская деятельность позволяет человеку влиять на то, как выглядит современное общество, изменяя его аспекты и создавая более хорошую реальность. Влияние волонтерства на процессы и условия, существующие в обществе, а также на личность является неотъемлемой частью формирования и развития общественных отношений. Волонтерская деятельность играет важную роль в социально-политической сфере, поскольку способствует улучшению общественных правоотношений, защите прав граждан и развитию гражданской позиции.

Одним из показателей уровня совершенствования общественных правоотношений является защита прав

граждан. Волонтеры активно участвуют в этом процессе, оказывая помощь тем, кто нуждается в поддержке. Они предоставляют юридическую помощь, консультируют по вопросам прав, а также проводят информационные кампании, направленные на повышение осведомленности граждан о своих правах.

Волонтерство также способствует продвижению инициатив граждан. Благодаря добровольческой деятельности люди воплощают свои идеи и проекты, которые могут привести к положительным изменениям в обществе. Волонтеры поддерживают гражданские инициативы, помогая их реализации и распространению.

Одним из важных аспектов волонтерства является развитие патриотических ценностей. Волонтеры могут быть активными участниками патриотических мероприятий, организовывать праздники и мероприятия, направленные на укрепление национальной идентичности и гордости за свою страну. Это способствует формированию патриотического сознания и укреплению гражданства.

Гражданская позиция также формируется благодаря волонтерской деятельности. Волонтеры вносят значительный вклад в общественную жизнь, помогая тем, кто нуждается в помощи, и работая на благо общества. Это развивает осознанность граждан о своей роли в обществе и стимулирует активное участие в общественной жизни.

Таким образом, волонтерство играет важную роль в преобразовании социальной действительности в соответствии с гуманными идеалами. Оно способствует развитию общественных отношений, защите прав граждан, продвижению их инициатив, формированию патриотических ценностей и гражданской позиции. Волонтерская деятельность является мощным инструментом изменения общества к лучшему.

В России 2018 год был официально объявлен годом гражданского участия и добровольцев, что подчеркнуло значимость и полезность их работы. Волонтеры и добровольцы играют важную роль в обществе, оказывая помощь в различных сферах. Они могут предоставлять юридическую поддержку, оказывать материальную помощь, поддерживать психологически, помогать с бытовыми делами, обеспечивать безопасность воды и пожарную безопасность.

В России существует несколько законодательных актов, обеспечивающих юридическое регулирование деятельности волонтеров. Основными источниками принято называть: Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»¹, положения которого в 2018 году были дополнены нормами о порядке взаимодействия органов власти с волонтерскими объединениями. Это предоставило возможность регионам принять свои собственные законы

о волонтерской деятельности. Также рассматриваемая сфера подпадает под действие Федеральных законов от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»², от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»³. С 2018 года действует Концепция развития добровольчества (волонтерства) в России до 2025 года⁴, предусматривающая мероприятия, выполнение которых требуется для того, чтобы организовать деятельность волонтеров по повышению методической, информационной, консультативной, образовательной и ресурсной помощи в учреждениях социального обслуживания населения, здравоохранения, а также при оказании поддержки в чрезвычайных ситуациях.

Летом 2020 года российские граждане имели возможность принять участие в голосовании по предложенным изменениям к статье 114 Конституции Российской Федерации. Это было важное событие, которое подчеркнуло значимость гражданского общества в дальнейшем развитии страны. Государство признало, что без активного участия граждан невозможно достичь прогресса и улучшить жизнь людей.

Одной из ключевых задач правительства стало поддержание и развитие институтов гражданского общества. Для этого были организованы различные мероприятия и созданы процессы, включающие участие некоммерческих организаций и волонтеров в разработке и реализации государственной политики. Такой подход позволяет привлечь разнообразные мнения и опыт граждан, что способствует более эффективному и справедливому принятию решений.

Волонтеры играют особую роль в социальной деятельности и признаны важным звеном развития гражданского общества. Их добровольный труд и энтузиазм способствуют решению различных социальных проблем и улучшению качества жизни людей. Волонтерские организации активно взаимодействуют с государственными учреждениями, предоставляя свою помощь и экспертизу в различных сферах, таких как образование, здравоохранение, экология и т. д.

Новые изменения в Конституции Российской Федерации отражают признание важности гражданского общества и его роли в формировании государственной политики.

История государственно-правовых институтов подтверждает, что развитие государственности не может происходить без участия и согласованных изменений в обществе и его мировоззрении. Демократическое общество, основанное на управлении большинством, предоставляет большие возможности для достижения консенсуса между гражданами и публичной властью, учитывая интересы, ценности и т. д. других групп. Реальная демократия достигается благодаря плюрализму и поиску консенсуса.

Особое внимание должно быть обращено на особенности взаимодействия государства и гражданского общества в деле обеспечения национальной и общественной безопасности в России, поскольку потенциал гражданского общества стал резервом для ее обеспечения. Данная тенденция соответствует утверждению А.В. Шиловцева о том, что цивилизованное государство не может быть безопасным без установления открытой обратной связи с ответственными элементами общественных структур, которые сокращают отчуждение от государства и формируют ценности мира, согласия и взаимоподдержки в тяжелых ситуациях и кризисных условиях [Шиловцева: 231–237].

Нужно отметить, что среди интересов нации значимостью выделяется развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, который предусмотрен Стратегией национальной безопасности России. Благодаря наличию оптимизированного взаимодействия между социальными институтами и российским государством, которые занимают национальный стратегический интерес в настоящее время, является важной не только для теории, но и для практики в области права. Взаимоотношения между государством и гражданским обществом, как правило, многогранны и противоречивы, что было обусловлено сущностью и характером таких институтов. Если государство и гражданское общество работают вместе, то эффективное достижение общих целей становится возможным.

Основными способами, по которым можно оптимизировать взаимодействие государства и гражданского общества, являются следующие:

1. Государство должно содействовать развитию самоорганизации гражданского общества и улучшению партикулярных тенденций в нем, чтобы предоставить возможность институтам гражданского общества самостоятельно функционировать и внести правила и нормы, необходимые для улучшения его общественной жизни.

2. Государство должно обеспечивать возможность эффективного развития гражданского общества, и выстраивать благоприятную атмосферу для оптимальной работы его институтов с учетом требований текущего политического режима. Для организации взаимодействия государства и гражданского общества следует учесть принципы:

1) Согласованности, при котором будут оптимизированы действия двух систем, учитывая их уникальность и правовые нормы.

2) Целеполагания. В соответствии с тем, как общественные интересы государства проявляются в его политической природе, оно должно предоставлять контроль над масштабами этих интересов, а также использовать подходящие ресурсы для достижения

их. За пределами этих интересов в государственном праве находят свое отражение интересы гражданского общества.

3) Обратной связи. Развитое государство, обеспечивая интересы и поддерживая институты гражданского общества, создает благоприятные условия для эффективного функционирования гражданского общества, что в свою очередь представляет собой его показатель эффективного, правового и социального характера.

4) Народного суверенитета. Отношения между гражданским обществом и государственной властью могут быть поддержаны через участие элементов общественного суверенитета, осуществляющего конструктивную оппозицию, и приведения их в порядок на основе легитимации.

3. Необходимо рассмотреть варианты повышения совместного существования и обмена взаимодействующих субъектов – государства и гражданского общества – для решения задач, недоступных для формирования единства. Доверие граждан к органам государственной власти может проявляться в форме патриотизма, поэтому для продвижения воспитания граждан в духе патриотизма необходимо сотрудничество государства и гражданского общества [Правкина].

Общественные организации граждан выполняют ключевую роль в правовом государстве благодаря деятельности, которая помогает соблюдать принцип верховенства закона. Некоммерческие организации, правозащитные и общественные организации самостоятельно реализуют инициативу осуществления общественного контроля. Субъекты права и граждане имеют возможность инициировать проверку деятельности органов государственной власти и местных самоуправлений, а также принимать решение об их оценке с позиции общества и экспертов. Это один из наиболее эффективных механизмов, позволяющих обеспечить прозрачность публичной власти. Кроме того, в России как демократической стране в соответствии с Конституцией право контроля принадлежит народу как «единственному источнику власти». Для достижения целей общественного контроля необходимо, чтобы его субъекты имели право действовать в соответствии с их специальными знаниями и компетенциями» [Адамская, Яфаркина: 111–115].

Общественный контроль является важной составляющей институтов гражданского общества. Эти институты, такие как общественные объединения и социальные группы, играют значимую роль во взаимодействии с публичной властью. Их целью является обеспечение соблюдения правил и удовлетворения потребностей общества в целом.

Общественный контроль включает в себя широкий спектр деятельности, направленной на решение

проблем и предотвращение отклонений. Это может быть мониторинг деятельности государственных органов, проверка исполнения законов, а также участие в разработке и реализации политик и программ. Общественные объединения и гражданские инициативы могут проводить исследования, анализировать данные и выступать с предложениями по улучшению ситуации в различных областях жизни.

В России общественный контроль является неотъемлемой частью демократического процесса. Гражданские организации и активисты активно взаимодействуют с государственными структурами, выражая свои мнения и интересы. Они могут участвовать в публичных слушаниях, обсуждениях законопроектов и принимать участие в протестных акциях.

Институт общественного контроля в Российской Федерации сталкивается с рядом проблем, которые затрудняют его развитие и эффективное функционирование. Этот институт находится в стадии становления, что приводит к возникновению «болезней роста». Это означает, что не все процессы и механизмы работы института общественного контроля уже хорошо отлажены, и требуется дальнейшая работа над ними. Одной из основных проблем является слабое развитие институтов гражданского общества в России. Гражданские организации, которые могут активно участвовать в общественном контроле, не всегда имеют достаточные ресурсы и поддержку для своей работы. Это ограничивает их возможности и влияние на контроль за деятельностью государственных органов и организаций. Еще одной проблемой является низкий уровень правовой культуры и правосознания населения. Многие граждане не осознают своих прав и не знают о возможностях, которые предоставляет институт общественного контроля. Информированность о его существовании и роли в защите прав и интересов граждан остается слабой. Недостаточное развитие правовой базы общественного контроля также является проблемой. Для эффективного функционирования этого института необходимо иметь четкие законодательные нормы и механизмы, которые бы регулировали его деятельность. Однако на данный момент, такая база остается недостаточно развитой, что затрудняет работу института и создает пробелы в его деятельности [Галустян: 447–434].

Для достижения решения таких проблем необходимо создать и реализовать систему мер, которые способствуют развитию института гражданского общества, таких как: формализация института общественного контроля в Конституции Российской Федерации для повышения авторитета этого института среди должностных лиц органов публичной власти и для дальнейшей популяризации его в обществе, а также уточнение перечня субъектов обще-

ственного контроля согласно Федеральному закону от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». В ст. 7 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ установить правило о том, что субъекты общественного контроля обязаны создавать собственные интернет-сайты, где будет представлена информация о них (наименование, дата создания, состав членов, официально уполномоченных представителей, виды деятельности, контактные телефоны, электронный адрес, адреса в социальных мессенджерах). Эта информация может быть предоставлена путем коммуникационного обмена с другими субъектами публичного контроля, органами власти, государственными и муниципальными организациями, а также членами общественности.

Таким образом, политический плюрализм и усиление институтов демократии привели к тому, что больше граждан могут участвовать в общественных процессах и реально влиять на политику. Управление социальными и политическими процессами становится все более сложным и разносторонним в текущем мире. Правительству стоит рассмотреть новые подходы к управлению государством и обществом, понимая их как сложные и системные, в которых движущими силами являются не только государство, но и гражданское общество, потому что экономические проблемы, недостаток доверия к власти, поляризация и разнородность общества ставят это правительство перед новыми условиями.

Необходимо, чтобы государство обнаружило и исправило конкретные проблемы путем обеспечения функционирования его органов при взаимодействии с гражданским обществом, чтобы ожидаемый эффект был достигнут. Государство, не существуя отдельно от институтов гражданского общества, имеет интерес к установлению диалога со стороны гражданского общества, для того чтобы слушать и узнавать о происходящих в негосударственных сферах делах, а также для определения мнения людей по поводу действий властей и их реакции на них.

На основании проведенного анализа следует заключить, что развитие государственности не может происходить вне общества, о чем свидетельствует история, демонстрирующая, что правовая система государства развивалась вместе с обществом и его мировоззрением. Гражданское общество выступает инструментом единения граждан государства. Оно постоянно видоизменяется, трансформируется в целях позитивной реализации социальных практик и социальной политики государства, что становится свидетельством безусловной взаимосвязи и зависимости государства и гражданского общества друг от друга. В условиях демократизации общественных отношений возможен консенсус по интересам гражданского

общества и органов государственной власти, поскольку они основываются на волеизъявлении большинства и не исключают интересы, ценности других социальных групп, поскольку истинные демократии всегда стремятся к консенсусу и плюрализму.

Примечания

¹ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. 1995. 17 авг.; 2020. 11 дек.

² Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 1995. 25 мая; 2021. 11 янв.

³ О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Российская газета. 1995. 4 июля; 2021. 12 янв.

⁴ Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950-р // Собрание законодательства РФ. 31.12.2018. № 53 (ч. II), ст. 8791.

Список литературы

Адамская Л.В., Яфаркина К.Е. Общественный контроль как функция управления обществом и государством // Муниципальная академия. 2017. № 2. С. 111–115.

Галустян Н.В. Позитивная юридическая ответственность государства перед личностью в современных условиях развития правового государства и гражданского общества // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8, № 3. С. 427–434.

Курячая М.М. Предпосылки институализации гражданской активности в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 27–29.

Петров М.П. Теоретические проблемы совершенствования правовой основы взаимодействия исполнительной власти и гражданского общества // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9. С. 6–9.

Подуруева-Милоевич В.Ю., Данакари Р.А. Формирование гражданского общества и политики государства в современной России // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 4. С. 63–72.

Правкина И.Н. Оптимизация взаимодействия государства и гражданского общества как национальный стратегический интерес современного российского государства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 213–216.

Ралько О.В. Правовое государство: переход от абстрактных понятий к конкретным характеристикам //

Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 5. С. 3–8.

Фадеева А.Н. Партнерские отношения между государством и гражданским обществом: необходимость и проблемы становления // Вестник государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 52–57.

Харитонова Е.Л. К вопросу о взаимодействии государства, гражданского общества и местного сообщества в построении социального государства // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 255–260.

Шиловецова А.В. Социальная безопасность в условиях глобализации: онтология проблемы // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2013. № 1. С. 231–237.

Науменко Е.С. Организационно-правовые способы взаимодействия органов исполнительной власти и институтов гражданского общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 10.

Половинкин В.А. Социальный механизм взаимодействия полиции и институтов гражданского общества: дис. ... д-ра социол. наук. Санкт-Петербург, 2014. 232 с.

References

Adamskaia L.V., Iafarkina K.E. *Obshchestvennyi kontrol' kak funktsiia upravleniia obshchestvom i gosudarstvom* [Public control as a function of management of society and the state]. *Munitsipal'naia akademiia* [Municipal Academy], 2017, No. 2, pp. 111–115. (In Russ.)

Fadeeva A.N. *Partnerskie otnosheniia mezhdru gosudarstvom i grazhdanskim obshchestvom: neobkhodimost' i problemy stanovleniia* [Partnership relations between the state and civil society: necessity and problems of formation]. *Vestnik gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* [Bulletin of the State Law Academy], 2017, No. 6, pp. 52–57.

Galustian N.V. *Pozitivnaia iuridicheskaia otvetstvennost' gosudarstva pered lichnost'iu v sovremennykh usloviakh razvitiia pravovogo gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva* [Positive legal responsibility of the state to the individual in modern conditions of development of the rule of law and civil society]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Iuridicheskie nauki* [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences], 2022, vol. 8, No. 3, pp. 427–434. (In Russ.)

Kharitonova E.L. *K voprosu o vzaimodeistvii gosudarstva, grazhdanskogo obshchestva i mestnogo soobshchestva v postroenii sotsial'nogo gosudarstva* [On the interaction of the state, civil society and the local community in building a social state]. *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Ser.: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin

of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences], 2022, vol. 15, No. 4, pp. 255–260.

Kuriachaia M.M. *Predposylki instutualizatsii grazhdanskoi aktivnosti v sovremennoi Rossii* [Prerequisites for the institutionalization of civic activity in modern Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2017, No. 7, pp. 27–29. (In Russ.)

Naumenko E.S. *Organizatsionno-pravovye sposoby vzaimodeistviia organov ispolnitel'noi vlasti i institutov grazhdanskogo obshchestva*: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Organizational and legal ways of interaction between executive authorities and civil society institutions: Abstract. dis. cand. jurid. sciences]. Saratov, 2010, 10 p.

Podurueva-Miloevich V.Iu., Danakari R.A. *Formirovanie grazhdanskogo obshchestva i politiki gosudarstva v sovremennoi Rossii* [Formation of civil society and state policy in modern Russia]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia* [Bulletin of the Volga Institute of Management], 2022, vol. 22, No 4, pp. 63–72. (In Russ.)

Polovinkin V.A. *Sotsial'nyi mekhanizm vzaimodeistviia politsii i institutov grazhdanskogo obshchestva*: dis. ... d-ra sotsiol. nauk [The social mechanism of interaction between the police and civil society institutions: dissertation of the Doctor of Sociological Sciences]. Saint Petersburg, 2014, 232 p.

Pravkina I.N. *Optimizatsiia vzaimodeistviia gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva kak natsional'nyi strategicheskii interes sovremennogo rossiiskogo gosudarstva* [Optimization of interaction between the state and civil society as a national strategic interest of the modern Russian state]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, No. 5, pp. 213–216. (In Russ.)

Ral'ko O.V. *Pravovoe gosudarstvo: perekhod ot abstraknykh poniatii k konkretnym kharakteristikam* [The rule of law: the transition from abstract concepts to concrete characteristics]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 2010, No. 5, pp. 3–8. (In Russ.)

Shilovtseva A.V. *Sotsial'naia bezopasnost' v usloviakh globalizatsii: ontologiia problem* [Social security in the conditions of globalization: ontology of the problem]. *Aktual'nye napravleniia nauchnykh issledovanii XXI veka: teoriia i praktika* [Actual directions of scientific research of the XXI century: theory and practice], 2013, No. 1, pp. 231–237.

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 24.03.2024.

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 24.03.2024.

ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Павлова Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, Приволжский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Нижний Новгород, Россия, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2933-1861>

Моисеева Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Приволжский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Нижний Новгород, Россия, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1880-9408>

Аннотация. Семейный кодекс РФ фиксирует личные права супругов, неимущественные права детей, родителей, иных членов семьи, но предусматривает возможность компенсации морального вреда только добросовестному супругу при признании брака недействительным. Вопрос об использовании института компенсации морального вреда в семейных правоотношениях является спорным и поддерживается в настоящее время только доктриной. Анализ судебной практики показывает, что суды не согласны с возможностью компенсации морального вреда при нарушении семейных прав. Актуален и вопрос о необходимости учета супружеских отношений для компенсации морального вреда при причинении вреда здоровью одним из супругов другому. В связи с этим авторами проведен анализ научных точек зрения по теме исследования, изучены материалы судебной практики, в результате чего было установлено, что институт компенсации морального вреда может быть использован для более эффективной защиты нематериальных прав супругов, родителей, детей. К примеру, при нарушении права на общение с ребенком отдельно проживающего родителя. Проанализированы супружеские правоотношения и отношения между родителями и детьми, в которых компенсация морального вреда может быть продуктивным способом защиты нарушенных прав. По результатам проведенного анализа действующего законодательства, доктринальных источников и материалов судебной практики сделан вывод о том, что компенсация морального вреда как мера ответственности в полной мере применима при защите семейных прав, но не предусмотрена действующим законодательством.

Ключевые слова: моральный вред, супруги, личные права супругов, защита семейных прав, семья, нравственные страдания, измена, право на общение с ребенком.

Для цитирования: Павлова О.Г., Моисеева О.В. Проблемы компенсации морального вреда // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 251–257. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-251-257>

Research Article

PROBLEMS OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN FAMILY LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Olga G. Pavlova, Candidate of Jural Sciences, the Volga Branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice", Nizhny Novgorod, Russia, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2933-1861>

Olga V. Moiseeva, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, the Volga Branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice", Nizhny Novgorod, Russia, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1880-9408>

Abstract. The Family Code of the Russian Federation fixes the personal rights of spouses, non-property rights of children, parents, and other family members, but provides for the possibility of compensation for moral damage only to a conscientious spouse when a marriage is declared invalid. The issue of using the institution of compensation for moral damage in family legal relations is controversial and is currently supported only by doctrine. An analysis of judicial practice shows that courts do not agree with the possibility of compensation for moral damage in cases of violation of family rights. The question of the need to take into account marital relations in order to compensate for moral damage when one spouse causes harm to the health of the other is also topical. In this regard, the authors analysed scientific points of view on the research topic, studied materials

from judicial practice as a result of which, it was found that the institution of compensation for moral damage can be used to more effectively protect the non-material rights of spouses, parents, and children. For instance, the right to communicate with a child of a parent living separately is occasionally violated. Marital legal relations and relations between parents and children, in which compensation for moral damage can be a productive way of protecting violated rights, are analysed. Based on the results of the analysis of current legislation, doctrinal sources and materials of judicial practice, it was concluded that compensation for moral damage as a measure of liability is fully applicable in the protection of family rights, but is not provided for by current legislation.

Keywords: moral injury, spouses, personal rights of spouses, protection of family rights, family, moral suffering, adultery, right to communicate with children.

For citation: Pavlova O.G., Moiseeva O.V. Problems of compensation for moral damage in family law. Bulletin of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 251–257. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-251-257>

В современном российском праве вопросы компенсации морального вреда встают все более остро. Личные неимущественные права гражданина, установленные гражданским законодательством, хоть и не имеют закрытого перечня, носят весьма ограниченный характер. Отраслью права, регулирующей в основном и непосредственно личные отношения, является семейное право, из чего можно сделать логический вывод об активном применении компенсации морального вреда для защиты семейных личных неимущественных прав, тем более что в соответствии со ст. 4 СК РФ к семейным правоотношениям применяются нормы гражданского права, поскольку это не противоречит их существу. Вместе с тем на данный момент компенсация морального вреда как мера ответственности применяется в семейном праве только в одном случае – в отношении защиты прав добросовестного супруга при признании брака недействительным (ст. 30 СК РФ). На сегодняшний день большинство ученых сходятся во мнении, что компенсация морального вреда может быть использована для защиты семейных прав. Так, необходимость определения размера компенсации морального вреда при нарушении семейных прав и его критериев обоснована Э.Н. Яфизовой; о возможности более широкого применения компенсации морального вреда как способа защиты всех личных неимущественных семейных прав говорит А.А. Елисеева; о необходимости использования компенсации морального вреда именно в рамках семейных отношений свидетельствует С.Н. Тагаева.

Сложно не согласиться с мнением С.А. Сидоровой, определяющей, что любое семейное правонарушение влечет физические и нравственные страдания лица, в отношении которого оно совершено. В данном случае под «любым семейным правонарушением», по нашему мнению, следует понимать нарушение не только личных, но и имущественных прав членов семьи. А.М. Эрделевский отмечает, что существо семейных отношений не противоречит институту компенсации морального вреда, а член семьи не может быть освобожден от его возмещения только на основании наличия данного статуса. Нет ни ло-

гических, ни фактических препятствий к применению компенсации морального вреда при нарушении семейных прав (Т.В. Шершень), а постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2022 № 33², напротив, предоставляет возможность использования данного способа защиты в подобных случаях.

Исходя из содержания действующего российского законодательства, компенсация морального вреда возможна и в отдельных имущественных отношениях¹, что не препятствует компенсации морального вреда при нарушении имущественных прав супругов, при условии, что это будет предусмотрено законом.

По нашему мнению, ключевой фразой, характеризующей возможность применения компенсации морального вреда, является наличие «нравственных и физических страданий» гражданина, возникших в результате нарушения его прав. Нельзя не согласиться с Д.А. Матанцевым, считающим, что нарушение прав одного из членов семьи другими может повлечь за собой более тяжелые, более длительные нравственные страдания, усугубить их течение, что позволяет сделать вывод о необходимости учета данного обстоятельства при определении размера компенсации морального вреда. Необходимо также учитывать, что психотравмирующее воздействие, влекущее нравственные страдания, в семейных отношениях может продолжаться длительное время, влечение чего и степень причиненного психического вреда будет различной.

По факту обоснования возможности и необходимости применения компенсации морального вреда для защиты семейных прав возникает вполне закономерный вопрос о том, а какие именно семейные права могут быть защищены именно таким способом?

Выплата компенсации морального вреда возможна в случае нарушения личных неимущественных прав гражданина, следовательно, в рамках защиты семейных прав их перечень можно представить следующим образом:

1. Нарушения в области супружеских правоотношений:

1.1. Защита прав добросовестного супруга в случае признания брака недействительным – возмож-

ность компенсации морального вреда прямо предусмотрена в п. 4 ст. 30 СК РФ.

1.2. Защита прав супруга на совместное решение вопросов семейной жизни, воспитания детей, в том числе право родителя на общение, воспитание ребенка. Выплату компенсации морального вреда в случае нарушения данных прав обосновывает Л.Е. Чичерова. Этой же позиции придерживается и А.В. Даниленков, обосновывая это тем, что нравственные страдания не могут не возникнуть при разлучении родителя с ребенком, наличии препятствий общению с ним, возможности участвовать в его воспитании, развитии и т. д.

Следует отметить, что в части воспитания детей указанное право плотно связано с группой детско-родительских отношений, однако считаем, что его необходимо рассматривать в рамках данной группы в силу особенностей субъектного состава.

Родителю, не проживающему с ребенком, суды отказывают во взыскании компенсации морального вреда за препятствование общению с ребенком, в том числе если исковые требования предъявлены родителем в отношении себя и ребенка, также лишено права на общение с родителем. Выводы суда в подобных случаях могут сводиться к тому, что «доказательств, объективно свидетельствующих о том, что действиями ответчика истцу причинены нравственные и физические страдания, имеющие прямую причинно-следственную связь между собой, не имеется»⁶ или «действующим гражданским законодательством нарушение права на общение с ребенком к случаям, при которых подлежит взысканию компенсация морального вреда в связи с нарушением личных неимущественных прав, не отнесено. Право на общение с ребенком устанавливается Семейным кодексом Российской Федерации, который также не относит его к личным неимущественным правам родителей»¹⁰. Даже в том случае, если было установлено, что ответчик действительно неоднократно препятствовал общению истца с ребенком, допуская неисполнение решения суда, и суду было очевидно, что такие действия истца причиняют истцу морально-нравственные страдания, поскольку он незаконно лишился ответчиком возможности общаться со своим ребенком, заниматься его воспитанием, то требование о компенсации морального вреда может быть удовлетворено⁸. Однако суд апелляционной инстанции отменяет решение суда первой инстанции о компенсации морального вреда родителю по указанным выше основаниям³.

Исполнение судебных решений об установлении порядка общения с ребенком чрезвычайно проблематично, что связано, в частности, и с тем, что отсутствуют эффективные способы воздействия на препятствующего исполнению решения родителя, и, на наш

взгляд, взыскание компенсации морального вреда могло бы быть эффективным способом защиты неимущественных прав второго родителя на общение с ребенком, если факт неисполнения судебного решения будет подтвержден в судебном порядке.

2. Нарушения в области детско-родительских отношений:

2.1. Защита прав и интересов усыновителей и усыновленных в случае разглашения тайны усыновления ребенка. Статья 139 СК РФ прямо не предусматривает подобной меры защиты, однако, следуя правилам ст. 150 ГК РФ, личная и семейная тайна входят в перечень личных неимущественных прав граждан и, следовательно, могут быть защищены подобным образом².

2.2. Защита прав ребенка на надлежащее воспитание обоими родителями (лицами, их заменяющими). Возможность применения компенсации морального вреда в рамках нарушения указанных прав ребенка, по нашему мнению, не должна вызывать сомнений, в том числе в силу того, что право на воспитание является личным неимущественным правом ребенка.

3. Защита права добросовестного родителя или иного лица, с которым проживает ребенок, на получение алиментов. По мнению И.Р. Альбикова и С.Н. Тагаевой, нравственные страдания в данном случае могут быть связаны с чувствами обиды, унижения, переживаний из-за недостаточной материальной обеспеченности ребенка, а также возникновением проблем со здоровьем, связанных с необходимостью изыскания дополнительных источников дохода, достаточного для содержания ребенка. С точки зрения Е.А. Усачевой, невозможно разграничить моральный вред, причиненный получателю алиментов и его представителю. Не возражая против сложности разделения морального вреда получателя алиментов и его представителя, заметим, однако, что оба эти лица по-своему ощущают нравственные страдания от вышеуказанного нарушения, следовательно, они оба могут быть признаны потерпевшими, имеющими право на соответствующую компенсацию.

4. Защита прав членов семьи при причинении вреда жизни или здоровью супруга или близкого родственника. Рассматриваемую категорию следует признать в большей мере результатом нарушения гражданских прав. Вместе с тем рассмотрение ее в плоскости семейного права связано с несомненным причинением нравственных и физических страданий родителю, супругу или иному близкому родственнику потерпевшего. Суды удовлетворяют требования супруга о компенсации ему морального вреда при причинении вреда жизни, здоровью второго супруга. К примеру, разрешая спор и удовлетворяя частично исковые требования супруги о взыскании компенсации морального вреда в связи с причине-

нием тяжкого вреда здоровью ее супругу вследствие несчастного случая на производстве, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что истцу были причинены нравственные страдания, вызванные тяжелой травмой близкого ей человека (супруга), который в связи с полученными травмами требует постоянного ухода, заботы и внимания; истец испытывает стресс и переживания из-за случившегося, семья лишена возможности вести обычный образ жизни, в связи с физическим состоянием супруга изменилось качество их жизни⁴.

При причинении вреда жизни одного из супругов суд также подтверждает право второго супруга на компенсацию морального вреда в связи с тем, что смерть супруга является необратимым обстоятельством, нарушающим психическое благополучие, а также неимущественное право второго супруга на родственные и семейные связи. Утрата супруга, безусловно, является тяжелейшим событием, неоспоримо причинившим нравственные страдания, и должно рассматриваться в качестве переживания, влекущего состояние стресса и эмоционального расстройства, препятствующего социальному функционированию и адаптации лица к новым жизненным обстоятельствам¹¹.

Размер компенсации морального вреда в случаях причинения вреда жизни супругу или иному члену семьи должен определяться с учетом всех обстоятельств произошедшего, личности потерпевшего, причинителя вреда и иных застуживающих внимания обстоятельств, к которым следует отнести степень родства членов семьи, способы общения, факт совместного проживания, уровень межличностных отношений, период нахождения в браке, возраст супругов и иных членов семьи, наличие возможно-

сти завести в будущем детей или вступить в новый брак и др.

Принимая во внимание вышеизложенное, считаем необходимым представить следующую структуру правоотношений с участием членов семьи, нарушение которых должно влечь компенсацию морального вреда (рис. 1):

Анализ судебной практики показывает, что супруги (бывшие супруги) часто обращаются в суд с иском о компенсации морального вреда, считая, что их личные неимущественные права нарушены, в том числе: супружеской изменой; рождением ребенка, отцом которого супруг не является; препятствованием установленному порядку общения с ребенком; разделом имущества или незаконным использованием общего имущества и др.

Несмотря на то, что истцы указывают на моральные, нравственные страдания, обосновывают их, суды отказывают в удовлетворении требований о компенсации морального вреда. Отказ в связи с супружеской изменой, как правило, связан с тем, что вопросы интимных (сексуальных) взаимоотношений между супругами, их взаимные права и обязанности в данной сфере законодательством не урегулированы. Данные вопросы должны решаться супругами в порядке личной договоренности, с учетом их представлений о морали и нравственности, религиозных убеждений супругов и т. д. Поскольку вопрос супружеской неверности законодательством не урегулирован, то нарушение супружеской верности не может являться основанием для взыскания компенсации морального вреда⁷. Действующим семейным законодательством не предусмотрена правовая защита исполнения домашних (супружеских) обязанностей, супружеской верности и нерасторжимости брачных отношений.

Рис. 1. Структура правоотношений с участием членов семьи, нарушение которых должно влечь компенсацию морального вреда

Права на неприкосновенность частной жизни, личную тайну, половую свободу, свободу межличностных отношений сохраняются за каждым супругом и в период нахождения их в браке и не могут быть ограничены⁹.

Вопрос о взыскании компенсации морального вреда в связи с рождением ребенка, отцом которого супруг не является, также судами решается не в пользу истцов. К примеру, отказывая в удовлетворении исковых требований о компенсации морального вреда, суд исходил из того, что «при рассмотрении данного спора истец не смог указать, какое нематериальное благо было нарушено ответчиком. При этом для возникновения у недобросовестного супруга обязанности компенсировать причиненный моральный вред должно быть доказано наличие всех необходимых оснований ответственности за его причинение. При этом доказательств измены со стороны ответчика суду не представлено»⁵.

Подводя итог настоящего исследования, хотелось бы отметить следующее. Компенсация морального вреда (нравственных и физических страданий гражданина) предусмотрена за нарушение его личных прав и других нематериальных благ, а также в иных случаях, предусмотренных законом. В соответствии с нормами Семейного кодекса РФ к регулированию семейных правоотношений могут быть применены нормы гражданского законодательства. Таким образом, нормы о компенсации морального вреда могут быть использованы как способ защиты и при нарушении неимущественных прав супругов (решение семейных вопросов, совместное воспитание детей и т. д.), неимущественных прав детей (право на надлежащее воспитание родителями).

Поскольку гражданское законодательство не устанавливает запрета на компенсацию морального вреда при нарушении имущественных прав, а ключевым моментом компенсации является причинение нравственных и физических страданий, считаем необходимым распространить возможность применения данной меры ответственности при неуплате алиментов (нарушение родителем алиментной обязанности).

Принимая во внимание тот факт, что семейные отношения носят фидуциарный (лично-доверительный) характер, считаем, что нарушение со стороны члена семьи, влекущее применение компенсации морального вреда, должно рассматриваться как отягчающее обстоятельство и повышать ее размер. Кроме того, рассматриваемая характеристика семейных отношений должна влиять и на возможность и размер взыскания морального вреда в пользу супруга либо близкого родственника лица, жизни и здоровью которого был причинен вред. Компенсация морального вреда как мера ответственности в полной мере применима при защите семейных прав, а предоставление

супругам такой возможности сейчас зависит только от законодателя.

Примечания

¹ О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 12.03.2024).

² О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 12.03.2024).

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 06 сентября 2022 по делу № 33-26304/2022 // Краснодарский краевой суд РФ. URL: https://kraevoi--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=bc07a901-d03c-4eca-97e4-4cbaf61a042c&_deloId=5&_caseType=0&_new=0&_doc=1&srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 12.03.2024).

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Кемеровского областного суда от 13 мая 2021 по делу № 33-4072/2021 // Кемеровский областной суд. URL: https://oblsud--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=56947100&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 12.03.2024).

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 14 июня 2012 по делу № 33-6514/2012 // Ростовский областной суд. URL: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6162720&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 11.03.2024).

⁶ Решение Всеволожского городского суда Ленинградской области от 28 мая 2018 по делу № 2-1935/2018 // Всеволожский городской суд Ленинградской области. URL: https://vsevgorsud--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=256962957&case_uid=a90594aed309-4fa6-810b-aa167a84ec53&delo_id=1540005 (дата обращения: 12.03.2024).

⁷ Решение Интинского городского суда Республики Коми от 26 июля 2017 по делу № 2-2766/2017 // Интинский городской суд Республики Коми. URL: https://intasud--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=13598464&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 11.03.2024).

⁸ Решение Кореновского районного суда Краснодарского края от 13 мая 2022

по делу № 2-496/2022 // Кореновский районный суд Краснодарского края. URL: https://korenovsk-krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=90122917&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 11.03.2024).

⁹ Решение Ленинского районного суда г. Новосибирска от 29 апреля 2011 по делу № 2-2389/2011 // Ленинский районный суд города Новосибирска. URL: https://leninsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14698522&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 11.03.2024).

¹⁰ Решение Одинцовского городского суда Московской области от 15 декабря 2021 по делу № 2-9898/2021 // Одинцовский городской суд Московской области. URL: https://odintsovo--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=574800809&case_uid=ce15328b-3c4d-46a6-802c-0067931857e0&delo_id=1540005 (дата обращения: 11.03.2024).

¹¹ Решение Сеgezского городского суда Республики Карелия от 13 декабря 2018 по делу № 2-1515/2018 // Сеgezский городской суд Республики Карелия. URL: https://segezhsky-kar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=86580730&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 12.03.2024).

Список литературы

Альбинов И.П. Проблемы компенсации морального вреда в сфере алиментных отношений // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 15–18.

Даниленков А.В. Компенсация морального вреда в семейных правоотношениях // Закон. 2015. № 7. С. 154–159.

Елисева А.А. Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве Российской Федерации: автор. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 24.

Малеина М.Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан // Журнал Российского права. 2015. № 5. С. 59–73.

Матанцев Д.А. Возмещение вреда как санкция в семейном праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 82–86.

Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой ответственности и семейно-правовой ответственности в семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. С. 7.

Тагаева С.Н. К проблеме компенсации морального вреда в семейном праве // Вестник Пермско-

го университета. Юридические науки. 2012. Вып. 1. С. 157–164.

Усачева Е.А. Ответственность плательщика алиментов за ненадлежащее исполнение алиментного соглашения: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 115–116.

Чичерова Л.Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 24.

Шершень Т.В. О теоретической возможности и практической применимости компенсации морального вреда при защите семейных прав // Судья. 2017. № 6. С. 35–37.

Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. Москва: Волтерс Клувер, 2004. 304 с.

Яфизова Э.Н. Частноправовая защита семейных прав по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. С. 25.

References

Al'bikov I.R. *Problemy kompensacii moral'nogo vreda v sfere alimentnyh otnoshenij* [Problems of compensation for moral damage in the field of alimony relations]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process* [Arbitration and civil procedure], 2017, No. 3, pp. 15-18. (In Russ.)

Chicherova L.E. *Otvetsvennost' v semejnom prave: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Responsibility in family law: issues of theory and practice PhD thesis, summary]. Krasnodar, 2004, 24 p. (In Russ.)

Danilenkov A.V. *Kompensacija moral'nogo vreda v semejnyh pravootnoshenijah* [Compensation for moral harm in family relations]. *Zakon* [Law], 2015, No. 7, pp. 154-159. (In Russ.)

Elioseva A.A. *Pravovoe regulirovanie lichnyh neimushhestvennyh otnoshenij v semejnom prave Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of personal non-property relations in family law of the Russian Federation: PhD thesis, summary]. Moscow, 2008, 24 p. (In Russ.)

Jerdelevskij A.M. *Kompensacija moral'nogo vreda: analiz i kommentarij zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki* [Compensation for moral damage: analysis and commentary of legislation and judicial practice]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2004, 304 p. (In Russ.)

Jafizova Je.N. *Chastnopravovaja zashhita semejnyh prav po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [Private law protection of family rights under the legislation of the Russian Federation: PhD thesis, summary]. Ul'janovsk, 2020, 25 p.

Maleina M.N. *Sistema kriteriev opredelenija kompensacii neimushhestvennogo vreda kak sposoba zashhity*

grazhdanskij, semejnyh i trudovyh prav grazhdan [System of criteria for determining compensation for non-property damage as a way to protect civil, family and labor rights of citizens]. *Zhurnal Rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2015, No. 5, pp. 59-73. (In Russ.)

Matancev D.A. *Vozmeshhenie vreda kak sankcija v semejnom prave* [Compensation for harm as a sanction in family law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2017, No. 5, pp. 82-86 (In Russ.)

Sidorova S.A. *Voprosy primeneniya mer grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti i semejno-pravovoj otvetstvennosti v semejnom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Issues of application of measures of civil liability and family liability in family law: PhD thesis, summary]. Volgograd, 2007, 17 p. (In Russ.)

Tagaeva S.N. *K probleme kompensacii moral'nogo vreda v semejnom prave* [On the problem of compensation for moral harm in family law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* [Bulletin of the Perm

University. Legal sciences], 2012, vol. 1, pp. 157-164 (In Russ.)

Usacheva E.A. *Otvetstvennost' platel'shhika alimentov za nenadlezhashhee ispolnenie alimentnogo soglashenija: problemy teorii i praktiki* [Responsibility of an alimony payer for improper performance of an alimony agreement: problems of theory and practice]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Current problems of Russian law], 2015, No. 9, pp. 115-116. (In Russ.)

Shershen' T.V. *O teoreticheskoj vozmozhnosti i prakticheskoj primenimosti kompensacii moral'nogo vreda pri zashhite semejnyh prav* [On the theoretical possibility and practical applicability of compensation for moral harm in the protection of family rights]. *Sud'ja* [Judge], 2017, No. 6, pp. 35-37 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 258–259. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 30, № 1, pp. 258–259. ISSN 1998-0817

Рецензия на книгу

УДК 811.161.1

EDN JOXBLU

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-258-259>

Т.В. БАХВАЛОВА «РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ» (ОРЁЛ, 2024) – КНИГА ДЛЯ ТЕХ, КОГО ИНТЕРЕСУЕТ РОДНОЙ ЯЗЫК

Рец. на кн.: Бахвалова Т.В. Русская диалектология: территориальные диалекты и структура национального языка: учебное пособие. Орёл: ООО «Горизонт», 2024. 68 с. [РД 2024].

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Book Review

Т.В. BAKHVALOVA «RUSSIAN DIALECTOLOGY» (ORYOL, 2024) – A BOOK FOR THOSE INTERESTED IN NATIVE RUSSIAN LANGUAGE

Review of the book: Bakhvalova T.V. The Russian dialectology: territorial dialects and structure of the national language: a textbook. Oryol: Horizon Ltd, 2024. 68 pp.

Nina S. Gantsovskaya, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Возникает вопрос: нужно ли изучать русские диалекты, ведь сейчас все поголовно грамотны, и вообще есть ли они, эти диалекты, поскольку деревенского люда почти не осталось, где искать эту «живую старину» и для каких целей?

Изучать диалекты, безусловно, нужно, и они, конечно, живы и очень долго будут жить и как живая повседневная речь, и в воспоминаниях людей, и в художественной литературе и публицистике. Ими, как говорил Владимир Даль, надо подорожить, это родные дети русского языка. На самом же деле, я бы сказала, что это не дети, это родители русского языка, его корни, его обширнейшая питательная база, которая обеспечивает ему национальное своеобразие и выделяет среди родственных и неродственных языков как феномен, несравненное явление. Ведь сначала появляются диалекты, потом они объединяются в наречия, и – затем только возникают на их базе отдельные языки. Стандартную часть языков, годную для общего употребления внутри этноса и вне его, при контактах с носителями других языков (особенно для нужд дипломатии), у нас называют литературным языком. Он вырабатывается позже, при большем или меньшем участии в его формировании местных ресурсов, то есть диалектов. Литературный язык принято называть «высшей формой существования национального языка», но он не всегда достоин такой похвалы. Великолепный литературный язык в Рос-

сии создали писатели-классики в пушкинский и послепушкинский период именно потому, что любили русский народ и использовали его богатую и выразительную речь.

Т.В. Бахвалова – известный в России диалектолог и ономаст, доктор филологических наук и профессор, инициатор и главный редактор «Словаря орловских говоров», автор многих трудов по диалектологии и современному русскому литературному языку, много лет преподаёт в Орловском университете, прекрасно знает не только орловские, но также и севернорусские говоры, потому что родом из Череповца. Свою любовь к русским диалектам и именам собственным, к И.С. Тургеневу и писателям-орловцам с краеведческими мотивами в их творчестве удалось передать Татьяне Васильевне многочисленным своим ученикам и последователям.

Одно из последних её произведений – реферируемая здесь книга, фрагмент более обширного пособия по русской диалектологии для студентов, но оно может быть использовано и в школе. «Изучение живых народных говоров способствует познанию национального языка как единого целого, объединяющего в себе литературный язык, просторечие, социальные и территориальные диалекты. <...> Знание диалектных особенностей... помогает глубокому усвоению таких лингвистических дисциплин, как «Историческая грамматика», «История литературного язы-

ка», «Современный русский язык», «Филологический анализ текста», «Лингвистическое краеведение» и др.» [РД 2024: 4]. Пособие ориентировано на знакомство студентов с общими вопросами диалектологии, в нём показано место территориальных диалектов в структуре национального русского языка, «особое внимание уделено рассмотрению вопроса о роли территориальных диалектов в формировании русского языка и его высшей формы – литературного языка [РД 2024: 4].

Кроме «Предисловия», пособие содержит ряд теоретических разделов: «Национальный русский язык и его разновидности»; «Территориальные диалекты и литературный язык»; «Основные единицы диалектного членения русского языка»; «Диалект. Взгляды учёных на сущность территориальных диалектов»; «Структура диалекта: общенародное и индивидуальное»; «Роль территориальных диалектов в формировании русского национального языка». Кроме того, в учебнике есть «Задания к практическим занятиям» и «Вопросы самопроверки». Завершает работу список литературы, где упомянуто и одно из костромских изданий, и перечень словарей с их условными обозначениями.

Безусловно, данная книга – заметное событие в области филологического изучения русского языка в учебных целях не только в вузе, но и в школе, и просто в индивидуальном порядке для всех интересующихся краеведением и любящих родной язык.

Костромские диалектологи также в текущем году готовят для издания и переиздания в связи с грядущим праздником 80-летия нашей области ряд сочинений из области филологического краеведения – научного, учебного и общепознавательного плана.

Будет переиздана монография Н.С. Ганцовой «Лексика говоров Костромского акающего остров. Проблемы типологии», её учебное пособие для вузов и школы «Костромские говоры» с описанием костромских говоров, приложением хрестоматии говоров на территории Костромской области, образцом анализа диалектного текста и Краткого костромского областного словаря «Живое костромское слово». Будут изданы два новых словаря Н.С. Ганцовой, один обширный тематический про костромскую деревенскую еду на основе хрестоматийных текстов, другой – небольшой авторский словарь, посвящённый говорам некрасовских мест по материалам очерков двадцатых годов прошлого века В.Я. Шишкова. Впервые будут изданы «Словарь костромской географической лексики», составленный Г.Д. Негановой, «Словарь диалектной лексики по произведениям Н.А. Некрасова» И.Ю. Малышевой, коллективная монография в двух частях, посвящённая костромским говорам и ономастике на основе полевых исследований и наблюдений над народной речью деятелей костромских научных обществ, писателей, связанных с костромским краем (А.О. Аблесимова, А.Н. Островского, Н.А. Некрасова, Е.В. Честнякова, И.М. Касаткина) и др. Авторами последней являются И.П. Верба, Е.Г. Веселова, Н.С. Ганцовская, Л.А. Дмитрук, И.Ю. Малышева, Г.Д. Неганова, С.В. Окуловская, Т.В. Осипенко (Горлова), Е.В. Цветкова. На очереди издание материалов IV Громовских чтений, с успехом прошедших в КГУ в сентябре 2023 года и посвящённых столетнему юбилею известного мантуровского учителя-краеведа А.В. Громова и тридцатилетию выхода в свет его знаменитого «Льняного словаря».

МАРИЙСКИЙ РОМАН В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ XX–XXI ВЕКОВ

Рец. на кн.: Марийский роман: история и поэтика: коллектив. монография / Т.Н. Беляева, Р.А. Кудрявцева, Г.Е. Шкалина и др.; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»; сост. Т.Н. Беляева. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2023. 154 с.

Хабибуллина Флёра Яхиятовна, кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Иванова Ираида Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Book Review

THE MARI NOVEL IN THE HISTORICAL-LITERARY AND NATIONAL-CULTURAL CONTEXT OF THE 20TH – 21ST CENTURIES

Review of the book: The Mari novel: history and poetics: compilation. monograph / Tatyana N. Belyaeva, Raisia A. Kudryavtseva, Galina E. Shkalina, etc. Yoshkar-Ola, 2023, 154 p.

Flera Ya. Khabibullina, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Mari El autonomy, Russia, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Iraida G. Ivanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Mari El autonomy, Russia, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Коллективная монография, подготовленная учёными Республики Марий Эл, впервые в региональной литературной науке представляет историю формирования, становления и развития жанра романа в марийской художественной словесности. В книге выявлены основные закономерности его развития с актуализацией проблем динамики жанрового содержания, поэтики и этнопоэтики. Научная проблематика монографии охватывает реальное развитие марийского романа и отражает художественную картину мира народа мари (тематика, проблематика, идейный мир), поэтику и типологию характеров персонажей, внутрижанровую типологию, фольклорно-этнографическую основу марийского романа и его фольклорный интертекст.

Жанр марийского романа характеризуется авторами как самобытное явление в общем историко-литературном и национально-культурном контексте XX–XXI веков. В его изучении применён комплексный подход, который проявляется в рассмотрении как истории, так и современного состояния марийского романа; в выстраивании историко-литературной картины жанра и его теоретической истории; в анализе универсальных и национально-специфических аспектов жанрового содержания марийского

романа; в исследовании поэтики жанра на всех ключевых уровнях текста.

Авторами выработаны теоретико-методологические позиции для исследования истории и поэтики жанра романа в марийской литературе, базирующиеся на следующих принципах и подходах: социально-историческом принципе объяснения природы жанра, его генезиса и динамики; типологическом подходе к изучению функционирования жанра романа в марийской литературе; поэтологическом принципе и связанном с ним структурно-семантическом методе исследования марийского романа; соединении в романной структуре универсальных формально-содержательных и этнопоэтических черт; отражении как особенностей историко-литературного процесса, так и самобытности самого художника-романиста.

Монографическое исследование включает три главы.

Первая часть «Марийский роман на этапе формирования жанровой структуры» анализирует его на материале первого марийского прозаического произведения «Вурс мардеж» («Стальной ветер») Никона Игнатьева. Определены особенности поэтики женских образов в романе Шабдара Осыпа «Ўдырамаш корно» («Путь женщины»). Фольклорно-этнографи-

ческий компонент в художественной структуре раннего марийского романа представлен на основе произведения Сергея Чавайна «Элнет», который стал также источником для изучения марийских народных песен в художественной структуре романа. Паремно-логический уровень выступил в качестве фольклорного интертекста описываемого романа. Отдельные параграфы посвящены этнографизмам в романах Никона Игнатьева и роли фольклора в формировании жанра сатирического романа.

Материал второй части «Послевоенный марийский роман (тематика, проблематика, поэтика)» описывает опыт романного творчества Никандра Лекайна: трилогию «Күртнӧ вий» («Железная воля»), «Кугу сарын тулыштыжо» («В огне великой войны») и «Кугезе мланде» («Земля предков»); поэтику романов Дим. Орая «Тўтыра вошт» («Сквозь туманы»), Вениamina Иванова «Тўтан» («Буря»), основанных на проблематике и поэтике «военного» романа.

В третьей части «Особенности развития романа в современной марийской литературе» выявлены специфика жанрового содержания, ценностные составляющие проблематики и идейного мира романов Леонида Яндака, Ёывана Осмина «Кава ден мланде коклаште» («Между небом и землёй»), Михаила Павлова «Пўрымаш» («Судьба»). Проблемы жанровой поэтики (психологизма) изучены на базе романов Марии Илибаевой «Кугу тўня – шыгыр тўня» («Велик мир – тесен мир»), Валерия Бердинского «Тыймылам, мый – тылат» («Ты – мне, я – тебе»).

Три части монографии соотнесены с тремя основными этапами в развитии романного жанра в марийской литературе: формированием жанровой структуры романа; становлением романа как жанра в послевоенный период, охватывающий середину 1950-х – первую половину 1980-х годов; развитием жанрового содержания и жанровой поэтики романа на современном этапе. Выбранная для монографии конкретная научная проблематика отражает реальное развитие марийского романа и максимально коррелирует с обозначенными теоретико-методологическими подходами. Каждый этап в развитии романного жанра в марийской литературе, романное творчество отдельного писателя и любое романное произведение рассматривается в работе как конкретно-исторический факт, явление своего времени и в контексте многообразия творческих индивидуальностей. Такой подход вызвал широкое обращение исследователей к первым романным опытам марийских писателей: С. Чавайна, М. Шкетана, Ш. Осыпа, Н. Игнатьева, творчество которых в марийском литературоведении всегда соотносилось с развитием социалистического реализма. Анализ в рамках выбранной теоретико-методологической позиции дополняет этот подход широким вниманием к фольклорно-этно-

графической основе марийского романа, определившей национальную специфику его жанрового содержания и жанровой поэтики.

Выбранная для монографии конкретная научная проблематика отражает реальное развитие марийского романа. Так, художественная картина мира (тематика, проблематика, идейный мир), поэтика и типология характеров персонажей нашла наиболее полное отражение в романах классиков марийской литературы: Никона Игнатьева, Шабдара Осыпа, Сергея Чавайна, Никандра Лекайна, Дим. Орая, Вениamina Иванова, а также некоторых современных авторов: Марии Илибаевой, Леонида Яндака, Ёывана Осмина, Михаила Павлова и др. Внутрижанровая типология марийского романа в контексте динамики его поэтики и с точки зрения доминирующих признаков содержания и формы освещена в следующих подвидах марийского романа: социально-нравственном («Элнет» С. Чавайна), социально-бытовом («Железная воля» и «Земля предко предков» Н. Лекайна, «Сквозь туманы» Дим. Орая), социально-философском («Ты – мне, я – тебе» В. Бердинского), нравственно-психологическом («Велик мир – тесен мир» М. Илибаевой), историко-легендарный («Чоткар», «Мамич Бердей» и «Онар» Л. Яндака), документальном («Между небом и землёй» Ёывана Осмина), сатирический («Савик» Н. Игнатьева), военном («В огне великой войны» Н. Лекайна, «Буря» В. Иванова), романе-биографии («Путь женщины» Шабдара Осыпа, «Судьба» М. Павлова) и др. Фольклорно-этнографическая основа марийского романа и фольклорный интертекст на разных этапах его развития наиболее рельефно выступает в классических и современных романах («Элнет» С. Чавайна, «Между небом и землёй» Ёывана Осмина и др.).

Исследование истории формирования и становления романного жанра позволило авторам монографии проследить систему ценностных представлений и смыслов марийского народа (аксиологию), национальную идентичность и систему принципов, приемов и средств выражения этих смыслов (поэтику), смену общенациональных ценностей, специфику ментального и личностного восприятия этих ценностей, что позволяет говорить о них и как об этнокультурных и индивидуально-художественных концептах.

Установка на комплексность исследования позволила соединить историко-литературный и поэтологический аспекты исследования жанра, акцентировала внимание на универсальных и этнопоэтических чертах, рассматриваемых в диахроническом и синхронном планах, а также в контексте развития всей марийской прозы XX–XXI веков.

Авторами коллективной монографии являются преподаватели и ученые Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола): Раисия Алек-

сеевна Кудрявцева – доктор филологических наук, профессор; Галина Евгеньевна Шкалина – доктор культурологии, профессор; Татьяна Николаевна Беляева – кандидат филологических наук, доцент; Надежда Васильевна Гусева – кандидат филологических наук, доцент.

В работе исследователями установлено, что к настоящему времени марийский роман приобрёл в марийской литературе статус отдельного художественного жанра, поскольку он, как доказано в монографии, обладает комплексом устойчивых романских признаков на всех уровнях художественного текста, имеет

многообразные жанровые подтипы с доминированием в них разных форм и стилей. Осуществлено изучение современного марийского романа в разных научных плоскостях. Прделанный труд представляет собой значительный вклад в развитие марийской национальной словесности, открывая новые перспективы для дальнейших научных исследований по истории и поэтике марийской литературы.

Книга адресована научным работникам, преподавателям вузов, докторантам, аспирантам, студентам и всем интересующимся вопросами марийской литературы.

ГЕНЕЗИС УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ В НАУЧНЫХ РАБОТАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Луганской Народной Республики, профессор кафедры теории и истории государства и права, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия; научный руководитель кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции, г. Донецк, Россия

Scientific survey

JURIDICAL AND STATEHOOD DOCTRINES GENESIS IN THE SCIENTIFIC WORKS OF THE RESEARCHERS OF NIZHNY NOVGOROD SCHOOL OF LAW

Vladislav V. Gruzdev, Doctor of Jural Sciences, Professor, Honoured Lawyer of Lugansk People's Republic; Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kostroma State University, City of Kostroma, Russia; scientific supervisor of the Department of Theory and History of State and Law, Donbass University of Law, City of Donetsk

Год 2023-й оказался весьма плодотворным для деятельности московского издательства «Открытый текст» и его научно-практического сотрудничества с молодыми учеными юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

За этот период вышла в свет серия научных работ преподавателей кафедры теории и истории государства и права – членов Нижегородского регионального отделения Ассоциации историков права, – выполненных индивидуально и в соавторстве монографий и учебных пособий Безносовой Я.В., Горбунова М.Д., Калининой Е.В., Крымова А.В., Романовской В.Б., Романовской Л.Р., Силантьевой В.А., Федюшкиной А.И.

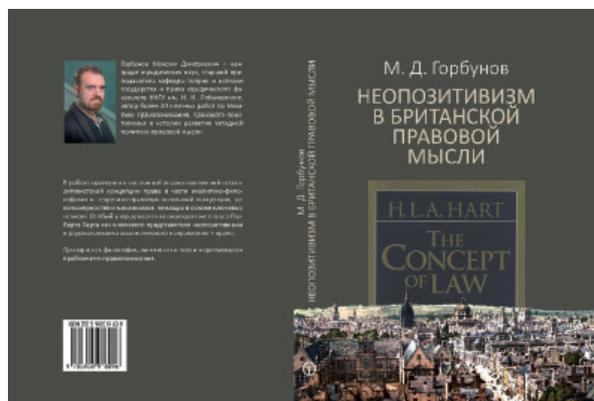
Обращает на себя внимание качественное оформление книг, выполненное на самом высоком художественном уровне. Обложки монографий отражают содержание работы и настраивают читателя на определенное восприятие материала. Иллюстрации, содержащиеся в изданиях, создают правильную атмосферу, позволяющую образно понимать сложный научный материал и исторический контекст работы.

Среди выпущенных издательством монографий следует отметить исследование кандидата юридических наук, старшего преподавателя кафедры теории и истории государства и права ННГУ им. Н.И. Лобачевского Максима Дмитриевича Горбунова (рис. 1).

В работе «Неопозитивизм в британской правовой мысли» автор обращается к исследованию правового неопозитивизма через призму политико-правовых идей Герберта Харта в контексте развития западноевропейской политико-правовой мысли и становления аналитической традиции в праве для целей разви-

тия современной отечественной юридической науки и обеспечения пробела в правовом знании об англосаксонской правовой мысли. Автор подробно исследует аналитико-философские и теоретико-правовые предпосылки неопозитивизма, рассматривает основные положения неопозитивистской концепции права Герберта Харта, выразившиеся в совокупности методологических, теоретических и практических идей автора в сфере гносеологии, онтологии и аксиологии права, определяет статус концепции Харта как основополагающей для аналитической юриспруденции и оценке ее влияния на развитие юридической науки за пределами неопозитивизма.

В заключении работы делается общий вывод о том, что самоценность положений концепции Герберта Харта находится на столь высоком уровне,

Рис. 1. Обложка книги М.Д. Горбунова «Неопозитивизм в британской правовой мысли»

что и сегодня остается в поле пристального внимания мировой науки. Неопозитивистская концепция права расширяет поле научной дискуссии в рамках правового позитивизма и вносит вклад в развитие широкого плюралистичного подхода в праве, что является актуальным для российской науки и практики. В конечном счете Герберт Харт стал одним из первых современных правоведов, поставив разделительную черту между классическим правопониманием и актуальной правовой наукой. Правовое наследие Харта выходит далеко за рамки положений самой авторской концепции, поскольку благодаря ему было сформировано одно из ведущих современных направлений в правопонимании – аналитическая юриспруденция.

Ещё одной публикацией сотрудников кафедры теории и истории государства и права стала коллективная монография доктора юридических наук, профессора, заведующей кафедрой теории и истории государства и права ННГУ им. Н.И. Лобачевского Веры Борисовны Романовской и кандидата юридических наук, доцента кафедры теории и истории государства и права ННГУ им. Н.И. Лобачевского Яны Викторовны Безносовой под названием «Древнеиндийские дхармашастры» (рис. 2). Авторы обращаются к проблеме предпосылок появления в Древней Индии религиозно-этических и правовых трактатов – дхармашастр, представляя развёрнутую характеристику контекста эпохи составления данных памятников. Находясь в русле традиции религиозно-этической литературы, дхармашастры тем не менее её не исчерпывали, поэтому авторы приводят характеристику и иных источников нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии, которые предшествовали складыванию дхармашастр. Отдельное внимание уделяется в монографии проблемам религиозно-нравственных оснований права и религиозных основ социально-правового неравенства в брахманской концепции сословного (варново-

го) устройства индийского общества. Значительная часть исследования посвящена нашедшим отражение в древнеиндийских шастрах вопросам правового регулирования отдельных сфер общественных отношений: вещных, обязательственных, брачно-семейных, наследственных, уголовных, процессуальных.

Публикацией, отражающей достижения научной школы религиозного права кафедры теории и истории государства и права ННГУ им. Н.И. Лобачевского стала также монография доктора юридических наук, профессора кафедры теории и истории государства и права ННГУ им. Н.И. Лобачевского Евгении Валерьевны Калининой «Социально-правовое учение иудаизма в танахической и талмудической динамике» (рис. 3).

В книге раскрывается соотношение универсальной идеи справедливости и атрибутов морально-ценностной системы отдельно взятого общества на примере иудейского традиционализма.

В названии произведения отражена специфика методологического подхода автора: наряду с привычным разбором социальных и правовых институтов, статичности императивных и незыблемых предписаний Пятикнижия, представлена динамика трансформации иудаизма от ветхозаветного к танахическому, с неизбежной модификацией ценностной системы еврейского общества.

В процессе анализа древнеиудейского учения о личности, обществе и государстве автор выявляет потенциал религиозно-правовых учений в формировании мировоззренческих ориентиров, укреплении жизнеспособности и солидарности традиционных национальных сообществ.

В 2023 году коллективом кафедры теории и истории государства и права ННГУ им. Н.И. Лобачевского в составе Яны Викторовны Безносовой, Андрея Владимировича Крымова, Веры Борисовны Романовской, Любавы Ростиславовны Романовской, Викто-

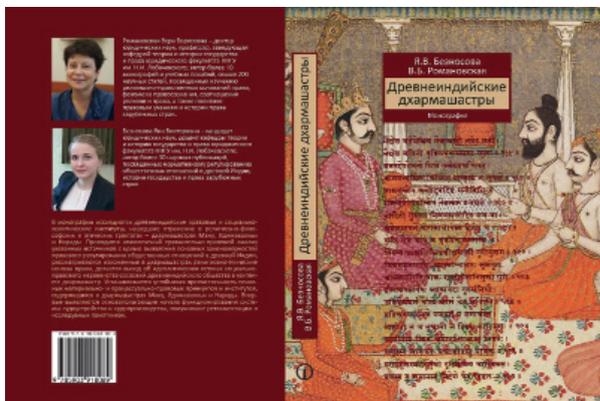

Рис. 2. Обложка книги В.Б. Романовской и Я.В. Безносовой «Древнеиндийские дхармашастры»

Рис. 3. Обложка книги Е.В. Калининой «Социально-правовое учение иудаизма в танахической и талмудической динамике»

Рис. 4. Обложка хрестоматии «Государство и право Древнего Востока»

рии Александровны Силантьевой и Арины Игоревны Федюшкиной было положено начало изданию многотомного учебного пособия – хрестоматии по истории государства и права зарубежных стран. На сегодняшний день в издательстве «Открытый текст» в свет вышел первый том указанной хрестоматии – «Государство и право Древнего Востока», в котором собраны основные юридические памятники таких стран, как Древний Египет, Древний Вавилон, Древняя Индия, Древний Китай и Древняя Иудея (рис. 4).

Содержащиеся в хрестоматии тексты правовых источников призваны способствовать более глубокому изучению политических и правовых институ-

тов указанных государств. Ряд материалов опубликован в качестве хрестоматийного впервые. Каждый раздел издания открывает вступительная статья, посвященная общей характеристике источников права изучаемого государства или региона, после которой следуют глоссарий и тексты источников права. В связи с тем, что «История государства и права зарубежных стран» является одной из важнейших дисциплин, входящих в учебный план юридических факультетов российских высших учебных заведений, усвоение данного курса невозможно без внимательного анализа правовых источников каждого государства, чьи политико-правовые институты являются главным предметом изучения указанной дисциплины.

Издательство строго следит за качеством оформления сносок и корректностью цитирования, правильностью библиографического материала и соблюдением прав авторов иллюстративного материала. Монографии, вышедшие с авторским знаком «Открытого текста», могут послужить образцом верного оформления научных работ в соответствии с действующим ГОСТом.

Сотрудничество издательского коллектива с учеными университета стимулирует обе стороны к развитию своей профессиональной деятельности и эффективному продвижению новых идей и проектов на российский читательский рынок, выпуск новых значимых учебных книг, удовлетворяя самый взыскательный вкус.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г.: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**и.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Борилев синодик. София: Паблшинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛЮ, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “Gorestnaja profanacija” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskiy sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskiy mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2024 – Т. 30 – № 1

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 20.05.2024.
Дата выхода в свет 02.08.2024.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 34,0.
Уч.-изд. 35,4 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 83.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 63-49-00 (доб. 3130).**
Адрес электронной почты: **vestnik@ksu.edu.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.ksu.edu.ru>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна